Digitized by Google

PRESERVATION
MICROFILM
AVAILABLE

Digitized by Google

ПРОТИВЪ ВОЙНЫ.

(DIE WAFFEN NIEDER!)

РОМАНЪ ИЗЪ ЖИЗНИ.

Берты фонъ-СУТТНЕРЪ.

СЪ РАЗРѢШЕНІЯ АВТОРА

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

Подъ редакціей и съ вступленіемъ

О. И. Булгакова.

ВТОРОЕ УЛУЧШЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Вереейская, 16.
1892.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

„ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ будетъ заключать наилучшія и наиболѣе интересныя произведенія иностранной литературы въ переводѣ на русскій языкъ, преимущественно вновь выходящія, но также появившіяся прежде, если они сохраняютъ свой интересъ, а именно:

1) Романы, повѣсти и всякаго рода произведенія художественной литературы.

2) Историческіе разсказы, біографіи, мемуары и всякаго рода очерки по исторіи культуры.

3) Путешествія, географическіе и нравоописательные очерки.

4) Смѣсь, анекдоты, извѣстія, объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкою и пересылкою:

на годъ—4 руб., на 6 мѣс.—2 руб. За границу на годъ 7 руб.

безъ доставки и пересылки:

на годъ—3 р. 50 к., на 6 мѣс.—1 р. 75 к.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ—въ Конторѣ журнала, Гостиный дворъ, Зеркальная линія, № 63, Магазинъ П. Ѳ. Пантелеева (противъ Пажескаго Корпуса); ВЪ МОСКВѢ: въ Конторѣ Н. Печковской и въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени»; ГГ. ИНОГОРОДНІЕ благоволятъ адресоваться въ Редакцію Вѣстника Иностранной Литературы“, С.-Петербургъ, Верейская ул., д. № 16, собственный.

За печатаніе объявленій взимается за одинъ разъ: за страницу 30 руб., за 1/2 страницы 17 р. 50 к., за 1/4 страницы 10 руб.; за печатаніе объявленій на обложкѣ цѣна увеличивается вдвое. На годовой абонементъ дѣлается скидка.

„Вѣстникъ Иностранной Литературы“ за **1891** годъ можно получать въ мѣстахъ подписки: безъ доставки: **въ С.-Петербургѣ**, въ Конторѣ Редакціи, за **3 р. 50 к.,—въ Москвѣ**, въ Конторѣ Печковской и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ и въ **Одессѣ**, въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ за 4 руб.; съ пересылкою изъ Спб. во всѣ города Россіи за **6 руб. 50 к.**

Редакторъ А. Н. Энгельгардтъ. Издатель Г. Ѳ. Пантелеевъ.

Нина Коткина
1919.

ПРОТИВЪ ВОЙНЫ.

(DIE WAFFEN NIEDER!)

РОМАНЪ ИЗЪ ЖИЗНИ.

Берты фонъ-СУТТНЕРЪ.

СЪ РАЗРѢШЕНІЯ АВТОРА

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

Подъ редакціей и съ вступленіемъ

О. И. Булгакова.

ВТОРОЕ УЛУЧШЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Верейская, 16.
1892.

Digitized by Google

Digitized by Google

PT
2533
S3
W37
1892

Вмѣсто предисловія.

Съ 1-го мая 1891 года весь материкъ Америки въ дѣлахъ политики подчинился рѣшеніямъ третейскаго суда. Это офиціальное провозглашеніе постояннаго мира явилось слѣдствіемъ панамериканскаго конгресса въ Вишингтонѣ въ апрѣлѣ 1890 г., гдѣ уполномоченные правительствъ отдѣльныхъ штатовъ приняли договоръ о третейскомъ судѣ. То, что до сихъ поръ было предметомъ спора о возможности и осуществимости идеи третейскаго суда, стало теперь уже фактомъ. Такое событіе не могло не оживить толковъ объ отвратительности войны. И эти толки теперь вовсе не единичное явленіе. По нѣмецки печатаются брошюры, составленныя въ духѣ ученія графа Л. Н. Толстого, съ христіанской точки зрѣнія отвергающаго войну и всякое кровопролитіе и доказывающаго противорѣчивость между требованіями истинной христіанской любви къ ближнему, которая ужасается при одной мысли о необходимости убивать или мучить человѣка, и существующими милитаризмомъ и вооруженнымъ миромъ. Даже тѣ, кто при нынѣшнихъ нравственныхъ и политическихъ условіяхъ считаетъ неизбѣжнымъ примѣненіе грубой силы, осуждаютъ софизмы, съ помощью которыхъ прославляются дѣянія кровопролитія. Послѣднія поддаются оправданію лишь весьма условно, въ тѣхъ случаяхъ, когда они устраняютъ еще большія и еще худшія проявленія насилія, когда они имѣютъ значеніе хирургическихъ операцій, которыя, причиняя боль устраненіемъ больного члена въ тѣлѣ, въ результатѣ спасаютъ отъ гибели весь организмъ. Но послѣдовательные моралисты и тѣ, кто искренно мечтаетъ о водвореніи мира на

Digitized by Google

землѣ, конечно, не могутъ мириться съ прославленіемъ какого-бы то ни было кровопролитія, какъ это зачастую встрѣчается въ произведеніяхъ эпоса, въ историческихъ сочиненіяхъ, въ романахъ и публичныхъ рѣчахъ. Вотъ почему и появляется теперь такъ много рѣшительныхъ протестовъ противъ войны, въ родѣ напечатаннаго недавно извѣстнымъ норвежскимъ писателемъ Бьернстіернъ-Бьернсономъ, въ формѣ предисловія къ брошюрѣ одного шведскаго автора «Законъ, а не война!»

Бьернсонъ рѣшительно возстаетъ противъ золъ войны. Дѣйствительно-ли,—спрашиваетъ авторъ,—муравьиное усердіе культурной работы прочнѣе результатовъ войны; дѣйствительно-ли оно можетъ преодолѣть тысячелѣтнее худшее изъ варварствъ—эти бойни между милліонами людей, эти рѣзни, ради которыхъ мы теперь вооружаемся? Большинство изъ насъ не могутъ повѣрить такому безпредѣльному счастью.

Война, какъ и миръ, имѣетъ свое начало въ душѣ человѣка. Войну нельзя уничтожить, не устранивъ самыхъ мыслей о войнѣ. И до сихъ поръ еще война изучается и почитается во всѣхъ школахъ, прославляется въ учебникахъ исторіи и въ патріотическихъ пѣсняхъ. Женщины ослѣпляются военной формой, военной музыкой, рыцарскими упражненіями. Этотъ дикій звѣрь дресируется съ большимъ искусствомъ, чтобы вводить насъ въ искушеніе. Если бы только двадцатая часть знаній, которыя теперь примѣняются для войны и ея приготовленій, были употреблены на то, чтобы посѣвать идеи мира въ душахъ дѣтей и матерей, то эта двадцатая часть одержала-бы гораздо бо̀льшія побѣды, чѣмъ всѣ науки о войнѣ, вмѣстѣ взятыя. Тогда-бы съ войной поступили такъ, какъ поступаютъ съ хищнымъ звѣремъ, который выскакиваетъ изъ лѣса и бросается на обработанную пашню. Люди его окружаютъ и убиваютъ.

Стало быть, надо прежде всего распрощаться съ мыслями о войнѣ и дать мѣсто мыслямъ о мирѣ, прекратить преподаваніе исторіи, прославляющее кровавые военные подвиги, и вмѣсто него ввести исторію народовъ, которая тысячекратную побѣду въ ежедневной жизни, въ каждомъ маленькомъ очагѣ, дѣлаетъ великимъ дѣломъ, сохраняющимъ человѣческое общество, несмотря на всѣ войны. Подростающее поколѣніе должно изучать то, что прославляетъ свѣтъ, которымъ озарялись длинные и тягостные пути поколѣній—пути, вслѣдствіе войнъ еще болѣе удлинявшіеся. Надо разъяснять, что дали народамъ добрые нравы, законы, просвѣщеніе, свободная мысль и богатство. Война никогда не

Digitized by Google

распространяла свѣта, она ведетъ свое начало отъ временъ дикарей, когда люди пожирали другъ друга. Въ періодъ переселенія народовъ она была разбойничьимъ захватомъ земель, женщинъ и рабовъ, а во времена феодализма считалась благородной профессіей. Теперь армія есть искусственное орудіе для воспитанія грубой силы людей, но она злоупотребляетъ своимъ именемъ, когда именуетъ себя «охраной мира», такъ какъ въ дѣйствительности только поддерживаетъ и охраняетъ страсть къ войнѣ.

Бьернсонъ полагаетъ, что для разрѣшенія всѣхъ споровъ и недоразумѣній между народами достаточно было бы нравственнаго авторитета третейскихъ судовъ.

Какой бы теоретичностью или фантастичностью ни отзывалось это мнѣніе норвежскаго писателя въ глазахъ тѣхъ, кто еще сомнѣвается въ осуществимости идеи международнаго мира, особенно когда ни одна изъ европейскихъ державъ не склонна выпускать меча изъ своихъ рукъ, но оно не лишено значенія, какъ одна изъ активныхъ литературныхъ попытокъ содѣйствовать успѣхамъ идеи ненарушимаго мира.

Эта идея, впрочемъ, имѣетъ за себя не только доводы моралистовъ. Наблюденія дѣйствительности свидѣтельствуютъ объ ея жизненности. Не такъ давно австрійскій министръ финансовъ Дунаевскій обратилъ вниманіе вѣнскаго рейхсрата на двухтомный романъ баронесы Берты фонъ-Сутнеръ (урожденной графини Кинской) «Die Waffen nieder!», прибавивъ при этомъ слѣдующее: «Прошу васъ посвятить нѣсколько часовъ этому произведенію. Если кто изъ васъ и затѣмъ сохранитъ симпатіи къ войнѣ, того я только могу пожалѣть».

Дѣйствительно, едва ли найдется другая книга, въ которой былъ-бы разъясненъ такъ всесторонне и ярко вопросъ о войнѣ и которая внушала-бы къ войнѣ такое отвращеніе. Это горячій, сердечный протестъ противъ войны, съ фактами въ рукахъ и съ огромнымъ запасомъ наблюденій и знанія дѣла, протестъ съ точки зрѣнія жены, матери, семьи, претерпѣвшей отъ многообразныхъ ужасовъ войны. Милитаризму едва-ли когда-либо такъ рѣшительно ставилось на счетъ, въ сколькихъ бѣдахъ онъ повиненъ и какъ прекрасна та жизнь, которую онъ уничтожаетъ.

Печатая русскій переводъ этого романа съ разрѣшенія, любезно даннаго намъ его авторомъ, нельзя не упомянуть, что автору «Die Waffen nieder!» ставятся на счетъ нѣкоторыя пре-

Digitized by Google

увеличенія, черезчуръ кричащія краски, быть можетъ, даже односторонность сужденій и слишкомъ частыя экскурсіи въ область политики, но намъ кажется, что при иномъ отношеніи къ дѣлу въ произведеніи, назначенномъ для большой публики, пострадала бы рѣшительность задачи романа, въ которомъ г-жа Сутнеръ ребромъ ставитъ занимающій ее вопросъ о войнѣ, не допускающій никакихъ компромиссовъ и двусмысленныхъ отвѣтовъ.

Къ счастью для человѣчества, идея международнаго мира въ сравнительно короткое время сдѣлала большіе успѣхи. И объ этомъ читатель найдетъ на страницахъ предлагаемаго романа обстоятельныя данныя. Не только люди безъ власти и положенія теперь оказываютъ содѣйствіе дѣлу мира. Въ спискѣ защитниковъ мира и противниковъ войны значатся члены парламентовъ, епископы, ученые, сенаторы, министры. Число обществъ мира, существующихъ въ Европѣ и Америкѣ, не малое; ихъ насчитывается нѣсколько сотъ. Въ составѣ этихъ обществъ есть представители всѣхъ слоевъ населенія на ряду съ знаменитыми и блестящими именами. Въ послѣдніе три года практическое значеніе этихъ обществъ расширилось. Къ нимъ примкнули «международныя парламентскія конференціи» имѣющія оффиціальный характеръ. Именно въ концѣ 1888 г., по иниціативѣ членовъ парламентовъ французскаго и великобританскаго, возникла мысль объ ежегодномъ устройствѣ въ одномъ изъ столичныхъ городовъ конференцій изъ представителей всѣхъ законодательныхъ собраній. Въ Парижѣ во время выставки 1889 г. состоялось первое засѣданіе такого международнаго парламента. Второе засѣданіе происходило въ Лондонѣ въ іюнѣ 1890 г. На этихъ конференціяхъ почти всѣ націи Европы и Америки имѣли своихъ представителей и было получено болѣе тысячи сочувственныхъ заявленій. Мѣстомъ третьяго засѣданія этой международной парламентской конференціи въ 1891 году былъ Римъ. 3-го ноября происходила эта конференція друзей мира и гуманности, а 9-го того же мѣсяца состоялся конгрессъ обществъ мира. На этомъ конгрессѣ, между прочимъ, обсуждался вопросъ о выборѣ центральнаго пункта для всѣхъ европейскихъ обществъ мира, гдѣ бы сосредоточивались всѣ заявленія, рѣшенія, предложенія касательно дѣлъ мира.

Авторъ романа «Die Waffen nieder!», не переставая усердно работать по вопросу объ организаціи международнаго третейскаго суда, дѣятельно агитируетъ въ періодической печати и въ

Digitized by Google

пользу помянутыхъ конгрессовъ. Недавно еще въ «N. Wiener Abendblatt» г-жа Берта Сутнеръ не преминула разъяснить значеніе этихъ новыхъ учрежденій. Прежде всего голоса противъ войны стали раздаваться изъ среды народа, а теперь пришла очередь народныхъ представителей. «Воля общества,—пишетъ авторъ,—оказала свое давленіе на депутатовъ, а теперь депутаты пользуются своимъ вліяніемъ на правительство». Третій и ближайшій шагъ въ этомъ послѣдовательномъ ряду восходящихъ вліяній заключается въ томъ, чтобы сами правительства, проникнутыя желаніемъ мира, согласились заключить между собою договоры о третейскомъ судѣ. И этотъ третій стадій, какъ уже отмѣчено выше, достигнутъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

Въ послѣднее время, впрочемъ, несмотря на существующія сомнѣнія насчетъ возможности и осуществимости идеи международнаго третейскаго суда, уже многіе изъ европейскихъ спорныхъ вопросовъ порѣшены путемъ третейскаго суда. Стало быть, на помянутыхъ конференціяхъ дѣло идетъ только о томъ, чтобы этотъ опытъ, примѣняемый пока въ отдѣльныхъ случаяхъ, признать принципіально нужнымъ и важнымъ. Предложенія въ такомъ смыслѣ предъявлены во многихъ парламентахъ. Въ Даніи Фредерикъ Байеръ, въ Испаніи сенаторъ Марконтру, въ Римѣ Руджьери Бонги, во исполненіе рѣшеній парижской и лондонской конференцій, составили соотвѣтственныя парламентскія группы, отъ имени которыхъ и разсылались помянутыя предложенія. И соображенія друзей международнаго мира клонятся къ тому, чтобы во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ были приняты подобныя предложенія.

Гдѣ состоится конференція нынѣшняго года, еще неизвѣстно, но конференція 1893 г. уже назначена въ Чикаго. Приглашенія участвовать въ этой конференціи, какъ предполагаютъ, будутъ адресоваться президентомъ Соединенныхъ Штатовъ непосредственно правительствамъ. По крайней мѣрѣ, американскія общества мира просятъ объ этомъ въ особой петиціи, поданной президенту.

Но дѣйствительно ли настало время развернуть бѣлое знамя? Цивилизованные народы все еще относятся другъ къ другу, какъ грубые дикари. Дипломаты все еще зорко выслѣживаютъ слабыя стороны у противниковъ, чтобы наброситься на нихъ въ удобную минуту. И конечно, ни одна нація не рискнетъ разоружиться. Но вѣдь въ тоже время милитаризмъ принимаетъ все болѣе ужасающій видъ. Геній изобрѣтательности довелъ до бли-

Digitized by Google

стательнаго совершенства смертоносныя орудія, такъ что войны, какъ онѣ велись до сихъ поръ, должны показаться забавой въ сравненіи съ возможными бойнями будущаго. Самъ Мольтке, нѣкогда назвавшій «вѣчный миръ» «мечтою», въ только что изданномъ его описаніи франко-прусской войны 1870—71 г., «въ интересахъ человѣчества» долженъ былъ выразить надежду, что «войны станутъ рѣже въ той же пропорціи, въ какой онѣ стали губительны». По тому же поводу одинъ военный писатель замѣчаетъ: «во всѣхъ областяхъ орудійнаго дѣла уже достигнуты такія усовершенствованія и такъ усердно стараются увеличить силу дѣйствія орудій, что съ полнымъ правомъ умѣстно спросить: возможны-ли вообще войны при употребленіи такого оружія? Не превратитъ-ли прогрессъ техники поле битвъ въ огромныя бойни?» Иначе сказать, будетъ ли это регулярная война или только дикое истребленіе людей?

Можетъ быть, подъ вліяніемъ такого страшилища и отвѣтственности за послѣдствія подобной рѣзни со временемъ убавится склонность къ насильственнымъ политическимъ воздѣйствіямъ и будущія поколѣнія привыкнутъ относиться къ войнѣ съ тѣмъ же отвращеніемъ, съ какимъ мы относимся теперь къ ужасамъ инквизиціи, средневѣковыхъ изувѣрскихъ судилищъ и рабства, и какое внушаетъ читателю романъ г-жи Сутнеръ «Die Waffen nieder!».

Digitized by Google

Книга первая.

1859 годъ.

Семнадцати лѣтъ, я была восторженная фантазерка. Я бы ни за что теперь этому не повѣрила, если-бы у меня не сохранились тетрадки моего дневника. Въ нихъ увѣковѣчились мои давно улетѣвшія мечты и грезы, никогда не повторявшіяся мысли, никогда вновь не переживавшіяся чувства — по нимъ я вижу, сколько было экзальтаціи въ этой глупенькой хорошенькой головкѣ. Даже о томъ, что я была хорошенькая, въ чемъ въ настоящее время усумнилось бы всякое зеркало—я узнала по старымъ портретамъ. Казалось бы, чѣмъ не завидная участь—молодая, слывшая за красивую, окруженная роскошью, графиня Альтгаузъ! А между тѣмъ листки изъ дневника въ красномъ переплетѣ полны тоски и мало говорятъ о радостяхъ жизни.

Весь вопросъ въ томъ, была ли я настолько безумна, что не сознавала преимуществъ своего положенія или только воображала, что въ грусти есть что-то возвышенное, и старалась передать мои настроенія, полныя меланхоліи, въ поэтической прозѣ моимъ красненькимъ тетрадкамъ. Мое положеніе повидимому не удовлетворяло меня—безпрестанно встрѣчаются фразы въ родѣ: «О Іоанна д'Аркъ—небомъ одаренная героиня—дѣва—если-бъ я могла быть на тебя похожа! Со знаменемъ въ рукѣ, короновать моего короля и затѣмъ умереть за дорогую отчизну!»

Для осуществленія этихъ скромныхъ требованій отъ жизни у меня не представлялось случая. Или быть растерзанной львами,

Digitized by Google

какъ мученица за христіанство — что (согласно приписки отъ 19 сентября 1853 г.) было, по мнѣ, другою завидною долею, для меня—увы!—тоже оказывалось неисполнимымъ и потому мнѣ очевидно приходилось страдать отъ сознанія, что великія дѣла, которыхъ такъ жаждала моя душа, предназначены не для меня и что жизнь моя въ сущности—неудавшаяся жизнь. Ахъ, зачѣмъ я не родилась мальчикомъ! (этотъ безполезный упрекъ судьбѣ тоже часто повторяется въ красненькихъ тетрадкахъ), тогда мнѣ было бы доступно все высокое, великое. Примѣровъ женскаго героизма въ исторіи немного. Какъ рѣдко приходилось намъ быть матерями Гракховъ, или выносить нашихъ мужей къ вратамъ Вейнсберга, или слышать возгласы махающихъ саблями мадіаровъ: «Да здравствуетъ Марія Терезіа, нашъ король!» Тогда какъ мужчинѣ стоитъ только подвязать саблю и кинуться въ пылъ сраженія, чтобы достигнуть славы и лавровъ, завоевать себѣ тронъ—какъ Кромвелль, или цѣлый міръ—какъ Бонапартъ! Я очень хорошо помню, что высшее представленіе о человѣческомъ величіи у меня было связано съ воинскимъ геройствомъ. Къ ученымъ, къ поэтамъ, къ открывателямъ невѣдомыхъ странъ, я чувствовала нѣкоторое уваженіе, но увлекаться я могла только побѣдителями. Вѣдь это же были столпы исторіи, въ ихъ рукахъ были судьбы народовъ, они по своему значенію, по высотѣ—почти божественной, стоятъ на столько выше всѣхъ остальныхъ въ мірѣ, насколько Альпы и высоты Гималая выше травъ и цвѣтовъ долины.

Изъ всего этого я все-таки не могу придти къ заключенію, что я была рождена героемъ, я думаю, что дѣло было проще: у меня было воображеніе, и увлекающаяся натура; понятно, что я относилась съ увлеченіемъ къ тому, что въ моихъ учебникахъ и въ окружающихъ меня людяхъ цѣнилось всего выше.

Отецъ мой былъ генералъ австрійской арміи, и сражался подъ Кустоцца подъ предводительствомъ «отца Радецкаго», котораго онъ боготворилъ! Сколько мнѣ пришлось переслушать военныхъ анекдотовъ! Милый папа такъ гордился пережитыми событіями изъ войны, и говорилъ съ такимъ увлеченіемъ о совершенныхъ походахъ, что я невольно сожалѣла о каждомъ, у кого не было такихъ воспоминаній.

Какая обида для насъ женщинъ, что мы исключены изъ этого служенія величайшей чести и долгу!.. Когда мнѣ случалось слышать о стремленіи женщинъ къ равенству,—хотя въ молодости объ этомъ при мнѣ мало говорилось, да и то больше

Digitized by Google

въ насмѣшку,—то я понимала это стремленіе къ эмансипаціи только въ одномъ направленіи, а именно, чтобы женщинамъ дано было право во всеоружіи принимать участіе въ войнѣ. Какъ отрадно было читать въ исторіи о Семирамидѣ или Екатеринѣ II:— «она вела войну съ тѣмъ или другимъ сосѣднимъ государствомъ; она завоевала ту или другую страну...»

Вообще исторія, какъ она преподается юношеству, есть главный источникъ поклоненія войнѣ. Въ дѣтскія головы вкладывается, что начальники войска постоянно устраиваютъ битвы, отъ которыхъ зависятъ судьбы народа, что онѣ, какъ явленія законовъ природы, должны повторяться отъ времени до времени какъ бури морскія, какъ землятрясеніе; конечно, съ ними соединены ужасы и потери, но онѣ вознаграждаются вполнѣ въ общемъ важностью результатовъ, въ отдѣльности возможностью достиженія славы, сознаніемъ исполненнаго воинскаго долга. Какая смерть можетъ сравниться со смертью на полѣ чести— какое безсмертіе выше безсмертія героя? Все это вытекаетъ ясно изъ всѣхъ учебниковъ и книгъ для чтенія «для школъ», гдѣ кромѣ собственной исторіи, которая является въ видѣ длинной цѣпи перечня войнъ, собраны еще разсказы и стихотворенія о геройскихъ подвигахъ. Все это входитъ въ составъ патріотической системы воспитанія. Такъ какъ изъ каждаго школьника подготовляется будущій защитникъ отечества, то дѣтское воображеніе направляется и пріучается къ исполненію перваго долга всякаго гражданина. Умъ его стараются отучить отъ естественнаго отвращенія, какое внушаютъ ужасы войны, разсказами о кровопролитіи и рѣзнѣ, какъ о чемъ-то весьма обыкновенномъ, необходимомъ, напирая при этомъ только на идеальную сторону этого древняго обычая народовъ, и такимъ образомъ всячески развиваютъ въ молодомъ поколѣніи страсть къ войнѣ, отвагу въ битвѣ.

Дѣвушки, хотя ихъ на войну и не водятъ, учась по тѣмъ же книгамъ, которыя должны развивать въ мальчикахъ воинственный духъ, завидуютъ, что онѣ лишены возможности воевать вмѣстѣ съ ними и чувствуютъ особое влеченіе къ военному сословію.

Намъ, нѣжнымъ барышнямъ, въ которыхъ всячески стараются развить мягкость, кротость, въ какихъ только ужасныхъ краскахъ не рисуютъ всѣхъ битвъ міра, начиная отъ библейскихъ и македонскихъ, отъ пуническихъ до тридцатилѣтней и войнъ Наполеона, намъ разсказываютъ, и какъ мы сжигаемъ го-

Digitized by Google

рода, и какъ перекалываемъ всѣхъ жителей, и какъ побѣдители дерутъ кожу съ живыхъ и мертвыхъ. Понятно, что подборъ и постоянное повтореніе такихъ ужасовъ притупляетъ сознаніе ужаса тѣмъ болѣе, что все, что касается войны, не разсматривается съ человѣческой точки зрѣнія и пользуется какимъ-то особымъ культомъ мистико-историческо-политическимъ. Такъ должно быть; это источникъ величайшихъ почестей и почета—вотъ что сознаютъ дѣвушки; имъ вѣдь тоже приходилось учить наизусть стихотворенія и тирады, наполненныя прославленіемъ войны.

И вотъ на этой почвѣ выростаютъ спартанскія матери и матери «Знамени», и то поклоненіе военнымъ, которое выражается безчисленнымъ множествомъ орденовъ въ котильонѣ въ честь военныхъ, въ фигурахъ, гдѣ выборъ предоставленъ дамамъ.

* * *

Я не воспитывалась въ монастырѣ, какъ многія молодыя дѣвушки изъ моей среды, а дома, у отца, подъ руководствомъ учителей и гувернантокъ. Мать моя умерла рано. Намъ дѣтямъ—насъ было четверо и я была старшая — замѣняла мать наша тетка, старая институтка. Зимніе мѣсяцы мы проводили въ Вѣнѣ, а лѣто въ родовомъ имѣніи въ Нижней Австріи.

Моимъ учителямъ и воспитательницамъ отъ меня было не мало радостей—это я хорошо помню, я была прилежная ученица, съ отличною памятью и большимъ самолюбіемъ. Такъ какъ мнѣ не суждено было удовлетворить мое самолюбіе инымъ путемъ—быть Орлеанскою дѣвою и одерживать побѣды въ сраженіяхъ, мнѣ пришлось удовлетворяться отличными отмѣтками отъ учителей и всеобщимъ удивленіемъ къ моему рвенію. Французскій и англійскій языки дались мнѣ въ совершенствѣ, о географіи и астрономіи, естественной исторіи и физикѣ я знала все, что допускалось программою женскаго воспитанія, а изъ предмета «Исторія» я знала больше, чѣмъ требовалось. Изъ библіотеки отца я доставала толстые томы историческихъ сочиненій, которыя штудировала въ часы досуга.

Мнѣ казалось, что я значительно становилась умнѣе всякій разъ, что я запоминала новое событіе, новое имя, какой нибудь годъ изъ прошлыхъ временъ. Противъ игры на фортепіанахъ—хотя она тоже входила въ программу воспитанія — я рѣшительно возстала. У меня не было ни способностей, ни охоты къ музыкѣ—и я чувствовала, что музыка не можетъ удовлетворить моего самолюбія.

Я такъ долго и упорно просила отца не заставлять меня

Digitized by Google

терять напрасно время на такое непроизводительное занятіе, время, которое я могу употребить съ большею пользою на что-нибудь другое—что онъ согласился меня избавить отъ фортепіано, къ большому огорченію моей тетки, которая говорила, что въ настоящее время какое-же воспитаніе безъ музыки.

10-го марта 1857 года я справила свою семнадцатилѣтнюю годовщину. «Уже семнадцать лѣтъ!» значится въ дневникѣ подъ этимъ числомъ. Это «уже»—цѣлая поэма. Хотя комментаріевъ никакихъ нѣтъ, но, вѣроятно, подразумѣвалось: «и я еще ничего не сдѣлала для безсмертія». Эти красненькія тетрадки очень мнѣ теперь пригодились, теперь, когда я задумала собрать воспоминанія моей жизни. Благодаря имъ, я могу воспроизвести всѣ прошедшія событія, которыя сохранились въ памяти только какъ обрывки воспоминаній, до малѣйшихъ подробностей, и давно забытые мысли и разговоры вспомнить отъ слова до слова.

Въ слѣдующій сезонъ долженъ былъ состояться мой первый выѣздъ въ свѣтъ. Меня это не особенно радовало, по крайней мѣрѣ, не такъ, какъ этому обыкновенно радуются молодыя дѣвушки. Мои помыслы были направлены на нѣчто болѣе высокое, чѣмъ бальный успѣхъ. Чего же жаждала я? Это вопросъ, на который я сама себѣ не могла отвѣтить. Вѣроятно, любви... но я этого сама не сознавала. Всѣ эти стремленія, честолюбивые помыслы, которые гнѣздятся въ юношескихъ душахъ въ разныхъ формахъ — жажда знаній, страсть къ путешествіямъ, потребность дѣятельности — все это въ сущности по большей части безсознательная потребность любви. Въ это лѣто моей тетѣ было предписано леченіе въ Маріенбадѣ. Она пожелала взять меня съ собой. Хотя мой оффиціальный выѣздъ въ свѣтъ долженствовалъ состояться только зимой, но мнѣ разрѣшались маленькія вечеринки въ кургаузѣ—онѣ должны были меня подготовить въ танцахъ и въ умѣньѣ себя держать къ зимнему сезону, чтобы я не была слишкомъ застѣнчивой и неумѣлой на предстоящихъ мнѣ зимою балахъ.

И вотъ что произошло на первомъ же «Reunion». Я страстно влюбилась и, конечно — въ гусара. Всѣ статскіе, которые присутствовали на вечерѣ, сравнительно съ военными были все равно, что жуки около бабочекъ. Изъ всѣхъ военныхъ, конечно, гусары были самые блестящіе, изъ всѣхъ гусаровъ графъ Арно Дотцкій—самый обворожительный.

Ростомъ онъ былъ шести футовъ, черные вьющіеся волосы,

Digitized by Google

закрученные усики, зубы какъ жемчуга, темные глаза, которые такъ и проникали въ душу — однимъ словомъ, при его вопросѣ: — «Графиня, могу я васъ просить на котильонъ?» я познала, что есть на свѣтѣ еще и другіе тріумфы не менѣе возвышенные, чѣмъ размахиванье знаменемъ Орлеанской Дѣвы, и поднятый кверху жезлъ Екатерины Великой. Вѣроятно, и онъ, двадцатидвухлѣтній, испытывалъ нѣчто подобное, когда носился по залу въ вихрѣ вальса съ самою хорошенькою дѣвушкою на балу (черезъ 30 лѣтъ въ этомъ можно сознаться); вѣроятно, и онъ думалъ: «обладать тобою, прелестное существо, стоитъ всѣхъ фельдмаршальскихъ жезловъ».

— Марта, Марта! — проворчала тетя, когда я вся запыхавшись опустилась на стулъ около нея, чуть не закрывъ ее всю развѣвающимися тюлевыми облаками моего платья.

— О, pardon, pardon, тетя! — извинялась я, поправляя платье, — я, право, не виновата...

— Это совсѣмъ не важно, а вотъ твоя манера держать себя съ этимъ гусаромъ — развѣ можно такъ прижиматься въ танцахъ, развѣ смотрятъ такъ въ глаза чужому мужчинѣ?

Я покраснѣла до ушей. Неужели я позволила себѣ что-нибудь неприличное? Вдругъ мой несравненный будетъ обо мнѣ дурного мнѣнія? Я успокоилась на счетъ всѣхъ этихъ сомнѣній и страховъ еще на балу. За ужиномъ мой несравненный шепнулъ мнѣ: — «выслушайте меня, я не въ состояніи молчать — вы должны узнать сегодня же: я люблю васъ!..»

Это звучало немножко иначе пріятно, чѣмъ знаменитые «голоса» Іоанны д'Аркъ. Танцуя, я не могла ему отвѣчать — онъ это понялъ и остановился. Мы были въ отдаленномъ углу залы и могли разговаривать, не боясь быть услышанными.

— Скажите, графиня, на что я могу надѣяться?

— Я не понимаю, въ чемъ дѣло, — солгала я.

— Вы, можетъ быть, не вѣрите въ любовь съ перваго взгляда? До сихъ поръ, признаюсь, я самъ считалъ это за выдумку. Сегодня я испыталъ на себѣ, насколько это возможно.

Какъ сильно билось у меня сердце! Но я молчала.

— Я иду на проломъ, — продолжалъ онъ. — Вы или никто. Моя жизнь или смерть въ вашихъ рукахъ. Безъ васъ я не хочу и не могу жить. Хотите быть моею?

На вопросъ поставленный такъ прямо я должна была что нибудь отвѣтить. Я старалась придумать какую-нибудь дипломатическую фразу, которая, не отнимая отъ него надежды, не уни-

Digitized by Google

жала бы моего достоинства, но ничего не придумала и дрожащимъ голосомъ прошептала:

— Да.

— Значитъ, вы разрѣшаете мнѣ пріѣхать завтра просить вашей руки у вашей тетушки и написать графу Альтгаузу?

Опять «да», но на этотъ разъ уже болѣе громкое.

— О, какъ я счастливъ! Значитъ, тоже съ перваго взгляда? Ты любишь меня?

На этотъ разъ ему отвѣтили мои глаза самое несомнѣнное «да».

* * *

Когда мнѣ минуло 18 лѣтъ, въ день моего рожденія была моя свадьба. Передъ тѣмъ я была введена въ свѣтъ и представлена императрицѣ какъ невѣста. Послѣ нашей свадьбы мы отправились путешествовать въ Италію. Для этого Арно взялъ отпускъ. О выходѣ въ отставку не было и помину. Хотя у насъ обоихъ были хорошія средства, но онъ любилъ свою службу, а съ нимъ и я. Я гордилась моимъ красивымъ гусаромъ, и съ восторгомъ заглядывала мысленно впередъ, когда онъ будетъ ротмистромъ, полковникомъ и наконецъ генералъ-губернаторомъ... Почемъ знать, а можетъ быть, судьба имѣла для него въ виду нѣчто болѣе важное: быть можетъ, ему суждено будетъ занять мѣсто великаго полководца въ отечественной исторіи славы...

Очень сожалѣю теперь, что въ красненькихъ тетрадкахъ пропущено то счастливое время, когда я была невѣстой, и нашъ медовый мѣсяцъ.

Конечно, эти счастливые дни все равно также бы пронеслись, пролетѣли, превратились въ ничто, какъ и теперь, когда они не записаны, но тогда, по крайней мѣрѣ, между страницами отъ нихъ остался бы хоть ихъ отблескъ. Вѣдь вотъ подите же: для тоски и печали сколько было тутъ жалобъ, всякихъ тире и восклицательныхъ знаковъ, самыя грустныя, печальныя вещи повѣдывались міру и настоящему, и будущему, а счастливые дни и часы я переживала одна втихомолку. Я не гордилась моимъ счастьемъ и потому не дѣлила его ни съ кѣмъ, ни даже съ моимъ дневникомъ; только тоску и страданіе признавала я заслугой и потому такъ возилась съ ними. Всѣ мои грустныя настроенія внесены до мельчайшихъ подробностей въ красныя тетрадки, а на счастливое время до стались пустыя страницы. Какъ глупо! Это похоже на то

Digitized by Google

какъ если бы кто-нибудь во время прогулки, желая сохранить дома воспоминаніе объ этой прогулкѣ, вздумалъ собирать дорогою все, что онъ найдетъ самаго безобразнаго, и сталъ бы наполнять свой ботаническій сакъ червяками, ренейниками, жабами и забылъ бы про цвѣты и про бабочекъ.

Тѣмъ не менѣе, я помню, это было чудное время, какой-то волшебный сонъ. У меня вѣдь было все, что можетъ только жаждать женское сердце: любовь, богатство, положеніе, состояніе—и все было такъ ново, такъ удивительно, такъ обаятельно! Мы были влюблены другъ въ друга безумно, со всею страстью нашей полной жизни и красоты—молодости. Случайно оказалось, что мой гусаръ былъ человѣкъ честный, благородный, съ свѣтскимъ образованіемъ, веселаго характера (онъ могъ бы быть злымъ и грубымъ—развѣ балъ въ Маріенбадѣ служилъ ручательствомъ его хорошихъ свойствъ); случайно оказалось, что и я порядочная дѣвушка (онъ на томъ балу могъ бы точно также влюбиться и въ хорошенькую, капризную дурочку), и благодаря этому, мы оба были вполнѣ счастливы, а потому главная тетрадь въ красномъ переплетѣ—тетрадь ламентацій—была забыта.

Постойте. Нахожу внесенное радостное событіе: восторгъ по случаю новаго материнскаго призванія. 1-го Января 1859 г. (каковъ подарокъ на новый годъ!) у насъ родился сынъ. Конечно, это событіе такъ насъ поразило, мы имъ такъ возгордились, точно мы были первые, у которыхъ случилось нѣчто подобное. Вѣроятно, вслѣдствіе этого послѣдовало и возвращеніе къ дневнику. Объ этомъ чудѣ, о моемъ новомъ значеніи, необходимо было возвѣстить потомству! Затѣмъ сюжетъ «Молодая мать»—такой благодарный для литературы и для искусства! Сколько воспѣвали его, сколько рисовали! Его можно изобразить мистично и свято, трогательно и патетично, наивно и нѣжно—словомъ, въ немъ столько поэзіи! Для выраженія этого настроенія существуютъ (какъ школьные учебники заботятся о развитіи поклоненія войнѣ!) всевозможные сборники стихотвореній, иллюстрированные журналы, картинныя галлереи, и восторженныя фразы подъ заглавіемъ: «Материнская любовь», «Материнское счастье» «Материнская гордость».—Послѣ поклоненія героямъ (см. Карлейль «hero worship»), послѣ обоготворенія ихъ первое мѣсто занимаетъ «baby-worship»—поклоненіе малюткамъ. Конечно, и я была проникнута этимъ поклоненіемъ.

Мой маленькій голубчикъ Руру былъ для меня чудомъ міра.

Digitized by Google

Мой дорогой сынъ, мой взрослый, чудный Рудольфъ—то, что я къ тебѣ чувствую — передъ этимъ, конечно, блѣднѣетъ то дѣтское обожаніе къ грудному младенцу, та слѣпая животная любовь молодой матери, то обезьяничанье—сравнительно ничто—какъ дитя въ пеленкѣ ничто передъ сложившимся человѣкомъ. Молодой папаша тоже не мало гордился своимъ сыномъ и строилъ для него въ будущемъ всевозможные планы. «Что-то изъ него выйдетъ?» Этотъ вопросъ часто задавался надъ люлькой маленькаго Руру и всегда единогласно рѣшалось: «Солдатъ». Иногда появлялся легкій протестъ со стороны матери: «А вдругъ его убьютъ на войнѣ!»—«Двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать» говорилось въ утѣшеніе. Да вѣдь Руру будетъ не единственнымъ же сыномъ—второй сынъ будетъ дипломатомъ, третій сельскимъ хозяиномъ, четвертый пасторомъ, но старшій сынъ долженъ непремѣнно унаслѣдовать спеціальность своего отца и дѣда—онъ долженъ быть солдатомъ—да и что можетъ быть лучше военнаго дѣла? Такъ это и было порѣшено. Двухъ мѣсяцевъ Руру былъ у насъ произведенъ въ ефрейторы. Вѣдь производятъ же наслѣдныхъ принцевъ тотчасъ при рожденіи въ шефовъ полковъ, отчего же намъ было не дать нашему мальчику этого званія? Наше любимое занятіе было играть съ нашимъ мальчуганомъ въ солдаты. Всякій разъ, когда мамка появлялась съ малюткой на рукахъ, Арно отдавалъ ему честь. Мамку мы звали маркитанткою, а что подразумѣвалось подъ фуражемъ—предоставляю отгадать. Крикъ Руру назывался у насъ тревогою, а когда говорилось «Руру упражняется на плацу», всѣ знали, что это значитъ.

* * *

Перваго апрѣля, когда ему минуло три мѣсяца (справлять только дни его рожденья было бы слишкомъ мало случаевъ чествовать его), Руру былъ произведенъ изъ ефрейторовъ въ капралы. Въ этотъ день случилось нѣчто весьма печальное, что легло мнѣ камнемъ на сердцѣ и мнѣ захотѣлось облегчить душу—и я обратилась къ моимъ красненькимъ тетрадкамъ.

Уже давно стала замѣчаться на политическомъ горизонтѣ «черная точка», всѣ газеты и разговоры распространяли всевозможные комментаріи о возможности превращенія этой точки въ нѣчто угрожающее.

Я до сихъ поръ не обращала на это вниманія, хотя и слыхала не разъ отъ мужа, отъ отца и ихъ военныхъ друзей, что «въ Италіи заваривается каша», но это не производило на

Digitized by Google

меня никакого впечатлѣнія. Было ли мнѣ время, да и охоты не было заниматься политикой! Сколько бы при мнѣ ни говорили объ отношеніяхъ Сардиніи къ Австріи или о политикѣ Наполеона III, содѣйствіе которой Кавуръ обезпечилъ за собою своимъ участіемъ въ Крымской войнѣ, о натянутыхъ отношеніяхъ съ Италіей вслѣдствіе этого союза—я не обращала на это никакого вниманія. Но въ день 1-го апрѣля мужъ объявилъ мнѣ:

— Знаешь ли, радость моя, какъ видно теперь близка развязка.

— Развязка чего, милый мой?

— Война съ Сардиніей неминуема.

Я страшно перепугалась! Боже мой—да вѣдь это будетъ ужасно! И ты долженъ будешь участвовать въ ней.

— Надѣюсь.

— Какъ можно говорить это: «надѣюсь»? Надѣюсь бросить жену, ребенка?..

— Что же дѣлать—если долгъ того потребуетъ.

— Можно подчиниться долгу—но надѣяться на что нибудь, значитъ, желать этого, желать, чтобы такой тяжкій долгъ...

— Тяжкій? Такая живая, веселая война—да это восторгъ! Не забудь, что ты жена солдата...

Я бросилась къ нему на шею.

— Будь спокоенъ, дорогой мой, во мнѣ найдется достаточно твердости духа... Какъ часто я чувствовала вмѣстѣ съ героями и героинями исторіи высокое чувство, какое испытываешь, выступая въ бой... Если бы только я могла сражаться вмѣстѣ съ тобой—побѣдить или пасть въ битвѣ.

— Храбрыя рѣчи, милая женушка—но безразсудныя. Твое мѣсто у колыбели нашего ребенка, изъ котораго надо выростить будущаго защитника родины, твое мѣсто у нашего домашняго очага—въ защиту его отъ непріятеля, чтобъ обезпечить миръ нашимъ женамъ, нашимъ дѣтямъ, мы, мужья, идемъ сражаться.

Не знаю, отчего эти слова, которыя я не въ первый разъ уже слышала и читала, на этотъ разъ показались мнѣ «фразою»... Вѣдь настоящей опасности не было, варварскія орды не стояли у воротъ—просто политическое столкновеніе между двумя кабинетами... И мужъ мой такъ стремился на войну не потому, чтобъ это было дѣйствительно необходимо для защиты жены, ребенка, отечества — а просто изъ желанія перемѣны,

Digitized by Google

разнообразія, возможности отличиться, получить повышеніе, награду... Ну, да, это честолюбіе,—закончила я этотъ рядъ мыслей—благородное возвышенное честолюбіе, страсть къ исполненію долга. Это прекрасно, что онъ радуется идти въ походъ въ случаѣ надобности—но вѣдь еще ничего не рѣшено. Можетъ быть, совсѣмъ войны и не будетъ, да наконецъ, если она и будетъ, можетъ быть Арно не придется совсѣмъ въ ней участвовать — вѣдь не вся же армія выступаетъ. Не можетъ быть, чтобъ то счастье, которое послала мнѣ судьба — она сама и разрушила.

О Арно, дорогой мой, знать, что ты въ опасности — вѣдь это ужасно! Такими изліяніями полны страницы дневника тѣхъ пережитыхъ дней. Затѣмъ слѣдуетъ всякая болтовня о политикѣ въ родѣ: «Луи-Наполеонъ интриганъ... Австрія не можетъ быть молчаливою свидѣтельницею... Война несомнѣнна... Сардинія убоится превосходства силъ... Миръ не будетъ нарушенъ...» Конечно, мое искреннее желаніе было—несмотря на восхищеніе прежними войнами—чтобъ миръ оставался ненарушимымъ, но мужъ мой, очевидно, желалъ другого. Положимъ, онъ не высказывался прямо въ этомъ смыслѣ, но всѣ извѣстія о собирающейся тучѣ онъ сообщаетъ съ особеннымъ блескомъ въ глазахъ, тогда какъ слухи о возможности сохраненія мира положительно угнетаютъ его.

Мой отецъ былъ тоже всею душою за войну. Покореніе Пьемонта, по его мнѣнію, было простой дѣтской забавой и для подкрѣпленія этого взгляда приводилась цѣлая масса анекдотовъ про Радецкаго. О предстоящей побѣдѣ я слышала только съ точки зрѣнія стратегіи, взвѣшиваніе шансовъ за и противъ, гдѣ и когда непріятель долженъ быть разбитъ и всѣ выгоды, которыя можемъ изъ этого извлечь. Человѣчная же точка зрѣнія—а именно, вопросъ о томъ, сколько каждая битва будетъ стоить крови и слезъ—совсѣмъ не принималась въ разсчетъ. Вопросъ о выгодѣ заслонялъ собою совершенно всѣ частности, такъ что подъ конецъ и я стала стыдиться мелочности моихъ взглядовъ—и на мысли, которая шевелилась у меня въ душѣ— «что можетъ дать побѣда бѣднымъ убитымъ, несчастнымъ калѣкамъ, безутѣшнымъ вдовамъ?» — у меня стали являться въ отвѣтъ диѳирамбы изъ школьныхъ учебниковъ: «вознагражденіемъ за все служитъ слава». А что если непріятель одержитъ побѣду? рѣшилась я, однажды, спросить въ кружкѣ нашихъ военныхъ друзей—и была жестока осмѣяна. Допустить только

Digitized by Google

возможность чего-нибудь подобнаго уже считалось антипатріотизмомъ. Быть напередъ убѣжденнымъ въ своей непобѣдимости принадлежитъ тоже къ военному долгу, слѣдовательно, отчасти и къ долгу благомыслящей жены поручика.

* * *

Полкъ моего мужа стоялъ въ Вѣнѣ. Изъ нашей квартиры былъ видъ на Пратеръ; въ окна такъ и врывался теплый, лѣтній воздухъ. Стояла чудная весна. Воздухъ былъ теплый, пропитанный запахомъ фіалокъ, вся зелень распустилась раньше обыкновеннаго. Я ужасно радовалась предстоявшимъ въ этомъ мѣсяцѣ гуляньямъ въ Пратерѣ. Мы завели себѣ для этихъ гуляній изящный четырехмѣстный шарабанъ съ венгерками. Мы уже теперь ѣздили каждый день кататься на этихъ лошадкахъ по аллеямъ Пратера, но это было только предвкушеніе майскихъ прогулокъ. Только-бы до тѣхъ поръ не объявлялась война!

— Слава Богу, наконецъ-то дѣло выяснилось!—воскликнулъ мужъ мой утромъ 19 апрѣля, вернувшись съ ученья.—Поставленъ ультиматумъ,

Я перепугалась. Какъ... что... что это значитъ?

— Это означаетъ послѣднее слово дипломатическихъ переговоровъ, предшествующее войнѣ. Нашъ ультиматумъ требуетъ разоруженія Сардиніи; на это она, конечно, не согласится, и мы перейдемъ черезъ границу.

— Боже милостивый!—А, можетъ быть, Сардинія согласится на наше требованіе.

— Ну тогда конецъ спору и миръ.

Я пала на колѣни—ничего другого я не могла придумать. Съ воплемъ вырвалось у меня изъ груди мольба къ небу: «Миръ! Миръ!»

Арно поднялъ меня.

— Перестань, пожалуйста, малое дитя!

Я обвилась руками вокругъ его шеи и разрыдалась. Это были слезы не отчаянья—вѣдь несчастье еще не было рѣшено, но это извѣстіе меня такъ поразило, что всѣ нервы натянулись, не вынесли, и разразились слезами.

— Марта, Марта, я, право разсержусь, — ворчалъ Арно.— Гдѣ же твоя твердость духа? Развѣ ты забыла, что ты— дочь генерала, жена поручика и—прибавилъ онъ смѣясь—мать капрала?

— О, нѣтъ, нѣтъ, дорогой Арно... Я сама не знаю, что со

Digitized by Google

мною... Просто нервы... я вѣдь сама увлекаюсь военною славою, но я не знаю отчего, когда я услыхала, что все зависитъ, какъ ты сказалъ, отъ одного слова, отъ «да» или «нѣтъ», и изъ-за этого одного слова, можетъ быть, тысячи должны будутъ проливать кровь, лишиться жизни—умереть въ такіе чудные, весенніе дни!—мнѣ показалось, что непремѣнно должно быть произнесено слово «миръ» и я невольно опустилась на колѣни, чтобы...

— Чтобы сообщить Богу о положеніи вещей, ахъ ты, глупышка моя милая!

Раздался звонокъ въ передней. Я поскорѣе отерла слезы.

— Кто могъ быть такъ рано?

Оказалось, что это былъ отецъ. Онъ стремительно влетѣлъ въ комнату.

— Ну, дѣти мои,—началъ онъ опустившись въ кресло, и едва переводя дыханье,—слышали вы важную новость—ультиматумъ...

— Я только что сообщилъ объ этомъ женѣ.

— Скажи, пожалуйста, папа,—обратилась я къ нему со страхомъ,—это избавитъ отъ войны?

— Насколько знаю, ультиматумъ никогда не избавлялъ отъ войны. Конечно, было бы благоразумнѣе, чтобы эта итальянская сволочь сдалась, чтобы не повторилась для нея битва подъ Наваррою... О, если-бы покойный Радецкій былъ живъ, я думаю, онъ самъ, несмотря на свои 90 лѣтъ, сталъ бы во главѣ войска, да и я, клянусь, съ удовольствіемъ пошелъ бы съ нимъ... Мы съ нимъ уже показали, какъ справляются съ этимъ итальянскимъ сбродомъ; какъ видно, имъ этого мало, имъ хочется, чтобы ихъ проучили еще разъ. И то дѣло: наше ломбардо-венеціанское королевство увеличится еще Піемонтомъ; я уже вижу, какъ наши войска вступаютъ въ Туринъ.

— Папа, ты разсуждаешь, какъ будто война уже объявлена и ты этимъ очень доволенъ?.. А вдругъ Арно придется идти?

У меня на глазахъ уже снова навернулись слезы.

— Конечно, ему придется идти; завидую ему!

— А мой страхъ, опасность?

— Какая тамъ опасность! И съ войны возвращаются люди домой. Я сдѣлалъ не одинъ походъ, и не одинъ разъ бывалъ раненъ, и, славу Богу, живъ, потому что мой часъ еще не пробилъ.

Digitized by Google

Опять то же знакомое мнѣ предопредѣленіе! Изъ-за него для Руру была рѣшена его будущая карьера, оно же теперь должно было озарить меня лучомъ мудрости.

— Если моему полку не придется участвовать, — началъ Арно.

— Ахъ какое счастье!—радостно подхватила я,—еще есть лучъ надежды...

— Тогда, если только будетъ какая нибудь возможность, я переведусь.

— Конечно, это можно будетъ устроить, — увѣрялъ мой отецъ.

— Гессъ будетъ главнокомандующимъ, а вѣдь мы съ нимъ большіе друзья.

У меня оборвалось сердце, а все-таки я не могла не восхищаться этими обоими мужчинами.

Съ какимъ веселымъ спокойствіемъ они говорили о предстоящемъ походѣ, точно дѣло шло о какой-нибудь пріятной прогулкѣ. Мой храбрый Арно собирался, если даже не будетъ къ тому вынужденъ службою, добровольно идти на врага, а мой отецъ, съ своими возвышенными взглядами, находилъ это весьма обыкновеннымъ и естественнымъ. Я успокоилась. Долой мои дѣтскіе, женскіе страхи! Теперь вся премудрость была въ томъ, чтобы сердце мое было выше всѣхъ эгоистическихъ страховъ, и чтобъ въ немъ не было мѣста ни для чего, кромѣ сознанія: «мой мужъ герой!»

Я встала и схватила его обѣ руки.

— Арно, я горжусь тобою!

Онъ прижалъ мои руки къ губамъ, и, обращаясь съ сіяющимъ лицомъ къ тестю, проговорилъ:

— Какъ ты ее хорошо воспиталъ, отецъ!

Не принятъ! Ультиматумъ не принятъ! Свершилось это въ Турипѣ 26 апрѣля. Столбы расшатаны—война «объявлена»!

Хотя я была къ этому подготовлена, тѣмъ не менѣе для меня это было тяжкимъ ударомъ.

Когда Арно сообщилъ мнѣ это извѣстіе, я рыдая бросилась на диванъ, уткнувъ голову въ подушки.

Онъ сѣлъ подлѣ меня и сталъ меня утѣшать.

— Радость моя, будь тверда духомъ! Совсѣмъ это не такъ ужасно, какъ тебѣ кажется... Мы скоро вернемся побѣдителями... Тогда мы съ тобой будемъ еще вдвое счастливѣе. Не плачь такъ, не разрывай мнѣ сердце своими слезами... Я почти

Digitized by Google

раскаиваюсь, что рѣшился идти во что-бы то ни стало... но, нѣтъ... представь себѣ только, по какому праву я бы остался дома, когда пойдутъ всѣ мои товарищи? Тебѣ самой было-бы за меня стыдно... Вѣдь долженъ же я понюхать пороху, до тѣхъ поръ какой же я мужчина, какой же я воинъ? Подумай только, какъ будетъ хорошо, когда я вернусь съ лишней звѣздочкой или съ крестомъ на груди.

Я прилегла къ нему на плечо и продолжала тихо плакать. Какъ мелочны были опять мои мысли: звѣзды и кресты казались мнѣ такимъ вздоромъ въ эту минуту... 10 самыхъ большихъ крестовъ на этой груди не вознаградятъ за жестокую возможность того, что пуля раздробитъ ее.

Арно поцѣловалъ меня въ лобъ, тихонько отодвинулъ меня и всталъ:

— Теперь я долженъ отправиться къ моему полковнику. Выплачься хорошенько... когда я вернусь, чтобы ты была бодрая и веселая, иначе я буду думать, что случится что-нибудь недоброе. Въ такое рѣшительное время, моя милая женушка должна всячески поддержать во мнѣ бодрость духа, жажду дѣла. Прощай, мое сокровище.—И онъ ушелъ.

Я пріободрилась. Его послѣднія слова звучали еще у меня въ ушахъ. Очевидно, моею обязанностью теперь было поддержать въ немъ твердость духа и жажду къ дѣлу. Это единственная данная намъ, женщинамъ, возможность проявлять свой патріотизмъ, только такимъ образомъ мы можемъ дѣлить славу нашихъ мужей, которую они завоевываютъ себѣ на полѣ битвы... Поле битвы—какъ странно! Съ этимъ словомъ у меня вдругъ явились два представленія—одно, полное значенія историческаго, патетическое, достойное восхищенія, другое—нѣчто отвратительное звѣрское, кровопролитная битва... быть убитымъ... лежать на полѣ битвы распростертымъ, израненнымъ; несчастные всѣ эти, на смерть обреченные, люди — а между ними, можетъ быть, будетъ и онъ... Я невольно вскрикнула отъ ужаса. Моя горничная Бетти, испуганная, прибѣжала на мой крикъ.

— Графиня, что съ вами?—спросила она дрожа всѣмъ тѣломъ. Я взглянула на нее, у нея тоже были заплаканные глаза. Я догадалась, что до нея уже дошла печальная вѣсть, а ея возлюбленный былъ солдатъ.

Мнѣ хотѣлось прижать къ сердцу эту сестру моего несчастья.

Digitized by Google

— Вѣдь это еще ничего не значитъ, дитя мое,—проговорила я нѣжно.—Пойдутъ и вернутся.

— Ахъ, ваше сіятельство, не всѣ вернутся!—проговорила она, снова заливаясь слезами.

Вошла моя тетя и Бетти ушла.

— Я пришла утѣшать тебя, Марта, — сказала старушка, обнимая меня,—и напомнить тебѣ о смиреніи ниспосылаемомъ тебѣ въ испытаніи.

— Такъ ты уже знаешь?

— Весь городъ знаетъ... Вездѣ всеобщая радость, эта война чрезвычайно популярная.

— Радость, тетя Мари?

— Ну да, радость для тѣхъ, кому не придется разставаться съ дорогимъ любимымъ существомъ. Что ты опечалена, могу себѣ представить, оттого я къ тебѣ и поторопилась. Сейчасъ придетъ и твой папа, но не съ тѣмъ, чтобы тебя утѣшать, а для того, чтобы поздравить—онъ въ восторгѣ, что будетъ война, и находитъ, что для Арно особое счастье въ ней участвовать. Въ сущности онъ правъ—для всякаго человѣка что же можетъ быть лучше войны. И ты должна на это такъ смотрѣть—прежде всего исполненіе своего призванія. Чему быть...

— Да, ты права, тетя, чему быть—тому не миновать.

— Что совершается по волѣ Божьей, — подкрѣпила тетя Мари.

— Надо переносить со смиреніемъ и твердостью?

— Молодецъ, Марта, все случается такъ, какъ заранѣе предрѣшено неисповѣдимыми судьбами. Смертный часъ каждаго изъ насъ предрѣшенъ при рожденіи. Мы будемъ такъ искренно и горячо молиться за нашихъ воиновъ.

Я сочла за лишнее распространяться насчетъ высказаннаго противорѣчія,—заранѣе предрѣшенная смерть и возможность предотвратить ее молитвою!

Мнѣ самой это было какъ-то неясно, а результатомъ всего воспитанія было сознаніе, что есть такія святыя вещи, къ которымъ не подходятъ съ вопросами разума. Да если бы я вздумала вдаваться въ какіе нибудь диспуты съ тетей, это бы ее только огорчило. Ничто ее такъ не печалило, какъ то, когда нѣкоторымъ вещамъ противуставлялись раціональныя сомнѣнія.

Объ этомъ не разсуждаютъ, — вотъ всегдашнее правило по отношенію къ таинственнымъ вещамъ. Какъ придворный этикетъ не допускаетъ, чтобы королю ставились извѣстные во-

Digitized by Google

просы, такъ и копаться и доискиваться въ догматахъ тоже нарушеніе извѣстнаго этикета.

Объ этомъ не разсуждать весьма удобная заповѣдь, и въ данномъ случаѣ, я охотно ей подчинилась, я не затѣяла съ тетей спора, но прицѣпилась, какъ къ единственному утѣшенію—къ ея совѣту молиться. Да, въ отсутствіи мужа я буду усердно молиться, чтобы всѣ ядра миновали Арно... Но въ кого же онѣ тогда попадутъ? Въ другого? За котораго, вѣроятно, тоже будутъ молиться. Чему же меня учили? Въ курсѣ физики говорилось мнѣ о точно вычисленныхъ, безошибочныхъ дѣйствіяхъ матеріи и ея движенія?.. Опять сомнѣніе. Долой его!

— Да, тетя,—громко сказала я, желая положить конецъ противорѣчіямъ, проносившимся въ моей головѣ,—да, будемъ усердно молиться, и Господь услышитъ насъ. Арно останется цѣлъ и невредимъ.

— Вотъ видишь, дитя, какъ въ тяжелыя минуты жизни душа наша всегда прибѣгаетъ къ религіи. . Быть можетъ, милосердый Творецъ посылаетъ тебѣ это испытаніе для того, чтобы исправить тебя отъ прежней твоей нерадивости.

Опять никакъ не укладывалось у меня въ головѣ, чтобы всѣ эти недоразумѣнія, возникшія между Австріей и Сардиніей еще съ Крымской войны, всѣ дипломатическіе переговоры, постановка ультиматума и отклоненіе его, допущены были Создателемъ съ единственной цѣлью подогрѣть мой остывшій религіозный жаръ.

Но высказать это сомнѣніе также казалось мнѣ неприличнымъ. Когда человѣкъ каждое слово начинаетъ сдабривать ссылками на милосердаго Творца, то рѣчь его, до извѣстной степени, пріобрѣтаетъ свойство цѣлебнаго бальзама. Что же касается упрека по поводу недостаточной моей набожности, то въ немъ была своя доля основательности.

Религіозность тети Мари шла прямо отъ глубины сердца, тогда какъ я больше ограничивалась внѣшней обрядностью. Какъ отецъ мой, такъ и мужъ были вполнѣ индифферентны въ дѣлѣ религіи, и потому ни тотъ, ни другой не требовали отъ меня особенно усерднаго богомолья. По собственной иниціативѣ съ увлеченіемъ углубиться въ ученіе церкви я также не могла, ибо хранить его свято и ненарушимо мыслимо для меня было лишь подъ условіемъ соблюденія принципа «на эту тэму разсуждать не подобаетъ». Конечно, каждое воскресенье я ходила въ церковь, ежегодно говѣла, съ искреннимъ благоговѣніемъ и

Digitized by Google

умиленіемъ исполняя эти священные обряды. Но все это дѣлалось мною болѣе или менѣе приличія ради, потому что такъ принято. Религіозныя свои обязанности отбывала я съ той-же исправностью, съ какой на придворныхъ балахъ выдѣлывала фигуры лансье или присѣдала придворнымъ реверансомъ, при входѣ императрицы въ зало. Капелланъ нашего замка въ Нижней Австріи, равно какъ и нунцій въ Вѣнѣ ни въ чемъ не могли упрекнуть меня, но приведенное обвиненіе тети было тѣмъ не менѣе небезосновательно.

— Да, дитя мое,—продолжала она,—въ счастьѣ и благополучіи люди скоро позабываютъ своего Спасителя, но, когда насъ постигаетъ болѣзнь или грозитъ опасность нашей жизни, или еще того хуже—жизни нашихъ близкихъ, когда мы удручены и озабочены...

По всей вѣроятности, тетя еще долго продолжала-бы распространяться въ томъ-же духѣ, но вдругъ быстро распахнулась дверь, и въ комнату влетѣлъ мой отецъ.

— Ура, воевать будемъ!—привѣтствовалъ онъ насъ.—Этимъ кошатникамъ захотѣлось, чтобы мы ихъ вздули хорошенько? Ну, что-же, извольте и вздуемъ, извольте!

* * *

Вотъ-то тревожныя времена наступили. «Война объявлена». Всѣ забываютъ, что тутъ двѣ толпы людей ополчаются одна противъ другой, и принимаютъ событіе это такъ, какъ будто-бы, помимо этихъ двухъ враговъ, существуетъ еще нѣчто возвышенное, могучее третье, «вспышка» котораго и заставляетъ обѣ толпы эти идти на драку. Вся отвѣтственность, такимъ образомъ, падаетъ на эту, стоящую внѣ воли единичныхъ лицъ, силу, которая, въ свою очередь, приводитъ въ исполненіе лишь предначертанныя судьбы народовъ. Таково туманное, благоговѣйное представленіе о войнѣ у всѣхъ людей; такъ-же точно думала и я. О какомъ-бы то ни было протестѣ сердцемъ противъ веденія войны вообще не было и рѣчи. Я страдала только изъ-за того, что милому мужу моему предстоитъ идти на встрѣчу опасности, и я должна буду остаться въ одиночествѣ и страхѣ. Я припомнила всѣ прежнія свои впечатлѣнія изъ періода уроковъ исторіи, желая подкрѣпить и воодушевить себя сознаніемъ, что дорогого моего Арно призываетъ на войну высшій человѣческій долгъ и что такимъ образомъ ему предоставлена будетъ возможность покрыть себя славой и почестями. Вѣдь, стало быть, и я

Digitized by Google

попадала въ самый центръ исторической эпохи: эта мысль, также по своему, подымала душевное мое настроеніе.

Такъ какъ, начиная отъ Геродота и Тацита и вплоть до новѣйшихъ историковъ нашихъ дней, войны всегда изображались, какъ событія громаднѣйшей важности, чреватыя грандіозными послѣдствіями,—значитъ, и въ настоящемъ случаѣ, думалось мнѣ, совершается подобное же міровое событіе, которое составитъ отдѣльную главу въ сочиненіяхъ будущихъ историковъ. Впрочемъ, подобное возвышенное, преисполненное торжественности, настроеніе царило повсюду. Ни о чемъ другомъ, какъ въ гостиныхъ, такъ и на улицахъ и не говорили; ничего другого не читали въ газетахъ; и все о томъ же, ни о чемъ иномъ,—молились въ церквахъ. Куда ни придешь, повсюду встрѣчаешь взволнованныя лица и одни и тѣ же оживленные толки о военныхъ приготовленіяхъ. Все остальное, обыкновенно поддерживающее интересъ въ людяхъ—театръ, дѣла, искусство—все это отодвинулось теперь на второй планъ. Каждый чувствовалъ себя какъ бы лишеннымъ всякаго права думать о чемъ-нибудь постороннемъ, пока разыгрывалась эта великая сцена судебъ міра. И всѣ эти многоразличные указы по арміи съ извѣстными избитыми фразами о несомнѣнной побѣдѣ и о предстоящихъ лаврахъ; полки, выступающіе съ музыкой и развѣвающимися знаменами; передовыя статьи и публичныя рѣчи, выдержанныя въ самомъ вѣрноподданическомъ и пламенномъ патріотическомъ духѣ; это вѣчное воззваніе къ добродѣтели, чести, долгу, мужеству, самопожертвованію; эти взаимныя увѣренія въ томъ, что мы, австрійцы, представляемъ собой извѣстную своей непобѣдимостью храбрѣйшую, лучшую и благороднѣйшую націю, имѣющую назначеніемъ широко раздвинуть предѣлы своего могущества,—все это, вмѣстѣ взятое, распространяетъ какую-то героическую атмосферу, наполняющую гордостью сердца всего населенія, каждому же отдѣльному лицу внушаетъ убѣжденіе, что онъ великій гражданинъ великой эпохи.

Дурныя свойства, какъ-то: страсть къ завоеваніямъ, къ боевымъ схваткамъ, неосмотрительность, жестокость, коварство, конечно, также признаются существующими и практикующимися во время войны, но, во всякомъ случаѣ, только со стороны врага, низость котораго ясна, какъ день. Совершенно независимо отъ политической неизбѣжности только что предпринятаго похода, равно какъ и несомнѣнно проистекающихъ изъ него выгодъ для

Digitized by Google

отечества, — одолѣніе противника, само по себѣ, есть-де дѣло нравственное, кара, выполняемая самимъ геніемъ культуры... Что за лѣнивый, лукавый, чувственный, легкомысленный, тщеславный народъ эти итальянцы! А этотъ Луи-Наполеонъ—какой образецъ честолюбія и пронырства! Когда появился обнародованный имъ 29-го апрѣля манифестъ о войнѣ, съ девизомъ: «Свободная Италія вплоть до Адріатическаго моря!» — какую бурю негодованія вызвало это среди насъ! Я позволила себѣ робко замѣтить, что идея эта сама по себѣ собственно безкорыстна и прекрасна, и должна воодушевить итальянскихъ патріотовъ, но меня тотчасъ же остановили. Подвергать сомнѣнію установившійся догматъ, что «Луи-Наполеонъ злодѣй», считалось невозможнымъ, пока Бонапартъ будетъ состоять нашимъ «врагомъ». Все исходившее отъ него à priori считалось «злодѣйскимъ». Еще одно слабое сомнѣніе возникло у меня. Во всѣхъ историческихъ военныхъ описаніяхъ я встрѣчала, что симпатія и преклоненіе повѣствователя всегда находится на той изъ воюющихъ сторонъ, которая стремится сбросить съ себя чужеземное иго и борется за свою свободу. Хотя оба эти понятія, какъ объ «игѣ», такъ и понятіе объ этой чрезмѣрно воспѣтой «свободѣ» представлялись мнѣ довольно туманными, но одно мнѣ было вполнѣ ясно: стремленіе сбросить съ себя иго и добиться свободы, въ данномъ случаѣ, было не со стороны австрійцевъ, а со стороны итальянцевъ. Но и за эти робко возникшія и еще болѣе робко высказанныя мною сомнѣнія обрушились на меня страшные громы. Оказалось, что я, несчастная, опять посягнула на священнѣйшій принципъ, гласящій, что наше правительство, т. е. подъ управленіемъ котораго мы случайно родились, не можетъ представлять собою ига, а напротивъ, есть сущее благословеніе, что желающіе вырваться изъ-подъ «нашей» опеки являются уже не борцами за свободу, а простыми бунтовщиками, да и вообще, при всѣхъ обстоятельствахъ, «мы» всегда и во всемъ правы. Въ началѣ мая,—къ счастью, это были холодные дождливые дни; солнечная, радостная весенняя погода представляла бы еще болѣе печальный контрастъ,—выступилъ тотъ полкъ, въ который перечислялся Арно. Въ семь часовъ утра... ахъ, предшествующая ночь... что за ужасная это была ночь! Если бы милому моему приходилось отправляться въ какую-нибудь безопасную поѣздку просто по дѣламъ, и то разлука съ нимъ невыразимо опечалила бы меня, разставаться съ людьми близкими такъ вѣдь трудно, а отпускать на войну! На встрѣчу огненному дождю вражескихъ

Digitized by Google

орудій!.. Почему въ ту ночь при словѣ война никакъ не могла я болѣе постигнуть возвышеннаго, историческаго ея значенія, сознавая въ ней лишь смертью грозящій ужасъ.

Арно заснулъ. Онъ лежалъ, тихо дыша, съ веселымъ выраженіемъ лица. Я зажгла цѣлую свѣчу и поставила ее за абажуръ: сегодня я не могла оставаться въ темнотѣ. О снѣ въ эту «послѣднюю» ночь для меня, конечно, не могло быть и рѣчи. Я рѣшила, по крайней мѣрѣ, все оставшееся время не сводить глазъ съ дорогого мнѣ лица. Завернувшись въ распашной капотъ, прилегла я на нашей постелѣ. Облокотившись на подушку, приложивъ ладонь къ подбородку, вперила я взоръ свой въ спавшаго, проливая тихія слезы... «Какъ милъ ты мнѣ, какъ милъ, мой единственный—и ты уходишь отъ меня... Зачѣмъ такъ жестока судьба? Какъ я проживу безъ тебя? Только бы поскорѣе ты снова вернулся ко мнѣ. О, Господи, Создатель благой, милосердый Отецъ мой Небесный, возврати его поскорѣе—его и всѣхъ... Пошли намъ скорѣе миръ? Почему же не можетъ быть постояннаго мира?.. Мы были такъ счастливы... навѣрное, слишкомъ счастливы, а на землѣ вѣдь не можетъ же быть полнаго счастья. Вотъ наступитъ блаженство, когда онъ вернется невредимымъ и будетъ вотъ такъ же лежать около меня, и грядущее утро не будетъ уже болѣе грозить разлукой... Какъ спокойно онъ спитъ, ахъ, ты храброе мое сокровище! А какъ-то тамъ будетъ тебѣ спаться? Тамъ не будетъ у тебя мягкой постели, разубранной шелками и кружевами, тамъ придется ложиться на твердую, мокрую землю..., быть можетъ, будешь валяться гдѣ нибудь во рву—безпомощный, раненый...» При этой мысли, я не могла его представить себѣ иначе, какъ съ зіяющей на лбу раной, нанесенной ударомъ сабли, причемъ изъ раны сочилась кровь, или же мнѣ видѣлась грудь его, насквозь пробитая пулей... и жгучая боль состраданія овладѣла мною. Какъ страстно хотѣлось мнѣ обвить его руками и осыпать поцѣлуями, но я боялась разбудить его; для него необходимъ былъ этотъ подкрѣпляющій сонъ. Оставалось всего еще только шесть часовъ... тикъ-такъ, тикъ-такъ: съ неумолимой быстротой и неуклонностью движется время на встрѣчу какому бы то ни было намѣренію. Это равнодушное тикъ-такъ причиняло мнѣ боль. Столь же равнодушно горѣла и свѣча за абажуромъ, какъ тикали эти часы со своимъ стыдливымъ, неподвижнымъ бронзовымъ амуромъ... Неужто всѣ эти предметы не понимали, что это вѣдь была «послѣдняя» ночь. Наплаканныя вѣки мои сомкнулись, сознаніе постепенно оставило меня и, опу-

Digitized by Google

стивъ голову на подушку, я-таки уснула и сама, хотя на очень короткое время. Едва успѣвало сознаніе мое потонуть въ туманѣ какого-нибудь неуловимаго сновидѣнія, какъ вдругъ сердце начинало судорожно биться, и я просыпалась отъ сильныхъ его ударовъ, съ такимъ же чувствомъ страха, какое бываетъ, когда васъ будитъ крикъ о помощи или пожарная тревога... «Разлука, разлука!» вотъ что вызывало тревогу. Когда въ десятый или двѣнадцатый разъ я пробудилась такимъ образомъ отъ дремоты, было уже свѣтло, но свѣча горѣла еще. Въ дверь кто-то стучался.

— Ваше благородіе, шесть часовъ!—доложилъ денщикъ, получившій приказаніе разбудить барина во-время.

Арно вскочилъ... И такъ насталъ часъ,—теперь придется произнести это горестное слово «прости». Между нами заранѣе рѣшено было, что я «не» поѣду провожать его на желѣзную дорогу. Четверть часа болѣе или менѣе пробыть вмѣстѣ—это являлось уже безразличнымъ. При томъ же я не хотѣла выносить на людей печаль послѣдняго разставанья. Я желала проститься съ нимъ взаимнымъ прощальнымъ поцѣлуемъ наединѣ, въ своей комнатѣ, чтобы броситься потомъ на полъ, чтобы имѣть возможность выразить свое горе громкими воплями.

Арно быстро одѣвался, въ то же время не переставая утѣшать меня:

— Будь молодцомъ, Марта! Самое большое, черезъ два мѣсяца вся эта исторія будетъ уже за плечами, и опять будемъ вмѣстѣ... Чортъ побери! Изъ тысячи пуль попадаетъ всего одна,—не должна же она непремѣнно угодить именно въ меня. Возвращаются же другіе невредимыми съ войны; возьми твоего папу, напримѣръ. Когда-нибудь да придется же идти. Наконецъ, выходя замужъ за гусарскаго офицера, не воображала же ты, что его ремесло—воздѣлывать гіацинты. Я часто буду писать тебѣ, при всякой возможности, и извѣщать тебя, какъ бодро и весело совершаемъ мы кампанію. Если бы мнѣ предназначено было что нибудь дурное, я не могъ бы чувствовать себя столь спокойнымъ... просто-на-просто, я отправляюсь заслужить себѣ орденъ...' Береги только хорошенько себя и нашего Руру—въ случаѣ моего повышенія, и его также можно будетъ наградить слѣдующимъ чиномъ. Поклонись ему отъ меня... мнѣ не хочется возобновлять съ нимъ вчерашняго прощанія... Какое удовольствіе впослѣдствіи доставятъ ему разсказы отца объ участіи его въ великихъ итальянскихъ побѣдахъ, въ 59 году.

Я жадно прислушивалась къ его словамъ. Эта самоувѣрен-

Digitized by Google

ная болтовня имѣла на меня благотворное дѣйствіе. Онъ шелъ охотно и весело,—значитъ, горе мое было просто эгоистичнымъ, и потому неосновательнымъ. Эта мысль можетъ дать мнѣ силу справиться съ собой.

Въ дверь снова постучались.

— Время уже, ваше благородіе.

— Я готовъ; сейчасъ иду. Онъ раскрылъ свои объятія:—И такъ пора, Марта, дорогая жена моя, любовь моя...

Я уже лежала на груди его. Говорить я была не въ состояніи. Слово «прощай» не шло у меня съ языка; я чувствовала, что, произнеся это слово, не выдержу, а спокойствія и веселаго настроенія Арно въ минуту разставанья смущать не смѣла. Въ видѣ нѣкотораго вознагражденія, я разсчитывала дать волю воему горю, когда останусь одна.

Однако, онъ самъ выговорилъ-таки это душу раздирающее слово:

— Прощай, жизнь моя, прощай! И онъ горячо прижался губами своими къ моимъ.

Мы положительно не могли оторваться другъ отъ друга—вѣдь это было послѣднее наше объятіе! Тутъ вдругъ почувствовала я, какъ губы его задрожали, грудь начала судорожно вздыматься... и, выпустивъ меня изъ объятій, онъ закрылъ лицо свое обѣими руками и громко зарыдалъ. Это уже было мнѣ не подъ силу. Мнѣ казалось, что я сойду съ ума.

— Арно, Арно,—воскликнула я,—обвивая руками шею его,—останься, останься!

Я сознавала, что требую невозможнаго, и все-таки упрямо твердила: «Останься, останься!»

— Ваше благородіе,—раздался голосъ за дверью, — давно пора.

Еще одинъ поцѣлуй—самый послѣдній, и Арно бросился вонъ изъ комнаты.

* * *

Съ тѣхъ поръ я и мои родные и знакомые, только и дѣлали, что щипали корпію, читали газетныя извѣстія, натыкали булавки съ маленькими знаменами на географическія карты, чтобы слѣдить за передвиженіями обѣихъ армій, и на основаніи представляющейся картины, стремились къ разрѣшенію шахматной задачи на тэму: «Австрія дѣлаетъ первый ходъ и по четвертому ходу назначаетъ матъ», усердно молились по церквамъ о спасеніи своихъ близкихъ и о побѣдѣ отечественнаго оружія; не

Digitized by Google

говорили ни о чемъ иномъ, кромѣ полученныхъ извѣстій съ театра военныхъ дѣйствій. На время похода общественная жизнь со всѣми остальными ея интересами какъ бы улетучилась. Все, что не касалось вопроса «какъ и когда окончится война?», утратило свое значеніе, даже какъ будто перестало существовать. Люди ѣли, пили, читали, справляли свои дѣла, но все это, въ сущности, потеряло свой «смыслъ»—и только одно считалось преисполненнымъ громаднаго значенія, телеграммы изъ Италіи.

Свѣтлыми точками моими были, понятно, вѣсточки, шедшія непосредственно отъ самого Арно. Онѣ были обыкновенно очень кратки, такъ какъ въ письмоводствѣ мужъ вообще никогда не былъ особенно силенъ, но все же письма эти являлись для меня радостной порукой, что онъ пока еще живъ и не раненъ. Объ особенно регулярной доставкѣ подобныхъ писемъ и депешъ, конечно, нечего было и думать, такъ какъ и сообщенія часто прерывались или,—въ случаѣ какого нибудь сраженія, — полевая почта прекращала свою дѣятельность.

Когда же проходило нѣсколько дней безъ извѣстій о мужѣ и въ газетахъ появлялся списокъ убитыхъ—Боже, съ какимъ страхомъ пробѣгала я эти имена!.. Это такое же напряженіе, какое испытываетъ владѣлецъ выигрышнаго билета, просматривая номера на тиражной таблицѣ, только въ обратномъ смыслѣ: тамъ ищешь своего номера, хорошо сознавая ограниченность своихъ шансовъ, здѣсь-же страшно боишься наткнуться на дорогое имя.

Пробѣжавъ въ первый разъ списокъ убитыхъ—это случилось именно, когда я въ теченіе четырехъ дней не имѣла никакихъ вѣстей—и увидя, что имени «Арно Дотцкій» среди нихъ не было—я сложила руки и громко произнесла: «О, Господи, благодарю тебя!» Но едва произнесла я эти слова, какъ почувствовала въ нихъ какой-то рѣзкій диссонансъ. Я снова взяла газету въ руки и вторично перечла имена. Выходило, что такъ, какъ пали Адольфъ Шмидтъ, Карлъ Мюллеръ и многіе другіе, но «не» Арно Дотцкій, то я за это именно благодарила Господа. Въ такомъ случаѣ, столь-же основательною явилась-бы благодарственная сердечная молитва къ небесамъ со стороны тѣхъ, кто дрожалъ за жизнь Шмидта и Мюллера, если бы, вмѣсто этихъ именъ, въ спискѣ убитыхъ они прочли фамилію «Дотцкій». И почему же именно «моя» благодарность должна быть пріятнѣе Богу, нежели ихняя. Да, вотъ въ чемъ заключался рѣзкій

Digitized by Google

диссонансъ моей горячей молитвы: въ основѣ ея лежали эгоизмъ и надменность, внушившія мнѣ мысль, яко-бы Провидѣніе въ «угоду мнѣ» пощадило Дотцкаго, и что вотъ теперь должна я принести благодарность свою Создателю за то, что не мнѣ, а вотъ матери Шмидта и невѣстѣ Мюллера и пятидесяти другимъ суждено обезумѣть отъ горя, прочитавъ этотъ листокъ...

Въ тотъ же день я снова получила отъ Арно письмо:

«Вчера была у насъ жаркая битва. Къ несчастію — къ несчастію мы потерпѣли пораженіе. Но утѣшься, дорогая Марта, въ слѣдующій разъ побѣда будетъ за нами. Это было первое мое крупное дѣло. Я стоялъ подъ самымъ градомъ пуль— необыкновенное ощущеніе... разскажу при свиданіи —это все же— ужасно: вокругъ тебя валятся несчастные, и ты не можешь поднять ихъ, несмотря на жалобные ихъ стоны,—«c'est la guerre!» До скораго свиданія, сердце мое! Когда мы добьемся того, что станемъ диктовать условія мира въ Туринѣ, тогда ты пріѣдешь ко мнѣ. Тетя Мари будетъ столь добра присмотрѣть за нашимъ маленькимъ капраломъ».

Но если полученіе подобныхъ писемъ являлось солнечными проблесками въ моемъ существованіи, то самыми мрачными тѣнями въ немъ были мои ночи. Пробуждаясь отъ блаженнаго сна, въ которомъ я забывалась, и мысленно рисуя себѣ страшную дѣйствительность, грозившую мнѣ всякими ужасами, мною овладѣвало почти невыносимое страданіе, и послѣ того цѣлыми часами не могла я заснуть. Меня преслѣдовала неотвязчивая мысль, что въ данную минуту, быть можетъ, бѣдный Арно, со стонами умирая, лежитъ въ какомъ-нибудь рву, взывая о каплѣ воды, страстно призывая меня къ себѣ... Единственно чѣмъ удавалось мнѣ понемногу успокоить себя,—это со всей яркостью представить себѣ сцену его возвращенія, которая, собственно, была столь же правдоподобною, пожалуй, даже еще правдоподобнѣе того, что онъ умретъ во рву, брошенный всѣми, и вотъ я рисовала себѣ, какъ онъ влетаетъ въ комнату, я кидаюсь ему на грудь, какъ затѣмъ веду его къ колыбели Руру, и какъ мы оба снова счастливы и довольны...

Отецъ мой былъ очень убитъ. Дурныя извѣстія приходили одно за другимъ. Сперва Монтебелло, затѣмъ Маджента. И не онъ одинъ—вся Вѣна пришла въ уныніе. Въ началѣ войны всѣ были такъ твердо увѣрены, что она принесетъ лишь непрерывный рядъ побѣдъ, который мы будемъ праздновать, украшая дома флагами и совершая молебствія по церквамъ. Но, вмѣсто того, флаги

Digitized by Google

развѣвались и священники воспѣвали хвалу Богу не у насъ, а въ Туринѣ... Тамъ теперь слышалось «Господи, Боже нашъ, воздаемъ славу Тебѣ за то, что Ты помогъ намъ разбить злодѣевъ—тедески».

— Ты не думаешь, папа,—спросила я какъ-то,—что если мы потерпимъ еще одно пораженіе, тогда, пожалуй, будетъ заключенъ миръ? Въ такомъ случаѣ, я готова пожелать...

— Какъ тебѣ не стыдно говорить подобныя вещи! Да пускай лучше это будетъ семилѣтняя, а не то хоть и тридцатилѣтняя война, только бы въ концѣ концовъ побѣдило наше оружіе, и мы—продиктовали бы условія мира. Для чего же люди идутъ на войну? Не для того же, чтобы какъ можно скорѣе покончить ее, тогда лучше было-бы съ самаго начала просто оставаться дома.

— И это было бы, конечно, самое лучшее, — со вздохомъ сказала я.

— Ну, что вы, бабье, за малодушный народъ! Ужь на что ты, воспитанная въ строгихъ правилахъ чести и патріотизма, а и то въ настоящее время совсѣмъ упала духомъ и ставишь личное свое спокойствіе выше благоденствія и славы своей родины.

— Да, если бы я не такъ сильно любила моего Арно!..

— Супружеская любовь, семейная любовь, — все это высоко-прекрасныя явленія... но теперь онѣ должны отойдти на второй планъ.

— Должны-ли?..

* * *

Списки убитыхъ насчитывали уже много именъ лично знакомыхъ мнѣ людей. Между прочимъ, встрѣтила я тамъ имя единственнаго сына одной старушки, которую очень уважала.

Вскорѣ послѣ того собралась я навѣстить ее. Это былъ мучительный, тяжкій визитъ. Утѣшить ее вѣдь я всетаки не могла, самое большее—вмѣстѣ поплакать. Но это былъ долгъ дружбы, и я собралась въ путь.

Добравшись до квартиры госпожи фонъ-Ульсманнъ, я долго медлила, прежде чѣмъ рѣшилась взяться за звонокъ. Въ послѣдній разъ была я здѣсь на маленькой веселой вечеринкѣ съ танцами. Любезная почтенная хозяйка дома сама тогда представляла собою воплощенную радость. «Марта», — обратилась она ко мнѣ на этомъ вечерѣ, «мы съ тобой двѣ счастливѣйшія женщины въ Вѣнѣ: у тебя мужъ красивъ, какъ никто, а у меня

Digitized by Google

превосходнѣйшій сынъ». — А теперь? Конечно, мужъ мой пока еще живъ... Хотя кто это знаетъ? Бомбы и гранаты летаютъ вѣдь тамъ безпрерывно; каждая минута могла меня сдѣлать вдовою... И я расплакалась у порога двери. Какъ разъ подходящее вступленіе для подобнаго печальнаго визита. Я позвонила. Никто не откликнулся: Я позвонила вторично. Опять никакого отвѣта. Вдругъ показалась чья-то голова изъ другой двери, выходившей на ту же площадку лѣстницы.

— Вы напрасно звоните, барышня; квартира пуста.

— Какъ? Развѣ г-жа фонъ-Ульсманнъ переѣхала?

— Три дня тому назадъ ее отвезли въ сумасшедшій домъ.

И голова снова скрылась за захлопнувшейся дверью.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ я простояла, какъ оцѣпенѣлая, на томъ-же самомъ мѣстѣ, и передъ внутреннимъ моимъ окомъ разыгрывались сцены, которыя могли происходить тутъ. Сколько-же должна была выстрадать эта женщина, пока горе ея не разразилось потерей разсудка!

А мой отецъ хочетъ еще, чтобы война тянулась тридцать лѣтъ—во имя блага страны—да сколько-же матерей въ странѣ этой посойдутъ тогда съ ума?

Потрясенная до глубины души, спустилась я съ лѣстницы. Я рѣшила сдѣлать еще визитъ къ одной моей пріятельницѣ, молодой женщинѣ, мужъ которой, какъ и мой Арно, находился на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Путь мой лежалъ черезъ Герренскую улицу, мимо зданія, такъ называемаго Ландгауза, гдѣ помѣщалась контора «Общества патріотической помощи». Въ то время не существовало еще ни «Женевской Конвенціи», ни «Краснаго Креста» и, въ качествѣ предшественника этихъ гуманныхъ учрежденій, образовалось это «Общество помощи», поставившее себѣ задачей принимать всевозможныя пожертвованія въ пользу раненыхъ: деньгами, бѣльемъ, корпіей, перевязочными средствами и т. п. и отсылать это на театръ военныхъ дѣйствій. Приношенія стекались въ изобиліи со всѣхъ сторонъ; пришлось цѣлые магазины занять подъ складъ этихъ приношеній; едва успѣвали запаковать и отправить одинъ транспортъ припасовъ, какъ снова набирались груды товара.

Я вошла туда; мнѣ захотѣлось передать комитету деньги, находившіяся въ моемъ портмоне. Быть можетъ, сумма эта могла принести какому-нибудь больному солдату облегченіе или спасеніе, и такимъ образомъ оградить мать его отъ помѣшательства.

Digitized by Google

Предсѣдатель общества былъ мнѣ знакомъ.

— Князь К. здѣсь?—спросила я портье.

— Въ настоящую минуту его нѣтъ. Но вице-предсѣдатель, баронъ С., наверху.

Онъ указалъ мнѣ какъ пройдти въ отдѣленіе, гдѣ принимались денежныя пожертвованія. Мнѣ пришлось миновать много залъ, гдѣ на длинныхъ столахъ рядами разложены были разныя вещи: груды бѣлья, сигаръ, табаку и цѣлыя горы корпіи... Трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ. Сколько же человѣкъ должны исходить кровью, чтобы требовалась такая масса расщипаннаго полотна для прикрытія ихъ ранъ. «А отецъ мой еще хотѣлъ,—снова мелькнуло въ моей головѣ,—чтобы, ради блага страны, война эта затянулась еще на тридцать лѣтъ». Сколькимъ же сынамъ отчизны пришлось-бы еще умереть отъ ранъ?

Баронъ С. съ благодарностью принялъ мое пожертвованіе и охотно отвѣчалъ мнѣ на мои многочисленные разспросы о дѣятельности общества. Отрадно и утѣшительно было слышать, сколько тутъ творилось добра. Въ это же время явился артельщикъ съ прибывшими письмами и доложилъ, что онъ имѣетъ передать двѣ телѣжки посылокъ изъ провинціи. Я присѣла на софу въ глубинѣ комнаты, съ намѣреніемъ дождаться, пока внесутъ эти вещи. Но ихъ приняли въ другой комнатѣ. Въ зало, между тѣмъ, вошелъ какой-то господинъ преклонныхъ лѣтъ, въ которомъ, по осанкѣ, можно было узнать военнаго.

— Позвольте, господинъ баронъ, — сказалъ онъ, — вынимая свой бумажникъ и опускаясь на кресло около стола,— позвольте и мнѣ принести скромную лепту мою на ваше доброе дѣло.

И онъ подалъ билетъ въ сто гульденовъ.

— Я смотрю на всѣхъ васъ, учредителей этого общества, какъ на настоящихъ ангеловъ-хранителей... Видите-ли, я самъ старый солдатъ (генералъ-лейтенантъ Х., рекомендовался онъ, между прочимъ) и могу судить по опыту, какое великое благодѣяніе оказывается такимъ образомъ бѣднягамъ, которые тамъ бьются... Я участвовалъ въ кампаніяхъ 1809 и 1813 годовъ— тогда не было еще никакихъ «Обществъ патріотической помощи», тогда для раненыхъ не отсылались цѣлыми ящиками перевязочныя средства и корпія. И за то, когда у фельдшеровъ истощались ихъ запасы, сколькимъ приходилось мучительно умирать отъ потери крови, тогда какъ посылка, подобная этой, могла спасти ихъ отъ смерти! Это святое дѣло ваше — вы, добрые,

Digitized by Google

благородные люди,—вы сами того не знаете, не вѣдаете, сколько добра вы тутъ творите!

И двѣ крупныхъ слезы скатились на сѣдые усы стараго рубаки.

Съ улицы послышался шумъ шаговъ и голосовъ. Обѣ половинки входной двери распахнулись, и вбѣжалъ гвардеецъ съ докладомъ: — Ея императорское величество, государыня императрица!

Вице-предсѣдатель поспѣшилъ на крыльцо, чтобы встрѣтить высокую посѣтительницу, какъ подобало, внизу лѣстницы, но она успѣла уже войдти въ сосѣднее зало.

Я съ восхищеніемъ смотрѣла изъ своего укромнаго уголка на юную монархиню, которая въ простомъ костюмѣ для гулянья показалась мнѣ, пожалуй, еще милѣе, чѣмъ въ пышныхъ туалетахъ на придворныхъ празднествахъ.

— Я пріѣхала,—обратилась она къ барону С.,—такъ какъ сегодня утромъ получила письмо отъ императора съ театра военныхъ дѣйствій, въ которомъ онъ сообщаетъ мнѣ, сколь полезными и необходимыми оказываются тамъ пожертвованія «Общества патріотической помощи»—поэтому я пожелала лично осмотрѣть ваши склады... а также изъявить Комитету признательность императора.

Затѣмъ она стала разспрашивать о различныхъ подробностяхъ дѣятельности общества и обстоятельно разсматривала разложенныя по столамъ вещи.

— Вы посмотрите только графиня,—замѣтила она сопровождавшей ее оберъ-гофмейстеринѣ, взявъ въ руку какую-то вещь изъ бѣлья,—какое хорошее полотно и какъ прекрасно сшито.

Послѣ того ея величество попросила вице-предсѣдателя провести ее еще по другимъ отдѣламъ и вмѣстѣ съ нимъ вышла изъ зала. Она, очевидно, осталась очень довольна. Я слышала, какъ, милостиво бесѣдуя съ нимъ, она еще сказала: «это прекрасное, патріотическое дѣло, которое бѣднымъ солдатамъ»...

Остальное я не могла уже разобрать, и «бѣдные солдаты»,—слова эти еще долго звучали у меня въ ушахъ,—она произнесла такимъ сострадательнымъ тономъ. Да, само собой, они «бѣдные»; и чѣмъ больше стараться доставлять имъ утѣшенія и помощи, тѣмъ лучше. Однако — мелькнуло у меня въ головѣ—если бы бѣднягъ этихъ вовсе не посылали въ центръ этого горя, не было ли бы тогда еще лучше? Но я отогнала эту мысль... вѣдь

Digitized by Google

такъ должно быть,—должно быть. Иныхъ оправданій для ужасовъ войны,—кромѣ тѣхъ, которыя заключаются въ словечкѣ «должно», не имѣется.

Наконецъ я снова двинулась въ дальнѣйшій путь. Пріятельница, къ которой я отправлялась, жила совсѣмъ близко отъ «Ландгауза»—на Капустномъ рынкѣ. По дорогѣ я зашла въ одинъ книжно-эстампный магазинъ, чтобы купить новую карту Верхней Италіи,—наша была вся истыкана булавками съ значками. Кромѣ меня, въ магазинѣ стояло еще много другихъ покупателей. Всѣ они требовали также картъ, плановъ военныхъ дѣйствій и т. п. Наконецъ очередь дошла и до меня.

— Вамъ также угодно карту театра войны?—спросилъ книгопродавецъ.

— Вы угадали.

— Это не мудрено. Другого вѣдь теперь почти ничего и не спрашиваютъ.

Онъ досталъ мой заказъ и, завертывая покупку мою въ бумагу, замѣтилъ стоявшему рядомъ со мной господину:

— Какъ видите, господинъ профессоръ, плохо живется въ настоящее время тѣмъ, кто пишетъ или издаетъ беллетристическія или ученыя сочиненія—теперь никакого нѣтъ на нихъ спросу. Пока длится война, никто не интересуется умственной жизнью. Для писателей и книгопродавцевъ нынче лихія времена!

— Да и для всей націи дурныя времена,—возразилъ профессоръ,—при которыхъ подобное отсутствіе духовныхъ интересовъ естественно повлечетъ за собой пониженіе умственнаго уровня.

А мой отецъ еще хотѣлъ,—подумала я въ третій разъ,—чтобы, ради блага страны, тридцать лѣтъ...

— Такъ ваша торговля идетъ плохо?—громко вмѣшалась я въ разговоръ.

— Не у меня одного, а у всѣхъ, почти у всѣхъ, сударыня,—отвѣчалъ книгопродавецъ.—За исключеніемъ поставщиковъ на армію, нѣтъ ни единаго промышленника, которому война не принесла бы неисчислимыхъ убытковъ. Все остановилось: и фабричныя работы, и полевыя, масса народу осталась безъ занятій и безъ хлѣба. Бумаги падаютъ, ажіотажъ растетъ, всякая предпріимчивость глохнетъ, многочисленныя фирмы принуждены объявлять себя банкротами—однимъ словомъ, бѣда,—сущій зарѣзъ!

— А отецъ мой еще хотѣлъ,—повторила я мысленно, выходя изъ магазина.

* * *

Digitized by Google

Подругу свою я застала дома.

Въ судьбѣ графини Лори Грисбахъ было очень много схожаго съ моею. Обѣ мы были дочерьми военныхъ генераловъ, обѣ недавно вышли замужъ за офицеровъ и обѣ въ настоящее время состояли соломенными вдовами. Въ одномъ только перещеголяла она меня: у нея на войнѣ находился не только мужъ, но еще двое братьевъ. Но Лори была не изъ робкихъ. Она твердо вѣрила, что близкіе ея обрѣтаются подъ охраной одного, особенно чтимаго ею, святого и вполнѣ разсчитывала на благополучное ихъ возвращеніе.

Она встрѣтила меня съ распростертыми объятіями.

— Ахъ, да благословитъ тебя Богъ, Марта, какъ это мило съ твоей стороны, что ты собралась ко мнѣ. Но ты ужасно блѣдна и разстроена... надѣюсь, нѣтъ никакихъ дурныхъ вѣстей съ театра военныхъ дѣйствій?..

— Слава Богу, нѣтъ. Но все вообще вѣдь такъ печально.

— Да, ты говоришь о нашихъ пораженіяхъ. Ну, имъ ты не должна придавать особаго значенія;—слѣдующія телеграммы могутъ возвѣстить побѣду.

— Побѣдить или самимъ быть побѣжденными; война сама по себѣ все равно ужасная вещь... Не лучше-ли было-бы, если бы ее совсѣмъ уничтожить?

— Для чего-же тогда бы существовали военные?

— Да, для чего?

Я задумалась.

— Тогда ихъ бы и не было.

— Что за вздоръ ты болтаешь! Вотъ была бы чудная жизнь—вездѣ одни статскіе. У меня морозъ подираетъ по кожѣ! Къ счастью, это немыслимо.

— Немыслимо. По всей вѣроятности, ты права. Готова — повѣрить этому, иначе мнѣ было-бы непонятно, почему этого давно уже не случилось.

— Чего не случилось?

— Да уничтоженія войны. Впрочемъ, нѣтъ: это все равно, что я бы пожелала уничтожить землетрясеніе...

— Не знаю, что ты хочешь этимъ сказать. Что меня касается, я довольна этой войной, ибо надѣюсь, что Людвигъ мой отличится. Для братьевъ моихъ это также очень кстати: производство шло у нихъ ужасно туго; теперь, по крайней мѣрѣ, у нихъ все таки однимъ шансомъ...

Digitized by Google

— Ты давно имѣла извѣстія отъ своихъ?—перебила я ее,— всѣ твои здоровы?

— Собственно давненько они не писали. Но вѣдь тебѣ извѣстно, какъ часто прерывается почтовое сообщеніе, да и послѣ какого нибудь форсированнаго марша или жаркаго дѣла, поди-ка, такъ устанешь, что не очень-то большая охота разберетъ еще корреспонденціей заниматься. Я совершенно спокойна: какъ у Людвига, такъ и у братьевъ моихъ на груди священныя ладонки. Мама сама своими руками надѣла имъ всѣмъ.

— Но какъ же представляешь ты себѣ, Лори, такую напр., войну, гдѣ въ обоихъ войскахъ у каждаго военнаго надѣто по ладонкѣ? Куда-же бы дѣвались тогда носящіяся пули? Или онѣ отлетали-бы въ облака, не причиняя никому никакого вреда?

— Не понимаю тебя. Ты такая маловѣрная. На это часто жалуется также и твоя тетя Мари.

— Отчего-же ты не отвѣчаешь на мой вопросъ?

— Оттого, что въ немъ звучитъ насмѣшка надъ тѣмъ, что для меня свято.

— Насмѣшка? Нисколько... Просто разумное разсужденіе.

— Вѣдь ты должна же знать, что грѣшно приписывать такое значеніе собственному своему разсудку, имѣть претензію судить о вещахъ, которыя выше твоего пониманія.

— Я замолчала уже, Лори. Быть можетъ, ты права. Вникать и раздумывать нѣтъ никакого толку... Съ нѣкотораго времени возникаютъ у меня различныя сомнѣнія по поводу прежнихъ моихъ убѣжденій, и это доставляетъ мнѣ только муку. Если-же я утратила-бы убѣжденіе, что начать эту войну была безусловная необходимость, въ такомъ случаѣ, я не простила-бы тѣмъ, кто...

— Ты хочешь сказать Луи-Наполеону? Это, конечно, интриганъ.

— Тотъ или другой, это безразлично; я хотѣла бы непоколебимо вѣрить, что никто изъ людей вообще не подавалъ повода къ войнѣ, а что она «разразилась» сама собой, разразилась, какъ нервная горячка, какъ взрывъ вулкана.

— Какая ты экзальтированная, душа моя! Давай, лучше побесѣдуемъ разумно. Выслушай меня. Кампанія какъ разъ окончится и наши мужья вернутся къ намъ ротмистрами... Тогда я своего благовѣрнаго уговорю взять двадцативосьмидневный или шестинедѣльный отпускъ, чтобы поѣхать со мною на воды. Ему это пойдетъ на пользу послѣ всѣхъ вынесенныхъ

Digitized by Google

имъ мученій, да и мнѣ также послѣ пережитыхъ духоты, тоски и безпокойства. Ты не думай, что я такъ ужь нисколько и не трушу!.. Вѣдь можетъ же быть на то Божья воля, чтобы одинъ изъ близкихъ моихъ палъ солдатской смертью и хотя это прекрасная, завидная смерть... на полѣ чести... за императора и за родину.

— Ты говоришь совсѣмъ словами приказа по арміи.

— Но тѣмъ не менѣе, это было бы ужасно... Бѣдная мама, если-бы съ Густавомъ или Карломъ случилось что-нибудь такое... Не станемъ больше говорить на эту тэму! И такъ, чтобы оправиться отъ всѣхъ ужасовъ, стоитъ поѣхать на сезонъ водъ... Лучше всего въ Карлсбадъ. Я туда ѣздила разъ еще дѣвушкой и провела тамъ время восхитительно.

— А я была въ Маріенбадѣ... Тамъ познакомилась я съ Арно... Но чего это мы сидимъ тутъ, сложа руки? Нѣтъ-ли у тебя полотна подъ рукой, давай щипать корпію. Я была сегодня въ «Обществѣ патріотической помощи» и туда пріѣзжалъ — отгадай кто?

Но тутъ насъ прервали. Лакей подалъ письмо.

— Отъ Густава!—радостно воскликнула Лори, ломая печать.

Прочитавъ нѣсколько скрокъ, она громко вскрикнула, листокъ выпалъ у нея изъ рукъ, и она бросилась мнѣ на шею.

— Лори, бѣдняжка, дорогая моя, что случилось?—спросила я, глубоко взволнованная.—Твой мужъ.

— О, Господи! Господи!—стонала она,—читай сама...

Я подняла съ полу листокъ и начала читать. Я могу дословно передать это письмо, потому что впослѣдствіи выпросила его у Лори себѣ, чтобы занести содержаніе его въ мой дневникъ.

— Читай громко,—просила она,—я не могла дочесть до конца.

Я исполнила ея желаніе.

«Дорогая сестра! Вчера у насъ было жаркое дѣло, такъ что списокъ убитыхъ выйдетъ очень длиннымъ. Чтобы ты— и наша бѣдная мама не изъ него узнала о случившемся несчастіи, и чтобы ты постепенно могла приготовить ее (ну скажи, что онъ опасно раненъ), я лучше рѣшилъ написать тебѣ сейчасъ-же, что въ числѣ павшихъ за отчизну воиновъ находится также и нашъ храбрый братъ Карлъ».

Я прервала чтеніе, чтобы обнять свою пріятельницу.

— До сихъ поръ я читала,—тихо сказала она голосомъ, въ которомъ слышались подавленныя рыданія.—Я продолжала:

Digitized by Google

«Мужъ твой невредимъ, я также. Уже лучше-бы пускай непріятельская пуля попала въ меня: я завидую геройской смерти Карла; онъ палъ въ началѣ боя и не вѣдаетъ, что это сраженіе опять проиграно. Это слишкомъ тяжко. Я видѣлъ, какъ онъ упалъ, такъ какъ мы ѣхали рядомъ. Я тотчасъ-же соскочилъ, чтобы поднять его, но онъ успѣлъ только разъ взглянуть на меня и скончался. Пуля, вѣроятно, пробила ему сердце или легкія: смерть наступила быстро, безъ страданій. А сколько другихъ обречены были на мученія въ теченіе цѣлыхъ часовъ, лежа безъ малѣйшей помощи въ самомъ центрѣ боевой сумятицы, въ ожиданіи смерти-избавительницы. То былъ кровопролитный день, болѣе тысячи труповъ—друзья и враги, покрывали мѣсто сраженія. Среди покойниковъ я нашелъ многихъ близкихъ знакомыхъ, напр., между прочимъ, также и бѣднаго—(здѣсь надо было перевертывать страницу)—бѣднаго Арно Дотцкаго».

Я безъ чувствъ скатилась на полъ.

* * *

— Ну, теперь все кончено, Марта! Сольферино рѣшило дѣло, мы побѣждены.—Съ этими словами отецъ мой поспѣшно вышелъ однажды на площадку въ садъ, гдѣ я сидѣла подъ группою липъ.

Я вернулась съ моимъ маленькимъ Рудольфомъ въ мое дѣвичье гнѣздышко. Восемь дней спустя послѣ великаго боя, сразившаго и меня, папа съ семьей перебрался въ Грумицъ, имѣніе наше въ нижней Австріи, и я также поѣхала съ ними. Оставаясь одна, я навѣрное дошла бы до отчаянія. Тутъ же всѣ они снова окружали меня, какъ и до моего замужества: отецъ, тетя Мари, мой маленькій братъ и двѣ сестры-подростки. Всѣ они дѣлали все возможное, чтобы смягчить мое горе и относились ко мнѣ съ извѣстнаго рода почтительностью, которая оказывала на меня благотворное дѣйствіе. Имъ, очевидно, казалось, что печальная судьба моя придавала мнѣ какой-то ореолъ, который ставилъ меня выше всего окружающаго, въ скорби моей они видѣли даже родъ заслуги. И дѣйствительно, на ряду съ кровью, проливаемой солдатами на алтарь отечества, слезы осиротѣвшихъ солдатскихъ матерей, женъ и невѣстъ, проливаемыя у того же алтаря, представляютъ собою слѣдующую степень жертвоприношенія. И во мнѣ самой также жило нѣкоторое чувство гордости сознанія, что потерять любимаго мужа на полѣ чести представляетъ, такъ сказать, военную доблесть, и это

Digitized by Google

сознаніе больше всего помогало мнѣ выносить мое горе. Не одной мнѣ приходилось страдать подобнымъ образомъ. Сколько другихъ по всей странѣ оплакивали теперь близкихъ своему сердцу, упокоившихся на итальянской землѣ!

Ближайшія подробности о кончинѣ Арно не дошли до меня въ то время. Его нашли мертвымъ, признали его личность и схоронили, вотъ все, что мнѣ было извѣстно. Послѣдняя мысль его была, конечно, обо мнѣ и о нашемъ маленькомъ любимцѣ, а утѣшеніемъ въ послѣднее мгновеніе должно было явиться сознаніе: я исполнилъ свой долгъ—болѣе—даже, чѣмъ свой долгъ.

— Мы разбиты,—мрачно повторялъ мой отецъ, усаживаясь возлѣ меня на садовую скамью.

— Значитъ всѣ принесенные въ жертву погибли напрасно,— замѣтила я, вздыхая.

— Погибшимъ на этой войнѣ можно позавидовать, что имъ не пришлось видѣть нашего позора. Но мы имъ еще покажемъ себя, хотя въ настоящее время, какъ говорятъ, будетъ заключенъ миръ.

— Ахъ, дай-то Богъ!—перебила я.—Для меня бѣдной, увы! уже поздно... но за то, по крайней мѣрѣ, уцѣлѣютъ тысячи другихъ.

— Ты вѣчно думаешь только о себѣ и объ единичныхъ личностяхъ, тогда какъ въ данномъ случаю дѣло идетъ о цѣлой Австріи.

— Да развѣ она не состоитъ изъ множества единичныхъ личностей.

— Дитя мое, имперія, государство живетъ болѣе продолжительной, болѣе значительной жизнью, нежели отдѣльные индивидуумы. Послѣдніе исчезаютъ, одно поколѣніе за другимъ, а государство не останавливается въ своемъ развитіи; достигаетъ славы, величія и могущества, или же опускается, сокращается и гибнетъ, если попустить другимъ государствамъ одолѣть себя. Поэтому-то важнѣйшее и высшее, къ чему долженъ стремиться каждый человѣкъ въ отдѣльности, и за что во всякое данное время долженъ быть готовъ сложить свою голову, это именно существованіе, величіе и благоденствіе государства.

Слова эти я старательно запечатлѣла въ своей головѣ, чтобы въ тотъ же день занести ихъ въ красныя тетради. Мнѣ показалось, что онѣ такъ ясно, сжато и сильно выражали какъ разъ тоже самое, что въ ученическіе годы усвоила я себѣ изъ историческихъ сочиненій и что за послѣднее время, съ выступ-

Digitized by Google

ленія Арно въ походъ, вытѣснено было изъ моего сознанія чувствами страха и состраданія. За эти воззрѣнія снова хотѣлось мнѣ уцѣпиться какъ можно крѣпче, чтобы почерпнуть утѣшеніе и возрожденіе въ той мысли, что ненаглядный мужъ мой палъ за великое дѣло, что самое горе мое являлось частицей этого великаго дѣла.

У тети Мари были опять свои мотивы утѣшенія.

— Не плачь, милое дитя,—говорила она обыкновенно, заставая меня въ горючихъ слезахъ:—Не будь такой эгоисткой, не печалься о томъ, кто теперь наслаждается вѣчнымъ блаженствомъ. Онъ обитаетъ среди праведниковъ и, благословляя, смотритъ на тебя оттуда. Еще какихъ нибудь нѣсколько быстро несущихся лѣтъ земной жизни, и ты снова обрѣтешь его во всемъ блескѣ его славы. Для людей, павшихъ на полѣ брани, въ небесахъ уготованы лучшія селенія... Блаженны тѣ, коихъ Господь призываетъ къ себѣ во время исполненія ими священнаго долга. По заслугѣ, ближе всего къ мученику, умирающему за вѣру Христову, стоитъ воинъ, сраженный на войнѣ.

— Значитъ, я должна радоваться, что Арно...

— Радоваться... нѣтъ, такъ много требовать нельзя. Но ты должна переносить судьбу свою съ покорной преданностью волѣ Божьей. Это испытаніе, ниспосылаемое тебѣ Богомъ, испытаніе, изъ котораго ты выйдешь просвѣтленной и укрѣпленной въ вѣрѣ.

— Слѣдовательно, ради того, чтобы испытать меня и просвѣтить, Арно обреченъ былъ...

— Не ради этого. Но кто-же возьмется проникнуть въ неисповѣдимые пути Провидѣнія? Во всякомъ случаѣ, не я.

Хотя на утѣшенія тети Мари у меня постоянно срывались подобныя возраженія, тѣмъ не менѣе въ глубинѣ души я охотно поддавалась мистическому представленію, что пострадавшій покойный мужъ мой въ настоящее время за свое самопожертвованіе наслаждается наградой въ горнемъ мірѣ и что память его среди людей окружена вѣчнымъ ореоломъ героизма. Какое величественное, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и тяжелое впечатлѣніе произвела на меня похоронная служба, на которой мы присутствовали за день до нашего отъѣзда, въ соборѣ св. Стефана. Служили панихиду по всѣмъ нашимъ воинамъ, павшимъ и погребеннымъ на чужой землѣ. Посреди церкви воздвигли катафалкъ, окруженный сотнями зажженныхъ восковыхъ свѣчей и украшенный военными эмблемами—знаменами, оружіемъ. Съ хоръ

Digitized by Google

стройно раздавались трогательные звуки реквіума, и присутствовавшіе—по большей части женщины въ глубокомъ траурѣ—почти всѣ до-одной плакали навзрыдъ. И каждая оплакивала не только своего близкаго человѣка, котораго она потеряла, но и всѣхъ другихъ, подвергшихся той-же участи: вѣдь всѣ они, бѣдные, храбрые собратья по оружію, за всѣхъ насъ, т. е. за свою отчизну, за честь своей націи пожертвовали молодой своей жизнью. А присутствовавшее на этомъ печальномъ торжествѣ воинство—всѣ, находившіеся на-лицо въ Вѣнѣ генералы и офицеры и многія части войскъ, заполнявшіе собою глубину собора,—всѣ они ждали и были готовы безъ малѣйшаго колебанія, безъ ропота и страха послѣдовать за своими погибшими товарищами... Да, вмѣстѣ съ облаками ѳиміама, съ колокольнымъ звономъ и звуками органа, вмѣстѣ съ пролитыми слезами въ одномъ общемъ воплѣ горя къ небесамъ, навѣрное, вознеслась пріятная Богу жертва, и Господь Силъ ниспослалъ Свое благословеніе на тѣхъ, ради которыхъ былъ возведенъ этотъ катафалкъ...

Такъ думала я въ то время. По крайней мѣрѣ, такими словами описано это печальное торжество въ красныхъ тетрадкахъ.

Приблизительно недѣли двѣ спустя послѣ извѣстія о пораженіи при Сольферино, пришла вѣсть о подписаніи предварительныхъ переговоровъ о мирѣ. Отецъ мой изо всѣхъ силъ старался выяснить мнѣ, что заключеніе этого мира настоятельно требовалось политическими соображеніями. Я отвѣчала ему на это, что во всякомъ случаѣ буду рада, когда наступитъ конецъ безчеловѣчной рѣзнѣ и разгулу смерти. Но мой добрый старикъ не унимался, все продолжая развивать передо мною различныя оправданія такого оборота дѣла:

— Ты не подумай, что мы струсили.. Хотя со стороны это и имѣетъ видъ, будто мы дѣлаемъ уступки, но мы не поступаемся своимъ достоинствомъ и ужь, конечно, знаемъ, что дѣлаемъ. Если бы дѣло шло только о насъ однихъ, то изъ-за этой маленькой неудачи при Сольферино, мы не сложили бы оружія. О, нѣтъ, еще долго пришлось бы этого дожидаться. Намъ стоило только двинуть еще одинъ армейскій корпусъ въ Италію, и непріятелю снова быстро пришлось бы очистить Миланъ... Но, видишь-ли, Марта, дѣло идетъ тутъ о другихъ, всеобщихъ интересахъ и принципахъ. Мы отказываемся въ настоящее время продолжать войну, во имя охраненія другихъ итальянскихъ владѣній, которымъ грозитъ своимъ нападеніемъ ата-

Digitized by Google

манъ сардинскихъ разбойниковъ вмѣстѣ со своимъ подлымъ французскимъ союзникомъ. Эти вандалы готовы напасть на Модену, Тоскану, гдѣ, какъ тебѣ извѣстно, правятъ династіи, родственныя нашему царствующему дому. Мало того, они готовы даже пойти противъ Рима, противъ папы. Если же мы временно уступимъ Ломбардію, въ такомъ случаѣ сохранимъ за собою Венецію и можемъ оказать поддержку южно-итальянскимъ государствамъ и святѣйшему папскому престолу. И такъ, тебѣ ясно теперь, что мы изъ чисто политическихъ видовъ и въ интересахъ европейскаго равновѣсія...

— Да, папа,—перебила я его,—мнѣ это ясно теперь. Ахъ, зачѣмъ только эти соображенія не имѣли силы до Мадженты!—прибавила я, горестно вздыхая.

Затѣмъ, чтобы перемѣнить тэму разговора, я указала на пакетъ съ книгами, доставленный въ тотъ день изъ Вѣны.

— Посмотри-ка сюда: книгопродавецъ прислалъ намъ на просмотръ разныя изданія. Между прочимъ, тутъ есть только что вышедшее въ свѣтъ сочиненіе одного англійскаго естествоиспытателя, извѣстнаго Дарвина: «The origin of species»—«Происхожденіе видовъ». Книгопродавецъ обращаетъ наше вниманіе, что эта книга представляетъ особый интересъ и способна создать эпоху въ наукѣ.

— Пусть онъ проваливаетъ мимо меня, этотъ добрый человѣкъ. Кто же въ такое важное время, каково настоящее, станетъ интересоваться подобной дребеденью. Что же такое можетъ заключаться достойнаго создать эпоху для человѣчества въ книгѣ, трактующей о различныхъ видахъ животныхъ и растеній? Вотъ конфедерація итальянскихъ государствъ, гегемонія Австріи въ германскомъ союзѣ,—это—событія громадной важности, которыя на долго сохранятъ значеніе свое на страницахъ исторіи, когда объ этой англійской книгѣ весь міръ давнымъ давно уже позабудетъ. Попомни мое слово.

Я запомнила.

Digitized by Google

Книга вторая.

Мирное время.

Прошло четыре года. Обѣ сестры мои, теперь уже семнадцати и восемнадцатилѣтнія барышни, должны были представляться ко двору. По этому случаю и я также рѣшилась снова вернуться въ свѣтъ.

Протекшее время сдѣлало свое дѣло и мало по малу ослабило мое горе. Отчаяніе перешло въ тоску, тоска—въ грусть, грусть—въ апатію, которая въ свою очередь постепенно смѣнилась возрожденной любовью къ жизни. Въ одно прекрасное утро во мнѣ пробудилось сознаніе моего собственно завиднаго положенія, сулившаго мнѣ впереди еще много счастья: двадцатитрехлѣтній возрастъ, красота, богатство, высокое положеніе въ свѣтѣ, свобода, мать прелестнѣйшаго мальчика, членъ обожавшей меня семьи,—развѣ всѣхъ этихъ условій недостаточно, чтобы полюбить жизнь?

Быстро пролетѣвшій годъ моего замужества представлялся мнѣ какимъ-то сномъ. Конечно, я смертельно была влюблена въ своего гусара; конечно, нѣжный мужъ мой далъ мнѣ много счастья; конечно, разлука съ нимъ повергла меня въ страшную тоску, а потеря его причинила мнѣ жгучее горе, но все это миновало уже безвозвратно. Любовь моя не на столько срослась со всей моей духовной жизнью, чтобы я не въ силахъ была перенести удара,—наша совмѣстная жизнь была слишкомъ кратковременна для того. Мы обожали другъ друга, какъ пламенные влюбленные; но чтобы мы воедино слились сердцемъ и душою, неразрывно связанные взаимнымъ высокимъ уваженіемъ и дружбой, какъ это бываетъ у нѣкоторыхъ супруговъ послѣ долгихъ

Digitized by Google

лѣтъ совмѣстныхъ тяжелыхъ испытаній и радостей—ничего подобнаго между нами обоими не существовало. Очевидно, я также не составляла для него высшій идеалъ, безъ котораго жизнь ему была-бы не жизнь; развѣ иначе былъ-бы онъ въ состояніи съ такимъ легкимъ сердцемъ и безъ настоятельной нужды—полкъ его такъ и не двинулся—покинуть меня. Притомъ-же за эти четыре года мало по малу я стала иная: умственный кругозоръ мой во многомъ расширился. Я пріобрѣла познанія и взгляды, о которыхъ, во время моего замужества, у меня не было никакого представленія, и о которыхъ также и Арно—теперь я могла судить объ этомъ—не составилъ себѣ ни малѣйшаго понятія, такъ что, если бы покойный мужъ воскресъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, онъ былъ бы чужимъ въ моей умственной жизни.

Какъ же произошла со мной эта метаморфоза? вотъ какъ это случилось:

Прошелъ первый годъ моего вдовства, отчаяніе — первый фазисъ — перешло въ печаль. Но печаль эта была еще очень глубокою, сердце мое обливалось кровью. О возобновленіи свѣтскихъ отношеній я рѣшительно ничего не хотѣла и слышать. Я полагала, что съ той поры жизнь моя должна быть посвящена исключительно воспитанію сына моего Рудольфа. Никогда болѣе не называла я ребенка «Руру» или «капраломъ», забавы съ «baby» влюбленныхъ родителей миновали. Малютка обратился въ «сына моего Рудольфа», священное средоточіе всѣхъ моихъ стремленій, надеждъ и любви. Для того, чтобы въ послѣдствіи быть для него хорошей наставницей, или, во всякомъ случаѣ, чтобы имѣть возможность слѣдить за его занятіями и явиться ему духовнымъ другомъ, я старалась по возможности болѣе сама пріобрѣсти свѣдѣній. Къ тому же чтеніе было единственнымъ развлеченіемъ, которое я себѣ разрѣшала, и такимъ образомъ я снова углубилась въ сокровища библіотеки нашего замка. Особенно тянуло меня съизнова приняться за нѣкогда излюбленный мой предметъ—исторію. За послѣднее время, когда отъ моихъ современниковъ и отъ меня самой потребовались такія тяжкія жертвы, прежній энтузіазмъ мой значительно остылъ, и мнѣ хотѣлось подогрѣть его собственнымъ чтеніемъ. И въ самомъ дѣлѣ, прочтя нѣсколько страничекъ, повѣствовавшихъ о сраженіяхъ съ неизбѣжными прославленіями героевъ, я находила иногда извѣстное утѣшеніе въ мысли, что смерть бѣднаго моего мужа и мое собственное вдовье горе составляютъ какъ бы частицу подобнаго же великаго историческаго событія.

Digitized by Google

Говорю «иногда»—не всегда. Такъ беззавѣтно, всѣмъ существомъ я не могла уже настроиться на тѣ дѣвическія мои фантазіи, когда я готова была послѣдовать примѣру Орлеанской Дѣвы. Многое, многое, при чтеніи широковѣщательныхъ тирадъ, сопровождавшихъ отчеты о битвахъ, звучало мнѣ фальшивымъ и пустымъ, когда я въ то же время рисовала себѣ ужасы сраженія, — на столько-же фальшивымъ и пустымъ, какъ поддѣльная монета, полученная въ награду вмѣсто настоящей жемчужины. Жемчугъ—жизнь, развѣ достойно оплачивается она трескучими фразами исторической славы?..

Скоро я исчерпала запасъ находившихся въ нашей библіотекѣ историческихъ сочиненій. Тогда я попросила своего книгопродавца прислать мнѣ для просмотра какое-нибудь новое историческое сочиненіе. Онъ прислалъ Томаса Бокля «History of civilisation». «Сочиненіе это не кончено», писалъ онъ мнѣ, «но два прилагаемыхъ тома, служащіе введеніемъ, сами по себѣ, представляютъ вполнѣ законченное цѣлое, и появленіе ихъ привлекло къ нимъ всеобщее вниманіе не только въ Англіи, но и во всемъ остальномъ образованномъ мірѣ. Говорятъ, что этимъ сочиненіемъ авторъ положилъ основаніе новому освѣщенію исторіи».

Дѣйствительно—то было нѣчто совсѣмъ новое. Прочитавъ дважды оба тома, я чувствовала себя, какъ человѣкъ, который всю свою жизнь провелъ въ узкой котловинѣ и вдругъ попалъ на вершину одной изъ окрестныхъ горъ, откуда открывается видъ на раскинувшееся пространство земли, съ постройками и садами, съ безбрежнымъ моремъ. Не стану утверждать, что я—двадцатилѣтняя дѣвушка, получившая поверхностное домашнее воспитаніе—могла оцѣнить эту книгу во всю глубину ея значенія, или — придерживаясь вышеприведенной метафоры — постигла величественность монументальныхъ сооруженій и безпредѣльность океана, открывшихся моимъ изумленнымъ взорамъ. Но я была ослѣплена, поражена. Я увидѣла, что за предѣлами моей узенькой родимой долины лежалъ широкій, далекій міръ, о которомъ я до тѣхъ поръ никогда ничего не слыхала. Только пятнадцать-двадцать лѣтъ спустя, послѣ вторичнаго прочтенія этой книги, послѣ того, когда я проштудировала еще другія сочиненія въ томъ же духѣ,—быть можетъ, я могла взять на себя смѣлость сказать, что понимаю его. Но одно мнѣ и тогда уже стало яснымъ: а именно, что исторія человѣчества зависитъ не отъ королей и государственныхъ дѣятелей, не отъ войнъ или

Digitized by Google

трактатовъ, порождаемыхъ честолюбіемъ однихъ и дипломатической тонкостью другихъ, какъ это считалось по старымъ взглядамъ, а отъ постепеннаго развитія интеллигенціи. Придворныя и военныя хроники, въ историческихъ сочиненіяхъ, слѣдующія одна за другой, представляютъ собою отдѣльныя явленія временнаго положенія культуры, но никакъ не двигательныя ея причины. О прежней традиціонной восторженности, съ какой иные историки старались живописать жизнь могущественныхъ завоевателей и опустошителей страны, въ Боклѣ я не нашла и помину.

Напротивъ того, онъ приводитъ доказательства, что значеніе военнаго сословія стоитъ въ обратномъ отношеніи къ высотѣ народной культуры: чѣмъ глубже заглянуть въ варварское прошедшее, тѣмъ чаще наблюдаются взаимныя войны и тѣмъ тѣснѣе предѣлы мира,—одна область возстаетъ на другую, городъ идетъ противъ города, семья противъ семьи. Онъ подчеркиваетъ, что задержка общественнаго прогресса лежитъ не столько въ самой войнѣ, сколько въ «склонности» къ войнѣ—это пришлось мнѣ по сердцу.

Даже въ моей недолгой духовной жизни совершилась эта задержка, а я еще часто подавляла въ себѣ эти сомнѣнія, обвиняя себя въ трусости и низости, полагая, что я одна допускаю въ себѣ подобное вольнодумство! Теперь же я убѣдилась, что это былъ во мнѣ лишь слабый отголосокъ духа времени, что ученые и мыслители, подобные этому англійскому историку, а вмѣстѣ съ нимъ и безчисленное множество другихъ людей перестали благоговѣть передъ войною. И подобно тому, какъ у меня это явленіе заняло лишь одинъ фазисъ моего дѣтства—точно такъ и Бокль въ своемъ сочиненіи относитъ это поклоненіе къ періоду общественнаго дѣтства.

И такъ, въ исторіи Бокля я нашла собственно обратное тому, чего искала. Тѣмъ не менѣе находку эту я приняла какъ трофей—чувствуя себя просвѣтленной духомъ, просвѣщенной, успокоенной. Однажды попробовала я побесѣдовать по поводу этихъ вновь обрѣтенныхъ историческихъ взглядовъ съ отцомъ моимъ, но напрасно. Подыматься вслѣдъ за мною на гору онъ не желалъ, т. е. онъ не хотѣлъ читать книги, а иначе безполезно было разговаривать съ нимъ о вещахъ, которыя могли быть усвоены лишь съ той высоты.

Миновалъ еще годъ—второй фазисъ, когда печаль моя перешла въ меланхолію. Я стала читать и штудировать еще при-

Digitized by Google

лежнѣе. Первое сочиненіе Бокля развило во мнѣ вкусъ къ размышленію и сдѣлало меня способной наслаждаться болѣе обширнымъ кругозоромъ. Желаніе мое пользоваться этимъ удовольствіемъ все росло и росло, поэтому, вслѣдъ за «Исторіей цивилизаціи», перечла я еще много книгъ въ томъ же родѣ. И интересъ и наслажденіе, которые нашла я въ этихъ занятіяхъ, способствовали наступленію третьяго фазиса — а именно, они излѣчили меня отъ меланхоліи. Съ наступленіемъ же послѣдней моей метаморфозы, т. е. когда во мнѣ вновь пробудилось желаніе жизни, то я не могла уже довольствоваться книгами. Тутъ вдругъ мнѣ стало ясно, что этнографія и антропологія, сравнительная миѳологія и всѣ остальныя вмѣстѣ взятыя «логіи» и «графіи» никоимъ образомъ не въ состояніи утолить моей духовной жажды, что для молодой женщины въ моемъ положеніи у жизни готовы еще иные цвѣты счастья, за которыми мнѣ стоило протянуть только руку... Такимъ образомъ и вышло, что зимою 1863 года я предположила сама ввести въ свѣтъ младшихъ моихъ сестеръ и открыла свой салонъ вѣнскому обществу.

* * *

Графиня Марта Дотцкая—молодая богатая вдова. Подъ такимъ многообѣщавшимъ именемъ значилась я въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ «великосвѣтской комедіи». И должна сказать, роль эта приходилась мнѣ по душѣ. Не малое удовольствіе со всѣхъ сторонъ встрѣчать почетъ, восторженный пріемъ, быть всеобщимъ баловнемъ и чувствовать себя окруженной исключительнымъ вниманіемъ.

Не малое наслажденіе—послѣ четырехлѣтняго затворничества вдругъ окунуться въ водоворотъ всевозможныхъ развлеченій; знакомиться съ интересными, выдающимися людьми, почти ежедневно принимать участіе въ блестящихъ празднествахъ — и притомъ сознавать себя средоточіемъ общаго вниманія.

Насъ трехъ сестеръ прозвали въ шутку «богинями съ горы Иды», и Эридиныхъ яблокъ, распредѣлявшихся между нами различными молодыми Парисами, и не перечесть. Само собой разумѣется, что мнѣ—съ моимъ вышеуказаннымъ въ театральной афишѣ званіемъ богатой, молодой вдовы,—обыкновенно отдавалось предпочтеніе. Въ семьѣ у насъ считалось дѣломъ рѣшеннымъ—да отчасти и въ моемъ собственномъ сознаніи это было такъ—что я еще разъ выйду замужъ. Тетя Мари въ своихъ гомиліяхъ старалась не намекать болѣе на «просвѣтленнаго»,

Digitized by Google

который «ожидаетъ меня въ горнихъ селеніяхъ», ибо если бы въ теченіе не долгихъ лѣтъ земной жизни, отдѣлявшихъ меня отъ могилы, я избрала себѣ другого супруга—одно изъ желанныхъ событій самой тети Мари — въ такомъ случаѣ прелесть небеснаго свиданія съ первымъ мужемъ значительно бы пострадала.

Всѣ окружающіе точно позабыли о существованіи Арно, только я его не забыла. Хотя время и исцѣлило горе мое по немъ, но образъ его не стушевался въ моей душѣ. Можно перестать оплакивать своихъ покойниковъ — оплакиваніе и не зависитъ отъ воли человѣка,—но забыть ихъ не забудешь. Я смотрѣла на это замалчиваніе о покойномъ, практиковавшееся моими окружающими, какъ на второе посмертное убійство, и избѣгала, по крайней мѣрѣ, мысленно представлять его себѣ умершимъ. Я вмѣнила себѣ въ обязанность ежедневно бесѣдовать съ маленькимъ Рудольфомъ объ отцѣ его, и за всякой вечерней молитвой дитя постоянно повторяло: «Господи, помоги мнѣ быть добрымъ и честнымъ, изъ любви къ дорогому отцу моему Арно».

Сестры и я «веселились» на славу—я, навѣрное, не меньше ихъ. Собственно говоря, это вѣдь былъ также и мой дебютъ въ свѣтѣ. Въ первый разъ я была введена въ него, какъ невѣста и новобрачная. Въ то время, конечно, всѣ кавалеры держались отъ меня въ сторонѣ, а что же и составляетъ высшую прелесть «свѣтской» жизни, если не поклонники. Но странно, несмотря на то, что мнѣ ужасно нравилось быть окруженной толпой поклонниковъ, ни одинъ изъ нихъ не произвелъ на меня болѣе глубокаго впечатлѣнія. Между мною и ими стояла почти непреодолимая преграда. И преграда эта воздвиглась вслѣдствіе моихъ трехлѣтнихъ серьезныхъ занятій и размышленій въ одиночествѣ. Вся эта блестящая молодежь, жизненные интересы которой не заходили дальше спорта, игры, балета, придворныхъ сплетень или, самое большее, карьеризма (большинство изъ нихъ были военные), не имѣла самаго отдаленнаго понятія о вещахъ, которыя до извѣстной степени открыли мнѣ мои книги и которыми такъ наслаждался умъ мой. Тотъ языкъ, въ которомъ я пріобрѣла, правда, также лишь первоначальныя познанія, но на которомъ, какъ мнѣ было извѣстно, людьми науки обсуждаются и когда нибудь разрѣшатся высшіе вопросы, языкъ этотъ казался для нихъ не только «испанскимъ», но прямо «патагонскимъ».

Digitized by Google

Изъ этой категоріи молодыхъ людей я никогда не выбрала бы себѣ мужа—это не подлежало сомнѣнію. Вообще, я не спѣшила отдавать свою свободу, которая доставляла мнѣ столько удовольствія. Поклонниковъ своихъ, проявлявшихъ поползновеніе просить моей руки, я умѣла держать на такой дистанціи, что ни одинъ изъ нихъ не осмѣливался сдѣлать настоящее предложеніе, и въ то же время никто изъ общества не могъ сдѣлать про меня компрометирующее замѣчаніе: «она позволяетъ за собою ухаживать». Сынъ мой Рудольфъ могъ нѣкогда гордиться своей матерью—ни тѣни подозрѣнія не найдетъ онъ на свѣтломъ зеркалѣ ея добраго имени. Если же выпалъ бы такой случай, что сердце мое снова возгорѣлось любовью, что могло быть лишь по отношенію къ человѣку достойному, я готова была воспользоваться правомъ, которымъ молодость моя располагала еще на земное счастіе, и выйдти замужъ вторично.

Теперь же, хотя мнѣ и не доставало любви и личнаго счастья, тѣмъ не менѣе я была очень весела и довольна. Танцы, театръ, наряды,—все это доставляло мнѣ истинное удовольствіе. Притомъ я не манкировала ни маленькимъ моимъ Рудольфомъ, ни дальнѣйшимъ моимъ самообразованіемъ. Не то чтобы я углублялась въ основательное изученіе спеціальностей. Но я постоянно слѣдила за текущимъ умственнымъ движеніемъ, доставая себѣ наиболѣе выдающіяся новыя изданія всемірной литературы и регулярно и внимательно прочитывая всѣ статьи, не исключая и научныхъ изъ «Revue des deux Mondes» и т. п. журналовъ. Подобныя занятія само собой, привели къ тому, что преграда, отдѣлявшая духовную мою жизнь отъ міра окружавшихъ меня молодыхъ людей, все росла и росла, но такъ было и лучше. Охотно привлекла бы я въ свой салонъ нѣкоторыхъ литераторовъ или ученыхъ, но въ кругу, въ которомъ вращалась я, это было не очень-то принято. Мѣщанскій элементъ не допускается въ такъ называемое австрійское «общество». Такъ было именно въ то время. Съ тѣхъ поръ этотъ духъ замкнутости нѣсколько измѣнился,—теперь въ модѣ отворять двери своихъ салоновъ избраннымъ представителямъ искусства и науки. Но въ то время, о которомъ говорю я, этого не полагалось. Кто не имѣлъ доступа ко двору, т. е. тотъ, кто не могъ въ своей родословной насчитать шестнадцать именитыхъ предковъ, заранѣе исключался изъ аристократическаго круга. Наше обычное общество чувствовало бы себя крайне скомпрометированнымъ, встрѣтивъ у меня нетитулованныхъ гостей и не съумѣло бы

Digitized by Google

найдти вѣрный тонъ въ обхожденіи съ ними. Да и тѣ, въ свою очередь, нашли бы мой салонъ съ «графинями» и спортсмэнами, съ старыми генералами и старыми институтками невыносимо скучнымъ. Какое участіе могли принимать люди ума и науки, писатели и художники въ однѣхъ и тѣхъ же банальныхъ разглагольствованіяхъ о томъ: гдѣ вчера танцовали и гдѣ будутъ завтра танцовать—у Шварценберга, у Паллавичини или же при дворѣ, кого свела съ ума графиня Пахеръ, какую партію отвергла графиня Пальфи, сколько имѣній у князя Круа, какая «урожденная» молодая Альмази, Фестетикъ или Венкгеймъ, и не та ли Венкгеймъ, мать которой была урожденная Кевенгюллеръ и т. д., и т. п. Таково именно было содержаніе разговоровъ, которые велись вокругъ меня. Даже и умные образованные люди, безъ сомнѣнія, нерѣдко встрѣчавшіеся среди нашего круга—государственные дѣятели, напр., и имъ подобные—считали себя обязанными, въ разговорахъ съ нами, танцующей молодежью, поддерживать тотъ же фривольный безсодержательный тонъ. Какъ часто послѣ какого нибудь званаго обѣда, хотѣлось мнѣ подсѣсть въ уголокъ, гдѣ нѣсколько нашихъ бывалыхъ дипломатовъ, краснорѣчивыхъ членовъ рейхстага или другихъ вліятельныхъ людей обмѣнивались своими взглядами о важныхъ вопросахъ, но это было не принято. Я должна была оставаться съ другими дамами и обсуждать туалеты, изготовлявшіеся нами къ слѣдующему большому балу. Да если бы даже я и пробралась какъ нибудь къ той группѣ,—только что веденные разговоры о политической экономіи, о поэзіи Байрона, о доктринахъ Штрауса и Ренана, немедленно смолкли бы и смѣнились бы восклицаніями, въ родѣ: «Ахъ, графиня Дотцкая!.. вчера на дамскомъ пикникѣ вы были очаровательны...» или: «Вы вѣдь конечно будете завтра на пріемѣ въ русскомъ посольствѣ?»

* * *

— Позволь мнѣ, любезная Марта,—обратился ко мнѣ кузенъ мой, Конрадъ Альтгаузъ, представить тебѣ подполковника барона Тиллинга.

Я кивнула въ знакъ согласія. Представлявшій удалился, а представленный остался въ молчаніи передо мною. Я приняла это за приглашеніе на танецъ и встала съ своего мѣста, приподнявъ полукругомъ лѣвую руку, готовая опереться ею на плечо барона Тиллинга.

— Виноватъ, графиня,—сказалъ онъ, слегка улыбаясь и сверкая при этомъ бѣлыми зубами своими,—я не танцую.

Digitized by Google

— Ахъ, вотъ какъ, тѣмъ лучше,—отвѣчала я, снова усаживаясь.—Я и то удалилась сюда для того, чтобы немножко отдохнуть.

— А я добивался чести быть представленнымъ вамъ, графиня,—имѣя сдѣлать вамъ одно сообщеніе.

Я съ удивленіемъ взглянула на него. Баронъ смотрѣлъ весьма серьезно. Онъ вообще производилъ впечатлѣніе солиднаго человѣка, уже не молодого, лѣтъ около сорока, съ пробивающейся сѣдиной на вискахъ, въ общемъ господина изъ хорошаго круга, симпатичнаго. Я привыкла каждаго вновь представленнаго кавалера осматривать испытующимъ взоромъ, имѣя въ виду вопросы: не претендентъ-ли ты? взяла-ли бы я тебя? На оба вопроса въ данномъ случаѣ я быстро отвѣтила отрицательно. Въ немъ положительно не было того услужливо заискивающаго выраженія, какое стараются придать своему лицу всѣ мужчины, подходящіе къ женщинамъ съ такъ называемыми «видами», а второй вопросъ нашелъ бы отрицательное свое разрѣшеніе уже благодаря военной формѣ барона. Вторично я ни за что не протянула бы руки своей солдату—это я твердо рѣшила. И не только изъ-за того, чтобы еще разъ не подвергать себя страшной тревогѣ при отправленіи мужа на поле брани, но также и потому, что съ той поры у меня вообще выработались взгляды на войну, никоимъ образомъ не допускавшіе солидарности съ мнѣніями военныхъ. Подполковникъ Тиллингъ не воспользовался приглашеніемъ моимъ сѣсть рядомъ со мной.

— Не смѣю долго утруждать васъ, графиня. То, что я имѣю сказать вамъ, нейдетъ къ балу. Я желалъ лишь испросить позволенія быть въ вашемъ домѣ. Не будете-ли столь любезны назначить мнѣ день и часъ, когда я могъ бы поговорить съ вами.

— Я принимаю по субботамъ между двумя и четырьмя.

— Значитъ, по субботамъ между двумя и четырьмя часами, домъ вашъ, вѣроятно, походитъ на улей, куда носители меда то влетаютъ, то улетаютъ.

— А я, подобно царицѣ, сижу въ ячейкѣ, полагаете вы,—это очень милый комплиментъ.

— Комплиментовъ я никогда не дѣлаю, равно, какъ и меда, и потому часъ субботняго роя меня нисколько не прельщаетъ: я долженъ говорить съ вами наединѣ.

— Вы разжигаете мое любопытство. Ну скажемъ, завтра, во вторникъ, въ тотъ же часъ. Буду дома только для васъ и ни для кого болѣе. Онъ поблагодарилъ поклономъ и отошелъ.

Digitized by Google

Нѣсколько времени спустя кузенъ мой Альтгаузъ проходилъ мимо. Я подозвала его, посадила рядомъ съ собой и потребовала справки о баронѣ Тиллингѣ.

— Понравился онъ тебѣ? Развѣ онъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что ты даже наводишь о немъ энергичныя справки? Онъ еще въ разрядѣ жениховъ, т. е. холостъ. Хотя это не значитъ еще, что онъ свободенъ... Разсказываютъ по секрету, что одна высокопоставленная дама (Альтгаузъ назвалъ одну принцессу) привязываетъ его къ себѣ нѣжными узами, поэтому будто бы онъ и не женится. Полкъ его переведенъ сюда только недавно, вотъ отчего онъ мало еще извѣстенъ въ обществѣ. Къ тому же, какъ мнѣ кажется, онъ врагъ всякихъ баловъ и т. п. развлеченій. Я познакомился съ нимъ въ Казино, гдѣ онъ ежедневно проводитъ по нѣсколько часовъ. Въ большинствѣ же случаевъ баронъ въ библіотекѣ углубляется въ чтеніе газетъ или въ шахматную игру съ лучшими нашими игроками. Я былъ пораженъ, встрѣтивъ его здѣсь, но такъ какъ хозяйка дома его кузина, то мимолетное появленіе его на балу отчасти объяснимо; да его уже и нѣтъ. Откланившись тебѣ, онъ направился къ выходу на моихъ глазахъ.

— Ты многимъ дамамъ еще представлялъ его?

— Нѣтъ, только тебѣ. Но это еще не значитъ, чтобы ты могла вообразить, что издали приворожила его, и онъ потому возмечталъ познакомиться съ тобою. — Не можете-ли сказать мнѣ,—обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ,—присутствуетъ-ли здѣсь на балу извѣстная графиня Доцкая, урожденная Альтгаузъ, по всей вѣроятности, состоящая съ вами въ родствѣ. Мнѣ необходимо переговорить съ ней.—Да, отвѣчалъ я,—указывая на тебя,—вонъ она въ углу на софѣ, въ голубомъ платьѣ.—Ахъ, вотъ эта? Будьте любезны, представьте ей меня, что̀ я охотно и исполнилъ, не подозрѣвая, что такимъ образомъ лишу тебя твоего покоя.

— Не болтай же пустяковъ, Конрадъ, покой мой нарушить не такъ-то легко. Тиллингъ? Что это за фамилія? я слышу имя это впервые.

— Ага, ты не унимаешься... Вотъ счастливчикъ! Цѣлые три мѣсяца, прилагая всѣ силы своихъ чаръ, старался я попасть къ тебѣ въ милость—и всѐ напрасно. А этотъ холодный подполковникъ—ибо онъ холоденъ и суровъ, ты должна это узнать—пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.—Что за фамилія «Тиллингъ», спрашиваешь ты? Полагаю, прусскаго происхожденія, но отецъ

Digitized by Google

вступалъ уже на австрійскую службу, мать его также пруссачка, ты могла замѣтить его сѣверный нѣмецкій акцентъ.

— Да, онъ говоритъ чуднымъ нѣмецкимъ языкомъ.

— Конечно, въ немъ все идеально.

Альтгаузъ всталъ.

— Съ меня довольно. Позволь предоставить тебя твоимъ мечтамъ; я попробую побесѣдовать съ дамами, которыя...

— Тебя найдутъ идеальнымъ. Такихъ, навѣрное, довольно.

Я рано уѣхала съ бала. Сестры могли остаться подъ охраной тети Мари, и меня ничто не удерживало. Желаніе танцовать у меня пропало, я чувствовала себя усталой и стремилась къ уединенію. Почему?.. Не для того же, чтобы на свободѣ имѣть возможность помечтать о Тиллингѣ. Однако, повидимому, это такъ и было, ибо еще въ полночь обогащала я красныя тетради внесеніемъ вышеприведенныхъ разговоровъ, связывая съ ними размышленія, въ родѣ: «Интересный человѣкъ этотъ Тиллингъ... Высокопоставленная дама, которая любитъ его, вѣроятно, думаетъ теперь о немъ... или, быть можетъ онъ стоитъ на колѣняхъ у ногъ ея и она не такъ одинока, одинока, какъ я. Ахъ, имѣть возможность любить кого нибудь такъ крѣпко, крѣпко... не непремѣнно именно Тиллинга—я же вѣдь и не знаю его совсѣмъ... Не изъ-за Тиллинга завидую я принцессѣ, а изъ-за ея влюбленности. И чѣмъ болѣе страстности и теплоты въ ея привязанности къ нему, тѣмъ болѣе завидую я ей».

Первою мыслью моей при пробужденіи снова былъ Тиллингъ. Да, дѣйствительно: онъ назвался сегодня ко мнѣ для важныхъ сообщеній. Съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ этого посѣщенія, я давно ничего но ожидала.

Въ назначенный часъ я отдала приказаніе, чтобы кромѣ ожидавшагося гостя, никого не принимали. Сестеръ не было дома. Тетя Мари, неутомимая garde-dame, отправилась сопровождать ихъ на катокъ. Я усѣлась въ маленькой своей гостиной, въ хорошенькомъ домашнемъ туалетѣ изъ фіолетоваго бархата (извѣстно, что фіолетовый цвѣтъ идетъ блондинкамъ), взяла въ руки книгу и стала ждать. Мнѣ недолго пришлось дожидаться: десять минутъ третьяго баронъ Тиллингъ входилъ ко мнѣ.

— Какъ видите, графиня, я въ точности воспользовался вашимъ позволеніемъ,—сказалъ онъ, цѣлуя мнѣ руку.

— Къ счастью, — отвѣчала я улыбаясь, и предлагая ему сѣсть:—иначе я пропала бы отъ нетерпѣнія, такъ какъ вы въ самомъ дѣлѣ возбудили во мнѣ сильное любопытство.

Digitized by Google

— Въ такомъ случаѣ сейчасъ-же, безъ длиннаго вступленія, разскажу прямо, что̀ имѣю вамъ передать. Не сдѣлалъ этого вчера отъ того, что не хотѣлъ омрачать веселаго вашего настроенія.

— Вы пугаете меня.

— Однимъ словомъ, я былъ въ сраженіи при Маджентѣ.

— И вы были при смерти Арно!—вскрикнула я.

— Да, именно. Я могу передать вамъ о послѣднихъ его минутахъ.

— Говорите,—сказала я, дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

— Не дрожите, графиня. Если бы послѣднія его минуты были такъ ужасны, какъ у многихъ другихъ товарищей, я, навѣрное, не рѣшился бы говорить вамъ о нихъ. Ничего нѣтъ печальнѣе, какъ услыхать о дорогомъ покойникѣ, что онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Въ данномъ случаѣ дѣло было иначе.

— Вы снимаете мнѣ одинъ камень съ сердца. Разсказывайте.

— Не стану повторять вамъ пустой фразы, которою стараются утѣшить родственниковъ убитыхъ военныхъ. «Онъ умеръ, какъ герой», такъ какъ хорошенько не знаю, что этимъ желаютъ сказать. Но я могу вамъ предложить истинное утѣшеніе: онъ умеръ, не помышляя о смерти. Съ самаго начала онъ былъ убѣжденъ, что съ нимъ ничего не случится. Мы много были вмѣстѣ, и онъ много разсказывалъ мнѣ о своемъ семейномъ счастіи, показывалъ портреты своей красивой молодой жены и своего ребенка, приглашалъ меня, «когда окончена будетъ кампанія», побывать у него въ домѣ. Въ Маджентскую рѣзню я случайно очутился рядомъ съ нимъ. Избавлю васъ отъ описаній предшествовавшихъ сценъ, подобныя вещи не разсказываются. Мужчины вояки въ душѣ, посреди порохового дыма и града пуль охватываются такимъ упоеніемъ, что они собственно не сознаютъ уже, что вокругъ нихъ происходитъ. Дотцкій былъ именно такой человѣкъ. Глаза его сверкали, онъ цѣлился твердой рукой: онъ былъ вполнѣ опьяненъ войною, это я, трезвый, могъ видѣть. Вдругъ шальное ядро упало въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ. Когда чудовище разорвало, попадало десять человѣкъ, въ томъ числѣ и Дотцкій. Среди несчастныхъ поднялся жалобный стонъ, но Дотцкій не стоналъ, онъ былъ уже мертвъ. Я и еще нѣсколько товарищей наклонились къ раненымъ, чтобы, по возможности, помочь имъ. Но это было немыслимо. Они всѣ боролись со смертью, страшнѣйшимъ образомъ растерзанные и

Digitized by Google

искромсанные, испытывая ужаснѣйшія мученія... Только Дотцкій, къ которому я наклонился прежде всего, не дышалъ болѣе, сердце его было спокойно, а изъ взорваннаго бока текла кровь такими ручьями, что даже, если бы состояніе его было лишь обморокомъ, а не смертью, нечего было опасаться, что онъ снова придетъ въ себя.

— Опасаться!—перебила я со слезами.

— Да, ибо мы должны были безъ помощи бросить ихъ тамъ,—впереди насъ снова раздалось «ура», которое вело насъ на убійство, а позади неслись конные отряды, путь которыхъ лежалъ черезъ тѣла этихъ умирающихъ, и потому счастливъ былъ тотъ изъ нихъ, который потерялъ уже сознаніе. На лицѣ Дотцкаго было спокойное, безболѣзненное выраженіе—и когда, по окончаніи сраженія, мы подбирали нашихъ убитыхъ и раненыхъ, я нашелъ его на томъ же самомъ мѣстѣ, въ томъ же положеніи и съ тѣмъ же спокойнымъ выраженіемъ. Вотъ что хотѣлъ я сказать вамъ, графиня. Конечно, я могъ бы сдѣлать это уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такъ какъ я не встрѣчался съ вами, лично, то долженъ былъ написать вамъ, но мнѣ только вчера пришла мысль въ голову, когда кузина моя заявила мнѣ, что въ числѣ своихъ гостей ожидаетъ вдову Арно Дотцкаго. Простите, если я вызвалъ тяжелыя воспоминанія. Полагаю, однакожь, что я исполнилъ долгъ и освободилъ васъ отъ мучительныхъ сомнѣній.

Онъ всталъ. Я подала ему руку.

— Благодарю васъ, баронъ Тиллингъ,—сказала я, утирая слезы.—Вы дѣйствительно сдѣлали мнѣ дорогой подарокъ; успокоеніе, что кончина дорогого моего мужа была безъ боли и мученій... Но посидите же немножко, прошу васъ... Я желала-бы еще послушать васъ... Давича, въ вашемъ разсказѣ прозвучалъ тонъ, вызвавшій въ душѣ моей вибрированіе одной струны—да безъ долгихъ объясненій: вы презираете войну?

Лицо Тиллинга нахмурилось.

— Простите, графиня,—сказалъ онъ,—если объ этомъ предметѣ я не стану говорить. Къ сожалѣнію, долѣе остаться у васъ я также не располагаю возможностью—меня ожидаютъ.

Тутъ уже мое—лицо приняло холодное выраженіе: по всей вѣроятности, его ожидала принцесса,—и мысль эта была мнѣ непріятна.

— Въ такомъ случаѣ, не стану васъ задерживать, господинъ подполковникъ,—холодно отвѣтила я.

Digitized by Google

Не попросивъ даже позволенія повторить визитъ свой, онъ поклонился и вышелъ.

* * *

Масляница прошла. Роза и Лилли, сестры мои, «ужасно веселились». Каждая насчитывала по полдюжинѣ побѣдъ, но подходящей партіей изъ побѣжденныхъ никто не оказался, и настоящаго своего «суженаго» не встрѣтила ни та, ни другая. Да такъ было и лучше,—онѣ охотно готовы были еще годика два-три насладиться дѣвичьей жизнью, прежде чѣмъ надѣть на себя супружеское ярмо.

А я? Въ красныхъ тетрадкахъ впечатлѣнія карнавала отмѣчены въ нижеслѣдующихъ выраженіяхъ:

«Рада, что плясанью нашему наступилъ конецъ. Это начинало уже прискучивать. Все тѣ же самые туры, тѣ же разговоры и все одинъ и тотъ же кавалеръ,—потому что, танцуетъ-ли съ вами гусарскій поручикъ X, или драгунскій Y, или уланскій ротмистръ Z,—это безразлично,—отъ всѣхъ равно получаете тѣ же поклоны, тѣ же замѣчанія, тѣ же вздохи и взгляды. Ни единаго интереснаго человѣка среди нихъ, ни единаго. И единственный, который, во всякомъ случаѣ... но не будемъ говорить о немъ: онъ вѣдь составляетъ собственность принцессы. Она красивая женщина,—это правда,—но, по мнѣ, она очень несимпатична».

Хотя карнавалъ съ большими балами своими и миновалъ, тѣмъ не менѣе общественныя развлеченія не прекратились. Вечера, обѣды, концерты,—вихрь удовольствій былъ въ прежней силѣ. У насъ имѣлся еще въ виду большой любительскій спектакль, но это уже послѣ Пасхи. На время поста полагалось нѣкоторое воздержаніе въ развлеченіяхъ, хотя,—по мнѣнію тети Мари,—мы далеко не въ достаточной мѣрѣ ограничивали себя въ нихъ. Она не могла простить мнѣ мои неаккуратныя посѣщенія великопостныхъ проповѣдей въ церкви, и вознаграждала себя за мою нерадивость тѣмъ, что таскала Розу и Лилли по всѣмъ знаменитымъ проповѣдникамъ. Сестры охотно подчинялись этому: во-первыхъ, въ церквахъ онѣ встрѣчались съ обычной своей компаніей — патеръ Клинковстремъ былъ въ такой же модѣ у іезуитовъ, какъ пѣвица Мурска въ оперѣ, а во-вторыхъ—онѣ вѣдь были довольно набожны.

Но въ теченіе этого поста я уклонялась не только отъ проповѣдей, но также и отъ «вечеровъ». Я вдругъ потеряла вкусъ къ общественнымъ собраніямъ и съ удовольствіемъ оставалась иногда дома въ одиночествѣ, играла съ моимъ сыномъ, а когда

Digitized by Google

малютка уходилъ спать, любила усѣсться съ какой нибудь хорошей книгой къ огоньку камина и почитать. Въ такихъ случаяхъ, изрѣдка посѣщалъ меня отецъ мой и часъ или два просиживалъ въ бесѣдѣ со мной. Само собой разумѣется, что при этомъ неизбѣжно выступали на сцену походныя воспоминанія. Я передала ему свѣдѣнія Тиллинга о смерти Арно. Но разсказъ этотъ старикъ принялъ довольно равнодушно. Скончался-ли кто въ мученіяхъ или безъ оныхъ, для него это являлось вопросомъ второстепенной важности. «Лечь костьми своими», какъ обозначается смерть на полѣ брани, по мнѣнію его, являлось дѣломъ столь славнымъ, предназначеннымъ человѣку высшей судьбой, что детали неизбѣжныхъ при семъ физическихъ страданій отнюдь не принимались уже въ разсчетъ. Въ устахъ его выраженіе «лечь костьми» звучало, какъ завидное констатированіе какого-то особеннаго отличія, ближайшей степенью къ которому, по понятіямъ его, очевидно, являлась менѣе пріятная перспектива быть «раненымъ». Манера, съ какою онъ разсказывалъ — (о себѣ—съ гордостью, о другихъ—съ почтеніемъ), какъ въ томъ или другомъ сраженіи, называвшемся по имени какой-нибудь мѣстности, они были ранены, заставляла слушателя совершенно забывать, что подобное приключеніе можетъ собственно причинить боль. Какой контрастъ съ короткимъ разсказомъ Тиллинга о десяти несчастныхъ, размозженныхъ разорвавшимся ядромъ и разразившихся при этомъ громкими стенаніями,—здѣсь чувствовался совсѣмъ иной тонъ—потрясающаго состраданія. Но я не передала отцу этихъ словъ Тиллинга, инстинктивно сознавая, что онѣ показались бы ему недостойными солдата и могли уронить барона въ его глазахъ, а это бы огорчило меня, потому что именно такое, быть можетъ, не солдатское, но навѣрное человѣчное отвращеніе, съ какимъ онъ относился къ ужасной кончинѣ своихъ соратниковъ и передавалъ мнѣ о ней — оно-то и запало мнѣ въ душу.

Какъ охотно продолжала-бы я нашу бесѣду съ Тиллингомъ на ту-же тему, но повидимому онъ вовсе не хлопоталъ о поддержаніи знакомства со мною. Послѣ перваго визита его прошло двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ онъ не повторилъ своего посѣщенія, да и въ обществѣ нигдѣ не пришлось мнѣ встрѣтиться съ нимъ. Только всего два-три раза промелькнулъ онъ передо мной на Рингштрассѣ и одинъ разъ въ Бургтеатрѣ. Онъ почтительно раскланялся со мною, я привѣтливо кивнула въ отвѣтъ— вотъ и все. И болѣе ничего?.. Почему при этихъ встрѣчахъ на-

Digitized by Google

чинало сильнѣе биться мое сердце, почему послѣ нихъ цѣлыми часами не выходила у меня изъ головы манера его кланяться?..

— Милое дитя, у меня къ тебѣ просьба.—Съ этими словами какъ-то по утру вошелъ ко мнѣ отецъ. Въ рукахъ у него былъ завернутый въ бумагу пакетъ.—Тутъ вотъ я тебѣ принесъ одну вещицу,—прибавилъ онъ, кладя свертокъ на столъ.

— Просьба и вмѣстѣ съ тѣмъ подарокъ?—посмѣялась я.— Да вѣдь это подкупъ.

— Такъ выслушай-же просьбу мою, прежде чѣмъ распакуешь мой подарокъ и будешь ослѣплена его блескомъ. У меня сегодня скучный обѣдъ.

— Да, знаю: три старые генерала съ ихъ супругами.

— И два министра со своими. Короче сказать торжественная, снотворная, чопорная исторія...

— Надѣюсь, что ты не потребуешь, чтобы я.

— Да, я именно этого ожидаю отъ тебя; такъ какъ разъ дамы желаютъ оказать мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ, долженъ-же я имѣть хозяйку дома для пріема гостей.

— Но эту обязанность приняла вѣдь на себя тетя Мари.

— У нея сегодня опять извѣстная ея головная боль, такъ что мнѣ не остается иного выбора, какъ...

— Какъ принести въ жертву собственную дочь, какъ это въ древности продѣлывали уже другіе отцы, въ родѣ Агамемнона съ Ифигеніей. Покоряюсь.

— Впрочемъ, въ числѣ гостей будетъ также и нѣкоторый молодой элементъ: докторъ Брессеръ, такъ отлично пользовавшій меня за мою послѣднюю болѣзнь и которому приглашеніемъ своимъ я хотѣлъ оказать любезность, затѣмъ — подполковникъ Тиллингъ... Но что это ты вспыхнула, какъ зарево? что съ тобой?

— Я?.. Это отъ любопытства: должна-же я наконецъ взглянуть, что ты мнѣ принесъ. И я принялась освобождать пакетъ отъ бумаги.

— Это не для тебя, не ожидай чего нибудь въ родѣ жемчужнаго ожерелья. Это собственность Руди.

— Да, вижу: коробка съ игрушками, а, оловянные солдаты! Но, папа, четырехлѣтнему ребенку не слѣдуетъ.

— Я трехъ лѣтъ уже игралъ въ солдаты, и нѣтъ возраста, для котораго эта игрушка была-бы преждевременной... Самыя первыя мои впечатлѣнія были барабаны, сабли, маршировка, команда: такимъ образомъ пробуждается любовь къ военному дѣлу, такимъ образомъ...

Digitized by Google

— Сынъ мой Рудольфъ не будетъ солдатомъ,—перебила я.

— Марта! Я же знаю, что желаніе отца его...

— Бѣднаго Арно нѣтъ болѣе на свѣтѣ и Рудольфъ всецѣло принадлежитъ мнѣ, а я не желаю...

— Чтобы онъ избралъ лучшую и почетнѣйшую сферу дѣятельности.

— Жизнь единственнаго моего ребенка я ни за что не подвергну случайностямъ войны.

— Я также былъ единственнымъ сыномъ и однако сдѣлался солдатомъ. У Арно, насколько мнѣ извѣстно, тоже не было ни братьевъ, ни сестеръ, да и братъ твой Отто опять-таки единственный сынъ, и тѣмъ не менѣе я отдалъ его въ военную академію. Традиція семей нашихъ требуетъ того, чтобы отпрыскъ одного изъ Дотцкихъ и одной изъ Альтгаузовъ посвящалъ себя на служеніе отечеству.

— Отечеству онъ будетъ менѣе нуженъ, чѣмъ мнѣ.

— Если-бы всѣ матери были такого мнѣнія!

— Тогда не было-бы ни парадовъ, ни смотровъ, ни насыпей изъ людей, изображающихъ изъ себя мишень для стрѣльбы, не было-бы такъ называемаго «пушечнаго мяса». Это и не составило-бы никакого несчастія.

Отецъ страшно нахмурился. Затѣмъ пожавъ плечами, презрительно замѣтилъ:

— Ахъ, вы, женщины! Къ счастію, мальчуганъ не будетъ спрашиваться твоего позволенія. Въ его жилахъ течетъ солдатская кровь. Да и единственнымъ сыномъ твоимъ онъ не останется. Ты должна еще разъ выйдти замужъ, Марта. Въ твои годы не хорошо быть одной. Признайся мнѣ, неужели среди твоихъ претендентовъ не одинъ не съумѣлъ заслужить твоей благосклонности? Напр., ротмистръ Оленскій, смертельно влюбленный въ тебя—еще недавно онъ вздыхалъ передо мной по этому поводу. Онъ пришелся-бы мнѣ вполнѣ по вкусу въ роли зятя.

— А мнѣ, въ роли супруга, нисколько.

— Ну такъ есть вѣдь еще маіоръ Миллерсдорфъ.

— Да если ты мнѣ перечислишь весь военный штатъ, всѣ твои старанія будутъ напрасны. Въ которомъ часу назначенъ твой обѣдъ? Когда мнѣ пріѣхать?—спросила я, чтобы прервать этотъ разговоръ.

— Въ пять. Но пріѣзжай получасомъ раньше. Пока, прощай, мнѣ нужно идти. Поклонись отъ меня Рудѣ, будущему фельдмаршалу императорской арміи.

* *
*

Digitized by Google

Торжественная, чопорная, спотворная церемонія, такъ аттестовалъ отецъ мой предстоящій обѣдъ свой. Да такъ-же точно и я приняла-бы эту церемонію, не будь тутъ одного гостя, близость котораго меня какъ-то странно волновала...

Баронъ Тиллингъ пріѣхалъ какъ разъ къ обѣду. Поэтому, здороваясь съ нимъ въ гостиной, я успѣла обмѣняться съ нимъ лишь нѣсколькими словами, а за обѣдомъ мнѣ пришлось сидѣть между двумя, какъ лунь, сѣдыми генералами, далеко отъ барона Тиллинга, такъ что я никоимъ образомъ не могла втянуть его въ разговоръ на нашемъ концѣ стола. Я обрадовалась возвращенію нашему въ гостиную; здѣсь я намѣревалась подозвать Тиллинга къ себѣ и поразспросить его еще о сценѣ битвы. Меня влекло снова услышать тотъ голосъ, который въ первый разъ произвелъ на меня такое симпатичное впечатлѣніе.

Но вначалѣ къ исполненію этого намѣренія не представлялось случая. Оба сѣдовласые кавалера пребывали вѣрными мнѣ и послѣ обѣда и усѣлись около меня, когда я направилась въ гостиную разливать кофе. Къ намъ присоединились, усѣвшись полукругомъ, также мой отецъ, министръ ***, докторъ Брессеръ, а съ ними и Тиллингъ. Но завязавшійся разговоръ былъ общимъ. Остальные гости, въ томъ числѣ всѣ дамы, расположились въ другомъ углу гостиной, гдѣ не курили, тогда какъ въ нашемъ углу куреніе разрѣшалось, и даже я закурила папироску.

— Скоро-ли это будемъ мы опять воевать? — проговорилъ одинъ изъ генераловъ.

— Гм,—промычалъ другой, — по моему, слѣдующая война будетъ съ Россіей.

— Неужто постоянно должна существовать «слѣдующая» война, вставила я свое слово, но никто не обратилъ на него никакого вниманія.

— Скорѣе съ Италіей,—увѣрялъ отецъ мой.—Должны-же мы вернуть себѣ нашу Ломбардію... Вотъ такое вступленіе въ Миланъ, какъ въ 49 году со старикомъ Радецкимъ во главѣ, желалъ бы я пережить вторично. Это было въ солнечное утро..

— Ахъ, исторія вступленія въ Миланъ всѣмъ намъ извѣстна,—перебила я.

— Также какъ и исторія о храбромъ Гупфауфѣ?

— Я-то знаю ее уже, и нахожу ее даже въ высшей степени отвратительной.

— Ну что ты понимаешь въ этомъ?

— Разскажите, Альтгаузъ, мы не знаемъ этой исторіи.

Digitized by Google

Отецъ не заставилъ себя упрашивать.

— И такъ-съ, Гупфауфъ этотъ изъ полка тирольскихъ егерей, самъ тиролецъ, выкинулъ славную штуку. Онъ былъ лучшій стрѣлокъ, какого только можно себѣ представить. Всякій разъ, во время стрѣльбы въ цѣль, онъ назначался королемъ, такъ какъ почти никогда не давалъ промаха. Что же сдѣлалъ этотъ человѣкъ во время возмущенія миланцевъ? Онъ испросилъ разрѣшенія съ четырьмя товарищами взобраться на крышу собора и оттуда стрѣлять въ мятежниковъ. Ему позволили, и онъ исполнилъ это. Четверо остальныхъ, вооруженные штуцерами, только и дѣлали, что безостановочно заряжали свои орудія и передавали ихъ Гупфауфу, чтобы ему не терять времени. И такимъ образомъ, онъ перестрѣлялъ одного за другимъ девяносто итальянцевъ.

— Отвратительно!—воскликнула я.—У каждаго изъ этихъ убитыхъ итальянцевъ, въ которыхъ тотъ мѣтилъ сверху съ безопасной высоты, оставалась дома мать и любимая женщина, да и самъ онъ, навѣрное, дорожилъ молодой своей жизнью.

— Каждый изъ нихъ, дитя, былъ врагомъ; это совсѣмъ мѣняетъ точку зрѣнія.

— Вполнѣ справедливо—замѣтилъ докторъ Брессеръ—пока среди человѣчества будетъ санкціонировано понятіе о враждѣ, до тѣхъ поръ заповѣдь о человѣколюбіи и не можетъ быть общепризнанной.

— Что скажете вы, баронъ Тиллингъ?—спросила я.

— Я пожелалъ бы этому человѣку получить орденъ, который украсилъ бы его храбрую грудь, и ядро, которое пробило-бы ему жестокое сердце. То и другое было-бы ему по заслугамъ.

Я бросила говорившему теплый, благодарный взглядъ. На остальныхъ же присутствующихъ, за исключеніемъ доктора, только что произнесенныя слова произвели непріятное впечатлѣніе. Наступила пауза. Cela avait jeté un froid.

— Слышали-ли вы уже, ваше предосходительство, о книгѣ англійскаго естествоиспытателя Дарвина?—обратился, наконецъ, докторъ къ моему отцу.

— Нѣтъ, ничего не слыхалъ.

— Конечно, слышалъ, папа... вспомни только, еще четыре года тому назадъ, когда она только что появилась, нашъ книгопродавецъ прислалъ ее намъ, и ты еще сказалъ тогда, что она скоро будетъ позабыта всѣмъ міромъ.

— Что меня касается, то я ее дѣйствительно уже и позабылъ.

Digitized by Google

— А между тѣмъ весь міръ, напротивъ, она приводитъ въ изрядное смущеніе,—сказалъ докторъ.—Повсюду идутъ споры за и противъ новаго ученія о происхожденіи видовъ.

— Ахъ, это вы толкуете про обезьянью теорію?—спросилъ генералъ, сидѣвшій направо отъ меня.—Объ этомъ вчера шла рѣчь въ Казино. Господамъ ученымъ приходятъ иногда престранныя мысли въ голову—человѣкъ-де, изволите видѣть, первоначально былъ орангъ-утангомъ!

— Во всякомъ случаѣ, кивнулъ головой министръ—(а когда министръ *** говорилъ «во всякомъ случаѣ», это было знакомъ, что онъ намѣревался сказать болѣе продолжительную рѣчь), подобное предположеніе звучитъ нѣсколько комично; но и въ шутку обращать его нельзя. Эта научная теорія, не лишенная талантливости, построенная на основаніи рачительно собранныхъ фактовъ, во всякомъ случаѣ, въ достаточной степени уже опровергнута спеціалистами, тѣмъ не менѣе однако, подобно всѣмъ смѣлымъ идеямъ, сколько-бы взбалмошны ни были онѣ, она произвела извѣстный эффектъ и находитъ своихъ поборниковъ. Диспутировать о Дарвинѣ вошло въ моду. Какъ разъ будетъ изобрѣтено слово «дарвинизмъ», но во всякомъ случаѣ, къ самой теоріи, окрещенной этимъ именемъ, къ тому времени перестанутъ уже относиться серьезно. Вся ошибка въ томъ, что люди такъ горячатся, силясь опровергнуть этого англійскаго чудака; благодаря этому, его ученію придается значеніе вовсе имъ незаслуженное. Духовенство въ особенности вооружается противъ унизительной, во всякомъ случаѣ, претензіи—человѣка, созданнаго по образу и подобію Божію, вдругъ считать происходящимъ изъ царства животныхъ,—съ религіозной точки зрѣнія, предположеніе это, во всякомъ случаѣ, въ высшей степени оскорбительное. Однако, какъ извѣстно, церковная анаѳема ученію, выступающему подъ прикрытіемъ научности, не въ состояніи остановить его распространенія. Оно обезвредится только тогда, когда сведется ad absurdum представителями науки, что̀ по отношенію къ ученію Дарвина, во всякомъ случаѣ...

— Ну и «безсмылица!»—перебилъ отецъ мой,—не безосновательно опасавшійся, что новая длинная вереница «во всякомъ случаѣ» могла утомить остальныхъ гостей его:—вотъ безсмыслица! отъ обезьяны производить человѣка! Да тутъ вполнѣ достаточно такъ называемаго здраваго человѣческаго смысла, чтобы отвергнуть подобную дичь; какія-же еще для того требуются научныя опроверженія...

Digitized by Google

— Ну ужь такими аподиктически вѣрными опроверженія эти мнѣ не представляются,—заговорилъ снова докторъ.—Правда, сомнѣніе вызвано ими, но теорія сама по себѣ имѣетъ много правдоподобнаго, и потребуется не мало времени, пока ученые придутъ къ какому нибудь выводу.

— Я полагаю, что «эти» господа «никогда» ни къ чему не придутъ,—замѣтилъ генералъ,—сидѣвшій отъ меня слѣва, старавшійся говорить суровымъ тономъ и на вѣнскомъ нарѣчіи. Вѣдь «они» живутъ диспутами. Про эту обезьянью исторію я тоже слыхалъ кое-что. Но она мнѣ показалась слишкомъ глупой, чтобы интересоваться ею. Если обращать вниманіе на всю болтовню, которою эти астрономы и собиратели травъ, и всѣ эти потрошители лягушекъ забиваютъ намъ наморки—такъ можно потерять и слухъ, и зрѣніе. Впрочемъ, недавно въ одномъ иллюстрированномъ изданіи видѣлъ я портретъ Дарвина; у него у самого лицо до такой степени похоже на обезьянью морду, что я почти готовъ повѣрить, что дѣдушка его былъ чимпанзе.

За этой остротой, весьма понравившейся самому автору ея, послѣдовалъ собственный его громкій хохотъ, въ которомъ отецъ, изъ любезности, какъ хозяинъ, поддержалъ его.

— Смѣхъ, во всякомъ случаѣ, есть также оружіе,—серьезно замѣтилъ министръ,—только онъ ничего не доказываетъ. Дарвинизму—употребляю уже это новое выраженіе—можно противупоставить и серьезные аргументы, на научныхъ основахъ. Если противъ писателя, не имѣющаго за собою авторитетности, можно выставить такія имена, какъ Линней, Кювье, Агассизъ, Катрфажъ, то система его должна рухнуть. Съ другой стороны, во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, что между человѣкомъ и обезьяной много общаго въ породѣ, и что...

— Несмотря на такое сходство, пропасть между ними все-таки тянется на цѣлыя мили, — перебилъ кроткій генералъ.— Развѣ можно представить себѣ обезьяну, которая изобрѣла бы телеграфъ? Одна способность рѣчи поднимаетъ человѣка надъ животнымъ такъ высоко...

— Виноватъ, ваше превосходительство,—вмѣшался докторъ Брессеръ,—способность рѣчи и техническія изобрѣтенія не были прирожденными человѣку — дикарь и въ настоящее время не соорудитъ вамъ телеграфнаго аппарата. Все это уже плоды постепеннаго усовершенствованія и развитія...

— Да, да, милѣйшій докторъ,—возразилъ генералъ,—знаю: развитіе это—боевое слово новой теоріи, но изъ кэнгуру не

Digitized by Google

разовьется верблюдъ... да и почему же въ наши дни ни одна обезьяна не обратится въ человѣка?

Тутъ я обратилась къ барону Тиллингу:

— Что же скажете вы? Слыхали-ли вы про Дарвина и причисляете-ли вы себя къ его послѣдователямъ или къ его противникамъ?

— Слыхать по этому поводу много слыхалъ, графиня. Но мнѣнія своего сказать не могу, такъ какъ не читалъ сочиненія «The origin of species», о которомъ идетъ рѣчь.

— Долженъ признаться, и я также не читалъ его,—вставилъ докторъ.

— Ну, «читать» его, во всякомъ случаѣ, я не читалъ, — признался министръ.

— Я также! И я также! И я также!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Однако,—продолжалъ министръ,—на тему эту такъ много говорятъ, хлесткія выраженія системы Дарвина у всѣхъ на устахъ: «борьба за существованіе», «естественный подборъ», «эволюція» и т. п., такъ что можно составить себѣ ясное представленіе обо всей системѣ вообще и рѣшительно стать на сторону послѣдователей или противниковъ ея. Къ первой категоріи относятся, во всякомъ случаѣ, лишь поклонники переворотовъ и горячія головы, гоняющіяся за эффектами. Люди же хладнокровные, требующіе положительныхъ доказательствъ, строгаго критическаго анализа, не могутъ принять иную точку зрѣнія, кромѣ той, которую раздѣляютъ столь извѣстные спеціалисты изъ лагеря противниковъ; точка зрѣнія, которую, во всякомъ случаѣ...

— Нельзя выдавать за достовѣрную, пока не знаешь точку зрѣнія послѣдователей,—докончилъ Тиллингъ. — Чтобы по достоинству оцѣнить аргументацію противниковъ, какая раздается хоромъ со всѣхъ сторонъ, лишь только нарождается какая нибудь новая идея, необходимо также и самому основательно ознакомиться съ этой идеей. Обыкновенно съ подобнымъ единодушіемъ массами повторяются самые слабые и неосновательные аргументы, а на нихъ я и не подумаю обосновать свой приговоръ. Съ нарожденіемъ Коперниковой системы, убѣдиться въ вѣрности вычисленій Коперника могли только тѣ, кто взялъ на себя трудъ продѣлать эти вычисленія самолично. Другіе же, руководствовавшіеся въ мнѣніи своемъ анаѳемой, гремѣвшей противъ новой системы изъ самаго Рима...

Digitized by Google

— Въ нашъ вѣкъ, какъ я уже замѣтилъ раньше,—перебилъ министръ,—научныя гипотезы, въ случаѣ ихъ ошибочности, не опровергаются болѣе съ точки зрѣнія религіи, а съ точки зрѣнія науки.

— Не только въ томъ случаѣ, если онѣ ошибочны, — возразилъ Тиллингъ,— но даже если впослѣдствіи онѣ и подтверждаются на дѣлѣ, новыя гипотезы, вначалѣ, всегда оспариваются рутинерами среди ученыхъ. И въ данномъ случаѣ, подобные же рутинеры не охотно поступаются своими старозавѣтными воззрѣніями и догматами. Совершенно такъ же, какъ было и во времена Коперника, противъ котораго усердствовали не только одни отцы церкви, но въ той же мѣрѣ и сами астрономы.

— Не желаете-ли вы этимъ доказать, — вступился сердитый генералъ,—что обезьянья теорія сумасброднаго англичанина столь же истинна, какъ то, что земля вертится вокругъ солнца?

— Ничего я не желаю доказывать, ибо, какъ было уже сказано, не знаю самой книги. Но намѣреваюсь прочесть ее. Быть можетъ,—но только именно, быть можетъ, такъ какъ научныя познанія мои очень ограничены,—тогда я буду въ состояніи судить о ней. До тѣхъ-же поръ мнѣ придется основывать мнѣніе свое лишь на томъ обстоятельствѣ, что теорія эта вызываетъ страстный протестъ со всѣхъ сторонъ, обстоятельство, свидѣтельствующее, по моему, «во всякомъ случаѣ» скорѣе за, нежели противъ ея истинности.

— Какой у тебя смѣлый, прямой, свѣтлый умъ,—мысленно привѣтствовала я Тиллинга.

* * *

Часовъ около восьми гости стали собираться по домамъ. Отецъ пытался удерживать ихъ, я также обязательно пробормотала нѣсколько любезныхъ фразъ, въ родѣ: «выпейте-же еще хоть чашку чаю, по крайней мѣрѣ?» Но все было напрасно. Всякій приносилъ свое извиненіе: одного ждали въ Казино, другаго на вечерѣ. У одной дамы это былъ день ея абонемента въ оперѣ, ей хотѣлось послушать четвертый актъ «Гугенотовъ». Другая къ себѣ ожидала еще гостей. Словомъ сказать, приходилось отпустить ихъ, да и сожалѣнія наши объ этомъ, конечно, были преувеличены.

Тиллингъ и докторъ Брессеръ, поднявшись вмѣстѣ съ остальными, откланивались послѣдними.

Digitized by Google

— Какія же важныя дѣла предстоятъ вамъ обоимъ?—спросилъ отецъ.

— У меня собственно ничего нѣтъ особеннаго, — отвѣчалъ Тиллингъ, улыбаясь. Но такъ какъ всѣ гости уходятъ, было бы неловко...

— Про себя могу сказать то же самое,—заявилъ докторъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, арестую васъ обоихъ.

Нѣсколько минутъ спустя, отецъ съ докторомъ усѣлись за карточный столъ и углубились въ партію пикета, а баронъ Тиллингъ подсѣлъ около меня къ камину. «Усыпительная исторія» этотъ обѣдъ?—Нѣтъ, на самомъ дѣлѣ, пріятнѣе и оживленнѣе не могла-бы я себя представить никакого вечера,—мелькнуло у меня въ головѣ, и я прибавила вслухъ:

— Собственно, мнѣ слѣдовало-бы попенять вамъ, баронъ Тиллингъ: почему это послѣ перваго своего визита вы забыли дорогу къ моему дому.

— Вы же не пригласили меня повторить визита.

— Но вѣдь я же сказала вамъ, что по субботамъ.

— Да, да, между двумя и четырьмя... Этого вы не должны отъ меня требовать, графиня. Откровенно говоря, я не знаю ничего ужаснѣе этихъ оффиціальныхъ пріемныхъ дней. Войдти въ гостиную, переполненную незнакомымъ обществомъ, раскланяться хозяйкѣ, на крайнемъ концѣ полукруга занять мѣсто,—выслушивать обмѣнъ замѣчаній о погодѣ и, если случайно сосѣдъ вашъ окажется вамъ знакомымъ, тутъ же вставить и свое слово; со стороны хозяйки, въ видѣ особой чести, получить какой нибудь мимолетный вопросъ, брошенный ею изъ одного конца комнаты въ другой; поспѣшно отвѣтить, въ надеждѣ, что вотъ теперь съ той, къ которой ты собственно и стремился, завяжется разговоръ; однако не тутъ-то было: какъ разъ опять входитъ новый гость, котораго надо привѣтствовать и который затѣмъ усаживается на слѣдующее пустое мѣстечко полукруга и, полагая, что тема эта еще не была затронута, пускаетъ въ ходъ новое замѣчаніе о погодѣ; затѣмъ минутъ черезъ десять является новая партія посѣтителей, иногда мамаша съ четырьмя дочками-невѣстами, для которыхъ не хватаетъ уже стульевъ, тогда, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ гостей, приходится встать, откланяться хозяйкѣ дома и отправиться восвояси—нѣтъ, графиня, все это не подъ силу моимъ и безъ того слабымъ салоннымъ способностямъ.

— Повидимому, вы вообще избѣгаете общества—васъ нигдѣ

Digitized by Google

не видно. Развѣ вы человѣконенавистникъ?... Но нѣтъ, этотъ вопросъ я беру назадъ. Судя по нѣкоторымъ убѣжденіямъ, высказаннымъ вами, я заключаю, что, напротивъ того, вы любите всѣхъ людей.

— Человѣчество я люблю, но всѣхъ людей? — Нѣтъ. Между ними есть слишкомъ много негодяевъ, ограниченныхъ людей, эгоистовъ, хладнокровно жестокихъ, — тѣхъ я не могу любить, хотя въ то же время и сожалѣю о нихъ, что воспитаніе и обстоятельства помѣшали имъ быть достойными любви.

— Обстоятельства и воспитаніе? Характеръ-же зависитъ главнымъ образомъ отъ природныхъ свойствъ—вы иного мнѣнія?

— То, что вы называете природными склонностями, въ сущности, есть ни что иное, какъ обстоятельства, унаслѣдованныя обстоятельства.

— Значитъ вы держитесь того взгляда, что дурной человѣкъ въ своей негодности не виновенъ, и поэтому презираемъ быть не можетъ.

— Первой посылкой не обусловливается подобное умозаключеніе. Вѣдь вотъ вы точно также неповинны въ вашей красотѣ, и тѣмъ не менѣе все-таки же достойны поклоненія.

— Баронъ Тиллингъ! Мы начали, какъ два разсудительныхъ человѣка бесѣдовать о серьезныхъ вещахъ; развѣ я подала поводъ, чтобы ни съ того, ни съ сего меня начали вдругъ третировать, какъ салонную даму, напрашивающуюся на комплименты?

— Простите; это было сказано не въ такомъ смыслѣ. Я просто воспользовался ближайшимъ аргументомъ.

Наступила маленькая пауза. Взоръ Тиллинга, съ выраженіемъ восторга, почти что нѣжности, остановился на моихъ глазахъ, которые я не опустила... Хорошо знаю, что должна была отвернуться въ сторону, но я не сдѣлала этого. Я почувствовала, что щеки мои вспыхнули румянцемъ, и сознавала, что если онъ находилъ меня хорошенькой вообще, то въ эту минуту я должна была показаться ему еще краше. Это было пріятное, «злоумышленное», отуманивающее чувство, которое длилось полминуты. Дольше длиться оно не могло. Я подняла вѣеръ къ лицу и перемѣнила положеніе. Затѣмъ равнодушнымъ тономъ заговорила:

— Вы давеча превосходно отпарировали министра «во всякомъ случаѣ».

Digitized by Google

Тиллингъ тряхнулъ головой, какъ будто очнувшись отъ какой-то грезы.

— Я?... Давеча?... Не помню. Напротивъ того, мнѣ кажется, я вызвалъ общее неудовольствіе своимъ замѣчаніемъ о Шпрингауфѣ—Гопсауфѣ—или какъ тамъ звали этого храбраго стрѣлка.

— Гупфауфъ!

— Вы были единственная, которая одобрила меня. Но превосходительные старики, напротивъ, во всякомъ случаѣ оскорбились моимъ отзывомъ въ высшей степени неприличнымъ для императорскаго подполковника... «Жестокое сердце» — выразиться такъ о человѣкѣ, который являетъ такое искусство въ пристрѣливаніи враговъ: да это богохульство! Про солдатъ-же извѣстно, что чѣмъ хладнокровнѣе они убиваютъ, тѣмъ благодушнѣе они, какъ товарищи. Во всемъ мелодраматическомъ репертуарѣ нѣтъ болѣе сентиментальной трогательной фигуры, нежели посѣдѣвшій въ битвахъ, мягкосердный воинъ: никакой мухи не обидѣть подобному ветерану на костыляхъ...

— Почему вы пошли въ военную службу?

— Поставленнымъ такимъ образомъ вопросомъ этимъ вы доказываете мнѣ, что заглянули въ мою душу. Не я,—не тридцатидевятилѣтній Фридрихъ Тиллингъ, переживший три похода, избралъ это призваніе, а маленькій десяти-двѣнадцатилѣтній Фрицъ, выросшій посреди деревянныхъ ратныхъ коней, котораго отецъ его, украшенный орденами генералъ, и дядюшка, дѣвичій сердцеѣдъ—поручикъ, весело вопросили: ну мальчуганъ, кѣмъ хочешь ты быть? Кѣмъ-же, какъ не настоящимъ солдатомъ, съ настоящей саблей и живой лошадью?

— Вотъ сегодня сыну моему Рудольфу также принесли коробку оловянныхъ солдатиковъ, но я не дамъ ихъ ему. Почему-же, однако, когда Фрицъ обратился въ Фридриха,—почему-же онъ не бросилъ службы, которая стала для него ненавистной?

— Ненавистной? Это уже слишкомъ сильно сказано. Я ненавижу порядокъ вещей, налагающій на насъ, людей, столь безчеловѣчныя обязанности, какъ веденіе войны. Но разъ положеніе это существуетъ, неизбѣжно существуетъ, то я не могу ненавидѣть людей, принимающихъ на себя вытекающія отсюда обязанности и исполняющихъ ихъ, затрачивая лучшія свои силы. Уйди я изъ военной службы, развѣ число войнъ уменьшилось бы отъ того? Конечно нѣтъ. Только вмѣсто меня рисковалъ-бы своей жизнью кто нибудь другой, а это я и самъ могу сдѣлать не хуже его.

Digitized by Google

— Развѣ не могли бы вы ближнимъ своимъ принести болѣе пользы на другомъ поприщѣ?

— Я не сумѣлъ-бы. У меня нѣтъ болѣе никакихъ основательныхъ познаній, кромѣ военнаго дѣла. Можно и тутъ сдѣлать много добра и принести пользу окружающимъ; у меня достаточно случаевъ облегчать жизнь людей, служащихъ подъ моимъ начальствомъ. Что же меня самого касается—я, такъ сказать, тоже вѣдь ближній—то я пользуюсь тѣмъ уваженіемъ, которое свѣтъ оказываетъ военному сословію. Я сдѣлалъ довольно порядочную карьеру, любимъ среди товарищей и доволенъ такой удачей. Капитала у меня нѣтъ, какъ частный человѣкъ, я не имѣлъ бы возможности быть полезнымъ ни другимъ, ни себѣ,—чего-же бы ради мнѣ бросать мою службу?

— Изъ-за того, что вамъ противно убійство.

— Когда дѣло идетъ о защитѣ собственной жизни противъ другого убійцы, въ такомъ случаѣ личная отвѣтственность за убійство исчезаетъ. Война часто и вполнѣ основательно зовется массовымъ убійствомъ, но каждый въ отдѣльности, конечно, не сознаетъ себя убійцей. Но тѣмъ не менѣе сраженіе возмущаетъ меня, горестныя сцены на полѣ битвы вызываютъ во мнѣ боль и отвращеніе—это совершенная истина. Я страдаю при этомъ, страдаю ужасно... но вѣдь такъ же точно во время бури иной морякъ страдаетъ морской болѣзнью, и тѣмъ не менѣе, если онъ не окончательный трусишка, то выдерживаетъ всю бурю на палубѣ и, въ случаѣ нужды, отваживается снова пуститься въ море.

— Да, въ случаѣ нужды. Развѣ въ войнѣ есть нужда?

— Это другой вопросъ. Но идти въ походъ вмѣстѣ со всѣми для каждаго въ отдѣльности является уже «обязанностью»—и это сознаніе даетъ воину если не охоту, то силу для выполненія служебнаго своего долга.

Въ такомъ духѣ болтали мы еще нѣсколько времени вполголоса, чтобы не мѣшать игравшимъ въ пикетъ, а также и для того, чтобы до нихъ не долеталъ нашъ разговоръ, такъ какъ наши воззрѣнія, которыми мы взаимно обмѣнивались другъ съ другомъ, не годились для слуха генерала Альтгауза.

Тиллингъ разсказалъ мнѣ еще нѣсколько боевыхъ эпизодовъ и испытанное имъ притомъ отвращеніе, я подѣлилась съ нимъ приведенными Боклемъ соображеніями на счетъ ослабленія воинственнаго духа съ развитіемъ цивилизаціи. Я поняла, что такая откровенная бесѣда Тиллинга со мною на эту тему была

Digitized by Google

признакомъ глубокаго его довѣрія, я чувствовала, какъ въ то же время струя симпатіи сообщилась отъ одной души другой.

— Однако, вы съ большимъ жаромъ шушукаетесь тамъ о чемъ-то! крикнулъ намъ какъ-то отецъ, тасуя карты. Какой заговоръ вы тамъ учиняете?

— Я разсказываю графинѣ походныя исторіи.

— Да? Ну, къ нимъ она привыкла еще съ дѣтства. Я самъ также люблю иногда пускаться въ такіе разсказы.

— Шесть картъ, господинъ докторъ, и одинъ квартъ-мажоръ.

Мы снова принялись за наше шушуканье.

Вдругъ, во время разсказа Тиллинга, когда онъ снова вперилъ въ меня взоръ свой, а въ голосѣ его звучало такое беззавѣтное довѣріе, вдругъ я вспомнила принцессу.

Меня кольнуло, и я отвернула голову.

Тиллингъ остановился на полусловѣ.

— Что вы дѣлаете такое сердитое лицо, графиня?—испуганно спросилъ онъ. Развѣ я сказалъ что-нибудь непріятное вамъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... это была только одна мучительная мысль. Продолжайте.

— Я даже позабылъ, о чемъ говорилъ. Откройте мнѣ лучше вашу мучительную мысль. Я все время такъ откровенно выкладывалъ вамъ свою душу, отплатите мнѣ тою же монетою.

— Я положительно не могу сказать вамъ, о чемъ я только что думала.

— Не можете? Тогда позвольте попробовать отгадать... Это касалось васъ?

— Нѣтъ.

— Меня?

Я кивнула утвердительно головой.

— Нѣчто мучительное обо мнѣ, чего вы мнѣ не можете сказать?... Не...

— Не ломайте своей головы. Я рѣшительно отказываюсь отъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій!

При этомъ я встала и взглянула на часы.

— Уже половина десятаго... Теперь я попрощаюсь съ тобой, папа.

Отецъ поднялъ глаза изъ-за картъ:

— Развѣ ты отправляешься еще на вечеръ?

— Нѣтъ, домой, я вчера очень поздно легла.

— И тебѣ хочется спать? Ну, Тиллингъ, это вамъ не комплиментъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ, смѣясь протестовала я, баронъ ни въ чемъ не виноватъ... мы очень весело болтали съ нимъ.

Я простилась съ отцомъ и докторомъ. Тиллингъ попросилъ позволенія проводить меня до кареты.

Онъ самъ подалъ мнѣ въ передней пальто и подъ руку свелъ меня съ лѣстницы. Когда мы спускались, онъ вдругъ остановился и серьезно спросилъ меня:

— Еще разъ, графиня, не прогнѣвалъ-ли я васъ чѣмъ нибудь?

— Нѣтъ, честное слово.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я покоенъ.

Подсаживая меня въ карету, онъ крѣпко сжалъ мою руку и поднесъ ее къ губамъ.

— Когда же позволите засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе?

— По субботамъ я...

— Дома, понимаю: значитъ, никогда.

Онъ поклонился и сдѣлалъ шагъ назадъ.

Я хотѣла еще что-то крикнуть ему вслѣдъ, но лакей захлопнулъ дверцы экипажа.

Откинувшись въ уголъ кареты, я просто готова была расплакаться слезами упрямства, какъ раскапризничавшійся ребенокъ.

Я была зла сама на себя: какъ могла я быть такой холодной, такой невѣжливой, такой почти грубой по отношенію къ человѣку, внушавшему мнѣ такую симпатію... Во всемъ виновата эта принцесса, какъ я ее ненавижу! Но что это было?... Ревность? И вдругъ мнѣ стало ясно, что именно меня волновало: я была влюблена въ Тиллинга... „Влюблена... блена... блена“, отстукивали колеса по мостовой. „Ты любишь его“, сверкали мнѣ мимо летѣвшіе уличные фонари. „Ты любишь его“, благоухало мнѣ изъ перчатки, которую я прижала къ губамъ моимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ поцѣловалъ ее.

* * *

На слѣдующій день въ красныя тетрадки внесла я слѣдующія строки: „То, что вчера говорили мнѣ каретныя колеса и уличные фонари, несправедливо, или же, по меньшей мѣрѣ, очень преувеличено. Симпатія къ благородному и разумному человѣку,— да. Но страсть?—нѣтъ, не брошу же вѣдь я своего сердца такому человѣку, который принадлежитъ другой. Онъ также симпатизируетъ мнѣ, мы во многомъ сходимся; быть можетъ, я

Digitized by Google

единственная, которой онъ довѣрилъ сокровенныя мысли свои о войнѣ, но отсюда далеко еще до того, чтобы онъ былъ влюбленъ въ меня, и столь же мало основанія имѣю я быть влюбленной въ него. Что я не пригласила его къ себѣ въ другой день, помимо столь ненавистныхъ для него оффиціальныхъ пріемныхъ дней, послѣ только что происшедшей между нами столь задушевной бесѣды, это могло, конечно, показаться нѣсколько нерадушнымъ... Но, быть можетъ, такъ-то и лучше. Недѣльки двѣ-три спустя послѣ вчерашнихъ впечатлѣній, такъ глубоко взволновавшихъ меня, я снова буду въ состояніи встрѣтить Тиллинга совершенно спокойно, свыкшись съ той мыслью, что онъ любитъ другую, и безмятежно насладиться его дружеской и живительной бесѣдой. Такъ какъ знакомство съ нимъ положительно доставляетъ удовольствіе,—онъ иной человѣкъ, ну, совсѣмъ иной, чѣмъ другіе. Я въ самомъ дѣлѣ рада, что могу сегодня констатировать фактъ этотъ такъ спокойно, а вчера былъ одинъ моментъ, когда я боялась, что покой мой нарушенъ и что я сдѣлаюсь добычей мучительной ревности... но сегодня опасенія эти разсѣялись".

Въ тотъ же день поѣхала я къ пріятельницѣ моей Лори Грисбахъ, той самой, въ домѣ которой я узнала о смерти бѣднаго моего Арно. Изъ числа знакомыхъ мнѣ дамъ я видѣлась съ ней чаще и была интимнѣе съ ней, чѣмъ съ другими. Не то, что мы во многомъ сходились или вполнѣ понимали одна другую, что̀ обыкновенно служитъ основой всякой истинной дружбы; но дѣтьми мы играли вмѣстѣ, какъ молодыя дамы, занимали одинаковое положеніе въ свѣтѣ и видѣлись тогда ежедневно. Такимъ-то образомъ между нами возникла извѣстная интимность по привычкѣ, которая, несмотря на значительную разницу основныхъ чертъ нашихъ характеровъ, дѣлала взаимное наше знакомство пріятнымъ и симпатичнымъ. Существовалъ извѣстный крайне ограниченный кругъ общихъ интересовъ, занимавшихъ насъ обѣихъ, и въ предѣлахъ которыхъ мы искренно сочувствовали другъ другу. Цѣлыя страницы душевной моей жизни были для нея вполнѣ закрыты. О взглядахъ и понятіяхъ, въ которымъ я пришла въ тиши уединенія въ періодъ моихъ занятій, не обмолвилась я ей ни единымъ словечкомъ, да и не чувствовала къ тому ни малѣйшей потребности. Какъ рѣдко можно открыть другому человѣку всю свою душу! Часто испытывала я въ жизни, что одному человѣку могла открыть только одну извѣстную сторону духовной моей личности, дру-

Digitized by Google

гому—только другую; что, при соприкосновеніи съ тѣмъ или другимъ изъ нихъ, у меня звучалъ, такъ сказать, лишь извѣстный регистръ моей души, вся-же остальная клавіатура оставалась нѣмою.

У меня съ Лори находилось довольно много предметовъ, дававшихъ намъ матеріалъ на цѣлые часы болтовни: дѣтскія наши воспоминанія, наши малютки, событія и приключенія въ кругу нашего общества, туалеты, англійскіе романы и многое множество тому подобной всячины.

Сынъ Лори-Ксаверъ былъ сверстникомъ моего Рудольфа и любимымъ товарищемъ дѣтскихъ игръ его, а дочурка ея, Беатриса, въ то время десятимѣсячная крошка, въ шутку предназначалась нами въ будущемъ сдѣлаться графиней Дотцкой.

— Наконецъ-то ты показалась!—встрѣтила меня Лори.— Въ послѣднее время ты стала настоящей отшельницей. Будущаго зятя моего я также давно не имѣла чести видѣть у себя. Беатриса приметъ это въ очень дурную сторону... Ну, дѣточка, разсказывай, что ты подѣлываешь?.. А какъ поживаютъ Роза и Лилли? Для Лилли у меня, между прочимъ, есть интересная новость, принесенная мнѣ вчера мужемъ изъ кафе: въ нее ужасно влюбленъ одинъ господинъ, нѣкто, про котораго я воображала, что онъ тебѣ строитъ куры... но объ этомъ разскажу послѣ. Какое на тебѣ хорошенькое платье, отъ Франсины, не правда-ли? Это я сейчасъ увидѣла, у нея есть своеобразный отпечатокъ... А шляпа отъ Жендро? Идетъ къ тебѣ, просто прелесть... Онъ дѣлаетъ теперь не только шляпы, но и костюмы... тоже съ громаднымъ вкусомъ. Вчера на вечерѣ у Дитрихштейновъ... ты почему это не пріѣхала?.. Нини Шотекъ была въ туалетѣ отъ Жендро и казалась почти хорошенькой...

Въ такомъ духѣ шла бесѣда нѣкоторое время, и я отвѣчала Лори въ томъ же тонѣ. Затѣмъ ловко наведя разговоръ на курсирующія въ свѣтѣ сплетни, съ напускной непринужденностью задала я ей слѣдующій вопросъ:

— Ты также слышала, будто бы принцесса*** состоитъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ нѣкіемъ барономъ Тиллингомъ?

— Слышала нѣчто подобное, но во всякомъ случаѣ, c'est de l'histoire ancienne. Въ настоящее время, какъ это всѣмъ извѣстно, принцесса увлекается однимъ актеромъ изъ Бургъ-театра. Ужь не ты-ли интересуешься этимъ барономъ Тиллингомъ? Ты краснѣешь? Нечего отрицательно покачивать головой, лучше признавайся! И безъ того неслыханное дѣло, что ты такъ долго

Digitized by Google

остаешься холодной и безчувственной... для меня было бы истиннымъ удовольствіемъ узнать, что наконецъ-то ты влюбилась... Словъ нѣтъ, Тиллингъ для тебя не партія, у тебя есть болѣе блестящіе претенденты, у того говорятъ гроша нѣтъ за душой. Ну, да ты сама достаточно богата, но онъ же и старенекъ для тебя... Сколько лѣтъ было-бы теперь бѣдному Арно?.. Вотъ грустно-то было тогда... никогда не забуду той минуты, когда ты мнѣ вслухъ читала письмо моего брата... Да, скверное все таки обыкновеніе война... для нѣкоторыхъ... для другихъ это просто кладъ; вотъ хоть бы мужъ мой; онъ ни о чемъ такъ страстно не мечтаетъ, какъ о томъ, чтобы поскорѣй снова началась кампанія, ему такъ хочется отличиться. Я понимаю это, будь я солдатомъ, я также желала бы имѣть возможность совершить какой-нибудь великій подвигъ или во всякомъ случаѣ шагнуть впередъ въ смыслѣ карьеры.

— Или же быть изуродованной или убитой?

— Объ этомъ я бы никогда и не вздумала. О такихъ вещахъ не слѣдуетъ думать, да и попадаетъ всегда въ тѣхъ, кому суждено. Такъ что, душа моя, судьба тебѣ была остаться молодой вдовой...

— И для того должна была возгорѣться война съ Италіей?

— Такъ и мнѣ: если суждено быть женой, сравнительно, молодого генерала...

— Въ такомъ случаѣ, вскорѣ должно произойти международное столкновеніе, дабы Грисбахъ могъ поскорѣе повыситься? Ты предначертываешь міровому порядку весьма простой путь... Что же хотѣла ты разсказать мнѣ по поводу Лилли?

— Что въ нее влюбленъ кузенъ вашъ Конрадъ. Я полагаю, что онъ скоро за нее посватается.

— Въ этомъ я сомнѣваюсь. Конрадъ Альтгаузъ слишкомъ вѣтряный и сумасбродный малый, чтобы думать о женитьбѣ.

— Ахъ, сумасбродны и вѣтряны всѣ они, а женятся же, когда влюбятся до безумія... Какъ ты думаешь, онъ нравится Лилли?

— Я ничего не замѣтила.

— Это была бы очень хорошая партія. По смерти дяди своего Дронтгейма онъ наслѣдуетъ имѣніе Селавецъ. A propos Дронтгейма — ты знаешь, что Ферди Дронтгеймъ, тотъ самый, который промоталъ свое состояніе вмѣстѣ съ танцовщицей Грилли, теперь, какъ говорятъ, женится на дочери одного богатаго банкира. Ну, принимать-то ее, конечно же, никто не

Digitized by Google

станетъ... А ты будешь сегодня въ Англійскомъ посольствѣ? Опять нѣтъ? Собственно, ты права — на этихъ посольскихъ раутахъ чувствуешь себя, во всякомъ случаѣ, какъ-то не въ своей средѣ: тамъ такая масса иностранцевъ, о которыхъ хорошенько не знаешь, на сколько это люди comme il faut. Всякій проѣзжій англичанинъ, дѣлающій визитъ своему посланнику, приглашается на эти пріемы,—будь это землевладѣлецъ изъ мѣщанъ, или даже какой нибудь фабрикантъ или нѣчто въ этомъ родѣ. Я люблю англичанъ только въ изданіяхъ Таухница. Прочла ты уже «Jane Eyre?» Не правда ли восхитительно? Когда Беатриса начнетъ говорить, возьму къ ней бонну-англичанку. Француженкой Ксаверъ я совсѣмъ недовольна... На дняхъ встрѣчаю ее, во время прогулки съ мальчикомъ, въ обществѣ молодого человѣка, съ виду прикащикомъ, который прелюбезно съ ней разговариваетъ. И вдругъ я, какъ выросла передъ ними— если бы ты видѣла ихъ смущеніе! Вообще съ людьми сущее наказаніе!.. А моя горничная, — представь себѣ, — вдругъ объявляетъ на дняхъ, что она выходитъ замужъ... теперь, когда я къ ней привыкла. . я ненавижу новыя лица... Какъ? ты уже уходишь?

— Да, душа моя, у меня есть еще нѣсколько визитовъ, которые я должна непремѣнно успѣть сдѣлать... Прощай.

И я не поддалась ни на какія «еще только пять минутъ», хотя визиты были выдуманы. Иначе пришлось бы цѣлый часъ выслушивать такую безсодержательную болтовню и самой болтать всякій вздоръ, въ этотъ день мнѣ это было слишкомъ противно...

Мнѣ такъ хотѣлось, чтобы повторился разговоръ вчерашняго вечера; а Тиллингъ, — Фридрихъ Тиллингъ... Какъ видно тотъ рефрэнъ, который мнѣ слышался въ шумѣ колесъ, былъ не спроста... Во мнѣ произошла перемѣна,—я унеслась въ другой міръ, въ міръ чувствъ; эти мелкіе интересы, которыми поглощена моя пріятельница — туалеты, бонны, свадьбы, наслѣдства, всякія свѣтскія сплетни, — все это было слишкомъ ничтожно, слишкомъ безсодержательно, было отъ чего задохнуться...

Пора же вздохнуть и другимъ воздухомъ, очнуться для другой жизни. И вѣдь Тиллингъ свободенъ: вѣдь принцесса влюблена въ «актера Бургъ-театра...» Онъ ее, конечно, никогда не любилъ... случайная встрѣча... мимолѣтная встрѣча изъ области прошлаго—ничего болѣе.

* *
*

Digitized by Google

Прошло нѣсколько дней, я все не видала Тиллинга. Каждый вечеръ я нарочно отправлялась въ театръ, а оттуда куда нибудь на вечеръ, въ надеждѣ встрѣтиться съ нимъ, но напрасно. Въ мой пріемный день у меня перебывало не мало народу; онъ, конечно, не былъ. Впрочемъ, я и не ждала его. Послѣ его опредѣленной фразы: «графиня, надѣюсь вы этого отъ меня не ждете» и подъ шумъ колесъ: «я понимаю — значитъ въ такомъ случаѣ не надо»...

Было бы не похоже на него, если бы онъ вдругъ явился ко мнѣ въ такой день. Было несомнѣнно, что я его обидѣла въ тотъ вечеръ, ясно, что онъ избѣгалъ меня. Но что же мнѣ дѣлать? Я жаждала увидать его снова, загладить мою нелюбезность, пережить снова часъ такого разговора съ нимъ какъ тогда, въ домѣ моего отца; для меня разговоръ этотъ сталъ еще дороже на сто процентовъ съ тѣхъ поръ, какъ у меня явилось сознаніе моей любви къ нему.

Вмѣсто Тиллинга въ слѣдующую субботу меня посѣтила его кузина, та самая, у которой на балу я познакомилась съ нимъ.

У меня забилось сердце, когда я ее увидала,—наконецъ-то я могла узнать хоть что нибудь о томъ, кѣмъ полны были мои мысли; но у меня не хватало духа спросить о немъ прямо, я чувствовала, что какъ только произнесу его имя, я покраснѣю до ушей, выдамъ себя и потому я разспрашивала мою гостью о разныхъ самыхъ разнообразныхъ предметахъ, между прочимъ, и о погодѣ, только ни слова о томъ, что у меня было на сердцѣ.

— Ахъ, Марта, проговорила она неожиданно, у меня къ вамъ порученіе—поклонъ отъ Фридриха, онъ уѣхалъ третьяго дня.

Я чувствовала какъ блѣднѣю.

— Уѣхалъ? Куда? Развѣ его полкъ переведенъ?

— Нѣтъ, онъ взялъ кратковременный отпускъ для поѣздки въ Берлинъ къ матери, которая умираетъ. Такъ жаль его, бѣднаго, онъ боготворилъ свою мать.

Черезъ два дня я получила письмо, написанное незнакомымъ мнѣ почеркомъ, со штемпелемъ изъ Берлина. Прежде чѣмъ я взглянула на подпись, я уже знала, что письмо отъ Тиллинга.

Вотъ оно:

«Берлинъ. Фридрихштрассе, 8 (30) марта 1863 г., часъ ночи.

«Дорогая графиня, я долженъ кому-нибудь излить мою скорбь... Отчего именно вамъ? По какому праву? О правѣ не

Digitized by Google

можетъ быть и рѣчи, неудержимая потребность заставляетъ меня писать вамъ. Я знаю, что вы отнесетесь сочувственно къ моему горю. Если бы вы лично знали умирающую, вы бы непремѣнно любили ее. И это нѣжное сердце, этотъ свѣтлый умъ, этотъ веселый нравъ, это благородство и достоинство, все это должно сойти въ могилу, надежды нѣтъ никакой!

Я весь день провелъ у ея изголовья, проведу около нея и эту ночь, ея послѣднюю ночь...

Она много страдала, несчастная. Теперь она покойнѣе, силы ослабѣваютъ, пульсъ почти не бьется. Кромѣ меня, при ней ея сестра и докторъ. Какой ужасъ — смерть! Мы всѣ знаемъ, что умремъ, но смерть близкихъ, дорогихъ намъ людей, для насъ всегда одинаково ужасна, непостижима. Чѣмъ была для меня эта мать, нѣтъ словъ выразить.

Она сознаетъ, что умираетъ. Когда я пріѣхалъ сегодня утромъ, она встрѣтила меня съ радостнымъ возгласомъ:

— Дождалась тебя, мой Фрицъ, мой милый мальчикъ, а я такъ боялась, что ты пріѣдешь, когда будетъ уже поздно и мы не свидимся.

— Богъ дастъ, ты еще поправишься, дорогая моя.

— О, нѣтъ, объ этомъ лучше не будемъ говорить. Не будемъ сокращать нашего послѣдняго свиданія напрасными словами утѣшенья. Простимся лучше.

Я рыдая припалъ къ ея постели.

— Ты плачешь Фрицъ? Я даже не скажу тебѣ «не плачь». Мнѣ отрадно, что тебѣ тяжело разставаться съ твоимъ старымъ, лучшимъ другомъ. Въ этомъ для меня ручательство, что ты меня не скоро забудешь.

— Покуда буду живъ, дорогая матушка.

— Помни при этомъ, что я тебѣ обязана многими радостями, за исключеніемъ тѣхъ тревогъ, которыя я переживала во время твоихъ дѣтскихъ болѣзней и страха, когда ты былъ на войнѣ, я отъ тебя не видала ничего, кромѣ счастья, ты помогъ мнѣ пережить все, что судьба посылала мнѣ тяжелаго и печальнаго. Благословляю тебя за это, дитя мое.

Затѣмъ наступилъ опять приступъ страданій.

Какъ она стонала и мучилась, какъ искажалось ея лицо— невообразимо. Смерть—это ужасный, неумолимый врагъ... Видъ этой агоніи воскресилъ въ моей памяти всѣ другія агоніи, которыхъ я былъ свидѣтелемъ на полѣ битвъ и въ лазаретахъ... Когда я подумаю, что мы, люди, иногда добровольно, со спо-

Digitized by Google

койною совѣстью лишаемъ другъ друга жизни, что мы требуемъ отъ молодежи полной силы, здоровья, чтобы она шла добровольно на смерть, на встрѣчу этому лютому врагу, съ которой даже усталая, слабая старость вступаетъ въ борьбу — это безбожно!

Эта ночь безконечно длинна... Если бы бѣдная страдалица могла бы хоть немного уснуть, она лежитъ съ открытыми глазами. Я провожу по получасу неподвижно у ея кровати, затѣмъ крадусь къ этому листку бумаги, чтобы написать нѣсколько словъ и опять къ ней. Теперь уже четыре часа. Сейчасъ пробило четыре удара на всѣхъ башенныхъ часахъ; какъ-то дѣлается холодно при мысли, что время такъ безучастно проходитъ черезъ цѣлую вѣчность, тогда какъ для горячо любимаго существа оно скоро перестанетъ существовать на вѣки.

Чѣмъ холоднѣе, безучастнѣе отношеніе вселенной къ нашему горю, тѣмъ сильнѣе потребность найти человѣка, который бы отнесся къ намъ сочувственно. Вотъ почему листокъ бумаги, оставленный докторомъ на столѣ прописаннаго рецепта, привлекъ меня къ себѣ, вотъ почему я отсылаю его къ вамъ...

7 часовъ. Все кончено.

— Прощай, мой милый . . . . Это были ея послѣднія слова. Послѣ этого она закрыла глаза и заснула. — Спи же мирно, моя дорогая мать!

Со слезами цѣлуетъ ваши руки до смерти опечаленный
Фридрихъ Тиллингъ».

Письмо это хранится у меня до сихъ поръ. Какъ оно выцвѣло, какъ измято! И не только отъ времени, ему уже двадцать пять лѣтъ, но отъ слезъ и поцѣлуевъ, которыми я покрывала тогда эти дорогія строки.

— «До смерти опечаленный», да,—я это понимала, хотя у меня на душѣ было «до безумія радостно», когда я прочитала его письмо. Хотя не было сказано ни слова о любви, ни одно письмо не могло бы служить лучшимъ доказательствомъ того, что пишущій любилъ именно только ту, которой пишетъ и никого другого. Уже то, что въ такое время, у постели умирающей матери у него не явилось желанья излить свое горе принцессѣ, могло уничтожить всякое чувство ревности.

Въ тотъ же день, я отправила къ нему вѣнокъ изъ ста крупныхъ, бѣлыхъ камелій, съ одной полураспустившейся красной розой. Догадается-ли онъ, что блѣдные, безжизненные цвѣты

Digitized by Google

предназначены для покойницы, какъ символъ печали, а ярко-красная роза—для него?...

* * *

Прошло три недѣли.

Конрадъ Альтгаузъ сдѣлалъ предложеніе моей сестрѣ Лилли и получилъ отъ нея отказъ. Онъ, однако, отнесся къ этому событію безъ всякаго трагизма и продолжалъ по прежнему часто бывать у насъ въ домѣ и всюду въ обществѣ неотступно состоялъ при насъ.

Однажды, я ему высказала свое удивленіе по поводу такой его преданности вассала.

— Меня радуетъ, что ты не сердишься,—сказала я ему, но вмѣстѣ съ тѣмъ это убѣждаетъ меня, что твое чувство къ Лилли было не особенно серьезно; отвергнутая любовь всегда зла и мстительна.

— Ошибаешься, многоуважаемая кузина,—я очень люблю Лилли. Было время, мнѣ казалось, что сердце мое принадлежитъ тебѣ, но ты была со мною такъ сдержанно холодна, что мнѣ удалось во-время потушить начинавшееся чувство: хотѣлъ я интересоваться нѣкоторое время Розою, въ концѣ-концовъ я остановился на Лилли, и мое чувство къ ней неизмѣнно, до конца жизни.

— Какъ это на тебя похоже!

— Лилли или никто.

— Но если она-то тебя не хочетъ, Конрадъ?

— Ты думаешь, я первый, которому отказываютъ, получу отказъ во второй, въ третій разъ, а въ четвертый разъ, можетъ быть, и не откажетъ?... хотя бы для того, чтобы положить конецъ моему упорству... Лилли не влюблена въ меня, вещь не совсѣмъ понятная, но тѣмъ не менѣе несомнѣнная. Мнѣ даже нравится, что она не поддалась влеченію многихъ дѣвушекъ сдѣлаться дамой и не соблазнилась партіей, которая, съ точки зрѣнія свѣтскихъ требованій, представляетъ свои выгоды, мнѣ это нравится, я полюбилъ ее за это еще сильнѣе. Со временемъ привязанность моя ее тронетъ, и пробудитъ въ ней взаимность, и ты будешь тогда моею сволченицею, милая Марта. Надѣюсь, ты не будешь дѣйствовать противъ меня?

— Я? О, нѣтъ! напротивъ, мнѣ нравится твоя система упорства. Слѣдовало бы всегда такъ за нами ухаживать—съ большою затратою времени и чувства, какъ говорятъ англичане: „to woe and to win“. Но любить и завоевать—этимъ наши мо-

Digitized by Google

лодые люди не задаются, они не хотятъ завоевывать своего счастья, а хотятъ безъ всякихъ хлопотъ сорвать его, какъ придорожный цвѣтокъ.

Я узнала, что Тиллингъ уже двѣ недѣли какъ вернулся въ Вѣну, но у меня не былъ. Встрѣтить его гдѣ нибудь въ обществѣ я, конечно, не могла разсчитывать, по случаю его траура. Но я надѣялась, что онъ зайдетъ ко мнѣ или напишетъ мнѣ. Такъ шли дни за днями, онъ все не приходилъ и не писалъ.

— Не понимаю, что съ тобой Марта,—спросила меня однажды тетя Мари,—съ нѣкоторыхъ поръ ты все не въ духѣ, какая-то разсѣянная, совсѣмъ другая... Ты очень дурно дѣлаешь, что не хочешь остановиться ни на которомъ изъ твоихъ поклонниковъ Это одиночество, я давно говорила, совсѣмъ не для тебя. Въ немъ вся причина твоего сплина. Была ли ты въ церкви, молилась ли ты? Это тоже для тебя было бы полезно.

— По моему, выходить замужъ и молиться можно только по влеченью, то и другое не должно быть лекарствомъ отъ сплина. Изъ моихъ поклонниковъ мнѣ ни одинъ не нравится, что касается молитвы...

— Теперь какъ разъ время молитвы, завтра страстной четвергъ; достала ли ты билетъ на омовеніе ногъ?

— Да, папа досталъ мнѣ нѣсколько билетовъ, но я еще не рѣшила, пойду ли.

— Ты непремѣнно должна пойти, я не знаю ничего торжественнѣе, величественнѣе этой церемоніи... настоящее торжество христіанскаго смиренія: императоръ и императрица на полу, омывающіе ноги нищихъ,—развѣ это не является символомъ ничтожества земнаго величія сравнительно съ божественнымъ.

— Надо быть весьма убѣжденнымъ въ своемъ величіи чтобы колѣнопреклоненіе являлось символомъ смиренія. Вѣдь это значитъ вотъ что: чѣмъ Сынъ Божій былъ въ сравненіи съ апостолами, тѣмъ являюсь и я, императоръ, сравнительно съ нищими. По моему, этотъ основной мотивъ церемоніи не выражаетъ собою особаго смиренія.

— Какіе у тебя странные взгляды, Марта. За эти три года твоего одиночества, въ деревнѣ, подъ вліяніемъ дурныхъ книгъ, у тебя развились какія-то сбивчивыя понятія.

— Дурныхъ книгъ?

— Да, дурныхъ, повторяю. Я какъ-то по простотѣ душевной называю архіепископу одну изъ книгъ, которую я видѣла

Digitized by Google

у тебя на столѣ и которую по названію приняла за книгу духовнаго содержанія—«Жизнь Іисуса» какого-то Штрауса, а онъ въ ужасѣ всплеснулъ руками и воскликнулъ: «Боже милостивый, какъ вы напали на такую нечестивую книгу?—Я покраснѣла до ушей и сказала ему, что я сама не читала ее, но только видѣла ее у одной моей родственницы». Въ такомъ случаѣ, если ваша родственница не желаетъ своей погибели, уговорите ее, чтобы она бросила эту книгу въ огонь. Нарочно передаю тебѣ его слова, Марта. Сожжешь ли ты эту книгу?

— Два, три столѣтія назадъ сожгли бы не только книгу, но и самого автора. Это было бы еще дѣйствительнѣе,—въ данный моментъ, по крайней мѣрѣ—хотя тоже не надолго...

— Ты не отвѣчаешь мнѣ. Сожжешь ты эту книгу?

— Нѣтъ.

— Такъ-таки попросту нѣтъ?

— Къ чему тутъ длинныя рѣчи, въ этомъ направленіи мы все равно другъ друга не поймемъ, милая тетя. Я лучше разскажу тебѣ, что вчера маленькій Рудольфъ...

Такимъ образомъ, славу Богу, разговоръ перешелъ на другой предметъ, о которомъ у насъ не могло быть двухъ разныхъ мнѣній; мы обѣ были одинаково согласны, что Рудольфъ Дотцкій—самый прелестный, оригинальный, развитый ребенокъ на свѣтѣ.

На слѣдующій день, однако, я рѣшила пойти на омовеніе ногъ. Въ одиннадцатомъ часу, въ черныхъ платьяхъ, какъ подобаетъ для страстной недѣли, мы отправились съ сестрою Розою въ зало дворца, гдѣ должна происходить эта церемонія. На эстрадѣ были приготовлены мѣста для аристократіи и для дипломатическаго корпуса. Такимъ образомъ мы опять попадали въ свой кружокъ и приходилось раскланиваться направо и налѣво. Вся галлерея была биткомъ набита тоже избранными, у которыхъ были входные билеты, но тутъ публика была все-таки отчасти смѣшанная, не одни «сливки», какъ на нашей эстрадѣ. Однимъ словомъ, вѣчное подраздѣленіе на касты съ привилегіями, что̀ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало этому торжеству, олицетворяющему смиреніе.

Не знаю, было ли у другихъ какое-нибудь религіозное настроеніе, я же лично ожидала предстоящаго торжества съ совершенно тѣмъ же чувствомъ, какое испытываешь въ театрѣ въ ожиданіи спектакля. Какъ и тамъ, раскланиваешься со знакомыми въ ложахъ, ожидаешь съ напряженнымъ вниманіемъ

Digitized by Google

поднятія занавѣса, такъ и здѣсь я стала смотрѣть на хоры и солистовъ, которые должны были участвовать въ блестящемъ представленіи. Декорація уже была поставлена—длинный столъ, за которымъ должны были возсѣдать 12 старцевъ и 12 старушекъ.

Я всетаки была довольна, что пришла, ибо я волновалась, была въ томъ напряженномъ состояніи, которое на время отвлекаетъ отъ грустныхъ собственныхъ мыслей. Моею постоянною заботою было: «отчего нѣтъ Тиллинга?» Теперь эта мысль покинула меня; мнѣ хотѣлось только видѣть царственныхъ особъ и прихожанъ, участвующихъ въ торжественной церемоніи. И какъ разъ въ то время, когда я о немъ совсѣмъ не думала, я увидѣла Тиллинга по окончаніи обѣдни; всѣ высокопоставленныя лица вошли въ залъ, за ними слѣдовалъ императоръ и офицеры, я равнодушнымъ взглядомъ смотрѣла на всѣ эти блестящіе мундиры, это вѣдь были не главныя дѣйствующія лица, они должны были только служить фономъ и вдругъ среди нихъ Тиллингъ,—онъ какъ разъ стоялъ напротивъ нашей трибуны. Меня обдало точно электрическимъ токомъ. Онъ не смотрѣлъ въ нашу сторону. На лицѣ его видны были слѣды пережитыхъ страданій за послѣднія недѣли, выраженіе лица было безконечно грустное. Я нарочно не сводила съ него глазъ, разсчитывая, что силою магнетизма я заставлю его замѣтить меня. Но напрасно.

— Идутъ! Идутъ!—закричала Роза, толкая меня.—Да смотри же... Ахъ, какъ красиво! точно картина!

Это были старики и старушки изъ богадѣленъ въ древненѣмецкихъ костюмахъ. Самой молодой старушкѣ, какъ было сказано въ афишахъ, было 88 лѣтъ, самому молодому старичку—85 лѣтъ. Сморщенные, беззубые, сгорбленные, я никакъ не могла сочувствовать Розѣ, ся возгласу «Ахъ, какъ красиво!» Ей вѣроятно нравились костюмы, которые какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали общему средневѣковому характеру церемоніи. Анахронизмомъ являлись мы въ нашихъ современныхъ платьяхъ, съ нашими современными взглядами на лицѣ,—мы не подходили къ этой картинѣ.

Когда эти 12 старичковъ и 12 старушекъ размѣстились за столомъ, въ залъ вошли сановники, преимущественно преклонныхъ лѣтъ, расшитые золотомъ, увѣшанные орденами, все тайные совѣтники, каммергеры—между ними много знакомыхъ лицъ, былъ тутъ, конечно, и министръ—«во всякомъ случаѣ». За ними шли духовныя лица, которыя должны были участвовать въ це-

Digitized by Google

ремоніи. Статисты всѣ были на лицо и публика съ напряженнымъ вниманіемъ ожидала начала.

Только я смотрѣла все больше въ сторону Тиллинга, чѣмъ туда, откуда долженъ былъ появиться дворъ.

Онъ, наконецъ, замѣтилъ меня и раскланялся.

Опять Роза дернула меня за руку.

— Что съ тобой, Марта, тебѣ дурно? Ты разомъ и поблѣднѣла, и покраснѣла... Смотри... Смотри... Начинаютъ.

Капельмейстеръ, т. е. церемоніймейстеръ, взмахнулъ жезломъ—что означало приближеніе императорской четы. Дѣйствительно, было на что посмотрѣть: помимо того, что на нихъ сосредоточивался весь интересъ церемоніи—это была еще чета поразительной красоты.

Вмѣстѣ съ императоромъ и императрицею вошли и эрцгерцоги и эрцгерцогини. Стольники и пажи внесли наполненныя чаши, императоръ и императрица сами поставили ихъ передъ сидящими у стола старцами. Это было чрезвычайно эффектно, и очень напоминало всею обстановкою пиръ на картинѣ стиля Ренессансъ.

Едва блюда были поставлены на столъ, какъ опять ихъ убрали,—это, тоже въ знакъ смиренія, исполнили эрцгерцоги. Послѣ этого столъ былъ вынесенъ и началась самая эффектная сцена пьесы—какъ говорятъ, французы «le clou de la pièce», а именно—омовеніе ногъ. Конечно, только мнимое омовеніе, такое же мнимое какъ сама трапеза. Стоя на полу, на колѣняхъ, императоръ водилъ полотенцемъ по ногамъ стариковъ, а священнослужители, которые прислуживали ему, дѣлали видъ что льютъ изъ кувшина воду, и все это было продѣлано со всѣми 12 старцами, а императрица, которую привыкли всѣ видѣть во всемъ ея величіи, съ высоко поднятою главою, въ той же смиренной позѣ, красивая какъ всегда, продѣлывала тоже самое съ 12 старушками изъ богадѣльни. Сопровождающей музыкой или объясняющимъ хоромъ было Евангеліе, которое читалъ придворный священникъ... Любопытно было бы пережить то чувство, какое должны были испытывать эти старцы, сидя тамъ, въ своихъ необыкновенныхъ костюмахъ, окруженные взорами блестящей толпы, имѣя у ногъ своихъ императора и императрицу... Вѣроятно, это было бы не ясное ощущеніе, какое испытываешь, когда сознаешь значеніе данной минуты, а какая-то путаница, полусонъ, что-то и радостное и вмѣстѣ мучительное, и торжественное и вмѣстѣ неловкое, полная пріостановка мысли въ этихъ

Digitized by Google

и безъ того не свѣтлыхъ, и отъ старости слабыхъ бѣдныхъ головахъ.

Во всемъ этомъ одно только должно было являться несомнѣннымъ, дѣйствительнымъ, этимъ добрымъ старикамъ, это— красный шелковый мѣшочекъ съ 30 серебряными монетами, который возлагался на нихъ самимъ императоромъ, да корзинка съ ѣдою, которую каждый получалъ на дорогу.

Вся церемонія скоро кончилась и зало быстро опустѣло, сперва уѣхалъ дворъ, затѣмъ участвующіе, а наконецъ стала расходиться и публика съ эстрады и съ галлерей.

— Ахъ, какъ было хорошо, ахъ, какъ хорошо! — шептала Роза тяжело вздыхая.

Я молчала. Въ сущности мнѣ нечего было печалиться о томъ сумбурѣ, который долженствовалъ происходить въ головѣ стариковъ, участвующихъ въ церемоніи, у меня у самой остался въ головѣ порядочный сумбуръ отъ пережитаго торжества, только одна бысль была ясна: «будетъ ли онъ насъ ждать у выхода»?

Но намъ не удалось пробраться къ выходу такъ скоро, какъ бы мнѣ хотѣлось. Пришлось еще перекинуться нѣсколькими фразами, поклонами, съ тѣми изъ знакомыхъ, которые сидѣли тоже на эстрадѣ и уходили вмѣстѣ съ нами. Потомъ, при выходѣ, на лѣстницѣ, образовались цѣлыя группы, настоящій утренній раутъ.

— Здравствуй, Тини! — Bonjour, Марта. — Вы тоже здѣсь, графиня? — Ты уже обѣщалъ кому нибудь первый день праздника?—Здравствуйте, ваше сіятельство, не забудьте, что въ понедѣльникъ мы ждемъ васъ на танцы! — Былъ ты вчера у доминиканцевъ на проповѣди? — Нѣтъ, я былъ въ Sacré-Coeur, гдѣ моя дочь покоится. — Слѣдующая репетиція нашего благотворительнаго спектакля во вторникъ, въ 12 часовъ, будьте аккуратны, любезный баронъ.—Императрица отлично выглядитъ.— Замѣтила ты, Лори, какъ эрцгерцогъ Людвигъ все искоса поглядывалъ на божественную Фанни?—Madame, j'ai l'honneur de vous présenter mes hommages.—Ah, c'est vous, marquis.—Charmée! — «I wish you good morning, Lord Chesterfield.

— Oh, how are you? Awfully fine woman, your Empress».

— Обезпечили ли вы себя ложею на Патти? Это восходящая звѣзда необычайной величины... — Значитъ, извѣстіе о помолвкѣ Ферди Дронтгейма съ дочерью банкира подтверждается— какой скандалъ!..

Всюду болтали такимъ образомъ. Неопытный слушатель ни

Digitized by Google

за что бы не догадался, что вдохновенье почерпнуто изъ только-что выслушанной молитвы смиренія.

Наконецъ мы вышли на подъѣздъ, гдѣ насъ ожидала карета, тутъ была цѣлая толпа народа.

Имъ хотѣлось хоть взглянуть на тѣхъ, кто удостоился лицезрѣть дворъ, чтобы взглянуть на этихъ счастливцевъ, въ свою очередь показать себя другимъ, еще меньше видавшимъ.

Едва мы вышли, какъ Тиллингъ очутился около меня.

Онъ поклонился.

— Я васъ еще не благодарилъ, графиня, за прелестный вѣнокъ.

Я протянула ему руку, но не могла выговорить ни слова.

Намъ подали карету, мы должны были садиться. Роза толкала меня впередъ. Тиллингъ раскланялся и собирался уходить. Тутъ я преодолѣла себя и проговорила голосомъ, который я сама не узнала.

— Въ воскресенье, между двумя и тремя, я буду дома.

Онъ молча поклонился, мы сѣли и поѣхали.

— Ты навѣрно простудилась, Марта,—замѣтила моя сестра, когда карета тронулась. — Твое приглашеніе было сдѣлано такимъ хриплымъ голосомъ. И отчего ты мнѣ не представила твоего мрачнаго офицера—я рѣдко видѣла лицо мрачнѣе.

* * *

Въ назначенный день и часъ Тиллингъ явился. Я только что написала въ своей красной тетрадкѣ: «я чувствую, что сегодняшній день рѣшитъ мою судьбу. У меня на душѣ какъ-то торжественно и жутко, какъ-то отрадно, какое-то ожиданіе чего-то. Настроеніе это хочу передать бумагѣ, чтобы черезъ много лѣтъ, когда я загляну въ эту тетрадку, у меня воскресъ въ памяти этотъ часъ, который заставляетъ меня теперь такъ волноваться. Можетъ быть, все случится совсѣмъ иначе, чѣмъ я думаю, а можетъ быть именно такъ... Во всякомъ случаѣ, мнѣ когда-нибудь будетъ очень интересно провѣрить, насколько предчувствіе оправдалось дѣйствительностью... Тотъ, кого я жду—любитъ меня, доказательство тому — его письмо, написанное у постели умирающей матери; что онъ любимъ—ему сказала роза въ вѣнкѣ его покойной матери. И вотъ теперь мы свидимся, безъ свидѣтелей, оба взволнованные. Онъ, чувствующій потребность утѣшенія, я вся проникнутая желаніемъ его утѣшить; я думаю, что у насъ не найдется словъ... Только слезы заблестятъ у насъ обоихъ, да развѣ пожатія дрожащихъ рукъ—и

Digitized by Google

мы поймемъ другъ друга... Двое любящихъ, счастливыхъ, счастливыхъ въ своемъ серьезномъ, страстномъ, полномъ преданности и поклоненія, чувствѣ, а въ свѣтѣ на это скажутъ: «Слышали? Марта Дотцкая выходитъ замужъ за Тиллинга—какая жалкая партія»... Теперь 5 минутъ третьяго—онъ можетъ придти каждую минуту... Звонятъ... Какъ забилось сердце; я вся дрожу, я чувствую, что»...

На этомъ я остановилась. Послѣднюю строку трудно даже разобрать, такъ она нацарапана—признаки, что сердцебіеніе, трепетъ не были реторическою фигурой.

Предчувствіе не оправдалось дѣйствительностью. Тиллингъ былъ сдержанъ и холоденъ во все время своего получасоваго визита. Онъ извинялся въ своей смѣлости, что писалъ мнѣ, просилъ объяснить это нарушеніе этикета тою невмѣняемостью, въ какой человѣкъ бываетъ, когда ему приходится переживать такія тяжелыя минуты. Затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ о послѣднихъ дняхъ своей матери и кое-что изъ ея жизни, но о томъ, на что я разсчитывала—ни слова. И я сама становилась все сдержаннѣе и холоднѣе. Когда онъ всталъ, чтобъ уходить, я не стала его удерживать и даже не сказала, чтобы онъ зашелъ въ другой разъ.

А когда онъ былъ уже на улицѣ, я бросилась къ раскрытымъ еще краснымъ тетрадкамъ и кончила такъ начатую фразу: «я чувствую, что все кончено... что я жестоко ошиблась... онъ меня не любитъ и теперь будетъ думать, что я къ нему такъ же равнодушна, какъ онъ ко мнѣ. Я сама оттолкнула его. Я чувствую, что онъ никогда не вернется. А всетаки такого второго человѣка для меня нѣтъ на свѣтѣ. Такого умнаго, такого благороднаго, такого добраго, нѣтъ другого на свѣтѣ—и такъ любить тебя, Фридрихъ, какъ я тебя любила, тебя никто не будетъ любить, а ужь менѣе всего твоя принцесса, къ которой ты повидимому вернулся. Будь ты, мой сынъ Рудольфъ, мнѣ утѣшеніемъ и поддержкою. Отнынѣ конецъ иной любви, кромѣ материнской, пусть она одна наполнитъ мнѣ и сердце и жизнь. Если мнѣ удастся сдѣлать изъ тебя, Рудольфъ, человѣка, похожаго на него, если ты когда нибудь будешь меня оплакивать такъ, какъ онъ оплакиваетъ свою мать, я скажу, что цѣль моя достигнута».

Въ сущности какое безуміе вести дневникъ... желать увѣковѣчить всѣ эти постоянно смѣняющіяся желанія, намѣренія, взгляды, изъ которыхъ состоитъ наша душевная жизнь, а въ результатѣ, перечитывая все это, позже только стыдишься соб-

Digitized by Google

ственнаго непостоянства. На одной страницѣ, подъ однимъ числомъ, такія два совершенно разныя настроенія: сперва полнѣйшая надежда, и тутъ-же полнѣйшее отреченіе, а на слѣдующихъ страницахъ должно быть написано опять нѣчто новое...

На второй день Пасхи была чудная, весенняя погода, и гулянье на Пратерѣ—маленькая репетиція большаго гулянья перваго мая—было чрезвычайно оживленно.

Я очень хорошо помню, какимъ контрастомъ являлся весь этотъ блескъ, праздничный видъ толпы, весеннее солнце моему грустному настроенію... А все-таки, я бы не промѣняла моей печали, на то безсодержательное веселье, которое царило въ моемъ сердцѣ два мѣсяца назадъ, когда я не знала Тиллинга. Если любовь моя, судя по всѣмъ признакамъ и была несчастною любовью, то все-таки это была любовь, т. е. увеличеніе жизненной силы; безъ этого теплаго, нѣжнаго чувства, какое я ощущала въ сердцѣ, когда моимъ внутреннимъ очамъ представлялся его образъ, я бы не могла болѣе существовать; я совсѣмъ не разсчитывала встрѣтить предметъ моихъ мечтаній. Здѣсь, въ Пратерѣ, въ водоворотѣ свѣтскаго веселья, я разсѣянно смотрѣла на аллею верховой ѣзды и вдругъ я увидала офицера, верхомъ, который ѣхалъ въ нашу сторону; несмотря на всю мою близорукость, я узнала въ немъ Тиллинга. Когда онъ поровнялся съ нами и раскланялся, я не только отвѣтила поклономъ на его поклонъ, но махнула ему рукой. Въ ту же минуту я сообразила, что сдѣлала большую глупость, неосторожность.

— Кому ты дѣлаешь знаки?—спросила меня сестра Лилли.— Не папѣ ли? Ахъ, вижу, неизбѣжный Конрадъ; это ты ему махнула рукой?

Какъ нельзя болѣе кстати было появленіе этого «неизбѣжнаго Конрада». Я была очень благодарна вѣрному кузену и сейчасъ же доказала на дѣлѣ мою благодарность.—Какой онъ право милый, Лилли,—замѣтила я,—вѣдь онъ здѣсь, конечно, только для тебя, пожалѣй его, смилуйся... Еслибъ ты знала, какое счастье кого нибудь любить, ты бы не относилась къ нему жестоко. Сдѣлай его счастливымъ, этого добраго, милаго человѣка.

Лилли смотрѣла на меня удивленно.

— Да что же мнѣ дѣлать, если я къ нему совершенно равнодушна, Марта?

— Значитъ ты любишь другого?

Она покачала головою:—Нѣтъ, никого не люблю.

— Ахъ, ты, бѣдная!

Digitized by Google

Мы проѣхались еще два, три раза по аллеѣ. Того, кого мои глаза такъ старательно искали, мы больше не встрѣтили. Онъ уже уѣхалъ съ Пратера.

* * *

Черезъ нѣсколько дней, какъ-то послѣ обѣда, ко мнѣ зашелъ Тиллингъ. Я была не одна. У меня были отецъ мой и тетя Мари, а также Роза, Лилли, Конрадъ Альтгаузъ и министръ—«во всякомъ случаѣ».

Я чуть не вскрикнула отъ удивленія, — до такой степени визитъ этотъ былъ неожиданъ и пріятенъ. Однако, радость моя продолжалась недолго. Когда онъ со всѣми раскланялся и, по моему приглашенію, сѣлъ напротивъ меня, онъ холоднымъ тономъ проговорилъ:

— Я пришелъ къ вамъ проститься, графиня.—На дняхъ я покидаю Вѣну.

— Надолго ли? Куда вы ѣдете? Зачѣмъ? И почему?—посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы.

Я молчала.

— Быть можетъ, навсегда. Въ Венгрію. Я перевожусь въ другой полкъ. Изъ любви къ мадьярамъ, — отвѣчалъ Тиллингъ на всѣ обращенные къ нему вопросы.

Я тѣмъ временемъ нѣсколько оправилась отъ своего смущенія.

— Какое быстрое рѣшеніе, — проговорила я, стараясь казаться покойной: — чѣмъ вамъ такъ насолила наша Вѣна, что вы ее покидаете такъ рѣшительно.

— Для меня здѣсь слишкомъ шумно и весело. Я въ такомъ настроеніи, когда чувствуешь потребность уединенія.

— Что вы,—замѣтилъ Конрадъ,—чѣмъ мрачнѣе настроеніе, тѣмъ больше должно быть развлеченій. Вечеръ въ Карловскомъ театрѣ, конечно, дѣйствуетъ болѣе освѣжающе, чѣмъ долгіе дни созерцательнаго одиночества.

— Лучшимъ для васъ лекарствомъ, любезный Тиллингъ, — сказалъ отецъ мой,—была бы война, живая, веселая; къ сожалѣнію, ея теперь не предвидится; миръ грозитъ быть нескончаемымъ.

— Какое странное сочетаніе словъ, — замѣтила я, будучи не въ силахъ долѣе владѣть собою: война, и вдругъ веселая, миръ, и грозитъ.

— Во всякомъ случаѣ,—подтвердилъ министръ «во всякомъ случаѣ»,—въ настоящее время на политическомъ горизонтѣ не

Digitized by Google

виднѣется черной точки, но вѣдь тучи иногда набѣгаютъ совершенно неожиданно, и не надо забывать, что ничтожный самъ по себѣ предлогъ можетъ всегда превратиться въ поводъ для войны. Это я говорю вамъ въ утѣшеніе, г-нъ подполковникъ. Что касается меня лично, то, по моей должности, я обязанъ оберегать внутренніе интересы страны и, конечно, всѣ мои пожеланія направлены на то, чтобы миръ сохранился какъ можно долѣе; только при сохраненіи мира возможны успѣхи внутренняго процвѣтанія страны, но это не мѣшаетъ мнѣ ничуть стать на вашу точку зрѣнія какъ военнаго человѣка...

— Позвольте мнѣ просить васъ, ваше превосходительство,— прервалъ его Тиллингъ,—не подозрѣвать меня въ желаніи войны, а также протестовать противъ того, что у военныхъ существуетъ своя какая-то особая точка зрѣнія на этотъ предметъ, а не общечеловѣческая. Мы существуемъ для того, чтобы защищать страну отъ нападенія враговъ, совершенно такъ, какъ пожарные существуютъ для того, чтобы тушить огонь въ случаѣ пожара. Но солдатъ не имѣетъ права желать войны точно также, какъ пожарный пожара. И война и пожаръ — величайшія несчастія, и нѣтъ человѣка, который бы имѣлъ право радоваться несчастью своего ближняго.

— Дорогой, добрый,—подумала я въ душѣ, слушая его.

— Я понимаю,—продолжалъ онъ,—что одному дано проявить себя на пожарѣ, другому на войнѣ, но до чего надо быть мелочнымъ, одностороннимъ человѣкомъ, чтобы личный интересъ могъ заслонить собою общее горе. Или какимъ надо быть черствымъ, жестокимъ, чтобы сознавать это горе и не сочувствовать ему. Миръ—это величайшее благо, какъ вы сами изволили сказать, единственное условіе, при которомъ возможно благоденствіе народа, и вы хотите, чтобы значительная доля населенія — армія—желала странѣ не добра, а зла, желала, чтобы это «понятное» желаніе превратилось въ требованіе и затѣмъ было бы приведено въ исполненіе? Вести войну для того, чтобы время было занято и удовлетворено; поджигать дома для того, чтобы пожарные могли себя проявлять, стяжать награды?

— Сравненіе ваше хромаетъ, любезный подполковникъ,— вмѣшался отецъ, противъ обыкновенія называя Тиллинга по чину, быть можетъ, для того, чтобы напомнить ему, что его взглядъ не соотвѣтствуетъ его званію.—Пожары наносятъ только вредъ, тогда какъ посредствомъ войны страна пріобрѣтаетъ силу и могущество. Какъ же образовались и расширились государства,

Digitized by Google

какъ не посредствомъ войны? Не одно личное честолюбіе заставляетъ солдата радоваться войнѣ; прежде всего ею удовлетворяется его національное чувство, гордость за родину, однимъ словомъ—патріотизмъ.

— Т. е. любовь къ отечеству?—спросилъ Тиллингъ.—Я не знаю, право, отчего это чувство, присущее каждому человѣку, приписывается исключительно намъ, военнымъ. Каждый любитъ ту грядку, на которой онъ выросъ, каждый желаетъ успѣха и благоденствія своимъ соотечественникамъ, но счастье и слава достигаются иными путями, а не войною, гордиться можно и и другими дѣлами, а не побѣдами; я, напримѣръ, лично горжусь гораздо больше нашимъ Анастасомъ Грюномъ, чѣмъ любымъ генералиссимусомъ.

— Какъ можно сравнивать поэта съ полководцемъ? — воскликнулъ отецъ мой.

— Вотъ и я этого не понимаю. Лавровый вѣнокъ, не замаранный кровью, конечно, гораздо выше.

— Я въ первый разъ слышу, чтобы такъ разсуждали солдаты, любезный баронъ, — вмѣшалась моя тетушка. — Гдѣ же вдохновеніе битвы, гдѣ же пылъ войны?

— Эти чувства незнакомы мнѣ, сударыня. Я воодушевлялся ими, въ мой первый походъ, когда мнѣ было 19 лѣтъ. Когда же я увидалъ воочію кровопролитіе, когда я сдѣлался живымъ свидѣтелемъ звѣрской разнузданности, то всякій энтузіазмъ для меня пересталъ существовать и слѣдующіе походы я ходилъ не съ удовольствіемъ, а только съ покорностію.

— Послушайте, Тиллингъ, я больше вашего былъ въ кампаніяхъ и видѣлъ достаточно ужасающихъ сценъ, но рвеніе меня никогда не покидало. Когда я въ 49 году, уже старымъ человѣкомъ, былъ въ походѣ съ Радецкимъ, увѣряю васъ, я испытывалъ тоже радостное чувство, какъ и въ мой первый походъ.

— Простите великодушно, ваше превосходительство, но вы принадлежали къ прежнему поколѣнію, къ поколѣнію, въ которомъ воинственный духъ былъ гораздо сильнѣе развитъ, чѣмъ въ нашемъ, но зато состраданіе къ міру, жаждущее прекращенія всякаго бѣдствія и теперь все болѣе и болѣе проникающее во всѣ слои общества, вашему поколѣнію было мало извѣстно.

— Къ чему оно? Бѣдствія должны существовать, онѣ неизбѣжны, какъ и война...

— Вы становитесь, графъ Альтгаузъ, на точку зрѣнія теперь уже устарѣлую, съ какой прежде обыкновенно судили о

Digitized by Google

всякомъ соціальномъ злѣ, а именно, на точку зрѣнія безропотнаго смиренія, исходя отсюда все считается неизбѣжнымъ, неизмѣннымъ въ силу закона вещей. Но если при видѣ страшнаго бѣдствія въ душѣ у васъ шевельнется вопросъ:—да развѣ это такъ должно быть?.. то сердце ваше не можетъ остаться равнодушнымъ, и рядомъ съ состраданіемъ непремѣнно явится чувство какого-то раскаянія—нѣтъ, не личнаго раскаянія, нѣтъ, но какъ бы это выразиться—упрекъ современной совѣсти.

Мой отецъ пожалъ плечами.—Для меня это слишкомъ возвышенно, непонятно,—сказалъ онъ.—Могу вамъ только сказать одно, что не только мы, дѣды, вспоминаемъ съ радостью и гордостью походы, въ которыхъ мы участвовали, но большинство молодежи, если ихъ спросить, охотно ли они шли на войну, отвѣтитъ вамъ: конечно, охотно, весьма охотно.

— А уже самые молодые, тѣмъ болѣе, у нихъ въ сердцахъ не забытъ еще энтузіазмъ привитый въ школѣ, другіе, постарше, можетъ быть, скажутъ это «охотно» потому, что, по общему понятію, это значитъ быть храбрымъ, мужественнымъ, а откровенное «неохотно» можетъ быть объяснено трусостью.

— Ахъ,—замѣтила Лилли испуганно,—какъ бы я боялась... Вѣдь это должно быть ужасно, когда со всѣмъ сторонъ летятъ бомбы, каждая минута угрожаетъ смертью.

— Изъ устъ молодой дѣвушки такія слова естественны,—продолжалъ Тиллингъ,—но намъ приходится отрѣшиться отъ чувства самосохраненія... Солдатъ не долженъ знать состраданія, сочувствія къ величайшему несчастію врага и друга, потому что, кромѣ трусости, въ немъ преслѣдуется еще всякая сентиментальность, всякое мягкосердечіе.

— Только на время войны, любезный Тиллингъ,—замѣтилъ отецъ мой,—только на время войны, въ частной жизни, благодаря Богу, и у насъ можетъ быть мягкое сердце!

— Да, я знакомъ съ этими превращеніями. Когда война бываетъ объявлена, всѣ эти ужасы дѣлаются «какъ-бы не существующими». Такіе договоры бываютъ у дѣтей въ играхъ. Часто приходится слышать между ними, если я сдѣлаю то-то, или вотъ то-то, это будетъ «не на самомъ дѣлѣ». Въ военныхъ дѣйствіяхъ существуютъ такія же соглашенія—лишеніе жизни не считать лишеніемъ жизни, разбой не считать разбоемъ, а реквизиціею, пылающія деревни не пожаромъ, а «занятыми позиціями». По всѣмъ правиламъ устава, катехизиса, нравственности, покуда длится война, всѣ эти ужасы все «не въ счетъ»,

Digitized by Google

перестанетъ вами сознаваться и вся дѣйствительность предстанетъ вамъ во всей своей наготѣ,—это безпредѣльное несчастье, вся масса преступленій—все это явится вамъ въ настоящемъ свѣтѣ—будешь радъ смерти, лишь бы избавиться отъ переживаемыхъ впечатлѣній.

— Въ сущности это вѣрно,—замѣтила тетя Мари глубокомысленно.—Такія заповѣди какъ: «не убей», «не укради», «люби ближняго своего какъ самого себя», «прощай врагамъ твоимъ».

— И все это оказывается «какъ бы не на самомъ дѣлѣ»,—повторилъ Тиллингъ.—Вмѣсто исполненія этихъ заповѣдей люди съ готовностью беруться за оружіе для истребленія другъ друга.

— И совершенно правильно,—замѣтилъ отецъ мой.—Уже Богъ Библейскій былъ Богомъ битвъ, былъ начальникомъ войска... Это онъ повелѣлъ намъ взяться за оружіе, это Онъ...

— Ему люди обыкновенно приписываютъ то, чего имъ самихъ хочется,—прервалъ Тиллингъ,—они думаютъ, что Его заповѣди любви—покуда они какъ дѣти играютъ въ свою игру ненависти—по Его божественной волѣ уничтожаются, перестаютъ быть «на самомъ дѣлѣ». Совершенно такимъ же, какимъ они сами, такимъ же грубымъ, непослѣдовательнымъ ребяческимъ представляютъ они себя и Бога, а затѣмъ, графиня,—прибавилъ онъ вставая, простите, что я затѣялъ такой безотрадный споръ, и позвольте мнѣ съ вами проститься.

Я полна была самыхъ бурныхъ ощущеній. Все, что онъ говорилъ, дѣлало мнѣ его, дорогого, еще дороже... И теперь, я должна была съ нимъ разстаться, можетъ быть, навсегда... Проститься холодно при всѣхъ и это будетъ наше послѣднее слово?.. Нѣтъ, это невозможно, я разрыдаюсь, едва закроется за нимъ дверь... этого не должно быть. Я встала:

— Одна минута, баронъ Тиллингъ,—начала я...—я хочу вамъ показать ту фотографическую карточку, о которой мы на дняхъ говорили...

Онъ удивленно посмотрѣлъ на меня, между нами не было никогда рѣчи ни о какой карточкѣ. Тѣмъ не менѣе онъ пошелъ за мною на другой конецъ зала, гдѣ на столѣ были разложены разные альбомы—оттуда насъ не могли слышать. Я раскрыла альбомъ, Тиллингъ нагнулся надъ нимъ, я проговорила едва слышно, дрожащимъ голосомъ:

— Я васъ такъ не отпущу... Я должна съ вами переговорить!

— Что прикажете, графиня, я къ вашимъ услугамъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, не теперь. Вы должны придти еще разъ... Завтра, въ это же время.

Онъ, казалось, былъ въ нерѣшительности.

— Я приказываю вамъ придти... вы должны это сдѣлать въ память вашей матери, которую я оплакивала вмѣстѣ съ вами.

— О, Марта!..

Точно лучъ счастья заглянулъ мнѣ въ душу, когда онъ назвалъ меня такимъ образомъ.

— Значитъ завтра, — повторила я, заглядывая ему въ глаза.

— Въ это же время.

Мы порѣшили. Я вернулась къ другимъ, а Тиллингъ, поцѣловавъ мнѣ руку и раскланявшись съ остальными, направился къ двери.

— Странный человѣкъ,—замѣтилъ отецъ мой, покачивая головой.—Все, что онъ тутъ проповѣдывалъ, неособенно бы понравилось въ высшихъ сферахъ.

* * *

Когда на слѣдующій день насталъ часъ, условленный для его прихода, я, какъ и въ первый его визитъ, кромѣ него, не велѣла никого принимать. Я ожидала предстоящаго разговора съ трепетомъ страсти, съ радостнымъ нетерпѣніемъ и отчасти съ смущеніемъ.

Что я буду ему говорить, я сама хорошенько не знала, и не хотѣла объ этомъ даже думать... Если Тиллингъ спроситъ меня: что имѣете вы мнѣ сообщить, графиня? Чѣмъ могу я вамъ быть полезнымъ, вѣдь все равно я не могу сказать ему правды.

— Я хотѣла вамъ сказать, что я люблю васъ, и желаю только одного, чтобы ты остался.

Но быть не можетъ, чтобы мы начали разговоръ нашъ въ такой сухой формѣ, вѣроятно, мы поймемъ другъ друга и безъ категорическихъ вопросовъ и отвѣтовъ.

Вся суть была въ томъ, чтобъ увидать его еще разъ и ужь если намъ суждено разстаться, то хоть проститься болѣе сердечно, болѣе искренно..: Отъ одной мысли о прощаньѣ у меня глаза были полны слезъ.

Въ эту минуту вошелъ Тиллингъ.

— По вашему приказанію, графиня, я... Что съ вами? вы плакали? да, вы плачете?

Digitized by Google

— Я? нѣтъ... это отъ дыма... въ комнатѣ рядомъ дымъ отъ камина... Садитесь пожалуйста, я очень рада, что вы пришли.

— А я, я счастливъ, что вы велѣли мнѣ придти—помните, велѣли именемъ моей матери... Вслѣдствіе этого я рѣшилъ вамъ все сказать, все, что у меня на сердцѣ. Я...

— Что же вы остановились?

— Я думалъ мнѣ будетъ легче говорить съ вами.—Вы показали мнѣ столько довѣрія въ то тяжелое время, въ ту ночь у постели вашей умирающей матери. Отчего же вы теперь отнимаете его отъ меня?

— Въ то тяжкое время меня покинуло всякое самообладаніе,— теперь же ко мнѣ вернулась снова моя нерѣшительность. Я сознаю, что я въ то время сдѣлалъ то, на что не имѣлъ права, и чтобы снова не перейти границъ, я рѣшилъ избѣгать васъ...

— Въ самомъ дѣлѣ вы избѣгаете меня. За что?

— Да, избѣгаю, потому что, я васъ люблю.

Я ничего не отвѣтила, и чтобы скрыть мое волненіе, отвернулась отъ него. Тиллингъ тоже молчалъ.

Наконецъ я собралась съ духомъ и прервала молчаніе.

— Отчего вы хотѣли покинуть Вѣну?—спросила я его.

— По той же причинѣ.

— Можете ли вы взять назадъ вашу просьбу о переводѣ.

— Да, это еще возможно, переводъ еще не состоялся.

— Въ такомъ случаѣ, не уѣзжайте.

Онъ взялъ меня за руку.—Марта!—проговорилъ онъ.

Во второй разъ онъ называлъ меня по имени.

Въ этихъ двухъ словахъ для меня было что-то опьяняющее.

Мнѣ хотѣлось отвѣтить ему тоже двумя слогами, въ которыхъ было бы все, чѣмъ было такъ полно мое сердце и взглянувъ на него я сказала:

— Фридрихъ!

Въ эту минуту дверь отворилась и вошелъ мой отецъ.

— Ты дома, а человѣкъ твой увѣряетъ, что тебя дома нѣтъ... я сказалъ ему, что буду ждать тебя... Здравствуйте, Тиллингъ. Вчера вы съ нами прощались, а сегодня опять здѣсь; какой сюрпризъ!

— Мой отъѣздъ не состоится, ваше превосходительство, и вотъ я зашелъ.

— Сдѣлать визитъ моей дочери по случаю возвращенія. Прекрасно. А я зашелъ къ тебѣ, чтобъ сообщить объ одномъ семейномъ событіи...

Digitized by Google

Тиллингъ всталъ.

— Въ такомъ случаѣ не буду мѣшать...

— Это не такое спѣшное дѣло.

Я бы желала, чтобы папа очутился гдѣ нибудь на антиподахъ со всѣми своими семейными событіями. Болѣе не кстати онъ не могъ прервать насъ, Тиллингу ничего больше не оставалось какъ уйдти. Но послѣ того, что между нами произошло, уходъ не означалъ разлуки; мысли наши, сердца наши были неразлучны.

— Когда я васъ увижу? спросилъ онъ тихо въ то время, когда на прощанье цѣловалъ мнѣ руку.

— Завтра утромъ, въ 9 часовъ, въ Пратерѣ, верхомъ,—отвѣтила я быстро, такъ же тихо.

— Отецъ раскланялся довольно холодно, и когда за Тиллингомъ закрылась дверь:

— Что это значитъ? — спросилъ онъ строго,—ты дома и у тебя tête-à-tête съ этимъ господиномъ?

Я покраснѣла частью отъ злости, частью отъ смущенья.

— О какомъ семейномъ событіи ты хотѣлъ мнѣ сообщить, папа?

— Вотъ именно объ этомъ. Я хотѣлъ удалить твоего ухаживателя, чтобы тебѣ высказать мое мнѣніе... и я считаю весьма важнымъ для нашей семьи, чтобъ графиня Дотцкая, рожденная Альтгаузъ, не роняла своей репутаціи.

— Милый папа, у меня есть надежный охранитель моего имени и чести въ лицѣ маленькаго Рудольфа Дотцкаго, а что касается родительскаго права графа Альтгауза, то позволь тебѣ почтительно напомнить, что оно уничтожено моимъ положеніемъ самостоятельной вдовы. Я не имѣю намѣренія завести себѣ любовника, чего ты повидимому опасаешься, но я оставляю за собою полное право выйти снова замужъ по влеченію сердца, если бы я на это когда нибудь рѣшилась.

— Выйти замужъ за Тиллинга? Да Богъ съ тобой... Вѣдь это же было бы сущее несчастье для всѣхъ насъ, я готовъ скорѣе согласиться... Нѣтъ, лучше не скажу на что, но, говоря серьезно, неужели у тебя въ умѣ подобная мысль?

— Что же тутъ такого не подходящаго? Ты еще недавно предлагалъ мнѣ въ мужья и полковника и капитана, и маіора... Тиллингъ вѣдь тоже подполковникъ.

— Это-то и есть въ немъ самое худшее. Если бъ онъ не былъ военнымъ, ему можно было скорѣе простить его взгляды,

Digitized by Google

но подобные взгляды у военнаго, это почти та же измѣна. Онъ, навѣрно, съ удовольствіемъ вышелъ бы въ отставку для того, чтобы не подвергаться опасностямъ похода, неудобствамъ и страданіямъ, которыхъ онъ видимо страшится. А такъ какъ онъ человѣкъ безъ средствъ, онъ и придумалъ себѣ весьма хорошій исходъ, богатую женитьбу. Но я разсчитываю на Бога; Онъ не допуститъ, чтобъ ради такой цѣли за него пошла дочь стараго солдата, который участвовалъ въ четырехъ сраженіяхъ и теперь готовъ съ жаромъ сражаться, вдова молодого, храбраго воина, погибшаго славною смертью на полѣ чести.

Отецъ мой, говоря это, ходилъ большими шагами по комнатѣ, былъ весь красный, голосъ дрожалъ у него отъ волненія. Я тоже была взволнована до глубины души. Меня возмущали эти фразы, этотъ наборъ словъ, за которыми скрывались нападки на дорогого мнѣ человѣка.

Но у меня не было словъ въ защиту ему. Я сознавала, я чувствовала, что все обвиненіе, построенное на несправедливомъ отношеніи къ Тиллингу, лишено всякой почвы и что мнѣ его не отстоять. Если отецъ мой могъ такъ превратно истолковать высказанные вчера Тиллингомъ взгляды, то это было вслѣдствіе полнаго непониманія. Отецъ мой былъ точно слѣпъ и не могъ разглядѣть его точки зрѣнія. Я не могла сдѣлать его зрячимъ. Я не могла заставить его признать другой болѣе эстетическій масштабъ для взглядовъ, масштабъ Тиллинга, человѣка и мыслителя—вмѣсто чисто солдатскаго, выше котораго не существовало для генерала Альтгауза. Но въ то время, когда я такъ молчаливо выслушивала нападки отца моего и онъ, можетъ быть, думалъ, что я уничтожена, и что ему удалось въ зародышѣ побѣдить мою страсть, я чувствовала, что люблю его еще сильнѣе, этого непризнаннаго человѣка, и болѣе прежняго утвердилась въ намѣреніи принадлежать ему. Къ счастью, я была свободна. Несогласіе отца могло меня огорчать, но оно не могло заставить меня отказаться отъ влеченія моего сердца. Даже для большаго огорченія у меня въ душѣ не было мѣста. То безграничное, величайшее счастье, которое открылось передо мною за послѣднія четверть часа, было слишкомъ живо, чтобы рядомъ съ нимъ нашлось мѣсто для отчаянія.

* * *

На слѣдующее утро я проснулась съ чувствомъ похожимъ на то, которое я испытывала прежде ребенкомъ въ день Рождества и какъ невѣста—въ день моей свадьбы,—тоже ожиданіе,

Digitized by Google

которое не выразить словами, тоже сознаніе, что сегодня предстоитъ что-то великое, радостное.

Портило мнѣ немножко настроеніе воспоминаніе о словахъ, сказанныхъ отцомъ наканунѣ, но я отгоняла его отъ себя.

Еще не было девяти часовъ, когда я вышла изъ коляски на аллеи Пратера и пересѣла на лошадь, которую мнѣ привелъ конюхъ.

Погода стояла весенняя, мягкая, хотя день былъ не солнечный, солнце было у меня на душѣ. Ночью шелъ дождь, листья на деревьяхъ были такіе свѣжіе, зеленые, снизу поднимался запахъ теплой, сырой земли. Я не успѣла сдѣлать ста шаговъ, какъ услыхала за собою конскій топотъ.

— Слава Богу, Марта, что я тебя здѣсь встрѣтилъ.

Это былъ Конрадъ, вездѣсущій. Меня совсѣмъ не обрадовала эта встрѣча. Понятно, что Пратеръ не мой собственный паркъ и въ такое чудное весеннее утро эта аллея излюбленное мѣсто всѣхъ катающихся верхомъ; какъ могла я избрать именно эту аллею для нашего свиданія? Альтгаузъ заставилъ идти свою лошадь въ ногу со мной и очевидно собирался быть моимъ кавалеромъ. Какъ разъ въ эту минуту, я увидала вдалекѣ Фридриха Тиллинга, который скакалъ намъ на встрѣчу.

— Неправда ли, Конрадъ, я у тебя вѣрная союзница. Вѣдь ты знаешь какъ я стараюсь склонить Лилли въ твою пользу?

— Знаю, знаю, благороднѣйшая изъ кузинъ.

— Еще недалѣе какъ вчера, вечеромъ, я ей расхваливала всѣ твои рѣдкія качества... вѣдь ты дѣйствительно очень милый мальчикъ: любезный, внимательный!

— Чего ты отъ меня хочешь?

— Хочу, чтобы ты хорошенько хлестнулъ свою лошадь и пронесся бы дальше!..

Тиллингъ былъ уже совсѣмъ близко. Конрадъ взглянулъ на него, потомъ на меня, не сказалъ ни слова, улыбаясь кивнулъ мнѣ головой, и понесся во весь опоръ.

— Опять этотъ Альтгаузъ!—были первыя слова Тиллинга, когда онъ, сдѣлавъ поворотъ, подъѣхалъ ко мнѣ. По его лицу и по тону было видно, что онъ ревновалъ. Меня это обрадовало.—Это онъ отъ меня спасается бѣгствомъ или его понесла лошадь?

— Это я его спровадила, потому что...

— Надо же, графиня Марта, чтобы я васъ встрѣтилъ именно

Digitized by Google

съ Альтгаузомъ! Знаете ли вы, что въ свѣтѣ поговариваютъ, что онъ влюбленъ въ свою кузину?

— Это совершенно вѣрно.

— И серьезно ухаживаетъ за ней.

— И это вѣрно.

— И не безнадежно?

— По крайней мѣрѣ, не совсѣмъ безнадежно.

Тиллингъ замолкъ. Я съ радостной улыбкой смотрѣла ему въ лицо.

— Ваши глаза опровергаютъ ваши послѣднія слова,—проговорилъ онъ послѣ паузы; мнѣ кажется, въ нихъ можно прочитать: «Альтгаузъ любитъ меня безнадежно».

— Онъ даже совсѣмъ меня не любитъ. Предметъ его страсти—моя сестра Лилли.

— Вы сняли камень съ души моей. Я отчасти и изъ-за этого человѣка собирался покинуть Вѣну. Я бы не могъ пережить, чтобы...

— А какія у васъ были еще другія причины, чтобы уѣхать отсюда?

— Страхъ, что страсть моя все разростается и что я скоро буду не въ силахъ ее болѣе скрывать, что я буду смѣшонъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безконечно несчастливъ.

— Вы сегодня—несчастливы?

— О, Марта, со вчерашняго дня я переживаю такое блаженство, что я теряю разсудокъ. Меня страшитъ одно, какъ это бываетъ при сладкихъ сновидѣніяхъ, какъ-бы не очнуться отъ моего сна для горькой дѣйствительности. Въ сущности любовь моя все-таки безъ будущности... что могу я вамъ предложить? Сегодня ваша взаимность улыбнулась мнѣ и вознесла меня на седьмое небо... завтра... или нѣсколько позже... Вы лишите меня вашей взаимности и низвергнете меня въ пропасть отчаянья... Я самъ себя не узнаю болѣе. Какими гиперболами я заговорилъ, я, всегда такой спокойный, разсудительный, врагъ всякаго преувеличенья... Но по отношенію къ вамъ мнѣ ничего не кажется преувеличеннымъ, въ вашей власти дать мнѣ счастье или отнять все...

— Поговоримте тоже и о моихъ сомнѣніяхъ: принцесса...

— Неужели эта сплетня дошла и до васъ? Это вздоръ, сущій вздоръ.

— Конечно, вы скрываете—это долгъ вашъ...

— По отношенію къ этой дамѣ, сердце которой въ настоя-

Digitized by Google

щее время приковано къ театру—на долго-ли? сердце это весьма легко отдается — по отношенію къ этой дамѣ даже для самаго скрытнаго человѣка молчаніе могилы не обязательно; значитъ, вы можете мнѣ вдвойнѣ повѣрить, да и зачѣмъ-бы я покинулъ Вѣну, если-бы слухъ этотъ имѣлъ какое нибудь основаніе?

— Ревность не подчиняется благоразумію, развѣ я назначила-бы вамъ здѣсь свиданіе, если-бы я пріѣхала сюда для того, чтобы видѣть Альтгауза?

— Мнѣ большаго труда стоитъ, Марта, быть около васъ покойнымъ... Я бы хотѣлъ упасть передъ вами на колѣни, хотѣлъ-бы прижать вашу руку къ устамъ моимъ.

— Дорогой Фридрихъ,—проговорила я нѣжно,—къ чему эти изліянія, вѣдь и словами можно выразить все, что чувствуешь безъ колѣнопреклоненія, быть нѣжнымъ безъ...

— Безъ поцѣлуя,—добавилъ онъ.

Послѣ этого послѣдняго слова, отъ котораго насъ обоихъ обдало точно электричествомъ, мы взглянули другъ другу въ глаза и поняли, что можно цѣловаться глазами...

Онъ первый заговорилъ.

— Съ какихъ поръ...

Я очень хорошо поняла эту неоконченную фразу.

— Съ того обѣда у моего отца,—отвѣтила я,—а «вы»?

— Вы? Это «вы» является диссонансомъ, Марта. Если я долженъ отвѣтить на этотъ вопросъ, онъ долженъ быть сдѣланъ въ другой формѣ.

— А ты?

— Я? Тоже въ сущности съ того вечера; совершенно-же ясно стало это мнѣ у постели моей умирающей матери... какъ влекло меня тогда мысленно къ тебѣ!

— Я такъ и поняла это. А вотъ ты не понялъ того, что должна была передать тебѣ красная роза, вплетенная въ вѣнокъ на гробъ твоей матери, иначе ты не избѣгалъ-бы меня по пріѣздѣ. Я до сихъ поръ не могу понять причины такого удаленія и желанія покинуть Вѣну?

— Потому что даже въ мысляхъ я не допускалъ надежды обладать тобою. Когда ты велѣла мнѣ придти именемъ моей матери, и не велѣла мнѣ уѣзжать, тутъ только я понялъ, что ты расположена ко мнѣ, что ты разрѣшаешь мнѣ посвятить тебѣ всю мою жизнь.

— Значитъ, если бы я сама не бросилась тебѣ на шею, ты бы ничего не сдѣлалъ, чтобы получить меня?

Digitized by Google

— У тебя такая масса поклонниковъ, я не хотѣлъ попасть въ ихъ толпу.

— Развѣ ихъ можно считать? Большинство изъ нихъ интересовалось богатою вдовою.

— Вотъ именно въ этихъ твоихъ словахъ объясненіе того, что мѣшало мнѣ ухаживать за тобою, ты—богатая вдова, я—человѣкъ безъ всякихъ средствъ. Лучше сгинуть отъ несчастной любви, нежели быть на подозрѣніи у всѣхъ, а главное у любимой женщины въ томъ, въ чемъ ты сейчасъ заподозрила твоихъ поклонниковъ.

— О, гордый, благородный, дорогой мой! Мнѣ никогда не пришло бы въ голову заподозрить тебя въ чемъ нибудь не честномъ.

— Откуда такое довѣріе? Въ сущности ты меня такъ мало знаешь.

Послѣ этого мы стали другъ друга пытать. Послѣ вопроса «съ какихъ поръ» мы любимъ другъ друга, явились объясненія, за что мы полюбили другъ друга. Я почувствовала къ нему влеченіе послѣ высказанныхъ имъ взглядовъ о войнѣ. То, что я думала и чувствовала про себя, убѣжденная, что солдатъ не можетъ такъ думать а тѣмъ болѣе говорить объ этомъ вслухъ, то же думалъ и онъ, но только еще болѣе опредѣленно, то же чувствовалъ и онъ, только еще сильнѣе и вдобавокъ имѣлъ еще храбрость говорить объ этомъ открыто. Я видѣла въ этомъ, насколько сердце его и умъ были выше интересовъ его личнаго положенія и взглядовъ его времени. Вотъ въ сущности что положило начало моей любви къ нему; кромѣ этого, на всѣ «почему» было въ отвѣтъ еще безчисленное множество «потому что». Потому что у него была красивая, изящная наружность, потому что голосъ у него былъ удивительно нѣжный и вмѣстѣ съ тѣмъ мужественный, потому что онъ былъ нѣжный сынъ, потому, что...

— А ты? за что любишь ты меня?—прервала я мой отчетъ.

— За тысячу причинъ и въ сущности все за ту же одну.

— Назови ихъ. Сперва эту тысячу причинъ.

— За доброе сердце, за маленькую ножку, за чудные глазки, за блестящій умъ, за нѣжную улыбку, за остроуміе, за бѣлую ручку, за теплое достоинство, за чудный...

— Стой, стой. Если ты собираешься перечислить всю тысячу, то я лучше хочу узнать одну причину, по которой ты меня любишь.

Digitized by Google

— Это будетъ проще, потому что по своей силѣ и непреодолимости она заключаетъ въ себѣ всѣ остальныя. Я люблю тебя, Марта, потому, что я люблю тебя, вотъ почему.

* * *

Изъ Пратера я проѣхала прямо къ отцу.

Я предчувствовала, что то, что я имѣла ему сообщить, послужитъ поводомъ къ непріятнымъ объясненіямъ, но мнѣ хотѣлось какъ можно скорѣе пережить эту непріятность, покуда я была всецѣло подъ впечатлѣніемъ моего счастья.

Отецъ мой, обыкновенно встававшій поздно, сидѣлъ еще за утреннимъ кофе съ газетою въ рукахъ, когда я вошла къ нему въ кабинетъ. Тутъ же была и тетя Мари, которая тоже была занята чтеніемъ газеты.

При моемъ неожиданномъ появленіи, отецъ мой удивленно взглянулъ изъ-за своей «Presse», а тетя Мари положила на столъ свой «Fremdenblatt».

— Марта? Такъ рано? въ амазонкѣ? Что это значитъ?

Я обняла обоихъ, опустилась въ кресло и проговорила:

— Это означаетъ, что я заѣхала къ вамъ съ прогулки изъ Пратера, гдѣ случилось нѣчто, что я хочу вамъ поскорѣе сообщить.

— Очевидно, что нибудь важное, спѣшное? — спросилъ отецъ, закуривая сигару. — Разскажи пожалуйста, очень интересно.

Начинать ли изъ далека? Съ предисловія, съ подготовленья и дойти постепенно до важной новости — нѣтъ, лучше прямо перекреститься и прямо въ воду:

— Я выхожу замужъ.

Тетя Мари такъ и всплеснула руками, отецъ нахмурилъ брови...

— Надѣюсь не за...

Но я не дала ему докончить и продолжала:

— За человѣка, котораго я люблю и уважаю всѣмъ сердцемъ и... и который, я увѣрена, сдѣлаетъ меня счастливою, однимъ словомъ—за барона Фридриха Тиллинга.

Отецъ такъ и подпрыгнулъ.

— Дождались! Послѣ всего того, что я тебѣ говорилъ вчера.

Тетя Мари только качала головой:

— Я бы съ большимъ удовольствіемъ услыхала другое имя,—проговорила она; во-первыхъ, баронъ Тиллингъ не пар-

Digitized by Google

тія, — у него говорятъ за душой ни гроша; во-вторыхъ, его взгляды и мнѣнія повидимому...

— Мы съ нимъ во всемъ сходимся — во взглядахъ и мнѣніяхъ, а что касается до «партіи», то я никогда и не задавалась этимъ... Папа, дорогой папа, не смотри на меня такъ сурово, не отравляй мнѣ счастья, которое я переживаю въ настоящее время,—дорогой мой, любимый мой папа!

— Но дитя мое,—проговорилъ онъ уже болѣе мягкимъ голосомъ (стоило быть съ нимъ немножко нѣжнѣе, чтобы онъ сейчасъ же смягчился) — я именно имѣю въ виду твое счастье. Я не понимаю возможности быть счастливой съ воиномъ, который не преданъ своему дѣлу душою и тѣломъ.

— Да вѣдь не тебѣ за него выходить замужъ, — замѣтила какъ нельзя болѣе вѣрно тетя Мари.— Настоящій ли онъ солдатъ или нѣтъ—это еще не важно, но я бы не пошла замужъ за человѣка, который позволяетъ себѣ говорить въ такомъ неуважительномъ тонѣ о Богѣ Библейскомъ, какъ онъ говорилъ намедни.

— Позволь мнѣ и тебѣ замѣтить, милѣйшая тетя, что тебя никто не проситъ выходить замужъ за Фридриха Тиллинга.

— Воля человѣка — его царствіе небесное, — проговорилъ со вздохомъ отецъ мой, снова опускаясь въ кресло.—Надѣюсь, Тиллингъ выйдетъ въ отставку?

— Объ этомъ мы еще не говорили. Но я, конечно, очень бы этого желала, боясь только одного, что онъ этого не сдѣлаетъ.

— Когда я вспомню, что ты могла бы выйдти за князя,— со вздохомъ проговорила тетя Мари,—и ты ему отказала, вмѣсто того, чтобы возвыситься въ глазахъ общества, ты теперь спускаешься на нѣсколько ступенекъ съ лѣстницы общественнаго положенія.

— Какіе вы оба не милые, а вы еще говорите, что любите меня. Въ первый разъ со смерти бѣднаго Арно, я пришла къ вамъ разсказать, что я, наконецъ, счастлива; вмѣсто того, чтобы порадоваться за меня, вы придумываете всевозможныя причины, чтобы отравить скорѣе мое счастье и какія на это причины: матеріальныя соображенія, снова лѣстница общественнаго положенія!

Еще полчаса разговора и мнѣ удалось успокоить стариковъ. Я ожидала, что послѣ всего сказаннаго отцомъ наканунѣ его протестъ будетъ серьезнѣе. Вѣроятно, если бы я заявила толь-

Digitized by Google

ко о моемъ чувствѣ и намѣреніи, онъ употребилъ бы самое энергичное усиліе, чтобы задушить во мнѣ и чувство и намѣреніе, но онъ видѣлъ, что это «fait accompli» и что всѣ слова будутъ безполезны. Или на него вліяло то счастье, которое свѣтилось въ моихъ глазахъ и отъ котораго дрожалъ мой голосъ, и онъ поневолѣ смѣнилъ свой гнѣвъ на милость, и долженъ былъ радоваться вмѣстѣ со мною; однимъ словомъ, когда я собралась уходить и стала съ нимъ прощаться, онъ сердечно поцѣловалъ меня и обѣщалъ зайти вечеромъ ко мнѣ, чтобы повидать лично своего будущаго зятя. Жаль, что я не вписала всѣхъ подробностей этого дня и вечера въ мои красныя тетрадки. Нѣкоторыя подробности не сохранились у меня въ памяти за такое долгое время—помню только, что я переживала тогда блаженное время.

Вечеромъ, къ чаю, у меня собрались всѣ мои родные и я представила имъ моего Фридриха Тиллинга, какъ моего жениха.

Роза и Лилли были въ восторгѣ; Конрадъ Альтгаузъ не могъ удержаться отъ восторженнаго: «браво, Марта! Вотъ тебѣ, Лилли, примѣръ!»—воскликнулъ онъ. Отецъ или преодолѣлъ прежнюю свою антипатію или постарался скрыть ее изъ любви ко мнѣ. Тетя Мари была растрогана и нѣжна.

— Браки заключаются на небесахъ,—проговорила она,—и въ этомъ дѣлѣ у каждаго своя судьба. Да благословитъ Господь вашъ бракъ и да ниспошлетъ Онъ вамъ счастья, это будетъ отнынѣ моя неустанная къ нему молитва.

Мой сынъ Рудольфъ тоже былъ представленъ своему «будущему папашѣ», мнѣ было такъ отрадно, когда дорогой мнѣ человѣкъ взялъ дорогого мальчика на руки; поднялъ его и цѣлуя сказалъ: «изъ тебя, мой маленькій мальчикъ, мы вдвоемъ сдѣлаемъ цѣлаго человѣка».

Въ теченіе вечера отецъ мой все-таки упомянулъ объ отставкѣ:

— Вѣроятно, Тиллингъ, вы теперь оставите службу, вѣдь вы и безъ того не большой поклонникъ войны.

Фридрихъ удивленно откинулъ голову назадъ:

— Оставить службу? Зачѣмъ?.. Развѣ надо быть непремѣнно поклонникомъ войны, чтобы быть военнымъ: какъ будто оттого, что...

— Знаю, знаю,—прервалъ его отецъ,—вы намъ уже говорили это, помните какъ-то вечеромъ, — какъ будто пожарному надо любить пожары.

Digitized by Google

— Я бы могъ привести еще много другихъ примѣровъ,— какъ будто докторъ долженъ непремѣнно любить ракъ и тифъ, или судья долженъ непремѣнно чувствовать особое влеченіе къ кражамъ со взломомъ. Зачѣмъ мнѣ оставлять службу? Какая къ тому причина?

— Причиною могло бы быть,—замѣтила тетя Мари,—желаніе избавить жену вашу отъ гарнизонной жизни и отъ страховъ на случай войны... Хотя всѣ эти страхи въ сущности безосновательны, — кому суждено жить до старости, тотъ не умретъ раньше, несмотря ни на какія опасности.

— Эти причины, конечно, должны быть приняты во вниманіе, конечно, я буду всѣми силами стараться избавить мою будущую спутницу жизни отъ всякихъ житейскихъ непріятностей, но я думаю, что имѣть дѣло съ человѣкомъ, который не имѣетъ никакого опредѣленнаго дѣла и не чувствуетъ себя ни къ чему способнымъ, хуже всякой гарнизонной жизни. А боязнь, что кто-нибудь объяснитъ мой уходъ со службы лѣнью или трусостью, конечно, хуже всѣхъ опасностей войны. Я, по крайней мѣрѣ, ни одной минуты не останавливался на мысли объ этомъ; надѣюсь, вы тоже, Марта? (при чужихъ мы были на «вы»).

— А что если я это поставлю условіемъ.

— Этого быть не можетъ. Тогда мнѣ бы пришлось отказаться отъ моего счастья. Вы богаты, у меня ничего, кромѣ моего жалованья, кромѣ повышенія въ чинѣ въ будущемъ, вотъ все мое состояніе и я не могу отъ него отказаться. Это было бы недостойно, это было бы противъ моего понятія о чести.

— Молодецъ, сынъ мой... теперь я примирился съ вами. Это было бы грѣшно, и непростительно по отношенію къ вашей карьерѣ. Вамъ теперь осталось не долго до чина полковника, а тамъ вы дослужитесь и до генерала, а затѣмъ можете быть назначены крѣпостнымъ комендантомъ, губернаторомъ или военнымъ министромъ. Это дастъ женѣ вашей тоже недурное положеніе.

Я молчала. У меня совсѣмъ не было въ виду сдѣлаться комендантшею. Всего пріятнѣе было бы для меня забраться куда-нибудь подальше въ деревню съ избранникомъ моего сердца; тѣмъ не менѣе, высказанные имъ взгляды доставили мнѣ большое удовольствіе. Они уничтожали собою подозрѣніе моего отца и, вѣроятно, многихъ другихъ.

— Да, это меня окончательно миритъ съ вами,—продолжалъ

Digitized by Google

отецъ мой,—откровенно говоря, я думалъ, что вы сдѣлаете это главнымъ образомъ для того... не смотрите на меня такъ свирѣпо, *между прочимъ*, для того, чтобы отдаться вашей личной жизни и, признаюсь, это было бы очень жаль. Даже по отношенію къ Мартѣ это было бы большою ошибкою. Она военная дама сама, дочь воина, вдова воина и сомнѣваюсь, чтобы она могла любить статскаго.

Тиллингъ не могъ не улыбнуться. Онъ быстро взглянулъ на меня, точно чтобы сказать мнѣ: «самъ тебя хорошо знаю», и отвѣтилъ громко:

— Я самъ того же мнѣнія, она влюбилась въ мою форму.

* * *

Въ сентябрѣ того же года мы поженились. Мой женихъ взялъ двухъ-мѣсячный отпускъ для нашего «voyage de noce». Первая наша остановка была Берлинъ. Мнѣ хотѣлось возложить вѣнокъ на могилу матери Фридриха и такимъ образомъ начать наше путешествіе съ поклоненія.

Въ столицѣ Пруссіи мы провели съ недѣлю. Фридрихъ познакомилъ меня съ живущими тамъ его родственниками, всѣ они показались мнѣ самыми милыми людьми на свѣтѣ. Понятно, что въ медовый мѣсяцъ все кажется въ розовомъ свѣтѣ, все мило, все прекрасно. Кромѣ того, къ новобрачнымъ обыкновенно всѣ относятся чрезвычайно предупредительно, любезно, мило, всѣ наперерывъ стараются усыпать ихъ усѣянный цвѣтами путь новыми розами. Что мнѣ особенно понравилось у сѣверныхъ германцевъ, это ихъ языкъ. Не потому, что онъ напоминалъ мнѣ акцентъ моего мужа, особенность, въ которую я кажется прежде всего влюбилась, но еще и потому, что по сравненію съ некрасивою австрійскою рѣчью, онъ являлся мнѣ доказательствомъ болѣе высокаго уровня образованія, что̀ было въ сущности совершенно вѣрно. Непризнаваніе грамматики, что такъ часто встрѣчаемое въ лучшихъ кружкахъ вѣнскаго общества, въ берлинскихъ кружкахъ не встрѣтишь. Прусское смѣшиваніе дательнаго падежа съ винительнымъ возможно только въ низшемъ классѣ, тогда какъ такія ошибки, какъ «ohne dir» «mit die Kinder», очень часто приходится слышать въ Вѣнѣ въ лучшемъ обществѣ. Мы можемъ считать нашъ языкъ вмѣстѣ съ иностранцами «пріятнымъ языкомъ», но онъ во всякомъ случаѣ ниже сѣверо-германскаго. Еслибы достоинство людей измѣрялось ихъ степенью образованности, а какая другая мѣрка можетъ быть болѣе правильна, то сѣверный нѣмецъ оказался бы на малень-

Digitized by Google

кій кусочекъ больше человѣкомъ, чѣмъ южный нѣмецъ. Подобныя заявленія въ устахъ пруссака показались бы нахальными, а изъ-подъ пера австріячки очень «непатріотическими», но нѣтъ правды, которая бы такъ или иначе кого-нибудь не задѣла.

Нашъ первый визитъ, по возвращеніи съ кладбища, былъ къ сестрѣ покойницы. По тому, насколько была привѣтлива и умна эта женщина, я могла себѣ представить, какъ была умна и ласкова мать Фридриха, если она похожа на свою сестру Корнелію фонъ-Тессовъ. Г-жа фонъ-Тессовъ была вдовою прусскаго генерала, у нея былъ одинъ только сынъ, только-что въ то время произведенный въ поручики.

Красивѣе юноши этого Готфрида фонъ-Тессовъ я никогда въ жизни не встрѣчала. Было трогательно видѣть ихъ взаимныя отношенія, даже въ этомъ Корнелія фонъ-Тессовъ походила на покойную сестру. Надо было видѣть, какъ она гордилась сыномъ, надо было видѣть, съ какою нѣжностью онъ относился къ ней, чтобы радоваться впередъ, какъ я радовалась при мысли о томъ времени, когда мой Рудольфъ выростетъ. Я только одного не могла понять и допрашивала мужа, «какъ могла мать отдать своего единственнаго сына, свое сокровище, въ военную службу?»

— Есть вещи, дорогая моя,—отвѣтилъ мнѣ мужъ,—о которыхъ не думаютъ, послѣдствія, на которыхъ не останавливаются. Объ опасностяхъ военной карьеры не думаютъ—считается неприличнымъ, просто трусостью принимать во вниманіе эти опасности. Онѣ признаются какъ нѣчто неизбѣжное, съ чѣмъ надо сумѣть справиться и что часто кончается благополучно. Процентъ павшихъ раскладывается на всѣхъ остальныхъ и потому избирая военную карьеру о возможности смерти никто не думаетъ. Она существуетъ, эта возможность, но она также вѣроятна, какъ вообще смерть вѣроятна для каждаго изъ насъ, и никто о ней, однако, не думаетъ. Отстраняя отъ себя удручающую мысль объ опасности, человѣкъ совершаетъ великія дѣла. А въ концѣ концовъ, что можетъ быть для прусскаго дворянина болѣе пріятно, болѣе доблестно, чѣмъ положеніе прусскаго кавалерійскаго офицера?

Я тоже кажется понравилась тетѣ Корнеліи.

— Какъ жаль,—сказала она мнѣ однажды,—что сестрѣ не суждено было дожить до радости имѣть такую невѣстку, какъ ты, не видѣть Фридриха такимъ счастливымъ, какъ онъ счаст-

Digitized by Google

ливъ съ тобою. Она всегда такъ желала, чтобъ онъ женился. Но у него были такія требованія отъ брака.

— Должно быть, не особенныя, милая тетя, если онъ остановился на мнѣ...

— A trap for a compliment, какъ говорятъ англичане, я бы желала, чтобы мой Готфридъ сдѣлалъ бы тоже такой удачный выборъ. Такъ хочется поскорѣе попасть въ бабушки, но вѣрно мнѣ еще придется долго ждать этой радости, сыну моему только 21 годъ.

— Сколькимъ еще дѣвушкамъ онъ вскружитъ головы, сколько разобьетъ сердецъ,—замѣтила я.

— Это на него не похоже; онъ такой порядочный, честный. Я убѣждена, что онъ сумѣетъ сдѣлать свою жену счастливою.

— Такою же, какъ Фридрихъ свою.

— Тебѣ это еще рано говорить, дорогая моя, подождемъ, что-то ты мнѣ скажешь черезъ десять лѣтъ. Первое время всѣ браки бываютъ большею частью счастливыми. Это не значитъ, что я сомнѣваюсь въ моемъ племянникѣ, какъ и въ тебѣ, напротивъ, я готова думать, что ваше счастье прочное.

Изъ Берлина мы отправились въ нѣмецкіе курорты. Исключая моей маленькой поѣздки по Италіи съ Арно, о которой у меня сохранилось самое мимолетное впечатлѣніе, я никогда не путешествовала.

Новыя мѣста, новые люди, новая жизнь приводили меня въ самое восторженное настроеніе. Міръ Божій казался мнѣ такимъ прекраснымъ, такимъ интереснымъ. Если бы не разлука съ Рудольфомъ, котораго мы не взяли съ собой, я бы предложила Фридриху сперва объѣздить всю Европу, а затѣмъ и остальныя части свѣта, я бы сказала ему: «будемъ наслаждаться этою бродячею жизнью, этою свободою перемѣщенія, этимъ богатствомъ новыхъ впечатлѣній, новыхъ встрѣчъ. Куда бы мы ни попали, какъ бы ни были намъ чужды страна и люди, въ нашей близости мы будемъ чувствовать себя вездѣ дома». Что отвѣтилъ бы мнѣ Фридрихъ на подобное предложеніе? Вѣроятно, что-нибудь въ родѣ того, что нельзя же сдѣлать изъ путешествія свою дѣятельность, нельзя же, чтобъ свадебное путешествіе длилось безъ конца и что, наконецъ, у него отпускъ всего на два мѣсяца.

Мы посѣтили Баденъ-Баденъ, Гамбургъ и Висбаденъ. Вездѣ то же изящное, веселое препровожденіе времени, то же интересное общество самыхъ разнообразныхъ людей. При встрѣчахъ

Digitized by Google

съ иностранцами я узнала, въ какомъ совершенствѣ Фридрихъ владѣлъ французскимъ и англійскимъ языками—что еще болѣе увеличило мое восхищенье имъ. Я постоянно открывала въ немъ новыя достоинства: мягкость, веселость, отзывчивость на все прекрасное. Поѣздка по Рейну приводила его въ восторгъ, а въ театрѣ или въ концертѣ, когда артисты проявляли себя талантливыми исполнителями, по глазамъ его было видно, какъ онъ наслаждался. Вотъ отчего Рейнъ, со своими замками, казался мнѣ вдвойнѣ романтичнымъ, вотъ отчего я вдвойнѣ наслаждалась игрою знаменитыхъ виртуозовъ.

Къ сожалѣнію, эти два мѣсяца пролетѣли слишкомъ быстро. Фридрихъ просилъ о продолженіи отпуска, но ему въ этомъ было отказано. Это было моимъ первымъ неудовольствіемъ за все время замужества—эта оффиціальная бумага, въ которой было сухо заявлено, чтобы мы возвращались.

— И это называютъ люди свободою!—воскликнула я бросая обидную бумагу на столъ.

Тиллингъ засмѣялся.—Я ничуть и не воображалъ считать себя свободнымъ человѣкомъ, повелительница моя.

— Если бы я была твоею повелительницей, я бы приказала тебѣ распрощаться съ военною службою и состоять только при мнѣ.

— Вѣдь этотъ вопросъ у насъ рѣшенъ былъ вмѣстѣ.

— Положимъ, мнѣ пришлось покориться, но это только доказываетъ, что ты не мой рабъ—что въ сущности меня весьма радуетъ, мой дорогой, любимый гордецъ!

* * *

По возвращеніи изъ нашего путешествія мы поселились въ маленькомъ городкѣ—въ крѣпости Ольмютцѣ, гдѣ стоялъ Фридриха полкъ.

Въ этомъ гнѣздѣ, конечно не было и помину объ какомъ нибудь обществѣ и мы жили совершенно уединенно.

Въ свободное время, какое у него оставалось отъ службы, а у меня отъ занятій съ сыномъ, мы посвящали другъ другу. Съ полковыми дамами я обмѣнивалась визитами, но сближаться съ ними у меня не было никакой охоты, меня нисколько не привлекали ихъ послѣобѣденные кофеи съ разсказами о прислугѣ и городскими сплетнями, также сторонился и Фридрихъ партій въ карты у полковаго командира и попоекъ съ офицерами. Мы проводили время поинтереснѣе ихъ. Міръ, въ которомъ мы вращались, когда по вечерамъ сидѣли вдвоемъ у кипѣвшаго само-

Digitized by Google

вара, былъ такъ далекъ отъ міра общества въ Ольмютцѣ, какъ звѣздное небо. Это можно принять и въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ нашими любимыми отвлеченіями отъ дѣйствительности были витанія въ заоблачныхъ сферахъ. Мы читали вмѣстѣ научныя сочиненія и узнавали чудеса вселенной. Мы проникали и въ нѣдра земли, и возносились въ небесную высь, заглядывали въ тайны безконечно малыхъ микроскопическихъ существъ и посредствомъ телескопа знакомились съ безконечно далекими мірами, и чѣмъ шире раскрывался передъ нами міръ, тѣмъ все мельче казались намъ интересы ольмютцскаго общества. Мы не ограничивались только областью естествовѣдѣнія для нашего чтенія, мы изучали и другія отрасли изслѣдованій и мысли. Я уже въ третій разъ перечитывала моего любимаго Бокля, чтобы познакомить Фридриха съ этимъ авторомъ, отъ котораго онъ пришелъ въ такой же восторгъ, какъ и я, мы не пренебрегали и поэтами и романистами и такимъ образомъ наши вечера были настоящими праздниками ума, тогда какъ все остальное время являлось непрерывнымъ праздникомъ сердца. Мы съ каждымъ днемъ любили другъ друга все больше и больше; если пылъ страсти и охлаждался, за то пріобрѣтались искренность и уваженіе. Отношенія между Фридрихомъ и Рудольфомъ приводили меня въ настоящій восторгъ. Это были два настоящихъ друга, весело было смотрѣть какъ они играли вмѣстѣ. Изъ нихъ двухъ Фридрихъ былъ, конечно, больше дитя. Я присоединялась къ нимъ и какихъ только глупостей мы не болтали и не продѣлывали,— да простятъ намъ мудрецы, которыхъ мы читали, уложивъ Рудольфа спать. Хотя Фридрихъ и увѣрялъ, что онъ, вообще не особенно любилъ дѣтей, и что любилъ Рудольфа за то, что онъ, во-первыхъ, сынъ Марты, а во-вторыхъ, за то, что онъ дѣйствительно очень милъ, и такъ умѣетъ приласкаться къ своему вотчиму. Мы часто разговаривали о будущности нашего мальчика. Какую карьеру избрать ему? Военную?—Нѣтъ, для нея онъ не будетъ годиться, мы не сумѣемъ развить въ немъ страсти къ военной славѣ... Карьера дипломата? Быть можетъ, но вѣроятнѣе всего, онъ будетъ сельскимъ хозяиномъ. Какъ будущій наслѣдникъ маіората Дотцкихъ, который достанется ему послѣ смерти шестидесятилѣтняго дяди Арно, у него будетъ уже готовая карьера—сумѣть раціонально управлять своими владѣніями. Тогда онъ сдѣлаетъ предложеніе маленькой Беатрисѣ, и будетъ счастливымъ человѣкомъ. Мы сами были такъ счастливы, что намъ хотѣлось, чтобы всѣмъ въ мірѣ жилось счастливо, даже чтобы для будущихъ поколѣній

Digitized by Google

были обезпечены всѣ земныя радости. При этомъ, конечно, мы не могли обойти мысленно и всѣхъ несчастій, отъ которыхъ приходится страдать большинству людей и еще долго придется терпѣть многимъ поколѣніямъ въ будущемъ, какъ-то: бѣдность, невѣжество, отсутствіе свободы, столькихъ опасностей и невзгодъ, испытываемыхъ людьми, и самое ужасное изъ всѣхъ золъ— война.

— Ахъ, если бы ея не существовало! Это восклицаніе часто вырывалось у насъ со вздохомъ, но всѣ современныя условія и взгляды предъявляли намъ сейчасъ свое «это невозможно». Къ сожалѣнію, мечта «чтобы всѣмъ хорошо жилось и чтобы всѣ были долговѣчны» неисполнима, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ. Пессимистическое ученіе, по которому существованіе есть зло, по которому было бы лучше не существовать, для насъ опровергалось нашимъ личнымъ существованіемъ.

На Рождествѣ мы отправились въ Вѣну, чтобы провести праздники съ моими родными. Отецъ мой давно примирился съ Фридрихомъ. Фактъ, что Фридрихъ не оставилъ военной службы, разсѣялъ всѣ прежнія сомнѣнія и подозрѣнія. Положимъ, я сдѣлала «дурную партію», такъ это и осталось убѣжденіемъ отца и тети Мари, но, съ другой стороны, они видѣли, что я была съ нимъ счастлива и это мирило ихъ съ нимъ.

Роза и Лилли были очень опечалены, что на масляниицѣ имъ придется выѣзжать въ свѣтъ не со мною, а со строгою тетею Мари. Конрадъ Альтгаузъ по прежнему былъ ревностнымъ посѣтителемъ дома, и мнѣ показалось даже, что его акціи нѣсколько повысились у Лилли.

Мы провели сочельникъ очень весело. Была зажжена большая елка и всѣ обмѣнялись подарками. Королемъ праздника и получившимъ больше всего подарковъ оказался мой сынъ Рудольфъ, но и другіе не были забыты. Фридрихъ получилъ отъ меня подарокъ, при видѣ котораго онъ не могъ удержаться отъ крика радости. Это было серебряное прессъ-папье въ видѣ аиста. Въ клювѣ онъ держалъ записочку, на которой было написано моею рукою: «лѣтомъ 1864 я что-то принесу».

Фридрихъ восторженно обнялъ меня; если бы мы были одни, онъ навѣрно протанцовалъ бы съ мною какое нибудь па.

* * *

Въ первый день праздника, всѣ опять собрались у моего отца къ обѣду. Изъ чужихъ были только его превосходительство «во всякомъ случаѣ» и докторъ Брессеръ.

Digitized by Google

Сидя за обѣдомъ въ этой знакомой мнѣ комнатѣ, мнѣ невольно вспомнился тотъ вечеръ, когда мы оба впервые почувствовали, что любимъ другъ друга.

Доктору Брессеру вспомнилось то же самое:

— Помните,—обратился онъ ко мнѣ,—нашу партію въ пикетъ съ вашимъ папашей, а вы въ это время разговаривали у камина съ барономъ Тиллингомъ. Можно было подумать, что я былъ весь поглощенъ игрою, а я навострилъ уши и прислушивался къ вашему разговору, въ звукѣ вашихъ голосовъ было что-то, словъ я не могъ разслышать, что привело меня къ убѣжденію, что изъ этихъ двухъ будетъ пара. Когда теперь гляжу на васъ обоихъ, прихожу къ убѣжденію, что вы двое есть и всегда будете счастливою парою.

— Я удивляюсь вашей проницательности, докторъ. Да, мы дѣйствительно счастливы. Но на долго ли? Къ сожалѣнію, это зависитъ не отъ насъ, а отъ судьбы... Надъ каждымъ счастьемъ виситъ опасность, и чѣмъ больше счастье, тѣмъ сильнѣе опасность.

— Чего вамъ бояться?

— А смерти.

— Смерти? Признаюсь, мнѣ бы это не пришло въ голову. Какъ доктору, мнѣ часто приходится съ ней встрѣчаться. Но я о ней никогда не думаю. А отъ такихъ молодыхъ здоровыхъ людей, какъ вы оба, она такъ далека.

— Какъ будто для солдата что нибудь значитъ молодость и здоровье.

— Гоните отъ себя прочь такія мысли, милѣйшая баронесса, войны не предвидится. Не правда-ли, ваше превосходительство, обратился онъ къ министру, на политическомъ горизонтѣ не видно никакой черной точки?

— Точки нѣтъ,—повторилъ министръ,—она уже превратилась въ черную, грозную тучу.

Меня всю передернуло.

— Какъ? Что вы сказали?—спросила я въ ужасѣ.

— Данія что-то уже очень расходилась...

— Ахъ, Данія,—повторила я, свободно вздохнувъ.—Значитъ, гроза не надъ нами. Какому бы народу ни предстояло драться, это одинаково прискорбно, но если война предстоитъ датчанамъ а не австрійцамъ, я могу сокрушаться, конечно, но бояться мнѣ нечего.

— Вообще нечего бояться ни въ какомъ случаѣ,—вмѣшался

Digitized by Google

въ разговоръ отецъ мой,—даже если Австрія приметъ участіе въ войнѣ. Если мы будемъ отстаивать у Даніи права Шлезвигъ-Гольштейна, то мы ничѣмъ не рискуемъ. Тутъ вѣдь дѣло идетъ не о какой нибудь австрійской территоріи, которую можно потерять въ случаѣ неудачи.

— Неужели ты думаешь, папа, что если бы пришлось выступить нашимъ войскамъ, я бы стала думать о такихъ вещахъ, какъ австрійская территорія, шлезвигъ-гольштейнскія права, владычество Даніи? Мнѣ было бы только одно ясно: жизнь близкихъ людей въ опасности. Эта опасность остается все тою же, по какой бы причинѣ ни велась война.

— На судьбѣ отдѣльныхъ личностей не останавливаются, дитя мое, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о міровыхъ событіяхъ. Когда возникаетъ война, вопросы о томъ, кто въ ней падетъ, тотъ или другой, отступаютъ въ сторону передъ однимъ только капитальнымъ вопросомъ, заслоняющемъ собой всѣ остальные, можетъ ли страна выиграть или проиграть отъ этой войны. И вотъ именно въ войнѣ съ Даніею мы ничѣмъ не рискуемъ, мы можемъ только упрочить наше могущество въ германскомъ союзѣ. Я все еще мечтаю, что наступитъ время, когда Габсбурги вернутъ подобающее имъ преобладающее значеніе; это будетъ въ порядкѣ вещей. Мы—самое значительное государство въ союзѣ, гегемонія за нами обезпечена, но этого недостаточно. Я бы привѣтствовалъ войну съ Даніею не только какъ благопріятный случай, чтобы загладить ошибки 59 года, но и какъ возможность себя такъ поставить въ германскомъ союзѣ, что мы могли съ лихвою вознаградить себя за потерю Ломбардіи, на столько увеличить свое значеніе, чтобы намъ было нипочемъ отвоевать обратно эту провинцію.

Я взглянула на Фридриха. Онъ не принималъ участія въ нашемъ разговорѣ, но весело болталъ съ Лиллею. У меня сжималось сердце отъ боли; эту боль причиняла цѣлая масса всякихъ ужасовъ, которые рисовались моему воображенію: война... онъ, моя радость, мое счастье, долженъ участвовать въ ней... онъ искалѣченъ, убитъ... дитя мое, которое я чувствовала у себя подъ сердцемъ, появленіе котораго онъ вчера еще такъ радостно привѣтствовалъ, родится на свѣтъ сиротою... Разбито наше счастье, едва оно распустилось, а сколько еще радости въ будущемъ оно сулило намъ. Эта опасность на одной чашѣ вѣсовъ, а на другой? Значеніе Австріи въ германскомъ союзѣ, освобожденіе Шлезвигъ-Гольштейна, «новые лавры въ побѣдо-

Digitized by Google

носномъ вѣнкѣ воинства»,—значитъ нѣсколько фразъ для употребленія въ школахъ и въ прокламаціяхъ арміи... Но вѣдь и это еще подлежитъ сомнѣнію, ибо насколько возможна побѣда, на столько же возможно и пораженіе. И это мнимое благо отечества противопоставляется не одному моему единичному горю, а такому же горю тысячи тысячъ людей и здѣсь, и въ странѣ противника, и всѣ они должны испытывать тоже самое, что испытываю я теперь. Неужели же нельзя этого избѣжать, неужели нельзя это отклонить? Что если бы соединились всѣ благомыслящіе, добрые, справедливые люди, неужели они не могли бы спасти отъ этой напасти.

— Скажите, пожалуйста, — обратилась я громко къ министру,—неужели положеніе вещей уже такъ серьезно? Неужели вы, министры и дипломаты, не могли предупредить такого исхода?

— Неужели вы думаете, баронесса, что наше призваніе поддерживать вѣчный миръ?—Конечно, это было бы весьма достойнымъ призваніемъ, но совершенно немыслимымъ. Мы существуемъ для того, чтобы охранять интересы нашихъ государствъ и династій, оберегать отъ всякой попытки уменьшить ихъ значеніе, ревниво охранять честь страны, мстить за нанесенную намъ обиду.

— Короче сказать,—прервала я, дѣйствовать согласно съ правилами войны: врагу, т. е. всякому другому государству, вредить на сколько возможно и если возникаетъ споръ, упорно отстаивать свою правоту, хотя бы и сознавая, что это не такъ—неправда-ли?

— Во всякомъ случаѣ.

— До тѣхъ поръ, покуда у обѣихъ спорящихъ сторонъ не лопнетъ терпѣніе, и тогда начинается драка,—да вѣдь это же ужасно!

— Это единственный исходъ. Какъ же иначе рѣшать международные споры?

— А какъ же разрѣшаются процессы между отдѣльными личностями въ цивилизованномъ мірѣ?

— Судомъ. Народы не подлежатъ такому суду.

— Наравнѣ съ дикими, — помогъ мнѣ докторъ Брессеръ.— Ergo, народы въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ еще не принадлежатъ цивилизаціи и, вѣроятно, пройдетъ еще не мало времени, покуда имъ удастся установить международный третейскій судъ.

— Этого никогда не будетъ,—замѣтилъ отецъ мой.—Есть

Digitized by Google

вещи, которыя должны отстаиваться оружіемъ, а не процессомъ. Даже если-бы были сдѣланы попытки введенія такого третейскаго суда, болѣе сильныя государства не подчинялись бы ему, это все равно, что два дворянина, изъ которыхъ одинъ нанесъ бы оскорбленіе другому, вздумали бы разбираться судомъ. Они преспокойно посылаютъ другъ другу секундантовъ и дерутся.

— Дуэль тоже дикій обычай.

— Однако, вы его не передѣлаете, докторъ.

— Но я не назову его, по крайней мѣрѣ, хорошимъ дѣломъ.

— А ты что скажешь объ этомъ, Фридрихъ? обратился отецъ мой къ своему зятю. Развѣ и ты такого же мнѣнія, что, получивъ пощечину, слѣдуетъ идти въ судъ и требовать пять флориновъ штрафа за понесенный убытокъ?

— Я бы этого не сдѣлалъ.

— Ты бы вызвалъ оскорбившаго тебя?

— Безъ сомнѣнія.

— Ага, докторъ, ага, Марта, — торжествовалъ отецъ, — вы слыхали? Тиллингъ, который совсѣмъ не поклонникъ войны, оказывается поклонникомъ дуэли.

— Поклонникомъ? Этого я вовсе не сказалъ, я говорилъ только, что въ данномъ случаѣ, я бы, безъ сомнѣнія, обратился къ дуэли, что я не разъ дѣлалъ; это такъ же въ порядкѣ вещей, какъ и то, что я сдѣлалъ нѣсколько походовъ и, если потребуется, отправлюсь снова въ походъ. Я подчиняюсь законамъ чести. Но это не значитъ, чтобы я сказалъ, что эти законы, каковы они есть, соотвѣтствовали моему нравственному идеалу. Постепенно, когда мой идеалъ сдѣлается общимъ идеаломъ, понятіе о чести тоже измѣнится — полученное оскорбленіе, если оно не заслужено, будетъ позоромъ не для того, кто его получилъ, а для того, кто его нанесъ, а во вторыхъ выйдетъ изъ употребленія и самоуправство въ дѣлахъ чести, какъ оно исчезло уже въ другихъ сферахъ цивилизованнаго общества. До тѣхъ поръ...

— Намъ придется долго ждать,—прервалъ мой отецъ,—покуда будутъ существовать дворяне...

— Тоже лишнее, чтобы они всегда существовали,—замѣтилъ докторъ.

— Ого, да вы, какъ видно, хотите уничтожить дворянство, да вы радикалъ!—воскликнулъ отецъ.

— Феодальное дворянство—непремѣнно. Людей благороднаго происхожденія въ будущемъ не нужно.

Digitized by Google

— За то какъ можно больше просто благородныхъ людей,— подтвердилъ Фридрихъ.

— И этотъ новый сортъ людей будетъ относиться спокойно къ пощечинѣ?

— Во первыхъ, пощечинъ совсѣмъ не будутъ давать.

— Людей, которые бы не защищались отъ нападеній сосѣднихъ государствъ?

— Такихъ нападающихъ сосѣднихъ государствъ не будетъ, вѣдь наши помѣстья не терпятъ же теперь нападеній отъ сосѣднихъ владѣтелей замковъ, и, какъ теперь, владѣтель замка не нуждается болѣе въ шайкѣ вооруженныхъ оруженосцевъ...

— Такъ и грядущее государство будетъ обходиться безъ вооруженнаго войска? Чѣмъ же вы тогда будете, господа подполковники?

— Чѣмъ стали оруженосцы?

И вотъ такимъ образомъ снова начался старый споръ, который продолжался еще нѣкоторое время. Я съ наслажденіемъ внимала словамъ Фридриха, мнѣ было такъ отрадно, что онъ отстаивалъ такъ увѣренно, такъ твердо идеалы высшей нравственности, и въ душѣ я примѣняла къ нему выраженіе, которое онъ употребилъ: «благородный человѣкъ»!

Digitized by Google

Книга третья.

1864 годъ.

Мы пробыли еще двѣ недѣли въ Вѣнѣ. Невеселый это былъ для меня отпускъ. Фатальное ожиданіе войны, которымъ были наполнены всѣ газеты, о которомъ только и говорили, портило мнѣ всю прелесть жизни. Всякій разъ при мысли о чемъ нибудь, что составляло частицу моего счастья, прежде всего, конечно, при мысли о мужѣ, который становится мнѣ съ каждымъ днемъ все дороже, сейчасъ-же возникала мысль о возможности опасности, угрожавшей нашему счастью въ случаѣ войны. Я могла ей, какъ говорится, и не радоваться. Конечно, случайностей на свѣтѣ много,—болѣзнь, смерть, пожаръ, наводненіе—и избѣжать всѣхъ этихъ элементарныхъ невзгодъ и угрозъ природы невозможно, но человѣкъ привыкъ не думать о нихъ и, благодаря этому, относится къ нимъ спокойно. Къ чему-же было людямъ устраивать себѣ еще добровольныя опасности, зачѣмъ эту, безъ того вулканическую почву, на которой построено человѣческое счастье, подвергать еще искусственному колебанію? Положимъ, люди привыкли считать войну за явленіе природы и относиться къ ней такъ-же какъ къ землетрясенію и къ наводненію, т. е. по возможности совсѣмъ о ней не думать. Но я не могла уже вернуться къ такой точкѣ зрѣнія. Вопросъ «развѣ такъ должно быть?» который былъ однажды предложенъ Фридрихомъ, преслѣдовалъ меня, и всегда, когда я его задавала себѣ относительно войны, на него отвѣтомъ было: «нѣтъ» и, вмѣсто примиренія, въ душѣ моей одновременно съ тоскою поднималась злоба и мнѣ хотѣлось закричать имъ всѣмъ: «не дѣлайте

Digitized by Google

этого, не дѣлайте, какое намъ дѣло до Шлезвигъ-Гольштейна и до датской конституціи. Нарушилъ-ли протокольный принцъ или подкрѣпилъ законы отъ 13 ноября 1863 г.—развѣ намъ это небезразлично?»

Между тѣмъ, всѣ газеты, всѣ разговоры только и были заняты обсужденіемъ этого вопроса, точно отъ него зависѣло благополучіе всего міра, точно важнѣе его не было ничего на свѣтѣ и какъ это можно ставить рядомъ съ нимъ вопросъ о томъ, должны-ли быть убиты наши мужья и сыновья, или нѣтъ? Только на время я могла помириться съ подобнымъ положеніемъ вещей, именно когда въ душѣ у меня пробуждалось сознаніе долга. Ну, да, мы принадлежимъ къ нѣмецкому союзу и сообща съ союзными нѣмецкими братьями должны сражаться за права угнетенныхъ нашихъ-же братьевъ. Положимъ,принципъ національности выражался элементарной силой, но съ этой точки зрѣнія все становилось понятнымъ. Когда я цѣплялась за эту идею, больное чувство въ душѣ моей нѣсколько слабѣло. Если-бы я могла предвидѣть, что черезъ два года все германское братство разразится враждою, и что у Австріи ненависть къ Пруссіи будетъ сильнѣе ненависти къ Даніи данной минуты, я бы уже тогда познала, что мотивы, которыми объясняются враждебныя отношенія, только фразы, пустыя фразы и предлоги.

Новый годъ мы тоже встрѣчали у отца. Когда часы начали бить двѣнадцать, отецъ поднялъ свой стаканъ съ пуншемъ.

— Пожелаемъ, чтобы походъ, который намъ предстоитъ въ будущемъ новомъ году, былъ-бы нашею славою,—произнесъ онъ торжественно (я опустила мою руку съ поднятымъ кверху стаканомъ), и чтобъ всѣ дорогія намъ остались цѣлы и невредимы!—закончилъ онъ.

Теперь и я подняла стаканъ кверху.

— Отчего ты не чокнулась при первой половинѣ моего тоста, Марта.

— Потому что относительно похода я могу желать только одного, чтобы его не было.

Когда мы вернулись къ себѣ въ отель, въ нашу спальню, я бросилась Фридриху на шею.

— О, дорогой мой! Фридрихъ! Фридрихъ!

Онъ нѣжно обнялъ меня.

— Что съ тобой, Марта? Ты плачешь? Сегодня-то, наканунѣ Новаго года? Зачѣмъ-же встрѣчать намъ этотъ новый 1864 годъ

Digitized by Google

со слезами? Развѣ ты несчастлива, дорогая? Не огорчилъ-ли я тебя чѣмъ нибудь?

— Ты? о нѣтъ, нѣтъ, я слишкомъ съ тобой счастлива, слишкомъ счастлива, вотъ отчего мнѣ такъ страшно.

— Не надо быть суевѣрной, милая Марта, неужели ты вѣришь въ завистливыхъ боговъ, которые разстраиваютъ слишкомъ большое счастье?

— Нѣтъ, не боговъ я страшусь, а безразсудныхъ людей, которые сами накликаютъ на себя несчастье.

— Это ты говоришь о войнѣ? Да вѣдь она еще не рѣшена, къ чему же печалиться раньше времени? Кто знаетъ, будетъ ли она еще вообще, долженъ ли я буду идти? Пойди-ка ты, моя дорогая, сядемъ-ка мы съ тобой рядкомъ,—и онъ усадилъ меня подлѣ себя на диванъ, — не плачь, покуда все еще такъ неопредѣленно.

— Если бы это все было уже вполнѣ опредѣленно, неужели, Фридрихъ, я бы плакала такъ тихо на твоемъ плечѣ; я бы громко рыдала, я бы убивалась съ горя... одной возможности, вѣроятности того, что въ наступающемъ новомъ году приказомъ по арміи ты будешь у меня отнятъ, достаточно, чтобы привести меня въ ужасъ, въ отчаянье.

— Подумай только, Марта, вѣдь тебѣ самой предстоитъ опасность, о ней еще такъ мило намекнулъ мнѣ твой подарокъ на елку, а между тѣмъ мы съ тобой не думаемъ о ней, а вѣдь опасность, которой подвергается каждая женщина при родахъ, не меньше той, которой мужчина подвергается на войнѣ... Будемъ же наслаждаться жизнью и не будемъ думать о смерти, которая у каждаго изъ насъ надъ головою.

— Ты говоришь точно тетя Мари, милый другъ, какъ будто наша судьба зависитъ отъ «предопредѣленія», а не отъ неосторожности, жестокости, дикихъ выходокъ и глупости нашихъ собратьевъ. Скажи на милость, въ чемъ эта необходимость войны съ Даніей?

— Да вѣдь она еще не объявлена, еще могутъ...

— Знаю, знаю, — разныя случайности еще могутъ ее предотвратить. Но не случайности, не политическія соображенія не капризы должны рѣшать такіе роковые вопросы, а твердая *воля* человѣка. Что съ того, что я буду говорить «такъ не должно быть» или «такъ должно быть» я не могу измѣнить порядка вещей, я могу только огорчаться. Но ты долженъ придти мнѣ на помощь, Фридрихъ, не утѣшай меня пустыми, обще-

Digitized by Google

принятыми доводами. Ты самъ въ нихъ не вѣришь, ты самъ возмущаешься ими... Одно меня можетъ утѣшить, если ты будешь возмущаться вмѣстѣ со мной, и проклинать такъ же, какъ я, то, что можетъ быть причиною моего несчастья и столькихъ другихъ.

— Конечно, моя дорогая, если война будетъ, я готовъ присоединиться къ твоимъ взглядамъ на нее, тогда не скрою отъ тебя ужаса и отвращенія, какіе вселяетъ во мнѣ это избіеніе людей, но покуда ея нѣтъ, не будемъ о ней думать, давай наслаждаться прелестью жизни,—мы принадлежимъ другъ другу, ничто не въ силахъ разъединить нашей душевной близости. Будемъ же наслаждаться нашимъ счастьемъ, покуда оно наше, наслаждаться имъ съ увлеченьемъ, со страстью... Не будемъ думать о возможной для него опасности... Нѣтъ блаженства, которое было бы вѣчно! Черезъ сто лѣтъ будетъ все равно, жили ли мы долго или недолго. Счастье измѣняется не количествомъ счастливыхъ дней, а той степенью счастья, какая въ нихъ заключается. Что бы ни дало намъ будущее, моя любимая, моя дорогая, наше настоящее такъ прекрасно, такъ прекрасно, что я не въ силахъ чувствовать ничего, кромѣ блаженства.

Онъ обнялъ меня, и поцѣловалъ меня въ голову, которая покоилась у него на груди. Мысль о будущихъ опасностяхъ отлетѣла и отъ меня, и я вся отдалась мирному счастью данной минуты...

* *
*

10 января мы возвратились въ Ольмютцъ.

Никто не сомнѣвался болѣе въ войнѣ. Въ Вѣнѣ мнѣ еще приходилось слышать иногда отъ отдѣльныхъ личностей, что, быть можетъ, шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ разрѣшится еще дипломатическимъ путемъ, но въ военномъ кружкѣ нашей крѣпости возможность мира рѣшительно не допускалась. Между офицерами и ихъ женами царило возбужденное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, веселое настроеніе: являлась возможность отличиться, двинуться впередъ, одни разсчитывали удовлетворить свою жажду дѣятельности, другіе—свое честолюбіе, третьи радовались увеличенному жалованью.

— Затѣвается важная война,—сказалъ полковникъ, у котораго мы и еще нѣсколько нашихъ офицеровъ съ женами въ этотъ день обѣдали,—важная война, которая будетъ чрезвычайно популярной. Никакой опасности для нашей территоріи, да

Digitized by Google

и населеніе не пострадаетъ, не понесетъ никакого ущерба, сраженія всѣ будутъ въ чужихъ земляхъ. При такихъ условіяхъ, можно сказать, вдвое веселѣе драться.

— Что меня особенно воодушевляетъ,—замѣтилъ одинъ молодой поручикъ,— это благородный мотивъ войны—отстоять права нашихъ угнетенныхъ братьевъ. То, что Пруссія за одно съ нами или скорѣе мы съ нею, обезпечиваетъ, во первыхъ, побѣду, а во-вторыхъ, это еще также скрѣпляетъ національный союзъ. Идея національности...

— Лучше объ ней не говорите, — прервалъ его строго командиръ полка.—Австрійцу подобный вздоръ не къ лицу. Изъ-за него мы попали въ войну 59 года. На этомъ конькѣ—«Итальянская Италія»—всегда выѣзжалъ Наполеонъ III. Вообще этотъ принципъ не примѣнимъ для Австріи: чехи, венгерцы, нѣмцы, хорваты, какой тутъ союзъ національности. Насъ можетъ соединять только одинъ принципъ, это—честная любовь къ династіи. Когда мы идемъ сражаться, мы должны воодушевляться не тѣмъ, что мы сражаемся съ нѣмцами за нѣмцевъ, а тѣмъ, что мы, войско, имѣемъ возможность быть за одно съ нашимъ достославнымъ, обожаемымъ вождемъ. Да здравствуетъ императоръ!

Всѣ встали и чокнулись стоя. Искра воодушевленія запала и мнѣ въ сердце, и я почувствовала, какъ въ немъ разлилась благотворная теплота. Одно дѣло, одно лицо любимое тысячами,— въ этой тысячекратно усиленной преданности есть своя прелесть. Это именно и есть та честность, тотъ патріотическій esprit de corps, которые подкупаютъ сердце каждаго въ отдѣльности. Это и есть настоящая любовь; въ ней такая сила, что во имя ея даже дѣяніе ненависти, самое отвратительное дѣяніе смертельной ненависти—война, превращается въ исполненіе долга любви.

Но только на минуту вспыхнула въ моемъ сердцѣ эта искра— сильнѣе всякой любви къ всевозможнымъ отечествамъ и отцамъ страны, въ глубинѣ его лежала моя любовь къ мужу. Его жизнь была мнѣ дороже всѣхъ благъ, и она ставилась на карту, и я могла только проклинать всю игру,—безразлично, шло ли тутъ дѣло о Шлезвигъ-Гольштейнѣ или о Японіи.

Настало тревожное время. 16 января союзныя государства предъявили Даніи требованія, чтобы извѣстный законъ, противъ котораго гольштейнскія собранія государственныхъ чиновъ и дворянство обращались за помощью къ союзу, былъ уничтоженъ не далѣе какъ черезъ 24 часа. Данія отказалась это исполнить. Кто позволитъ себѣ приказывать? Конечно, неиспол-

Digitized by Google

неніе этого требованія предвидѣлось — на границѣ уже были выставлены прусскія и австрійскія войска, 1-го февраля они перешли черезъ Эйдеръ.

Партія началась. Это послужило моему отцу поводомъ написать намъ поздравительное письмо:

«Порадуйтесь, дѣти мои, — писалъ онъ, — теперь представляется возможность поправить наши дѣла 59 года, отколотивъ датчанъ. Если мы вернемся побѣдителями съ сѣвера, тогда мы можемъ приняться за югъ. Пруссія останется нашею союзницею и тогда Италіи, вмѣстѣ съ ея интриганомъ Луи Наполеономъ— не сдобровать».

Полкъ Фридриха, къ большому разочарованію полковника и полковыхъ офицеровъ, не былъ посланъ на границу. Мы получили по этому поводу отъ отца слѣдующее письмо:

«Отъ души сожалѣю, что Тиллингъ служитъ именно въ томъ полку, которому не привелось открыть столь славный походъ; впрочемъ, еще возможно, что ему будетъ велѣно присоединиться къ выступившимъ частямъ. Марта, конечно, сумѣетъ найти въ этомъ и хорошую сторону—она, по крайней мѣрѣ, избавлена отъ страха за любимаго мужа, да и самъ Фридрихъ, по его словамъ, небольшой поклонникъ войны, но я убѣжденъ, что онъ только въ принципѣ противъ нея, т. е. разсматривая ее съ точки зрѣнія гуманности, онъ бы желалъ, чтобы дѣло обошлось безъ нея, а ужь если ей суждено быть, то, безъ сомнѣнія, и онъ бы желалъ участвовать въ ней, въ немъ пробудился бы воинственный духъ... По настоящему слѣдовало бы, чтобы вся армія выступила противъ врага, въ такое время оставаться дома для военнаго человѣка, конечно, тяжко».

— Тебѣ тяжко оставаться дома со мною, Фридрихъ?—спросила я его по прочтеніи письма.

Онъ прижалъ меня къ своему сердцу. Мнѣ было достаточно этого молчаливаго отвѣта.

Но что же изъ этого? Мой покой былъ уничтоженъ, каждый день могъ быть полученъ приказъ выступать. Хоть бы поскорѣе кончилась эта ужасная война. Я старательно читала всѣ извѣстія съ поля битвы и отъ души желала союзникамъ быстрыхъ и рѣшающихъ побѣдъ. Сознаюсь, что въ основаніи этого желанія лежалъ не патріотизмъ—я больше всего желала, чтобы на нашей сторонѣ была побѣда, потому что я надѣюсь, что съ нею будетъ и конецъ войны прежде, чѣмъ тотъ, кто былъ дороже всего въ мірѣ, будетъ призванъ; на второмъ планѣ явля-

Digitized by Google

лось торжество моихъ соотечественниковъ и уже совсѣмъ на послѣднемъ были интересы «моремъ окруженнаго» клочка земли. Какое мнѣ дѣло до того, будетъ ли Шлезвигъ принадлежать Даніи или не будетъ? Да при чемъ тутъ была Данія и Шлезвигъ-Гольштейнъ? Неужели эти оба народа не сознавали, что ихъ правители спорили только объ увеличеніи своихъ земель и власти, а совсѣмъ не объ ихъ благополучіи, или ихъ печаляхъ, все это была только жадность «Протокольнаго Принца» и аугустенбургцевъ.

Когда собаки дерутся изъ-за кости, то раздираютъ сами себя на клочья, въ исторіи же народовъ глупыя кости сами лезутъ одна на другую, и уничтожаютъ себя обоюдно, сражаясь за право желающихъ ихъ получить спорщиковъ. «Меня очень желаетъ Азоръ»... «У Плутона есть на меня виды»... «Я протестую противъ ловушекъ Карро», а «я считаю за честь быть проглоченной Минкой», говорятъ кости. «Данію по Эйдеръ», говорятъ патріоты. «Мы хотимъ себѣ въ герцоги Фридриха Аугустенбургскаго», кричатъ гольштейнскіе лоялисты. Наши газеты и наши безтолковые политики, конечно, были всѣ проникнуты убѣжденіемъ, что дѣло, за которое «мы» вступились—несомнѣнно правое, подготовленное исторіею, необходимое для поддержки «европейскаго равновѣсія». Конечно, въ передовыхъ статьяхъ и въ политическихъ кружкахъ въ Копенгагенѣ также горячо отстаивался противуположный принципъ. Отчего же, казалось бы, однѣмъ сторонамъ не взвѣсить хорошенько свои права, отчего бы не обратиться къ третьемъ государству, какъ къ третейскому судьѣ. Зачѣмъ кричать обѣимъ сторонамъ: «за мною право, я правъ!», кричать это даже противъ личнаго убѣжденія, кричать до хрипоты, предоставляя наконецъ силѣ рѣшеніе этого вопроса. А если и вмѣшается въ споръ третья власть, то не для того, чтобы разобрать недоразумѣніе или высказать свое мнѣніе, но для того, чтобы тоже присоединиться къ дракѣ—и это люди называютъ: «внѣшняя политика»—просто внѣшнее и внутреннее невѣжество, государственная премудрая нелѣпость—международное варварство.

* * *

Въ то время все это не рисовалось мнѣ такъ опредѣленно, не являлось мнѣ въ такомъ свѣтѣ. Только по временамъ бывали у меня сомнѣнія, и я старательно отгоняла ихъ отъ себя. Я старалась убѣдить себя, что полная тайна подъ названіемъ «государственная мудрость» выше всего, въ особенности же выше

Digitized by Google

моего маленькаго ума, что она необходимый принципъ государственной жизни и я старательно рылась въ исторіи Шлезвигъ-Гольштейна, чтобы имѣть понятіе объ «историческомъ правѣ», для огражденія котораго предпринимался настоящій процессъ.

Я разыскала, что спорный клочекъ земли уже въ 1027 году былъ уступленъ Даніи. Значитъ, по настоящему датчане правы, они законные владѣльцы страны... Но черезъ 200 лѣтъ эта земля переходитъ къ младшей линіи королевскаго дома и принадлежитъ Даніи только въ силу феодальнаго права. Въ 1326 году Шлезвигъ уступается графу Гергарду Гольштейнскому и «Вальдемаршская конституція» постановляетъ, что «она никогда не должна быть настолько близка къ Даніи, чтобы имѣть одного общаго властелина». Значитъ, право на сторонѣ союзниковъ: мы сражаемся за «Вальдемаршскую конституцію», это въ порядкѣ вещей, иначе къ чему же это письменное постановленіе, если оно не исполняется. Въ 1448 году Вальдемаршская конституція еще разъ подтверждается королемъ Христіаномъ I. Значитъ, никакого сомнѣнія: «не должно быть никогда одного общаго властелина». При чемъ же тутъ «Протокольный Принцъ», чего же онъ хочетъ?

Черезъ 12 лѣтъ повелитель Гольштейна умираетъ баздѣтнымъ, всѣ представители сословій собираются въ Рипенъ (хорошо, что всегда извѣстно гдѣ и когда происходили эти собранія—это собраніе было въ 1460 году въ Рипенѣ), и провозглашаетъ герцогомъ Шлезвига датскаго короля, который обѣщаетъ имъ, что «обѣ страны будутъ вѣчно нераздѣльны». Это опять нѣсколько сбиваетъ меня съ толку. Единственная точка опоры это—«вѣчно нераздѣльны». Но чѣмъ дальше я углубляюсь въ мои историческія изслѣдованія, тѣмъ болѣе растетъ мое смущеніе, ибо, несмотря на эту формулу «вѣчно нераздѣльны» (слово «вѣчно» вообще играетъ маленькую роль въ политическихъ договорахъ), теперь начинаются личный дѣлежъ и раздробленіе владѣній между сыновьями короля и объединеніе этихъ владѣній при слѣдующемъ новомъ королѣ и основаніе новыхъ линій—Гольштейнъ-Готторпъ и Шлезвигъ-Зондербурга, которыя въ свою очередь, при обоюдныхъ уступкахъ и оттягиваніяхъ разныхъ долей, раздробляются въ линіи Зондербургъ-Аугустенбургъ, Бекъ-Глюксбургъ, Зондербургъ-Глюксбургъ, Гольштейнъ-Глюкштадтъ—однимъ словомъ, я начинаю ничего не понимать—теряю всякую нить. Иду дальше—думая, можетъ быть, историческое право, за которое наши соотечественники должны теперь проливать кровь - выяснится позже.

Digitized by Google

Христіанъ IV принимаетъ участіе въ тридцатилѣтней войнѣ. Имперскія владѣнія и Швеція распадаются на герцогства. Снова заключается договоръ (въ Копенгагенѣ въ 1658 году), по которому владычество надъ Шлезвигскою частью переходитъ къ дому Гольштейнъ-Готторпъ и такимъ образомъ высочество датскаго лена уничтожается.

Уничтожается навсегда. Слава Богу! Я снова начинаю понимать.

Что же приключилось послѣ патента 1721 года? А вотъ что: готторпская часть Шлезвига присоединяется къ датской монархіи. А 1 іюня 1773 года Гольштейнъ тоже предоставляется датскому королевскому дому—и все отнынѣ превращается въ датскую провинцію.

Это мѣняетъ дѣло—мнѣ становится ясно, что права за датчанами...

Между тѣмъ это не совсѣмъ такъ. Вѣнскимъ конгрессомъ 1815 года Гольштейнъ признается за часть нѣмецкаго союза. Это не по сердцу Даніи. Она придумываетъ себѣ лозунгъ «Данія по Эйдеръ» и начинаетъ стремиться къ полному обладанію Шлезвигомъ, который извѣстенъ у нея подъ именемъ: «Южной Ютландіи». Здѣсь, напротивъ, для появленія нѣмецкой національности, вспоминаются «права наслѣдства аугустенбургцевъ».

Въ 1846 году король Христіанъ пишетъ открытое письмо, въ которомъ требуетъ неприкосновенности, какъ одного цѣлаго, этого государства, противъ чего возстаютъ нѣмецкія земли. Черезъ два года правительствомъ заявляется общее объединеніе не какъ цѣль, а какъ свершившійся фактъ, послѣ чего «въ нѣмецкихъ земляхъ» вспыхиваетъ возстаніе. Тутъ начинается настоящая свалка. То датчане выигрываютъ сраженіе, то шлезвигъ-голштейнцы. Наконецъ нѣмецкій союзъ тоже вмѣшивается въ дѣло. Пруссаки овладѣваютъ высотами Дюппелеръ, но конца распри все еще нѣтъ. Пруссія и Данія заключаютъ миръ, шлезвигъ-голштейнцамъ приходится однимъ бороться съ датчанами, при Идштетѣ ихъ разбиваютъ.

Союзъ требуетъ, чтобы «возставшіе» прекратили войну.

Они это исполняютъ. Австрійскія войска занимаютъ Гольштейнъ и оба герцогства разъединяются.

При чемъ же тутъ вышеупомянутая фраза: «вѣчно останутся нераздѣльными».

Но дѣло все еще окончательно не порѣшено.

Тутъ я нахожу одинъ лондонскій протоколъ отъ 8 мая

Digitized by Google

1852 г. (хорошо, что такъ точно знаютъ, какого именно числа заключались нарушенные договоры), который обезпечиваетъ право владѣть Шлезвигомъ за Христіаномъ фонъ-Глюксбургомъ. (Очень хорошо это «обезпечиваетъ»).

— Теперь я знаю, откуда произошло прозваніе «Протокольный Принцъ».

Въ 1854 г., по полученіи каждымъ герцогствомъ отдѣльной конституціи, они оба «одатчаниваются».

Но въ 1858 г. «одатчаниваніе» Гольштейна снова нарушается. Это историческое положеніе вещей близко къ нашему времени, а мнѣ все еще не ясно, кому по праву принадлежатъ обѣ эти страны и что въ сущности было поводомъ къ настоящей войнѣ.

18 ноября 1858 г рейхсратомъ утверждается «знаменитый основной законъ для общихъ дѣлъ Даніи и Шлезвига». Черезъ два дня умираетъ король. Съ нимъ опять пресѣкается одна линія—а именно линія Гольштейнъ-Глюкштадтская, и когда наслѣдникъ покойнаго монарха утверждаетъ этотъ два дня назадъ введенный законъ, на сцену появляется Фридрихъ Аугустенбургскій (я чуть не забыла про эту линію) и предъявляетъ свои права и вмѣстѣ съ дворянствомъ обращается къ нѣмецкому союзу за содѣйствіемъ.

По распоряженію союза саксонцы и гановерцы занимаютъ Гольштейнъ и провозглашаютъ Аугустенбургца герцогомъ. Чего-ради? Пруссія и Австрія не довольны. Отчего? Этого я до сихъ поръ не могу понять.

Говорятъ, лондонскій протоколъ долженъ быть уважаемъ. Отчего? Неужели протоколы о дѣлахъ, до которыхъ въ сущности рѣшительно никому нѣтъ дѣла, нѣчто такое важное, что ихъ надо защищать кровью своихъ сыновъ? Тутъ опять кроется какая-нибудь «государственная мудрость»... Приходится признать за догматъ: что бы ни рѣшалось за зеленымъ дипломатическимъ столомъ—все это величайшая мудрость и направлено къ расширенію отечественнаго престижа.

Лондонскій протоколъ отъ 8 мая 1852 г. долженъ быть признанъ, а копенгагенскій законъ отъ 13 января 1863 г. долженъ быть уничтоженъ и именно въ 24 часа. Отъ этого зависятъ честь и благополучіе Австріи. Этому немножко трудно повѣрить, но въ политикѣ, пожалуй, еще больше, чѣмъ въ религіи, масса подчиняется принципу quia absurdum безъ всякихъ разсужденій, безъ всякихъ разъясненій. Когда сабля обнажена,

Digitized by Google

кромѣ крика «ура!» и жажды побѣды ничего не требуется. Затѣмъ призывается благословеніе свыше на поле битвы. Общій выводъ: «Какой-то неотразимой судьбѣ угодно, чтобы протоколъ отъ 8 мая вошелъ въ силу», а законъ отъ 13 января былъ отвергнутъ. Она сдѣлаетъ такъ, чтобы погибло именно столько людей, чтобы сгорѣло именно столько деревень, сколько нужно для того, чтобы линія глюкштадтская или аугустенбургская властвовала надъ извѣстнымъ клочкомъ земли...

О, безразсудное, жестокое, безсмысленное человѣчество! Таковъ былъ результатъ моего изученія исторіи.

* * *

Съ театра военныхъ дѣйствій приходили хорошія вѣсти. Союзники одерживали побѣду за побѣдой. Послѣ первыхъ-же сраженій, датчанамъ пришлось очистить весь Деневигъ; Шлезвигъ и Ютландія до Лимфіорда были заняты нами, и враги держались еще только въ Дюппелерскихъ укрѣпленіяхъ и на Альзенѣ.

Я знала все это такъ подробно потому, что на столахъ были разложены карты и всякое движеніе и расположеніе войскъ по полученнымъ извѣстіямъ отмѣчалось сейчасъ же.

— Если мы возьмемъ еще Дюппелерское укрѣпленіе или займемъ Альзенъ,—говорили граждане Ольмютца (это «мы» въ разсказахъ о военныхъ дѣйствіяхъ особенно охотно употребляютъ тѣ, которые съ ними не имѣютъ ничего общаго),—тогда дѣло сдѣлано... Теперь австрійцы снова показали, на что они способны. Да и храбрые пруссаки отлично дерутся, конечно, насъ съ ними не одолѣть. Конецъ будетъ такой—вся Данія будетъ завоевана и присоединена къ нѣмецкому союзу,—побѣдоносная, блестящая война!

И я ничего такъ горячо теперь не желала какъ разгрома Дюппеля, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, по крайней мѣрѣ, это былъ бы рѣшающій шагъ, который положилъ бы конецъ дракѣ, и вѣроятно, все бы кончилось раньше, чѣмъ полку Фридриха пришлось бы выступать.

О, этотъ Дамокловъ мечъ... Каждое утро, просыпаясь, я съ ужасомъ ожидала извѣстія: «Мы выступаемъ!» Фридрихъ ждалъ этого. Онъ этого не желалъ прямо, но былъ на это готовъ.

— Пріучи себя къ этой мысли, дорогая моя,—говорилъ онъ мнѣ.—Бороться съ необходимостью не приходится. Я сомнѣваюсь, чтобы вліяніе Дюппеля положило конецъ войнѣ. Посланная туда двойная армія недостаточна, чтобы вынудить Данію къ оконча-

Digitized by Google

тельному рѣшенію, придется еще выслать войска; вѣроятно, тогда и мой полкъ пойдетъ.

Прошло уже два мѣсяца съ начала войны, а результата все еще не было. Хорошо, если бы дѣло рѣшилось однимъ сраженіемъ разомъ, какъ это бываетъ на дуэли. Но нѣтъ: одно сраженіе потеряно, начинается второе, одна позиція взята, занимается другая, и такъ до уничтоженія того или другого войска или до полнаго изнеможенія обѣихъ сторонъ. Наконецъ, 14 апрѣля Дюппперскія укрѣпленія были взяты. Это извѣстіе было принято съ такой радостью, точно за этими укрѣпленіями находился рай. На улицахъ всѣ обнимались, цѣловались: «слышали? Дюппель! О, наше храброе войско... Неслыханное дѣло!.. Будемъ благодарить Бога!» и во всѣхъ церквахъ начались молебны, всѣ военные капельмейстеры принялись сочинять «Дюпплершанценъ маршъ», «Штурмъ Дюппеля—галопъ» и т. д.

Правда, къ радости товарищей мужа и ихъ женъ примѣшивалась отчасти и горечь, что они не участвовали въ дѣлѣ... что имъ не удалось раздѣлить такого успѣха—такая право досада!

Для меня лично, эта побѣда была большою радостью, сейчасъ же вслѣдъ за нею въ Лондонѣ собралось совѣщаніе о мирѣ и было объявлено перемиріе.

Какъ свободно вздохнулось послѣ слова «перемиріе». Мнѣ тогда же пришло въ голову, какъ бы міръ Божій вздохнулъ свободно, если бы вездѣ было объявлено «долой оружіе, долой его навсегда!» Эти слова я занесла въ мою красненькую тетрадку, но рядомъ же въ скобкахъ я написала: «утопія».

Я была убѣждена, что лондонскій конгрессъ положитъ конецъ шлезвигъ-гольштейнской войнѣ. Союзники побѣдили. Дюпплеръ-Шанценъ взятъ, въ послѣднее время этотъ Шанценъ игралъ такую роль, что, казалось, со взятіемъ его должно было бы все кончиться...

Что же думала дальше дѣлать Данія?

Переговоры велись безконечно долго. Воображаю, какую бы я вынесла пытку, если бы я не была заранѣе убѣждена, что все окончится благополучно. Разъ, что собираются представители могущественныхъ державъ, все люди благоразумные, благомыслящіе, для достиженія такой желанной цѣли какъ заключеніе мира, какъ же можетъ быть, чтобы изъ этого ничего не вышло? Тѣмъ ужаснѣе было мое разочарованіе, когда послѣ дебатовъ, длившихся около двухъ мѣсяцевъ, было получено извѣстіе, что конгрессъ ни на чемъ не рѣшенъ.

Digitized by Google

А черезъ два дня Фридрихъ получилъ приказъ выступать.

На сборы и прощанье ему были даны сутки. Мнѣ какъ разъ предстояли роды. Въ это трудное время, когда такъ близко къ смерти, когда единственнымъ утѣшеніемъ всякой женщины—близость любимаго мужа, мнѣ предстояло быть одной, съ сознаніемъ, что мужъ мой далеко на войнѣ, что ему также тяжело покидать свою бѣдную жену въ такое тяжелое время, какъ мнѣ тяжело не имѣть его около себя...

Это было утромъ 20 іюня. Всѣ подробности этого достопамятнаго дня живо сохранились у меня въ памяти.

Была страшная жара, у меня въ комнатѣ были спущены всѣ шторы. Я лежала на кушеткѣ въ легкомъ капотѣ. Я почти не спала ночью и теперь полудремала съ закрытыми глазами. Подлѣ меня на столикѣ, въ вазѣ, стоялъ букетъ чудно-пахнущихъ розъ. Въ окно долетали трубные звуки какого-то ученья. Все это дѣйствовало на меня усыпительно, хотя сознаніе не покидало меня. Я только перестала сознавать всѣ заботы. Я забыла про опасность войны, про предстоящую мнѣ опасность, я сознавала только, что я живу, что розы чудно пахнутъ, что изъ далека доносятся трубные сигналы, что мужъ мой можетъ придти каждую минуту и если онъ увидитъ, что я сплю, онъ подойдетъ тихонько, чтобы не разбудить меня. И правда: черезъ минуту отворилась дверь напротивъ. Не открывая глазъ, черезъ едва приподнятыя вѣки, я увидала его. Я нарочно старалась не просыпаться, чтобы видѣніе не исчезло, почемъ знать, можетъ быть все это было только продолженіе сна... Наконецъ, я рѣшилась покрѣпче закрыть глаза, чтобы не нарушить сна, мнѣ хотѣлось видѣть продолженіе его, мнѣ хотѣлось видѣть, какъ онъ нагнется ко мнѣ и поцѣлуетъ меня въ голову... Такъ это и случилось въ дѣйствительности. Онъ сталъ на колѣни около меня и не двигаясь простоялъ такъ нѣсколько минутъ. Розы все благоухали, все еще доносились издали тра-ра-ра, сигналы горниста...

— Марта, ты спишь?—спросилъ онъ тихо.

Я открыла глаза.

— Что съ тобой?—вскричала я въ ужасѣ, на лицѣ его было выраженіе такого отчаянья, что я догадалась, что случилось что-то недоброе. Вмѣсто отвѣта, онъ склонилъ голову ко мнѣ на плечо. Я поняла, намъ предстояла разлука. Я обвила руками его шею и мы оба безмолвно замерли.

— Когда? рѣшилась я, наконецъ, спросить.

Digitized by Google

— Завтра, рано утромъ.

— О, Боже, Боже!

— Не унывай, моя бѣдная Марта.

— Нѣтъ, нѣтъ... я не могу не убиваться... Мое несчастье слишкомъ велико, и я знаю, я вижу, ты также несчастливъ, какъ и я... На твоемъ лицѣ было видно такое горе, какого я еще никогда не видала.

— Да, моя дорогая жена, для меня большое горе оставлять тебя въ такое время.

— Фридрихъ, Фридрихъ, я знаю, мы больше никогда не увидимся, я безъ тебя навѣрно умру...

* * *

Наше прощаніе, которое длилось эти 24 часа, было раздирающее сердце прощанье... Второй разъ въ жизни мнѣ предстояла разлука съ мужемъ, выступающимъ на войну. Но на этотъ разъ эта разлука была несравненно тяжелѣе. Въ то время мое отношеніе къ ней, а главное самого Арно было болѣе первобытное, я видѣла, что она вызвана неизбѣжною необходимостью, которая заслоняла собою всѣ личныя чувства, онъ же видѣлъ за нею пріятную экспедицію славы. Онъ шелъ съ увлеченіемъ, я оставалась безъ неудовольствія. Въ то время во мнѣ еще сохранилось чувство поклоненія войнѣ, привитое воспитаніемъ, я гордилась, вмѣстѣ съ выступающимъ на войну мужемъ, великимъ дѣломъ, которое ему предстояло. Теперь же я знала, что мужъ мой идетъ скорѣе съ отвращеніемъ, чѣмъ съ ликованіемъ на предстоящее ему дѣло избіенія людей, я знала, что онъ любитъ жизнь, которую онъ ставитъ на карту, я знала, что ему дороже всего—да, дороже притязаній и правъ аугустенбургцевъ—жена его, которая черезъ нѣсколько дней должна стать матерью. Разставаясь съ Арно, у меня было убѣжденіе, что онъ преисполненъ чувствъ, въ которыхъ ему можно позавидовать; во вторичной разлукѣ я знала, что мы оба достойны сожалѣнія. Да, мы оба одинаково страдали, мы это не скрывали, мы жаловались другъ другу. Тутъ не было ни лжи, ни словъ утѣшенія, никакого хвастовства. Мы оба были одно цѣлое, и мы другъ друга не обманывали. Нашимъ лучшимъ утѣшеніемъ было именно сознаніе, что и другому понятна вся тяжесть положенія. Мы не старались скрыть нашего страшнаго горя подъ личиною геройства и патріотизма. Нѣтъ, перспектива имѣть право стрѣлять и рубить датчанъ не являлась ему утѣшеніемъ за разлуку со мною, напротивъ того, это только обостряло его горе, ибо уби-

Digitized by Google

вать и разрушать не радость для всякаго честнаго человѣка. Меня же, конечно, не могло вознаградить за мою печаль, повышеніе въ чинѣ моего дорогого мужа. А въ случаѣ несчастья, если нашей разлукѣ суждено было сдѣлаться вѣчною, и Фридриху суждено было пасть на полѣ битвы, то государственная мудрость, ради которой велась война, никогда не будетъ для меня достаточно высокою, святою, чтобы перевѣсить такую жертву. Защитникъ отечества,—очень звонкій титулъ, которымъ обыкновенно украшается солдатъ. Дѣйствительно, что можетъ быть достойнѣе для члена общества, какъ защищать общество? Но зачѣмъ же военная присяга обязываетъ солдата къ цѣлой сотнѣ военныхъ обязанностей, кромѣ защиты? Зачѣмъ долженъ онъ нападать, зачѣмъ, когда отечеству не грозитъ ни малѣйшей опасности, только ради спора изъ-за владѣнія или изъ-за какихъ-нибудь честолюбивыхъ замысловъ чужестраннаго принца, онъ долженъ жертвовать жизнью, домашнимъ очагомъ, какъ будто дѣло идетъ дѣйствительно о защитѣ жизни и очага? Къ чему напримѣръ, теперь выступать австрійскому войску, для того чтобы возвести какого-то Аугустенбурга на чужой тронъ. Кому это нужно? Кому?—вотъ вопросъ, который, если бы его предложить императору или нашѣ, былъ бы названъ измѣною, антирелигіознымъ одною стороною, безчестнымъ—другою, и которому такъ и суждено остаться безъ всякаго отвѣта.

Въ 10 ч. утра полкъ долженъ былъ выступать. Мы всю ночь не ложились. Мы не хотѣли потерять ни одной минуты изъ того немногаго времени, которое намъ оставалось быть вмѣстѣ. Столько хотѣлось еще переговорить, а между тѣмъ мы почти не говорили. Слезы и поцѣлуи лучше словъ выражали: «Я люблю тебя и долженъ разстаться съ тобою!»

По временамъ вырывалось слово полное надеждъ: «когда ты вернешься», но напрасно я старалась при этомъ вѣрить въ возможность этихъ словъ, воображенію моему рисовалось или тѣло убитаго мужа, или я сама въ гробу съ мертвымъ ребенкомъ на рукахъ...

Фридрихъ былъ удрученъ такимъ же мрачными предчувствіями и его «когда я вернусь» звучало неискренно, и онъ чаще возвращался къ тому, что дѣлать, если «онъ не вернется».

— Не выходи замужъ въ третій разъ, Марта. Не изгладь воспоминанія нашего чуднаго года новыми впечатлѣніями любви.

А нашъ ребенокъ, нашъ бѣдный ребенокъ, котораго мнѣ,

Digitized by Google

вѣроятно, не суждено прижать къ сердцу — какъ мы его назовемъ?

— Фридрихомъ или Фридерикою...

— Нѣтъ, лучше Мартою. Если это будетъ дѣвочка назови ее именемъ, которое отецъ ея, умирая...

— Фридрихъ, зачѣмъ говоришь ты все о смерти? Если ты вернешься...

— Если...—повторилъ онъ.

Когда стало свѣтать, усталыя вѣки сомкнулись и мы оба задремали, обнявшись, не теряя сознанія, что это нашъ послѣдній часъ.

Я вдругъ вскочила со стономъ отъ страшной боли. Фридрихъ тоже всталъ.

— Марта, что съ тобой? Неужели? Скажи, Бога ради, развѣ начинается?

Я утвердительно кивнула ему головой.

— Былъ ли то крикъ, проклятіе или обращеніе къ небу, которое сорвалось съ его устъ? Онъ дернулъ за колокольчикъ.

— Скорѣй за докторомъ! За акушеркой! — крикнулъ онъ вбѣжавшей служанкѣ, затѣмъ онъ опустился на колѣни около меня и, покрывая поцѣлуями мою свѣсившуюся руку, проговорилъ:

— Дорогая моя, жизнь моя! И теперь, теперь я долженъ тебя покинуть!

Я не могла говорить. Страшная физическая боль сводила меня всю, но страшнѣе ея было душевное страданіе, сознаніе, что онъ долженъ былъ покинуть меня и что онъ самъ такъ опечаленъ этимъ...

Скоро пришли докторъ и акушерка и начали хлопотать около меня. Одновременно Фридриху пришлось кончить свои сборы къ выступленію. Когда у него все было готово, онъ обратился къ доктору:

— Умоляю васъ, докторъ, воскликнулъ онъ, схвативъ его за руки, умоляю васъ, не дайте ей умереть? Обѣщайте мнѣ, что все кончится благополучно, телеграфируйте мнѣ туда-то и туда-то. И онъ назвалъ станціи, которыя находились на его пути.— Если будетъ какая нибудь опасность... Впрочемъ, это безполезно прервалъ онъ самъ себя — какая бы опасность ни была, все равно я не могу вернуться!

— Тяжелое время приходится вамъ переживать, баронъ,— замѣтилъ докторъ,—но будьте покойны, наша больная молода,

Digitized by Google

у нея много силъ... къ вечеру все у нея кончится, и вы получите телеграмму, которая васъ успокоитъ.

— Но не присылайте мнѣ успокоительной телеграммы только оттого, что другая была бы безполезна, я хочу только правду! Дайте мнѣ честное слово, докторъ, что вы напишете мнѣ только правду. Только при такомъ условіи успокоительная телеграмма меня дѣйствительно успокоитъ, иначе мнѣ все будетъ казаться, что меня обманули. Дайте слово.

Докторъ далъ слово.

— О, мой бѣдный, бѣдный Фридрихъ, промелькнуло въ моемъ сердцѣ. Что если еще сегодня ты узнаешь, что твоя Марта при смерти и тебѣ нельзя будетъ пріѣхать закрыть ей глаза... У тебя есть нѣчто болѣе важное въ виду: это водвореніе Аугустенбурговъ на престолъ. Фридрихъ!—вдругъ вскрикнула я въ отчаяніи.

Онъ подбѣжалъ ко мнѣ.

Въ это время пробили часы. Намъ оставалось всего нѣсколько минутъ. Но и этихъ послѣднихъ минутъ мы были лишены. У меня снова начались схватки и вмѣсто слова прощанья у меня вырывались только стоны.

— Уйдите лучше, баронъ, сократите ея мученіе, — просилъ докторъ,—такое волненіе для нея опасно.

Онъ поцѣловалъ меня еще разъ и стремительно вышелъ; мои стоны и послѣднее слово доктора «опасно» были его провожатыми.

Каково было его настроеніе? Объ этомъ можно бы узнать изъ мѣстной газеты:

«Вчера —скій полкъ подъ звуки музыки, съ развѣвающимися знаменами покинулъ нашъ городъ, чтобы завоевать себѣ лавры въ странѣ, окруженной морями, нашихъ братьевъ. Всеобщее воодушевленіе было видно въ рядахъ, у всѣхъ сіяли лица непритворною радостью, и т. д.

* * *

Передъ отъѣздомъ Фридрихъ телеграфировалъ тетѣ Мари, что поручаетъ меня ея заботамъ и, черезъ нѣсколько часовъ, она была уже у меня. Нѣсколько недѣль я находилась между жизнью и смертью. Ребенокъ умеръ при рожденіи. Нравственное страданіе, которое я перенесла, разставаясь съ мужемъ, какъ разъ въ то время, когда мнѣ такъ нужны были силы для борьбы съ физическимъ страданіемъ, обезсилили меня, и я была на краю смерти. Докторъ, согласно данному слову мужу, долженъ

Digitized by Google

былъ телеграфировать ему печальную вѣсть о смерти ребенка и объ опасномъ состояніи родильницы.

Что касается до извѣстій отъ мужа, мнѣ ихъ не сообщали. Я никого не узнавала, я была въ безсознательномъ состояніи и день и ночь. Вернувшись къ сознанію, я сохранила о моемъ состояніи лишь слабое воспоминаніе, но передать его толковыми словами рѣшительно не могу. Для понятій и представленій воспаленнаго мозга въ нормальномъ мышленіи нѣтъ подходящихъ словъ. Одно только помню — я старалась это внести въ мою красненькую тетрадку—у меня мѣшались оба событія, война и мои роды, мнѣ казалось, что пушки и блестящія оружія суть инструменты, необходимые при родахъ, я чувствовала уколы штыковъ и мнѣ казалось, я предметъ распри между двумя наступающими арміями... Я сознавала, что мужъ мой далеко, что онъ на войнѣ, но я его видѣла въ образѣ покойнаго Арно, а Фридрихъ, въ образѣ сидѣлки, былъ около меня и гладилъ серебрянаго аиста. Я все ждала взрыва гранаты, которая должна была разорвать на части Арно, Фридриха и меня для того, чтобы родился ребенокъ, который долженъ властвовать надъ Деневигомъ, Шлезштейномъ и Гольмаркомъ... И все это причиняло такое страшное страданіе... и было въ сущности такъ не нужно... Вѣдь есть же кто-нибудь, кто бы могъ это измѣнить, кто бы могъ положить конецъ всему этому, кто бы могъ снять это бремя съ моей груди, со всего человѣчества однимъ могучимъ словомъ, и мнѣ хотѣлось передъ нимъ броситься на колѣни съ мольбою: «Сжалься, изъ милосердія, сжалься, ради справедливости! Долой оружіе! Долой!!» съ этимъ возгласомъ я, однажды, пришла въ себя.

Въ ногахъ у моей кровати стояли мой отецъ и тетя Мари; отецъ старался меня успокоить:

— Да, да, дитя мое, говорилъ онъ, долой всякое оружіе...

Это возвращеніе сознанія послѣ долгаго безпамятства удивительная вещь. Прежде всего радость сознанія, что живъ, затѣмъ съ волненіемъ задаешь себѣ вопросъ: да кто же я...

Опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ превратилъ во мнѣ возвратъ сознанія въ острую боль. Я была больная Марта Тиллингъ, у которой только что умеръ ребенокъ, у которой мужъ на войнѣ. Давно-ли? Этого я не знала.

— Живъ-ли онъ? Есть-ли отъ него письма? Телеграммы?— было моимъ первымъ вопросомъ.

За мою болѣзнь набралась маленькая пачка писемъ и теле-

Digitized by Google

граммъ. Большая часть изъ нихъ заключалась въ запросѣ о моемъ состояніи, въ просьбѣ сообщать ему обо мнѣ, если возможно, ежечасно, понятно, до тѣхъ поръ, покуда онъ будетъ въ мѣстахъ, доступныхъ телеграфу.

Мнѣ не позволили прочитать письма Фридриха, боялись, что онѣ меня слишкомъ взволнуютъ, потрясутъ, и именно теперь, когда я вернулась къ сознанію, мнѣ былъ необходимъ покой, мнѣ сказали только, что онъ живъ, невредимъ, что онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и до сихъ поръ вполнѣ благополучно, что, вѣроятно, война скоро окончится, непріятель держится еще только на Альзенѣ, по взятіи котораго наши войска вернутся увѣнчанныя славою.

Вотъ что говорилъ отецъ мнѣ въ утѣшеніе. А тетя Мари разсказала мнѣ исторію моей болѣзни. Прошло уже много недѣль со дня ея пріѣзда, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и днемъ отъѣзда Фридриха и днемъ рожденія и смерти моего ребенка... Это я еще помнила, но все остальное: пріѣздъ отца моего, извѣстія отъ Фридриха, весь ходъ моей болѣзни, все это было мнѣ неизвѣстно. Только теперь я узнала, что мое состояніе было настолько опасно, что выписали отца, чтобы онъ могъ меня провѣдать въ послѣдній разъ передъ смертью. Фридриху посылались добросовѣстно самыя точныя извѣстія, послѣднія болѣе утѣшительныя, вѣроятно, были имъ уже теперь получены.

— Хорошо, если онъ самъ еще живъ,—съ тяжелымъ вздохомъ проговорила я.

— Не грѣши Марта,—остановила меня тетя,—Господь Богъ со своими святыми не для того внемлили нашимъ молитвамъ о спасеніи тебя, чтобы тебѣ послать такое испытаніе. Повѣрь, и твоему мужу Господь сохранитъ жизнь, я и объ немъ молилась такъ же горячо, какъ о тебѣ... Я даже послала ему наплечникъ... Да, не пожимай плечами... Ты относишься съ недовѣріемъ къ такимъ вещамъ, во всякомъ случаѣ вреда отъ этого не можетъ быть, неправда-ли? А сколько есть примѣровъ, гдѣ это помогало... Ты сама примѣръ тому, что значитъ заступничество святыхъ, ты была на краю погибели, я обратилась къ твоей покровительницѣ къ св. Мартѣ...

— А я,—прервалъ отецъ, который, хотя въ политикѣ и былъ клерикаломъ, въ практической же жизни совсѣмъ не сочувствовалъ взглядамъ сестры,—я выписалъ изъ Вѣны доктора Брауна, который тебя и спасъ.

На слѣдующій день, по моей страстной просьбѣ, мнѣ позво-

Digitized by Google

лили перечитать всѣ полученныя отъ Фридриха письма. Все это были запросы обо мнѣ въ одну строчку или лаконическія извѣщенія въ родѣ: «Вчера сраженіе — цѣлъ. Выступаемъ сегодня дальше—адресовать телеграммы въ ***». На письмѣ подлиннѣе на конвертѣ стояло: «передать тогда, когда минуетъ всякая опасность».

Съ этого письма я и начала:

— Жизнь моя! Прочитаешь ли ты это письмо? Послѣднее извѣстіе о тебѣ отъ доктора было: у больной сильная лихорадка, положеніе сомнительное. Это «сомнительное» онъ можетъ быть употребилъ, чтобы не сказать прямо «безнадежное»... Когда ты будешь читать это—ты будешь знать, что ты внѣ опасности—и ты узнаешь заднимъ числомъ, что̀ я перенесъ наканунѣ сраженія, представляя себѣ тебя умирающею... Ты зовешь меня, простираешь ко мнѣ руки, а я... намъ даже не удалось хорошенько проститься... Нашъ ребенокъ, которому я такъ радовался—умеръ. Можетъ быть, и мнѣ завтра не сдобровать—быть можетъ, въ меня попадетъ какая нибудь шальная пуля?.. Если бы я зналъ впередъ, что̀ тебя не станетъ, для меня пуля была бы всего желаннѣе, но если ты выживешь—я не хочу умирать. «Радость смерти» это что-то противуестественное, что намъ проповѣдуютъ наши военные священники, немыслимые для счастливаго человѣка — и если ты жива и мнѣ суждено вернуться, то мой источникъ счастья еще не исчерпанъ! Какимъ счастьемъ будетъ для насъ сама жизнь, если только мы оба останемся живы! Сегодня была первая стычка съ непріятелемъ. До сихъ поръ мы шли по завоеваннымъ землямъ, покинутымъ датчанами. Дымящіяся развалины деревень, потоптанные посѣвы, брошенные орудія и ранцы, взрытая гранатами земля, лужи крови, трупы лошадей, общія могилы, вотъ картины и виды, которые представлялись намъ, слѣдующимъ за побѣдителемъ, разсчитывающимъ въ свою очередь, если будетъ возможность увеличить число побѣдъ еще новыми побѣдами, т. е. поджечь еще новыя деревни и т. д... чѣмъ мы сегодня и занимались... Позиція наша. За нами деревня въ пламени. По счастью, жители покинули ее заранѣе. Но въ конюшнѣ была позабыта лошадь; я слышалъ ея отчаянное ржанье и топотъ... Знаешь, что я сдѣлалъ?.. За это, конечно, меня бы не наградили крестомъ — вмѣсто того, чтобы извести нѣсколькихъ датчанъ, я бросился къ конюшнѣ спасать лошадь... Ясли уже горѣли, горѣла солома у нея подъ ногами, начинала уже горѣть ея грива... Я сдѣлалъ ей въ голову два выстрѣла

Digitized by Google

изъ револьвера—она пала замертво и такимъ образомъ избавилась отъ предстоящихъ ей мученій. Затѣмъ назадъ въ битву, въ смертный запахъ пороха, въ трескотню выстрѣловъ, въ яростный крикъ войны. Большинство окружающихъ меня своихъ и враговъ, вѣроятно, были проникнуты воинственнымъ настроеніемъ, мною же овладѣла страшная нерѣшительность. Я никакъ не могъ проникнуться ненавистью къ датчанамъ, что сдѣлали эти храбрые воины, нападая на насъ? Они только исполняли свой долгъ. Мысленно я былъ съ тобою, Марта... Я видѣлъ тебя мертвою и молилъ, чтобы въ меня попала пуля... А тамъ—опять лучъ надежды: а если она жива? А если я вернусь?.. Стычка продолжалась болѣе двухъ часовъ, и мы овладѣли мѣстностью. Пораженный непріятель бѣжалъ. Мы не преслѣдовали его. У насъ было достаточно дѣла на мѣстѣ. Въ ста шагахъ отъ деревни уцѣлѣла отъ пожара большая усадьба, съ большимъ домомъ и конюшнями, въ ней мы проведемъ ночь, сюда же мы перенесли нашихъ раненыхъ. Погребеніе убитыхъ отложено на завтрашнее утро. При этомъ, вѣроятно, будетъ погребено и нѣсколько человѣкъ за живо, такъ какъ столбнякъ — явленіе весьма обыкновенное у раненыхъ. Всѣхъ же оставшихся подъ развалинами обрушившихся домовъ, живы ли они или нѣтъ, все равно придется оставить—мертвые будутъ потихоньку гнить, раненые—истекать кровью, уцѣлѣвшіе—умирать медленно, голодною смертью. А мы—«ура!»—можемъ продолжать дальше нашу веселую, ободряющую войну...

Слѣдующее столкновеніе будетъ, вѣроятно, настоящимъ сраженіемъ. Должны встрѣтиться два армейскихъ корпуса, тогда число убитыхъ и раненыхъ легко дойдетъ до 10.000, если только пушки будутъ господствовать, тогда съ обѣихъ сторонъ передніе ряды быстро опустѣютъ. Прекрасная выдумка эти пушки, а то ли еще будетъ, когда техника стрѣльбы дойдетъ до такого совершенства, что однимъ залпомъ будетъ уничтожаться цѣлая армія. Тогда уже, можетъ быть, вообще перестанутъ вести войны. Тогда уже не сила будетъ рѣшать права, ибо сила съ обѣихъ сторонъ будетъ совершенно одинакова.

Зачѣмъ пишу я тебѣ все это? Отчего не распространяюсь въ восторженныхъ хвалебныхъ гимнахъ войнѣ, какъ это подобаетъ военному человѣку? Оттого, что я жажду истины и у меня слишкомъ велика потребность высказать ее, потому что я ненавижу ложь и въ эту минуту, когда я такъ близко къ смерти, когда и ты, можетъ быть, тоже на краю ея, во мнѣ вдвое сильнѣе

Digitized by Google

потребность высказать тебѣ все, что у меня на душѣ. Можетъ быть, цѣлыя тысячи думаютъ иначе, можетъ быть, другіе и считаютъ себя обязанными говорить иначе, но я долженъ, я хочу сказать, прежде чѣмъ я паду жертвою войны, что я ненавижу войну. Если бы каждый, кто чувствуетъ то, что я, рѣшился бы это громко заявить — какой бы грозный протестъ вознесся къ небу!

Весь громъ пушекъ и крики «ура!» были бы заглушены возгласомъ человѣчества, требующаго во имя человѣколюбія: «войны, войны!»

Половина 4-го утра.

«Все предъидущее написано вчера, ночью. Затѣмъ я легъ на мѣшокъ съ соломой и проспалъ нѣсколько часовъ. Черезъ полчаса выступаемъ, я еще имѣю время сдать письмо на полевую почту. Всѣ уже на ногахъ, начались сборы. Бѣдные люди—немного имъ пришлось отдыхать отъ вчерашняго избіенія, немного они набрались силъ для предстоящей сегодня работы... Я успѣлъ обойти нашъ импровизованный лазаретъ, который остается здѣсь. Между ранеными и умирающими были такіе, которымъ я бы съ удовольствіемъ пустилъ пулю въ лобъ, какъ той горѣвшей лошади... У одного была совсѣмъ оторвана нижняя челюсть; у другого... нѣтъ, довольно... я не могу ничѣмъ помочь, никто не спасетъ,—одна смерть. Къ сожалѣнію, она не всегда приходитъ во-время... Она не внимаетъ мольбамъ того, кто къ ней взываетъ... Она слишкомъ занята тѣми, кто разсчитываетъ на выздоровленіе, кто умоляетъ ее о пощадѣ...

Моя лошадь осѣдлана—пора кончать. Прощай Марта—если ты въ живыхъ!»

* * *

По счастью, въ пачкѣ писемъ, были письма позже написанныя... Послѣ сраженія, которое предстояло, когда онъ писалъ это письмо, Фридрихъ написалъ:

«Сегодняшній день нашъ. Я цѣлъ. Вотъ двѣ хорошихъ вѣсти, одна для твоего отца, другая для тебя. Не хочу останавливаться на томъ, для сколькихъ другихъ этотъ день былъ днемъ страшнаго несчастья».

Въ другомъ письмѣ Фридрихъ пишетъ о своей встрѣчѣ съ двоюроднымъ братомъ Готфридомъ:

«Представь себѣ какой сюрпризъ: кого вдругъ вижу ѣдущимъ во главѣ одного отряда, проходившаго мимо меня?

Единственнаго сына тетушки Корнеліи... Воображаю, какъ

Digitized by Google

она теперь дрожитъ за него... Самъ же юнецъ въ самомъ восторженномъ настроеніи. Это было видно по его гордому, сіяющему выраженію лица, да онъ не преминулъ мнѣ и самъ заявить объ этомъ. Въ томъ же видѣ мы очутились вмѣстѣ въ лагерѣ, я позвалъ его къ себѣ въ палатку.

— Что за прелесть,—началъ онъ радостно,—что мы сражаемся съ тобою рядомъ и за одно общее дѣло... Согласись, что мнѣ особенно везетъ, въ первый же годъ службы я попалъ на войну... Пожалуй, вернусь съ крестомъ!

— Ну, а тетя, какъ она отпускала тебя?

— Какъ всѣ матери — конечно, со слезами, которыя она, однако, скрывала, чтобы не портить мнѣ удовольствія, съ благословеніемъ, съ грустью и вмѣстѣ съ тѣмъ съ гордостью.

— Ну, а каково у тебя было на душѣ, когда ты попалъ въ первую стычку?

— Какое-то блаженство, что-то высокое...

— Будь, пожалуйста, совершенно откровененъ, я тебя спрашиваю не какъ штабъ-офицеръ поручика, а какъ человѣкъ, какъ другъ.

— Могу только повторить то же самое — я испыталъ что-то блаженное, возвышенное... Конечно, было страшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ переживаешь нѣчто такое величественное. Одно сознаніе, что я исполняю высшій долгъ человѣка съ Божіей помощью жертвую собой за императора и отечество; что смерть, которая обыкновенно представляется такимъ страшнымъ призракомъ, котораго всѣ избѣгаютъ, здѣсь виситъ надо мною, близка ко мнѣ, повергаетъ меня въ особое, возвышенное эпическое настроеніе. Мнѣ все время видѣлась надъ нами парящая муза исторіи, дарующая нашему оружію побѣдоносную силу. Чувствуешь ко врагу, который хотѣлъ попрать право нѣмецкой земли, благородное негодованіе, и въ данномъ тебѣ правѣ удовлетворить это чувство ненависти есть что-то возвышающее... это какое-то совсѣмъ изъ ряду выходящее чувство, это данное тебѣ право на убійство—нѣтъ, это необходимость убійства, не будучи при томъ убійцею, храбро жертвуя при этомъ своею личною жизнью...

Въ такомъ тонѣ ораторствовалъ нашъ юноша. Я не прерывалъ его. Я помню, самъ испыталъ почти подобное въ первую битву. Слово «эпическое» онъ подобралъ какъ нельзя болѣе вѣрно. Всѣ эти стихотворенія и исторіи въ честь героевъ посредствомъ которыхъ развиваютъ въ насъ въ школахъ военный духъ, все это остываетъ въ памяти отъ грома оружейныхъ

Digitized by Google

выстрѣловъ, отъ блеска блестящихъ орудій, отъ криковъ сражающихся. А новизна положенія, въ которомъ находишься, переноситъ васъ въ другой міръ... Точно заглянулъ изъ обыденной земной жизни такого мѣщанскаго существованія въ титанское царство духовъ ада... Но у меня это впечатлѣніе быстро сгладилось и я съ трудомъ могу воскресить его въ памяти въ томъ видѣ, въ какомъ его рисуетъ молодой Тессовъ. Я слишкомъ скоро позналъ, что въ войнѣ нѣтъ ничего, что было бы выше человѣческой природы; напротивъ, въ ней все ниже ея; она не есть мистическое откровеніе изъ царства дьявола, но отголоски изъ царства животнаго—возвратъ къ звѣрю. Только для того, кто можетъ себя довести до дикой страсти убійства—мнѣ это случилось видѣть—кто можетъ испытывать наслажденіе, разсѣкая черепъ врагу—тотъ, кто можетъ снизойти до состоянія кровожаднаго тигра, только тотъ минутами испытываетъ «наслажденіе въ войнѣ». Я же, жена моя, повѣрь мнѣ, этого наслажденія никогда не испыталъ. Готфридъ въ восторгѣ, что мы, австрійцы, деремся за то же «правое дѣло» (что онъ понимаетъ? какъ будто всякое дѣло въ приказѣ по арміи не называется правымъ?), что и пруссаки.

— Да, мы всѣ нѣмцы—одинъ народъ—всѣ мы братья.

— Это уже выяснили тридцатилѣтняя и семилѣтняя войны,— замѣтилъ я какъ бы про себя.

Готфридъ не разслышалъ и продолжалъ:

— Другъ за друга, общими силами, мы побѣдимъ всякаго врага.

— Ну, а что, милый мой, если не сегодня, завтра Австріи придется сражаться противъ Пруссіи?

— Это немыслимо послѣ того, что мы вмѣстѣ проливаемъ кровь за одно общее дѣло, этого никогда не можетъ быть...

— Ты думаешь — никогда? Берегись возраженій «никогда» и «вѣчно» въ дѣлѣ политики. То же, что муха-падёнка въ царствѣ живыхъ существъ, то самое въ мірѣ историческихъ явленій—вражда и дружба народовъ.

Пишу тебѣ все это, Марта, не потому, чтобы я думалъ, что это можетъ тебя интересовать, бѣдную больную, не потому, чтобы я хотѣлъ передъ тобою философствовать,—нѣтъ, меня преслѣдуетъ мысль, что я не останусь въ живыхъ и я не хочу унести съ собой въ могилу невысказанныхъ моихъ чувствъ. Письмо мое можетъ быть найдено и прочитано не тобой, а кѣмъ нибудь другимъ. Пускай же не будетъ тайною, что иногда происходитъ

Digitized by Google

въ душѣ свободно мыслящаго, но человѣчески чувствующаго солдата. «Я дерзнулъ» —была поговорка Ульриха Гуттена. «Я повѣдалъ» —будетъ моимъ успокоеніемъ совѣсти разставаясь съ жизнью».

Послѣднее письмо было отослано пять дней назадъ и получено два дня назадъ. Чего только не можетъ случиться въ пять дней на войнѣ? Страхъ и безпокойство преслѣдовали меня. Отчего вчера не было письма, отчего сегодня нѣтъ вѣстей? О, эта потребность письма и еще больше телеграммы,—я думаю ни одинъ человѣкъ, томимый жаждою въ лихорадкѣ, не жаждалъ такъ воды, какъ я жаждала вѣстей. Я не умерла, ему предстояла радость найти меня въ живыхъ, если... это «если» умерщвляло всякую надежду въ самомъ ея зародышѣ.

Отецъ мой долженъ былъ уѣхать; теперь, слава Богу, я была внѣ опасности и онъ могъ спокойно вернуться въ Грумитцъ, гдѣ у него было столько дѣла. Было рѣшено, что какъ только я немножко окрѣпну, я поѣду къ нему съ моимъ маленькимъ Рудольфомъ. Пребываніе на свѣжемъ деревенскомъ воздухѣ являлось необходимымъ для него и могло меня окончательно поправить. Тетя Мари осталась у меня съ тѣмъ, чтобы потомъ ѣхать вмѣстѣ въ Грумитцъ, куда Роза и Лилли уже отправились раньше. Я слушала ихъ и не мѣшала имъ располагать моею судьбою. Въ душѣ-же я рѣшила, что какъ только буду въ силахъ, отправлюсь въ Шлезвигъ-Гольштейнъ.

Гдѣ былъ полкъ Фридриха въ данное время, мы не знали. Телеграфировать ему было невозможно, а я бы такъ охотно телеграфировала ему каждый часъ: «живъ-ли ты?»

— Ты не должна такъ волноваться,—говорилъ отецъ, прощаясь со мною,—иначе ты опять расхвораешься. Два дня безъ извѣстій ровно ничего не значитъ—нѣтъ причины безпокоиться. Въ полѣ не вездѣ почтовые ящики и телеграфныя станціи, не говоря уже о томъ, что во время передвиженія, сраженій и отдыха писать не въ состояніи. Полевая почта не всегда правильно дѣйствуетъ, можно пробыть двѣ недѣли безъ писемъ и это еще ровно ничего не значитъ. Въ мое время я дольше не писалъ домой и никто не безпокоился.

— Почемъ ты это знаешь, папа? Я убѣждена, что твои близкіе переживали такой-же страхъ за тебя, какъ я за Фридриха. Не правда-ли, тетя?

— Мы больше твоего уповали на Бога, — замѣтила тетя Мари,—мы вѣрили, что если отцу твоему суждено вернуться, онъ вернется къ намъ, будутъ-ли вѣсти отъ него или нѣтъ.

Digitized by Google

— А если-бы я и не вернулся, чортъ возьми, всѣ настолько были проникнуты любовью къ отечеству, что понимали, что жизнь одного солдата совсѣмъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ великимъ дѣломъ, за которое онъ ее отдалъ. Ты, дочь моя, не настоящая патріотка. Но теперь не время тебя журить... Только бы ты была здорова и цѣла для твоего Руди, чтобы ты могла сдѣлать изъ него порядочнаго человѣка и защитника отечества.

Я плохо поправлялась. Отсутствіе извѣстій страшно безпокоило меня, волновало, лихорадка не покидала меня.

Ночью меня преслѣдовали кошмары, а днемъ тоска, и постоянное ожиданіе вѣстей; при такомъ состояніи, конечно, силы не возстановлялись.

Послѣ одной такой безпокойной ночи, гдѣ мнѣ все представлялся Фридрихъ подъ грудою человѣческихъ и лошадиныхъ труповъ, у меня сдѣлался такой нервный припадокъ, который угрожалъ жизни. Бѣдной тетѣ Мари было не мало со мной хлопотъ. Она считала своею обязанностью постоянно напоминать мнѣ о смиреніи, говорить разныя слова утѣшенія; ея теорія «о предопредѣленіи» просто выводила меня изъ себя, я, вмѣсто того, чтобы молча внимать ей, кипятилась, жаловалась на судьбу и называла ея «предопредѣленіе» величайшимъ вздоромъ,

Все это свидѣтельствовало о моей порочности, и тетя Мари не столько считала себя лично оскорбленной, сколько безпокоилась за мою непокорную душу, которой, быть можетъ, скоро предстояло предстать предъ Верховнаго Судью...

Только одно меня на время успокоивало, это когда ко мнѣ приносили маленькаго Рудольфа.—Дорогое дитя мое, мое утѣшеніе, моя опора, мое будущее...—восклицала я въ душѣ при видѣ его. Ему не правилось въ этой скучной, темной комнатѣ больной. Ему было странно видѣть свою, обыкновенно такую веселую, маму въ постелѣ, блѣдную, всю въ слезахъ. Онъ самъ затихалъ и я оставляла его у себя только на короткое время.

Отъ моего отца получались частыя извѣстія и запросы обо мнѣ. Онъ писалъ командиру Фридриха и еще многимъ другимъ и до сихъ поръ еще не было отвѣта. Когда получался листъ убитыхъ, онъ телеграфировалъ мнѣ:

— Фридриха въ немъ нѣтъ.

— Не обманываете-ли вы меня?—спросила я однажды тетю Мари, — можетъ быть, давно уже получено извѣстіе о его смерти, и вы только скрываете отъ меня?

— Клянусь тебѣ...

Digitized by Google

— Твоею вѣрою? твоею душою?

— Моей душою.

Такія увѣренія были мнѣ чрезвычайно отрадны, я всѣми силами хваталась за нежду... Каждую минуту я ожидала письма, телеграммы. При всякомъ шумѣ въ сосѣдней комнатѣ, я думала, что это почтальонъ, и не сводила глазъ съ дверей, все ждала, что вотъ сейчасъ кто нибудь войдетъ съ письмомъ въ рукѣ... Когда я вспоминаю тѣ дни, они представляются мнѣ цѣлыми мучительными годами. Свѣтлымъ лучемъ было извѣстіе о перемиріи — на этотъ разъ это былъ настоящій миръ. Въ тотъ же день, когда это извѣстіе было получено, я въ перразъ встала съ постели на короткое время. Миръ! Какое успокоеніе! Но можетъ быть для меня оно пришло уже поздно?..

Все равно: я чувствовала себя успокоенною, передо мною не рисовался каждую минуту Фридрихъ на полѣ битвы...

— Слава Богу, теперь дѣло пошло уже на поправку,—сказала однажды тетя Мари, усаживая меня въ кресло и подкатывая къ отворенному окну, скоро можемъ и въ Грумитцъ.

— Какъ только я буду въ состояніи выѣхать, я поѣду въ Альзенъ!

— Въ Альзенъ? Что за фантазія, дорогая моя?

— Я хочу видѣть то мѣсто, гдѣ Фридрихъ былъ раненъ или...—дальше я не могла кончить.

— Не позвать-ли нашего мальчика Рудольфа,—спросила тетя Мари. Она знала, что онъ одинъ могъ отогнать отъ меня на время грустныя мысли.

— Нѣтъ, не теперь, мнѣ бы хотѣлось побыть одной, совсѣмъ спокойно...—Знаешь, тетя, я даже попрошу тебя перейти въ другую комнату, можетъ быть, я немножко усну. Я страшно устала.

— Хорошо, моя милая, я оставлю тебя въ покоѣ... Здѣсь на столикѣ около тебя колокольчикъ, если тебѣ что понадобится, позвони.

— Былъ почтальонъ?

— Нѣтъ еще, это не его время.

— Когда онъ придетъ, разбуди меня.

Я откинулась назадъ и закрыла глаза, тетя потихоньку вышла. За послѣднее время всѣ домашніе выучились ходить на цыпочкахъ.

Мнѣ хотѣлось не спать, а остаться одной съ моими мыслями... Я была въ той самой комнатѣ, на томъ же креслѣ, какъ въ то утро, когда Фридрихъ пришелъ сообщить мнѣ, что велѣно вы-

Digitized by Google

ступать! Такая же была жара какъ и тогда, также пахли розы въ вазѣ на столѣ, также доносились трубные звуки ученья. Я могла совсѣмъ воскресить настроеніе того дня..! Я бы съ удовольствіемъ задремала какъ тогда, чтобы дверь тихонько отворилась, чтобы вошелъ онъ, мой дорогой мужъ... Розы пахли все сильнѣе, въ открытое окно все врывались звуки тра-ра-ра, постепенно отъ меня отлетало сознаніе настоящаго, все болѣе и болѣе я переносилась въ тотъ часъ прошедшаго, все, что было послѣ него, было забыто, преобладала только одна мысль—дверь отворится и онъ войдетъ. Для этого надо было, чтобы мнѣ приснилось, что я лежу съ полузакрытыми глазами, это мнѣ стоило усилія, но мнѣ удалось приподнять слегка вѣки... И я увидала то, чего такъ страстно желала: на порогѣ стоялъ Фридрихъ, мой дорогой Фридрихъ... Громко рыдая, закрывъ лицо обѣими руками, я очнулась отъ моего сна. Въ одну минуту мнѣ стало ясно, что эта радостная картина—галлюцинація и тѣмъ мрачнѣе, ужаснѣе предстала мнѣ дѣйствительность.

— Фридрихъ, мой дорогой, на вѣки утраченный Фридрихъ...— вырвалось у меня со стономъ.

— Марта! жена моя!

— Что значитъ? Его голосъ... это онъ обнялъ меня такъ страстно, такъ бурно... То былъ не сонъ: я была въ объятіяхъ моего мужа.

* * *

Какъ тогда, въ часы нашего прощанья, наше горе выражалось больше слезами и поцѣлуями, такъ же и счастье свиданія— тѣ же слезы, тѣ же поцѣлуи. Теперь я понимала возможность сойти съ ума отъ счастья, теперь, когда я обрѣла его, котораго считала для себя навсегда утраченнымъ; то смѣясь, то заливаясь слезами, съ нервною дрожью, хватала я его за голову, за руки, цѣловала его въ лобъ, въ глаза, въ ротъ, бормотала безсвязныя слова...

На мой радостный крикъ прибѣжала тетя Мари изъ сосѣдней комнаты. Она тоже ничего не знала о возвращеніи Фридриха; увидавъ его, она съ громкимъ голосомъ: «Iesus, Maria und Ioseph!» и опустилась въ кресло.

Мы долго не могли опомниться, не было конца нашей радости, вопросы, сообщенія, разсказы, отчеты такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ. Мы узнали, что Фридриху пришлось остаться въ одномъ крестьянскомъ домѣ, а полкъ его отправился дальше. Рана была не опасная, тѣмъ не менѣе онъ пролежалъ

Digitized by Google

нѣсколько дней безъ сознанія, въ лихорадкѣ. За послѣднее время письма не доходили до него, и не было никакой возможности отсылать писемъ. Когда онъ поправился, было объявлено перемиріе и въ сущности война была окончена. Онъ могъ вернуться домой. Онъ не писалъ уже болѣе и не телеграфировалъ, а ѣхалъ день и ночь, чтобъ какъ можно скорѣе доѣхать до дому. Живали я, въ опасности-ли я, онъ этого ничего но зналъ. Онъ не хотѣлъ даже объ этомъ справляться, только бы скорѣе доѣхать, только бы ничто не отняло отъ него надежды, что онъ увидитъ свою многолюбимую... И эта надежда осуществилась, онъ засталъ въ живыхъ свою дорогую жену счастливою, сіяющею безконечно счастливою...

Скоро мы всѣ перебрались къ отцу въ имѣніе. Фридрихъ получилъ продолжительный отпускъ для возстановленія здоровья, а предписанными докторомъ покоемъ и свѣжимъ воздухомъ онъ могъ пользоваться въ Грумитцѣ. Хорошее это было время—этотъ конецъ лѣта! Мнѣ кажется, это было мое лучшее время въ жизни.

Конечно, большое счастье возвращеніе дорогого, любимаго мужа, но возвращеніе мужа, котораго почти считала погибшимъ, мнѣ кажется, еще большее счастье. Когда я на минуту переносилась мысленно въ пережитые страхи, вспоминала картины, которыя рисовались мнѣ въ мои лихорадочныя ночи—Фридрихъ среди всевозможныхъ опасностей, вдругъ онъ тутъ—у меня прыгало сердце отъ радости. Онъ былъ мнѣ теперь еще дороже, безконечно дороже мой возвращенный мнѣ мужъ, и я относилась къ его обладанію какъ къ возрастающему богатству. Я уже считала себя за нищую—и вдругъ я обладательница цѣлаго милліона радостей.

Вся семья была въ сборѣ въ Грумитцѣ. Отто, мой братъ, тоже пріѣхалъ на время ваканцій. Ему теперь было 15 лѣтъ и черезъ 3 года онъ долженъ былъ поступить въ Вѣнскую военную академію. Славный мальчуганъ, любимецъ и гордость отца. Онъ, Роза и Лилли оживляли весь домъ. Вѣчный смѣхъ, возня, всякія шалости, игра въ мячъ, въ волланъ. Двоюродный братъ Конрадъ, полкъ котораго стоялъ неподалеку отъ Грумитца, частенько пріѣзжалъ верхомъ и присоединялся къ общему веселью молодежи. Затѣмъ была вторая партія—старики—тетя Мари, отецъ и нѣсколько его пріятелей, которые гостили у насъ. Они играли въ карты, совершали недалекія прогулки по парку, занимались гастрономіею и между прочимъ политикою. Обшир-

Digitized by Google

нымъ предметомъ для разговоровъ служили военныя событія послѣдняго времени и неразрѣшенный Шлезвигъ-Гольштейнскій вопросъ. Мы съ Фридрихомъ держались въ сторонѣ, мы встрѣчались съ остальными во время ѣзды и то не всегда. Всѣ насъ оставляли въ покоѣ. Было рѣшено, что мы проводимъ вторую половину нашего медоваго мѣсяца и что намъ дорого одиночество. Дѣйствительно, намъ всего было пріятнѣе быть вдвоемъ. Не для того, чтобы обниматься и цѣловаться, какъ это бываетъ въ медовый мѣсяцъ, но просто мы дорожили обществомъ другъ друга. Послѣ пережитыхъ тревогъ мы не могли дѣлить съ молодежью ихъ невиннаго веселья, еще менѣе могли мы симпатизировать разговорамъ и интересамъ стариковъ и потому мы пользовались привилегіею «влюбленной пары» и охотно уединялись.

Мы дѣлали большія прогулки, ѣздили по окрестностямъ и иногда цѣлыми днями не бывали дома; иногда по нѣсколько часовъ мы сидѣли вдвоемъ въ библіотекѣ, а по вечерамъ когда начинались всякія игры, мы уходили къ себѣ и за чаемъ, и за сигарою, весело бесѣдовали. У насъ былъ всегда неистощимый запасъ для разговора. Особенно охотно мы разсказывали другъ другу о пережитыхъ печаляхъ и ужасахъ во время нашей разлуки, при этомъ наша радость свиданія оживала всякій разъ съ новою силою. Мы пришли къ убѣжденію оба, что всѣ предчувствія смерти только суевѣріе, насъ обоихъ съ минуты разлуки преслѣдовало предчувствіе смерти, а вѣдь вотъ же мы оба живы и опять свидѣлись. Фридрихъ долженъ былъ разсказать мнѣ всѣ опасности и печали, черезъ которыя онъ прошелъ, всѣ ужасы поля битвы и лазарета, которые запечатлѣлись въ его душѣ. Мнѣ нравился въ голосѣ его оттѣнокъ печали, скорби при подобныхъ разсказахъ. Въ его отношеніи ко всѣмъ жестокостямъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ во время войны, я слышала голосъ человѣчнаго благородства, которое должно побѣдить старое варварство сперва въ отдѣльныхъ личностяхъ, потомъ въ бо̀льшемъ числѣ этихъ личностей и наконецъ во всемъ. Отецъ и Отто тоже часто обращались къ Фридриху съ просьбою разсказать какіе-нибудь эпизоды изъ его похода. Конечно, они обращались къ нему нѣсколько въ другомъ духѣ, чѣмъ я, и Фридрихъ разсказывалъ имъ тоже въ иномъ духѣ, чѣмъ мнѣ.

Въ своихъ разсказахъ имъ онъ ограничивался отчетомъ о тактическомъ движеніи войска, о сраженіяхъ, перечислялъ имена взятыхъ мѣстностей и тѣхъ, которыя удалось отстоять, онъ повторялъ слова главнокомандующаго; его слушатели приходили

Digitized by Google

въ восторгъ, мой отецъ слушалъ съ величайшимъ наслажденіемъ, Отто—съ увлеченіемъ, генералы — съ важностью сознанія дѣла. Только мнѣ были не по вкусу эти сухіе отчеты, я знала, что за ними кроется цѣлый міръ чувствъ, мыслей, которыя оживали въ глубинѣ души разсказчика при воспоминаніи этого перечня событій.

Однажды наединѣ я упрекнула его по этому поводу.

— Ты думаешь это фальшь, неискренность? Нѣтъ, дорогая моя, ты ошибаешься, это просто извѣстнаго рода приличіе. Вспомни наше свадебное путешествіе, нашъ отъѣздъ изъ Вѣны, какъ мы очутились одни въ вагонѣ, ночь въ гостинницѣ въ Прагѣ? Развѣ ты разсказала бы кому-нибудь изъ твоихъ родныхъ и друзей о всѣхъ тѣхъ пережитыхъ чувствахъ и впечатлѣніяхъ, той веснѣ нашей жизни?

— Конечно, нѣтъ... о такихъ вещахъ, понятно, не говоритъ ни одна женщина.

— Вотъ, видишь-ли, есть тоже вещи, о которыхъ не говоритъ ни одинъ мужчина. Вы молчите о вашихъ наслажденіяхъ любви, мы молчимъ о нашихъ страданіяхъ войны. Вы молчите, чтобы не оскорбить вашу скромность, мы—чтобы не оскорбить нашей храбрости. О наслажденіяхъ любви медоваго мѣсяца и объ ужасахъ войны въ порядочномъ обществѣ ни женщины, ни мужчины не говорятъ. Какъ ты проливала слезы отъ восторговъ любви, какъ я вскрикнулъ подъ ударомъ смерти, да развѣ ты сознаешься въ такой чувственности, развѣ я сознаюсь въ подобной трусости?

— А развѣ ты кричалъ, развѣ ты дрожалъ отъ страху, Фридрихъ? Мнѣ ты можешь въ этомъ сознаться. Я отъ тебя не скрываю моихъ восторговъ любви, и ты можешь мнѣ во всемъ признаться.

— Въ страхѣ смерти, который овладѣваетъ нами, солдатами, въ битвѣ? Да развѣ можетъ быть иначе? Фразеры и стихотворцы врутъ, фразою и стихами можно на минуту заглушить чувство самосохраненія, но только на минуту... У натуръ грубыхъ возможно, что страсть къ убійству и къ разрушенію можетъ заглушить страхъ за собственную жизнь, у людей честныхъ гордость въ состояніи подавить видимое проявленіе этого страха... Но сколько мнѣ пришлось слышать стоновъ отчаянія несчастныхъ молодыхъ людей, какіе напуганные взгляды, какое выраженіе ужаса смерти я видѣлъ на лицахъ, сколько отчаянныхъ жалобъ, проклятій, мольбы я слышалъ!

Digitized by Google

— И все это заставляло тебя страдать, мой хорошій, мой добрый?

— Иногда до боли, Марта. И тѣмъ не менѣе я страдалъ меньше, чѣмъ я вообще способенъ страдать изъ сочувствія... Казалось бы, когда сочувствуешь страданію отдѣльной личности, утысячеренное страданіе должно пробуждать въ тысячу разъ больше сочувствія. Между тѣмъ это не такъ, эта масса страданія притупляетъ. Перестаешь такъ убиваться надъ одною личностью, когда видишь около еще 999 такихъ же несчастныхъ. Но если есть извѣстный предѣлъ состраданію, послѣ котораго перестаешь чувствовать, то все-таки остаешься при способности разсуждать и соображать, сколько...

— Такъ думаешь ты и можетъ быть еще нѣсколько человѣкъ, большинство же не думаетъ и не разсуждаетъ.

— Не думаетъ,—повторилъ онъ,—къ несчастью, въ этомъ и есть причина всего зла, большинство не думаетъ.

* * *

Мнѣ удалось уговорить Фридриха оставить службу. То, что онъ послѣ женитьбы прослужилъ цѣлый годъ, сдѣлалъ походъ, изъ котораго вернулся съ отличіемъ, уничтожало всякое подозрѣніе, что цѣлью его женитьбы было имѣть возможность выйти въ отставку, какъ думалъ мой отецъ, когда я выходила за Фридриха замужъ. Теперь, когда будетъ заключенъ миръ, къ которому все клонилось, и настанутъ долгіе года мира, теперь оставить военную службу не было неблаговиднымъ для чести. Правда, что самолюбіе Фридриха страдало отчасти, ему не легко было отказываться отъ своего положенія и отъ содержанія для того, чтобы, какъ онъ говорилъ, ничего не дѣлать, ничего не имѣть и быть ничѣмъ, но его любовь ко мнѣ была сильнѣе его самолюбія, и онъ долженъ былъ сдаться на мои просьбы. Я говорила ему что пережить второй разъ пережитыя душевныя муки за нашу разлуку, я не въ силахъ и что онъ, вѣроятно, и самъ не захочетъ добровольно подвергать насъ обоихъ вторично такому испытанію. То чувство деликатности, которое могло его страшить до женитьбы, жить на средства богатой жены, въ настоящее время не могло его удерживать, мы съ нимъ теперь были одно цѣлое, и «мое» и «твое» было давно нашимъ общимъ; наконецъ, теперь мы такъ хорошо знали другъ друга, что ему нечего было бояться, что я отнесусь къ нему какъ-нибудь неправильно.

Digitized by Google

Кромѣ того, за послѣдній походъ его отвращеніе къ обязанностямъ войны, къ убійству, до того возросли, а откровенно высказанное это отвращеніе до того укрѣпилось въ немъ, что отставка являлась не только уступкою въ силу нашего домашняго счастія, но просто въ силу убѣжденія, и онъ далъ мнѣ слово, осенью, когда окончатся всѣ переговоры о мирѣ, оставить службу. Мы рѣшили на мои деньги, которыя лежали у банкира Шмидта и сынъ, купить имѣніе, гдѣ Фридрихъ будетъ хозяйничать. Этимъ на первыхъ же порахъ устранялось его опасеніе: ничего не дѣлать, ничего не имѣть, быть ничѣмъ.— Быть полковникомъ и счастливымъ человѣкомъ, развѣ этого мало? спросила я его.—А имѣть насъ, меня, и Рудю и тѣхъ, которые еще будутъ... развѣ и этого тебѣ мало?

Онъ смѣясь обнялъ меня.

Отцу и другимъ мы рѣшили покуда не говорить о нашихъ намѣреніяхъ. Они бы стали насъ, пожалуй, отговаривать, стали бы намъ давать всякіе совѣты, порицать насъ, въ настоящее время это было бы безполезно. Позже мы сумѣли бы имъ противустоять; когда два человѣка сходятся во взглядахъ, во всемъ согласны, чужое мнѣніе не можетъ имѣть никакого вліянія. Благодаря этому принятому нами рѣшенію, которое вполнѣ обезпечивало нашу будущность, мы еще больше наслаждались нашимъ настоящимъ, которое такъ оттѣнялось пережитымъ тяжелымъ прошлымъ...

Сынъ мой Рудольфъ, которому теперь было 7 лѣтъ, началъ учиться читать и писать, и я была его учительницей. Я не уступала ни одной боннѣ удовольствія, что можетъ быть для нея и не было бы удовольствіемъ, слѣдить за развитіемъ этой маленькой души и познакомить ее съ первыми началами знанія. Мы часто гуляли съ нимъ вмѣстѣ и нисколько не уставали отвѣчать ему на всѣ вопросы, которые порождала въ немъ любознательность. Отвѣчали мы ему, насколько могли, въ предѣлахъ правды. Ложь у насъ совсѣмъ не допускалась. На вопросы, на которые у насъ для него не было подходящихъ отзывовъ, на которые никто бы не сумѣлъ ему отвѣтить, мы откровенно говорили: «этого Рудя никто не знаетъ». Случалось, что онъ не удовлетворялся подобнымъ отвѣтомъ и отправлялся къ дѣдушкѣ, къ тетѣ Мари или къ нянькѣ за результатомъ того же вопроса и получалъ отъ нихъ самые опредѣленные отвѣты. Съ торжествующимъ видомъ возвращался онъ тогда къ намъ: «Вы не знаете сколько лѣтъ лунѣ? а я знаю—шесть тысячъ лѣтъ!»

Digitized by Google

Мы молча переглядывались съ Фридрихомъ. Сколько отчаянія, педагогическаго соболѣзнованія и раздумья было въ этомъ взглядѣ и молчаніи.

Мнѣ особенно не нравилась игра въ солдаты, которую всегда затѣвали съ Рудей мой отецъ и братъ. Къ нему неизвѣстно какъ прививалось понятіе о «врагѣ» и о «дракѣ». Однажды мы съ Фридрихомъ застали его въ тотъ моментъ, когда онъ немилосердно билъ кнутомъ двухъ щенятъ.

— Вотъ этотъ... это фальшивый итальянецъ, — объяснилъ онъ намъ, вытягивая кнутомъ визжавшаго щенка, — а вотъ этотъ «дерзкій датчанинъ».

Фридрихъ вырвалъ у исправителя народностей кнутъ:

— А вотъ это безсердечный австріецъ,—прибавилъ онъ,— ударивъ его нѣсколько разъ по спинѣ.

Итальянецъ и датчанинъ радостно убѣжали, очередь плакать настала для нашего маленькаго соотечественника.

— Ты на меня не въ претензіи, Марта, что я наказалъ такимъ образомъ твоего сына? Я совсѣмъ не за кнутъ и не за розги, но жестокость въ отношеніи животныхъ можетъ меня вывести изъ себя.

— Напротивъ, ты поступилъ вполнѣ правильно — замѣтила я.

— Значитъ... только... съ людьми можно быть... жестокимъ?—всхлипывая проговорилъ мальчикъ.

— Тоже нельзя... тѣмъ болѣе нельзя...

— А ты самъ билъ итальянцевъ и датчанъ?

— Это были враги...

— Ихъ можно ненавидѣть?

— Не сегодня такъ завтра,—замѣтилъ мнѣ Фридрихъ потихоньку,—священникъ будетъ говорить ему о любви къ врагамъ... гдѣ же тутъ логика?

Затѣмъ обращаясь къ Рудольфу, «мы не потому бьемъ нашихъ враговъ,—сказалъ онъ громко,—что ихъ ненавидимъ, а потому, что они хотятъ насъ бить».

— А за что они хотятъ насъ бить?

— За то что... нѣтъ, нѣтъ... остановился онъ,—изъ этого круга не выберешься. Ступай играть, Рудя; мы тебя простили, только въ другой разъ не дѣлай этого.

У кузена Конрада сердечныя дѣла съ Лилли шли нѣсколько успѣшнѣе. Терпѣніе—великое дѣло. Мнѣ очень хотѣлось, чтобы изъ его ухаживанья вышелъ толкъ и я съ удовольствіемъ за-

Digitized by Google

мѣтила, что у Лилли радостно сіяли глаза, когда въ далекѣ ссышался топотъ лошади Конрада, и какъ грустно она вздыхала, когда онъ уѣзжалъ. Онъ за ней пересталъ ухаживать, пересталъ говорить ей о своей любви, не дѣлалъ ей больше предложенія, тѣмъ не менѣе его поведеніе являлось настоящей осадой.

— Есть разные способы брать крѣпости, — объяснилъ онъ мнѣ однажды,—штурмомъ, голодомъ, есть тоже разные способы заставить женское сердце сдаться. Самый вѣрный изъ нихъ— привычка, сумѣть растрогать... Ее должно тронуть, что я ее люблю съ такимъ постоянствомъ, такъ старательно молчу и постоянно бываю. Если я перестану бывать, въ ея жизни будетъ замѣтный пробѣлъ, если я буду продолжать въ томъ же духѣ еще нѣкоторое время, я убѣжденъ, что она безъ меня будетъ скучать.

— Ну и сколько же лѣтъ будешь ты ее завоевывать?

— Это неизвѣстно, до тѣхъ поръ пока она не согласится быть моей.

— Я удивляюсь тебѣ, какъ будто она единственная дѣвушка на свѣтѣ?

— Для меня нѣтъ другой. Я остановился на ней. Въ ней есть что-то, въ ея походкѣ, въ ея манерѣ говорить, въ линіи около рта—чего нѣтъ въ другой... Напримѣръ, ты, Марта, въ десять разъ красивѣе, въ сто разъ умнѣе...

— Благодарю!..

— А я бы не хотѣлъ имѣть тебя женою.

— Благодарю.

— Именно потому, что ты слишкомъ умна, ты бы третировала меня съ высока. Моя звѣздочка на воротникѣ, моя сабля, мои шпоры, тебѣ бы не внушали уваженія. Лилли же относится съ почтеніемъ къ военному человѣку, я знаю, что она поклоняется военнымъ... тогда какъ ты...

— Я была два раза замужемъ за военнымъ,—замѣтила я смѣясь.

* * *

На концѣ стола, гдѣ сидѣлъ отецъ со своими пріятелями, гдѣ сидѣли и мы съ Фридрихомъ, велись большею частью разговоры о политикѣ, въ которыхъ молодежь, сидящая на противуположномъ концѣ, не принимала участія. Переговоры о мирѣ были неизсякаемымъ источникомъ для мудрствованія. Вѣдь многіе убѣждены, что нѣтъ ничего достойнѣе серьезныхъ людей какъ

Digitized by Google

политическія разсужденія. Правда, изъ любезности и снисходя къ моему женскому слабоумію, одинъ изъ генераловъ замѣтилъ однажды: «наши разговоры не могутъ быть интересны для молодой баронессы Марты, возобновимъ ихъ лучше, когда будемъ одни, не правда-ли милѣйшая баронесса?» Но я просила не стѣсняться моимъ присутствіемъ и продолжать разговоръ. Я принимала живое участіе въ дѣлахъ военнаго и дипломатическаго міра. Положимъ, я относилась нѣсколько съ иной точки «къ датскому вопросу», чѣмъ эти господа, мнѣ было чрезвычайно интересно узнать чѣмъ кончится онъ, не даромъ я за все время войны такъ старательно изучала происхожденіе и исторію его. Казалось бы теперь, послѣ всѣхъ сраженій и побѣдъ должно бы быть выяснено, какъ поступить съ этими злополучными герцогствами, а между тѣмъ это все еще было подъ сомнѣніемъ. Аугустенбургецъ—знаменитый Аугустенбургецъ, изъ-за котораго загорѣлся весь сыръ-боръ и за которымъ были издавна всѣ права—престола не получилъ. Появился еще совсѣмъ новый претендентъ. Мало было всѣхъ этихъ Глюксбурговъ, Готторповъ и другихъ линій. Вмѣшалась Россія и вмѣсто Аугустенбургца предложила— Ольденбурга. Результатомъ же войны было то, что герцогства не достались ни Аугустенбургскому, ни принцу Глюксбургскому, ни Олденбургскому, а союзникамъ-побѣдителямъ. Какъ я узнала, слѣдующіе пункты разсматривались въ переговорахъ о мирѣ:

1) «Данія имѣетъ уступить герцогства Австріи и Пруссіи».

Съ этимъ я была согласна. Безъ сомнѣнія, союзники поспѣшатъ отдать эту завоеванную землю тому, для кого они ее отстаивали.

2) «Границы будутъ точно опредѣлены».

Это тоже прекрасно; только было бы лучше, если бы разъ опредѣленныя границы получше отстаивались, а то просто бѣда какими зелеными и синими линіями испещряются карты вслѣдствіе этихъ постоянныхъ исправленій границъ.

3) «Государственный долгъ будетъ распредѣленъ по степени народонаселенія».

Это было мнѣ непонятно. До пониманія вопросовъ финансовыхъ и политико-экономическихъ въ моихъ занятіяхъ я не дошла; въ политикѣ я интересовалась только войною и миромъ, это было близко моему сердцу, какъ женѣ и человѣку.

4) «*Расходы по веденію войны уплачиваются герцогствами*». Это опять было доступно моему пониманію. Страна была раз-

Digitized by Google

зорена, посѣвы уничтожены, сыны ея убиты, это должно быть вознаграждено уплатою расходовъ по войнѣ.

— Нѣтъ-ли чего новаго по шлезвигъ-гольштейнскому вопросу?—спрашивала я сама, когда разговоръ не переходилъ на политическую почву.

— Послѣдняя новость,—сообщилъ мой отецъ 13 августа,— фонъ-Бейстъ предложилъ сейму вопросъ, по какому праву союзники могли согласиться на уступку имъ герцогствъ королемъ, котораго союзъ не признаетъ за дѣйствительнаго властелина.

— Совершенно вѣрно, — замѣтила я, — вѣдь говорили, что «Протокольный Принцъ» не законный владѣтель нѣмецкой земли и вдругъ Христіаномъ IX торжественно объявляется...

— Ты въ этомъ ничего не понимаешь, моя милая,—прервалъ меня отецъ.—Это просто наглость со стороны этого фонъ-Бейста и ничего болѣе. Эти герцогства безъ того принадлежатъ намъ, разъ, что мы ихъ завоевали.

— Да, но вѣдь завоевали не для себя? вѣдь для аугустенбургцевъ.

— Ничего ты не понимаешь. Причины, которыя были приведены кабинетомъ при объявленіи войны, какъ ея поводъ, отходятъ на задній планъ послѣ первыхъ же битвъ. Побѣды и пораженія порождаютъ совсѣмъ новыя комбинаціи; государства увеличиваются, уменьшаются, образуются подъ вліяніемъ совсѣмъ непредвидѣнныхъ условій. Если бы отъ меня зависѣло, — прибавилъ отецъ,—я бы не вступилъ бы ни въ какіе переговоры о мирѣ послѣ Дюппеля и Альзена —можно было покорить всю Данію.

— Что съ ней дѣлать?

— Присоединить ее къ нѣмецкому союзу.

— Ты такой патріотъ Австріи,—какое тебѣ дѣло до увеличенія Германіи?

— Развѣ ты забыла, что Габсбурги были германскими императорами, могли бы сдѣлаться ими и теперь.

— И что-жъ—это бы тебя обрадовало?

— Для какого же австрійца не было бы радостью и гордостью?

— А что, — спросилъ Фридрихъ, — если и другая династія Германіи мечтаетъ о томъ же?

Отецъ мой громко разсмѣялся.

— Корона священной римско-германской имперіи вдругъ на главѣ ничтожнаго протестантскаго короля—въ умѣ ли ты?

Digitized by Google

— Только бы теперь обѣ державы, которыя соединенно сражались, не затѣяли новаго спора изъ-за предмета войны. Завоевать провинціи Эльбы было не трудно, но что дѣлать съ ними дальше. Это можетъ послужить поводомъ ко всевозможнымъ новымъ усложненіямъ. Всякая война, каковъ бы ни былъ результатъ ея, содержитъ въ себѣ зародышъ новой войны. Это весьма естественно—насиліе всегда попираетъ чье нибудь право, о которомъ рано или поздно заявляется, возбуждается новый споръ, который опять разрѣшается насиліемъ и такъ до безконечности.

Черезъ нѣсколько дней приключилось опять нѣчто новое: король прусскій, Вильгельмъ, посѣтилъ нашего императора въ Шенбруннѣ. Встрѣча самая сердечная. Всюду развѣвались прусскіе орлы. Военная музыка играетъ прусскій національный гимнъ. Восторженные крики «ура!» Я была всѣмъ этимъ очень довольна, значитъ, предсказаніе доктора Брессера, что обѣ державы затѣютъ новый споръ изъ-за завоеваннаго клочка земли—не оправдались. Всѣ газеты выражались по этому поводу въ томъ же успокоительномъ духѣ.

Мой отецъ тоже радовался свиданію въ Шенбруннѣ, свидѣтельствующему о дружественныхъ отношеніяхъ, но не съ точки зрѣнія мира, а напротивъ, съ точки зрѣнія войны.

— Я радъ,—говорилъ онъ,—что у насъ есть новый союзникъ. Въ союзѣ съ Пруссіей мы также легко вернемъ Ломбардію, какъ завоевали герцогства на Эльбѣ.

— Этого Наполенъ III не допуститъ, да съ нимъ и Пруссіи не разсчетъ ссориться,—замѣтилъ одинъ изъ генераловъ.—Безъ того дурной признакъ, что Бенедетти, злѣйшій врагъ Австріи, теперь посланникомъ въ Берлинѣ.

— Скажите же, наконецъ, господа,—обратилась я къ нимъ умоляюще, — отчего бы всѣмъ образованнымъ государствамъ Европы не заключить общаго союза? Чего бы кажется проще...

Мужчины пожали плечами, нерѣшительно улыбнулись и ничего мнѣ не отвѣтили. Очевидно, я снова сказала одну изъ тѣхъ глупостей, на которыя такія мастерицы «дамы», когда онѣ пускаются въ недоступную для нихъ область высшей политики.

* * *

Наступила осень. 30 октября, въ Вѣнѣ, былъ подписанъ миръ и такимъ образомъ настало время, назначенное для желанной мною отставки Фридриха.

Но человѣкъ предполагаетъ, а обстоятельства располагаютъ.

Digitized by Google

Случилось нѣчто,—это тяжелый былъ для меня ударъ—что разстроило всѣ наши планы, а именно: банкирскій домъ Шмидта и Сына лопнулъ и все мое состояніе было потеряно. Этотъ крахъ былъ тоже и послѣдствіемъ войны. Картечь и бомбы разрушаютъ не однѣ стѣны домовъ, отъ ихъ сотрясенія рушатся банкирскіе дома и кредитныя учрежденія.

Эта потеря состоянія не сдѣлала меня нищею, какъ многихъ другихъ, отецъ не допустилъ бы до этого, но объ отставкѣ нечего было и думать. Мы перестали быть независимыми людьми; въ настоящее время жалованье Фридриха было все, что мы имѣли опредѣленнаго, собственнаго. Если бы даже отецъ мой и явился намъ на помощь, то Фридриху всетаки было необходимо остаться на службѣ. Я сама это вполнѣ понимала—какую бы роль игралъ онъ иначе по отношенію къ отцу?

Нечего дѣлать—намъ пришлось покориться.

«Предопредѣленіе», сказала бы тетя Мари.

О моемъ огорченіи по поводу потери состоянія—дѣло шло о нѣсколькихъ сотняхъ тысячъ—не могу ничего сказать. Въ моемъ дневникѣ говорится объ этомъ немного, а въ памяти, послѣ всѣхъ позже пережитыхъ впечатлѣній большаго горя, не сохранилось живыхъ слѣдовъ. Помню только одно, что меня больше всего печалило, что разлетѣлись наши воздушные замки—наша отставка, покупка имѣнія, независимое отъ «свѣта» существованіе,—во всемъ остальномъ эта перемѣна въ средствахъ не печалила меня. При жизни отца, конечно, я бы никогда ни въ чемъ не терпѣла недостатка, послѣ его смерти, я получу отъ него обезпечивающее меня наслѣдство; сыну моему Рудольфу въ будущемъ предстояли тоже хорошія средства.

Одно утѣшало меня—не предвидѣлось никакой возможности войны—можно смѣло было разсчитывать на 10—20 лѣтъ мира. А до тѣхъ поръ!

Шлезвигъ-Гольштейнъ и Лауэнбургъ по договору отъ 30 октября уступались Пруссіи и Австріи.

Обѣ державы, состоя въ настоящее время въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, будутъ побратски дѣлить пріобрѣтенныя выгоды, буеутъ весьма довольны и слѣдовательно не предвидится никакого повода для спора. И такъ на политическомъ горизонтѣ не было «черной точки».

Неудача въ Италіи была вознаграждена славною побѣдою надъ Шлезвигъ-Гольштейномъ, такъ что даже для удовлетворенія военнаго честолюбія не требовалось войны. Съ этой стороны,

Digitized by Google

значитъ, я могла быть спокойною. А то, что война была такъ недавно, являлось обезпеченіемъ, что ее долго не будетъ. Послѣ дождика бываетъ обыкновенно солнышко, при солнцѣ забываются дожди.

Послѣ землетрясенія и изверженій вулкановъ люди строятъ себѣ новыя жилища на засыпанныхъ мѣстахъ и не думаютъ о возможности повторенія катастрофы. Вся сила нашей жизненной энергіи заключается въ нашей способности забывать.

Мы устроились на зиму въ Вѣнѣ. Фридрихъ занимался въ военномъ министерствѣ, что онъ предпочиталъ казарменной службѣ. Въ этомъ году сестры съ тетей Мари послѣ карнавала переѣхали въ Прагу. Конрада полкъ стоялъ тоже тамъ—конечно, это была случайность... или это имѣло вліяніе на выборъ зимняго пребыванія?

Когда я объ этомъ спросила Лилли, она покраснѣла и пожимая плечами отвѣтила:

— Ты вѣдь знаешь, что онъ мнѣ не нравится.

Отецъ поселился въ своей прежней квартирѣ на Герренгассе. Онъ предложилъ намъ переѣхать къ нему, такъ какъ у него была большая квартира, но мы предпочли устроиться одни и наняли себѣ маленькій мезонинъ на набережной Франца-Іосифа.

Жалованья мужа и того, что мнѣ давалъ отецъ ежемѣсячно, было вполнѣ достаточно для нашего скромнаго хозяйства. Абонементовъ въ театрахъ, придворныхъ баловъ, вообще выѣздовъ «въ свѣтъ» не полагалось, но для насъ это не было лишеніемъ. Мы были даже довольны, что недостатокъ средствъ не позволялъ намъ пользоваться всѣми этими удовольствіями—мы такъ любили уединенный образъ жизни.

Мы продолжали принимать по прежнему родныхъ и друзей. Особенно часто бывала у насъ одна моя пріятельница ранней молодости Лори Грисбахъ, даже чаще, чѣмъ я того желала. Разговоры ея уже прежде казались мнѣ безсодержательными, теперь же просто утомляли меня, горизонтъ ея интересовъ былъ до того узокъ, что я просто задыхалась. Но она была очень хорошенькая, въ ней было много жизни, кокетства. Я понимала, что въ обществѣ она могла имѣть успѣхъ, могла кружить головы, и про нее прошла молва, что она не прочь, чтобы за ней ухаживали.

Я за то ее особенно не любила, что ей нравился Фридрихъ и что она направляла свои стрѣлы въ его сердце.

Мужъ Лори быбъ представителемъ жокей-клуба, скачекъ, театральныхъ кулисъ и измѣнялъ ей усердно, такъ что маленькая

Digitized by Google

месть съ ея стороны была вполнѣ понятна, но чтобы для своего мщенія она избрала моего Фридриха—не скажу, чтобы мнѣ это было особенно пріятно...

Неужели я ревновала? Я покраснѣла, когда задала себѣ этотъ вопросъ—я такъ была увѣрена въ немъ... Я знала, что онъ не можетъ никого, никого такъ любить какъ меня...

Любить... но развѣ рядомъ съ серьезнымъ чувствомъ ко мнѣ онъ не могъ увлечься не серьезно—влюбиться...

Лори не скрывала отъ меня, что ей нравится Фридрихъ.

«Знаешь, Марта, тебѣ, право, можно позавидовать, такой у тебя прелестный мужъ». Или: «Смотри, стереги хорошенько своего Фридриха, потому что за нимъ, навѣрное, гоняются всѣ дамы».

— Я убѣждена въ его вѣрности, отвѣчала я на это.

— Не дѣлай себя смѣшною, какъ будто-бы слова «вѣрность» и «мужъ» могутъ стоять рядомъ одно съ другимъ, этого на свѣтѣ не бываетъ. Ты знаешь, какъ, напр., мой благовѣрный...

— Ахъ, мой Богъ, да быть можетъ, до тебя доходятъ ложные слухи. Наконецъ, не всѣ же одинаковы...

— Всѣ, всѣ—повѣрь мнѣ. Изъ знакомыхъ намъ мужчинъ я ни единаго не знаю, который-бы не... Да изъ тѣхъ, которые ухаживаютъ за мной, многіе женаты, спроси у нихъ, чего-же они добиваются? Ужь во всякомъ случаѣ не соблюденія ни своей, ни моей супружеской вѣрности.

— Вѣроятно-же имъ извѣстно, что ты останешься для нихъ глуха и нѣма... А что-же, Фридрихъ, также принадлежитъ къ этой фалангѣ?—смѣясь спросила я.

— Ну, развѣ я скажу тебѣ это, ахъ ты дурочка. И безъ того очень мило съ моей стороны, что я обратила твое вниманіе, насколько онъ мнѣ нравится. Теперь уже твое дѣло смотрѣть въ оба.

— Я давно уже смотрю въ оба, Лори, и глаза мои съ неудовольствіемъ уловили нѣсколько различныхъ кокетливыхъ приступовъ съ твоей стороны.

— Вотъ такъ-такъ! Значитъ впредь надо будетъ маскироваться повнимательнѣе...

Обѣ мы разсмѣялись. Но тѣмъ не менѣе я чувствовала; что какъ за моей, якобы въ шутку разыгранной ревностью, скрывался дѣйствительный приступъ этой страсти, такъ и въ основаніи ея, яко бы простаго желанія подразнить меня, лежало зерно правды.

Мужъ Лори не участвовалъ въ Шлезвигъ-Гольштейнскомъ

Digitized by Google

походѣ, и это бѣсило его. Лори также негодовала на эту «неудачу».

— Такая славная, побѣдоносная война,—жаловалась она,— Грисбахъ, навѣрное, повысился-бы въ чинѣ. Единственное утѣшеніе, что ужь въ слѣдующую кампанію...

— Откуда ты это взяла? — перебила я ее. — Ничего подобнаго не имѣется въ виду. Или тебѣ извѣстенъ какой-нибудь поводъ? Изъ-за чего-же бы теперь можно было возгорѣться войнѣ?

— Изъ-за чего? Вотъ ужъ до этого мнѣ дѣйствительно нѣтъ никакого дѣла. Войны являются сами по себѣ, и все тутъ. Черезъ каждыя пять-шесть лѣтъ всегда что-нибудь да разразится, таковъ уже ходъ исторіи.

— Но вѣдь должны-же существовать на то какія-нибудь причины?

— Можетъ быть... да кому-же онѣ вѣдомы? Конечно не мнѣ, а также и не моему мужу. «Изъ-за чего это тамъ собственно дерутся» спросила я его въ послѣднюю войну. «А почемъ я знаю, да и знать не желаю», отвѣчалъ онъ, пожимая плечами. Одно досадно, что меня тамъ нѣтъ, прибавилъ онъ тутъ-же. О, Грисбахъ настоящая военная косточка. «Изъ-за чего» и «для чего» ведется война, это солдатъ не касается. Это уже дѣло дипломатовъ. Я никогда не ломала себѣ головы надъ политическими разногласіями. Насъ-то, женщинъ, онѣ совсѣмъ уже не касаются—мы, все равно, вѣдь ничего-бы тамъ не поняли. А вотъ когда буря разразится, ну тогда надо молиться...

— Что-бы молнія ударила въ сосѣдній домъ, а не въ нашъ,— это разумѣется проще всего.

* * *

«Милостивая Государыня!

Одинъ другъ, а быть можетъ, и недругъ, не въ томъ дѣло, во всякомъ случаѣ, человѣкъ, которому все извѣстно, но который не желаетъ называть своего имени, симъ увѣдомляетъ васъ, что васъ обманываютъ, и при томъ обманываютъ самымъ предательскимъ образомъ. Вашъ лицемѣрный супругъ и ваша пріятельница, строющая изъ себя невинность, потѣшаются надъ вашимъ благодушнымъ довѣріемъ, бѣдная, ослѣпленная женщина! У меня имѣются на то свои причины, чтобы сорвать маски съ нихъ обоихъ. Поступаю такъ отнюдь не изъ благорасположенія къ вамъ, потому что, могу себѣ представить, что

Digitized by Google

подобное разоблаченіе причинитъ вамъ скорѣе горе, чѣмъ удовольствіе, да я и не принадлежу къ числу вашихъ благожелателей. Быть можетъ, я представляю изъ себя даже отвержен-наго поклонника, который мстить за себя...

Да развѣ дѣло въ мотивѣ моего поступка? Фактъ на лицо. А если желаете доказательствъ, могу вамъ доставить и таковыя. Бездоказательному анонимному письму, во всякомъ случаѣ, вы не повѣрили-бы. Прилагаемая записка обронена графиней Гр....».

Это необычайное посланіе въ одно прекрасное весеннее утро нашла я на столѣ, во время нашего завтрака. Фридрихъ сидѣлъ напротивъ меня, занятый «своей» почтой, пока я читала и десять разъ перечитывала полученное письмо. Записка, приложенная къ коварному посланію, была запечатана въ отдѣльномъ конвертѣ, и я медлила вскрывать его.

Я взглянула на Фридриха. Онъ былъ погруженъ въ чтеніе утренней газеты, но, очевидно, почувствовавъ на себѣ мой пристальный взоръ, опустилъ газету и съ обычнымъ милымъ своимъ, ласковымъ выраженіемъ, обернулъ ко мнѣ голову.

— Ну, Марта, что случилось? Что ты такъ уставилась на меня?

— Мнѣ хотѣлось-бы знать, — любишь-ли ты меня по прежнему?

— Давнымъ давно пересталъ любить, — пошутилъ онъ. — Собственно, я никогда тебя терпѣть не могъ.

— Этому я не вѣрю.

— Но я теперь только замѣчаю, ты совсѣмъ поблѣднѣла. Ты получила какое-нибудь дурное извѣстіе?

Я колебалась. Показать ему письмо или нѣтъ? Не лучше-ли было бы сперва провѣрить вещественное доказательство, которое я все еще нераспечатаннымъ держала въ рукѣ. Мысли вихремъ кружились въ моей головѣ. Мой Фридрихъ, въ которомъ заключался для меня весь міръ, мой другъ и супругъ, повѣренный моего сердца, мой возлюбленный, неужели онъ потерянъ для меня? Измѣнилъ—онъ? Ахъ, это вздоръ, развѣ минутное какое-нибудь чувственное опьяненіе... Неужто въ моемъ сердцѣ не нашлось-бы достаточно снисхожденія, чтобы простить, забыть это, признать какъ-бы не случившимся?.. Но вѣдь это было-бы лицемѣріе, какъ, даже и въ томъ случаѣ, если-бы сердце его отвергло меня, и коварная Лори стала-бы для него милѣе меня...

Digitized by Google

— Да скажи-же. Ты какъ будто совсѣмъ онѣмѣла... Покажи мнѣ письмо, которое такъ напугало тебя.

И онъ протянулъ руку за письмомъ.

— Вотъ оно. Я передала ему уже прочтенный мною листъ, удержавъ при себѣ «приложеніе». Онъ пробѣжалъ начертанныя строки, съ гнѣвнымъ проклятіемъ скомкалъ письмо и вскочилъ съ своего мѣста.

— Это подлость! воскликнулъ онъ.—А гдѣ-же мнимое вещественное доказательство?

— Вотъ оно, еще не вскрыто. Фридрихъ, скажи только «одно» слово, и я брошу эту записку въ каминъ. Я «не желаю» никакихъ уликъ противъ тебя.

— Ахъ, ты, моя единственная!..—Онъ мгновенно очутился около меня и страстно обнялъ меня.—Сокровище мое! Посмотри мнѣ прямо въ глаза, неужели ты сомнѣваешься во мнѣ? Улика это или не улика—скажи, довольно-ли тебѣ одного «моего» слова?

— Да,—отвѣтила я, швыряя бумажку въ каминъ.

Но она не долетѣла до пламени, а упала около рѣшетки. Фридрихъ бросился за ней и поднялъ ее.

— Нѣтъ, нѣтъ, намъ не слѣдуетъ этого уничтожать—мнѣ слишкомъ любопытно... мы вмѣстѣ прочтемъ ее. Я не помню, чтобы когда-либо писалъ твоей пріятельницѣ что нибудь, мало мальски намекавшее на любовную интригу между нами... которой никогда не было.

— Но ты вѣдь нравишься ей, Фридрихъ... Тебѣ стоило только подать ей малѣйшій поводъ...

— Ты такъ полагаешь?.. Постой, давай-ка изслѣдуемъ этотъ документъ. Въ самомъ дѣлѣ: моя рука! Ахъ, взгляни, пожалуйста сюда,—да вѣдь это тѣ двѣ строки, которыя недѣли двѣ-три тому назадъ ты сама продиктовала мнѣ, помнишь, когда у тебя была порѣзана правая рука:

«Милая Лори, приходи, жду тебя съ большимъ нетерпѣніемъ сегодня, въ 5 часовъ, послѣ обѣда.

Марта (все еще калѣка)».

— Нашедшій записку, очевидно, не понялъ значенія скобокъ, послѣ подписи... Это, въ самомъ дѣлѣ, комичное qui pro quo. Слава Богу, что столь блистательная улика не сгорѣла, теперь невинность моя на лицо. Или ты и до сихъ поръ все еще продолжаешь сомнѣваться?

— Нисколько, съ самой той минутки, когда ты заглянулъ

Digitized by Google

мнѣ прямо въ глаза, всѣ сомнѣнія мои разсѣялись. Знаешь ли, Фридрихъ, я чувствовала бы себя страшно несчастной, но тебя все таки бы простила. Лори кокетка, очень хорошенькая. . Скажи, она не дѣлала тебѣ авансовъ? Ты качаешь головой... Впрочемъ, что же я спрашиваю: въ такомъ дѣлѣ ты не только былъ бы въ правѣ, но почти обязанъ солгать даже мнѣ, такъ какъ мужчина не долженъ выдавать женщины, принялъ ли онъ ея благосклонность или отвергъ ее.

— Такъ что ты простила бы мнѣ увлеченіе?.. Развѣ ты не ревнива?

— Конечно, ревнива и ревнива до безумія... измучилась бы всѣмъ сердцемъ... Представить тебя мысленно у ногъ другой женщины, съ устъ другой пьющаго наслажденіе .. ко мнѣ охладѣвшимъ съ потухшимъ желаніемъ... это ужасно! Во всякомъ случаѣ, полнаго охлажденія любви твоей ко мнѣ я не боюсь, ни при какихъ обстоятельствахъ сердце твое уже не измѣнитъ мнѣ, въ этомъ я твердо увѣрена—души наши слишкомъ тѣсно сроднились одна съ другой, но...

— Понимаю. Однако, у тебя нѣтъ ни малѣйшаго основанія полагать, что я отношусь къ тебѣ, какъ какой нибудь супругъ, справившій серебряную свадьбу. Мы слишкомъ еще молодыми женились для того, и пока пылъ страсти еще горитъ во мнѣ (правда, мнѣ скоро уже сорокъ лѣтъ), весь жаръ его принадлежитъ всецѣло тебѣ. Для меня ты единственная женщина въ мірѣ. И если-бъ даже дѣйствительно какое-нибудь искушеніе еще разъ подкралось ко мнѣ, я твердо рѣшился уклониться отъ него. Счастье, дающееся сознаніемъ, что ты не преступилъ клятвы вѣрности, гордое спокойствіе совѣсти, съ которымъ ты всегда можешь сказать себѣ, что тѣсный союзъ любви не оскверненъ тобою ни въ какомъ отношеніи, всѣмъ этимъ я слишкомъ дорожу, чтобы подобное благо принести въ жертву какой-нибудь минутной вспышкѣ страсти. Помимо того, ты сдѣлала изъ меня такого безусловно счастливаго человѣка, дорогая Марта, что для всего того, что называется угаромъ любви, восторгомъ, удовольствіемъ, я на столько же неуязвимъ, на сколько обладатель золотыхъ слитковъ равнодушенъ къ пріобрѣтенію нѣсколькихъ мѣдныхъ монетъ.

Какую отраду вливали мнѣ въ душу слова его! Я была положительно благодарна анонимному корреспонденту за то, что онъ доставилъ мнѣ столь сладкія минуты. Весь разговоръ нашъ до слова, конечно, былъ внесенъ мною въ красныя тетрадки. Запись

Digitized by Google

эту хоть сейчасъ могу я перечесть подъ числомъ 1 апрѣля 1865 года. Ахъ, какъ давно, давно это было!

Фридрихъ, напротивъ того, страшно разсердился на клеветника и тутъ же поклялся вывести на свѣжую воду, чье это дѣльце, съ цѣлью хорошенько проучить виновнаго.

Въ тотъ же самый день узнала я о цѣли и происхожденіи загадочнаго посланія. Но авторъ послѣдняго врядъ ли предвидѣлъ результатъ своей выдумки, т. е. что она приведетъ насъ обоихъ, меня и Фридриха, еще къ болѣе тѣсному взаимному сближенію.

Послѣ полудня я отправилась къ пріятельницѣ моей Лори, съ цѣлью показать ей письмо и предупредить, что у нея есть врагъ, который напрасно на нее клевещетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я думала посмѣяться съ нею по поводу того недоразумѣнія, какое вызвала мною самою продиктованная записка.

Но Лори хохотала болѣе нежели я того ожидала.

— Значитъ, письмо напугало таки тебя?

— Да, я смертельно перепугалась. И тѣмъ не менѣе чуть-чуть не сожгла вложенной записки, не прочтя ея.

— Ну, тогда бы вся шутка не удалась.

— Какая шутка?

— Да ты бы, пожалуй, тогда и въ самомъ дѣлѣ повѣрила, что я тебя обманываю. Кстати, покаюсь уже тебѣ, что въ единую изъ шальныхъ минутъ, это было послѣ обѣда у твоего отца, когда я сидѣла рядомъ съ Тиллингомъ и выпила слишкомъ много шампанскаго, я дѣйствительно вздумала преподнести ему сердце мое, такъ сказать, на подносѣ...

— И что-же онъ?

— Но онъ вò-время остановилъ меня, заявивъ, что любитъ тебя больше всего на свѣтѣ и твердо намѣренъ оставаться вѣрнымъ тебѣ до гроба. И вотъ, чтобы научить тебя, какъ слѣдуетъ, цѣнить такого феноменальнаго супруга, и была продѣлана вся эта комедія.

— Да о какой комедіи не перестаешь ты твердить мнѣ?

— Но вѣдь ты же знаешь теперь: разъ письмо со вложеніемъ послано мною...

— Тобою... Я ничего не знаю.

— Развѣ ты не перевернула вложенной записки. Смотри сюда: вѣдь на обратной сторонѣ стоитъ мое имя и число «первое апрѣля».

* * *

Digitized by Google

Еще болѣе сблизились, еще тѣснѣе! Я испытала сама на себѣ, что способность сближенія любящихъ сердецъ безгранична, въ родѣ свойства дѣлимости тѣлъ. Иная частичка кажется такой уже маленькой, что меньше того и представить ее себѣ нельзя, а между тѣмъ, она дѣлится еще на двѣ половины. Такъ же точно кажется иной разъ, что два сердца настолько слились одно съ другимъ, что болѣе близкое единеніе между ними уже и немыслимо, а между тѣмъ это не такъ: какой-нибудь толчокъ извнѣ,— и еще тѣснѣй и ближе, еще сплоченнѣе обвиваютъ одинъ другого и взаимно проникаютъ другъ въ друга сердечные атомы. Такъ именно подѣйствовала на насъ довольно неумѣстная шутка Лори на «первое апрѣля» и въ томъ же смыслѣ повліяло еще одно обстоятельство, имѣвшее мѣсто вскорѣ послѣ того. Я заболѣла сильнѣйшей нервной горячкой, уложившей меня въ постель на цѣлыхъ шесть недѣль. Тяжелое событіе это, однако, оставило по себѣ массу счастливыхъ воспоминаній для меня и еще сильнѣе повліяло на вышеупомянутый процессъ прогрессивнаго сліянія двухъ столь сродныхъ сердецъ. Былъ-ли то страхъ потерять меня, усугубившій любовь мужа ко мнѣ, или же любовь его стала мнѣ виднѣе, когда онъ обратился въ мою сидѣлку, но, словомъ, во время моей нервной горячки и по выздоровленіи я чувствовала, что любима еще сильнѣе, еще надежнѣе прежняго.

Конечно, я очень боялась умереть. Во первыхъ, потому, что мнѣ было бы ужасно жалко уйти изъ жизни, въ которой, казалось, было такъ много всего хорошаго и счастливаго, и разстаться съ дорогими мнѣ существами: Фридрихомъ, съ которымъ мнѣ хотѣлось такъ вмѣстѣ и состариться, и Рудольфомъ, котораго я мечтала видѣть взрослымъ мужчиной. Во вторыхъ, мысль о смерти представлялась мнѣ ужасной, не изъ эгоистическаго чувства, а ради самого Фридриха, потому что я знала, какъ только можетъ вообще человѣкъ знать что-бы то ни было, что похоронить меня было бы для мужа такимъ горемъ, которое онъ врядъ-ли перенесъ бы... Нѣтъ, нѣтъ: люди счастливые и любимые дорогими имъ существами не могутъ «не бояться» смерти и не цѣнить жизни. Лежа на постели, когда злой недугъ держалъ меня въ смертоносной своей власти, я съ поразительной ясностью представляла себѣ положеніе и чувства солдатъ на полѣ сраженія, подъ градомъ пуль, солдатъ, которые сами любятъ жизнь, и кромѣ того, знаютъ, что смерть ихъ повергнетъ дорогихъ имъ людей въ полное отчаяніе.

— У солдата есть одно только преимущество передъ горя-

Digitized by Google

чечнымъ больнымъ, сознаніе исполненнаго долга, — замѣтилъ мужъ, когда я высказала ему мою мысль.—Но въ этомъ я съ тобою согласенъ: хладнокровно умирать, умирать «съ радостью»— что намъ постоянно предписываютъ, этого не въ состояніи сдѣлать ни одинъ счастливый человѣкъ. Такъ могли умирать лишь воины прежняго времени, подвергавшіеся всевозможнымъ лишеніямъ, и которымъ въ случаѣ нарушенія мирнаго времени, терять было нечего, или же тѣ, кто только цѣною своей жизни могъ избавить себя и своихъ братьевъ отъ позора или невыносимаго ига.

Какъ-же я наслаждалась за то своимъ выздоровленіемъ, своимъ возрожденіемъ, по миновании опасности! То былъ праздникъ для насъ обоихъ, нѣсколько напоминавшій наше счастье, когда мы свидѣлись послѣ шлезвигъ-голштейнской войны, хотя всетаки въ иномъ родѣ. Тамъ радость налетѣла внезапно, а здѣсь она овладѣвала нами постепенно, да и къ тому же съ тѣхъ поръ мы стали еще ближе другъ съ другомъ, и близость эта не переставала прогрессировать.

Отецъ ежедневно навѣщалъ меня во время моей болѣзни и очень тревожился обо мнѣ, и тѣмъ не менѣе я знала, что онъ не особенно принялъ бы къ сердцу мою смерть. Обѣихъ младшихъ дочерей своихъ онъ любилъ гораздо болѣе, нежели меня, но дороже всѣхъ для него былъ Отто. Я же послѣ своихъ двухъ браковъ, особенно послѣ второго, была уже отрѣзанный ломоть отъ семьи, кромѣ того нѣкоторое отчужденіе между нимъ и мною порождалъ, быть можетъ, также мой совершенно противуположный взглядъ на вещи. Когда я совсѣмъ оправилась отъ болѣзни, это было въ серединѣ іюня, отецъ перебрался въ Грумитцъ и настоятельно звалъ меня пріѣхать туда же. Но въ виду того, что Фридрихъ, по дѣламъ службы, не могъ уѣхать изъ города,—я предпочла поселиться на лѣто гдѣ нибудь въ ближайшихъ окрестностяхъ Вѣны, куда мужъ могъ-бы ежедневно пріѣзжать ко мнѣ, и потому наняла дачу въ Гитцингѣ.

Сестры мои, по обыкновенію, подъ надзоромъ тети Мари, отправились въ Маріенбадъ. Въ послѣднемъ письмѣ изъ Праги Лилли писала мнѣ, между прочимъ:

«Должна тебѣ сознаться, что кузенъ Конрадъ начинаетъ мнѣ нравиться. Не разъ во время котильоновъ бывала я въ такомъ настроеніи, что задай онъ мнѣ извѣстный вопросъ я не задумалась бы дать ему слово.

Но онъ не съумѣлъ воспользоваться благопріятнымъ момен-

Digitized by Google

томъ для рѣшительнаго шага. Правда, когда мы собирались уже уѣзжать, онъ еще разъ возобновилъ свое предложеніе, но тутъ на меня опять напала охота подать ему карету. Относительно бѣдняги Конрада у меня просто вошло въ привычку: едва успѣетъ онъ вымолвить знакомую фразу «согласишься-ли же ты быть моей женой, Лилли?»,—съ языка моего невольно слѣтаетъ! «и не воображаю». Впрочемъ, на этотъ разъ я прибавила еще нѣсколько словъ: «освѣдомься о томъ еще разъ чрезъ полгода». Я намѣрена именно лѣтомъ подвергнуть испытанію мое сердце. Если я стану скучать въ отсутствіи Конрада, если мысль о немъ, которая теперь довольно упорно преслѣдуетъ меня и воснѣ и на яву—не вылетитъ у меня изъ головы даже и въ Маріенбадѣ, однимъ словомъ, если ни на водахъ, ни во время слѣдующаго за водами охотничьяго сезона никто изъ мужчинъ не заинтересуетъ меня,—въ такомъ случаѣ постоянство упрямаго кузена возьметъ верхъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ тетя Мари писала мнѣ слѣдующее (это единственное ея письмо, случайно сохранившееся у меня):

«Милое дитя мое! Ну и утомили же меня наши зимніе выѣзды! Не мало буду я довольна, когда Розѣ и Лилли найдутся подходящія партіи. Жениховъ-то у нихъ, положимъ было довольно,—вѣдь ты же знаешь, что въ теченіе карнавала каждая изъ нихъ наклеила носъ, по крайней мѣрѣ, троимъ, не считая уже неунывающаго Конрада. Теперь снова начнется это же мученье въ Маріенбадѣ. Ничего въ жизни такъ бы не желала, какъ быть въ настоящее время въ Грумитцѣ или у тебя, и вмѣсто того принуждена продолжать разыгрывать тягостную и неблагодарную роль дуэньи двухъ молоденькихъ дѣвушекъ, у которыхъ на умѣ одни выѣзды и удовольствія.

Ужасно довольна была, услышавъ о твоемъ окончательномъ выздоровленіи. Теперь, когда ты уже внѣ опасности, могу сказать тебѣ, что мы страшно боялись за тебя—одно время мужъ твой писалъ намъ такія отчаянныя письма: онъ каждую минуту дрожалъ за твою жизнь. Но, слава Богу, тебѣ не было этого суждено. Заказанныя мною 9 обѣденъ въ монастырѣ Урсулинокъ, быть можетъ, также способствовали твоему выздоровленію. Милосердый Господь сохранитъ тебя для твоего Руди. Поклонись отъ меня милому малюткѣ, да скажи, чтобъ онъ продолжалъ все также хорошо учиться. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ посылаю ему нѣсколько книгъ: «Благочестивое дитя и его Ангелъ-Хранитель» — прелестная исторія и «Отечественные ге-

Digitized by Google

рои» — собраніе военныхъ разсказовъ для мальчиковъ. Чѣмъ раньше разовьешь въ мальчикѣ военный духъ, тѣмъ лучше. Твоему брату Отто, напр. не было еще пяти лѣтъ, а я уже разсказывала ему про Александра Великаго, про Цезаря и другихъ знаменитыхъ завоевателей, зато онъ теперь только и бредитъ геройскими подвигами,—пріятно послушать!

Мнѣ передавали, что вмѣсто пріѣзда въ Грумитцъ, ты намѣрена провести лѣто гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Вѣны. Въ этомъ случаѣ ты совсѣмъ неправа. Грумитцскій воздухъ былъ бы тебѣ гораздо полезнѣе, нежели пыльная атмосфера въ Гитципгѣ, да и бѣдный папа будетъ скучать въ такомъ полномъ одиночествѣ. Вѣроятно, ты не хочешь ѣхать туда изъ-за мужа. Но мнѣ кажется, что обязанностями дочери пренебрегать также не слѣдуетъ. Тиллингъ вѣдь также время отъ времени могъ бы пріѣзжать къ вамъ въ Грумитцъ. Быть постоянно какъ бы пришитыми другъ къ другу для супруговъ совсѣмъ не хорошо, — повѣрь моему жизненному опыту. Я замѣтила, что наиболѣе счастливыми супружествами являются тѣ, гдѣ мужъ и жена не висять вѣчно другъ у друга на шеѣ, а напротивъ того, предоставляютъ одинъ другому извѣстную свободу. До свиданья, однако. Береги свое здоровье, чтобы не было рецидива болѣзни и поразмысли еще разъ хорошенько насчетъ Гитцинга. Да хранитъ небо тебя и твоего Руди!—такова искренняя молитва твоей, любящей тебя

Тети Мари.

PS. У твоего мужа есть вѣдь родственники въ Пруссіи (къ счастью онъ не такъ заносчивъ, какъ его соотечественники), спросила-бы ты его, что тамъ вообще толкуютъ теперь о положеніи политическихъ дѣлъ, которое является весьма сомнительнымъ».

* * *

Только благодаря этому письму тети Мари вспомнила я о существованіи какого-то «политическаго положенія», о которомъ все это время совсѣмъ какъ-то не помышляла. До и послѣ моей болѣзни я, по обыкновенію, много читала, какъ газетъ, такъ и еженедѣльныхъ журналовъ и книгъ, но передовыя статьи въ газетахъ пропускались мною безъ вниманія. Съ той поры, какъ для меня пересталъ существовать трепетный вопросъ: «объявятъ войну или нѣтъ?» болтовня о внѣшней и внутренней политикѣ потеряла для меня свой интересъ. И только вслѣдствіе приписки въ вышеприведенномъ письмѣ мнѣ

Digitized by Google

вздумалось наверстать пропущенное, и разузнать о настоящемъ положеніи дѣлъ.

— Что же хочетъ сказать тетя Мари своимъ выраженіемъ «сомнительное положеніе», объясни, пожалуйста, мой менѣе заносчивый изъ пруссаковъ?—спросила я какъ-то мужа, передавая ему для прочтенія самое письмо. — Развѣ въ настоящее время существуетъ вообще какое-нибудь политическое положеніе?

— Къ сожалѣнію, оно, какъ погода, какое ни на есть, а всегда имѣется, и столь же перемѣнчивое и обманчивое, какъ та же самая погода...

— Такъ разскажи же мнѣ... Что же все еще продолжаются толки о герцогствахъ по р. Эльбѣ? Развѣ дѣла тамъ еще не улажены?

— Теперь толкуютъ о нихъ больше, чѣмъ когда-либо. Дѣла тамъ нисколько не улажены. Шлезвигъ-гольштейнцы въ настоящее время очень бы желали снова совершенно отдѣлаться отъ пруссаковъ,—отъ «гордецовъ»—такова наша самоновѣйшая ходячая кличка.—«Ужь лучше принадлежать Даніи, нежели Пруссіи», твердятъ они лозунгъ, данный имъ центральными государствами. И знаешь-ли, какъ теперь передѣлана эта избитая пѣсня.

Соплеменные Шлезвигъ и Голштейнъ
Вытѣсняютъ пруссаковъ изъ своей страны.

— А что же сталось съ Аугустенбургомъ? Они же добились его наконецъ? О, не говори мнѣ, Фридрихъ, что его нѣтъ у нихъ... Вѣдь изъ-за этого единственнаго законнаго наслѣдника престола, котораго бѣдныя герцогства, угнетенныя датчанами, столь упорно домогались поставить своимъ правителемъ, и возгорѣлась вся война, которая могла погубить меня, тебя—«тебя»! Оставь-же мнѣ, по крайней мѣрѣ то утѣшеніе, что этотъ Аугустенбургъ утвержденъ, наконецъ, въ своихъ правахъ и царствуетъ надъ нераздѣльными герцогствами. Настаиваю на выраженіи «нераздѣльныя», ибо это ихъ старинное историческое право, обезпеченное за Шлезвигомъ и Голштейномъ еще много вѣковъ тому назадъ, и основательность котораго я изслѣдовала съ большой тщательностью.

— Ну, твоимъ историческимъ притязаніямъ на права плохо приходится, бѣдная моя Марта, — пошутилъ Фридрихъ.—Объ Аугустенбургѣ,—помимо собственныхъ его протестовъ и манифестовъ,—нѣтъ уже и помину!

Digitized by Google

Съ тѣхъ поръ я снова стала слѣдить за политическими осложненіями и узнала слѣдующее: Несмотря на подписанный при заключеніи Вѣнскаго мира протоколъ, ничего собственно не было еще утверждено и признано. Шлезвигъ-голштейнскій вопросъ съ того времени успѣлъ перейти всевозможныя стадіи и въ настоящій моментъ «колебался» больше, чѣмъ когда-либо. Аугустенбургъ и Ольденбургъ, вслѣдъ за уступкой со стороны Глюксбурга, поспѣшили предъявить свои права на сеймѣ. Провинція Лауенбургъ рѣшительно настаивала на присоединеніи ея къ прусскому королевству. Никто не могъ сказать, какъ же наконецъ распорядятся союзники съ завоеванными провинціями? Каждая изъ обѣихъ державъ подозрѣвала другую въ корыстныхъ поползновеніяхъ.

«Чего только добивается эта Пруссія?» Этотъ зловѣщій вопросъ постоянно повторялся теперь Австріей, центральными государствами и герцогствами. Наполеонъ III совѣтовалъ Пруссіи присоединить къ себѣ герцогства до сѣвернаго Шлезвига включительно, гдѣ былъ въ употребленіи датскій языкъ. Но Пруссія еще не думала о томъ. Наконецъ, 22-го февраля 1865 года претензіи свои она формулировала такъ: Прусскія войска остаются въ завоеванныхъ земляхъ; послѣднія, за исключеніемъ нѣкотораго союзнаго контингента, обязаны предоставлять въ распоряженіе Пруссіи всѣ свои военныя силы на сушѣ и на морѣ. Кильская гавань будетъ занята пруссаками. Почта и телеграфъ переходятъ въ руки пруссаковъ, и герцогства должны примкнуть къ таможенному союзу. Но этими претензіями, — не знаю, уже почему,—остался недоволенъ нашъ министръ Менсдорфъ-Понилли. А еще болѣе этого главнаго рычага въ устройствѣ дѣлъ «внѣшней политики», вознегодовали на пруссаковъ, уже окончательно не вѣдаю почему, вѣроятно изъ зависти, центральныя государства, которыя настойчиво стали требовать, чтобы безотлагательно, немедленно возвели Аугустенбурга на герцогскій престолъ. Но тутъ вмѣшалась Австрія и объявила—вполнѣ игнорируя Аугустенбурга,—что на занятіе кильской гавани она-де охотно соглашается, но противъ новыхъ рекрутскихъ наборовъ, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ, протестуетъ.

Такимъ образомъ, пререканія продолжались и продолжались. Пруссія заявила, что требованія ея дѣлаются исключительно въ интересахъ Германіи, что на присоединеніи къ ней герцогствъ она совсѣмъ не настаиваетъ. При условіи выполненія этихъ

Digitized by Google

требованій, Аугустенбургъ могъ-де бы хоть сейчасъ вступить на Шлезвигъ-Голштейнскій престолъ. Если же эти необходимыя и справедливыя претензіи останутся безъ удовлетворенія, въ такомъ случаѣ,—грозно возвышеннымъ голосомъ продолжала Пруссія,—въ такомъ случаѣ, пожалуй, она будетъ вынуждена увеличить свои притязанія. Въ отвѣтъ на такія угрозы немедленно поднялся хоръ другихъ язвительныхъ, злобныхъ науськивающихъ голосовъ. Въ среднихъ государствахъ и въ Австріи общественное мнѣніе стало все сильнѣе и сильнѣе обостряться противъ Пруссіи, т. е. собственно противъ Бисмарка. 27-го іюня среднія государства рѣшились наконецъ потребовать отъ великихъ державъ разъясненій, но (давать разъясненія не въ обычаѣ дипломатіи, тамъ все дожно быть шито да крыто) великія державы вели переговоры лишь между собою. Король Вильгельмъ отправился въ Гаштейнъ, императоръ Францъ-Іосифъ—въ Ишль. Графу Бломе пришлось перелетать отъ одного къ другому, причемъ по нѣкоторымъ пунктамъ произошли соглашенія: оккупація должна быть на половину прусской, на половину австрійской. Лауенбургъ, согласно собственному его желанію, присоединенъ къ Пруссіи. За эту уступку Австріи назначено два съ половиной милліона талеровъ вознагражденія. Послѣднее обстоятельство отнюдь не было въ состояніи возбудить во мнѣ чувство патріотическаго восторга. Какую пользу могла принести тридцатишестимилліонному населенію Австріи такая ничтожная сумма, будь она даже роздана всѣмъ австрійцамъ на руки, чего на самомъ дѣлѣ никогда не бываетъ. Могла-ли она возмѣстить сотни тысячъ, потерянныя, напримѣръ, «мною» при крахѣ банка Шмидта и Сына, вслѣдствіе войны? А о тѣхъ, кто понесъ болѣе чувствительныя потери, въ лицѣ своихъ оплакиваемыхъ близкихъ, и говорить нечего... Но что меня собственно радовало, такъ это договоръ въ Гаштейнѣ. «Договоръ», — это слово звучитъ такъ миролюбиво. Лишь впослѣдствіи на опытѣ узнала я, что международные договоры очень часто для того и существуютъ, чтобы, воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, нарушать ихъ и такимъ образомъ вызвать то, что называется «casus belli». Тогда стоитъ одному государству обвинить другое въ «нарушеніи договора» и подъ видомъ лицемѣрной защиты документально признанныхъ правъ мечи немедленно выхватываются изъ ноженъ. Тѣмъ не менѣе Гаштейнскій договоръ принесъ мнѣ нѣкоторое успокоеніе. Раздоръ казалось, улегся. Генералъ Габленцъ—красавецъ Габленцъ, по которомъ всѣ мы, женщины, вздыхали тайкомъ—былъ назна-

Digitized by Google

ченъ намѣстникомъ въ Голштейнъ, а Мантейфель—въ Шлезвигъ. Но отъ своего излюбленнаго удостовѣренія, полученнаго въ 1460 году и гласившаго, что обѣ страны на вѣчныя времена останутся-де «нераздѣльными», теперь мнѣ пришлось таки окончательно отказаться. Что же касается моего Аугустенбурга, права котораго я такъ старательно защищала,—съ нимъ приключилось слѣдующее. Когда принцъ однажды явился въ страну и позволилъ себѣ принять радостныя манифестаціи своихъ вѣрноподданныхъ, то Мантейфель объявилъ ему, что если онъ еще разъ осмѣлится явиться туда безъ разрѣшенія, въ такомъ случаѣ онъ, Мантейфель, обязанъ будетъ безапеляціонно приказать арестовать его, принца. Кто не увидитъ въ «этомъ» остроумной шутки музы Кліо, тотъ ровно ничего не смыслитъ въ «Fliegenhe Blätter» самой исторіи.

* * *

Несмотря на Гаштейнскій договоръ, внѣшнія дѣла никакъ не могли придти въ порядокъ. Напуганная письмомъ тети Мари и послѣдовавшими затѣмъ разъясненіями, я снова принялась регулярно читать политическія передовыя статьи и повсюду разузнавала о господствовавшихъ мнѣніяхъ. Такимъ образомъ я снова послѣдовательно могла слѣдить за всѣми фазами неупимавшагося спора. Что онъ можетъ привести къ войнѣ, этого я не боялась. Подобные процессуальные вопросы слѣдовало бы разрѣшать путемъ судопроизводства, взвѣшивая законность предъявленныхъ претензій и правъ, и уже на основаніи полученныхъ выводовъ, постановлять рѣшеніе. Всѣ эти совѣщательныя собранія министровъ и сейма, эти переговоры между государственными людьми и дружественныя сношенія монарховъ, конечно, уладятъ недоразумѣнія по этимъ спорнымъ, въ сущности столь маловажнымъ, вопросамъ,—такъ полагала я,—и скорѣе съ любопытствомъ, нежели съ тревогой слѣдила за ходомъ дѣла, различныя стадіи котораго я нахожу занесенными въ красныхъ тетрадкахъ:

1-е октября 1865 года. На франкфуртскомъ собраніи делегатовъ приняты слѣдующія постановленія: 1) самостоятельность шлезвигъ-голштейнскаго населенія остается въ прежней силѣ. Гаштейнскій договоръ отвергается націей, какъ правонарушеніе; 2) всѣ народные представители должны отказывать въ уплатѣ податей и отбываніи повинностей государствамъ, которыя придерживаются практиковавшейся до сихъ поръ политики насилія.

Digitized by Google

15-го октября. Прусскій королевскій синдикъ отвергаетъ права наслѣдства принца Аугустенбурга, якобы на основаніи того, что отецъ послѣдняго за себя и за своихъ потомковъ отказался отъ всякихъ правъ на престолонаслѣдіе, за вознагражденіе въ полтора милліона талеровъ. Послѣ вѣнскаго мира герцогства отошли къ Германіи, слѣдовательно, Аугустенбургу рѣшительно нечего теперь домогаться.

«Наглость, дерзость»—такъ аттестовались рѣчи, которыя велись въ Берлинѣ, и «прусская заносчивость» вошла въ поговорку. «Ея надо остерегаться»,—слова эти были возведены въ догматъ. «Король Вильгельмъ, повидимому, желалъ изобразить изъ себя нѣмецкаго Виктора-Эммануила». Австрія питаетъ тайное намѣреніе отвоевать обратно Силезію. «Пруссія заигрываетъ съ Франціей»... et patati et patatà, какъ говорятъ французы... По нѣмецки это называется tritschtratch и практиковалось между кабинетами великихъ державъ съ неменьшимъ усердіемъ, нежели практикуется провинціальными кофейными кумушками.

Съ наступленіемъ зимы вся наша семья снова съѣхалась въ Вѣну. Роза и Лилли очень веселились на богемскихъ водахъ, но ни одна не была еще помолвлена. Акціи Конрада стояли очень высоко. Въ теченіе охотничьяго сезона онъ пріѣзжалъ въ Грумитцъ, и хотя при этомъ свиданіи молодыхъ людей рѣшительнаго слова всетаки не было еще произнесено, однако, на сей разъ и онъ и Лилли внутренно убѣдились, что въ концѣ-концовъ изъ нихъ составится чета.

Несмотря на настоятельные уговоры отца, и на эти осеннія охоты, я такъ и не собралась въ Грумитцъ. Фридрихъ не получилъ отпуска, а разставаться съ нимъ было для меня такимъ мученіемъ, подвергаться которому, безъ крайней необходимости, мнѣ вовсе не хотѣлось. Второй причиной, удерживавшей меня отъ продолжительныхъ визитовъ къ отцу, было нежеланіе подвергать маленькаго моего Рудольфа вліянію дѣдушки, который употреблялъ всѣ старанія развивать въ мальчикѣ склонность къ военной службѣ. Стремленіе къ этому поприщу, къ которому я отнюдь не намѣревалась предназначать моего сына, и безъ того сказывалось уже въ ребенкѣ. Вѣроятно, это было у него въ крови. Потомокъ нѣсколькихъ поколѣній военныхъ естественно долженъ родиться съ военными наклонностями. Изъ сочиненій по естественнымъ наукамъ, штудированіемъ которыхъ мы занимались теперь усерднѣе, чѣмъ когда-либо, я узнала о силѣ наслѣдственности, о существованіи такъ называемыхъ «прирож-

Digitized by Google

денныхъ наклонностей», представляющихъ собою не что иное, какъ влеченіе слѣдовать привычкамъ, усвоеннымъ предками.

Къ рожденію мальчика дѣдушка и въ этомъ году опять таки привезъ ему саблю.

— Вѣдь ты же знаешь, папа, что Рудольфъ, во всякомъ случаѣ, никогда не будетъ солдатомъ,—съ досадой замѣтила я,— я хочу наконецъ серьезно попросить тебя...

— Такъ ты хочешь изъ него сдѣлать маменькинаго сынка? Надѣюсь, тебѣ это не удастся. Настоящая солдатская кровь всегда скажется... Когда мальчуганъ выростетъ, онъ самъ изберетъ себѣ дорогу; а лучше той, отъ которой ты хочешь удалить его, нигдѣ не найдешь.

— Марта боится единственнаго сына своего подвергать опасности,—замѣтила тетя Мари, присутствовавшая при нашемъ разговорѣ.—Но она забываетъ одно, что разъ кому назначено умереть, такъ смерть настигнетъ его также легко на мирной постели, какъ и на войнѣ.

— Слѣдовательно, по вашему выходитъ, что если на войнѣ погибло сто тысячъ человѣкъ, такъ эти люди неминуемо погибли бы въ тотъ же періодъ и въ мирное время?

Но у тети Мари на все находился готовый отвѣтъ.

— Значитъ, этой именно сотнѣ тысячъ человѣкъ, какъ разъ въ то время, было предназначено умереть на войнѣ.

— Ахъ, если бы люди были столь разсудительны, чтобы совсѣмъ больше не затѣвать войнъ?—вставила я.

— Ну, это невозможно!—воскликнулъ отецъ, и разговоръ снова превратился въ споръ, который мы съ нимъ вели такъ часто и всегда въ одномъ и томъ же духѣ. Съ одной стороны приводились все одни и тѣ же доводы и основанія, съ другой— неизмѣнно повторялись свои. Ни къ чему такъ не примѣнима басня о гидрѣ, какъ къ чудовищу, называемому «укоренившимся мнѣніемъ». Едва успѣешь отрубить ему одну аргументную голову и собираешься покончить со второй, какъ первая отростаетъ съизнова.

У моего отца также было нѣсколько такихъ излюбленныхъ доводовъ въ пользу войны, оказавшихся неопровержимыми:

1) Войны установлены самимъ Господомъ Богомъ воинствъ, какъ сказано въ Священномъ Писаніи.

2) Войны всегда существовали, значитъ, и впредь будутъ существовать.

Digitized by Google

3) Безъ этого случайнаго истребленія человѣчество размножилось бы до чрезмѣрности.

4) Продолжительный миръ разслабляетъ, изнѣживаетъ людей, и, подобно тому, какъ стоячая вода порождаетъ гніеніе, точно такъ и миръ въ результатѣ даетъ растлѣніе нравовъ.

5) Война есть лучшее средство для развитія въ людяхъ самопожертвованія, героизма, короче сказать, для закаленія характера.

6) Люди вѣчно будутъ спорить, полное соглашеніе во всѣхъ отношеніяхъ немыслимо, — различные интересы непремѣнно будутъ сталкиваться между собою: слѣдовательно, вѣчный миръ— нелѣпость.

Ни одна изъ этихъ посылокъ, точнѣе, ни одно изъ выводимыхъ изъ нихъ заключеній не выдерживаетъ строгой критики, если взяться за нихъ основательно. Но каждое для защитника войны служитъ какъ бы укрѣпленіемъ, за которое онъ скрывается, въ случаѣ неустойчивости остальныхъ его аргументовъ. Пока-же совершается разрушеніе новаго укрѣпленія, старое успѣваетъ снова возстановиться.

Напримѣръ, когда поборникъ войны, прижатый къ стѣнѣ, не въ силахъ уже болѣе отстаивать положеніе подъ № 4 и вынужденъ согласиться, что мирное положеніе ближе подходитъ къ достоинству человѣка, болѣе способствуетъ культурному развитію людей и нравственному ихъ благосостоянію, нежели война,—въ такомъ случаѣ онъ замѣчаетъ:

— Такъ-то такъ, само собою, война есть зло но зло неизбѣжное, на основаніи №№ 1 и 2.

Если-же вы докажете, что ее можно было избѣгнуть путемъ государственныхъ союзовъ, третейскихъ судовъ и т. п., вамъ отвѣчаютъ:

— Хорошо-съ, конечно, это было-бы возможно, но этого не «слѣдуетъ» дѣлать, ибо (и приводится № 5).

Опровергнувъ и это возраженіе, сторонникъ мира доказываетъ, что, напротивъ того, война способствуетъ огрубѣнію нравовъ людскихъ и утратѣ гуманности..,

— Да, да, это справедливо, но... № 3.

Между тѣмъ именно 3-й аргументъ, приводимый панегиристами, представляетъ собою самую лицемѣрную натяжку и скорѣе говоритъ въ пользу ненавистниковъ войны, желающихъ подыскать для этого ужаснаго явленія, по крайней мѣрѣ, какое нибудь «основаніе», какое нибудь, такъ сказать, извинительное

Digitized by Google

обстоятельство, лежащее въ самой природѣ вещей. Но истинные сторонники войны, стоящіе за ея бытіе, конечно, поступаютъ такъ, отнюдь не имѣя въ виду благоденствія отдаленныхъ поколѣній. Но вѣдь ради избавленія потомства отъ разныхъ бѣдствій и нужды in spe насильственнаго истребленія современнаго человѣчества посредствомъ убійства, искусственно вызванныхъ повальныхъ болѣзней и обѣднѣнія — никто же не станетъ устраивать. Если бы и потребовалось человѣческое вмѣшательство, чтобы, во имя всеобщаго блага, положить предѣлъ чрезмѣрному приросту населенія, то для этого нашлись бы болѣе прямыя средства, нежели веденіе войны. Такимъ образомъ, аргументъ этотъ является лишь уверткой, которая, тѣмъ не менѣе, въ большинствѣ случаевъ примѣняется съ успѣхомъ, такъ какъ способна просто озадачить противника. Доводъ этотъ отзывается такой научностью и высокимъ человѣколюбіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, надо же намъ позаботиться о томъ, чтобы милымъ нашимъ потомкамъ, имѣющимъ явиться нѣсколько тысячъ лѣтъ спустя, представить достаточное количество локтей земли! Доводъ подъ № 3 приводитъ въ смущеніе многихъ защитниковъ мира. Свѣдущихъ людей въ подобныхъ естественно-научныхъ и соціально экономическихъ вопросахъ весьма немного. Лишь меньшинству извѣстно, что равновѣсіе между смертностью и рождаемостью возстанавливается само собой; что природа въ среду животнаго существованія вноситъ не сокрушительныя опасности, съ цѣлью предупрежденія чрезмѣрнаго распространенія животнаго царства, а какъ разъ наоборотъ: она усиливаетъ рождаемость среди тѣхъ его представителей, которые подвергаются бо̀льшимъ опасностямъ. Такъ, послѣ войны, напр., возрастаетъ число рожденій, и такимъ образомъ убыль снова возстановляется. Тогда какъ въ случаѣ продолжительнаго мира, въ періодъ благоденствія народа число это понижается и излишка населенія—этого призрачнаго чудовища — собственно не бываетъ. Но во всемъ этомъ мы не отдаемъ себѣ яснаго отчета и лишь инстинктивно чувствуемъ, что знаменитый доводъ подъ № 3 не можетъ быть основателенъ и, во всякомъ случаѣ, приводится своими адептами не искренно. «Объ этомъ уже безъ насъ позаботились, чтобы деревья не росли въ небо», да и вѣдь и не этотъ результатъ имѣютъ въ виду «власть имущіе».

— Согласенъ, а № 1.

И такимъ образомъ, спору этому нѣтъ конца. Сторонникъ войны всегда остается правымъ. Разсужденія его вертятся въ

Digitized by Google

такомъ заколдованномъ кругу, что сколько бы вы ни гонялись за нимъ, вы никогда его не уловите. Война есть страшное зло, но она должна быть имъ. Собственно, война не должна существовать, но она величайшее благо. Въ этомъ недостаткѣ послѣдовательности и логической добросовѣстности повинны всѣ, кто по «невысказаннымъ причинамъ», или даже безо всякой причины, просто инстинктивно,—отстаиваетъ какое-нибудь дѣло, и пускаетъ при этомъ въ ходъ всѣ когда-либо слышанныя имъ фразы и общія мѣста, на которыя принято ссылаться въ защиту даннаго вопроса. Что аргументы эти исходятъ изъ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, вслѣдствіе чего они не только не подтверждаютъ, но подчасъ даже взаимно опровергаютъ другъ друга, это нисколько не смущаетъ аргументаторовъ. Такіе люди обыкновенно начинаютъ отстаивать извѣстное дѣло, не потому, что тотъ или другой выводъ возникъ у нихъ путемъ собственнаго ихъ размышленія или личнаго убѣжденія, а какъ разъ наоборотъ съ единственной цѣлью поддержки послѣдняго, безъ всякаго разбора прибѣгаютъ они къ выводамъ, до которыхъ додумались другіе.

Все это, во время пререканій моихъ съ отцомъ на тему войны и мира, не представлялось еще мнѣ вполнѣ яснымъ. Лишь впослѣдствіи сложилась у меня привычка внимательно слѣдить за изворотами ума въ собственной головѣ и въ чужой. Помню одно, что послѣ этихъ споровъ я чувствовала себя всегда утомленной и разслабленной до nec plus ultra. Теперь мнѣ понятно, что утомленіе это происходило отъ «вращенія въ заколдованномъ кругу», къ которому вынуждала меня отцовская манера спорить. Диспуты наши всегда кончались съ его стороны словами: «Ты этого не понимаешь», сопровождаемыми сострадательнымъ пожиманіемъ плечъ! И слова эти,—въ виду военной тэмы разговора,—въ устахъ стараго генерала, возражавшаго молоденькой женщинѣ, звучали, крайне основательными.

* *
*

Новый годъ, 1866. Снова сидѣли мы всей семьей, собравшись вокругъ стола въ домѣ моего отца, за пуншемъ и карнавальными пышками, когда пробилъ первый часъ этого роковаго года. И веселое же было тогда у насъ торжество! Мы праздновали помолвку Конрада съ Лилли. Когда минутная стрѣлка дошла до 12-ти и съ улицы раздалось нѣсколько веселыхъ выстрѣловъ, предпріимчивый кузенъ обнялъ сидѣвшую съ нимъ рядомъ дѣ-

Digitized by Google

вушку,—къ общему нашему удивленію,—чмокнулъ ее прямо въ губы и спросилъ:

— Согласна-ли ты быть моей женой въ 66-мъ году.

— Согласна,—отвѣчала она, ты нравишься мнѣ, Конрадъ.

Что за перезвонъ стакановъ поднялся вслѣдъ за тѣмъ, объятія, рукопожатія, пожеланія счастія и благословенія Божія—безъ конца...

«Да здравствуютъ женихъ съ невѣстой! За здоровье Конрада и Лилли, ура!» «Господь да благословитъ союзъ вашъ, дѣти мои!» «Поздравляю, кузенъ, отъ души!» «Будь счастлива, сестра!» и т. д., и т. п. Радостное, умиленное чувство овладѣло нами всѣми. Быть можетъ, у нѣкоторыхъ шевельнулось также и чувство зависти. Подобно тому какъ смерть являетъ собою событіе печальнѣйшее и сожалѣнія достойнѣйшее, такъ любовь санкціонированная жизнетворнымъ брачнымъ союзомъ, являетъ собою событіе самое радостное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое завидное. Мнѣ, конечно, завидовать было нечего, такъ какъ счастье только еще представлявшееся новой невѣстѣ впереди составляло уже полное неотъемлемое мое достояніе. Скорѣй ко мнѣ подкралось чувство сомнѣнія. Такое полное счастье, которымъ даритъ меня Фридрихъ, едва-ли можетъ быть удѣломъ бѣдной Лилли... Положимъ, Конрадъ милѣйшій человѣкъ... но Фридрихъ «единственный» на всемъ свѣтѣ. Второго Фридриха не сыщешь!

Отецъ прервалъ шумныя поздравленія, постучавъ о стаканъ перстнемъ съ печатью, который онъ всегда носилъ на мизинцѣ, и поднялся, намѣреваясь сказать «слово».

— Мои милые дѣти и друзья,—приблизительно такъ началъ онъ,—66-й годъ начинается прекрасно. Мнѣ съ самаго перваго часа своего уже приноситъ онъ исполненіе самаго завѣтнаго моего желанія, такъ какъ я давненько мѣтилъ уже назвать Конрада своимъ зятемъ. Будемъ надѣяться, что въ этотъ благодатный годъ наша Роза также начнетъ носить чепцы, а васъ, Марта и Тиллингъ—посѣтитъ аистъ... Вамъ докторъ Брессеръ, пусть новый годъ доставитъ побольше паціентовъ, хотя это неособенно вяжется съ массой пожеланій добраго здоровья, которыми принято обмѣниваться въ этотъ день... Тебѣ, милая Мари, желаю въ новомъ году разумѣется, если это такъ заранѣе тебѣ «предопредѣлено», потому что я знаю и уважаю твой фатализмъ,—главный выигрышъ по билету внутренняго займа или полное отпущеніе твоихъ грѣховъ, или вообще, чего ты сама себѣ желаешь... Тебя, мой Отто, да осыплетъ Новый годъ отлич-

Digitized by Google

ными отмѣтками на выпускныхъ экзаменахъ и возможными военными добродѣтелями и познаніями, чтобы современемъ ты сдѣлался украшеніемъ арміи и гордостью престарѣлаго отца своего... Послѣднему надо же вѣдь также пожелать что нибудь пріятное, а такъ какъ болѣе высокаго желанія для него не существуетъ, какъ благоденствіе и слава Австріи, и потому, да принесетъ наступающій годъ нашему отечеству большую прибыль—въ видѣ Ломбардіи или, быть можетъ, Силезіи... Ничего неизвѣстно, что насъ ожидаетъ впереди,—нѣтъ ничего невозможнаго, что эту область, отнятую у великой Маріи-Терезіи, мы обратно отымемъ отъ наглыхъ пруссаковъ...

Помню, что заключеніе застольнаго тоста моего отца внесло какой-то холодъ въ наши сердца. По правдѣ сказать, никто изъ насъ не ощущалъ настоятельной потребности въ обладаніи Ломбардіей и Силезіей. Скрытое же за симъ пожеланіе «войны»—слѣдовательно, новой скорби, новыхъ смертельныхъ терзаній—совсѣмъ не гармонировало съ кроткой радостью, наполнявшей наши души въ этотъ часъ, освященный новымъ союзомъ любви. Я рискнула даже возразить:

— Нѣтъ, папочка, итальянцы и пруссаки также празднуютъ теперь наступленіе новаго года... не будемъ-же желать имъ несчастія. Пусть лучше 66-й годъ и послѣдующіе года сдѣлаютъ всѣхъ людей добрѣе, согласнѣе и счастливѣе!

Отецъ пожалъ плечами.

— Ахъ ты, фантазерка!—произнесъ онъ съ сожалѣніемъ.

— Нисколько,—поддержалъ меня Фридрихъ:—желаніе высказанное Мартой, основывается не на безплодныхъ мечтахъ,—въ осуществимости его порукой является наука. Съ каждымъ днемъ становятся люди добрѣе, единодушнѣе и счастливѣе, такъ идетъ отъ самыхъ первобытныхъ временъ и до сегодня. Но прогрессъ этотъ совершается столь медленно, что въ такой короткій срокъ, какъ одинъ годъ, нельзя ожидать замѣтныхъ успѣховъ.

— Но если вы такъ твердо вѣрите въ постоянный прогрессъ человѣчества, — перебилъ отецъ, — въ такомъ случаѣ, откуда же берутся ваши вѣчныя жалобы на реакцію, на возвращеніе къ варварству...

— А потому,—Фридрихъ вынулъ карандашъ изъ кармана и на листѣ бумаги начертилъ спираль,—потому что ходъ цивилизаціи подобенъ вотъ этой спирали... Развѣ, несмотря на всѣ случайные обратные изгибы, линія эта не двигается безусловно

Digitized by Google

впередъ? Наступающій годъ, конечно, можетъ представить собою одну изъ этихъ извилинъ, въ особенности, если у насъ, какъ сдается, снова возникнетъ война, которая, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи, опять на добрую толику отодвинетъ нашу культуру назадъ.

— Ты говоришь не такъ, какъ слѣдовало-бы солдату,—любезный мой Тиллингъ.

— Я обсуждаю общественный вопросъ, любезный тестюшка, и взглядъ мой на это дѣло можетъ быть правильнымъ или ложнымъ, но буду ли я отправляться съ «солдатской точки зрѣнія» или «гражданской»,—это не имѣетъ значенія. Правда-то вездѣ вѣдь одна... Если вещь окрашена въ красный цвѣтъ, неужели кто-нибудь станетъ нарочно называть ее синей, потому что на немъ надѣтъ синій мундиръ, или черный, если онъ облеченъ въ черную рясу?

— Облеченъ во что?

Отецъ имѣлъ обыкновеніе прикидываться нѣсколько тугимъ на ухо, въ случаѣ не вполнѣ пріятнаго для него разговора. Повторять все сказанное съ начала до конца, въ отвѣтъ на подобные «что»—на это мало у кого хватало терпѣнія. Всякій обыкновенно предпочиталъ лучше прекратить данный споръ.

Въ ту-же ночь, по возвращеніи домой, принялась я допытываться у мужа.

— Что такое сказалъ ты давеча отцу? Тебѣ сдается, что въ этомъ году снова будетъ война? Я не хочу болѣе отпускать тебя ни на какую войну, «не хочу».

— Что тутъ подѣлаетъ это страстное «не хочу», милая моя Марта? Ты же первая сама отступилась бы отъ этихъ словъ, въ виду всесильныхъ обстоятельствъ. Чѣмъ правдоподобнѣе слухи о войнѣ, тѣмъ невозможнѣе для меня подавать въ отставку. Непосредственно послѣ окончанія шлезвигъ-гольштейнской кампаніи это было бы еще мыслимо...

— Ахъ, эти злосчастные «Шмидтъ и Сынъ»!

— Теперь же, когда заходятъ новыя тучи...

— Такъ ты въ самомъ дѣлѣ полагаешь, что...

— Полагаю, что тучи эти снова разсѣются — не станутъ же двѣ великія державы рвать одна другую на клочки изъ-за той маленькой землицы на сѣверѣ. Но разъ дѣло какъ будто грозитъ войной, выходъ мой въ отставку можетъ быть истолкованъ трусостью.

Передъ этими доводами пришлось мнѣ смириться. Но я

Digitized by Google

крѣпко уцѣпилась за обнадеживающія слова «тучи разсѣются».

Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила я съ тѣхъ поръ за развитіемъ политическихъ событій и за толками и предсказаніями, курсировавшими въ газетахъ и въ обществѣ по поводу нихъ. «Вооружаться, вооружаться» стало теперь лозунгомъ. Пруссія вооружается втихомолку. Австрія вооружается втихомолку. Пруссія утверждаетъ, будто мы вооружаемся, но это несправедливо,—вотъ «они» такъ вооружаются. Тѣ отрицаютъ: нѣтъ, не правда, это «австрійцы» вооружаются. Если-же они вооружаются, въ такомъ случаѣ мы также должны вооружаться. Если мы разоружимся, почемъ знать, разоружаться-ли они? Такимъ образомъ, слово «вооруженіе» доносилось до моего слуха во всевозможныхъ варіантахъ.

— Но къ чему же это бряцаніе оружіемъ, когда ни одинъ не собирается нападать на другого?—задала я однажды вопросъ, на который отецъ отвѣтилъ мнѣ стариннымъ изреченіемъ «Si vis pacem, para bellum»: мы вооружаемся-де только изъ предосторожности.—А тѣ?—Съ намѣреніемъ напасть на насъ.—Но вѣдь и они, въ свою очередь, говорятъ, что принимаютъ мѣры лишь на случай нашего нападенія.—Съ ихъ стороны это коварство.

— А они насъ обвиняютъ въ коварствѣ.

— Они говорятъ только для отвода глазъ, чтобы имѣть возможность получше вооружиться.

Опять какой-то заколдованный кругъ, змѣя, ужаливающая сама себя въ хвостъ, верхній и нижній концы которой представляютъ двойную неискренность... Подобная метода устрашенія, якобы съ цѣлью поддержанія мира, можетъ еще, пожалуй, имѣть мѣсто для импонированія врагу, желающему войны. Но два одинаково-настроенныхъ правительства, оба стремящіяся къ миру, никоимъ образомъ не могутъ слѣдовать этой системѣ безъ того, чтобы каждое изъ нихъ не было твердо убѣждено въ полномъ лицемѣріи другого. И убѣжденіе это укореняется еще болѣе, когда одна сторона, подъ тождественными лживыми фразами, скрываетъ тѣ же самыя намѣренія, въ которыхъ обвиняетъ другую. Не одни только авгуры, но и дипломаты отлично знаютъ одинъ про другого, что у каждаго на умѣ за декорумомъ оффиціальныхъ церемоній и разглагольствованій...

Обоюдныя приготовленія къ войнѣ продолжались первые

Digitized by Google

мѣсяцы новаго года. 12-го марта, отецъ мой, сіяя отъ радости, вбѣжалъ ко мнѣ въ комнату.

— Ура! воскликнулъ онъ;—Добрыя вѣсти.

— Разоруженіе?—съ живостью спросила я.

— Вотъ еще что выдумала! Напротивъ того: вчера состоялся военный совѣтъ... Дѣла наши блистательны: мы располагаемъ громадной военной силой... Заносчивому пруссаку придется плохо. Въ каждый данный часъ можемъ мы выставить 800.000 человѣкъ И Бенедекъ, лучшій нашъ стратегъ, назначенъ главнокомандующимъ съ неограниченными полномочіями... Скажу тебѣ между нами, дитя мое, Силезія будетъ наша, стоитъ только намъ пожелать этого...

— О, Боже мой, Боже мой,—простонала я,—неужто этотъ бичъ снова разразится надъ нами? Кто это—кто можетъ быть на столько безсовѣстнымъ, чтобы изъ-за честолюбія, изъ алчности къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ...

— Успокойся. Не мы столь честолюбивы, тѣмъ менѣе алчны мы до территоріальныхъ завоеваній. Мы желаемъ (т. е. «я» собственно этого не желаю, я-то былъ бы очень доволенъ отвоевать обратно нашу Силезію),—но правительство желаетъ сохраненія мира, въ чемъ оно не разъ завѣряло. Однако громадная цифра наличнаго нашего войска, обнаружившаяся вчера изъ донесеній императора на военномъ совѣтѣ, должна всѣмъ остальнымъ державамъ внушить къ намъ почтеніе... Пруссіи первой придется прикусить языкъ и сократить свои претензіи на голосъ запѣвалы... Въ шлезвигъ-голштейнскомъ вопросѣ, слава Богу, мы также имѣемъ еще кое-что высказать, съ своей стороны, и, всеконечно, никогда не потерпимъ, чтобы другое сильное государство чрезмѣрнымъ распространеніемъ своей власти достигло преобладающаго вліянія въ Германіи...

Дѣло идетъ тутъ о нашей чести, о нашемъ престижѣ—быть можетъ, даже о нашемъ существованіи—этого ты не понимаешь... Все вмѣстѣ взятое, въ сущности, есть ни что иное, какъ борьба за гегемонію — мизерный Шлезвигъ играетъ тутъ послѣднюю роль, но нашъ великолѣпный военный совѣтъ ясно показалъ, кто занимаетъ первое мѣсто, кто имѣетъ право остальнымъ предписывать условія: потомки-ли мелкихъ бранденбургскихъ курфюрстовъ или же потомки длиннаго ряда римско-германскихъ императоровъ! Я считаю миръ обезпеченнымъ. Если же, несмотря на все это, другіе не измѣнятъ своего наглаго и заносчиваго поведенія и такимъ образомъ сдѣлаютъ войну не-

Digitized by Google

избѣжной, то побѣда несомнѣнно останется за нами, а вмѣстѣ съ нею и неисчисленныя выгоды... Желательно, чтобы затѣялась война...

— Ну да, этого-то вѣдь ты и желаешь, папа, а вмѣстѣ съ тобою, по всей вѣроятности, и весь военный совѣтъ! Такъ-то гораздо лучше, когда это высказывается откровенно... Только бы не было этого лицемѣрія, съ которымъ какъ народъ, такъ и поборниковъ мира стараются увѣрить, будто-бы всѣ эти мѣропріятія по заготовкѣ оружія, усиленію войска и требованіе военнаго кредита совершаются лишь во имя любезнаго мира. Ужь если вы скалите зубы и сжимаете кулаки, такъ не нашептывайте-же при этомъ нѣжныхъ словъ, если вы прямо горите нетерпѣніемъ обнажить мечъ, не прикидывайтесь, будто, только изъ простой предосторожности, вы беретесь рукой за набалдашникъ рукояти...

Такую рѣчь я держала въ теченіе нѣсколькихъ минутъ дрожащимъ голосомъ и съ возраставшимъ волненіемъ Смущенный отецъ мой не возражалъ на нее ни единымъ словомъ. Въ концѣ концовъ я разрыдалась.

* * *

Затѣмъ наступило время колебаній между страхомъ и надеждой. Сегодня говорили «миръ обезпеченъ», завтра—«война неизбѣжна». Большинство держалось послѣдняго мнѣнія, но не столько потому, чтобы обстоятельства указывали на необходимость кроваваго исхода, сколько мотивируя это тѣмъ соображеніемъ, что разъ произнесено слово «война», то какъ-бы долго ни затягивались дипломатическіе дебаты, колеблясь то въ ту, то въ другую сторону, но, на основаніи опыта, можно сказать, что въ такомъ случаѣ въ концѣ-концовъ войны не миновать. Маленькое, незамѣтное яичко, заключающее въ себѣ зародышъ «casus belli», высиживается при этомъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ не вылупится изъ него чудовище.

Ежедневно заносила я въ красныя тетрадки фазы колебавшейся распри, и потому знала тогда, равно какъ знаю и теперь, какъ подготовлялась и разразилась роковая «война 1866 года». Безъ этихъ ежедневныхъ замѣтокъ я находилась-бы въ томъ-же невѣдѣніи относительно этого историческаго періода, въ какомъ обрѣтается большинство людей, живущихъ посреди разъигрывающихся передъ ними историческихъ событій. Обыкновенно большинству населенія неизвѣстно, почему и какъ возникаетъ данная война—просто нѣкоторое время ожидаютъ ее, а затѣмъ она разра-

Digitized by Google

жается. А разъ она разразилась, тогда тѣмъ болѣе никого уже не занимаютъ мелкіе интересы и разногласія, породившія ее, а всѣ исключительно заняты грандіозными событіями, которыя она приноситъ вмѣстѣ съ собою. Когда-же война прекращается, тогда вспоминается развѣ лично кѣмъ пережитые ужасы и потери—при случаѣ, выгоды и тріумфы,—но о политическихъ причинахъ ея возникновенія уже никто и не думаетъ. Въ различныхъ историческихъ сочиненіяхъ, появляющихся послѣ каждаго похода озаглавленныхъ въ родѣ слѣдующаго: «Война такого то года, съ исторической и стратегической точки зрѣнія», перечисляются всѣ бывшіе мотивы возникновенія распри и всѣ тактическія движенія въ данномъ походѣ, и кого это интересуетъ, тотъ въ подходящей литературѣ найдетъ необходимыя ему свѣдѣнія, но изъ памяти народа событіе это улетучивается обязательно. Точно также, какихъ нибудь года два спустя, изглаживаются и чувства ненависти и энтузіазма, ожесточенія и надежды на побѣду, съ которыми все населеніе привѣтствуетъ наступленіе войны,—чувства, выражающіяся въ ходячемъ выраженіи «эта война очень популярна».

24-го марта Пруссія издала циркуляръ, въ которомъ выразила претензію на угрожающее вооруженіе Австріи.—Почему-же мы-де не разоружаемся, если не желаемъ угрожать. Но какъ-же намъ разоружаться, когда 28-го марта со стороны Пруссіи послѣдовалъ приказъ, чтобы крѣпости въ Силезіи и два армейскихъ корпуса были приведены въ полную готовность...

31-го марта. Слава Богу! Австрія объявила, что всѣ ходившіе слухи на счетъ тайнаго ея вооруженія были ложны. Она-де и не думала нападать на Пруссію, а потому выразила требованіе, чтобы Пруссія прекратила подготовительныя мѣропріятія свои къ войнѣ.

Пруссія возразила на это, что и въ мысляхъ даже не имѣла нападать на Австрію, но вооруженіе послѣдней вызвало и ее устроиться такъ, чтобы быть готовой на случай нападенія

Такимъ образомъ, безпрерывно исполнялся двухголосый антифонъ:

Мое вооруженіе—оборонительное.

Твое вооруженіе—наступательное.

Мнѣ необходимо вооружаться, потому что ты вооружаешься.

Такъ какъ ты вооружаешься, то и я вооружаюсь.

Такимъ образомъ, вооружаемся мы обѣ.

Вооружаемся себѣ больше да больше. (bis)

Digitized by Google

Газетный оркестръ аккомпанировалъ этому дуэту. Авторы передовыхъ статей лавировали въ такъ называемой «политикѣ предположеній». Разжигали страсти, травили, хвастались и клеветали. Въ печати появились историческія сочиненія о семилѣтней войнѣ съ явной тенденціей подогрѣть былую вражду.

Тѣмъ временемъ между державами все продолжался обмѣнъ нотъ. 7-го апрѣля Австрія еще разъ оффиціально отвергла слухи о своемъ вооруженіи, намекнувъ, однако, на слова Бисмарка, сказанныя имъ Кайроли, что «гаштейнскій договоръ можно-де легко обойти». Такъ вотъ отъ чего должны зависѣть судьбы народовъ, отъ того, какъ выразятся о договорахъ два дипломата, подъ вліяніемъ того или другого настроенія. Да и что это за договоры, соблюденіе которыхъ зависитъ отъ доброй воли контрагентовъ, а не гарантируется никакой высшей властью третейскаго суда?

На эту ноту, 15-го апрѣля, Пруссія отвѣтила, что взводимое-де на нее обвиненіе несправедливо. При томъ она вынуждена оставаться при прежнемъ мнѣніи о томъ, что Австрія дѣйствительно вооружилась на границахъ, и этимъ обстоятельствомъ оправдывала собственное вооруженіе. Если-же Австрія серьезно-де не намѣрена нападать, то пусть разоружится сама первая.

На это послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ вѣнскаго кабинета: Мы согласны разоружиться 25-го числа текущаго мѣсяца, если Пруссія на слѣдующій-же день сдѣлаетъ то-же самое.

Пруссія изъявила на это свою готовность.

Какая отрада! Такимъ образомъ, несмотря на всѣ грозные признаки, миръ не будетъ нарушенъ! Этотъ поворотъ къ миру я радостно внесла въ красныя тетрадки.

Но я слишкомъ поспѣшила. Возникли новыя осложненія. Австрія объявила, что можетъ разоружиться лишь на сѣверныхъ границахъ, а на южныхъ одновременно сдѣлать для нея этого нельзя, въ видахъ грозившей ей съ югу Италіи.

Пруссія дала такой отвѣтъ: если Австрія разоружается не «вполнѣ», въ такомъ случаѣ мы также останемся вооруженными.

Вслѣдъ затѣмъ заговорила Италія: у нея-де и въ сокровеннѣйшихъ помыслахъ не было желанія нападать на Австрію, но послѣ настоящаго заявленія Австріи, она, конечно, примется за контрвооруженіе.

И вотъ, пѣсенка объ оборонительномъ вооруженіи стала съ тѣхъ поръ распѣваться уже въ три голоса.

Digitized by Google

Этой мелодіей я снова позволяю себя убаюкивать до извѣстной степени. Послѣ подобныхъ громкихъ и многократныхъ завѣреній, «никто» же не рѣшится сдѣлать нападенія, а если никто не произведетъ попытки къ нападенію, значитъ, и войны не будетъ. Принципъ, по которому считаются справедливыми единственно оборонительныя войны на столько проникъ въ общественное сознаніе, что въ настоящее время ни одно правительство не отважится напасть на сосѣднее государство. А если лицомъ къ лицу сойдутся исключительно «защитники», такъ вѣдь, при всемъ грозномъ своемъ вооруженіи, при всей готовности защищаться до послѣдней капли крови, de facto они мира не нарушатъ.

Какое заблужденіе! Развѣ, кромѣ «наступленія», мало еще всякихъ другихъ способовъ для открытія военныхъ дѣйствій! Предлогомъ къ тому могутъ послужить какія-нибудь претензіи, предъявленныя какой-нибудь третьей крохотной странѣ, нарушенныя права послѣдней, которыя приходится возстановить вооруженной силой; или же всплываютъ старинные договоры, которые объявляются нарушенными, и во имя соблюденія ихъ необходимо взяться за оружіе; наконецъ, можно прибѣгнуть еще къ пресловутому «европейскому равновѣсію», подвергающемуся-де опасности, въ случаѣ чрезмѣрнаго распространенія могущества того или другого государства, и вызывающему тогда энергическое военное вмѣшательство. Менѣе явно, но съ страшной силой настраиваетъ воинственно годами раздуваемая ненависть, которая столь-же страстно и неудержимо влечетъ къ рукопашной схваткѣ, какъ долго сдерживаемая любовь рвется къ живительнымъ объятіямъ.

Послѣ этого наступила пора, чреватая событіями. Австрія до того рѣшительно стала отстаивать Аугустенбурга, что Пруссія приняла это за нарушеніе гаштейнскаго договора и усмотрѣла здѣсь явныя враждебныя намѣренія. И вслѣдъ затѣмъ съ обѣихъ сторонъ началось усиленное вооруженіе, да наконецъ и Саксонія принялась за то-же самое. Возбужденіе сдѣлалось всеобщимъ и росло съ каждымъ днемъ. «Война въ виду, война въ виду», трубятъ всѣ газеты, твердятъ всѣ въ разговорахъ. Я чувствую себя, какъ будто ѣду по морю въ моментъ наступленія бури...

Самымъ ненавистнымъ человѣкомъ въ Европѣ, мишенью для всевозможныхъ оскорбленій, оказался тогда Бисмаркъ. 7-го мая совершено было покушеніе на его жизнь. Имѣлъ-ли въ виду

Digitized by Google

Блиндъ, злоумышленникъ, такимъ путемъ предотвратить бурю? Да и предотвратилъ-ли-бы онъ ее?

Изъ писемъ, получаемыхъ изъ Пруссіи отъ тети Корнеліи видно, что тамъ населеніе всего менѣе желало войны. Между тѣмъ какъ у насъ царило всеобщее воодушевленіе идеей войны съ пруссаками, причемъ мы съ гордостью поглядывали на нашъ «милліонъ отборныхъ солдатъ», въ Пруссіи господствовалъ внутренній разладъ. Въ собственномъ отечествѣ своемъ Бисмаркъ подвергался почти такимъ-же навѣтамъ и злословію, какъ и у насъ. Ходили слухи, будто-бы ландверъ намѣренъ былъ отказаться отъ участія въ «братоубійственной войнѣ», будто-бы королева Августа бросилась къ ногамъ своего супруга, умоляя о мирѣ. О, какъ охотно преклонила-бы я свои колѣна рядомъ съ нею и увлекла-бы послѣдовать моему примѣру всѣхъ своихъ сестеръ—всѣхъ до единой. Вотъ къ чему именно, къ чему единственно слѣдовало-бы стремиться всѣмъ женщинамъ: «Миръ, миръ—долой оружіе!» Хотя-бы наша красавица-императрица также бросилась къ ногамъ своего супруга и со слезами, поднявъ руки, взмолилась-бы къ нему о разоруженіи! А кто знаетъ? Быть можетъ, она уже и сдѣлала это; быть можетъ, также и самъ императоръ искренно желалъ-бы поддержанія мира,—но съ давленіемъ, идущимъ со стороны совѣтниковъ, ораторовъ, крикуновъ и публицистовъ единичной личности, даже на высотѣ императорскаго трона, не совладать.

* * *

1-го іюня Пруссія заявила союзному сейму, что немедленно приступитъ къ разоруженію, если Австрія съ Саксоніей подадутъ къ тому примѣръ. Въ отвѣтъ на это изъ Вѣны послѣдовало прямое обвиненіе, что Пруссія давно уже въ союзѣ съ Италіей составила планъ нападенія на Австрію, и потому послѣдняя готова предоставить германскому союзу взять на себя рѣшеніе въ дѣлахъ герцогствъ по Эльбѣ. Одновременно она-де намѣрена созвать голштейнское всесословное собраніе.

Пруссія протестовала противъ такого ультиматума, такъ какъ послѣдній нарушалъ гаштейнскій договоръ. Такимъ образомъ Австрія, видите-ли возвращалась къ вѣнскому договору, т. е. къ совмѣстному кондоминату; слѣдовательно, Пруссія также точно имѣла право занять Голштейнъ, какъ, съ своей стороны, она не противилась занятію австрійцами Шлезвига. И пруссаки немедленно вступили въ Голштейнъ, Габленцъ отступилъ, не прибѣгая къ оружію, хотя не безъ протеста. Передъ

Digitized by Google

тѣмъ въ одномъ циркулярѣ Бисмаркъ выразился такъ: «Со стороны Вѣны мы не встрѣтили никакой предупредительности. Напротивъ того: до свѣдѣнія короля, изъ достовѣрнаго источника, дошли такія выраженія государственныхъ людей и совѣтниковъ императора (Tritschtratsch!), которыя свидѣтельствуютъ, что министры, во что-бы то ни стало, желаютъ войны (т. е. желаютъ «народнаго избіенія»: какое тяжкое обвиненіе въ преступленіи!), отчасти въ разсчетѣ на свой успѣхъ на полѣ брани, отчасти въ видахъ того, чтобы уладить затрудненія внутренней своей политики и прусской контрибуціей поправить разстроенные свои финансы» (государственная мудрость!).

9-го іюня Пруссія объявила союзному сейму, что не признаетъ за нимъ единолично права разрѣшать шлезвигъ-голштейнскій вопросъ. Послѣдовало предложеніе новаго плана реформы союза, по которому Нидерланды и Австрія исключались изъ него. Съ тѣхъ поръ пресса впала въ настоящій воинственный азартъ и, согласно патріотическому обычаю, пророчила несомнѣнную побѣду. Для вѣрноподданнаго, котораго государь призываетъ на поле брани, возможность пораженія совершенно исключается. Многочисленныя передовыя статьи росписывали предстоявшее вступленіе Бенедека въ Берлинъ, равно какъ и разграбленіе послѣдняго хорватами. Находились и такіе, которые прямо рекомендовали срыть столицу Пруссіи до основанія. «Разграбить», «срыть до основанія», «перебить всѣхъ до единаго», всѣ эти выраженія, хотя и не соотвѣтствовали болѣе современнымъ понятіямъ о народномъ правѣ, являлись тѣмъ не менѣе результатами уроковъ древней военной исторіи, всосавшихся въ плоть и кровь проповѣдывавшихъ это людей. Подобныя вещи такъ часто встрѣчались въ заучивавшихся на память описаніяхъ битвъ, такъ часто писались въ нѣмецкихъ учебникахъ, что когда теперь приходилось составлять газетную статью на тему о войнѣ, то подобныя выраженія сами собою слетали съ пера на бумагу. Для выраженія презрѣнія къ врагу всѣ слова оказывались недостаточно ѣдкими; для обозначенія прусскихъ войскъ вѣнскія газеты не употребляли иного выраженія, какъ «портняжные подмастерья». Генералъ-адъютантъ графъ Грюнне выразился такъ: «этихъ пруссаковъ мы прогонимъ мокрыми швабрами». Именно подобными пріемами война и становится «популярной». Такія вещи укрѣпляютъ народное самосознаніе.

11-го іюня Австрія предложила союзу принять рѣшитель-

Digitized by Google

ныя мѣры противъ прусскаго самоуправства въ Голштейнѣ и мобилизировать все союзное войско. 14-го іюня предложеніе это подверглось голосованію и было принято 9-ю голосами противъ 6-ти. Ахъ, эти три голоса! какой раздирательный, мучительный вопль, подобно эхо, отозвался, вторя тремъ этимъ голосамъ!

Совершилось! Послы отозваны 16-го числа. Союзъ призвалъ Австрію и Баварію на помощь ганноверцамъ и саксонцамъ, на которыхъ пруссаки сдѣлали уже нападеніе.

18-го іюня былъ изданъ прусскій манифестъ о войнѣ. Одновременно же вышелъ манифестъ австрійскаго императора къ народу и прокламаціи Бенедека къ его войскамъ. 22-го принцъ Фридрихъ-Карлъ отдалъ приказъ по арміи и такимъ образомъ открылъ военныя дѣйствія. Въ то время я списала всѣ эти 4 документа. Вотъ они:

Король Вильгельмъ произнесъ:

«Австрія не желаетъ забывать, что государи ея нѣкогда повелѣвали всей Германіей, не желаетъ въ юной Пруссіи признавать союзника, а видитъ въ ней лишь враждебнаго соперника. Пруссію, какъ полагаетъ она, слѣдуетъ обуздать во всѣхъ ея стремленіяхъ, ибо то, что выгодно Пруссіи, вредитъ Австріи. Старинная, гибельная зависть возгорѣлась снова, въ видѣ яркаго пламени; Пруссію нужно ослабить, уничтожить, опозорить. По отношенію къ Пруссіи отнынѣ потеряли силу всѣ договоры. Куда-бы мы не оглянулись въ Германіи, со всѣхъ сторонъ окружены мы врагами, военный кличъ которыхъ вызываетъ къ униженію Пруссіи. До послѣдней минуты изыскивалъ я пути къ мирному соглашенію и, говоря откровенно— Австрія не захотѣла этого».

Въ отвѣтъ на это Францъ-Іосифъ отозвался въ слѣдующихъ словахъ:

«Послѣднія событія неоспоримо свидѣтельствуютъ, что Пруссія теперь уже открыто примѣняетъ силу вмѣсто права. Такимъ образомъ злополучнѣйшая война—война нѣмцевъ противъ нѣмцевъ—стала неизбѣжной! За всѣ бѣдствія, какія навлечетъ она на отдѣльныя личности, самыя провинціи и государства, призываю къ отвѣту передъ судомъ исторіи и Всемогущаго Бога тѣхъ, кто ее вызвалъ!»

Желающимъ войны, по обыкновенію, непремѣнно считается другой. Обязательно другого упрекаетъ въ томъ, что, вмѣсто права, онъ хочетъ примѣнить силу. Почему это вообще возможно, чтобы при существованіи народныхъ правъ, случались подобныя вещи? «Злополучная война», потому что «нѣмецъ» идетъ противъ нѣмца. Совершенно справедливо: это уже

Digitized by Google

высшая точка зрѣнія, которая надъ понятіями «Австрія» и «Пруссія» возводитъ болѣе широкое понятіе «Германія». Но стоило сдѣлать еще одинъ шагъ — и тогда было-бы достигнуто то высшее обобщеніе, при свѣтѣ котораго всякая война людей противъ людей, именно цивилизованныхъ народовъ противъ цивилизованныхъ, должна бы считаться злополучной братоубійственной войной. А призывать противника на «судъ исторіи», что съ того толку? Исторія, такая, какъ она писалась до сихъ поръ, никогда не судила еще иначе, какъ преклоненіемъ передъ «успѣхомъ». Книга исторіографовъ преклоняется передъ побѣдителемъ во прахѣ, величая его выполнителемъ «культурной миссіи».

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . О, противорѣчіе на противорѣчіи! Подобныя противорѣчія должны имѣть мѣсто всюду, гдѣ истина прикрывается фразами, когда два взаимноисключающихъ другъ друга принципа,—каковы война и справедливость, ненависть къ чужой націи и человѣколюбіе, — желаютъ чтить въ разностепенной святости.

Между тѣмъ Бенедекъ сказалъ:

«Мы находимся передъ лицомъ военной силы, составленной изъ двухъ половинъ: линейнаго войска и ландвера. Первое состоитъ изъ молодыхъ людей, непривычныхъ ни къ тягостямъ войны, ни къ ея лишеніямъ, не участвовавшихъ ни въ одной значительной кампаніи. Послѣдній собранъ изъ элементовъ ненадежныхъ въ настоящее время, недовольныхъ, охотнѣе готовыхъ ниспровергнуть собственное нелюбимое правительство, нежели воевать съ нами. Къ тому-же, вслѣдствіе продолжительнаго мира у непріятеля не было случая образовать ни единаго генерала, умудреннаго опытомъ на поляхъ сраженій. Ветераны Минчіо и Палестро, полагаю, что, сражаясь подъ начальствомъ старыхъ испытанныхъ вождей, вы поставите себѣ въ особую честь не дать такому противнику ни малѣйшаго перевѣса надъ собою! Непріятель давно хвастается своими скорострѣльными ружьями, но, мнѣ думается, ребята, что онѣ мало помогутъ ему. По всей вѣроятности, мы не дадимъ ему на то времени, а прямо хватимъ его въ штыки и ружейные приклады. Когда-же, съ Божіей помощью, мы одолѣемъ врага и заставимъ его отступать, то будемъ преслѣдовать его по пятамъ, а затѣмъ вы отдохнете во вражеской землѣ и вволюшку натѣшитесь тамъ всѣмъ, какъ и подобаетъ, по высшей справедливости, побѣдоносной арміи».

Наконецъ принцъ Фридрихъ-Карлъ провозгласилъ слѣдующее:

«Солдаты! Вѣроломная нарушительница союза, Австрія, безъ всякаго объявленія войны, съ нѣкоторыхъ поръ перестала признавать

Digitized by Google

прусскія границы въ Верхней Силезіи. Отсюда слѣдуетъ, что и я точно также, не объявляя войны, имѣлъ-бы право перейти богемскую границу. Но я не сдѣлалъ этого. Сегодня я приказалъ обнародовать манифестъ о войнѣ и сегодня же мы вступаемъ въ непріятельскія владѣнія, дабы оградить собственную нашу страну. Да благословитъ Богъ наше начало! (Тотъ-ли это самый Богъ, съ помощью котораго Бенедекъ обѣщалъ отбить непріятеля штыками и прикладами?..) Въ дѣлѣ нашемъ будемъ уповать на Того, кто руководитъ сердцами людей, рѣшаетъ судьбы народовъ и исходъ сраженій. Какъ сказано въ священномъ писаніи: «Пусть бьются сердца ваши, возносясь къ Богу, а кулаки направляйте на врага». Въ этой войнѣ, какъ намъ извѣстно, дѣло идетъ о священнѣйшемъ достояніи Пруссіи и о дальнѣйшемъ бытіи нашего дорогого отечества. Врагъ явно желаетъ раздробить ее на части и унизить. Неужели ваши и мои предки при Фридрихѣ Великомъ, а недавно также и мы сами при Дюппелѣ и на Альзенѣ напрасно проливали цѣлые потоки своей крови? Никогда! Мы сохранимъ Пруссію неприкосновенной, и съ помощью побѣдъ сдѣлаемъ ее еще сильнѣе и могущественнѣе. Мы покажемъ себя достойными отцовъ нашихъ! Мы уповаемъ на Бога отцовъ нашихъ и да будетъ Онъ къ намъ милостивъ и да ниспошлетъ свое благословеніе на прусское оружіе! И такъ, впередъ, сопутствуемые боевымъ нашимъ девизомъ: «Съ Богомъ, за короля и отечество! Да здравствуетъ король!»

Digitized by Google

Книга четвертая.

1866 годъ.

И такъ, снова наступило оно—это худшее изъ всѣхъ бѣдствій, какія только можно себѣ представить, и было встрѣчено со стороны народа обычнымъ ликованьемъ. Полки выступали (какъ-то они вернутся!), напутствуемые пожеланіями побѣды и благословенія и крикомъ уличныхъ мальчишекъ.

Фридрихъ былъ еще ранѣе того командированъ въ Богемію, до объявленія войны, и именно въ то время, когда положеніе дѣлъ было таково, что я могла твердо надѣяться на мирное разрѣшеніе этого злополучнаго, столь пустого спора о герцогствахъ. Такимъ образомъ, на этотъ разъ, миновала меня необходимость мучительнаго прощанья съ любимымъ человѣкомъ передъ самымъ моментомъ выступленія его въ походъ. И когда отецъ мой съ торжествующимъ видомъ принесъ мнѣ извѣстіе: «ну теперь будемъ воевать!», прошло уже двѣ недѣли моего одиночества. Да и за послѣднее время я уже подготовилась къ этому извѣстію, подобно тому какъ преступникъ въ своей камерѣ бываетъ подготовленъ къ объявленію смертнаго приговора.

Я склонила голову, не произнеся ни слова.

— Будь молодцомъ, дитя! Война продлится не долго, не сегодня—завтра мы будемъ въ Берлинѣ... И такъ же точно, какъ вернулся мужъ твой изъ шлезвигъ-голштейнской кампаніи, такъ вернется онъ и изъ этого похода, только увѣнчанный еще болѣе свѣжими лаврами. Конечно, въ виду его собственнаго прусскаго происхожденія ему, можетъ быть, и непріятно идти противъ пруссаковъ,—но разъ онъ состоитъ на австрійской службѣ, онъ уже нашъ душой и тѣломъ... Ужь эти пруссаки! Желаютъ, видите-ли,

Digitized by Google

выкинуть насъ изъ германскаго союза, эти заносчивые хвастуны, въ этомъ придется имъ порядкомъ раскаяться, когда мы отберемъ себѣ обратно Силезію и когда Габсбурги...

Я протянула руки:

— Отецъ, прошу тебя: оставь меня теперь одну.

Онъ, вѣроятно, подумалъ, что мнѣ хотѣлось выплакаться, а такъ какъ онъ былъ врагъ всѣхъ чувствительныхъ сценъ, то охотно исполнилъ мою просьбу и удалился.

Но я не плакала. У меня было такое ощущеніе, словно на мою голову свалился оглушительный ударъ. Тяжело дыша, вперивъ взоръ въ пространство, сидѣла я нѣкоторое время неподвижно. Затѣмъ, подойдя къ моему письменному столу, я раскрыла красныя свои тетрадки и внесла туда слѣдующее: «Смертный приговоръ произнесенъ. Сотни тысячъ людей осуждены на погибель. Не находится-ли и Фридрихъ въ числѣ ихъ? Стало быть, и я... И что такое представляю собою я, чтобы не погибнуть также точно, какъ гибнутъ сотни тысячъ другихъ людей? Сожалѣю, что не умерла раньше».

Отъ Фридриха въ тотъ же день получила нѣсколько наскоро набросанныхъ строкъ:

— Дорогая жена! Будь тверда, не унывай! Мы были счастливы, этого никто у насъ не можетъ отнять, даже въ томъ случаѣ, если бы и для насъ, какъ для многихъ другихъ, сегодня постановленъ былъ приговоръ: «теперь конецъ!» (Та же мысль, какую занесла я въ моихъ красныхъ тетрадкахъ: «множество другихъ осужденныхъ»). Сегодня мы выступаемъ на встрѣчу непріятеля. Быть можетъ, въ непріятельскихъ рядахъ я узнаю нѣкоторыхъ боевыхъ моихъ товарищей по Дюппелю и Альзену, пожалуй, тамъ же окажется юный кузенъ мой Готфридъ... Мы двигаемся въ Либенау вмѣстѣ съ авангардомъ графа Кламъ-Галласа. Теперь уже писать больше будетъ некогда. Писемъ отъ меня не жди. Самое большее, если представится случай, напишу тебѣ одну строчку, чтобы ты знала, что я живъ. Но до тѣхъ поръ мнѣ хотѣлось бы найдти еще одно словечко, которое вмѣстило бы въ себѣ всю любовь мою, и написать его тебѣ здѣсь, на тотъ случай, если бы оно оказалось послѣднимъ. Я нахожу только единственное: «Марта!» Тебѣ извѣстно, какой смыслъ заключается для меня въ этомъ словѣ».

Конраду Альтгаузу также нужно было отправляться на войну. Охваченный военнымъ пыломъ и достаточной дозой ненависти къ пруссакамъ, онъ шелъ въ походъ охотно; тѣмъ

Digitized by Google

не менѣе разлука съ невѣстой показалась ему тяжелой. Всего за два дня передъ приказомъ о выступленіи дано ему было разрѣшеніе на свадьбу.

— О, Лилли, Лилли,—горестно говорилъ онъ, прощаясь съ своей невѣстой,—зачѣмъ ты медлила такъ долго дать мнѣ свое слово? Почемъ знать, вернусь ли я!

Бѣдняжка Лилли и сама горько раскаивалась. Только теперь проснулась въ ней страстная любовь къ Конраду, котораго она отвергала такъ долго. Когда онъ уѣхалъ, она, рыдая, бросилась мнѣ на шею.

— Ахъ, зачѣмъ я давно не сказала ему «да». Теперь я была бы его женой...

— И тѣмъ тяжелѣе было бы для тебя разставанье, бѣдная моя Лилли. Она покачала головой. Я хорошо понимала, что̀ въ ней происходило,—быть можетъ, яснѣе, нежели она сама: имѣть необходимость разстаться, не успѣвъ утолить любовнаго своего пыла, которому, быть можетъ, суждено навсегда оставаться неутоленнымъ; видѣть, какъ у тебя отрываютъ кубокъ отъ рта и, быть можетъ, разбиваютъ его, прежде чѣмъ ты успѣлъ сдѣлать изъ него хотя бы одинъ глотокъ, это должно быть мучительно вдвойнѣ. Отецъ мой, сестры и тетя Мари перебрались послѣ того въ Грумитцъ. Я охотно поддалась общимъ уговорамъ присоединиться къ нимъ вмѣстѣ съ моимъ сыномъ. Въ отсутствіи Фридриха, собственный очагъ мой казался мнѣ потухшимъ, и я не выдержала бы своего одиночества. Странное дѣло: я чувствовала себя совсѣмъ вдовой,—точно извѣстіе о началѣ войны вмѣстѣ съ тѣмъ было извѣстіемъ о кончинѣ Фридриха. Иногда посреди моей мрачной печали, у меня мелькала свѣтлая мысль: «вѣдь онъ живъ и можетъ еще вернуться»,—но при этомъ сейчасъ же всплывала ужасная картина: вотъ онъ корчится и извивается въ невыносимыхъ мученіяхъ... изнемогаетъ въ какой нибудь канавѣ; тяжелыя повозки переѣзжаютъ по раздробленнымъ его членамъ... комары и муравьи кишатъ на зіяющихъ его ранахъ... люди занимающіеся очисткой поля сраженія, принимаютъ обморокъ его за смерть и заживо, вмѣстѣ съ другими мертвецами, зарываютъ его въ сырую могилу... здѣсь онъ приходитъ въ себя и... Съ громкимъ крикомъ ужаса вскакиваю я съ своего мѣста при подобныхъ картинахъ воображенія.

— Что съ тобой опять, Марта? — накидывался на меня отецъ.—Ты еще съ ума сойдешь, если будешь такъ задумы-

Digitized by Google

ваться и вскрикивать. Ты, вѣрно, опять создаешь глупыя картины въ своемъ воображеніи? Это грѣшно...

Я дѣйствительно часто громко высказывала подобныя мои фантазіи, которыя страшно возмущали моего отца.

— Это грѣшно,—продолжалъ онъ,—неприлично и нелѣпо. Подобные случаи, какіе рисуетъ тебѣ твоя сумасбродная фантазія, бываютъ иногда—съ однимъ изъ цѣлой тысячи,—да и то простыхъ солдатъ, но штабъ-офицера, какимъ состоитъ твой мужъ, на полѣ сраженія лежать не бросятъ. Да и вообще о такихъ ужасахъ не слѣдуетъ думать. Это своего рода преступленіе, поруганіе надъ войной, если вмѣсто величія цѣлаго мы будемъ останавливаться на жалкихъ подробностяхъ... о нихъ нечего размышлять.

— Да, да, не думать о томъ,—отвѣчала я,—это вѣковой пріемъ человѣчества по отношенію ко всякому человѣческому бѣдствію... «Не думать»,—на это правило, и безъ того опирается всякое варварство. Нашъ домашній врачъ, докторъ Брессеръ, на этотъ разъ не жилъ въ Грумитцѣ. Онъ добровольно вступилъ въ отрядъ санитаровъ и отправился на театръ войны. Мнѣ также пришла въ голову мысль: ужь не поѣхать-ли и мнѣ вмѣстѣ съ нимъ въ качествѣ сестры милосердія?.. Да, если бы я знала, что я попаду по близости отъ Фридриха, что буду у него подъ рукой, въ случаѣ онъ окажется раненымъ,—тогда я не колебалась бы; но ухаживать за другими... Это было мнѣ не подъ силу, на это у меня не хватало самопожертвованія. Видѣть передъ собой умирающихъ, слышать ихъ хрипѣніе,—стремиться оказать помощь сотнѣ несчастныхъ, и не быть въ состояніи исполнить этого;—навязать себѣ боль, отвращеніе, горе, не располагая притомъ возможностью помочь Фридриху,—напротивъ того, сокращая даже шансы на наше взаимное свиданіе, ибо ухаживающіе за ранеными также подвергаются различнымъ смертельнымъ опасностямъ, нѣтъ, этого я не сдѣлала. Къ тому же отецъ мой утверждалъ, что частныя лица, въ родѣ меня, къ уходу за ранеными въ полевыхъ лазаретахъ вовсе даже и не допускаются, что обязанность эта поручается лишь солдатамъ-санитарамъ или-же, въ крайнихъ случаяхъ,—патентованнымъ сестрамъ милосердія.

— Корпію щипать,—сказалъ онъ—и доставлять перевязочныя средства въ патріотическія общества поданія помощи на войнѣ,—вотъ единственное, что вы можете дѣлать для раненыхъ. Этимъ, конечно, и станутъ прилежно заниматься мои дочери—

Digitized by Google

на то я даю свое благословеніе. Этому-то занятію мои сестры и я и посвящали съ тѣхъ поръ ежедневно цѣлые часы. Роза и Лилли сидѣли за своей работой съ растроганными и почти радостными лицами. Когда тоненькія ниточки ссучивались подъ нашими пальцами въ мягкія массы, когда мы аккуратно свертывали полотняныя полосы въ бинты, у обѣихъ дѣвушекъ являлось ощущеніе, какъ будто и онѣ причастны милосердному уходу за ранеными; имъ представлялось, будто онѣ утоляютъ жгучія боли, останавливаютъ кровотеченія изъ ранъ, слышатъ вздохи облегченія и встрѣчаютъ благодарные взгляды страдальцевъ. Проносившаяся передъ ними картина состоянія раненаго человѣка была почти привлекательна: еще-ли не завидна доля солдатъ, которые, избѣжавъ опасностей кроваваго сраженія, лежатъ теперь растянувшись на мягкихъ чистыхъ постеляхъ, за ними ухаживаютъ, ихъ балуютъ; вплоть до выздоровленія, находясь большей частью въ полусознательномъ состояніи дремоты, убаюканные сладкой истомой, изрѣдка приходя въ себя съ пріятнымъ сознаніемъ, что жизнь ихъ спасена, что они возвращаются домой и еще долго могутъ разсказывать, какъ съ честью были ранены въ битвѣ подъ X. Этотъ наивный взглядъ поддерживалъ въ нихъ также нашъ отецъ:

— Молодцами, молодцами, мои дѣвочки,—сегодня опять много наработали... опять доставите облегченіе храбрымъ нашимъ защитникамъ! Какъ это помогаетъ, когда такой комочекъ корпіи положатъ на зіяющую рану—я испыталъ это на себѣ... Тогда, когда меня ранили въ ногу при Палестро... и т. д., и т. д.

Но я только вздыхала, не произнося ни слова. Я знала иныя исторіи о раненыхъ, нежели тѣ, какія любилъ разсказывать мой отецъ; исторіи, стоявшія къ обычнымъ анекдотамъ ветерановъ приблизительно въ такомъ же отношеніи, какое имѣетъ дѣйствительность жалкой жизни пастуховъ къ пастушескимъ картинкамъ Ватто.

«Красный крестъ»... Я знала, какимъ образомъ, благодаря задѣтому за живо состраданію народной массы, вызвано было къ жизни это учрежденіе. Въ свое время я слѣдила за переговорами по этому поводу, которые велись въ Женевѣ и читала брошюру Динана, давшаго толчокъ всему дѣлу. Эта брошюра являла собой раздирательный вопль жалости. Благородный женевскій патрицій поспѣшилъ на поле битвы при Сольферино, чтобы оказать помощь, по мѣрѣ силъ; и что встрѣтилъ онъ тамъ, то и повѣдалъ міру. Безчисленное множество раненыхъ по пяти, по шести дней оставались безъ помощи... Всѣхъ хотѣлось ему спасти, но что могъ

Digitized by Google

онъ подѣлать единолично, что могла подѣлать остальная малая горсть людей противъ этого массоваго бѣдствія. Онъ былъ свидѣтелемъ такихъ случаевъ, когда однимъ глоткомъ воды, однимъ кусочкомъ хлѣба можно было спасти жизнь человѣку; видѣлъ, какъ въ страшной поспѣшности хоронили еще дышавшихъ людей...

И вотъ онъ высказалъ громко то, что уже не разъ было признано, но лишь теперь нашло отголосокъ, а именно, что средства, имѣющіяся въ рукахъ военной администраціи для ухода и спасенія раненыхъ, не удовлетворяютъ болѣе условіямъ военнаго времени. Тогда-то и возникъ «Красный Крестъ».

Австрія не примкнула еще въ то время къ женевской конвенціи. Почему?.. Да почему всякое новшество, сколь бы ни было оно благодатно и просто, встрѣчаетъ противодѣйствіе? Таковъ законъ неподвижности—сила святой косности... «Идея сама по себѣ превосходна, не не выполнима», говорилось тогда. Отецъ мой также часто повторялъ сомнительные аргументы, приводившіеся на конференціи 1863 г. различными делегатами,—«не выполнимо, и если даже выполнимо, то, во всякомъ случаѣ, во многихъ отношеніяхъ неудобно». Военная администрація не можетъ-де найдти умѣстной частное вмѣшательство на военномъ полѣ. Задачи тактики на войнѣ должны стоять впереди человѣколюбія; да и какимъ образомъ можно было бы обезпечить себя отъ существованія шпіонства, при допущеніи частнаго вмѣшательства? А расходы! Развѣ война не достаточно дорого стóитъ уже и безъ того! Добровольные санитары своимъ собственнымъ матеріальнымъ содержаніемъ оказались бы въ тягость провіантскому вѣдомству. Если-же они сами будутъ продовольствовать себя въ осажденномъ городѣ, въ такомъ случаѣ могутъ создать для военной администраціи опасную конкурренцію закупкой предметовъ, необходимыхъ для самой администраціи, и непосредственнымъ повышеніемъ на нихъ цѣнъ? Охъ, эта административная премудрость! Какъ это все сухо, учено, дѣловито, предусмотрительно, и какъ безгранично глупо!

* * *

Первое столкновеніе нашихъ войскъ, находившихся въ Богеміи, состоялось 25 іюня подъ Либенау. Это извѣстіе принесъ намъ отецъ съ обычной своей торжествующей миной:

— Это великолѣпное начало!—сказалъ онъ.—Ясно, что Небо на нашей сторонѣ. Самый фактъ, что на первомъ-же шагу этимъ хвастунамъ пришлось столкнуться съ людьми нашей знаменитой

Digitized by Google

и желѣзной бригады,—имѣетъ большое значеніе... Вы вѣдь знаете эту бригаду Пошахера, столь храбро защищавшую Кенигсбергъ въ Силезіи? Она задастъ имъ трепку!

Слѣдующія извѣстія съ театра войны доказали, однако, что, послѣ пятичасовой борьбы, бригада эта, находившаяся въ авангардѣ Кламъ-Галласа, отступила къ Подолу. Объ участіи въ этомъ дѣлѣ Фридриха мнѣ не было извѣстно. О томъ, что въ ту-же ночь баррикадированный Подолъ былъ осажденъ генераломъ Горномъ, причемъ сраженіе продолжалось при лунномъ свѣтѣ, узнала я также только въ послѣдствіи.

— Но еще болѣе блестящимъ, нежели на сѣверѣ,—продолжалъ отецъ,—оказывается начало нашихъ военныхъ дѣйствій на югѣ. Подъ Кустоццей, дѣти, одержана побѣда такая блистательная, какъ только... Я всегда говорилъ: Ломбардія должна отойти къ намъ!.. Развѣ вы не довольны? Я считаю войну какъ бы поконченной. Ужь если мы одолѣли итальянцевъ, выставившихъ противъ насъ, во всякомъ случаѣ, регулярное, вышколенное войско, такъ съ «портняжными-то подмастерьями» справиться намъ будетъ легко! Ихъ ландверъ—это сущая дерзость, и надо имѣть всю прусскую заносчивость, чтобы рѣшиться съ этакимъ ландверомъ выступать противъ регулярныхъ войскъ. Туда набираются люди прямо изъ мастерскихъ, оторванные отъ кабинетныхъ занятій, не привыкшіе къ тягостямъ войны, отъ нихъ, конечно, нельзя ожидать выносливости закаленныхъ въ бою солдатъ. Вотъ взгляните-ка что пишутъ въ вѣнской газетѣ отъ 24-го іюня. Это можно считать хорошими извѣстіями: «Въ прусской Силезіи появилась чума рогатаго скота и, какъ слышно, крайне злокачественная»..

— Чума рогатаго скота... злокачественная... утѣшительныя извѣстія,—повторила я, слегка покачивая головой.—Славныя вещи, которыми полагается утѣшаться въ военное время... Хорошо еще, что на границѣ стоятъ черно-желтые шлагбаумы, такимъ образомъ чума, по крайней мѣрѣ, не можетъ перейти къ намъ.

Но отецъ мой не слыхалъ моихъ словъ и продолжалъ читать утѣшительныя извѣстія:

— «Среди прусскихъ войскъ, прибывшихъ изъ Нейссе, свирѣпствуетъ лихорадка. Нездоровая болотистая почва, плохое питаніе, скверныя помѣщенія скученныхъ войскъ въ окрестныхъ мѣстечкахъ необходимо вызвали подобныя послѣдствія. О продовольствіи прусскихъ солдатъ австріецъ не можетъ имѣть ни-

Digitized by Google

какого понятія. Дворянство воображаетъ, что «простому народу» можно сунуть, что попало. У нихъ полагается по шести лотъ свинины на человѣка, не привыкшаго ни къ форсированнымъ маршамъ, ни къ другимъ трудностямъ похода, человѣка, который можетъ быть всѣмъ чѣмъ угодно, только не закаленнымъ солдатомъ». Вообще газеты переполнены великолѣпными извѣстіями. Но особенно интересны извѣстія о славной битвѣ подъ Кустоццей,—тебѣ слѣдовало бы, Марта, номера эти сохранить.

И я ихъ «сохранила». Этого обыкновенія не мѣшало бы держаться всегда и, въ случаѣ наступленія новаго столкновенія между народами, читать не современныя газеты, а тѣ, которыя относились къ предъидущей войнѣ. Тогда и увидишь, насколько можно вѣрить всѣмъ этимъ пророчествамъ и хвастовству, равно какъ и отчетамъ и сообщеніямъ. Это поучительно.

«Съ сѣвернаго театра войны.

«Изъ главной квартиры сѣверной арміи, отъ 25-го іюня, о планѣ похода (!) пруссаковъ намъ пишутъ: «По новѣйшимъ извѣстіямъ, прусская армія перенесла свою главную квартиру въ восточную Силезію». (Далѣе слѣдуетъ, въ обыкновенномъ тактическомъ стилѣ, болѣе подробное перечисленіе передвиженій и позицій, проектированныхъ непріятелемъ, о которыхъ корреспондентъ имѣетъ, очевидно, болѣе ясное представленіе, нежели самъ Мольтке и Роонъ). «Судя по этому, пруссаки намѣрены предупредить движеніе нашей арміи къ Берлину, что, однако при условіи сдѣланныхъ мѣропріятій (также извѣстныхъ нашему «спеціальному корреспонденту» точнѣе, нежели даже Бенедеку), имъ врядъ-ли удастся. Можно вполнѣ разсчитывать на благопріятныя извѣстія изъ сѣверной арміи, которыя, если и не доходятъ такъ быстро, какъ-бы то было желательно для нетерпѣливо ожидающаго ихъ народа, за то окажутся тѣмъ значительнѣе и богаче содержаніемъ. «Neue Frankfurter Zeitung» разсказываетъ слѣдующій интересный побочный случай, имѣвшій мѣсто при прохожденіи австрійскихъ войскъ, итальянской національности, черезъ Мюнхенъ: «Въ числѣ войскъ проходившихъ черезъ Мюнхенъ, находятся линейные батальоны. Подобно другимъ войскамъ, проходившимъ черезъ баварскую столицу, ихъ также угощали въ саду одного ресторана, расположеннаго по близости одного желѣзнодорожнаго вокзала. Всякій могъ убѣдиться, что эти венеціянцы радостными кликами выражали готовность свою къ борьбѣ съ врагами Австріи. (Быть можетъ «всякій» могъ-бы также понять, что пьяные солдаты охотно воодушевятся по какому угодно поводу).

Digitized by Google

Въ Вюрцбургѣ вокзалъ желѣзной дороги былъ переполненъ солдатами одного австрійскаго полка линейной пѣхоты. Насколько можно было замѣтить, всѣ они были венеціянцы. Принятые съ такимъ-же радушіемъ (т. е. также напоенные до-пьяна), люди эти не находили словъ для выраженія своего удовольствія и рѣшимости сразиться съ нарушителями мира (изъ двухъ воюющихъ сторонъ нарушительницей мира каждая считаетъ «другую»). Виватамъ не было конца». (Неужели-же слонявшійся по вокзалу и столь умиленный солдатскимъ крикомъ «г. Всякій» не зналъ, что нѣтъ ничего заразительнѣе этихъ возгласовъ «виватъ», что тысяча въ одинъ голосъ ревущихъ голосовъ отнюдь не служитъ выраженіемъ тысячи единодушныхъ мнѣній, а просто обусловливается естественной склонностью человѣка къ подражанію?)

Въ богемскомъ «Трюбау», фельдцейхмейстеръ, фонъ-Бенедекъ, сообщилъ сѣверной арміи три бюллетеня о побѣдѣ южной арміи, прибавивъ къ нимъ слѣдующій приказъ:

«Отъ имени сѣверной арміи главнокомандующему южной арміи послана мною слѣдующая телеграмма: «Фельдцейхмейстеръ Бенедекъ и съ нимъ вся сѣверная армія въ радостномъ восторгѣ шлютъ сердечнѣйшія поздравленія съ новой славной побѣдой подъ Кустоццей славнѣйшему августѣйшему главнокомандующему храброй южной арміи. Походъ на югѣ ознаменовался новой славной побѣдой нашего оружія. Славная побѣда подъ Кустоццей красуется на почетномъ щитѣ императорскаго войска. Солдаты сѣверной арміи! съ восторгомъ примите вы это извѣстіе, съ удвоеннымъ воодушевленіемъ выступите въ бой, чтобы и намъ въ очень близкомъ будущемъ удалось вписать на томъ щитѣ названія славныхъ битвъ и возвѣстить императору также и о сѣверной побѣдѣ, къ которой влечетъ васъ жажда брани и въ достиженіи которой поможетъ вамъ ваша храбрость и ваше самопожертвованіе, вмѣстѣ съ возгласомъ да здравствуетъ императоръ!

Бенедекъ».

На вышеприведенную телеграмму въ богемскомъ «Трюбау», присланъ въ Верону по телеграфу слѣдующій отвѣтъ:

«Южная армія и ея главнокомандующій шлютъ теплую благодарность любимому бывшему своему вождю и храброму его воинству. Убѣждены въ недалекой возможности поздравить васъ съ такой-же побѣдой.

«Убѣждены»—«убѣждены»!..

— Неужто у васъ сердце не трепещетъ радостно при чтеніи

Digitized by Google

подобныхъ вещей?—въ восторгѣ воскликнулъ мой отецъ.—Неужто вы не можете подняться на достаточную высоту патріотическаго чувства, чтобы передъ лицомъ такого торжества отодвинуть ваши личные интересы на второй планъ,—чтобы забыть, ты Марта, что твой Фридрихъ, а ты, Лилли, что твой Конрадъ, подвергаются нѣкоторымъ опасностямъ? опасностямъ, изъ которыхъ они, по всей вѣроятности, выйдутъ цѣлыми и невредимыми, да и самая погибель отъ нихъ, являющаяся общимъ удѣломъ лучшихъ сыновъ отечества, послужила бы только къ ихъ чести и славѣ. Нѣтъ ни единаго солдата, который не умеръ бы съ радостью, при кликѣ: «За отечество!»

— Ну, если какой-нибудь солдатъ, послѣ проигранной битвы, останется лежать на полѣ сраженія съ раздробленными членами,—возразила я,—и забытый тамъ, послѣ четырехъ—пятисуточной жажды, голода, при невыразимыхъ страданіяхъ, заживо разлагаясь, погибнетъ,—сознавая притомъ, что его смерть вышеупомянутому отечеству пользы никакой не принесетъ, только близкихъ его приведетъ въ отчаяніе, — желала бы я знать, какъ это онъ «охотно будетъ умирать» со своимъ возгласомъ.

— Ты грѣшишь, Марта... и употребляешь притомъ такія рѣзкія выраженія—совсѣмъ не приличныя для женщины.

— Разумѣется, правдивое слово, обнаженная дѣйствительность преступны, неприличны... Только фраза одна, санкціонированная тысячекратнымъ повтореніемъ ея, «прилична»... Но я увѣряю тебя, отецъ, что эта противоестественная готовность «умереть», приписываемая обыкновенно всѣмъ мужчинамъ какою бы геройскою ни представлялась она тому, кто ее проповѣдуетъ — для меня это звучитъ, какъ осужденіе на убійство.

* * *

Много времени спустя, между бумагами Фридриха, нашла я одно письмо, посланное ему мною въ тѣ дни на театръ войны. Письмо это яснѣе всего выражаетъ чувства, волновавшія меня въ то время.

«Грумитцъ, 28 іюня 1866 г.

«Дорогой мой! Я не живу... Представь себѣ такую картину, что въ сосѣдней комнатѣ люди совѣщаются о томъ, повѣсить ли меня въ ближайшемъ будущемъ или нѣтъ, а я за дверями должна ожидать этого рѣшенія. Въ періодъ этого ожиданія я, конечно, дышу,—но развѣ могу я это назвать «жизнью»? Ком-

Digitized by Google

ната, въ которой совершается разрѣшеніе вопроса, именуется Богемія... Впрочемъ, нѣтъ, милый, картина эта еще не вполнѣ точно выражаетъ дѣйствительность. Вѣдь если бы дѣло шло только о «моей» жизни или смерти, то тревога моя не достигала бы такихъ размѣровъ. Нѣтъ, я дрожу за жизнь гораздо болѣе дорогую, чѣмъ моя собственная... И еще хуже, чѣмъ твоей смерти, боюсь я—возможности твоихъ «смертельныхъ мученій»... О, если бы скорѣе, скорѣе все это миновало! Хоть бы наши побѣды слѣдовали быстро одна за другой — не ради самыхъ побѣдъ, а ради конца».

«Достигнутъ ли до тебя эти строки? Гдѣ и какъ? Быть можетъ, послѣ жаркаго дѣла, быть можетъ, въ лагерѣ или въ лазаретѣ... во всякомъ случаѣ тебѣ будетъ пріятно получить вѣсточку отъ твоей Марты. Хотя я и не могу сообщить тебѣ ничего, кромѣ печальнаго—что же, кромѣ печали можно испытывать въ такое время, когда солнце омрачено большимъ чернымъ гробовымъ покровомъ, раскинутымъ «за отечество», готовымъ спуститься на сыновъ его, но все же строки эти принесутъ тебѣ отраду, потому что ты любишь меня, Фридрихъ,—я знаю, какъ крѣпко любишь, и строки, написанныя моей рукой, обрадуютъ и взволнуютъ тебя, какъ нѣжное прикосновеніе моей руки... Знай, Фридрихъ, я всегда съ тобою, каждой мыслью, каждымъ вздохомъ, какъ днемъ, такъ и ночью...

«Здѣсь, въ кругу своихъ, я двигаюсь, дѣйствую и говорю механически; мое самое сокровенное «я», принадлежащее, конечно, тебѣ, не разстается съ тобой ни на минуту. Только мальчикъ мой напоминаетъ мнѣ, что на свѣтѣ всетаки существуетъ нѣчто для меня, что не зовется твоимъ именемъ... Милый малютка! если бы ты зналъ, какъ онъ о тебѣ разспрашиваетъ и хлопочетъ. У насъ съ нимъ между собой ни о чемъ другомъ, собственно, нѣтъ и рѣчи, какъ о «папѣ». Чуткій мальчикъ понимаетъ, что этимъ, именно, предметомъ преисполнено мое сердце и, какъ онъ ни малъ, ты самъ знаешь, онъ является уже, до извѣстной степени, «другомъ» своей матери. Я также начинаю разсуждать съ нимъ, какъ съ разумнымъ существомъ, за что онъ мнѣ благодаренъ. Я, съ своей стороны, признательна ему за любовь его къ тебѣ. Это такая рѣдкость, чтобы дѣти любили вотчима и мачиху,—правда, въ тебѣ и нѣтъ ничего такого, что напоминало бы вотчима,—съ роднымъ сыномъ своимъ не могъ бы ты быть нѣжнѣе, добрѣе, чѣмъ съ нимъ, мой нѣжный, мой добрый! Да, доброта — высо-

Digitized by Google

кая, мягкая, кроткая легла въ основу твоего характера и, какъ говоритъ поэтъ, подобно тому, какъ небо образуетъ сводъ изъ одного грандіознаго сапфира, такъ же точно и величіе характера благороднаго человѣка создается изъ единственной добродѣтели — «доброты». Другими словами, я люблю тебя, Фридрихъ! Это вѣдь обычный припѣвъ ко всему, что я думаю о тебѣ и твоихъ достоинствахъ. Любовь моя къ тебѣ полна такого довѣрія, такой увѣренности, въ тебѣ я нахожу мой миръ, Фридрихъ, теплый и кроткій... конечно, когда ты со мною. Теперь, когда я снова лишена тебя, миръ души моей естественно нарушенъ. Ахъ, если бы гроза поскорѣе прошла, если бы вы были въ Берлинѣ, чтобы продиктовать королю Вильгельму условія мира. Мой отецъ какъ разъ твердо убѣжденъ, что таковъ будетъ результатъ похода, и судя по всему, что слышишь и читаешь, я вынуждена таки наконецъ этому повѣрить. «Лишь только, съ Божьей помощью, мы осилимъ супостата»,—такъ именно говорилось въ воззваніи Бенедека,—«то станемъ преслѣдовать его по пятамъ и вы отдохнете во вражеской странѣ и тѣ вознагражденія...» и т. д. Что это за вознагражденія? Въ наше время ни одинъ полководецъ не рѣшится громко, на-прямки объявить: «Можете грабить, жечь, убивать, безчестить», какъ это дѣлалось въ средніе вѣка, съ цѣлью воспламененія духа дикихъ полчищъ,— въ настоящее время, въ видѣ награды, самое большее, что можно было бы пообѣщать имъ,—это щедрую раздачу гороховой колбасы. Но это показалось бы слишкомъ блѣдно и потому прибѣгли къ аллегоріи: «тѣ вознагражденія» и т. д. Каждый могъ разумѣть подъ этимъ, что ему вздумается.—«Принципъ военной награды, обрѣтаемой въ странѣ супостата», продолжаетъ жить въ солдатскомъ жаргонѣ...

«А каково-то будетъ у тебя на душѣ въ этой вражеской землѣ, являющейся въ сущности твоей метрополіей, гдѣ обитаютъ твои друзья и двоюродные братья? «Вознаградишь» ли ты себя тѣмъ, что сравняешь съ землею прелестную виллу тети Корнеліи? Самое слово «вражеская земля» представляетъ собою собственно ископаемое понятіе тѣхъ временъ, когда война открыто являлась тѣмъ, что составлаетъ ея raison d'être—разбойничьимъ набѣгомъ, и когда вражеская страна манила къ себѣ воина какъ мѣсто добычи, обѣщавшее ему награду...

«Я тутъ бесѣдую съ тобой, какъ въ тѣ чудные часы, когда ты былъ со мною и по прочтеніи какой-нибудь прогрессистской книги, мы философствовали съ тобою по поводу противорѣчій

Digitized by Google

нашего современнаго порядка вещей, такъ согласно, такъ хорошо понимая и дополняя другъ друга. Среди окружающихъ меня нѣтъ никого, никого, съ кѣмъ бы я могла разговаривать о подобныхъ вещахъ. Докторъ Брессеръ былъ еще единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ можно было обмѣниваться мыслями, порицающими войну. Но и тотъ теперь уѣхалъ на эту ненавистную войну, впрочемъ, съ цѣлью исцѣленія ранъ, а не для ихъ нанесенія. Собственно на войнѣ тоже одна нелѣпость — глубокая нелѣпость! — Это гуманность. Или одно, или другое, но человѣколюбіе и война, разумъ и догматъ — несовмѣстимы. Искреннее, пламенное презрѣніе человѣческой жизни — таковъ жизненный нервъ войны. Но мы живемъ въ переходное время. Старыя установленія и новыя идеи дѣйствуютъ съ одинаковой силой. И вотъ люди, не желающіе вполнѣ отрѣшиться отъ стараго, неспособные вполнѣ усвоить новое, пытаются то и другое сплавить вмѣстѣ, откуда и возникаетъ эта лживая, непослѣдовательная, полная борьбы съ противорѣчіями, двусмысленная безурядица, подъ гнетомъ которой такъ стонутъ и страждутъ души, жаждущія правды, прямоты и цѣльности... Ахъ, для чего это я тебѣ все это написала! Едва ли теперь, какъ въ часъ нашихъ мирныхъ бесѣдъ, расположенъ ты къ подобнымъ отвлеченнымъ размышленіямъ. Вокругъ тебя неистовствуетъ ужасная дѣйствительность, съ которой приходится считаться. На сколько было бы лучше, если бы ты могъ относиться къ ней съ наивнымъ взглядомъ старыхъ временъ, когда походная жизнь являлась для солдата утѣхой и наслажденіемъ. Лучше было-бы также, если бы, подобно другимъ женамъ, я могла писать тебѣ письма, полныя благопожеланій, увѣренныхъ предсказаній о побѣдахъ и старанія воспламенить твое мужество... Въ дѣвушкахъ вѣдь также развиваютъ патріотизмъ, чтобы онѣ, когда настанетъ подходящая минута, провозглашали мужчинамъ: «Идите умирать за ваше отечество — это прекраснѣйшая смерть». Или: «Возвращайтесь домой побѣдителями, тогда мы вознаградима васъ нашей любовью. А пока мы станемъ молиться за васъ... Богъ брани, охраняющій наши войска, услышитъ наши молитвы. Денно и нощно будутъ возноситься мольбы наши къ небесамъ, и, конечно, мы вымолимъ себѣ у нихъ милости: вы вернетесь увѣнчанные славой! Мы не ощущаемъ даже трепета за васъ, являясь достойными соучастницами вашего мужества... Нѣтъ, нѣтъ! матери сыновей вашихъ не смѣютъ быть малодушными, если желаютъ воспитать новое поколѣніе героевъ. И даже

Digitized by Google

если бы намъ пришлось утратить самое дорогое для насъ, ради государя и отечества, никакая жертва не покажется слишкомъ большою!»

«Вотъ это было бы настоящее письмо солдатки, не такъ-ли? А не то письмо, какого ты ждешь отъ «своей» жены — солидарной съ тобою во взглядахъ, раздѣляющей твое негодованіе на стародавнее человѣческое безуміе... Не могу выразить тебѣ, какую горькую, мучительную злобу испытываю я! Когда я представлю себѣ оба эти войска, составленныя изъ отдѣльныхъ разумныхъ и въ большинствѣ добрыхъ и кроткихъ людей, стремительно набрасывающимися другъ на друга, съ цѣлью взаимнаго истребленія, раззоряя притомъ несчастную страну, въ которой, подобно игральнымъ картамъ своей кровопролитной игры, швыряютъ они «отбитыми» деревнями... какъ только я себѣ это представлю, то мнѣ хочется крикнуть: «образумтесь-же!.. остановитесь-же!!» И изъ ста тысячъ девяносто, взятые въ отдѣльности, навѣрное и остановились-бы, но, находясь въ массѣ, они продолжаютъ звѣрствовать.

«Однако, довольно. Тебѣ будетъ пріятнѣе получить извѣстія и новости о домашнихъ. И такъ, что касается здоровья, то всѣ мы здоровы. Отецъ постоянно находится въ сильнѣйшемъ возбужденіи по поводу настоящихъ событій. Побѣда подъ Кустоцей наполняетъ душу его лучезарной гордостью, какъ будто онъ самъ одержалъ ее. Во всякомъ случаѣ, блескъ этого дня онъ признаетъ столь яркимъ, что падающій на него, какъ на австрійца и генерала, отблескъ отъ него дѣлаетъ отца вполнѣ счастливымъ. Лори, мужъ которой, какъ тебѣ извѣстно, находится въ южной арміи, также написала мнѣ ликующее письмо по поводу той же Кустоцы. Помнишь, Фридрихъ, какъ я въ теченіе пятнадцати минутъ, ревновала тебя къ добродушной Лори? И какъ потомъ, въ результатѣ этого припадка, любовь моя къ тебѣ и довѣріе окрѣпли еще болѣе?.. О, если бы ты обманулъ меня тогда или хотя когда нибудь чѣмъ нибудь обидѣлъ... тогда мнѣ, конечно, легче было бы выносить теперешнее твое отсутствіе, но сознавать, что такой мужъ, какъ ты, находится подъ градомъ пуль!.. Однако, буду продолжать мои новости: Лори собирается остатокъ своего соломеннаго вдовства провести вмѣстѣ съ маленькой своей Беатрисой у насъ въ Грумитцѣ. Я не могла, конечно, отвѣтить ей отказомъ, хотя, откровенно говоря, всякое общество мнѣ теперь въ тягость. Я хочу быть одной, совсѣмъ одной съ моей тоской по тебѣ, глубину

Digitized by Google

которой никто другой прочувствовать вѣдь не можетъ... На будущей недѣлѣ у Отто начнутся каникулы. Въ каждомъ письмѣ горюетъ онъ о томъ, что кампанія открылась «до», а не послѣ производства его въ офицеры и надѣется, что Богъ дастъ, миръ не «грянетъ» до его выхода изъ академіи. Быть можетъ, онъ и не употребилъ выраженія «грянетъ», но во всякомъ случаѣ оно вполнѣ подходитъ къ его представленію, ибо миръ рисуется ему теперь въ видѣ угрожающаго бѣдствія. Оно вполнѣ естественно,— въ такомъ духѣ они вѣдь и воспитываются. Пока существуютъ войны, до тѣхъ поръ нужно воспитывать воинственныхъ солдатъ; а пока существуютъ воинственные солдаты, должны быть войны... Не есть ли это вѣчный, заколдованный кругъ! Нѣтъ, благодареніе Богу! Эта склонность къ войнѣ, несмотря на всю школьную дрессировку, постоянно притупляется. Въ сочиненіи Генри Томаса Бокля обрѣли мы доказательство этого притупленія, помнишь? Впрочемъ, я не нуждаюсь ни въ какихъ печатныхъ доказательствахъ, стоитъ мнѣ только заглянуть въ твое сердце, твое благородное человѣчное сердце, Фридрихъ, чтобы придти къ этому убѣжденію... Возвращаюсь къ своимъ извѣстіямъ: отъ нашихъ зажиточныхъ родныхъ и знакомыхъ, живущихъ въ Богеміи, отовсюду получаемъ жалобныя письма. Проходящія войска, хотя бы даже они направлялись къ побѣдѣ, опустошаютъ страну и высасываютъ изъ нея соки. Что же будетъ, если непріятель проберется впередъ, если бой разыграется въ той мѣстности, тамъ, гдѣ расположены ихъ замки, поля. Все готово тамъ къ побѣгу, имущество уложено, драгоцѣнности зарыты въ землю. Конецъ веселымъ поѣздкамъ на богемскія воды; конецъ мирнымъ наслажденіямъ въ помѣстьяхъ; конецъ блестящимъ осеннимъ охотамъ, а главное — конецъ обычнымъ доходамъ съ арендныхъ земель и промысловъ. Жатвы будутъ вытоптаны, фабрики, если и не сожжены огнестрѣльнымъ оружіемъ, то, во всякомъ случаѣ, лишены рабочихъ рукъ. «Это сущее горе», пишутъ они, «что мы живемъ какъ разъ на пограничной землѣ, а второе горе заключается въ томъ, что Бенедеку слѣдовало давнымъ давно и рѣшительнѣе перейти въ наступленіе, чтобы и закончить войну въ предѣлахъ Пруссіи». Быть можетъ, нелишнее было бы назвать несчастіемъ также и то, что вся политическая перебранка не была улажена третейскимъ судомъ, вмѣсто того, чтобы этой кровопролитной сутолокѣ давать мѣсто на богемской или на силезской почвѣ (судя по достовѣрнымъ извѣстіямъ путешественниковъ, въ Силезіи вѣдь

Digitized by Google

точно также существуютъ люди, поля и постройки). Но это ни кому не приходитъ въ голову.

«Маленькій мой Рудольфъ сидитъ у моихъ ногъ, пока я пишу тебѣ. Онъ поручаетъ обнять тебя и поклониться нашему милому Пукселю. Намъ обоимъ очень замѣтно отсутствіе нашего добраго веселаго пинчера, но, съ другой стороны, ему такъ трудно было бы не видѣть своего господина, да и тебѣ онъ послужитъ развлеченіемъ. составитъ компанію. Поклонись ему отъ насъ обоихъ, нашему Пукселю, жму ему его честную лапу; Рудя, кромѣ того, цѣлуетъ его добрую черную мордочку.

«А теперь, пока, прощай, жизнь моя!»

* * *

«Неслыханное дѣло!.. Пораженіе за пораженіемъ. Сперва взята штурмомъ забаррикадированная Кламъ-Галласомъ деревня Подолъ, отбитая ночью, при свѣтѣ мѣсяца и огня, затѣмъ завоеванъ Гитчинъ. Игольчатыя ружья—эти проклятыя игольчатыя ружья косятъ нашихъ цѣлыми рядами. Два огромныхъ непріятельскихъ армейскихъ корпуса, одинъ—подъ предводительствомъ кронпринца, другой—принца Фридриха-Карла, соединились и двинулись къ Мюнхенгрецу...»

Таковы были ужасныя извѣстія, которыя отецъ мой передавалъ съ горячностью, равносильной его восторгу при сообщеніи извѣстій о побѣдѣ подъ Кустоццей. Несмотря на это, апломбъ его оставался непоколебимымъ.

— Пускай только пожалуютъ къ намъ, всѣ—всѣ въ нашу Богемію, мы сотремъ ихъ съ лица земли всѣхъ до единаго... Ни выхода, ни отступленія не будетъ уже для нихъ никакого, мы обступимъ ихъ, окружимъ... Наконецъ само озлобленное населеніе доканаетъ ихъ... совсѣмъ не такъ удобно, какъ полагаютъ, воевать на непріятельской почвѣ, потому что тутъ имѣешь противъ себя не только войско, но и мирныхъ жителей... Изъ оконъ домовъ въ Траутенау жители ошпаривали пруссаковъ кипящей водой и масломъ...

У меня вырвался глухой стонъ отвращенія.

— Что ты подѣлаешь?—сказалъ мой отецъ, пожимая плечами—это, правда, жестокосердно,—но на то вѣдь и война.

— Такъ, не утверждай-же, по крайней мѣрѣ, никогда, что война облагораживаетъ человѣка. Признай, что она его обезчеловѣчиваетъ, обращаетъ въ тигровъ, въ дьяволовъ... Кипящее масло!.. Вотъ ужасъ!..

— Необходимая самозащита и справедливая месть, милая

Digitized by Google

Марта. Или ты полагаешь, что ихъ игольчатыя ружья доставляютъ нашимъ войскамъ пріятность?.. Нашимъ храбрецамъ приходится гибнуть, на подобіе беззащитнаго убойнаго скота. Но мы слишкомъ многочисленны, слишкомъ дисциплинированы, слишкомъ хорошіе рубаки, чтобы не справиться съ «портняжными подмастерьями». Съ самаго начала сдѣланы были двѣ ошибки. Съ этимъ я согласенъ. Бенедеку слѣдовало немедленно перейти прусскую границу... У меня является сомнѣніе, насколько удаченъ былъ данный выборъ полководца... Не лучше-ли было-бы послать туда эрцгерцога Альбрехта,, а Бенедеку поручить южную армію... Но я не хочу отчаяваться раньше времени, —до сихъ поръ происходили вѣдь только подготовительныя сраженія, раздуваемыя пруссаками въ великія побѣды; рѣшительныя битвы еще впереди. Теперь мы сконцентрируемся подъ Кенигсгрецемъ и тамъ, располагая силами въ сто тысячъ человѣкъ слишкомъ, будемъ ожидать врага... и тамъ повторится наша сѣверная Кустоцца. Тамъ долженъ былъ участвовать въ бою также и Фридрихъ. Послѣднее коротенькое письмо его, полученное мною въ то-же утро, гласило слѣдующее: «Мы выступаемъ въ Кенигсгретцъ».

До сихъ поръ я аккуратно получала его извѣстія. Хотя въ первомъ своемъ письмѣ Фридрихъ и подготовлялъ меня къ тому, что ему не удастся часто писать, тѣмъ не менѣе онъ пользовался всякой возможностью давать мнѣ о себѣ вѣсточку. Карандашемъ, на конѣ, въ палаткѣ, бѣглымъ, одной мнѣ понятнымъ почеркомъ исписывалъ онъ назначенные для меня листочки изъ своей записной книжечки. Нѣкоторые изъ нихъ ему удалось послать мнѣ, другіе-же только впослѣдствіи, по окончаніи похода, дошли до меня.

Эти памятныя вѣсточки сохраняются мною въ цѣлости и до настоящей минуты. Онѣ не походятъ ни на тщательно стилизированные военные отчеты, въ томъ видѣ какъ послѣдніе представляются газетными корреспондентами въ ихъ редакціи или военными писателями своимъ издателямъ, ни на набросанные эскизы сраженій, щеголяющіе спеціальными стратегическими свѣдѣніями, или картины битвъ, описанныя съ риторической высокопарностью, въ которыхъ разсказчикъ непрестанно старается подчеркнуть собственную свою неустрашимость, героизмъ и патріотическій пылъ. Ничего подобнаго въ набросках Фридриха нѣтъ, это я знаю. Но что именно они собой представляютъ, этого опредѣлить сама не могу. Привожу нѣкоторые изъ нихъ:

Digitized by Google

. . . . . .

«На бивуакѣ.

«Безъ палатокъ... Такая теплая, великолѣпная лѣтняя ночь... небо необъятное, равнодушное, усыпанное мерцающими звѣздами... Солдаты лежатъ на землѣ, обезсиленные длинными, утомительными переходами. Только для насъ, штабъ-офицеровъ, разбито нѣсколько палатокъ. Въ моей поставлены три походныхъ постели. Оба товарища спятъ. Я сижу у стола, на которомъ стоятъ опорожненные стаканы изъ-подъ грога и зажженная свѣча. При слабомъ мерцающемъ свѣтѣ послѣдней (черезъ открытый входъ врывается струя воздуха) пишу я тебѣ, дорогая моя жена. На постель свою я уложилъ Пукселя... вотъ умаялся-то онъ, бѣдняга! Я почти раскаяваюсь, что взялъ его съ собою. Съ нимъ случилось то-же самое, что наши вѣчно твердятъ о прусскомъ ландверѣ: «не привыченъ къ тягостямъ и лишеніямъ походной жизни». Въ данную минуту онъ смачно и сладко храпитъ, и, по моему, навѣрное видитъ во снѣ своего друга и покровителя графа Рудольфа Дотцкаго. А я грежу тобой, Марта... Хотя я и бодрствую, но обманчиво,—словно видѣніе, представляется мнѣ твой милый образъ въ полутемномъ углу палатки, какъ будто ты сидишь на походномъ стулѣ... Какое страстное желаніе охватываетъ меня подойти туда и склонить голову къ тебѣ на колѣни. Но я не дѣлаю этого, зная, что тогда видѣніе разсѣется... Я вышелъ на минуту изъ палатки. Звѣзды горятъ равнодушнѣе, чѣмъ когда либо. По землѣ мелькаютъ разныя тѣни; это отсталые. Много, много такихъ отстало по дорогѣ; теперь, привлеченные сторожевыми огнями, притащились они сюда, хотя далеко не всѣ, нѣкоторые лежатъ еще гдѣ-нибудь въ отдаленной отсюда канавѣ или хлѣбномъ полѣ. Ну и жара-же была въ теченіе этого форсированнаго марша! Солнце пекло, словно вознамѣревшись привести мозгъ нашъ въ состояніе кипѣнія; прибавь сюда тяжелый ранецъ на спинѣ, да еще болѣе тяжеловѣсное ружье, которое солдатъ несетъ на истертыхъ до крови плечахъ.. и несмотря на то ни одинъ не ропталъ. Однако нѣсколько человѣкъ свалились и не могли встать. Двое или трое подверглись солнечному удару и умерли тутъ-же на мѣстѣ. Трупы ихъ положили въ лазаретный фургонъ.

Но эта іюньская лунная и звѣздная ночь, при всей своей теплотѣ, лишена однако своего очарованія. Не слышно ни соловья, ни треска кузнечиковъ; не чувствуется благоуханія ни

Digitized by Google

розъ, ни жасминомъ. Сладостные звуки заглушаются лошадинымъ топотомъ и ржаніемъ, людскими голосами и гуломъ шаговъ патруля; нѣжные ароматы отбиты сѣдельной юфтью и всякими другими казарменными испареніями. Но все это еще ничего, пока не слышно карканья ликующихъ воронъ, пока не чувствуется запаха пороха, крови и гніенія. Это еще впереди—ad majorem patriae gloriam. Изумительно, до чего люди слѣпы! По поводу костровъ, возжигавшихся нѣкогда къ вящшей славѣ Божіей, разражаются они проклятіями противъ слѣпаго и жестокаго, безсмысленнаго фанатизма, а при видѣ современнаго поля сраженія, усѣяннаго трупами, приходятъ въ восторгъ. Мрачные средневѣковые застѣнки вселяютъ въ нихъ отвращеніе—тогда какъ арсеналами своими они гордятся... Свѣча догораетъ, фигура въ томъ углу исчезла—пойду и я, лягу отдохнуть рядомъ съ нашимъ милымъ Пукселемъ».

. . . . . .

«Вершина холма съ группой генераловъ и старшихъ офицеровъ, вооруженныхъ подзорной трубой, вотъ та ситуація на войнѣ, которая наиболѣе богата эстетическими впечатлѣніями. Это хорошо извѣстно господамъ художникамъ-баталистамъ и журнальнымъ иллюстраторамъ: полководцы, съ возвышеннаго пункта, вооруженнымъ глазомъ обозрѣвающіе окрестность, постоянно встрѣчаются на батальныхъ картинахъ, такъ-же часто, какъ и предводители, несущіеся на величественныхъ коняхъ, преимущественно бѣлой масти—во главѣ своихъ войскъ, съ рукой, вытянутой по направленію дымящагося пункта на заднемъ планѣ, обернувшись лицомъ къ скачущимъ за нимъ всадникамъ, и какъ-бы восклицая: «За мной, дѣти!»

Съ вершины холма открывается дѣйствительно уголокъ военной поэзіи. Картина величественна и достаточно удалена отъ зрителя, чтобы производить впечатлѣніе, какое дается настоящимъ художественнымъ произведеніемъ, минуя всѣ эти ужасы и мерзости дѣйствительности: ни льющейся крови, ни предсмертнаго хрипѣнья, ничего, кромѣ высокопрекрасныхъ эффектовъ отъ линій и красокъ. Вдоль далеко растянувшейся дороги виднѣется извивающаяся колонна войска, необозримая лента пѣхоты, кавалерійскихъ отрядовъ и баттарей, затѣмъ движется зарядный паркъ, захваченныя крестьянскія телѣги, вьючныя лошади и въ заключеніе всего обозъ. Еще величественнѣе представляется картина, когда на разстилающемся внизу холма ландшафтѣ рисуется не передвиженіе одного, а столкновеніе

Digitized by Google

двухъ войскъ. Словно волны, неистово бушующія, въ безпорядкѣ вздымаются тогда сверкающіе клинки, развѣвающіяся знамена, мундиры всѣхъ цвѣтовъ, взвивающіяся на дыбы лошади, а надъ всѣмъ этимъ разстилаются облака дыма, мѣстами сгущающіяся въ плотныя покрывала, окутывающія картину, которыя, разрываясь, открываютъ зрителю группы сражающихся... Аккомпаниментомъ къ этому зрѣлищу служитъ грохотъ орудій, раскатывающійся по горамъ, въ каждомъ раскатѣ котораго гремитъ слово смерть... смерть... смерть!..—Да, такія картины должны вдохновлять пѣвца военныхъ пѣсенъ!

Но и при составленіи современныхъ историческихъ описаній, появляющихся въ печати послѣ похода, позиція на холмѣ представляетъ выгодную оказію, благодаря которой, во всякомъ случаѣ, можно съ нѣкоторой достовѣрностью разсказывать: дивизія X сталкивается съ непріятелемъ около N; оттѣсняетъ его; добирается до главной силы арміи; сильные, непріятельскіе отряды показываются на лѣвомъ флангѣ корпуса и т. д., и т. п. Но тотъ, кто не наблюдаетъ съ холма въ подзорную трубу, а самъ принимаетъ участіе въ «дѣлѣ», никогда, никогда не можетъ сообщить что-нибудь достовѣрное о ходѣ сраженія. Онъ видитъ, соображаетъ и чувствуетъ лишь происходящее непосредственно около него, а то, что разсказываетъ впослѣдствіи, есть не болѣе какъ догадки, для бо́льшей наглядности которыхъ онъ пользуется готовыми клишэ. «Ну, Тиллингъ», обратился ко мнѣ сегодня одинъ изъ генераловъ, около котораго я стоялъ на холмѣ, «развѣ это не величественное зрѣлище? Великолѣпное у насъ войско, а? О чемъ это вы теперь раздумываете?» О чемъ я думалъ? Этого я не могъ откровенно высказать своему начальнику, и потому почтительнѣйшимъ образомъ отвѣтилъ ему неправду. Образцовое послушаніе и правда вообще не имѣютъ ничего общаго между собою. Послѣдняя черезъ-чуръ гордое созданіе, отъ всего рабскаго она отвертывается съ презрѣемъ».

. . . . . .

«Деревня наша... нѣтъ, она отбита непріятелемъ... она снова въ нашихъ рукахъ... и снова взята врагомъ; впрочемъ, это уже больше не деревня, а груда дымящихся развалинъ. Жители (*которымъ* она вѣдь собственно и принадлежала) заблаговременно покинули ее и бѣжали. Это было ихъ счастье, потому что битва въ обитаемомъ мѣстѣ представляетъ собою нѣчно ужасное: пули непріятеля и своихъ падаютъ прямо въ комнаты, убивая жен-

Digitized by Google

щинъ и дѣтей. Одна семья поневолѣ осталась въ этомъ мѣстечкѣ, которое мы вчера взяли, затѣмъ отдали непріятелю, снова отобрали отъ него и снова отдали. То была чета стариковъ съ дочерью, лежавшей въ родовыхъ мукахъ. Мужъ ея служитъ въ нашемъ полку. При нашемъ приближеніи къ деревнѣ, онъ сказалъ мнѣ объ этомъ: «Вотъ тамъ, г. подполковникъ, въ домѣ съ красной крышей живетъ жена моя съ престарѣлыми своими родителями... Они не могли бѣжать, бѣдняги... жена съ часу на часъ ожидаетъ родовъ, а старики почти совсѣмъ разбиты параличемъ... ради самого Бога, г. подполковникъ, командируйте меня туда!» «Бѣдный малый: онъ пришелъ какъ разъ во время, чтобы принять послѣдній вздохъ родильницы и новорожденнаго: бомба разорвалась у самой постели... Что сталось съ стариками,— не знаю. По всей вѣроятности, они были погребены подъ развалинами; домъ ихъ загорѣлся подъ выстрѣлами однимъ изъ первыхъ. Бой въ открытомъ полѣ уже достаточно ужасенъ, но посреди человѣческихъ жилищъ сраженіе вдесятеро ужаснѣе. Обрушивающіяся балки, вспыхивающее въ разныхъ мѣстахъ пламя, удушливый дымъ, бѣснующійся въ испугѣ скотъ... каждая стѣна представляетъ крѣпость или баррикаду, каждое окно — бойницу... Я видѣлъ тамъ брустверъ, образованный изъ труповъ. Защищавшіеся настлали рядами другъ на друга всѣхъ убитыхъ, павшихъ по близости, чтобы изъ-за этого прикрытія стрѣлять по нападающимъ. Этой стѣны не забыть мнѣ никогда въ жизни... одинъ изъ служившихъ кирпичемъ этого сооруженія, засунутый между другими трупами-кирпичами, былъ еще живъ,—онъ шевелилъ руками...

«Еще живъ»,—состояніе, встрѣчающееся на войнѣ въ тысячѣ варіантовъ и заключающее въ себѣ невыразимѣйшія мученія. Если-бы существовалъ на свѣтѣ какой нибудь ангелъ милосердія, который, витая надъ боевыми полями, наносилъ-бы послѣдній смертельный ударъ несчастнымъ страдальцамъ—людямъ или животнымъ, которые еще живы—вдоволь хватило бы ему работы!»

. . . . . .

«Сегодня у насъ была небольшая кавалерійская стычка въ открытомъ полѣ. Прусскій драгунскій полкъ рысью подошелъ къ намъ, выстроился въ линію и, натянувъ поводья лошадей, сабли на-голо, короткимъ галопомъ прямо помчался на насъ. Мы не вынесли нападенія, а сами бросились на встрѣчу непріятелю. Не было дано ни единаго выстрѣла.

Digitized by Google

Не доѣзжая нѣсколькихъ шаговъ одна до другой, обѣ линіи разразились громовымъ ура (крикъ опьяняетъ: зулусамъ и индѣйцамъ это извѣстно еще лучше нашего), и затѣмъ мы ринулись другъ на друга, и столкнулись лошадь объ лошадь, колѣни объ колѣни; сабли взвились кверху и опустились на головы противниковъ. Вскорѣ оба войска такъ сплотились между собою, что невозможно было употреблять оружія. Тогда непріятели схватились грудь съ грудью, причемъ испуганныя и разгоряченныя лошади, храпя бросались изъ стороны въ сторону, подымались на дыбы, били копытами. Мой конь также вышибъ меня какъ-то изъ сѣдла, причемъ лежа на землѣ, я увидѣлъ, — не скажу, чтобы очень пріятное зрѣлище—бьющія лошадиныя копыта на одну линію отъ моего виска».

«Опять дневной переходъ съ одной или двумя стычками. Мнѣ пришлось пережить большое горе. Меня преслѣдуетъ теперь эта печальная картина. Среди той массы мрачныхъ картинъ, которыми я окруженъ, казалось, это не должно было-бы дѣйствовать на меня такъ сильно, не могло причинять такого огорченія. Но я ничего не въ силахъ съ собой подѣлать; жалость щемитъ мое сердце и неотступно преслѣдуетъ меня... Пуксель— бѣдный нашъ, веселый добрый пинчеръ... ахъ, зачѣмъ не оставилъ я его дома, у его маленькаго хозяина, Рудольфа! По обыкновенію, бѣжалъ онъ за нами. Вдругъ раздался жалобный его визгъ... Осколкомъ гранаты ему оторвало переднія лапки... Лишенный возможности слѣдовать за нами, онъ остался брошенный на дорогѣ, хотя «еще живой». Прошло двадцать четыре часа, сорокъ восемь часовъ, а онъ все еще былъ живъ. «Баринъ, добрый баринъ,—жалобно визжалъ онъ мнѣ вслѣдъ,— не бросай такъ бѣднаго Пукселя», и маленькое сердечко его надрывалось... Что мнѣ особенно прискорбно, такъ это мысль, что вѣрное животное, умирая поневолѣ, должно было несправедливо обвинять меня въ жестокосердіи. Пуксель видѣлъ, какъ я обернулся, слѣдовательно, слышалъ вопль его о помощи, и тѣмъ не менѣе такъ равнодушно и безжалостно бросилъ его на мѣстѣ его паденія. Вѣдь онъ не зналъ, бѣдный мой Пуксель, что полку, несущемуся въ аттаку, нельзя было скомандовать «стой!» изъ-за раненой собачки, когда въ этотъ моментъ даже падающіе изъ рядовъ товарищи остаются неподнятыми. О высшемъ долгѣ, которому подчинялся я въ данномъ случаѣ, онъ не имѣлъ никакого представленія, и бѣдное, преданное его собачье сердце обвиняло меня въ жестокосердіи... Какъ это посреди «великихъ

Digitized by Google

событій и колоссальныхъ бѣдствій, которыми преисполнено настоящее время, можно огорчаться такими пустяками!» скажутъ многіе,—не ты, конечно, Марта,—пожимая плечами. Не ты,—въ этомъ я увѣренъ,—у тебя тоже навернулись теперь слезы на глазахъ о нашемъ бѣдномъ Пукселѣ».

. . . . . .

«Что такое тамъ творится? Выстраивается экзекуціонный взводъ. Не поймали ли шпіона? Одного?.. На сей разъ цѣлыхъ десять. Вотъ уже ведутъ ихъ. Построенные въ четыре ряда, по четыре человѣка въ каждомъ, склонивъ головы, двигаются они, окруженные сомкнутымъ каре солдатъ. За ними видна телѣга, въ которой лежитъ трупъ, а на трупѣ привязанный къ трупу же веревками сидитъ сынъ покойнаго, двѣнадцатилѣтній мальчикъ—также осужденный...

Я не въ состояніи выносить казни, и потому удаляюсь. Но выстрѣлы донеслись таки до моего слуха... Изъ-за стѣны поднимается облако дыма... со всѣми покончили, не исключая и мальчика».

. . . . . .

«Наконецъ-то добрались до удобной ночевки въ маленькомъ городкѣ! Бѣдное гнѣздо! Запасы, которыхъ хватило-бы жителямъ на цѣлый мѣсяцъ, мы всѣ отобрали у нихъ реквизиціей. «Реквизиція»... хорошо еще, что для подобныхъ вещей имѣются красивыя, сакціонированныя названія.

Однако, всетаки я очень обрадовался покойной постели и вкусному ужину. Затѣмъ... нѣтъ, дай разскажу тебѣ по порядку.

Я собирался уже улечься въ постель, какъ вдругъ денщикъ докладываетъ мнѣ, что одинъ рядовой изъ нашего полка настоятельно требуетъ, чтобы его впустили, такъ какъ онъ имѣетъ мнѣ что-то передать. «Такъ пусть войдетъ!». Его ввели ко мнѣ.

А при уходѣ его, щедро наградивъ его, я крѣпко пожалъ ему обѣ руки и обѣщалъ ему позаботиться объ его женѣ и дѣтяхъ, если-бъ съ нимъ что случилось. Ибо то, что онъ принесъ мнѣ, этотъ славный малый, доставило мнѣ большую радость и сняло съ души моей тотъ гнетъ, который давилъ ее въ теченіе тридцати шести часовъ, то, что онъ принесъ мнѣ—былъ мой Пуксель. Правда, раненый, пострадавшій на полѣ чести, но еще живой и безмѣрно «счастливый» тѣмъ, что снова обрѣтается у своего господина, по обхожденію съ нимъ котораго онъ могъ убѣдиться, какъ несправедливо было обвиненіе его въ моемъ

Digitized by Google

бездушіи... Вотъ трогательная-то была сцена свиданія! Прежде всего онъ получилъ чашку съ водой. Какой она показалась ему вкусной... но онъ разъ десять отрывался отъ питья, несмотря на мучившую его жажду, и принимался привѣтствовать меня радостнымъ лаемъ. Затѣмъ я перевязалъ ему его изуродованныя лапки, предложилъ ему вкусный ужинъ изъ мяса и сыру и уложилъ въ мою постель. Оба мы отлично спали. Поутру, когда я проснулся, онъ еще разъ съ благодарностью облизалъ мнѣ руку, затѣмъ вытянулъ свои маленькіе члены, глубоко вздохнулъ и пересталъ существовать. Бѣдняга Пуксель—такъ-то лучше!»

. . . . . .

«Чего я только не насмотрѣлся сегодня! Стоитъ мнѣ закрыть глаза, чтобы все видѣнное возстало въ моей памяти съ поразительною ясностью. «Ничего кромѣ картинъ печали и ужаса!» скажешь ты. Отчего же другія уносятъ съ войны такія бодрыя радостныя впечатлѣнія? Да потому, что эти другія отворачиваются отъ всякаго горя и ужаса, замалчиваютъ ихъ. При описаніяхъ или разсказахъ, они вообще не даютъ себѣ труда изобразить пережитое такъ, какъ оно было въ дѣйствительности, напротивъ того, стараются шаблонно подражать нѣкогда прочтеннымъ описаніямъ, выставляя наружу лишь тѣ ощущенія, которыя считаются геройскими. Если же, между прочимъ, они касаются сценъ истребленія людей, заключающихъ въ себѣ величайшую скорбь и величайшій ужасъ, въ тонѣ ихъ не должно звучать ни того, ни другого. Наоборотъ, чѣмъ ужаснѣе картина, тѣмъ равнодушнѣе ее описываютъ, чѣмъ отвратительнѣе—тѣмъ развязнѣе.

О порицаніи, негодованіи, возмущеніи нѣтъ и помину—развѣ какой-нибудь легкій намекъ на сантиментальное сожалѣніе, два—три трогательныхъ вздоха. А затѣмъ снова быстро задирается носъ къ верху, «обращая сердце къ Богу, а длань на врага». Ура и тра-ра!

Вотъ тебѣ, напримѣръ, двѣ картины, запечатлѣвшіяся во мнѣ:

«Крупныя скалистыя высоты; на подобіе кошекъ карабкающіеся по нимъ егеря. Возвышенность эту надо «взять», сверху палитъ непріятель. Я вижу передъ собою взбирающихся кверху нашихъ солдатъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ, сраженные вражеской пулей, вдругъ вытягиваютъ впередъ обѣ руки, ружье и, опрокидываясь навзничъ головой, летятъ стремглавъ съ высоты внизъ по ступенямъ, съ одного скалистаго уступа на другой, раздробляя въ дребезги свои члены...

Digitized by Google

Вижу одного всадника въ нѣкоторомъ отдаленіи, наискось позади меня, возлѣ него лопается граната. Его лошадь бросается въ сторону и прижимается къ крупу моего коня, затѣмъ она стрѣлой мчится мимо меня. Всадникъ держится еще въ сѣдлѣ, но осколкомъ гранаты прорвало ему животъ и вырвало наружу всѣ внутренности. Верхняя часть тѣла его соединяется съ нижней однимъ позвоночнымъ столбомъ, а отъ реберъ до бедръ видна одна сплошная, большая кровавая дыра... На нѣкоторомъ разстояніи онъ валится съ сѣдла, причемъ одной ногой застреваетъ въ стремени, и неудержимо несущаяся впередъ лошадь волочитъ его за собой по каменистой почвѣ.

По размытому дождемъ крутому скату дороги взбирается отрядъ артиллеріи. Лафеты съ орудіями выше колесъ завязли въ грязи. Лишь съ крайними усиліями, обливаясь потомъ и побуждаемыя немилосерднѣйшими ударами, лошади трогаются съ мѣста. Но одна изъ нихъ, измученная уже до смерти, не можетъ сдѣлать больше ни единаго шагу. Побои не дѣйствуютъ: она бы и хотѣла, да не можетъ, не въ силахъ. Неужели-же этого не разумѣетъ человѣкъ, удары котораго градомъ сыплются на голову несчастнаго животнаго. Будь этотъ жестокій негодяй ломовикомъ, везущимъ камень для какой нибудь постройки, каждый полицейскій, да и я самъ, арестовалъ бы его. Этотъ-же канониръ, которому приказано доставить непомѣрно тяжелое орудіе, исполнялъ только свою обязанность. Но бѣдная лошадь не могла же этого знать; истерзанное, доброе, благородное животное, которое надрывалось до послѣднихъ своихъ силъ, что могло оно думать о подобной жестокости, и такой непонятливости? Думать именно такъ, какъ думаютъ животныя, т. е. не формулируя свою мысль словами и понятіями, а оставаясь въ предѣлахъ ощущеній, тѣмъ болѣе острыхъ, что онѣ лишены возможности вылиться наружу. Единственнымъ выраженіемъ для этого служитъ крикъ боли. И она дѣйствительно застонала, та несчастная лошадь, когда наконецъ у ней подкосились ноги, такимъ протяжнымъ и жалобнымъ стономъ, что онъ до сихъ поръ раздается у меня въ ушахъ, а на слѣдующую ночь преслѣдовалъ меня даже и во снѣ. Впрочемъ, то былъ отвратительный сонъ... Мнѣ казалось, будто я... какъ мнѣ это выразить?.. Сны до того бываютъ безсмысленны, что ихъ трудно передать языкомъ, приспособленнымъ къ выраженію разумной мысли. Такъ, мнѣ снилось, какъ будто я былъ горькимъ сознаніемъ одной такой артиллерійской лошади. . нѣтъ! не одной, а

Digitized by Google

цѣлыхъ 100.000 такихъ лошадей, ибо я быстро разсчиталъ во снѣ сумму погибающихъ въ походѣ коней, и тогда горе это увеличилось во мнѣ въ 100.000 кратъ... Люди, тѣ, по крайней мѣрѣ, *знаютъ*, во имя чего жизнь ихъ подвергается опасности, знаютъ куда они идутъ и для чего? Мы-же несчастныя не вѣдаемъ ничего, вокругъ насъ одинъ мракъ и ужасъ. Люди идутъ съ друзьями противъ врага, мы же со всѣхъ сторонъ окружены врагами... собственные наши хозяева, къ которымъ мы такъ искренно привязаны, которымъ служимъ, не щадя живота своего, забиваютъ насъ до смерти, бросаютъ насъ безъ помощи на дорогѣ... А какія мученія вмѣстѣ съ тѣмъ приходится выносить намъ, страхъ, отъ котораго холодный потъ выступаетъ у насъ по всему тѣлу; жажда, потому что у насъ также бываетъ лихорадка, о, эта жажда, страшная жажда бѣдныхъ, обливающихся кровью, избитыхъ 100.000 лошадей!.. Тутъ я проснулся и схватился за бутылку съ водой, такъ какъ меня самого томила жгучая, лихорадочная жажда».

. . . . . .

«Снова сраженіе на улицѣ—въ городкѣ Заарѣ. Къ шуму боевыхъ криковъ и орудій присоединяется трескъ балокъ и грохотъ валящихся стѣнъ. Одна граната, ударившись въ домъ, пробиваетъ притомъ такую громадную брешь, что взлетѣвшими на воздухъ обломками дома ранитъ многихъ солдатъ. Черезъ мою голову перелетаетъ оконная рама, вмѣстѣ съ оконницами. Трубы сваливаются съ крышъ, известка разсыпается въ пыль и наполняетъ воздухъ удушливымъ, ѣдкимъ облакомъ этой пыли. Сраженіе переходитъ съ одной улицы на другую (какъ стучатъ копыта о выложенную камнемъ мостовую!) и наконецъ достигаетъ базарной площади, посреди которой стоитъ высокая каменная колонна съ изображеніемъ Дѣвы Маріи. Богоматерь одной рукой поддерживаетъ Младенца, а другую простираетъ благословляя. Здѣсь продолжается начатая борьба, грудь съ грудью. На меня направилось нѣсколько сабель, и я своей саблей размахиваю во всѣ стороны... Попалъ-ли я въ одного или въ нѣсколькихъ, этого я не знаю: въ такіе моменты дѣйствуешь почти безсознательно. Однако, два эпизода запечатлѣлись таки въ моей душѣ, и я боюсь, что во вѣкъ не забыть мнѣ Заарской базарной площади.

Какой-то прусскій драгунъ, по силѣ сущій Голіаѳъ, срываетъ съ сѣдла одного нашего офицера (красивенькаго тщедушнаго поручика, — сколько, небось, барышень мечтало о

Digitized by Google

немъ!) и раскраиваетъ ему черепъ у подножія колонны Богоматери. Кроткій ликъ Мадонны неподвижно взираетъ на это. Другой непріятельскій драгунъ, такой же Голіаѳъ, какъ и первый, совсѣмъ передо мной, схватываетъ моего сосѣда и съ такой силой запрокидываетъ его въ сѣдлѣ на спину, что переламываетъ ему — я слышалъ, какъ хрустнули кости — спинной хребетъ... И на то послѣдовало каменное благословеніе Мадонны».

. . . . . .

«Сегодня съ одной возвышенности вооруженному глазу штабъ-офицеровъ снова открылось нѣсколько разнообразныхъ зрѣлищъ. Такъ, напр., тутъ обрушился мостъ въ тотъ моментъ, когда по немъ двигался цѣлый обозъ фургоновъ. Были-ли въ нихъ раненые? — Этого я не знаю, этого я не могъ разглядѣть... Я видѣлъ только, что все — фургоны., лошади и люди — погрузилось въ волны, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ глубокое, быстрое теченіе, и въ нихъ исчезло. Эпизодъ этотъ оказывался «благопріятнымъ», потому что обозъ принадлежалъ «чернымъ». Я именно представляю себѣ въ этой съигранной партіи «насъ» въ видѣ бѣлыхъ фигуръ. Мостъ обрушился не случайно; бѣлые, пронюхавъ, что противникъ долженъ проходить по немъ, подпилили мостовые устои—такъ что это былъ удачный ходъ.

Другой видъ, открывавшійся съ той же высоты, напротивъ того, указывалъ на ошибочный ходъ бѣлыхъ. Нашъ полкъ направили въ болото, откуда онъ не могъ выбраться, и такимъ образомъ врагъ пристрѣлилъ ихъ всѣхъ за весьма малыми исключеніями. Раненые падали прямо въ трясину... чтобы утонуть въ ней, захлебнуться—причемъ тина набивалась въ ротъ, носъ и глаза и они не имѣли возможности даже крикнуть!.. Ну, само собой, конечно, это была ошибка со стороны тѣхъ, кто послалъ туда этихъ людей; ошибаться же свойственно человѣку, да и потеря-то не велика, приблизительно равняется побитой пѣшкѣ; одинъ геніальный ходъ туромъ или королевой, и снова окажется все въ исправномъ видѣ. Положимъ, глотки и глаза павшихъ воиновъ забиты тиной, но все это второстепенное дѣло—порицанія достоинъ здѣсь именно тактическій промахъ, его необходимо загладить послѣдующей счастливой комбинаціей, и набѣдокурившій полководецъ можетъ еще получить разные ордена и повышенія.

Недавно нашъ 18 егерскій батальонъ, во время ночного боя,

Digitized by Google

въ теченіе нѣсколькихъ часовъ стрѣлялъ себѣ, какъ ни въ чемъ ни бывало, въ нашъ-же полкъ имени короля Прусскаго и только на зарѣ замѣтилъ свою ошибку, одна часть полка Гіулая заведена была въ прудъ: все это тоже лишь мелкія оплошности, какія въ разгарѣ игры могутъ случиться съ самымъ искуснымъ игрокомъ».

. . . . . .

«Дѣло рѣшенное; какъ только вернусь изъ этого похода, выхожу изъ военной службы. Помимо всего прочаго—разъ къ какому нибудь дѣлу человѣкъ доходитъ до такой антипатіи, какую мнѣ отнынѣ вселяетъ война, то продолжать служеніе этому дѣлу явилось бы непрестанной фальшью. И прежде, какъ тебѣ извѣстно, отправлялся я въ битву съ отвращеніемъ, осуждая ее, но только именно теперь отвращеніе мое къ войнѣ дошло до такой степени напряженія, осужденіе ея такъ обострилось, что всѣ основанія, удерживавшія меня раньше на этомъ поприщѣ, утратили въ глазахъ моихъ всякое значеніе.

Взгляды въ пользу войны, привитые съ дѣтства воспитаніемъ, а частью прирожденные, сохранившіеся у меня въ душѣ, за послѣдніе пережитые ужасы были уничтожены. Не знаю, быть можетъ, тому способствовало и наше общее чтеніе, изъ котораго я узналъ, что не я одинъ презираю войну, что мой взглядъ раздѣляютъ самые свѣтлые современные умы; можетъ быть, и наши разговоры съ тобой, въ которыхъ я высказывалъ свои взгляды, твое сочувствіе укрѣпляли ихъ во мнѣ, короче сказать, мое прежнее неопредѣленное чувство превратилось въ глубокое убѣжденіе—убѣжденіе, которое сдѣлало для меня невозможнымъ поклоненіе богу войны. Такой переворотъ бываетъ у многихъ по отношенію къ религіи.

Такъ случилось со мной относительно моего служенія богу Марсу. Все таинственное, сверхестественное, возбуждающее во мнѣ поклоненіе, что такъ дѣйствуетъ на людей при появленіи этого божества, что въ прежнее время дѣйствовало и на меня, въ настоящее время перестало для меня существовать. Литургія изъ военныхъ приказовъ, геройскія фразы обрядовъ для меня перестали быть вдохновляющимъ текстомъ; сильные звуки органа—пушекъ, ѳиміама — пороха, меня не приводили больше въ восторгъ; съ полнымъ безвѣріемъ, безъ всякаго почитанія присутствую я при страшномъ жертвоприношеніи, не видя въ немъ ничего, кромѣ мученій жертвы, не слыша ничего, кромѣ ея предсмертныхъ, отчаянныхъ воплей. Вотъ почему на этихъ

Digitized by Google

страницахъ моихъ впечатлѣній отъ войны, нѣтъ ничего, кромѣ видѣнныхъ бѣдствій».

* * *

Состоялась битва подъ Кениггретцомъ. Опять пораженіе. На этотъ разъ повидимому рѣшающее... Отецъ сообщилъ намъ объ этомъ точно о концѣ міра. И ни письма, ни депеши отъ Фридриха! Раненъ-ли онъ—убитъ-ли? Конрадъ увѣдомилъ свою невѣсту, что онъ невредимъ. Списки съ фамиліями павшихъ еще не были получены, было только одно извѣстно: подъ Кениггретцомъ 40 тысячъ убитыхъ и раненыхъ. Послѣднее извѣстіе, которое я имѣла, было: «Мы сегодня выступаемъ въ Кениггретцъ». И третій день ни слуха. Я плачу и плачу часами. Именно потому, что мое горе не совсѣмъ еще безнадежно, я могу еще плакать; если-бъ я знала, что все кончено, тогда для тяжести моего горя не было-бы слезъ. Мой отецъ тоже подавленъ. Братъ Отто кипятится и жаждетъ мести. Говорятъ, въ Вѣнѣ учреждается корпусъ добровольцевъ. Онъ хочетъ приписаться къ нему. Затѣмъ, будто-бы Бенедекъ смѣщается и вмѣсто него главнокомандующимъ сѣверною арміею назначается побѣдоносный эрцгерцогъ Альбрехтъ; тогда еще не все потеряно, еще можно будетъ поправить дѣло. Отплатить самонадѣянному врагу, который теперь собирается насъ совсѣмъ уничтожить и уже направляется на Вѣну... Страхъ, негодованіе, скорбь царятъ повсюду—слово «пруссаки» служитъ для выраженія всего ненавистнаго. Моя единственная мысль о Фридрихѣ — и объ немъ никакихъ извѣстій!

Черезъ нѣсколько дней было получено письмо отъ доктора Брессера. Онъ находился неподалеку отъ поля битвы, чтобы по возможности оказывать помощь. Нужда такъ велика, пишетъ онъ, что всякая сила воображенія пасуетъ передъ нею. Онъ примкнулъ къ одному саксонскому доктору Брауеру, который былъ присланъ отъ своего правительства, чтобы сообщить о положеніи дѣлъ. Черезъ два дня должна была прибыть одна саксонская дама, г-жа Симонъ, новая миссъ Найтингель, которая съ начала войны работала въ Дрезденскомъ госпиталѣ, она сама предложила свои услуги отправиться на богемскія поля битвъ ухаживать за ранеными въ окрестныхъ госпиталяхъ. Было рѣшено, что докторъ Брауеръ, а съ нимъ и д-ръ Брессеръ въ назначенное число, въ 7 ч. вечера, отправятся въ Кенигенгофъ, послѣднюю станцію передъ Кениггретцомъ, дальше которой не шла желѣзная дорога, и тамъ они должны были встрѣ-

Digitized by Google

титься съ отважной женщиной. Брессеръ просилъ насъ выслать ему туда на станцію запасъ перевязочнаго матеріала, чтобы получить его тамъ.

Едва я дочитала это письмо, какъ уже рѣшила, что отвезу этотъ ящикъ сама. Быть можетъ, въ одномъ изъ госпиталей, куда собиралась ѣхать г-жа Симонъ, лежалъ Фридрихъ... Я вмѣстѣ съ ней розыщу дорогого больного, буду за нимъ ухаживать, спасу его... Эта идея до того преслѣдовала меня, что я приписывала ее магнетическому вліянію сильнаго желанія, съ которымъ Фридрихъ звалъ меня.

Я никому не сказала изъ своихъ о моемъ намѣреніи, меня всѣ стали-бы навѣрно отговаривать и, черезъ нѣсколько часовъ по полученіи письма Брессера, я уже выѣхала. Я сказала дома, что ѣду въ Вѣну, чтобы исполнить самой всѣ порученія Брессера и такимъ образомъ, я безъ затрудненія выѣхала изъ Грумитца. Изъ Вѣны я собиралась написать отцу: «отправилась на поле сраженія». Мнѣ приходили въ голову разныя сомнѣнія: моя неспособность, моя неопытность, мое отвращеніе къ ранамъ, къ крови, къ смерти, но я отгоняла отъ себя эти сомнѣнія; то, что я дѣлала, я *должна* была сдѣлать. Я чувствовала на себѣ умоляющіе и повелѣвающіе глаза моего мужа, онъ протягивалъ мнѣ руки съ своего одра страданій. «Иду, иду!» было одно, что я могла думать.

Я застала Вѣну въ страшномъ волненіи и смятеніи. Всюду растерянныя лица. На встрѣчу попадались кареты съ ранеными. Нѣтъ ли въ нихъ Фридриха, думала я... Но нѣтъ, его тонъ, который мнѣ слышался, доносился ко мнѣ изъ далека, изъ Богеміи. Если бы онъ былъ доставленъ въ Вѣну, мы получили бы одновременно извѣстіе объ этомъ.

Я велѣла везти себя въ гостинницу, оттуда я справила всѣ мои покупки, отправила письмо въ Грумитцъ, переодѣлась въ самое простое дорожное платье и поѣхала на станцію Сѣверной желѣзной дороги. Я хотѣла попасть на первый отходящій поѣздъ, чтобы пораньше пріѣхать на мѣсто моего назначенія. Я дѣйствовала точно подъ вліяніемъ преслѣдующей меня idée fixe.

На желѣзной дорогѣ кипѣла жизнь—не вѣрнѣе ли сказать—«смерть». Платформа, всѣ залы, всѣ выходы, все было завалено ранеными, многіе находились уже при смерти. При этомъ страшная суетня: санитары, сестры милосердія, доктора, мужчины женщины всѣхъ сословій, которыя пришли посмотрѣть, не при

Digitized by Google

везъ ли послѣдній транспортъ кого-нибудь изъ нихъ близкихъ, или же для того, чтобы надѣлить раненыхъ подарками, виномъ, сигарами и пр. Желѣзнодорожные служащіе всюду расталкивали публику, меня тоже собирались отстранить:

— Вамъ что нужно?.. Пропустите... передавать съѣстныхъ припасовъ не разрѣшается... обратитесь въ комитетъ... Тамъ принимаются подарки...

— Нѣтъ, нѣтъ,—проговорила я,—я хочу ѣхать. Когда отходитъ слѣдующій поѣздъ?

На этотъ вопросъ я долго не могла получить отвѣта. Большая часть пассажирскихъ поѣздовъ была уничтожена,—узнала я наконецъ,—такъ какъ линія должна быть свободна для безпрестанно прибывающихъ транспортовъ раненыхъ. Вообще, сегодня пассажирскихъ поѣздовъ больше не пойдетъ. Пойдетъ всего два поѣзда, одинъ съ резервнымъ войскомъ, другой исключительно по распоряженію Патріотическаго общества—съ докторами, сестрами милосердія и перевязочнымъ матеріаломъ въ окрестности Кенигрецта.

— А я развѣ не могу поѣхать съ этими поѣздами?

— Это невозможно.

Все яснѣе слышался мнѣ голосъ Фридриха, который меня звалъ, и невозможность къ нему попасть—просто отчаяніе!

Вдругъ я увидала у входа барона С., вице-предсѣдателя Патріотическаго общества, того самаго, котораго я знала еще съ войны 59 года. Я бросилась къ нему.

— Ради бога, баронъ, помогите мнѣ... вѣдь вы узнали меня?

— Какъ же! помилуйте, баронесса Тиллингъ, дочь генерала графа Альтгауза... Чѣмъ могу вамъ служить?

— Вы отправляете поѣздъ въ Богемію... позвольте мнѣ ѣхать съ нимъ... Меня вызываетъ къ себѣ мой умирающій мужъ—если у васъ есть сердце—ваша дѣятельность уже доказательство вашего прекраснаго, благороднаго сердца—не откажите мнѣ въ моей просьбѣ!

Долго еще раздумывали, не соглашались, но въ концѣ концовъ мнѣ было разрѣшено ѣхать. Баронъ С. подозвалъ одного доктора, котораго отправлялъ комитетъ, представилъ меня ему и сдалъ меня на его попеченіе. До отъѣзда оставался часъ. Я хотѣла пробраться въ залъ, но всѣ помѣщенія были превращены въ госпиталь. Куда ни взглянешь, вездѣ раненые, вездѣ блѣдныя истощенныя лица. Если-бъ можно было на нихъ

Digitized by Google

не смотрѣть. Мою небольшую энергію надо было приберечь на дорогу и на ея цѣль. Я не должна была здѣсь ничего растрачивать, ни изъ того запаса силы, ни изъ сочувствія, ни помощи, которыми я могла располагать, все это принадлежало ему, ему, который звалъ меня.

Какъ на бѣду, не было ни одного уголка, гдѣ-бы не приходилось видѣть того же самаго. Я побѣжала на подъѣздъ и тамъ мнѣ пришлось видѣть еще нѣчто болѣе ужасное—приходъ длиннаго поѣзда, вагоны, котораго были наполнены ранеными, и разгрузка его. Легко раненые выходили сами, еле передвигаясь, но большинство надо было выносить. Всѣ носилки сейчасъ же были заняты и многочисленныхъ паціентовъ приходилось выгружать прямо на полъ, гдѣ имъ приходилось лежать покуда до нихъ дойдетъ очередь. Я сидѣла на ящикѣ, къ моимъ ногамъ положили одного несчастнаго, который непрерывно хрипѣлъ. Я нагнулась къ нему, желая ему сказать слово утѣшенія и отскочила въ ужасѣ, закрывая лицо руками, — до того было страшно то, что я увидѣла. На немъ не было человѣческаго образа, нижней челюсти не было, одинъ глазъ вытекалъ... при этомъ невыносимый запахъ крови и испражненій... я готова была бѣжать безъ оглядки, меня тошнило, голова откинулась къ стѣнѣ. «О безсовѣстная безсильная трусиха!», бранила я себя мысленно, «зачѣмъ попала я сюда, въ это бѣдствіе, когда я ничѣмъ не могу помочь... гдѣ я ощущаю чувство такого отвращенія?»... Только мысль о Фридрихѣ придавала мнѣ силы. Только ради него, еслибы онъ даже былъ въ такомъ состояніи, какъ этотъ несчастный у моихъ ногъ, я бы могла все вынести, я бы въ состояніи была его обнимать, цѣловать, все ужасное было-бы поглощено любовью. «Фридрихъ, мой Фридрихъ, иду, иду!» повторяла я въ полъ-голоса эту преслѣдующую меня мысль, которая съ тѣхъ поръ, какъ было получено письмо Брессера, меня ни на минуту не покидала. У меня вдругъ мелькнуло въ головѣ, а что если это Фридрихъ? Я собрала всѣ мои силы и еще разъ взглянула на него. То былъ не онъ.

* * *

Наконецъ, прошелъ мучительный часъ ожиданія. Хрипящаго унесли. «Положите его вонъ тамъ, на скамейку», слышала я приказаніе полковаго доктора, «его нельзя везти въ госпиталь, онъ уже на три четверти мертвый». И тѣмъ не менѣе, этотъ «на три четверти мертвый», вѣроятно, понялъ эти слова, онъ съ отчаяніемъ поднялъ обѣ руки къ небу.

Digitized by Google

Я сѣла въ вагонъ, въ которомъ было два доктора и четыре сестры милосердія. Было невыносимо жарко, все пропиталось запахомъ госпиталя и церкви, карболкой и ладаномъ. Мнѣ стало невыразимо тошно. Я уткнулась въ мой уголъ и закрыла глаза.

Поѣздъ двинулся. Это—моментъ, когда обыкновенно каждый отъѣзжающій старается выяснить себѣ цѣль своего путешествія. Мнѣ не разъ приходилось прежде ѣздить по этому пути, или я ѣхала въ гости, въ какой нибудь гостепріимный замокъ или на какія-нибудь веселыя воды—въ мое брачное путешествіе — блаженной памяти,—тогда я ѣхала въ столицу «Пруссіи» (какъ это слово съ нѣкоторыхъ поръ звучитъ совсѣмъ иначе!) меня ожидала тамъ радушная, блестящая встрѣча. А теперь, какая у насъ цѣль? Поле битвы и окрестные лазареты, мѣсто смерти и страданій... Мнѣ стало страшно.

— Сударыня,—обратился ко мнѣ одинъ изъ докторовъ, — мнѣ кажется, вы сами больны... вы такъ блѣдны... у васъ такой страдальческій видъ.

Я взглянула на него. Докторъ былъ симпатичный молодой человѣкъ. Вѣроятно, это была первая практика начинающаго врача. Какъ прекрасно! свои первые шаги онъ посвящаетъ такому трудному, опасному дѣлу. Я чувствовала къ этимъ людямъ, сидящимъ со мною въ вагонѣ, безконечную благодарность за ихъ желаніе помочь страждущимъ. Также и къ этимъ сестрамъ, дѣйствительно «милосерднымъ», мое сердце было полно поклоненія и благодарности. Но въ сущности, чѣмъ являлась ихъ помощь въ данномъ случаѣ? Лотъ помощи на тысячу центнеровъ нужды. Вѣроятно, у этихъ сестеръ ко всѣмъ людямъ такая же всевыносящая, всепересиливающая любовь, какъ у меня къ мужу; вѣроятно, тоже что я бы чувствовала къ этому обезображенному солдату, возбуждающему отвращеніе, который хрипѣлъ у моихъ ногъ—если-бъ онъ былъ мой мужъ — когда разомъ для меня исчезло-бы все отвращеніе, тоже чувствуютъ и онѣ къ каждому брату во имя болѣе сильнаго чувства любви—любви къ ихъ жениху—Христу. Но увы! и этой высокой любви они могутъ дать только лотъ! Одинъ лотъ любви тамъ, гдѣ затрачены тысячи центнеровъ ненависти...

— Нѣтъ, докторъ, я не больна, — отвѣтила я на вопросъ полный участія молодого доктора,—я только разстроена.

— Вашъ супругъ, какъ мнѣ говорилъ баронъ С., раненъ подъ Кенигретцомъ и вы ѣдете ухаживать за нимъ,—вмѣшался

Digitized by Google

въ разговоръ штабный врачъ, — извѣстно-ли вамъ, въ какомъ мѣстечкѣ онъ находится?

Этого я не знала.—«Моя цѣль Кенигенгофъ,—отвѣтила я,—тамъ ждетъ меня одинъ знакомый докторъ, нашъ большой другъ, д-ръ Брессеръ».

— Я его знаю... Мы съ нимъ вмѣстѣ, три дня назадъ, обходили поле сраженія.

— Поле сраженія, — повторила я въ ужасѣ. — Разскажите пожалуйста...

— Да, да, докторъ, разскажите все, что вы видѣли—стала просить одна изъ сестеръ.—Вѣдь можетъ случиться, что намъ, по нашей службѣ, придется помогать при такомъ дѣлѣ.

И военный врачъ принялся за разсказъ. Я не могу, конечно, передать его словъ буквально. Онъ говорилъ отрывочно, неохотно, больше отвѣчая на вопросы мои и сестеръ. Тѣмъ не менѣе изъ его отрывочныхъ разсказовъ передъ моими внутренними очами сложились цѣлыя картины, которыя до сихъ поръ до того живы у меня въ памяти, что я могу ихъ воспроизвести во всякое время.

При другихъ условіяхъ я, можетъ быть, не запомнила-бы такъ хорошо разсказовъ доктора — все слышанное и читанное такъ легко забывается—но тѣ разсказы въ то время произвели на меня впечатлѣніе вмѣстѣ пережитаго. Въ то время я была въ страшно возбужденномъ нервномъ состояніи, страшно впечатлительною подъ вліяніемъ постоянной мысли о Фридрихѣ; я представляла себѣ Фридриха, какъ участвующее лицо въ каждой разсказанной сценѣ и потому всѣ эти мучительныя впечатлѣнія сохранились у меня въ памяти, точно я ихъ сама переживала. Я записала всѣ эти разсказы въ красныя тетрадки, какъ будто они происходили у меня на глазахъ:

. . . . . .

«Амбулаторные лазареты были устроены за защитою холма. Битва въ полномъ разгарѣ. Земля дрожитъ, дрожитъ и палящій воздухъ; поднимаются тучи дыма,—орудія гремятъ...

На поле сраженія высылается патруль подбирать тяжело раненыхъ, и переносить ихъ сюда. Что можетъ быть болѣе геройскаго, какъ такой походъ подъ летящія бомбы, подвергаясь всѣмъ опасностямъ битвы, всѣмъ ея ужасамъ, не смѣя поддаться ея дикому опьяненію. Казалось бы, что можетъ быть доблестнѣе?—Съ точки зрѣнія войны—ничуть! Санитары—вѣдь не тѣ изящные, остроумные молодые люди, которые кружатъ мо-

Digitized by Google

лодымъ дѣвушкамъ головы. Ихъ званіе совсѣмъ не почетное. Развѣ какой-нибудь лекарь — хотя теперь его и называютъ «полковымъ докторомъ» — можетъ сравниться съ кавалерійскимъ поручикомъ?

Санитарный капралъ отправляетъ своихъ людей въ мѣстность, на которую баттарея направила огонь. Они идутъ подъ дымомъ пороха, подъ пылью земли, у ногъ ихъ проносятся съ шумомъ гранаты. На первыхъ же шагахъ, имъ попадаются легко рененые, которые идутъ сами или поддерживаемые другими же ранеными плетутся въ амбулаторію. Одинъ падаетъ, но не рана подкосила его, а изнеможеніе. «Мы два дня ничего не ѣли; шли усиленнымъ маршемъ 12 часовъ. Пришли на бивуакъ... Черезъ два часа тревога и битва»...

Патрули идутъ дальше. Эти сами дойдутъ и подберутъ упавшаго товарища. Помощь нужно сберечь для другихъ, для болѣе нуждающихся.

На каменномъ скатѣ одного пригорка лежитъ окровавленная куча. Это цѣлая дюжина солдатъ. Санитаръ унтеръ-офицеръ останавливается и дѣлаетъ нѣсколько перевязокъ, но этихъ раненыхъ съ собой не берутъ. Надо сперва подобрать тѣла, которыя лежатъ на полѣ сраженія; этихъ же, можетъ быть, удастся взять потомъ, на обратномъ пути...

И опять патрули идутъ дальше, къ полю сраженія. Толпы раненыхъ дѣлаются все больше, они сами и помогаютъ другъ другу. Это еще все такіе, которые могутъ двигаться. Имъ дается вино, у нихъ перевязываютъ раны, изъ нѣкоторыхъ течетъ кровь, и указывается дорога въ лазаретъ. Мимо мертвыхъ — мимо этихъ горъ труповъ... На многихъ изъ нихъ видны слѣды страшной агоніи. Неестественно широко раскрытые глаза... руки зарытыя въ землю... торчкомъ торчащія бороды, сжатые зубы при широко раскрытыхъ ртахъ, съ вытянутыми во всю длину ногами, лежатъ они тутъ.

Теперь по дорогѣ въ лощинѣ. Здѣсь они навалены грудами. Мертвые въ перемежку съ ранеными. Послѣдніе встрѣчаютъ санитаровъ, какъ ангеловъ спасителей, и умоляютъ, взываютъ о помощи. Безвучными голосами, со слезами, съ воплями, молятъ они о спасеніи, о глоткѣ воды... Увы! запасы почти всѣ истощены, — что могутъ сдѣлать эти немногіе люди?.. Надо, чтобы у каждаго было, по меньшей мѣрѣ, сто рукъ, чтобы здѣсь оказать помощь... тѣмъ не менѣе всякій помогаетъ по мѣрѣ силъ. Раздается протяжный санитарный сигналъ. Люди

Digitized by Google

смущаются, и перестаютъ дѣйствовать. «Не покидайте насъ! Не покидайте!» умоляютъ несчастные, но снова раздается сигнальный рожокъ, который явственно слышенъ среди остальнаго шума. Скачетъ адъютантъ: «Санитары?»—«Такъ точно!» отвѣчаетъ капралъ.—«За мной!»

Очевидно, раненъ генералъ... Это значитъ: слѣдовать за мной, оставить другихъ. «Терпѣніе, товарищи, терпѣніе! мы къ вамъ вернемся». И тѣ, которые говорятъ это, и тѣ, которые это слышатъ, очень хорошо знаютъ, что это неправда.

И опять впередъ—за адъютантомъ, который знаетъ направленіе пути и мчится впередъ. Дорогой не останавливаются, какъ бы ни молили о помощи, справа и слѣва, хотя бы въ самихъ поспѣшающихъ летѣли пули, попадая въ того или другого изъ нихъ... все таки мимо, все таки впередъ. Мимо людей, корчащихся отъ боли своихъ ранъ, людей, которыхъ давятъ несущіеся надъ ними кони или которые раздавливаются орудіями, проѣзжающими по ихъ членамъ, людей, которые, при видѣ санитаровъ, несмотря на свои увѣчья, въ послѣдній разъ вскакиваютъ на ноги: мимо, мимо!

. . . . . .

И въ красныхъ тетрадкахъ цѣлыми страницами продолжается въ этомъ духѣ. Разсказы полковаго доктора о томъ, что приходится видѣть санитарнымъ патрулямъ при обходѣ поля сраженія—еще ужаснѣе. Описаніе моментовъ, когда во время перевязокъ влетаютъ новыя гранаты и бомбы и наносятъ еще новыя раны; или когда случайности войны заставляютъ избрать для мѣста сраженія перевязочные пункты около походныхъ лазаретовъ и весь санитарный персоналъ, съ докторами, съ больными, попадаетъ въ давку окружающаго, бѣгущаго, преслѣдующаго войска, когда испуганныя лошади безъ сѣдоковъ бѣшено мчатся и опрокидываютъ носилки, на которыхъ несутъ тяжело раненаго, онъ падаетъ и разбивается о землю... Или, напримѣръ, такая вещь — ужаснѣе, кажется, нельзя себѣ ничего представить—въ одну мызу помѣстили 100 человѣкъ раненыхъ, имъ только что сдѣлали перевязки, всѣхъ ублаготворили, бѣдняги были такъ довольны, благодарны, что ихъ спасли—и вдругъ—граната, весь домъ въ огнѣ... Еще минута и лазаретъ пылаетъ... крики или скорѣе ревъ, который раздается изъ этихъ стѣнъ отчаянія, своимъ дикимъ стономъ заглушаетъ всѣ остальные звуки — кто его слышалъ, тотъ никогда его не забудетъ... О, горе! Мнѣ тоже не забыть его никогда, хотя я его сама и не

Digitized by Google

слыхала; но въ то время, когда полковой докторъ разсказывалъ намъ это, мнѣ казалось, что мой Фридрихъ тамъ, что я слышу его крикъ изъ этихъ пылающихъ развалинъ...

— Вамъ дурно, баронесса, — прервалъ разсказчикъ, — кажется, я слишкомъ попадѣялся на ваши нервы.

Но мнѣ этого было еще мало. Я увѣряла, что причина моей минутной слабости—жара и безсонная ночь, и продолжала допытывать доктора. Мнѣ все казалось, что я должна слушать его безъ конца—точно не все еще разсказано изъ этой области ада, точно послѣдніе разсказы будутъ самые адскіе, самые ужасные... А когда жажда ужасовъ бываетъ возбуждена до высшей степени, то до тѣхъ поръ не успокоиваешься, покуда не утолишь ее еще болѣе ужаснымъ. И дѣйствительно, есть еще нѣчто ужаснѣе, чѣмъ поле битвы во время сраженія—это поле битвы послѣ сраженія.

Ни грома орудій, ни трубныхъ звуковъ, ни барабанной дроби, только тихіе стоны и предсмертные хрипы. На изрытой землѣ рытвины съ красноватымъ оттѣнкомъ и лужи крови; всѣ посѣвы уничтожены—изрѣдка попадаются тамъ и сямъ уцѣлѣвшіе клочки полей съ колосьями, прежде привѣтливыя деревни — въ развалинахъ и щепкахъ. Деревья лѣсовъ обуглены, поломаны, изгороди побиты картечью... И на этомъ избранномъ мѣстѣ тысячи и тысячи мертвыхъ и умирающихъ—безпомощно умирающихъ! По полямъ, вдоль дорогъ не видно ни цвѣтовъ, ни зелени — всюду сабли, штыки, ранцы, шинели, опрокинутые зарядные ящики, на воздухъ взорванные пороховые ящики, орудія съ поломанными лафетами... Около пушекъ, у которыхъ жерло почернѣло отъ дыма, всего больше крови, здѣсь всего больше лежитъ умолкнувшихъ мертвыхъ и полумертвыхъ людей, буквально растерзанныхъ ядрами. Тутъ же и мертвыя и полумертвыя лошади, которыя приподымаются на уцѣлѣвшихъ ногахъ, чтобы снова свалиться, снова привстать и снова упасть, для того, чтобы поднявъ голову проржать послѣднимъ, смертнымъ крикомъ...

Цѣлый оврагъ наполненъ трупами, покрытыми грязью. Несчастные спрятались здѣсь, въ надеждѣ спастись, но черезъ нихъ переѣхала баттарея, лошади и колеса раздавили ихъ... Многіе еще живы—кашеобразная, кровавая масса, но «они еще живы».

Есть нѣчто и еще болѣе адское, это появленіе самыхъ низкихъ подонковъ воюющаго человѣчества — гіенъ поля битвы. Онѣ подкрадываются къ трупамъ, эти чующія добычу

Digitized by Google

чудовища, склоняются надъ мертвымъ, а то и надъ живымъ, срываютъ съ него одежды. Безжалостно. Срываются сапоги съ окровавленныхъ ногъ, кольца съ пораненой руки, или для того, чтобы добыть кольцо, просто отрубается палецъ, а если жертва вздумаетъ сопротивляться, тогда гіена убиваетъ ее или, чтобы не быть никогда узнаннымъ, выкалываетъ ей глаза...

Я громко вскрикнула. Съ послѣдними словами доктора я увидала всю сцену передъ собою, глаза въ которые гіена вонзила свой ножъ, были кроткіе, голубые глаза Фридриха.

— Простите, баронесса... Но вы сами желали...

— Да, да, я хочу все слышать, вы разсказывали про ночь послѣ сраженія — всѣ эти сцены происходили при мерцаньѣ звѣздъ...

— И при свѣтѣ факеловъ. Патрули, посланные побѣдителемъ для обозрѣнія поля сраженія, имѣютъ при себѣ факелы и фонари. Вывѣшиваютъ еще красные фонари, какъ сигнальные значки для обозначенія мѣстъ для летучихъ лазаретовъ.

— А что представляетъ собой мѣсто сраженія на слѣдующее утро?

— Пожалуй нѣчто еще болѣе ужасное. Контрастъ яснаго, сіяющаго утра съ этимъ ужаснымъ дѣяніемъ человѣческихъ рукъ, дѣйствуетъ еще вдвое мучительнѣе. Ночью, вся эта картина ужаса являлась призрачною фантазіею, днемъ-же она производитъ впечатлѣніе просто безутѣшное. Только теперь бываетъ видно, какая тутъ масса труповъ, по дорогамъ, между полей, въ оврагахъ, за развалинами стѣнъ,—всюду, вездѣ мертвецы... Обобранные, иногда голые. Тоже самое и съ ранеными. Несмотря на работу всей ночи, санитаровъ, ихъ тутъ много валяется, съ помертвѣвшими, позеленѣвшими лицами, съ потеряннымъ безумнымъ взоромъ въ глазахъ, или корчась отъ боли молятъ они каждаго, кто къ нимъ приближается, о смерти. Цѣлыя стаи воронъ, каркая, предвкушаютъ лакомый обѣдъ... Голодныя собаки прибѣгаютъ изъ деревень и облизываютъ кровь изъ ранъ... Коегдѣ еще мелькаютъ тѣ гіены, которыя все еще заняты своимъ дѣломъ... Затѣмъ наступаетъ погребеніе.

— Кто же погребаетъ? Санитары?

— Ихъ было бы недостаточно для такой массы, имъ и своего дѣла вдоволь около раненыхъ.

— Командируются особые отряды?

— Нѣтъ, просто собранный или пришлый всякій сбродъ: бродяги, нестроевые, которые состояли при маркитантахъ, при

Digitized by Google

военныхъ обозахъ, обыватели домовъ призрѣнія и хижинъ — всѣхъ ихъ пригоняютъ военною силою и заставляютъ рыть могилы, большія могилы, т. е. широкія—не глубокія,—на это нѣтъ времени. Въ нихъ бросаютъ тѣла, конечно, какъ попало. Дѣлаютъ и еще иначе: на кучу труповъ наваливаютъ земли фута на два, образуется холмъ, черезъ нѣсколько дней дождь, земля съ труповъ смывается—не все-ли равно? Быстрые и веселые могильщики такъ далеко впередъ не заглядываютъ. Уже надо правду сказать—веселые, удалые работники! Они насвистываютъ пѣсни, и болтаютъ всякія двусмысленности, а тутъ подъ-часъ проносятся хороводомъ гіены надъ раскрытою могилою. О томъ, что въ числѣ брошенныхъ туда труповъ или засыпанныхъ землею могутъ быть и сохранившіе еще искру жизни, какое имъ дѣло. А между тѣмъ это такъ возможно, столбнякъ—явленіе такое обыкновенное у раненыхъ. Случайно спасенные разсказывали о томъ, какъ они избѣжали участи быть заживо зарытыми. Но сколько такихъ, которые не могли ничего разсказать. Если ему на ротъ наложатъ около двухъ футовъ земли, поневолѣ смолкнешь...

— О мой Фридрихъ, мой Фридрихъ! — простонала я въ душѣ.

— Вотъ картина слѣдующаго дня, закончилъ полковой докторъ. Продолжать-ли дальше, что происходитъ вечеромъ? Тутъ начинается...

— Это я вамъ скажу, докторъ, — прервала я его. — Въ одной изъ столицъ двухъ воюющихъ государствъ получается телеграмма о славной побѣдѣ. Утромъ какъ разъ въ то время, когда гіены отплясывали свой танецъ надъ вырытыми могилами, въ церкви пѣли: «Хвала тебѣ Господи», а вечеромъ, мать или жена заживо зарытаго, поставила на окно двѣ зажженныхъ свѣчи, ибо обывателямъ предоставляется освѣтить городъ.

— Да, баронесса, эту комедію продѣлываютъ дома. На полѣ же битвы, къ концу втораго вечера, трагедія еще не окончена. Кромѣ перенесенныхъ въ лазареты и зарытыхъ въ ямы, есть еще безъ вѣсти пропавшіе. За густымъ кустарникомъ или высокою рожью или за развалинами строеній, ихъ проглядѣли и санитары, и могильщики, и вотъ для нихъ начинается пытка агоніи нѣсколькихъ дней, нѣсколькихъ ночей, палящій дневной жаръ, ужасъ черной ночи, имъ приходится лежать на камняхъ или на колючкѣ, среди разлагающихся труповъ и гніющихъ

Digitized by Google

собственныхъ ранъ, быть живою добычею пирующихъ коршуновъ.

* * *

Вотъ какое это было путешествіе! Полковой докторъ уже давно кончилъ свой разсказъ, но все разсказанное имъ неотступно было передъ моими внутренними глазами. Чтобы отвлечься нѣсколько отъ преслѣдовавшихъ меня мыслей, я смотрѣла въ окно вагона, думая разсѣяться видами природы. Но и здѣсь я видѣла всюду картины послѣдствій войны. Положимъ, здѣсь не было опустошенія, деревни не дымились, «непріятель» тутъ не хозяйничалъ, но то, что здѣсь царило, было, пожалуй, еще хуже — это *страхъ передъ непріятелемъ*. «Идутъ пруссаки!» «идутъ пруссаки!» таковъ былъ лозунгъ ужаса всего населенія и если, проѣзжая мимо, въ вагонѣ, вы не слыхали этихъ словъ, то онѣ чувствовались во всемъ. По всѣмъ дорогамъ, съ узлами и мѣшками попадались люди, покидавшіе свои жилища. Цѣлые обозы тянулись по дорогамъ, съ постелями, домашнею утварью и провизіею. Все это, очевидно, было собрано въ попыхахъ. На одной телѣгѣ поросята, ребенокъ, и нѣсколько мѣшковъ картофеля, а рядомъ, пѣшкомъ, отецъ, мать и остальныя дѣти—такую семью я видѣла на дорогѣ. Куда они направлялись? Вѣроятно, они и сами не знали куда.—Все равно куда, только бы уйдти отъ «пруссака». Такъ спасаются отъ распространяющагося пламени огня и отъ поднимающейся воды.

По рельсамъ, рядомъ, мелькали мимо насъ поѣзда — везли все раненыхъ, безъ конца—все тѣ же земляныя лица, повязанныя головы, подвязанныя руки. Особенно при остановкахъ можно было вдоволь наглядѣться на несчастныхъ. Платформы, на которыхъ обыкновенно весело толпятся ожидающіе пассажиры, теперь были завалены лежавшими и сидѣвшими на корточкахъ, полумертвыми людьми.

Это все были больные солдаты изъ разныхъ полковъ и частныхъ лазаретовъ, ожидавшіе слѣдующаго поѣзда для транспорта раненыхъ. Кто знаетъ, сколько часовъ имъ тутъ придется еще пролежать и сколько транспортовъ имъ уже пришлось вынести? Съ поля битвы — на перевязочный пунктъ, оттуда— въ походный лазаретъ, изъ походнаго лазарета въ какой нибудь летучій полевой лазаретъ, затѣмъ въ округъ и, наконецъ, на желѣзную дорогу — отсюда путешествіе въ Вѣну, тамъ съ желѣзной дороги въ госпиталь, а оттуда послѣ столькихъ мытарствъ и страданій назадъ въ полкъ или на кладбище... Мнѣ

Digitized by Google

было такъ жаль, такъ жаль этихъ несчастныхъ людей! Я готова была встать передъ каждымъ отдѣльно на колѣни и утѣшать его. Но меня не допустилъ до этого докторъ. Когда мы пріѣзжали на станцію онъ бралъ меня подъ руку и уводилъ въ комнату начальника станціи. Сюда онъ приносилъ мнѣ вина или чего нибудь прохладительнаго.

Сестры милосердія уже тутъ проявляли свою благотворительную дѣятельность. Онѣ кормили и поили раненыхъ, гдѣ только можно было хоть что нибудь получить, но по большей части въ ресторанахъ запасовъ никакихъ не было. У меня помутилось въ головѣ отъ всей этой суетни на станціяхъ, въ особенности на большихъ. Бѣготня взадъ и впередъ, общій сумбуръ, выступающія войска, убѣгавшіе, санитары, кучи окровавленныхъ, стонущихъ солдатъ, плачущія, рвущія на себѣ волосы женщины. Крикъ, громкія приказанія распоряжающихся, давка, невозможность протискаться, наваленный багажъ, пушки, въ сторонѣ лошади, ревъ рогатаго скота, непрерывный звонъ телеграфа, мимо-летящіе поѣзда съ резервами и войсками изъ Вѣны, набитые какъ сельди въ бочкахъ...

Ихъ перевозили, какъ скотъ, въ 3-мъ и 4-мъ классахъ. Въ сущности, я не могла отвязаться отъ мысли, что они «тотъ же скотъ». Вѣдь ихъ тоже возили на «убой», на большой политическій рынокъ, гдѣ торгуютъ пушечнымъ мясомъ—chair á canon. Они промчались мимо. Дикій ревъ — была ли то военная пѣсня, которая раздавалась и заглушала собою стукъ и шумъ колесъ? Одна минута — поѣздъ скрылся. Съ быстротою вѣтра повезъ онъ часть своего груза на вѣрную смерть. Да, *вѣрную смерть*...

Если никто не можетъ про себя навѣрно сказать, что онъ будетъ убитъ, то во всякомъ случаѣ извѣстный процентъ ихъ всѣхъ долженъ быть и будетъ уничтоженъ.

Войско, отправляющееся на войну на коняхъ, пѣшкомъ, въ этомъ есть еще, пожалуй, извѣстная доля древней поэзіи, но современная желѣзная дорога, символъ единенія культурныхъ націй, служащій средствомъ передвиженія разнузданному варварству... это противно смыслу, отвратительно...

Какимъ фальшемъ звучитъ и телеграфъ... этотъ знакъ славной побѣды человѣческаго разума, достигшаго возможности передавать мысли съ быстротой молніи изъ одной страны въ другую, всѣ открытія послѣдняго времени, которыя должны способствовать сближенію народовъ, облегчать жизнь, обогащать

Digitized by Google

ее, сдѣлать ее краше, и все это злоупотребляется старымъ принципомъ, который разъединяетъ народъ, который уничтожаетъ жизнь. Взгляните на наши желѣзныя дороги, на наши телеграфы,—мы, «цивилизованныя націи», хвастаемся всѣмъ этимъ передъ дикарями, и пользуемся всѣмъ этимъ для того, чтобы во сто кратъ увеличивать варварство.

Всѣ эти мысли преслѣдовали меня во время нашихъ стоянокъ на станціяхъ—и только усиливали мое отчаяніе и горе. Я почти завидовала тѣмъ, которые въ своемъ наивномъ горѣ ломали себѣ руки и плакали, не возмущаясь всей этой роковой комедіей ужаса, никого не обвиняя, ни даже того «Вождя всей рати», который, по ихъ мнѣнію, ниспослалъ на нихъ все это несчастье.

* * *

Поздно вечеромъ прибыла я въ Кенигенгофъ. Мои спутники вышли раньше. Я была одна—мнѣ стало жутко, страшно. Что если доктора Брессера что нибудь задержало? Что мнѣ тогда дѣлать? Я была совсѣмъ разбита отъ дороги и нервно разстроена всѣми испытанными впечатлѣніями ужаса и горя. Если-бы не жажда увидѣть Фридриха, мнѣ кажется, я бы съ удовольствіемъ умерла. Лечь и не проснуться болѣе въ этомъ безумномъ, жестокомъ мірѣ!.. Только-бы не остаться въ живыхъ, если онъ умеръ!

Поѣздъ остановился. Съ трудомъ, дрожа, вышла я и вынесла свой ручной багажъ. При мнѣ былъ маленькій ручной сундучекъ съ моимъ бѣльемъ, съ корпіей и бинтами для раненыхъ, и дорожный мѣшокъ съ моими туалетными принадлежностями. Я его взяла съ собой по привычкѣ—какъ же обойдтись безъ серебряныхъ стклянночекъ и баночекъ, безъ мыла, безъ воды, безъ щетокъ, гребенокъ. Только теперь я узнала, что въ такое время приходится отказаться отъ чистоплотности—такой-же добродѣтели тѣла, какъ честность для души,—этой второй натуры культурнаго человѣка. Это и въ порядкѣ вещей: война есть отрицаніе культуры, значитъ, съ ней отпадаетъ все, что благопріобрѣтено культурою; возвратъ къ одичанію, значитъ—ей сопутствуетъ все дикое, а стало быть и грязь, столь ненавистная для человѣка развитаго.

Ящикъ съ разнымъ матеріаломъ для госпиталей, который я припасла въ Вѣнѣ для доктора Брессера, былъ сданъ вмѣстѣ съ другими ящиками комитета вспомоществованія; кто знаетъ, гдѣ и когда его получатъ. При мнѣ былъ только ручной багажъ и сумка съ нѣсколькими сотнями гульденовъ. Шатаясь

Digitized by Google

перешла я черезъ рельсы къ выходу, тамъ, несмотря на поздній часъ, было то же, что и на другихъ станціяхъ, та же суетня, та же картина: раненые, все раненые. Нѣтъ, не та же картина, хуже. Кенигенгофъ былъ переполненъ ими, буквально не было свободнаго мѣста, и вотъ навезли еще цѣлую кучу больныхъ, едва перевязанныхъ, и они всюду валялись—на камняхъ, на землѣ, гдѣ попало...

Была темная, безлунная ночь; видимое пространство освѣщалось только двумя, тремя, привѣшанными къ столбамъ, фонарями. Смертельно усталая, сонная, я опустилась на незанятый конецъ скамейки и положила передъ собой на полъ мой багажъ.

У меня на первыхъ порахъ не хватало храбрости разсмотрѣть, нѣтъ ли доктора Брессера въ числѣ этихъ снующихъ, озабоченныхъ людей. Я почти была увѣрена, что его нѣтъ между ними. Были десять шансовъ противъ одного, что или его задержали, или что онъ прибудетъ не въ назначенный часъ; регулярнаго сообщенія вообще не соблюдалось: нашъ поѣздъ, вѣроятно, опоздалъ на нѣсколько часовъ противъ росписанія. Порядокъ—тоже культурное понятіе—онъ тоже былъ нарушенъ здѣсь во всемъ...

Мое предпріятіе стало мнѣ теперь казаться безуміемъ. Этотъ непрерывно слышавшійся мнѣ голосъ Фридриха—развѣ я прежде вѣрила во что-нибудь мистическое; безъ сомнѣнія, это было лишено всякаго основанія. Почемъ знать, быть можетъ, Фридрихъ на пути домой, а можетъ быть умеръ; зачѣмъ ищу я его здѣсь? Теперь мнѣ слышался другой голосъ, другія объятія раскрывались предо мною: Рудольфъ, мой сынъ, —воображая какъ онъ искалъ свою маму, какъ не могъ заснуть безъ маминаго поцѣлуя...

Къ кому мнѣ здѣсь обратиться, если я не встрѣчусь съ Брессеромъ? Надежда его встрѣтить начинала казаться мнѣ такою же несбыточною, какъ выиграть въ лотерею главный выигрышъ. Къ счастью, при мнѣ была сумка съ деньгами (деньги всегда выручаютъ во всякомъ положеніи). Я невольно схватилась за сумку... О, Боже! ремень, на которомъ она висѣла, оторванъ, сумки нѣтъ... какой ударъ! И все таки я не могла жаловаться на судьбу, я не могла выговорить словъ: «какъ это ужасно». Кругомъ было столько горя, что было бы слишкомъ мелко, эгоистично печалиться о своей маленькой непріятности. Къ тому же для меня существовало только одно возможное несчастье—смерть Фридриха, все остальное было ничто.

Digitized by Google

Я разглядѣла всѣхъ присутствующихъ — доктора Брессера не было.

Что теперь дѣлать? Къ кому обратиться? я остановила одного проѣзжаго:

— Гдѣ могу я видѣть начальника станціи?

— Вамъ нуженъ начальникъ здѣшняго отдѣленія раненыхъ, докторъ С.? вонъ, онъ тамъ стоитъ.

Я его совсѣмъ не имѣла въ виду, но можетъ быть онъ мнѣ сообщитъ что нибудь о докторѣ Брессерѣ. Я направилась къ нему.

Онъ разговаривалъ съ кѣмъ-то:

— Просто бѣда,—говорилъ онъ,—здѣсь, въ Турнау, устроены склады для всѣхъ госпиталей, пожертвованій масса—бѣлье, жизненные припасы, бинты, повязки,—всего масса, да что толку въ томъ? Некому разгружать, некому сортировать, некому пересылать дальше, нѣтъ рукъ; намъ-бы нужно было имѣть, по крайней мѣрѣ, человѣкъ сто расторопныхъ служащихъ.

Я уже собиралась заговорить съ штабъ-докторомъ, когда увидала бѣжавшаго къ нему на встрѣчу господина и въ немъ— о, радость!—я узнала доктора Брессера. Отъ волненія я бросилась старому другу на шею.

— Вы? Баронеса Тиллингъ? Какими судьбами!

— Я пріѣхала помогать, помогать... нѣтъ ли Фридриха въ одномъ изъ вашихъ госпиталей?

— Не видалъ его.

Было ли это извѣстіе для меня разочарованіемъ или успокоеніемъ? Сама не знаю. Его нѣтъ... значитъ, онъ или убитъ, или невредимъ... Не могъ же Брессеръ признать всѣхъ окрестныхъ раненыхъ—я должна сама искать во всѣхъ лазаретахъ.

— А г-жа Симонъ?—спросила я.

— Она уже нѣсколько часовъ какъ здѣсь... чудесная женщина!.. Рѣшительная, разсудительная... она теперь переноситъ здѣсь раненыхъ въ вагоны. Она узнала, что больше всего нуждаются въ помощи въ мѣстечкѣ по близости—въ Гороневосъ и отправляется туда и я ее сопровождаю.

— Я тоже ѣду съ вами, докторъ Брессеръ! возьмите меня съ собой...

— Какъ можно, баронесса Марта, вы такая слабенькая, избалованная—такой тяжкій трудъ непосильный...

— Что же мнѣ здѣсь дѣлать?—прервала я его. Если вы мнѣ другъ, докторъ, помогите мнѣ исполнить мое намѣреніе...

Digitized by Google

Я готова все дѣлать, нести всякую службу... Представьте меня г-жѣ Симонъ какъ добровольную сидѣлку и возьмите меня съ собой, изъ состраданія, возьмите меня!

— Да будетъ ваша воля... Вонъ она—храбрая женщина—пойдемте къ ней...

* * *

Когда докторъ Брессеръ подвелъ меня къ г-жѣ Симонъ и представилъ какъ сидѣлку, она кивнула головой, но сейчасъ же отвернулась, чтобъ отдать какое-то приказаніе. При слабомъ освѣщеніи, я не разглядѣла ея лица.

Черезъ пять минутъ, мы уже ѣхали въ Гороневосъ. Мы воспользовались для этого телѣгой, въ которой привезли раненыхъ. Мы сидѣли на соломѣ, на которой, вѣроятно, сохранились еще слѣды крови. Подлѣ кучера сидѣлъ солдатъ съ фонаремъ, который по временамъ освѣщалъ намъ, слабымъ свѣтомъ, дорогу.

Мнѣ начинало все больше и больше казаться, что это сонъ, тяжелый сонъ! Одно убѣждало меня въ дѣйствительности моего положенія, это присутствіе доктора Брессера, что было вмѣстѣ съ тѣмъ и моимъ успокоеніемъ.

Я держала его за руку, другой рукой онъ поддерживалъ меня.

— Облокотитесь на меня хорошенько, баронесса Марта, бѣдная вы моя,—проговорилъ онъ съ нѣжностью.

Я облокотилась, насколько было возможно, тѣмъ не менѣе, какая это была пытка! Всю-то жизнь я проѣздила въ рессорныхъ экипажахъ съ мягкими сидѣньями, на пружинахъ, проспала на мягкихъ постеляхъ—и вдругъ очутиться, послѣ утомительнаго путешествія цѣлаго дня, въ тряской телѣгѣ, въ которой досчатое дно только прикрыто мокрою отъ крови соломою. А я еще была цѣла и невредима—каково же должно быть въ такой телѣгѣ съ истерзанными членами, съ раздробленными костями, когда васъ мчатъ, что есть духу, по всѣмъ толчкамъ и камнямъ?

У меня смыкались глаза. Чувство мучительной сонливости одолѣвало меня. Отъ неудобнаго положенія у меня болѣли всѣ кости; нервы были до того разстроены, что я не могла заснуть, тѣмъ мучительнѣе была эта потребность сна. Мысли и картины путались въ головѣ точно въ лихорадочномъ бреду. Всѣ сцены ужаса, которыя разсказывалъ полковой докторъ, преслѣдовали меня въ лицахъ, въ словахъ, какъ галлюцінаціи зрѣнія и слуха: то я видѣла передъ собою могильщиковъ, роющихъ могилы, то крадущихся гіенъ, то я слышала отчаянные крики изъ пылаю-

Digitized by Google

щихъ лазаретовъ, а по временамъ въ ушахъ отдавались раздѣльныя слова полковаго доктора, его голосъ: «стервоядныя вороны, маркитанты, санитарный патруль». Это все не мѣшало мнѣ прислушиваться къ разговору моихъ спутниковъ. «Часть разбитой арміи бѣжала въ Кениггретцъ,— разсказывалъ докторъ Брессеръ,— но крѣпость была заперта, съ валовъ стрѣляли по бѣжавшимъ, именно по саксонцамъ, принимая ихъ въ темнотѣ за пруссаковъ. Сотни людей попадало въ рвы валовъ, и потонуло... На Эльбѣ бѣжавшіе столкнулись и смятеніе дошло до высшихъ предѣловъ. Мосты были до того переполнены лошадьми и пушками, что для пѣшеходовъ не оказалось мѣста... Тысячи падали въ Эльбу, тутъ были и раненые».

— Говорятъ, въ Гороневосѣ творятся ужасныя вещи,—замѣтила г-жа Симонъ,—все покинуто жителями, все опустѣло, и деревни, и замки. Внутренности домовъ разрушены, и въ нихъ помѣщены раненые... Какъ несчастные будутъ рады подкрѣпиться тѣмъ, что мы имъ веземъ. Только одна бѣда—всего этого будетъ мало...

— Какъ недостаточно и нашей врачебной помощи, прибавилъ докторъ Брессеръ. Насъ бы надо цѣлую сотню, чтобы всѣмъ помочь. Инструментовъ и лѣкарства тоже мало, да и въ нихъ что проку. Всѣ эти мѣстности такъ переполнены, что, безъ сомнѣнія, тамъ разовьются всевозможныя эпидеміи. Прежде всего, слѣдовало-бы какъ можно болѣе раненыхъ вывести оттуда, но они большею частью всѣ въ такомъ состояніи, что никто не возьметъ на свою совѣсть подвергнуть ихъ передвиженію... двинуть съ мѣста ихъ—значитъ, уморить; тамъ оставить—значитъ, подвергнуть сожженію госпиталь—трудный выборъ! Все, что мнѣ пришлось видѣть въ эти нѣсколько дней послѣ сраженія подъ Кениггретцомъ, превышаетъ всякое воображеніе. Будьте готовы на самое худшее, г-жа Симонъ.

— У меня многолѣтній опытъ и отвага. Чѣмъ ужаснѣе больные, тѣмъ больше у меня силы воли.

— Это я знаю. За вами уже сложилась эта репутація. У меня, напротивъ, пропадаетъ всякая храбрость при видѣ такой массы несчастья, просто застываетъ сердце. Сотни, тысячи жаждутъ помощи и не быть въ состояніи имъ помочь, вѣдь это же ужасно! Во всѣхъ этихъ амбулаторныхъ лазаретахъ прежде всего недостатокъ въ водѣ, всѣ сосѣдніе колодцы дѣлаются жителями негодными къ употребленію... Нигдѣ не найдешь ни куска хлѣба... Всѣ зданія, на которыхъ только есть крыши — церкви, фермы,

Digitized by Google

замки, хижины,—все это полно больныхъ, все что только имѣетъ подобіе повозки, все нагружено ранеными... По всѣмъ дорогамъ тянутся эти адскіе обозы, потому что мученіе, какое испытываютъ на этихъ колесахъ, по истинѣ адское. Тутъ они навалены, офицеры, унтеръ-офицеры, солдаты, покрытые кровью, пылью, грязью до неузнаваемости, въ ранахъ, помочь имъ не хватаетъ человѣческихъ силъ; крики, стоны, въ которыхъ нѣтъ ничего человѣческаго, и всетаки тѣмъ, которые кричатъ, лучше другихъ...

— Вѣроятно, многіе умираютъ дорогою?

— Конечно, или при разгрузкѣ въ какомъ нибудь переполненномъ людьми мѣстѣ. Они мирно кончаются на первомъ клочкѣ соломы, на который попадутъ. Нѣкоторые кончаются тихо, другіе съ громкими проклятіями...

Не мѣшало бы послушать эти проклятія господину Твиннигу изъ Лондона, который на Женевскомъ конгрессѣ предложилъ слѣдующее:

«Когда состояніе раненаго безнадежно, не лучше ли было бы дать ему религіозное напутствіе и нѣсколько минутъ для душевнаго сосредоточенія, а затѣмъ сократить его агонію какимъ нибудь, наименѣе причиняющимъ боль, средствомъ? Этимъ бы спасли его отъ смерти нѣсколькими минутами позже съ бредомъ въ мозгу и, можетъ быть, съ проклятіемъ на устахъ».

— Какъ это не по христіански!—воскликнула г-жа Симонъ.

— Что? Ускорить исходъ?

— Нѣтъ, взглядъ, что для души могутъ быть опасны въ минуты невыносимой муки вырвавшіяся проклятія... Христіанскій Богъ не такъ несправедливъ и, безъ сомнѣнія, приметъ въ лоно свое каждаго павшаго...

— Магометовъ рай тоже обѣщается каждому турку, который убьетъ хоть одного христіанина,—сказалъ докторъ Брессеръ.—Повѣрьте, многоуважаемая г-жа Симонъ, что всѣ божества, которыя будто бы предохраняютъ отъ войны, содѣйствіе и благословеніе которыхъ пасторы и командующіе обѣщаютъ сражающимся за убійство, также глухи къ проклятіямъ, какъ и къ мольбамъ. Взгляните на небо—вонъ звѣзда первой величины, съ краснымъ свѣтомъ, она мерцаетъ надъ нами только каждые два года... нѣтъ, не мерцаетъ, а свѣтитъ; эта звѣзда—планета Марсъ—посвященная богу войны, тому богу, котораго въ древности такъ страшились и почитали, которому воздвигалось гораздо больше храмовъ, чѣмъ богамъ любви. Уже при битвѣ подъ Мараѳономъ,

Digitized by Google

уже при Ѳермопильскомъ ущельѣ звѣзда эта предвѣщала своимъ огненнымъ свѣтомъ борьбу людей, къ ней возносились проклятія павшихъ; они обвиняли ее въ своемъ несчастьѣ, а она и тогда, такъ же, какъ и теперь, ничего не подозрѣвая, совершала свой обходъ вокругъ солнца. Враждебныя созвѣздія? Такихъ не существуетъ. У человѣка нѣтъ другого врага, кромѣ человѣка, но зато это его заклятый врагъ. Положимъ, нѣтъ и другого лучшаго друга,—прибавилъ докторъ Брессеръ послѣ маленькой паузы.— Вы сами живой примѣръ этому, вы, женщина, съ такимъ рѣдкимъ сердцемъ, вы...

— О, докторъ!—прервала г-жа Симонъ,—взгляните туда— видите пламя... На горизонтѣ... Вѣрно горитъ деревня!

Я открыла глаза и увидала красное зарево.

— Нѣтъ,—успокоилъ докторъ Брессеръ,—это выходитъ луна

Я попробовала устроиться поудобнѣе, попробовала сѣсть, хотѣла попробовать не закрывать глазъ: это состояніе полусна съ сознаніемъ, что не спишь, причемъ всѣ эти безобразныя картины фантазіи проносятся передъ вами въ бѣшеномъ хороводѣ, было слишкомъ мучительно... Лучше принять участіе въ разговорѣ моихъ спутниковъ и постараться забыться. Но они оба какъ разъ замолкли. Они все еще смотрѣли въ ту сторону, гдѣ теперь луна дѣйствительно поднималась. Черезъ минуту у меня глаза снова сомкнулись. На этотъ разъ это былъ сонъ, настоящій сонъ.

Въ ту минуту, когда я начала засыпать, когда я почувствовала, что міръ перестаетъ для меня существовать, я испытала также блаженство небытія, что сама сестра моего состоянія,— смерть, явилась-бы мнѣ желанною.

Не знаю, какъ долго продолжалось мое отрицательно блаженное несуществованіе, но я изъ него была разомъ вырвана. Меня разбудили не шумъ, не толчки, но страшный смрадъ невыносимый, зловонный...

— Откуда это?

Одновременно со мною и другіе воскликнули тоже самое.

Наша повозка завернула за уголъ и тутъ все стало ясно. Освѣщенная луною, виднѣлась бѣлая, каменная стѣна, вѣроятно, кладбищенская ограда. Во всякомъ случаѣ она служила защитою отъ выстрѣловъ—у ея подошвы лежала безчисленное множество труповъ... Запахъ разлагающихся труповъ разбудилъ меня. Когда мы проѣзжали мимо, цѣлая стая воронъ и грачей взвилась, каркая; она покружилась въ воздухѣ цѣлую тучею на освѣщенномъ небѣ, и снова опустилась продолжать начатое пиршество.

Digitized by Google

— Фридрихъ! мой Фридрихъ!

— Успокойтесь, баронесса Марта, — утѣшалъ меня докторъ Брессеръ,—вашъ мужъ не могъ быть здѣсь.

Кучеръ хлестнулъ по лошадямъ, чтобы скорѣе выбраться изъ этой зараженной мѣстности; телѣга наша такъ и запрыгала, точно это было какое-то бѣшенное бѣгство... Мнѣ казалось, что лошади мчатся по... я дрожала отъ страха. Я обѣими руками ухватилась за руку Брессера, но я все еще оглядывалась на эту бѣлую стѣну—былъ ли то дрожащій свѣтъ луны, шевелились ли то вернувшіяся съ добычей птицы, но мнѣ казалось, что вся эта толпа мертвецовъ шевелится, протягиваетъ къ намъ руки, собирается насъ преслѣдовать...

Мнѣ хотѣлось крикнуть, но страхомъ сжатое горло отказалось служить...

* * *

Телѣга снова завернула за уголъ.

— Вотъ мы и въ Гороневосѣ,—услыхала я доктора, и онъ велѣлъ кучеру остановиться.

— Что намъ дѣлать съ нашей спутницей?—спрашивала г-жа Симонъ,—она намъ будетъ скорѣе помѣхою, чѣмъ помощью.

Я живо пріободрилась:

— Нѣтъ, нѣтъ,—начала я, — мнѣ уже гораздо лучше... я буду вамъ помогать насколько съумѣю.

Мы очутились въ серединѣ мѣстечка, передъ воротами одного замка.

— Прежде всего посмотримъ, не найдется ли намъ тутъ дѣла, — сказалъ докторъ. Замокъ былъ покинутъ его обитателями и весь наполненъ съ крыши до самаго погреба ранеными.

Мы вышли. Я едва держалась на ногахъ, но всѣми силами старалась преодолѣть себя.

— Впередъ!—скомандовала г-жа Симонъ.—Всѣ ли вещи при насъ? То, что я везу, подкрѣпитъ несчастныхъ.

— Въ моемъ сундучкѣ тоже подкрѣпляющія средства, и всякій перевязочный матеріалъ,—сказала я.

— А въ моемъ мѣшкѣ инструменты и лѣкарства, — прибавилъ Брессеръ; затѣмъ онъ сдѣлалъ нужныя распоряженія солдатамъ—одни должны были остаться при лошадяхъ, остальные слѣдовать за нами.

Мы вошли въ ворота замка. Со всѣхъ сторонъ глухіе стоны... Вездѣ темно...

Digitized by Google

— Свѣчку!—приказала г-жа Симонъ.—Прежде всего свѣчку!

О, горе, всего-то мы навезли — и шоколаду, и мяснаго экстракту, и сигаръ, и полотняныхъ бинтовъ, а о свѣчкѣ никто не подумалъ.

Никакой возможности освѣтить темноту, въ которую мы попали и въ которой находились несчастные. Только благодаря коробкѣ спичекъ, которыя были въ карманѣ доктора, мы имѣли возможность разглядѣть ту странную картину бѣдствія, какая была тутъ. Ноги такъ и скользили на скользкомъ отъ крови полу—какъ идти дальше, что дѣлать? Къ той сотнѣ несчастныхъ, которые здѣсь стонали, только прибавились еще трое новыхъ, которые тоже вздыхали: «чтожь теперь дѣлать? что?»

— Я разыщу домъ священника, — сказала г-жа Симонъ,— пойду въ деревню за помощью. Пойдемте, докторъ, зажгите спичку, помогите мнѣ найдти выходъ, а вы г-жа Марта, побудьте покуда здѣсь.

Здѣсь, одной—въ этой тьмѣ, среди этихъ стонущихъ людей... въ этомъ смрадномъ воздухѣ? нечего сказать—положеніе! Меня разбираетъ страхъ до мозга костей. Но я не воспротивилась этому.

— Хорошо,—сказала я,—я останусь здѣсь и буду ждать, покуда вы не вернетесь со свѣчею.

— Нѣтъ!—воскликнулъ Брессеръ, взявъ меня подъ руку,— пойдемте съ нами; нѣтъ, васъ нельзя здѣсь оставить среди, можетъ быть, обезумѣвшихъ отъ страданія людей!..

Я была безконечно благодарна другу за его заботливость и крѣпко ухватились за него; еслибъ я осталась въ этихъ стѣнахъ, я вѣроятно сошла бы съ ума отъ страха... Вѣдь я была трусливое безпомощное существо, не подготовленное для несчастій и ужасовъ, среди которыхъ очутилась... Зачѣмъ не осталась я дома? а что если я найду Фридриха? Кто знаетъ, можетъ быть, онъ лежитъ въ этихъ темныхъ стѣнахъ, которыя мы только что оставили. Все время до самаго выхода я называла его имя—но отвѣта, котораго я такъ желала и вмѣстѣ страшилась: «Марта, я здѣсь!» не было. Мы снова очутились на открытомъ воздухѣ. Телѣга стояла на томъ же мѣстѣ. Докторъ Брессеръ посовѣтывалъ мнѣ сѣсть опять въ нее.

— Мы поѣдемъ съ г-жею Симонъ въ деревню за помощью, а вы посидите здѣсь,—сказалъ онъ.

Я съ удовольствіемъ повиновалась ему, такъ какъ ноги отказывались мнѣ служить. Докторъ помогъ мнѣ влѣзть и устроилъ

Digitized by Google

мнѣ изъ соломы сидѣнье. Два солдата остались при телѣгѣ, остальныхъ, г-жа Симонъ и докторъ взяли съ собой.

Черезъ полчаса, вся компанія вернулась. Безуспѣшно. Пасторскій домъ былъ разрушенъ, какъ всѣ остальные, и совершенно пустъ, кругомъ все въ развалинахъ, нигдѣ нельзя было добыть свѣта; ничего не оставалось какъ ждать разсвѣта. Сколько несчастныхъ, для которыхъ пріѣздъ нашъ былъ уже лучемъ надежды, умретъ за эту ночь!

О, какая это была безконечно долгая ночь!

Хотя на самомъ дѣлѣ оставалось всего 3—4 часа до восхода солнца, но они казались намъ безконечными, ихъ приходилось считать не боемъ часовъ, а безнадежными криками о помощи нашихъ собратьевъ.

Наконецъ, стало свѣтать. Наконецъ-то можно было приняться за дѣло. Г-жа Симонъ и докторъ Брессеръ прежде всего рѣшили обойти всю деревню, чтобы розыскать, быть можетъ, попрятавшихся жителей деревни. Дѣйствительно, изъ развалинъ тамъ и сямъ стали выползать крестьяне, сперва они относились со злобою, съ недовѣріемъ, но когда докторъ заговорилъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ, и г-жа Симонъ обратилась къ нимъ своимъ нѣжнымъ голосомъ, они успокоились и предложили имъ свои услуги. Прежде всего было рѣшено собрать всѣхъ спрятавшихся жителей и употребить ихъ въ дѣло—помочь похоронить мертвыхъ, исправить колодцы, добыть воды для живыхъ, собрать на поляхъ разбросанные котлы, распаковать ранцы умершихъ и павшихъ и воспользоваться ихъ бѣльемъ для раненыхъ. Прибылъ еще прусскій штабный докторъ и теперь можно было приняться за работу не безъ нѣкотораго успѣха. Можетъ быть, настала и для меня возможность найдти того, на почудившійся мнѣ зовъ котораго я предприняла эту злополучную поѣздку. Мысль эта нѣсколько подбодрила мои разбитыя силы.

Г-жа Симонъ отправилась съ прусскимъ докторомъ впередъ въ замокъ, гдѣ лежала большая часть раненыхъ. Докторъ Брессеръ собрался осмотрѣть всѣ другія помѣщенія деревни. Я предпочла не разставаться съ моимъ другомъ и послѣдовала за нимъ.

Въ замкѣ, въ числѣ раненыхъ, Фридриха не было, я это знала черезъ доктора, который обошелъ ихъ еще раньше.

Мы не сдѣлали и ста шаговъ, какъ услыхали раздражающіе стоны. Они вырывались изъ отворенной двери маленькой дере-

Digitized by Google

венской церкви. Мы вошли въ нее. Болѣе ста человѣкъ, тяжело раненыхъ, валялись на каменномъ полу. Съ лихорадочными, безумными глазами, кричали они и просили воды. Уже на порогѣ я чуть не упала безъ чувствъ — и всетаки я обошла всѣхъ— вѣдь я искала Фридриха... Его и тутъ не было.

Брессеръ со своими людьми возился около несчастныхъ; я прислонилась къ боковому алтарю и смотрѣла съ невѣроятнымъ ужасомъ на эту картину бѣдствія.

И это былъ храмъ Бога вѣчной любви. И этотъ-то храмъ съ его святыми въ золотыхъ сіяніяхъ славы превратили въ какую-то мертвецкую!..

— О, Матерь Божія, Пресвятая Богородица... О, сжалься!.. Одну каплю воды!—слышала я мольбы одного солдата...

О несчастные люди! прежде чѣмъ вы не подчинитесь заповѣди любви, которую Богъ вложилъ въ ваши сердца, вы будете тщенно взывать къ любви Божіей—покуда между вами будетъ существовать жестокость, вамъ нечего разсчитывать на милосердіе небесное...

* * *

Чего мнѣ только не предстояло еще увидѣть и услышать въ этотъ день! Не разсказывать, конечно, было-бы самое простое и заманчивое. Вѣдь закрываютъ-же глаза и отворачиваются отъ того, что слишкомъ страшно; у памяти есть такая же способность закрывать глаза. Помочь нельзя, что же можно измѣнить въ неизмѣнномъ прошломъ? къ чему растравлять себя и другихъ, къ чему рыться во всѣхъ этихъ ужасахъ?

Къ чему? Это я скажу позже, теперь сознаю только одно: *я должна.*

Даже болѣе. Не только обращаюсь къ своей памяти— моей способности запечетлѣвать было недостаточно для передачи всей силы событій; я постараюсь передать все, что сообщили другіе свидѣтели пережитыхъ сценъ, г-жа Симонъ, докторъ Брауеръ и саксонскій докторъ Наундорфъ, завѣдующій полевымъ госпиталемъ, сравнить съ его потрясающей книгой: «Подъ краснымъ крестомъ» («Unter dem rothen Kreuz»). Такія же отдѣленія ада, какъ въ Гороневосѣ, были и въ другихъ мѣстечкахъ, въ Свети, въ Градекъ, въ Проблусъ. Въ Пардубитцѣ, когда его заняли пруссаки, было больше тысячи тяжело раненыхъ, оперированныхъ и ампутированныхъ и такихъ, которые желали смерти. Многіе изъ нихъ были въ однѣхъ окровавленныхъ рубашкахъ, такъ что нельзя было даже узнать, какой страны они сыны.

Digitized by Google

Всѣ съ признаками жизни молили о водѣ и хлѣбѣ, корчились отъ боли, жаждали смерти какъ благодѣянія.

«Въ мѣстечкѣ Роснитцъ», пишетъ докторъ Брауеръ въ своихъ письмахъ, «куда я попалъ на шестой день послѣ сраженія,—я былъ отправленъ туда іоганитами—было такое страшное бѣдствіе, какое я не забуду до послѣдней минуты жизни. Я засталъ тамъ нашего Р., 650 раненыхъ, сваленныхъ въ амбарахъ и конюшняхъ, безъ всякаго ухода, среди мертвыхъ и полумертвыхъ, по горло въ собственномъ испражненіи. Здѣсь, сдѣлавъ могильную насыпь надъ трупомъ павшаго полковника фонъ-Ф., я отъ скорби совершенно палъ духомъ, и цѣлый часъ рыдалъ горючими слезами. Хотя я по своей профессіи и привыкъ видѣть воочію человѣческое страданіе и выносить отчаяніе людей, но здѣсь буквально я не могъ удержаться отъ слезъ. Здѣсь въ Роснитцѣ, на второй уже день, я позналъ, что намъ не подъ силу такое бѣдствіе, я потерялъ всякую храбрость и пересталъ дѣлать перевязки».

«...Въ какомъ положеніи были эти шестьсотъ человѣкъ (говоритъ докторъ Наундорфъ), трудно было описать. Зіяющія раны были покрыты комарами, воспаленные глаза напрасно искали помощи, напрасно молили о водѣ, о хлѣбѣ. На большинствѣ изъ шинели, рубашки, мяса и крови образовалась одна сплошная масса. Во всемъ этомъ начинали копошиться черви. Отвратительный запахъ всюду распространялся. Всѣ эти несчастные солдаты, истерзанные лежали на голой землѣ и только очень немногіе—на соломѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, попавшіе на глинистый грунтъ, буквально тонули въ вязской грязи, выбраться изъ нея они не могли, другіе лежали въ лужахъ нечистотъ, описывать которыя отказывается всякое перо».

«...Въ Масловедѣ,—разсказываетъ г-жа Симонъ,—«въ мѣстечкѣ, можетъ быть, въ 50 домовъ, пролежало восемь дней послѣ битвы 700 раненыхъ. Къ небу поднимались не крики отчаянія и боли, а стоны отъ сознанія полной заброшенности. Въ одномъ амбарѣ было свалено 60 человѣкъ. Каждая рана была сама по себѣ тяжкая, но отъ безпомощнаго состоянія, отъ недостатка ухода питанія, онѣ сдѣлались безнадежными, гангренозными. Разстерзанные члены представляли изъ себя разлагающееся мясо, лица—смѣсь грязи съ кровью, ротъ—безформенное черное отверстіе, изъ котораго вырывались ужасающіе звуки. Распространяющееся разложеніе отдѣляло помертвѣвшіе члены отъ тѣла. Живые валяются рядомъ съ мертвыми, которые начали разла-

Digitized by Google

гаться и на которыхъ ополчились черви. Это 60 человѣкъ, такъ же какъ и большинство другихъ, лежали недѣлю на томъ же мѣстѣ. Раны у нихъ или совсѣмъ не были перевязаны или недостаточно, со дня битвы они лежали безъ возможности пошевелиться, почти безъ пищи, почти безъ воды. Подъ ними было отъ крови и нечистотъ прогнившее ложе и, такимъ образомъ, они провели восемь дней! Живые трупы, по утраченнымъ членамъ которыхъ отравленная кровь лѣниво довершала свое обращеніе. Они не успѣли еще умереть—но развѣ они могли разсчитывать когда нибудь вернуться къ жизни? Богъ знаетъ, чему больше удивляться, — закончила г-жа Симонъ, — безконечной жизненной силѣ человѣческой природы, которая все это выноситъ, или недостатку помощи?».

Удивительнѣе всего, по моему, это—то, что люди сами другъ друга приводятъ въ такое состояніе, что тѣ, которые видѣли хоть разъ нѣчто подобное, не падутъ ницъ и не принесутъ клятву воевать противъ войны,—если это великіе міра сего—не отбросятъ отъ себя далеко мечи; если это люди безъ власти—не посвятятъ всю свою дѣятельность, устно и письменно, въ помыслахъ, ученіяхъ и поступкахъ одной только цѣли: долой оружіе!

. . . . . .

Г-жа Симонъ—они называли ее «лазаретная мать»—была героемъ. Цѣлыя недѣли провела онъ въ этихъ мѣстностяхъ, подвергаясь всѣмъ опасностямъ и невзгодамъ. Сотни были спасены ею. День и ночь она работала, хлопотала, распоряжалась. То она исполняла самыя черныя работы при больныхъ, то распоряжалась транспортами, то предъявляла требованія о жизненныхъ припасахъ. Оказавъ помощь въ одномъ мѣстѣ, она немедленно отправлялась дальше; она выписала большой запасъ всякаго необходимаго матеріала изъ Дрездена, и несмотря на всякія трудности, развозила его по всѣмъ пунктамъ, гдѣ въ немъ нуждались; она взяла на себя представительство патріотическихъ обществъ на Богемской почвѣ, и здѣсь составила себѣ такое же положеніе, какъ въ Крыму Флорансъ Найтингэль.

А я? разбитая, безутѣшная, измученная отъ боли и отвращенія, я ни въ чемъ не могла быть полезной. Уже въ церкви, которая была нашимъ первымъ этапнымъ пунктомъ, я свалилась въ изнеможеніи на ступеняхъ алтаря Божіей Матери, и доктору Брессеру стоило не мало труда привести меня въ чувство. Оттуда я едва доплелась за нимъ до одного амбара, въ которомъ

Digitized by Google

намъ представилась какъ разъ картина, описанная г-жею Симонъ. Въ церкви было хоть просторно, несчастные лежали тамъ рядами, здѣсь же они были свалены просто въ кучу: въ церкви была оказана хоть какая нибудь помощь,—хотя бы мимошедшимъ сантинарнымъ отрядомъ—здѣсь же были все брошенные—шевелящаяся, стонущая масса полусгнившихъ человѣческихъ остатковъ... Я задыхалась отъ отвращенія. Сердце сжималось отъ боли, точно оно разрывалось на части и я пронзительно вскрикнула. Дальше этого крика я ничего не помню.

* * *

Когда я пришла въ себя, я была въ вагонѣ на желѣзной дорогѣ. Напротивъ меня сидѣлъ докторъ Брессеръ. Когда онъ замѣтилъ, что я открыла глаза и удивленно, недоумѣвая оглядываюсь, онъ взялъ меня за руку:

— Да, да, баронесса Марта, это купэ второго класса—это не сонъ. Вы здѣсь въ обществѣ легко раненыхъ офицеровъ и вашего друга Брессера—мы ѣдемъ въ Вѣну.

Случилось это такимъ образомъ. Докторъ доставилъ транспортъ раненыхъ изъ Гороневосъ въ Кенигенгофъ, а оттуда ему порученъ былъ второй транспортъ въ Вѣну. Меня безъ сознанія, въ обморокѣ, онъ везъ бережно домой.

Я оказалась безполезною, вполнѣ неспособною къ дѣлу милосердія среди тѣхъ бѣдствій, помѣхою, обузою, и г-жа Симонъ была очень довольна избавиться отъ меня. И я должна сознаться, что докторъ Брессеръ не могъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ увезти меня. Но Фридрихъ? Я его не нашла. Слава Богу, что я его не нашла—не вся надежда была потеряна — если бы я увидала его, любимаго, среди этихъ ужасныхъ лицъ, обезображенныхъ страданіемъ, мнѣ кажется, я бы сошла съ ума!

Быть можетъ, дома, меня ждетъ письмо отъ него... Эта надежда—нѣтъ, надежда—это слишкомъ много—одна мысль о возможности этого уже была бальзамомъ для моей истерзанной души. Да, я чувствовалала раны, раны въ ней...

То гигантское бѣдствіе, какое я видѣла, до такой степени истерзало мнѣ сердце, что, мнѣ казалось, ему не зажить никогда... Даже если бы я нашла Фридриха, даже если бы мнѣ предстояло счастливое будущее полное любви и блеска, то и тогда я не буду въ состояніи забыть, что приходится столькимъ моимъ братьямъ и сестрамъ, по человѣчеству, выноситъ такое невыразимое несчастье? И до тѣхъ поръ они должны выносить его,

Digitized by Google

покуда не поймутъ, наконецъ, что это несчастье не есть злой рокъ, а преступленіе...

Я спала почти всю дорогу. Докторъ Брессеръ далъ мнѣ слабаго наркотика для того, чтобы нервы, послѣ событій въ Гороневосѣ, отдохнули въ крѣпкомъ, долгомъ снѣ. Когда мы прибыли въ Вѣну, отецъ мой ожидалъ меня на станціи. Докторъ Брессеръ обо всемъ подумалъ, онъ телеграфировалъ отцу въ Грумитцъ. Онъ не могъ отвести меня туда самъ, онъ долженъ былъ доставить раненыхъ въ госпиталь и хотѣлъ сейчасъ же вернуться въ Богемію. Отецъ меня молча обнялъ, я тоже не могла сказать ни слова. Затѣмъ онъ обратился къ доктору Брессеру.

— Какъ мнѣ васъ благодарить? Если бы вы не взяли подъ свое покровительство нашу безразсудную Марту...

Докторъ торопливо жалъ намъ руки.

— Я долженъ ѣхать,—проговорилъ онъ,—у меня служба. Счастливаго пути. Баронессѣ необходимъ покой... Она сильно потрясена... Никакихъ упрековъ, никакихъ вопросовъ—прямо въ постель... Флёрдоранжевой воды... Покой... Прощайте!..

И онъ скрылся.

Отецъ взялъ меня подъ руку и вывелъ изъ толпы къ выходу. Здѣсь опять стоялъ цѣлый рядъ лазаретныхъ фуръ, намъ пришлось пройти пѣшкомъ до нашего экипажа.

— Вопросъ—нѣтъ ли вѣстей отъ Фридриха?.. такъ и просился мнѣ на уста, но у меня не хватило храбрости выговорить его. Наконецъ, когда мы уже проѣхали порядочный кусокъ, а отецъ все молчалъ, и я рѣшилась спросить.

— До вчерашняго вечера не было извѣстій, — отвѣтилъ отецъ,—можетъ быть, сегодня и пришло письмо. Я выѣхалъ вчера еще въ городъ, сейчасъ же по полученіи телеграммы. Ахъ, какъ ты меня напугала, безразсудное дитя! поѣхать на поле сраженій, на встрѣчу лютому врагу—вѣдь эти люди все равно, что дикари; они вѣдь совсѣмъ опьянены своими побѣдами коническихъ пуль... вѣдь это же не дисциплинированные солдаты, этотъ ландверъ, отъ такихъ можно ожидать всего худшаго, и вдругъ ты —женщина—среди нихъ, ты... впрочемъ, докторъ не велѣлъ тебѣ дѣлать упрековъ.

— Что дѣлаетъ Рудольфъ?

— Онъ плачетъ и зоветъ тебя, ищетъ тебя по всему дому и не вѣритъ, чтобы ты могла уѣхать, не простившись съ нимъ. А о другихъ ты даже не спрашиваешь? О Лиллѣ, Розѣ, Отто, тетѣ Мари. Вообще ты стала какою-то безучастною.

Digitized by Google

— Какъ они всѣ поживаютъ? Писалъ ли Конрадъ?

— Всѣ здоровы. Отъ Конрада пришло вчера письмо—ничего съ нимъ не случилось. Лилли блаженствуетъ. Навѣрно и отъ Тиллинга получимъ хорошія вѣсти. Къ сожалѣнію, въ политическомъ отношеніи нельзя ожидать ничего хорошаго. Ты слышала о несчастіи?..

— Какомъ. Я за это время ничего, кромѣ несчастья, не видала.

— Я говорю о Венеціи,—наша чудная Венеція погибла—поднесена на тарелкѣ интригану Луи Наполеону, и это послѣ нашихъ славныхъ побѣдъ при Кустоццѣ... Вмѣсто того, чтобы отвоевать Ломбардію, мы отдали и Венецію. Положимъ, мы освободились отъ врага на югѣ, Луи Наполеонъ за насъ и мы можемъ воздать за Садову, выгнать пруссаковъ, преслѣдовать ихъ, пріобрѣсти Силезію. Бенедекъ надѣлалъ массу промаховъ—теперь главное начальство перейдетъ въ руки доблестнаго главнокомандующаго южной арміи. Ты молчишь?.. Ну, лучше оставить тебя въ покоѣ, по предписанію Брессера.

Послѣ двухчасоваго путешествія, мы прибыли въ Грумитцъ.

Когда нашъ экипажъ въѣхалъ во дворъ, выбѣжали сестры какъ угорѣлыя.

— Марта! Марта!—кричали онѣ издали.—Онъ пріѣхалъ! У самой дверцы кареты еще разъ прокричали онѣ наперерывъ: Онъ тутъ, Марта!..

— Кто?

— Фридрихъ, твой Фридрихъ!

* * *

Да, только наканунѣ поздно вечеромъ Фридрихъ былъ доставленъ съ транспортомъ раненыхъ изъ Богеміи въ Вѣну и оттуда сюда. Онъ былъ раненъ бомбою въ ногу; рана его, хотя и не опасная, дѣлала его не годнымъ для службы и требовала ухода.

Перенести большую радость тоже не легко. Неожиданность извѣстія, что Фридрихъ тутъ, подѣйствовала на меня такъ же, какъ и ужасы тѣхъ дней—я потеряла сознаніе.

Пришлось вынести меня на рукахъ изъ кареты и перенести въ постель. Было ли то вліяніе наркотики или вліяніе слишкомъ большой радости, но я провела нѣсколько часовъ то въ полуснѣ, то въ безсознательномъ бреду. Когда я проснулась и пришла въ себя и увидала себя въ своей постели въ Грумитцѣ, мнѣ показалось, что я проснулась послѣ страшнаго сна, и

Digitized by Google

что я совсѣмъ не уѣзжала изъ Грумитца. Письмо Брессера, мое намѣреніе отправиться въ Богемію, все пережитое тамъ, путешествіе обратно, неожиданное возвращеніе Фридриха, все это былъ сонъ... Я стала осматриваться. У ногъ моихъ стояла моя горничная.

— Ванна готова?—спросила я.—Я хочу встать.

Тутъ откуда-то выскочила тетя Мари:

— Ахъ, бѣдная Марта. Наконецъ-то, ты проснулась, наконецъ-то къ тебѣ вернулось сознаніе, ну, слава Богу! Конечно, вставай, возьми ванну, это необходимо послѣ всей желѣзнодорожной пыли и грязи.

— Желѣзнодорожной пыли. Какой? Откуда?

— Вставай, вставай; Нетти, все-ли готово? Фридрихъ не дождется тебя.

— Фридрихъ! мой Фридрихъ!..

Съ какою болью называла я это имя за послѣдніе дни, теперь же это былъ крикъ безумной радости, теперь я все поняла, это не сонъ, я уѣзжала, я вернулась домой и сейчасъ увижу его!

Черезъ четверть часа я вошла къ нему одна. Я выпросила себѣ свиданіе съ нимъ наединѣ.

— Фридрихъ!..

— Марта!..

Я бросилась къ нему на постель и разрыдалась на его груди.

. . . . . .

Второй разъ къ жизни, мнѣ былъ возвращенъ мужъ изъ опасностей войны.

О, блаженство, имѣть его опять тутъ! Отчего я, именно я, достигла счастливаго берега изъ этого океана несчастья, который унесъ столькихъ? Блаженны тѣ, которые въ такую минуту счастья, поднявъ очи къ небу, могутъ возсылать благодареніе Создателю, не подозрѣвая въ своемъ смиреніи, до чего надменно-горделиво это благодареніе, которое удовлетворяетъ ихъ; по ихъ мнѣнію, они воздали должное за оказанное имъ предпочтеніе, которое они называютъ милостью и милосердіемъ. Я была не въ состояніи молиться. Когда я думала о всѣхъ этихъ несчастныхъ, которыхъ видѣла, о всѣхъ многострадальныхъ матеряхъ и женахъ, которыя лишились своихъ близкихъ, дорогихъ, погибшихъ въ мученьяхъ благодаря той же судьбѣ, которая ко мнѣ отнеслась столь милостиво, я не могла быть столь самонадѣянной и принять это за предпочтеніе, оказанное

Digitized by Google

мнѣ Богомъ, за которое я имѣла право благодарить Его. Мнѣ, представилось, какъ однажды, наша домоправительница, г-жа Вальтеръ, провела метлою по шкапу, гдѣ развелись муравьи, и какъ закишѣла цѣлая масса ихъ—точно такъ-же судьба провела метлою по богемскимъ полямъ; большинство черненькихъ работницъ было уничтожено, раздавлено, разсѣяно—только немногія уцѣлѣли. Неужели съ ихъ стороны было-бы благоразумно и прилично, если-бы онѣ вздумали благодарить г-жу Вальтеръ?.. Нѣтъ, какъ не велика была моя радость свиданія, я всетаки, не могла подавить въ душѣ моей чувства боли... не могла и не хотѣла. Оказать имъ помощь я была не въ состояніи, перевязывать, ухаживать, облегчать ихъ страданія, какъ это дѣлали сестры милосердія и г-жа Симонъ, на это у меня не было достаточно силъ. Но милосердіе какъ состраданіе, сочувствіе—я могла его дать несчастнымъ страдальцамъ и его я не имѣла права отнять у нихъ въ минуту эгоистичнаго счастія—я должна была ихъ помнить.

Если не радоваться и благодарить, то по крайней мѣрѣ любить вновь обрѣтеннаго въ сто разъ нѣжнѣе, сильнѣе—я имѣла право.

— О, Фридрихъ, Фридрихъ! повторяла я сквозь слезы и ласки, опять ты мой!

— Ты хотѣла розыскать меня, ходить за мной—сколько въ этомъ геройства и безумія!

— Безумія? Да, согласна. Твой голосъ, который звалъ меня, былъ конечно игра воображенія, суевѣріе, ты совсѣмъ не звалъ меня. Но гдѣ-же геройство? Если-бъ ты зналъ, какую трусость я проявила передъ лицомъ всѣхъ этихъ ужасовъ! Только за тобой, если-бъ ты былъ тамъ, я могла-бы ухаживать. Я видѣла такія страшныя сцены, какихъ никогда не забуду. О, нашъ прекрасный міръ, Фридрихъ, какъ можно его такъ портить? Міръ, въ которомъ два существа могутъ такъ любить одинъ другого, какъ мы любимъ другъ друга, въ которомъ можетъ пылать такое пламя счастія, какъ наша совмѣстная жизнь—какъ можетъ онъ выносить пожирающее пламя такой смертельной ненависти...

— Мнѣ тоже пришлось видѣть ужасныя вещи, Марта, какихъ я тоже никогда не забуду. Представь себѣ, на меня накидывается съ обнаженною саблею во время кавалерійской аттаки у Садовой; на меня накидывается... Готфридъ фонъ-Тессовъ.

Digitized by Google

— Сынъ тети Корнеліи?

— Да. Онъ меня во-время узналъ и опустилъ уже поднятое оружіе.

— Въ такомъ случаѣ онъ поступилъ противъ своего долга? Врага своего короля и отечества пощадилъ изъ-за ничтожнаго предлога, что это милый другъ и двоюродный братъ...

— Бѣдный малый! Лишь только онъ опустилъ руку, какъ поднялась надъ его головой сабля... Это былъ мой сосѣдъ, молодой офицеръ, который сталъ защищать своего подполковника и...

Фридрихъ остановился и закрылъ лицо обѣими руками.

— Убитъ?—спросила я, содрогаясь.

Онъ кивнулъ головой.

— Мама, мама!—послышалось изъ сосѣдней комнаты и дверь распахнулась. Показалась моя сестра Лилли, ведя маленькаго Рудольфа за руку.

— Извините, что я помѣшала вашему tête-à-tête, но вотъ этотъ уже слишкомъ настойчиво требовалъ свою маму.

Я побѣжала на встрѣчу ребенку и страстно прижала его къ своему сердцу.

— Ахъ бѣдная, несчастная тетя Корнелія!

* * *

Въ тотъ же день пріѣхалъ изъ Вѣны, по телеграфу вызванный хирургъ въ замокъ и принялся лѣчить рану Фридриха. Шесть недѣль полнаго спокойствія — и выздоровленіе должно быть полное.

Что мой мужъ выйдетъ въ отставку, это было для насъ обоихъ дѣло рѣшенное. Разумѣется, привести это въ исполненіе можно было только послѣ окончанія войны. Впрочемъ, война считалась уже почти оконченной. Послѣ уступки Венеціи, устранялось столкновеніе съ Италіей, пріобрѣталась дружба Наполеона и съ сѣвернымъ завоевателемъ можно было заключить снисходительный миръ. Нашъ императоръ самъ страстно желалъ положить конецъ несчастному походу и не хотѣлъ подвергать свою столицу осадному положенію. Прусскія побѣды въ остальной Германіи, какъ напримѣръ вступленіе пруссаковъ во Франкфуртъ на Майнѣ 16 іюля, окружили противника извѣстнымъ ореоломъ, который, какъ всякій успѣхъ, также и на нашей родинѣ вызывалъ удивленіе, пробуждая родъ увѣренности, что этими выигранными битвами Пруссія выполнила историческую миссію.

Digitized by Google

Слова «перемиріе», «миръ» такимъ образомъ были произнесены, и теперь на осуществленіе того и другого можно было разсчитывать съ той же увѣренностью, съ какой въ моментъ высказанной громко угрозы войною можно навѣрняка сказать, что рано или поздно война разразится. Даже отецъ мой соглашался въ настоящее время, что при данныхъ условіяхъ прекращеніе военныхъ дѣйствій было-бы кстати. Армія была обезсилена, превосходство игольчатыхъ ружей приходилось признать, а возможное вторженіе непріятельскихъ войскъ въ столицу, бомбардированіе Вѣны и вмѣстѣ съ тѣмъ разгромленіе Грумитца,— все это являло такія перспективы, которыя даже моему воинственному отцу не особенно улыбались. Увѣренность его въ непобѣдимости австрійскихъ войскъ поколебалась-таки наличными фактами. Да и вообще человѣкъ склоненъ вѣрить, что текущія событія слѣдуютъ въ видѣ цѣлыхъ серій, что за однимъ успѣхомъ наступаетъ новый успѣхъ, одна бѣда родитъ другую. И потому въ періодъ несчастной полосы лучше присмирѣть—время удовлетворенія и отомщенія когда нибудь да настанетъ...

Месть и снова безконечная месть! Въ каждой войнѣ обязательно одна сторона оказывается побѣжденной. Если же она будетъ находить себѣ удовлетвореніе лишь въ новой войнѣ, которая, въ свою очередь, опять создаетъ побѣжденную сторону, жаждующую отмщенія — когда же настанетъ конецъ подобному положенію? Какимъ же образомъ можно достичь справедливости, когда же искупится прежняя несправедливость, если средствомъ къ искупленію избирается опять-таки новая несправедливость? Ни единому разумному человѣку не придетъ въ голову выводить чернильныя пятна—чернилами, масляныя—масломъ, одна кровь должна смываться такой-же кровью!

Общее настроеніе въ Грумитцѣ было печальное. Въ немъ царила паника: «Пруссаки идутъ, пруссаки идутъ!» твердилось также и здѣсь, въ видѣ страшнаго пароля, несмотря на довольно распространенныя упованія на заключеніе мира, и люди укладывали свои пожитки и зарывали драгоцѣнности въ землю. Въ нашемъ замкѣ тетя Мари и г-жа Вальтеръ также озаботились перенести фамильное серебро въ потайное мѣстечко. Лилли была въ постоянной тревогѣ о Конрадѣ, отъ котораго уже нѣсколько дней не было никакихъ извѣстій. Отецъ мой чувствовалъ до извѣстной степени задѣтой свою патріотическую честь, да и мы оба съ Фридрихомъ несмотря на тихое счастье, съ момента его возвращенія наполнявшее наши сердца, были ужасно потрясены

Digitized by Google

вмѣстѣ съ другими пережитымъ и перечувствованнымъ бѣдствіемъ того времени. И тоска эта со всѣхъ сторонъ получала новую пищу. Во всѣхъ газетныхъ статьяхъ, во всѣхъ письмахъ отъ родныхъ и знакомыхъ высказывались лишь однѣ сѣтованія и печаль. Между прочимъ пришло письмо отъ тети Корнеліи, не вѣдавшей еще о постигшемъ ея горѣ; въ какихъ трогательныхъ выраженіяхъ высказала она въ немъ свой страхъ потерять единственнаго своего сына. Читая это письмо, мы оба заливались горькими слезами. Когда по вечерамъ собирался вмѣстѣ нашъ семейный кружокъ, теперь не было уже болѣе слышно ни веселой, шутливой болтовни, ни музыки, не было ни картежной игры, ни интереснаго чтенія вслухъ, напротивъ—все, что читалось или говорилось, повѣствовало о страданіяхъ и смерти. Мы ничего не читали кромѣ газетъ, а газеты были наполнены «войной» и только «войной».

Разговоры же наши въ большинствѣ касались испытаній, пережитыхъ Фридрихомъ и мною на поляхъ битвъ въ Богеміи. Хотя поѣздка моя туда подвергалась общему осужденію, однако разсказы о пережитыхъ или другими повѣданныхъ мнѣ событіяхъ выслушивались всѣми съ напряженнымъ вниманіемъ. Роза восхищалась г-жей Симонъ и клялась примкнуть къ саксонской самаритянкѣ, въ случаѣ если бы война эта затянулась. Разумѣется, противъ этого протестовалъ нашъ отецъ:—за исключеніемъ сестеръ и маркитантокъ, ни одной женщинѣ нечего дѣлать на войнѣ... вы же видѣли, какой неспособной оказалась наша Марта. Это была непростительная глупость съ твоей стороны, безразсудное дитя — и твоему мужу слѣдовало бы вдобавокъ наказать тебя за то.

Фридрихъ погладилъ мою руку: — Да, это было безуміе, но чудное безуміе.

— Когда же я принималась разсказывать слишкомъ откровенно объ ужасахъ, свидѣтельницей которыхъ я была сама или о которыхъ мнѣ передавали мои спутники, тетя Мари или отецъ всегда спѣшили остановить меня во-время: «Ну, какъ это можно повторять о такихъ мерзостяхъ?» Или «какъ тебѣ не стыдно, ты женщина, нѣжное созданіе, и произносишь такія отвратительныя слова?» Когда же, какъ-то вечеромъ, заговорила я о калѣкахъ и стала сожалѣть объ участи тѣхъ, которые отправляются на войну во имя мужской храбрости, мужской выдержки и мужской чести, и принуждены возвращаться оттуда, на вѣки лишенными этого мужества...

Digitized by Google

— Марта! При дѣвушкахъ, — простонала тетя Мари тономъ сильнаго негодованія возмущенной нравственности.

Тутъ терпѣніе мое лопнуло.

— Ну, васъ съ вашей щепетильностью и съ вашей жеманной благовоспитанностью! Твориться могутъ, видите-ли, всякіе ужасы, а вотъ по имени назвать ихъ нельзя. О крови и грязи утонченныя дамы не должны ничего ни слышать, ни даже подозрѣвать, а вотъ заниматься вышивками лентъ для боевыхъ знаменъ, развѣвающихся надъ кровопролитной рѣзней,—это онѣ могутъ, сколько угодно: дѣвушкамъ, видите-ли, неприлично знать о томъ, что женихи ихъ могутъ вернуться неспособными воспользоваться наградой ихъ страстной любви, а обѣщать женихамъ эту награду вмѣняется-же, однако, имъ въ обязанность. Смерть и убійство не заключаютъ въ себѣ ничего безнравственнаго для васъ—благовоспитанныхъ дамочекъ, а простое упоминаніе о вещахъ, служащихъ источникомъ дальнѣйшаго развитія жизни, заставляетъ васъ краснѣть и отворачиваться. Это безчеловѣчная мораль, если вы хотите знать? Безчеловѣчная и трусливая! Эта манера отворачиваться—какъ физическимъ, такъ и духовнымъ окомъ—повинна въ неослабности многихъ несчастій и несправедливости! У кого только хватитъ мужества заглянуть туда, гдѣ ближніе его изнываютъ въ страданіяхъ и несчастіи, да затѣмъ поразмыслить обо всемъ видѣнномъ...

— Не горячись, — перебила меня тетя Мари, — сколько-бы мы не разглядывали и не размышляли, все таки не будемъ въ силахъ искоренить зло на землѣ; земля есть и останется юдолью печали.

* * *

— Опасность заключенія мира все приближается и приближается,—печаловался какъ-то братъ мой Отто.

Мы снова сидѣли всѣ за семейнымъ столомъ.

Фридрихъ лежалъ рядомъ на кушеткѣ, и кто-то изъ насъ только что прочелъ вслухъ газетное извѣстіе о томъ, что Бенедетти прибылъ въ Богемію — очевидно, уполномоченный предложить условія мира.

Ничего такъ не боялся мой маленькій — хотя онъ былъ уже взрослымъ, но я, по привычкѣ, все еще называла его такъ — мой маленькій братъ, какъ преждевременнаго окончанія войны, что лишало-бы его возможности изгнать врага изъ предѣловъ отечества. Между тѣмъ изъ вѣнско-нейштадтской академіи получено было извѣстіе, что въ случаѣ продленія войны,

Digitized by Google

при слѣдующемъ пополненіи полковъ, назначенномъ на 18 августа, въ дѣйствующую армію будутъ приниматься воспитанники не только послѣдняго выпуска, но также большое количество предпослѣдняго. Подобная перспектива приводила юнаго героя въ восхищеніе. Изъ академіи да прямо на войну, какое блаженство! Въ этомъ родѣ радуется пансіонерка первому своему выѣзду въ свѣтъ, — первомъ балу. Она научилась танцовать, а нейштадтскій питомецъ изучилъ стрѣльбу и фехтованье; она стремится показать свое искусство при зажженныхъ люстрахъ, въ бальномъ туалетѣ, подъ звуки оркестра, и онъ не менѣе ея рвется къ красивому мундиру и къ великому боевому котильону.

Отецъ, разумѣется, былъ въ восторгѣ отъ военнаго пыла своего любимца:

— Будь покоенъ, храбрый мой юноша, — отвѣчалъ онъ на вздохи Отто, по поводу угрожавшаго мира, и ласково похлопалъ его по плечу, — передъ тобой еще цѣлая жизнь впереди. Если даже и былъ бы теперь заключенъ миръ, въ недалекомъ будущемъ придется все равно снова идти въ походъ.

Я ничего не возразила. Со времени послѣдней моей вылазки противъ тети Мари, по совѣту Фридриха, я рѣшилась и приводила рѣшеніе свое въ исполненіе, по возможности, избѣгать досадныхъ препирательствъ на тему о войнѣ, которыя не могли, конечно, привести ни къ чему, кромѣ раздраженія. У меня же, съ того времени, когда я собственными глазами увидѣла слѣды этого жестокаго бича, ненависть и презрѣніе къ войнѣ укоренились такъ глубоко, что всякое отстаиваніе ея задѣвало душу мою, какъ личное оскорбленіе. Съ Фридрихомъ мы уже давно порѣшили, что онъ выйдетъ въ отставку. На счетъ сына моего Рудольфа я также была спокойна, что онъ не поступитъ ни въ какое военное училище, гдѣ все воспитаніе направлено, — да естественно и «должно» быть такъ именно направлено: къ тому, чтобы развивать въ юношахъ стремленія къ военнымъ подвигамъ. Какъ-то я стала разспрашивать брата, какіе такіе взгляды на войну прививаются у нихъ воспитанникамъ. Изъ отвѣтовъ его выяснилось приблизительно слѣдующее: война выставляется какъ необходимое зло (однако, все-таки зло, уступка духу времени), но въ тоже время она-де является сильнѣйшимъ стимуломъ высшихъ человѣческихъ добродѣтелей, каковы — мужество, самопожертвованіе и самоотверженіе, источникомъ величайшаго блеска славы и, въ заключеніе, важнѣйшимъ

Digitized by Google

факторомъ развитія культуры. Могущественные завоеватели и основатели такъ называемыхъ міровыхъ государствъ, Александръ Македонскій, Цезарь, Наполеонъ, выставляются высочайшими образцами человѣческаго величія, достойными преклоненія; благопріятные результаты и выгоды войны рѣзко подчеркиваются, тогда какъ неизбѣжно сопутствующія ей отрицательныя стороны — огрубѣніе нравовъ, обѣднѣніе, моральное и физическое вырожденіе, все это обходятъ абсолютнымъ молчаніемъ.

Да той-же системы держались и при моемъ дѣвическомъ воспитаніи, оттуда и возникло въ моей дѣтской душѣ преклоненіе передъ военными лаврами, воодушевлявшее меня въ былое время. Я сама ужасно сожалѣла, что лишена возможности, какъ мальчики, пожинать подобные лавры, могла-ли же я теперь сердиться на мальчика за то, что подобная перспектива наполняла душу его радостью и нетерпѣніемъ?

Вотъ почему я ни слова не отвѣтила на жалобный возгласъ Отто, а преспокойно продолжала свое чтеніе. По обыкновенію, я читала газету, которая также, по обыкновенію, была полна извѣстій съ театра войны.

— Тутъ интересная корреспонденція одного врача, участвовавшаго въ отступленіи нашихъ войскъ!.. не прочесть-ли ее вслухъ?

— Отступленіе?—воскликнулъ Отто.—Ну объ этомъ у меня нѣтъ охоты слушать. Вотъ если-бы дѣло шло объ отступленіи преслѣдуемаго врага...

— Меня вообще удивляетъ, — замѣтилъ Фридрихъ, — что нашелся какой-то человѣкъ, который сообщаетъ объ участіи своемъ въ бѣгствѣ; это такой военный эпизодъ, о которыхъ участники обыкновенно стараются умалчивать.

— Правильное отступленіе не есть еще бѣгство,—вступился мой отецъ,—вотъ и мы въ 49 году, когда нами командовалъ Радецкій...

Я знала эту исторію и помѣшала ея продолженію, перебивъ ее словами:

— Эта корреспонденція была послана въ медицинскій еженедѣльный журналъ, значитъ, не предназначалась для военныхъ сферъ. Прислушайтесь-ка.

И не спрашивая болѣе разрѣшенія, я прочла слѣдующее мѣсто:

«Въ четыре часа войска наши начали отступленіе. Мы,

Digitized by Google

врачи, были выше головы заняты перевязкой раненыхъ, число которыхъ простиралось до нѣсколькихъ сотенъ, ожидавшихъ еще отправки. Вдругъ налетѣла на насъ кавалерія и бросилась мимо и сзади насъ черезъ холмы и поля—одновременно также артиллерія и обозъ—по направленію къ Кенигграетцу. Многіе кавалеристы попадали и были буквально затоптаны подъ копытами мчавшихся сзади нихъ лошадей. Опрокидывались фургоны и давили толпившихся между ними пѣхотинцевъ. Мы были сбиты съ нашего перевязочнаго пункта, котораго вдругъ и слѣдъ простылъ. Намъ крикнули: «спасайтесь!». Посреди этого крика слышался еще грохотъ пушекъ, и осколки гранатъ падали въ наши скучившіяся массы. Такимъ образомъ, подгоняемые общимъ движеніемъ, мы бѣжали, сами не зная куда. Я мысленно прощался съ жизнью. Моя старуха-мать... моя горячо-любимая невѣста, простите!.. Вдругъ передъ нами вода, вправо насыпь желѣзной дороги, слѣва оврагъ, загроможденный тяжелыми реквизиціонными телѣгами и лазаретными фургонами, а позади насъ еще необозримая линія кавалеристовъ. Мы перешли рѣчку въ бродъ. Тутъ явился приказъ обрѣзать постромки у лошадей, послѣднихъ спасать, а телѣги бросить, какъ и фургоны, гдѣ были раненые. Да,—и ихъ также. Мы, пѣшіе, были близки къ отчаянію, мы вторично вошли по колѣно въ бродъ, въ страхѣ, что каждую минуту насъ могутъ сбить съ ногъ и потопить. Наконецъ мы добрались до желѣзнодорожной станціи, которая также была кругомъ забаррикадирована. Многіе прорвались сквозь баррикаду, иные перепрыгивали черезъ нея, я бѣжалъ вслѣдъ за нѣсколькими тысячами пѣхотинцевъ. Тутъ мы подошли къ рѣкѣ—перешли ее въ бродъ; затѣмъ прыгали черезъ палисадники, переходили еще одну рѣчку въ бродъ по горло въ водѣ, взбирались на возвышенности, перескакивали черезъ сваленныя деревья и къ часу ночи добрались до небольшаго лѣсочка, гдѣ буквально повалились на землю, изнемогая отъ усталости и лихорадки. Въ три часа утра двинулись мы,—т. е. одна часть насъ, другая часть вынуждена была остаться на мѣстѣ, въ ожиданіи смерти—двинулись мы въ дальнѣйшій путь, все еще промокшіе до нитки и продрогшіе отъ холода. Деревни были всѣ пусты,—ни людей, ни съѣстныхъ припасовъ, ни даже воды для питья—и зараженный воздухъ. На вытоптанныхъ хлѣбныхъ поляхъ лежали черные, какъ угли, трупы, съ глазами выкатившимися изъ орбитъ»...

— Довольно, довольно!—закричали молодыя дѣвушки.

Digitized by Google

— Подобныхъ вещей цензурѣ не слѣдовало бы совсѣмъ пропускать,—замѣтилъ мой отецъ,—такъ можно отбить охоту отъ солдатчины...

— А въ особенности охоту къ войнѣ, это было бы дѣйствительно очень жаль,—вполголоса пробурчала я.

— Вообще, — продолжалъ онъ, — про такіе эпизоды бѣгства соучастникамъ въ нихъ приличнѣе было бы умолчать,— право-же не много чести быть однимъ изъ числа такого огульнаго «sauve qui peut». Негодяя, который возгласомъ своимъ «спасайтесь!» первый подалъ сигналъ къ бѣгству, слѣдовало немедленно пристрѣлить.

— Одинъ трусъ крикнетъ, а тысяча храбрыхъ деморализируется благодаря этому и поневолѣ бѣжитъ.

— То же самое случается,—отвѣчалъ Фридрихъ,—когда одинъ храбрый крикнетъ «впередъ!» и тысяча трусовъ невольно несется впередъ—воспламененная притомъ дѣйствительно минутной храбростью. Вообще, нельзя собственно рѣзко разграничить людей на храбрыхъ и трусовъ. Вѣрнѣе—у каждаго изъ насъ бываютъ моменты бо́льшаго или меньшаго напряженія мужества, равно какъ и бо́льшаго или меньшаго прилива трусости. А въ особенности, когда дѣло идетъ о толпѣ, гдѣ каждая единичная личность зависитъ отъ настроенія своихъ товарищей. Мы стадныя созданія и подчиняемся стаднымъ инстинктамъ. Гдѣ перепрыгнетъ одна овца, тамъ поскачутъ за ней и остальныя. Гдѣ одинъ съ крикомъ «ура» кидается впередъ, тамъ и остальные, подхвативъ этотъ возгласъ, бросаются за передовымъ. Точно также тамъ, гдѣ одинъ, кинувъ ружье свое въ рожь, пускается на утекъ, тамъ и остальные бѣгомъ удираютъ за нимъ. Въ первомъ случаѣ громко выхваляется «храброе войско», во второмъ о поступкѣ ихъ умалчиваютъ, а между тѣмъ это одни и тѣ же люди. Да это тѣ же самыя люди, которые, смотря по массовому воздѣйствію на нихъ, оказываются и сознаютъ себя храбрыми или трусами. Храбрость и страхъ слѣдуетъ считать не укоренившимися свойствами, а скорѣе душевными состояніями, совершенно такими же, какъ веселость и печаль. Во время перваго моего похода я самъ угодилъ въ вихрь такого дикаго бѣгства, хотя въ офиціальныхъ донесеніяхъ генеральнаго штаба исторія эта обозначена была въ короткихъ словахъ «правильнымъ отступленіемъ», на самомъ же дѣлѣ это было настоящее постыдное бѣгство. Всѣ галдѣли, бѣсновались и убѣгали стремглавъ въ невыразимомъ смятеніи; оружіе, ранцы, кивера бросались по дорогѣ,—

Digitized by Google

словъ команды было не слышно,—хрипя, горланя, подгоняемые кнутомъ отчаянія, разстроившіеся баталіоны неслись въ разсыпную, а за ними въ догонку скакалъ и палилъ въ нихъ непріятель... Изъ множества жестокихъ фазъ войны самая жестокая та, когда оба противника функціонируютъ уже не въ видѣ бойцовъ, а въ видѣ охотника и дичи. Тутъ охотникомъ овладѣваетъ самая дикая жажда убійства, а въ дичи пробуждается жесточайшій страхъ смерти. Подъ воздѣйствіемъ травли, подшпориваемые страхомъ, преслѣдуемые бѣглецы приходятъ въ состояніе, похожее на бредъ. Всѣ привитыя воспитаніемъ чувства и убѣжденія, воодушевляющія человѣка, бросающагося въ бой,—любовь къ отечеству, честолюбіе, жажда подвиговъ—въ моментъ бѣгства утрачиваются безслѣдно. Бѣгущимъ руководитъ лишь разнузданный до крайнихъ предѣловъ инстинктъ, и именно самый сильный изъ всѣхъ инстинктовъ, порабощающихъ себѣ животныхъ—инстинктъ самосохраненія, напряженіе котораго возрастаетъ по мѣрѣ приближенія опасности и доходитъ до мучительнѣйшаго болѣзненнаго пароксизма. Кто не испыталъ этого, но кому знакомы экстазы любовныхъ наслажденій, тотъ можетъ составить себѣ понятіе о той болѣзненой ярости. То ощущеніе, которое для возбужденнаго до крайности половаго инстинкта составляетъ моментъ сладострастнаго наслажденія—для инстинкта самосохраненія въ такомъ же напряженіи только съ другого конца скалы заключается въ моментѣ, когда обезсилившая дичь испускаетъ духъ подъ клыками стаи собакъ.

— Ахъ, Тиллингъ! — тономъ сильнаго упрека вмѣшалась снова тетя Мари—въ присутствіи дѣвушекъ! Такія слова, какъ сладо...

— И въ присутствіи юноши,—прибавилъ мой отецъ съ неменьшимъ упрекомъ, - при будущемъ солдатѣ толковать о страхѣ смерти...

Фридрихъ пожалъ плечами:

— Я-бы посовѣтовалъ,—отвѣтилъ онъ,—прежде всего изъ лексикона вычеркнуть слово «природа».

* * *

Выздоровленіе Фридриха шло быстрыми шагами впередъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приближалось, повидимому, также и исцѣленіе всѣхъ отъ повальной лихорадки: все чаще и громче слышалось слово «миръ». Поступательное движеніе пруссаковъ, не встрѣчавшихъ болѣе на пути своемъ никакихъ препятствій, и спокойно, черезъ Брюнпъ, ключи котораго вручены

Digitized by Google

были бургомистромъ королю Вильгельму, направлявшихся прямо на Вѣну, движеніе это походило скорѣе на военную прогулку, нежели на военный походъ. И вотъ 26 іюля въ Никольсбургѣ заключено таки было перемиріе съ предварительными мирными переговорами. Большую радость доставило моему отцу полученное извѣстіе о побѣдѣ, одержанной адмираломъ Тегетгофомъ подъ Лиссой. Итальянкіе корабли взлетѣли на воздухъ,—«Аффундаторе» разрушенъ! Какое удовлетвореніе! Я не могла отозваться на этотъ восторгъ. Тѣмъ болѣе, что я никакъ не могла уразумѣть, почему же послѣ того, какъ Венеція отошла отъ насъ—почему вообще давались еще эти морскія сраженія? Несомнѣнно было лишь то, что по поводу этого событія—не одинъ только мой отецъ, но и вся вѣнская печать разразилась шумнымъ ликованіемъ. Слава военной побѣды до такой степени раздута традиціей многихъ тысячелѣтій, что при извѣстіи о таковой, во всемъ народѣ пробуждается чувство національной гордости. Если гдѣ бы то ни было какой нибудь отечественный генералъ побьетъ чужеземнаго генерала, то каждаго отдѣльнаго соотечественника побѣдителя обыкновенно спѣшатъ поздравить, а такъ какъ всякій замѣчаетъ радостное настроеніе всѣхъ остальныхъ, что, во всякомъ случаѣ, дѣйствуетъ на него пріятно, то въ концѣ концовъ и самъ начинаетъ искренно веселиться. Фридрихъ назвалъ бы это «стадными чувствами».

Другимъ политическимъ событіемъ тѣхъ дней явилось согласіе Австріи примкнуть теперь къ Женевскому договору.

— Ну, надѣюсь, теперь ты довольна?—спросилъ меня мой отецъ, прочтя это извѣстіе,—замѣчаешь-ли ты, что война, которую ты всегда зовешь варварствомъ, по мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи, становится все гуманнѣе? Я вѣдь тоже стою за человѣчное веденіе войны: раненымъ необходимъ самый заботливый уходъ и всевозможное облегченіе... даже въ стратегическихъ видахъ, въ концѣ концовъ являющихся, во всякомъ случаѣ, самыми важными въ военныхъ дѣлахъ; хорошій уходъ будетъ способствовать быстрѣйшему выздоровленію многихъ изъ пострадавшихъ, которые тогда снова могутъ вернуться въ ряды.

— Ты правъ, папа, тогда, по крайней мѣрѣ, опять получится матеріалъ, годный для дѣла—это самое важное... Но судя по фактамъ, которыхъ я была свидѣтельницей, никакой «Красный Крестъ» не въ состояніи помочь этому горю, хотя бы даже въ распоряженіи его было вдесятеро болѣе людей и средствъ,

Digitized by Google

онъ не можетъ предотвратить того бѣдствія, которое влечетъ за собой каждое ср

— Предотвратить, конечно, нѣтъ, а смягчить—да. Чего нельзя устранить, слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, смягчать.

— Опытъ показываетъ, что удовлетворительное смягченіе немыслимо. Поэтому я бы перевернула это правило наоборотъ: чего нельзя смягчить, того надо избѣгать.

Мысль, что «войны должны прекратиться», стала обращаться у меня въ idée fixe. И каждый человѣкъ, чѣмъ только онъ можетъ, должен способствовать приближенію человѣчества къ этой задачѣ, хотя бы даже то было на 1/1000 линіи. Отъ картинъ, видѣнныхъ мною въ Богеміи, я никакъ не могла отдѣлаться. Въ особенности по ночамъ, когда, вдругъ вскочивъ отъ глубокаго сна, я чувствовала жгучую боль въ сердцѣ, причемъ въ то же время совѣсть напоминала мнѣ о долгѣ—словно кто-то отдавалъ мнѣ приказаніе: «предотврати, воспрепятствуй, не потерпи этого!» Только окончательно проснувшись и придя въ себя, сознавала я все свое безсиліе: что же *я* могу предотвратить и чему воспрепятствовать? Это было все равно, если бы при видѣ подступающаго прилива или грозной морской бури кто нибудь приказалъ мнѣ: «не допусти! исчерпай его!»—Но послѣдующая моя мысль—въ особенности когда я слышала около себя дыханіе Фридриха—выражалась въ глубоко счастливомъ сознаніи, что «мужъ здѣсь снова со мною», и я возможно живѣе представляла себѣ этотъ фактъ,—обнимала лежавшаго рядомъ со мною рукою, рискуя даже разбудить его и цѣловала его прямо въ губы.

Сынъ мой Рудольфъ имѣлъ собственно полное право ревновать меня къ своему вотчиму—чувство это за послѣднее время проснулось въ сердцѣ мальчика. Тотъ фактъ, что я уѣхала изъ Грумитца, не простившись съ нимъ, а при возвращеніи своемъ не его перваго поспѣшила обнять, что вообще въ теченіе цѣлаго дня не отходила отъ мужа,—все это, вмѣстѣ взятое, побудило бѣднаго мальчугана въ одно прекрасное утро со слезами броситься мнѣ на шею и, рыдая, проговорить:

— Мама, мама, ты меня больше совсѣмъ не любишь!

— Что за глупости говоришь ты, дитя?

— Да... да... только па-пу... я... я... не хочу совсѣмъ... вырости большимъ... если ты... перестала меня любить...

— Перестала тебя любить? Тебя, мое сокровище!—отвѣчала, цѣлуя и лаская плачущаго ребенка.—Тебя, моего единствен-

Digitized by Google

наго сына, мою гордость, будущее мое утѣшеніе! Да я такъ люблю тебя, люблю больше... нѣтъ не больше всего, но люблю безконечно.

Послѣ этого маленькаго эпизода любовь моя къ моему мальчику снова ощущалась мною живѣе. За послѣднее время, дѣйствительно, я такъ была поглощена страхомъ за Фридриха, что бѣдный Рудольфъ былъ нѣсколько отодвинутъ на второй планъ.

Планы, которые мы вмѣстѣ, Фридрихъ и я, строили на будущее, были таковы: по окончаніи войны, мужъ выйдетъ въ отставку и мы поселимся въ какомъ-нибудь маленькомъ дешевомъ мѣстечкѣ, гдѣ бы полковничей пенсіи Фридриха вмѣстѣ съ моимъ приложеніемъ хватало на покрытіе расходовъ нашего маленькаго хозяйства. Мы заранѣе радовались этому уединенному, независимому существованію à deux, словно молодая влюбленная парочка. Пережитыя нами за послѣднее время событія еще разъ ясно доказали намъ, что мы взаимно другъ для друга составляемъ цѣлый міръ.

Однако маленькій Рудольфъ не былъ выключенъ изъ этого союза. Его воспитаніе, въ видѣ главной задачи, должно было наполнять задуманную нами жизнь. Не праздно и безцѣльно намѣревались мы проводить наше время; напротивъ того, мы составили себѣ цѣлую программу занятій, по которой совмѣстно собирались учиться. Фридрихъ особенно усердно хотѣлъ заняться отраслью юридическихъ наукъ, именно международнымъ правомъ. Не вдаваясь во всѣ утопическія и сантиментальныя теоріи, онъ намѣревался изучить практическую, реальную сторону международнаго мира. Чтеніе Бокля, на которое натолкнула его я, знакомство съ новѣйшими открытіями въ области естествознанія по книгамъ Дарвина, Бюхнера и другихъ, вызвало въ немъ убѣжденіе, что міръ идетъ на встрѣчу новой фразѣ познанія. И вотъ задача, по возможности полнѣе усвоить себѣ это познаніе, на ряду съ радостями семейной жизни, казалась ему вполнѣ достаточнымъ содержаніемъ жизни.

Отецъ мой, ничего не знавшій пока о нашихъ замыслахъ, строилъ для насъ совсѣмъ иные планы на будущее:

— Ты будешь теперь молодымъ полковникомъ, Тиллингъ, а черезъ десять лѣтъ, навѣрное, генераломъ. До тѣхъ поръ у насъ, конечно, опять разразится какая нибудь война и ты можешь, пожалуй, получить командованіе цѣлымъ армейскимъ корпусомъ, а те то,—кто знаетъ, достукаешься и до генера-

Digitized by Google

лиссимуса, и, быть можетъ, на долю твою выпадетъ высокое счастье вернуть австрійскому оружію прежнюю его славу, померкшую на краткое мгновеніе. Когда у насъ будутъ введены игольчатыя ружья или, быть можетъ, другія какія, еще лучшей системы, тогда-то ужь мы навѣрное уходимъ господъ пруссаковъ.

— Почемъ знать,—замѣтила я,—быть можетъ, вражда съ пруссаками прекратится, можетъ, настанетъ время, что мы еще заключимъ съ ними союзъ...

Отецъ пожалъ плечами:

— Ужь лучше бы женщины не пускались въ разсужденія о политикѣ!—замѣтилъ онъ презрительно.—Послѣ всего случившагося мы должны наказать нахаловъ, должны снова вернуть неправильно присоединеннымъ (такъ они называютъ эти государства, я бы сказала — завоеваннымъ) ихъ попранныя права,—того требуетъ наша честь и интересы нашего положенія среди европейскихъ державъ. Дружба, союзъ съ этими злодѣями? Никогда. Развѣ, если они униженно ползкомъ приползутъ къ намъ.

— Въ такомъ случаѣ,—замѣтилъ Фридрихъ,—ихъ, конечно, окончательно поработили-бы. Союзовъ ищутъ и заключаютъ ихъ лишь съ тѣми, которые импонируютъ или могутъ оказать поддержку противъ общаго врага. Въ государственной дипломатіи эгоизмъ есть высшій принципъ.

— Ну да,—отвѣчалъ отецъ,—если слово «ego» обозначаетъ «отечество», то «такому» эгоизму слѣдуетъ подчинить все остальное и все, что окажется служащимъ на пользу интересовъ. Эго «я»—позволительно и даже обязательно.

— Одно было бы желательно, — возразилъ Фридрихъ,— чтобы въ международныхъ сношеніяхъ достигнута была та-же высокая цивилизованность, которая вытѣснила культъ грубаго кулачно-правнаго «я» въ сношеніяхъ между единичными личностями, да еще чтобы какъ можно больше распространялось мнѣніе, что собственные интересы каждаго отдѣльнаго лица достигнутъ наибольшаго своего преуспѣянія не при условіи ущерба интересамъ другого человѣка, а напротивъ—скорѣе при условіи единенія съ ними.

— Что?—спросилъ мой отецъ, прикладывая руку къ уху..

Разумѣется, Фридрихъ непожелалъ повторять длинную свою тираду и пускаться въ объясненія, такъ и покончился споръ.

* * *

Digitized by Google

— «Завтра въ часъ дня пріѣду въ Грумитцъ.
Конрадъ».

Можно себѣ представить, какую радость эта депеша доставила Лилли. Никакого пріѣзжаго не встрѣчаютъ съ такимъ восторгомъ и съ такой радостью, какъ того, который возвращается съ войны. Конечно, въ данномъ случаѣ, это не было чаще всего изображаемое въ соотвѣтственныхъ балладахъ или на гравюрахъ «возвращеніе побѣдителя»; но человѣческія чувства любящей невѣсты не могутъ руководствоваться патріотическими чувствами и даже если бы кузенъ Конрадъ «взялъ» Берлинъ, полагаю, что и такое событіе не могло бы увеличить сердечность встрѣчи его нарѣченной.

Ему, разумѣется, было бы пріятнѣе вернуться вмѣстѣ съ побѣдоносными войсками, еслибы онъ способствовалъ завоеванію для своего императора провинціи Силезіи. Но уже самый фактъ участія въ походѣ дѣлаетъ солдату извѣстную честь, хотя бы даже онъ оказался въ числѣ побѣжденныхъ или павшихъ на полѣ битвы—послѣднее считается особенно почетнымъ. Такъ, Отто разсказывалъ, что въ вѣнско-нейштадской академіи на почетную доску занесены имена всѣхъ тѣхъ воспитанниковъ, которымъ выпала завидная доля остаться передъ лицомъ непріятеля, «tué á l'ennemi», какъ говорятъ во Франціи, и гдѣ, какъ и вездѣ, это считается, а въ особенности считалось у нашихъ предковъ. за великую честь. Чѣмъ больше можно въ родѣ своемъ указать предковъ, сложившихъ свои головы на поляхъ битвъ, выигранныхъ или проигранныхъ,—это безразлично,—тѣмъ болѣе гордятся этимъ ихъ внуки, тѣмъ выше могутъ цѣнить они свое имя, тѣмъ менѣе должны дорожить собственной жизнью. Чтобы показать себя достойнымъ убитыхъ своихъ предковъ, необходимо въ убійствѣ какъ въ активномъ, такъ и въ пассивномъ находить истинное наслажденіе.

Ну, тѣмъ и лучше, что, пока существуютъ войны, находятся таки люди, которые почерпаютъ въ нихъ вдохновеніе, воодушевленіе, и даже наслажденіе. Однако, число такихъ людей съ каждымъ днемъ становится ограниченнѣе, тогда какъ число солдатъ съ каждымъ днемъ увеличивается... къ чему-же это наконецъ приведетъ?

Къ невыносимости.

А къ чему же приведетъ послѣдняя?

Но такими далекими вопросами Конрадъ не задавался. Его взгляды еще вполнѣ согласовались съ извѣстной аріей поручика

Digitized by Google

изъ «Бѣлой дамы»: «Ахъ, какъ пріятно быть солдатомъ, пріятно»... Слушая его, можно было положительно позавидовать ему въ томъ, что онъ принималъ участіе въ такой интересной экспедиціи. Такая зависть и овладѣла братомъ моимъ Отто. Этотъ воинъ, возвратившійся послѣ окрещенія его огнемъ и мечемъ, и прежде выглядывавшій настоящимъ рыцаремъ въ своемъ гусарскомъ мундирѣ, а теперь еще украшенный почетнымъ шрамомъ на подбородкѣ, побывавшій подъ градомъ пуль и, пожалуй, уложившій многихъ непріятелей, этотъ воинъ казался ему теперь окруженнымъ ореоломъ героя.

— Это была несчастливая кампанія, надо сознаться въ томъ,— говорилъ Конрадъ,—тѣмъ не менѣе я вынесъ изъ нея нѣсколько превосходныхъ воспоминаній.

— Разскажи, разскажи, — пристали къ нему Лилли и Отто.

— Подробностей дѣла разсказать не съумѣю,—все оставшееся позади меня представляется мнѣ какой-то иллюзіей... порохъ какъ-то странно бросается въ голову. Это опьяненіе или лихорадка, однимъ словомъ, воинственный пылъ начинается собственно уже при выступленіи. Признаться, разставаніе съ невѣстой было мнѣ очень тяжело; то былъ единственный часъ, когда сердце растрогалось и сжалось отъ боли, но едва я успѣлъ добраться до полка, и очутился среди товарищей, какъ явилась мысль, что теперь настала пора выполненія высочайшей задачи, какую только жизнь можетъ поставить мужчинѣ, а именно защитить любезное отечество... Когда же музыканты заиграли маршъ Радецкаго и вѣтеръ завѣялъ шелковыми складками знаменъ, долженъ признаться, что въ этотъ мигъ я не пожелалъ-бы вернуться обратно, даже въ объятія любви... Тутъ я почувствовалъ, что лишь тогда буду достоинъ этой любви, когда тамъ, на войнѣ, бокъ о бокъ съ моими братьями выполню долгъ свой... Что мы идемъ къ побѣдѣ, въ этомъ никто изъ насъ не сомнѣвался. Развѣ мы знали что нибудь объ отвратительныхъ остроконечныхъ пуляхъ. Онѣ однѣ и были причиной нашихъ пораженій, скажу вамъ, что онѣ побивали наши ряды, въ родѣ града... А помимо того, у насъ былъ плохой руководитель... Этотъ Бенедекъ, вы увидите, что ему еще придется держать отвѣтъ передъ военнымъ судомъ. Аттаковать слѣдовало намъ... Если-бы когда нибудь я получилъ назначеніе полководца, то моей тактикой было-бы аттаковать и аттаковать безъ конца, предупреждать врага, вторгаться въ непріятельскую землю... Это вѣдь тоже своего рода искусство, и притомъ болѣе трудное, нежели

Digitized by Google

самозащита:

Ужь если суждено тому быть, предупреждай врага своимъ нападеньемъ.

Въ безпощадной аттакѣ лежитъ залогъ побѣды,

говоритъ поэтъ. Впрочемъ, это сюда не относится... Императоръ не поручалъ мнѣ командованіе арміей, слѣдовательно, я и не повиненъ въ тактическихъ неудачахъ, вотъ теперь генералы увидятъ, какъ имъ придется раздѣлываться съ своимъ высшимъ военачальникомъ, и собственной совѣстью. Что касается насъ, офицеровъ и войска, то мы исполнили свой долгъ; велѣно было драться, и мы дрались. Это какое-то совсѣмъ особенное, высокое чувство... Уже самое ожиданіе, самое напряженіе въ моментъ нападенія на врага; и когда раздается приказъ: ну теперь можно начинать... Это сознаніе, что въ данную минуту разыгрывается глава изъ міровой исторіи и затѣмъ чувство гордости и наслажденія собственной отвагой, вправо и влѣво смерть, великая, таинственная, съ которой ведешь смѣлую борьбу...

— Ни дать ни взять, бѣдняга Готфридъ Тессовъ,—пробормоталъ про себя Фридрихъ...—ну да, это вѣдь одна и та-же школа...

Конрадъ съ жаромъ продолжалъ:

— Сердце бьется сильнѣе, пульсъ хочетъ лопнуть, сердце пробуждается, въ этомъ моментѣ собственно и заключается настоящее упоеніе — пробуждается жажда брани, оно пылаетъ яростью—ненавистью къ врагу, и въ тоже время самою жгучею любовью къ отечеству въ опасности,—и тутъ уже напасть на непріятеля и начать рубить его направо, налѣво—является просто блаженствомъ. Чувствуешь себя какъ-бы перенесеннымъ въ другой міръ, не схожій съ тѣмъ, въ которомъ ты выросъ, міръ, въ которомъ всѣ привычные чувства и взгляды представляются шиворотъ-на-выворотъ: жизнь кажется ничтожествомъ, убійство—долгомъ. Только честь, геройство, самое высокое самопожертвованіе остаются еще въ сознаніи, всѣ остальныя понятія исчезаютъ въ хаосѣ. Прибавьте сюда пороховой дымъ, крики сражающихся... говорю вамъ, это такое состояніе, которое не поддается никакому сравненію. Развѣ на тигровой или на львиной охотѣ можетъ возгорѣться такой же огонь въ крови, когда очутишься лицомъ къ лицу съ разъяреннымъ звѣремъ...

— Да,—перебилъ Фридрихъ,—борьба съ врагомъ, грозящимъ смертью, жаркое, страстное и гордое желаніе одолѣть его, наполняетъ душу своего рода сладострастіемъ—pardon, тетя Мари,—точно также, какъ и все то, что поддерживаетъ или продол-

Digitized by Google

жаетъ жизнь, природа обезпечила сладостной наградой. До тѣхъ поръ, пока человѣку угрожали яростныя нападенія со стороны двуногихъ или четвероногихъ—и онъ могъ поддерживать свое существованіе лишь подъ условіемъ истребленія ихъ, борьба являлась для него наслажденіемъ. Если же и насъ, культурныхъ людей, пробираетъ иногда на войнѣ такое-же блаженное чувство, то это есть не что иное, какъ ощущеніе унаслѣдованное по воспоминанію. И вотъ въ настоящее время, когда въ Европѣ перевелись какъ дикіе, такъ и хищные звѣри, не желая упустить это наслажденіе, мы создаемъ себѣ искусственныхъ враговъ, нападающихъ на насъ. Это значитъ вотъ что: будьте на готовѣ: у васъ синіе мундиры, а у тѣхъ, что напротивъ васъ, красные мундиры. Какъ только трижды ударятъ въ ладоши, люди въ красныхъ мундирахъ обратятся для васъ въ тигровъ, вы-же люди въ синихъ мундирахъ въ глазахъ вашихъ визави обратитесь въ дикихъ звѣрей. И такъ слушайте; «разъ, два, три!» сигналъ къ приступу поданъ—барабанъ прогремѣлъ наступленіе—можно начинать—пожирайте другъ друга!.. И если десять тысячъ или при увеличенной численности войска—сто тысячъ искусственныхъ тигровъ, подъ аккомпаниментъ совмѣстнаго воя военнаго сладострастія, пожрутъ другъ друга около деревни X, то является сраженіе при деревнѣ X, получающее значеніе историческаго событія. Послѣ этого клакеры, дававшіе сигналъ къ битвѣ, собираются на конгрессъ вокругъ зеленаго стола въ городѣ X, регулируютъ на картѣ сбитые съ мѣста пограничные межевые знаки, условливаются на счетъ размѣровъ контрибуціи, подписываютъ бумагу, которая подъ кличкой X—штадтскаго мира вносится въ историческія лѣтописи, въ заключеніе снова хлопаютъ трижды въ ладоши и говорятъ уцѣлѣвшимъ краснымъ и синимъ мундирамъ: «обнимите другъ друга, братья по человѣчеству!»

* *
*

Въ окрестностяхъ повсюду были расквартированы пруссаки, и вотъ теперь наступала очередь также и Грумитца. Хотя перемиріе вошло уже въ силу, и самый миръ былъ уже почти заключенъ, тѣмъ не менѣе населеніе продолжало пребывать въ страхѣ и недовѣріи. Разубѣдить этихъ людей въ томъ, что тигры въ каскахъ непремѣнно разорвали-бы ихъ, если-бы только могли, было не такъ легко. Троекратный ударъ въ ладоши въ Никольсбургѣ не могъ еще изгладить впечатлѣнія троекратнаго удара

Digitized by Google

въ ладоши при объявленіи войны и оказывался недостаточнымъ для того, чтобы заставить простой народъ въ «пруссакахъ» снова видѣть своихъ братьевъ по человѣчеству. Одно имя враждебнаго народа въ военныя времена получаетъ цѣлую вереницу ненавистныхъ побочныхъ значеній—оно не является уже болѣе нарицательнымъ именемъ націи, съ которой ведется война, а становится синонимомъ «врага», заключая въ себѣ все отвращеніе, выражающееся въ этомъ словѣ.

Такъ было и здѣсь. Окрестные жители пришли въ трепетъ, словно при видѣ несущихся на нихъ волковъ, когда появился прусскій квартирмейстеръ, съ цѣлью заготовленія помѣщенія для одной части войскъ. У нѣкоторыхъ на ряду со страхомъ проявилась также и ненависть, и они воображали, что служатъ патріотическому долгу, такъ или иначе вредя пруссаку или посылая въ этого «врага» пулю изъ-за угла. Подобные факты были нерѣдки, причемъ виновный, попадаясь, безъ дальнихъ разговоровъ подвергался смертной казни.

Такіе примѣры произвели свое дѣйствіе, и жители, затаивъ свою ненависть, безъ сопротивленія приняли къ себѣ размѣщенныхъ въ этой мѣстности солдатъ, и тутъ, къ великому своему удивленію, увидѣли, что «врагъ» этотъ состоитъ собственно изъ добродушныхъ, привѣтливыхъ и честно расплачивающихся за все собратьевъ.

Однажды утромъ, это было въ первыхъ числахъ августа, сидѣла я въ фонарѣ при библіотечной комнатѣ и глядѣла въ открытое окно, изъ котораго открывалась далекая перспектива на данную мѣстность. Мнѣ показалось какъ будто-бы вдали виднѣлась группа всадниковъ, направлявшихся по столбовой дорогѣ къ нашему замку. «Прусскій постой», было первой моей мыслью. Я направила на этотъ пунктъ стоявшую въ фонарѣ зрительную трубу. Дѣйствительно: то была группа, приблизительно изъ десяти всадниковъ, съ развѣвавшимися черно-бѣлыми значками на пикахъ. Между ними былъ одинъ пѣшій, въ охотничьемъ костюмѣ. Зачѣмъ-бы ему идти между лошадьми?.. Быть можетъ плѣнный?.. Стекло въ трубѣ было не достаточно сильно; и я не могла различить, не былъ-ли этотъ плѣнникъ однимъ изъ нашихъ лѣсничихъ. Однако, тѣмъ не менѣе, надо было предупредить обитателей замка объ ожидающей ихъ участи. Я поспѣшно вышла изъ библіотеки и пошла разыскивать моего отца и тетю Мари. Я нашла ихъ обоихъ въ гостиной:

— Пруссаки идутъ! пруссаки идутъ!—сообщила я имъ, за-

Digitized by Google

дыхаясь.—Человѣкъ всегда радъ первымъ принести какое-нибудь важное извѣстіе.

— Чортъ ихъ возьми,—не особенно гостепріимно отозвался мой отецъ,—между тѣмъ какъ тетя Мари приступила прямо къ дѣлу, сказавъ:

— Сейчасъ отдамъ приказаніе г-жѣ Вальтеръ сдѣлать необходимыя приготовленія.

— А гдѣ-же Отто?—спросила я:—его непремѣнно надо извѣстить и предостеречь, чтобы онъ, чего добраго, не вздумалъ проявить своей ненависти къ пруссакамъ, чтобы онъ не выкинулъ какого-нибудь невѣжества по отношенію къ гостямъ.

— Отто нѣтъ дома,—отвѣчалъ мой отецъ,—онъ сегодня съ ранняго утра отправился на охоту за куропатками. Посмотрѣлабы ты на него, какъ отлично идетъ къ нему охотничій костюмъ... это будетъ отличный малый... онъ меня ужасно радуетъ.

Между тѣмъ въ домѣ поднялся шумъ; послышались торопливые шаги и встревоженные голоса.

— Пожаловали уже, эти хвастуны!—со вдохомъ замѣтилъ отецъ мой.

Вдругъ двери распахнулись, и каммердинеръ Францъ вбѣжалъ въ комнату:

— Пруссаки, пруссаки:—кричалъ онъ такимъ тономъ, какимъ кричатъ: «пожаръ, пожаръ!»

— Ну, не съѣдятъ они насъ,—угрюмо отвѣчалъ отецъ.

— Но они ведутъ кого-то съ собой,—продолжалъ слуга дрожащимъ голосомъ.—Стрѣлялъ по нимъ кто-то изъ Грумитцкихъ—не знаю кто—всякій-бы выстрѣлилъ съ удовольствіемъ по такой сволочи?..—Только ему не сдобровать.

Мы услыхали топотъ лошадей и шумъ голосовъ. Мы вышли на крыльцо и смотрѣли въ выходящія на дворъ окна. Прискакали уланы—среди ихъ мой братъ Отто, блѣдный отъ злости.

Отецъ съ крикомъ ужаса побѣжалъ съ лѣстницы. То, что случилось, было ужасно. У меня замерло сердце. Если Отто дѣйствительно стрѣлялъ по прусскимъ солдатамъ, а это на него было очень похоже...—я не рѣшалась даже кончить этой мысли...

Идти за отцомъ я не рѣшалась. За утѣшеніемъ и поддержкой во всякую трудную минуту я обращалась только къ Фридриху. И потому я прямо бросилась въ его комнату. Прежде чѣмъ я дошла, отецъ уже вернулся. Отто шелъ за нимъ. По ихъ лицамъ было видно, что опасность миновала.

Digitized by Google

Допросъ выяснилъ вотъ что: выстрѣлъ былъ случайный; когда прискакали уланы, Отто хотѣлъ ихъ видѣть поближе; онъ пустился бѣжать, спотыкнулся, упалъ въ канаву, при этомъ ружье само разрядилось.

Въ первую минуту такому объясненію молодого охотника не повѣрили; его окружили и привели какъ плѣнника въ замокъ. Но когда узнали, что юноша сынъ генерала Альтгауза и самъ воспитанникъ военной школы, сейчасъ-же успокоились и повѣрили объясненію. «Сынъ солдата, самъ будущій воинъ, можетъ воевать въ честномъ бою съ солдатами противника, но, конечно, не позволитъ себѣ стрѣлять по нимъ предательски, въ мирное время». Послѣ этихъ словъ моего отца, прусскій унтеръ-офицеръ приказалъ отпустить молодого человѣка.

— Скажи правду — ты въ самомъ-ли дѣлѣ не виноватъ?— спросила я Отто,—при твоей ненависти къ пруссакамъ я бы не удивилась, если-бы ты...

Отто покачалъ головой.

— Вѣроятно, мнѣ еще не разъ въ жизни представится случай,—сказалъ онъ, — подстрѣлить не одного изъ нихъ, но не изъ-за угла, конечно, а, подставивъ свою грудь подъ ихъ бомбы.

— Молодецъ! вотъ люблю!—воскликнулъ въ восторгѣ отецъ.

Я не могла раздѣлять этого восторга, мнѣ были отвратительны всѣ эти фразы, въ которыхъ такъ играютъ жизнью своею и другихъ. Но я была рада, что дѣло уладилось такъ благополучно. Какъ-бы ужасно было для отца, если-бы эти люди, по одному подозрѣнію, не разобравъ дѣла, распорядились съ нимъ по своему. Тогда эта злополучная война, которая до сихъ поръ щадила нашъ домъ, всетаки внесла-бы въ него несчастье...

Этотъ отрядъ явился сюда на постой. Замку Грумитцъ предстояло пріютить у себя двухъ полковниковъ и 6 офицеровъ прусской арміи. Въ деревнѣ должны были поселиться солдаты.

Черезъ нѣсколько часовъ, незванные гости были уже въ домѣ. Мы уже за нѣсколько дней знали о ихъ приходѣ и г-жа Вальтеръ позаботилась, чтобы для нихъ были готовы комнаты и постели. У повара тоже были заготовлены порядочные запасы а въ погребѣ имѣлось не мало бочекъ и бутылокъ стараго вина: господа пруссака не могли терпѣть у насъ ни въ чемъ недостатка.

* * *

Когда въ этотъ день, по призывному колоколу, всѣ обыватели замка собрались въ гостиной — это была по истинѣ бле-

Digitized by Google

стящая, веселая картина. Всѣ мужчины даже самъ министръ «во всякомъ случаѣ», который въ это время гостилъ у насъ— были въ мундирахъ, всѣ дамы—въ элегантныхъ туалетахъ.

Послѣ долгаго времени, мы всѣ опять расфрантились — въ особенности Лори — наша кокетка Лори, которая какъ разъ пріѣхала въ этотъ день изъ Вѣны и узнавъ, что къ обѣду будутъ чужіе офицеры, выпула изъ своего сундука самое красивое платье, и разукрасила себя всю живыми розами. Конечно, при этомъ имѣлось въ виду вскружить голову не одному изъ офицеровъ непріятельскаго войска. Пускай себѣ завоевываетъ хоть всѣ прусскіе батальоны, только-бы оставили моего Фридриха въ покоѣ. Лилли, счастливая невѣста, была въ голубомъ платьѣ небеснаго цвѣта; Роза тоже довольная, что можетъ наконецъ опять показаться молодымъ кавалерамъ—была въ розовомъ кисейномъ; только я помнила, что теперь время войны, время печали—хотя меня лично оно и не коснулось и мнѣ некого было оплакивать,—я была въ черномъ платьѣ. Я очень хорошо помню то особое чувство, какое я испытала, войдя тогда въ гостиную, гдѣ всѣ уже были въ сборѣ. Блескъ, оживленіе, изящная роскошь, разряженныя дамы, блестящіе мундиры—какой контрастъ съ такъ недавно видѣнными картинами—отчаянья, грязи, ужаса! И вѣдь сами они, эти блестящіе, веселые, изящные, были добровольными ревнителями горя, вѣдь это они не хотятъ ничего сдѣлать для уничтоженія его, а напротивъ, прославляютъ его, и съ своими золотыми обшивками и звѣздочками гордо оповѣщаютъ, что они опора, поддержка этой системы скорби!.

Мое появленіе прервало на минуты разговоръ, который велся отдѣльными группами — пришлось представлять мнѣ прусскихъ гостей; большинство были все важно-звучащія фамиліи на «овъ» и «вицъ»; много было «фонъ», былъ даже одинъ принцъ, ужь не знаю, который счетомъ, изъ дома Рейсъ.

Вотъ они наши враги! Настоящіе джентльмены съ самыми изящными, свѣтскими манерами. Слава Богу, всѣ знаютъ, что теперь приходится воевать не съ Гуннами и не съ Вандалами, а всетаки какъ-то естественнѣе представлять себѣ непріятеля какъ дикую орду, и приходится дѣлать надъ собой нѣкоторое усиліе, чтобы представить его себѣ равнымъ по происхожденію, культурнымъ человѣкомъ.—«Боже праведный, Ты, Который силою твоей защиты спасаешь отъ враговъ тѣхъ, кто на Тя уповаетъ, услыши насъ милостиво, ниспошли намъ милосердіе твое, чтобы, подавивъ ярость врага, благодарить Тебя во вѣки».

Digitized by Google

Такъ молился грумитскій священникъ каждое воскресеніе. Какимъ представлялъ себѣ приходъ его этого «яростнаго врага»? Конечно, не такимъ, какими были эти вѣжливые господа, въ ту минуту, предлагавшіе дамамъ руку, чтобы вести ихъ къ обѣду... На этотъ разъ Богъ услыхалъ мольбу другихъ за насъ, и укротилъ *нашу* ярость—этотъ бѣшеный, лютый врагъ, жаждущій убійства, который силою божественной защиты (правда мы называли ее—игольчатыми ружьями) былъ отброшенъ—вѣдь это были *мы*...

О, ты, святое противорѣчіе!.. Вотъ что мнѣ думалось въ то время, какъ мы садились въ пестромъ ряду къ столу роскошно убранному цвѣтами и фруктами. По приказанію хозяина было выпуто и серебро, которое давно уже не вынималось. Я сидѣла между виднымъ полковникомъ на «овъ» и стройнымъ поручикомъ на—«итцъ». Лилли, конечно, подлѣ жениха. Розу велъ къ столу принцъ Генрихъ, а противной Лори удалось-таки подцѣпить Фридриха себѣ въ сосѣди. Пускай себѣ! Ревновать всетаки не буду, онъ вѣдь мой Фридрихъ, совсѣмъ мой... Всѣ много и весело болтали.

Очевидно, «пруссаки» были очень довольны, послѣ всѣхъ перепетій и лишеній, очутиться за хорошимъ обѣдомъ, попировать въ пріятномъ обществѣ; а сознаніе, что послѣдній походъ былъ побѣдоноснымъ, поднимало ихъ настроеніе. Но и мы, побѣжденные, скрывали наши обиду и стыдъ, и старались быть самыми любезными хозяевами. Моему отцу, — зная его взгляды, — это было не особенно легко, но онъ исполнялъ свою роль съ замѣчательною «courtoisie». Самымъ скопфуженнымъ былъ Отто. Его развившаяся за послѣднее время ненависть къ пруссакамъ, его мечта выгнать врага изъ страны и вдругъ, этому самому врагу передавать соль и перецъ вмѣсто того, чтобы пропороть ему животъ штыкомъ. Темою для разговоровъ война не служила, ее усердно избѣгали. Мы относились къ нашимъ гостямъ, какъ къ путешественникамъ, которые случайно попали въ нашу страну, а они еще больше боялись затронуть положеніе дѣлъ, въ силу котораго они являлись побѣдителями хозяйничать въ нашъ домъ. Мой молодой поручикъ дѣлалъ даже попытки поухаживать за мной. Онъ клялся честью и таліей, что ему нигдѣ такъ не хорошо, какъ въ Австріи, что въ Австріи самыя хорошенькія женщины на свѣтѣ (при этомъ онъ такъ и таращилъ глаза въ сторону). Должно сознаться, что и я немножко кокетничала съ сыномъ Марса, желая доказать Лори и ея сосѣду, что и я умѣю мстить...

Digitized by Google

Но тотъ былъ невозмутимъ и также покоенъ, какъ въ сущности была покойна и я въ душѣ. Конечно, было бы цѣлесообразнѣе и благоразумнѣе, еслибы мой поручикъ направлялъ свои смертоносные взгляды на красивую Лори. Конрадъ и Лилли, въ качествѣ жениха и невѣсты (въ сущности жениховъ и невѣстъ слѣдовало бы держать за рѣшеткою), не стѣсняясь не сводили другъ съ друга влюбленныхъ глазъ, они перешептывались, чокались въ тихомолку, вообще позволяли себѣ всевозможныя продѣлки двухъ влюбленныхъ голубковъ.

Какъ мнѣ казалось, у насъ начинается тоже третій романъ. Нѣмецкій принцъ Генрихъ — не знаю который по счету — съ увлеченіемъ разговаривалъ съ моей сестрой Розой, съ лица его не сходило выраженіе искренняго восторга. Послѣ обѣда всѣ вернулись въ гостиную, которая теперь сіяла огнями. Дверь на террасу была открыта. Былъ чудный лунный вечеръ. Я вышла изъ комнаты. Луна освѣщала своимъ мягкимъ свѣтомъ скошенныя лужайки, съ которыхъ несся запахъ свѣжаго сѣна, и отражалась въ пруду парка на заднемъ планѣ.

Неужели то была та самая луна, которая мнѣ такъ недавно показала ту бѣлую кладбищенскую ограду съ прислонившимися къ ней трупами, надъ которыми кружилась стая каркающихъ хищныхъ птицъ? И неужели это тѣ самые люди — какъ разъ въ эту минуту одинъ изъ прусскихъ офицеровъ открылъ рояль, чтобы исполнить пѣсню безъ словъ Мендельсона—неужели это тѣ самые люди, которые такъ недавно дрались саблями и разсѣкали ими черепа?..

Черезъ нѣкоторое время вышли въ садъ принцъ Генрихъ и Роза. Они не замѣтили меня въ моемъ темномъ уголку и прошли мимо. Они стали къ периламъ, совсѣмъ близко одинъ къ другому. Мнѣ даже показалось, что врагъ—молодой пруссакъ—держалъ руку Розы въ своей. Они разговаривали тихо, но до меня доносилось: «прелестная дѣвушка... внезапная страсть... что можетъ быть выше семейнаго счастья... Жребій брошенъ... Рѣшайте мою судьбу... Изъ состраданья... не говорите нѣтъ!.. Развѣ я вамъ противенъ?..»

Роза покачала отрицательно головой. Онъ цѣлуетъ ей руку и собирается уже ее обнять, но она, какъ благовоспитанная дѣвица, отстраняетъ его объятія.

Мнѣ кажется, я была бы довольна, если бы луна освѣтила мнѣ ихъ поцѣлуй... Послѣ всѣхъ картинъ отчаянья и ненависти, которыя я такъ недавно видѣла, мнѣ было бы отрадно увидѣть картину любви и счастья.

Digitized by Google

— Ахъ, ты тутъ, Марта!

Роза увидала меня, сперва она испугалась, что кто-то былъ свидѣтелемъ этой сцены, но когда она увидала, что я, она успокоилась. Принцъ совсѣмъ растерялся, сконфузился.

— Я просилъ руки вашей сестры, баронесса. Замолвите за меня слово! Вѣроятно, мое предложеніе покажется вамъ обѣимъ слишкомъ внезапнымъ, смѣлымъ. Въ другое время и я вѣроятно былъ бы скромнѣе и разсудительнѣе, но въ послѣднія недѣли я пріучилъ себя дѣйствовать скоро и смѣло — нельзя было робѣть и медлить... и то, чему меня выучила война я нѣсколько примѣнилъ къ любви... Простите меня и пожалѣйте... Вы молчите, графиня? Вы отказываете мнѣ?

— Не можетъ же сестра такъ скоро рѣшить свою судьбу,— помогла я Розѣ, которая въ волненіи стояла отвернувшись. — Надо знать, дастъ ли отецъ свое согласіе на бракъ съ «врагомъ», можетъ ли Роза обѣщать вамъ свою взаимность... развѣ можно все это рѣшить такъ, вдругъ, въ одну минуту?

— Можно,—отвѣтила Роза и протянула обѣ руки молодому человѣку. А онъ со всею страстью прижалъ ее къ сердцу.

— О, безумныя дѣти!—проговорила я и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери зала, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ эту минуту никто не вошелъ.

* * *

На слѣдующій день было отпраздновано обрученіе.

Мой отецъ далъ имъ свое согласіе. Я думала, что его ненависть къ пруссакамъ не допуститъ его принять въ свою семью врага и побѣдителя,—но потому ли, что онъ умѣлъ отдѣлять личные вопросы отъ національныхъ—(извѣстный пріемъ: «я ненавижу ихъ какъ націю, но не какъ отдѣльныхъ личностей», вѣдь какъ часто приходится это слышать, хотя въ сущности, въ этомъ нѣтъ никакого смысла; это все равно, что сказать: я ненавижу вино какъ напитокъ, но я каждую каплю пью съ наслажденіемъ; впрочемъ къ чему искать смысла въ ходячей фразѣ—напротивъ), потому ли, что честолюбіе пересиливало въ немъ все остальное и ему льстило родство съ княжескимъ домомъ Рейсъ, или быть можетъ его просто тронула такая романическая, внезапная любовь молодыхъ людей, однимъ словомъ, онъ далъ свое согласіе довольно легко. Труднѣе было убѣдить тетю Мари.

— Невозможная вещь! — было ея первымъ словомъ.—Вѣдь принцъ лютеранскаго вѣроисповѣданія.

Но въ концѣ концовъ она успокоилась на томъ, что Роза,

Digitized by Google

вѣроятно, обратитъ своего мужа въ католицизмъ. Больше всѣхъ былъ огорченъ Отто. «Если опять будетъ война, какъ же я буду выгонять изъ страны моего собственнаго зятя?» Но и ему постарались выяснить теорію о разницѣ между націей и индивидуумомъ и къ моему большому удивленію онъ понялъ то, чего я никакъ не могла понять.

Какъ скоро при хорошихъ обстоятельствахъ забываются пережитыя невзгоды. Всѣ наши влюбленные, Фридрихъ и я, хотя женатые, но тоже не меньше влюблены въ другъ друга, вся эта атмосфера любви приводила всѣхъ въ восторженное настроеніе. Въ замкѣ царили веселье и радость жизни. Я замѣтила, что я у меня изъ памяти начинали исчезать по немногу картины ужаса недавняго времени. Не безъ упрековъ совѣсти сознавала я подчасъ, что моего прежняго состраданія уже нѣтъ. Извнѣ еще доносились иногда печальныя вѣсти: жалобы людей, потерявшихъ за войну все имущество, или дорогихъ людей, извѣстія о финансовыхъ крахахъ, объ эпидеміяхъ, — холера, говорили, уже поселилась между прусскими солдатами, даже разсказывали объ одномъ случаѣ—правда, сомнительномъ—у насъ въ деревнѣ. «Вѣроятно диссентерія—она вѣдь появляется каждое лѣто», утѣшали себя. Главное гнать отъ себя подальше всѣ эти печальныя мысли и страхъ: это ничего, пройдетъ, все обойдется, стоитъ только хорошенько покачать головой и всѣ страхи разсѣятся.

— Знаешь-ли что, Марта, — начала, однажды, счастливая невѣста,—какъ ни ужасна была эта война, но я лично благословляю ее. Не будь ея, развѣ я была бы такъ счастлива какъ теперь? Развѣ я встрѣтилась бы когда нибудь съ Генрихомъ? А онъ, гдѣ бы онъ нашелъ себѣ такую любящую невѣсту?

— Все это прекрасно, Роза, я готова стать на твою точку зрѣнія, пускай ваши два любящія сердца перетянутъ на вѣсахъ всѣ тысячи разбитыхъ сердецъ...

— Нѣтъ, Марта, даже въ общемъ, не въ отдѣльномъ случаѣ—война для тѣхъ, кто побѣдилъ, большая выгода, выгода цѣлаго народа. Если бы ты послушала Генриха. Онъ говоритъ: Пруссія теперь во всемъ своемъ величіи, въ войскахъ всеобщій восторгъ, вдохновенная благодарность и любовь къ главнокомандующимъ, которые привели ихъ къ побѣдѣ... Все это не безъ вліянія на общественное благополучіе, на торговлю, я не вполнѣ понимаю... Историческая миссія... однимъ словомъ, если бы ты его слышала...

Digitized by Google

— Лучше бы твой женихъ говорилъ тебѣ о своей любви, чѣмъ о политическихъ и военныхъ дѣлахъ.

— Мы съ нимъ обо всемъ говоримъ, и все, что онъ говоритъ—для меня музыка... Я такъ понимаю, что онъ долженъ быть счастливъ, долженъ гордиться, что онъ сражался въ этой войнѣ за короля и отечество.

— И притащилъ себѣ въ норку такую добычу — влюбленную невѣсту,—добавила я.

Отцу очень нравился его будущій зять, да кому же онъ могъ не нравиться, этотъ бравый молодой человѣкъ? Но онъ выражалъ ему свою симпатію очень своеобразно, осторожно, съ разными оговорками:

— Я не могу не цѣнить васъ какъ человѣка, какъ солдата, какъ принца, любезный Рейсъ,—говорилъ онъ ему не разъ въ такомъ духѣ,—но какъ прусскаго офицера, понятно, я васъ ненавижу и оставляю за собою право, несмотря на наше будущее родство, страстно желать войны, чтобы воздать Пруссіи по заслугамъ. Политическій вопросъ совсѣмъ не личный. Сынъ мой, когда-нибудь, если Господь приведетъ меня до этого — конечно, пойдетъ въ походъ на пруссаковъ, и я самъ, если только не буду старъ и если мой императоръ призоветъ меня, сейчасъ же возьмусь за командованіе, чтобы побѣдить Вильгельма I, а главнымъ образомъ вашего нахала Бисмарка. Это не мѣшаетъ мнѣ признавать доблестность прусской арміи и стратегическія способности вашихъ главнокомандующихъ, и находить естественнымъ, чтобы вы въ слѣдующую войну во главѣ батальона явились разрушать нашу столицу и подожгли бы домъ, въ которомъ живетъ вашъ тесть... однимъ словомъ...

— Однимъ словомъ, неизбѣжная путаница всѣхъ чувствъ,— прервала я, однажды, подобную рапсодію, противорѣчія и возраженія такъ и глотаютъ другъ друга, точно инфузоріи въ гнилой водѣ. — Это всегда такъ бываетъ, когда хотятъ согласить несогласимыя понятія. Ненавидѣть цѣлое, и любить его отдѣльныя части — думать одно, какъ человѣкъ, и совсѣмъ другое, какъ подданный — вѣдь это же немыслимо; что нибудь одно,— или то, или другое.

Мнѣ гораздо симпатичнѣе отношеніе какого нибудь начальника ботокудовъ къ представителямъ другихъ племенъ, о которыхъ онъ даже не знаетъ, что они — «индивидуумы», къ которымъ онъ не чувствуетъ ничего кромѣ желанія ихъ скальпировать.

Digitized by Google

— Милая Марта, такія дикія чувства не совмѣстимы съ гуманнымъ и нравственнымъ состояніемъ нашей культуры.

— Скажи лучше, наше культурное развитіе не подходитъ къ остатку варварства, уцѣлѣвшему изъ прежнихъ временъ. Покуда будетъ существовать этотъ духъ войны, проявляемая гуманность разумно не можетъ примѣняться. И твоя рѣчь, милый папа, въ которой ты увѣряешь принца Генриха, что любишь его какъ зятя и ненавидишь какъ пруссака, высоко цѣнишь какъ человѣка и презираешь какъ подполковника, что ты охотно даешь ему свое отческое благословеніе и въ то же время разрѣшаешь ему, при случаѣ, стрѣлять въ тебя, твоя рѣчь, папа, развѣ она разумна?

— Ничего не понялъ изъ всего, что ты говорила...

По обыкновенію подоспѣла обычная въ этомъ случаѣ глухота на выручку.

* * *

Черезъ нѣсколько дней опять все стихло въ Грумитцѣ. Нашъ постой выбылъ. Конраду было приказано вернуться въ его полкъ. Лори Грисбахъ и министръ уѣхали раньше. Свадьба моихъ обѣихъ сестеръ была отложена на октябрь. Обѣ должны были вѣнчаться въ Грумитцѣ. Принцъ Генрихъ собирался выходить въ отставку. Теперь послѣ такого достославнаго похода, за который ему дано было повышеніе, ему было легко устроить себѣ отдыхъ на лаврахъ въ своихъ владѣніяхъ. Прощаніе обѣихъ влюбленныхъ паръ было трогательно и вмѣстѣ мучительно. Давались обѣщанія писать каждый день, увѣренность въ близкомъ счастьѣ отгоняла тоску разлуки.

Увѣренность въ счастьѣ? Какъ будто существуетъ эта увѣренность — въ особенности въ военное время, когда несчастье виситъ надъ вами точно густое облако саранчи, гдѣ вѣроятіе, что стоишь именно на той точкѣ, на которую не спустится этотъ бичъ?

Положимъ война была окончена, т. е. было объявлено, что миръ заключенъ. Изъ-за одного слова произошло столько ужаснаго; думаютъ, что достаточно одного слова, чтобы поправить все причиненное зло, но такого всемогущаго слова, увы! не существуетъ. Вражда прекращена, но зла не искоренить.

Сѣмена будущей войны посѣяны, плоды только что кончившейся войны даютъ себя чувствовать — всюду нищета, запустѣніе, зараза. Тутъ не спасетъ никакое самообольщеніе, никакое позднее раздумье, — холера свирѣпствовала со всею силою.

Digitized by Google

Это было 8 августа, утромъ. Мы всѣ сидѣли на верандѣ за завтракомъ и читали только что полученныя съ почты газеты и письма. Обѣ наши невѣсты набросились на письма отъ своихъ жениховъ, я взяла газету. Извѣстіе изъ Вѣны:

«Случаи холеры принимаютъ серьезные размѣры; замѣчаются заболѣванія не только въ военныхъ госпиталяхъ, но и въ городскихъ больницахъ, все случаи настоящей Cholera asiatica, всюду принимаются самыя энергическія мѣры для прекращенія эпидеміи».

Я собиралась прочитать это мѣсто вслухъ. Какъ разъ въ это время тетя Мари, которая держала въ рукахъ письмо отъ одной пріятельницы, сосѣдки по имѣнію, въ ужасѣ воскликнула:

— Каковъ ужасъ! Бетти пишетъ, что у нихъ въ домѣ двое умерли отъ холеры и что теперь заболѣлъ ея мужъ!

— Ваше превосходительство, учитель желаетъ васъ видѣть.

За лакеемъ вошелъ и учитель, онъ былъ блѣденъ, имѣлъ разстроенный видъ.

— Позвольте вамъ доложить, графъ, что я нахожу нужнымъ закрыть школу. Вчера заболѣло двое дѣтей, сегодня они скончались.

— Отъ холеры? — воскликнули мы.

— Приходится назвать болѣзнь ея настоящимъ именемъ, да, отъ холеры... Разстройство желудка, появившееся между солдатами, которые здѣсь стоятъ на постоѣ, унесло уже 20 человѣкъ, и есть ни что иное какъ холера. Вся деревня въ паникѣ; докторъ, прибывшій изъ города, сказалъ прямо, что, по всей вѣроятности, все мѣстное населеніе уже заражено.

— Что значитъ этотъ звонъ? — спросила я, прислушиваясь.

— Это похоронный звонъ, баронесса, — отвѣтилъ школьный учитель. — Вѣроятно, опять кто-нибудь скончался. Докторъ говорилъ, что въ городѣ этотъ печальный звонъ не прекращается.

Мы всѣ молча, блѣдные отъ ужаса, переглянулись. Опять — смерть и каждый изъ насъ увидалъ ея костлявую руку надъ головою кого нибудь изъ близкихъ:

— Надо бѣжать отсюда!—предложила тетя Мари.

— Куда? — спросилъ учитель. Кругомъ вездѣ болѣзнь уже распространена.

— Куда нибудь дальше, за границу.

Digitized by Google

— Тамъ, вѣроятно, уже поставленъ кордонъ и не пропускаютъ.

— Да это ужасно! Развѣ можно кому-нибудь запретить бѣжать изъ зараженной мѣстности?

— А какъ же иначе? Какъ же охранить здоровыя страны отъ занесенія заразы?

— Что же дѣлать? Что же дѣлать?—съ отчаяньемъ взывала тетя Мари.

— Отдать себя на волю Божью, — сказалъ отецъ мой съ глубокимъ вздохомъ.—Ты, Мари, такъ вѣришь въ предопредѣленіе, я не узнаю тебя въ твоемъ желаніи бѣжать. Куда не спрячься, судьба найдетъ... тѣмъ не менѣе я бы желалъ, дѣти, чтобъ вы отнюда немедленно уѣхали, а ты, Отто, не смѣй ѣсть никакихъ фруктовъ.

— Я сейчасъ же пошлю телеграмму Брессеру,—сказалъ Фридрихъ,—чтобы онъ намъ выслалъ разныхъ средствъ для дезинфекціи.

Что было затѣмъ, не помню въ подробностяхъ, потому что только этотъ эпизодъ во время завтрака былъ записанъ въ красную тетрадку. Остальное пишу по памяти. Помню что насъ всѣхъ обуялъ страхъ. Какъ же не бояться эпидеміи, когда окруженъ людьми, которыхъ любишь!

Знать, что надъ головою дорогого человѣка виситъ Дамокловъ мечъ, знать, что предстоитъ самому смерть, такая безполезная, безплодная смерть, кого не приведетъ въ ужасъ? Вся храбрость можетъ заключаться только въ томъ, чтобы объ этомъ не думать.

Бѣжать? Мнѣ тоже приходило это въ голову,—главное, чтобы спасти моего маленькаго Рудольфа...

Мой отецъ, несмотря на свой фатализмъ, настаивалъ на отъѣздѣ другихъ. На слѣдующій день былъ назначенъ отъѣздъ всей семьи. Онъ одинъ долженъ былъ остаться, чтобы вся дворня и деревенское населеніе не были покинуты въ такое опасное время. Фридрихъ заявилъ, что онъ тоже остается; понятно, что я ни за что не захотѣла разстаться съ нимъ, и было рѣшено, что тетя Мари уѣдетъ съ двумя дѣвочками, съ Отто и Рудольфомъ. Но куда? Это еще не было рѣшено окончательно: въ Венгрію, куда нибудь подальше. Невѣсты нисколько не сопротивлялись отъѣзду, напротивъ усердно помогали укладываться... Умереть теперь, когда счастье любви такъ близко, когда жизнь улыбается такою радостною широкою улыбкою, все равно, что умереть десять разъ!

Digitized by Google

Сундуки были принесены въ столовую, чтобы при общей помощи поскорѣе уложиться. Я притащила цѣлую кучу платьевъ Рудольфа.

— Отчего ты не заставишь это уложить твою горничную?— спросилъ отецъ.

— Не знаю, куда она дѣлась... Я звонила ее нѣсколько разъ, она все не идетъ... ужь я лучше сама уложу...

— Ты портишь твоихъ людей,—съ неудовольствіемъ замѣтилъ отецъ, и приказалъ лакею немедленно разыскать Нетти и позвать ее.

Черезъ нѣсколько минутъ посланный вернулся съ вытянутой физіономіей.

— Нетти лежитъ въ своей комнатѣ... она... у нея... у нея... она...

— Да можешь ли ты, наконецъ, говорить толкомъ?—крикнулъ на него отецъ.—Ну, что у нея?

— Она совсѣмъ уже почернѣла.

Мы всѣ вскрикнули отъ ужаса. Зловѣщій призракъ прокрался въ нашъ домъ..

Что же было намъ дѣлать? Вѣдь нельзя же было оставить бѣдную дѣвушку безъ всякой помощи, а между тѣмъ подойти къ ней значило идти самой на смерть, не только самой, но погубить и другихъ. Домъ въ которомъ свирѣпствуетъ зараза, все равно, что домъ, окруженный разбойниками или домъ въ огнѣ, всюду во всѣхъ углахъ и концахъ, на всякомъ шагу смерть.

— Отправляйся сейчасъ же за докторомъ, — приказалъ отецъ.—А вы, дѣти, поспѣшите съ отъѣздомъ...

— Докторъ съ часъ какъ уѣхалъ въ городъ, — сообщилъ лакей.

— Боже мой?.. Мнѣ дурно! — проговорила Лилли, блѣдная какъ смерть, опускаясь въ кресло.

Мы бросились къ ней.

— Что съ тобой?.. Будь благоразумна... это только страхъ...

Увы! то былъ не страхъ!—мы перенесли несчастную въ ея комнату, у нея началась рвота и всѣ другіе признаки холеры. Это былъ второй случай холеры въ нашемъ домѣ.

Страшно было смотрѣть на страданія бѣдной сестры. Доктора нѣтъ, Фридриху пришлось исполнять его обязанности. Онъ велѣлъ положить ей теплые компрессы, горчичники на животъ и на ноги—давать глотать ледъ, шампанское. Ничто не помогало.

Digitized by Google

Всѣ эти средства, годныя въ легкихъ случаяхъ холеры, были тутъ безполезны; они могли служить только утѣшеніемъ больной и окружающимъ, что она не безъ помощи. Послѣ припадковъ появились судороги, которыя такъ сводили, что у больной трещали кости. Несчастная, очевидно, пробовала кричать, но голоса не было, она вся посинѣла и похолодѣла—дыханіе остановилось.

Отецъ, ломая руки, бѣгалъ по комнатѣ.

Я остановилась передъ нимъ:

— Вотъ она твоя война!—проговорила я,—неужели ты ее не проклянешь, отецъ?

Онъ покачалъ головой и ничего мнѣ не отвѣтилъ. Черезъ 10 минутъ Лилли скончалась; Нетти, горничная, умерла еще раньше, одна, въ своей комнатѣ; мы всѣ были заняты Лиллею, а изъ прислуги никто не рѣшался подойти къ «почернѣвшей».

. . . . . .

Пріѣхалъ докторъ Брессеръ. Онъ привезъ самъ по телеграфу выписанныя лѣкарства. Я готова была ему поцѣловать руку за то, что онъ пріѣхалъ къ своимъ старымъ друзьямъ жертвуя собою, въ такое трудное время. Онъ сейчасъ же принялъ на себя всѣ распоряженія. Оба трупа велѣлъ перенести въ отдаленную кладовую, заперъ комнаты, въ которыхъ бѣдняжки скончались, и всѣхъ насъ подвергъ сильнѣйшей дезинфекціи. Запахъ карболки разнесся по всему дому и до сихъ поръ съ этимъ запахомъ у меня всегда оживаетъ воспоминаніе объ этихъ страшныхъ дняхъ холеры. Предполагаемое бѣгство не удалось и во второй разъ. На другой день смерти Лилли у подъѣзда уже стояла карета. Тетя Мари, Роза, Отто и мой Рудольфъ должны были ѣхать, какъ вдругъ заболѣлъ кучеръ и долженъ былъ слѣзть съ козелъ.

— Въ такомъ случаѣ я самъ васъ отвезу, — рѣшилъ мой отецъ,—когда ему сказали о внезапной болѣзни кучера.—Садитесь, всѣ готовы?

Роза остановилась:

— Поѣзжайте безъ меня, — проговорила она, — я не могу ѣхать, со мной то же что съ Лилли.

И она не ошиблась. Къ утру и вторая невѣста стала бездыханнымъ трупомъ и была отнесена во временную мертвецкую. Понятно, что подъ впечатлѣніемъ ужаса новаго несчастья всѣмъ намъ было не до отъѣзда.

Digitized by Google

Среди горя и чувства страха, въ душѣ у меня поднималась злоба на то величайшее безуміе, которое было причиною всего зла.

Когда выносили трупъ Розы, отецъ упалъ на колѣни, уперся головою въ стѣну...

Я подошла къ нему и взяла его за руку:

— Отецъ,—проговорила я,—вотъ она война!

Отвѣта не было.

— Слышишь, отецъ? Теперь или никогда! проклинаешь-ли ты войну?

Онъ приподнялся:

— Ты напомнила мнѣ... я долженъ перенести это несчастіе со стойкостью солдата... Не я одинъ, все отечество понесло жертвы крови и слезъ...

— Развѣ нужны отечеству твое несчастіе и несчастіе твоихъ собратьевъ? На что ему проигранныя сраженія, на что ему отнятая жизнь этихъ двухъ дѣвушекъ? О, отецъ, изъ любви ко мнѣ—проклятіе войнѣ!

— Взгляни,—я его подвела къ окну,—вотъ привезли черный гробъ для Лилли—завтра привезутъ такой же для Розы... а послѣ завтра, быть можетъ, привезутъ и третій—а за что все это, за что?

— Такова, значитъ, воля Божія, дитя мое...

— Опять Богъ... все Богъ!.. За Бога прячется все безуміе, все насиліе, все звѣрство человѣчества.

— Не богохульствуй, Марта, не богохульствуй теперь, когда надъ нами карающая десница Божія...

Вошелъ лакей:

— Ваше превосходительство, столяръ не хочетъ внести гробъ въ комнату гдѣ лежатъ покойницы, и никто не рѣшается войдти туда.

— И ты не рѣшаешься?

— Мнѣ одному не снести.

— Я помогу тебѣ—я самъ положу мою дочь...—И онъ направился къ двери.—Назадъ!—крикнулъ онъ мнѣ, когда я послѣдовала за нимъ,—ты не имѣешь права идти за мной, ты не имѣешь права умирать—у тебя есть сынъ!

Что было дѣлать? Я колебалась... Ужаснѣе всего въ такія минуты то, что перестаешь сознавать, гдѣ долгъ. Если, повинуясь влеченіямъ сердца, будешь ходить за больными и мертвыми, то подвергаешь возможности заразы здоровыхъ, еще оставшихся въ

Digitized by Google

живыхъ; желала бы пожертвовать собой, но сознаешь, что, жертвуя собою, жертвуешь одновременно и другими. Поневолѣ приходится разрѣшать эту дилемму слѣдующимъ образомъ—порѣшить съ жизнью, не только со своею, но и съ жизнью близкихъ дорогихъ людей, сказать себѣ, что мы всѣ на краю гибели, мы всѣ умремъ и покуда не придетъ очередь — будемъ помогать другъ другу. Всѣ предосторожности должны быть забыты: вмѣстѣ, на кормѣ погибающаго корабля спасенья нѣтъ... примкнемъ другъ къ другу какъ можно ближе... будемъ неразлучны до послѣдней минуты... и прощай чудный міръ!

Такое смиреніе овладѣло всѣми нами; планы спасенія бѣгствомъ были забыты; всѣ мы обходили нашихъ больныхъ и умершихъ, даже Брессеръ не дѣлалъ никакихъ попытокъ удержать насъ отъ такого единственнаго человѣчнаго отношенія къ дѣлу. Его близость, его энергія, его неустанныя заботы были для насъ единственною поддержкою,—по крайней мѣрѣ мы сознавали, что нашъ корабль не безъ капитана.

Ахъ, эта недѣля холеры въ Грумитцѣ!.. Болѣе 20-ти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а меня до сихъ поръ пробираетъ ужасъ до самаго мозга костей при воспоминаніи о ней. Слезы, стоны, раздирающіе сердце, сцены смерти, запахъ карболки, хрустъ костей у больныхъ во время судорогъ, отвратительные симптомы болѣзни, непрерывный звонъ погребальнаго колокола, похороны—нѣтъ, зарываніе въ землю, въ такихъ случаяхъ нѣтъ торжественности,—во всей жизни является страшный безпорядокъ—обѣдовъ нѣтъ—кухарка умерла; ночью спать не ложатся, урывками на ходу съѣдается какой-нибудь кусокъ, сидя днемъ дремлютъ! А на дворѣ, точно иронія равнодушной природы—чудная, лѣтняя погода, веселое пѣніе птицъ, клумбы яркихъ, чудныхъ цвѣтовъ... Въ деревнѣ—смерть безъ конца - всѣ оставшіеся пруссаки примерли. «Я сегодня встрѣтилъ могильщика,—разсказывалъ Францъ каммердинеръ,—онъ возвращался съ пустыми дрогами съ кладбища. Опять хоронили?»—спросилъ я его.

— Да, сегодня свезъ штукъ 6—7; каждый день съ полдюжины отвозилъ, а то и больше... случается, что дорогой еще попискиваетъ—все равно—всѣхъ ихъ въ одну общую яму съ пруссаками!

На слѣдующій день безчеловѣчный возница самъ умеръ, мѣсто его занялъ другой—много было дѣла на этомъ мѣстѣ за послѣднее время!

Почта привозила все печальныя вѣсти: зараза повсюду рас-

Digitized by Google

пространялась;—отъ ничего не подозрѣвавшаго принца Генриха получались письма любви, которымъ было суждено остаться на вѣки безъ отвѣта. Конрада я подготовила къ предстоявшему ему горю—я написала ему: «Лилли опасно больна». Онъ не могъ немедленно выѣхать, его задержала служба. Только на четвертый день прилетѣлъ несчастный къ намъ.

— Неужели правда? Лилли...—Онъ дорогою узналъ о случившемся.

Мы подтвердили печальную вѣсть.

Онъ ничего не сказалъ, не проронилъ ни слезинки.—Я любилъ ее много лѣтъ,—проговорилъ онъ тихо, какъ-бы про себя. И затѣмъ спросилъ громко: — Гдѣ она похоронена? На какомъ кладбищѣ? Я отправлюсь къ ней... прощайте... она ждетъ меня...

— Не пойдти-ли съ вами?—предложилъ ему кто-то.

— Нѣтъ, я пойду одинъ.

И онъ отправился — больше мы его не видали. На могилѣ своей невѣсты онъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ.

Такъ покончилъ съ собою Конрадъ графъ Альтгаузъ, поручикъ 4 гусарскаго полка, на 27-мъ году жизни.

Въ другое время, весь трагизмъ этого событія произвелъ-бы болѣе сильное впечатлѣніе; теперь-же когда столько молодыхъ офицеровъ погибло на войнѣ, эта смерть изъ-за войны никого особенно не поразила. Мы всѣ узнали объ этомъ въ то время, когда у насъ въ семействѣ готовилось новое несчатье: нашъ Отто—любимецъ отца, единственный его сынъ, заболѣлъ и ангелъ смерти виталъ надъ нимъ.

Всю ночь, весь слѣдующій день промучился онъ — то и дѣло надежда смѣнялась отчаяніемъ, — къ семи часамъ вечера его не стало.

Отецъ мой бросился къ нему съ такимъ раздирающимъ воплемъ, что весь домъ застоналъ. Мы съ трудомъ могли оторвать его отъ умершаго. Боже мой, что это было за отчаяніе—цѣлыми часами онъ убивался, стоналъ, рыдалъ; его сынъ, его гордость, его Отто, все его счастье было отнято!

Послѣ такихъ порывовъ наступала совершенная апатія. Онъ не присутствовалъ на похоронахъ своего любимца. Онъ лежалъ неподвижно на диванѣ, казалось, въ забытьи. Брессеръ велѣлъ его раздѣть и уложить на кровать. Черезъ часъ онъ пришелъ въ себя. Тетя Мари, Фридрихъ и я, всѣ мы были около него. Онъ посмотрѣлъ на насъ молчаливымъ вопрошающимъ взглядомъ, затѣмъ приподнялся, хотѣлъ что-то сказать,

Digitized by Google

ничего не сказалъ, съ искривленнымъ отъ боли лицомъ, онъ сталъ задыхаться отъ недостатка воздуха.

Его трясло и подбрасывало, какъ бы въ предсмертныхъ судорогахъ холеры, хотя не было никакихъ другихъ симптомовъ болѣзни. Наконецъ, послѣ большого усилія, онъ проговорилъ: «Марта».

Я опустилась на колѣни у его кровати...

— Отецъ мой; дорогой мой, мой бѣдный папа...

Онъ поднялъ руку надъ моей головой.

— Твое желаніе... — съ трудомъ выговорилъ онъ,—да будетъ исполнено... Я прокли... прокли...

Дальше онъ ничего не могъ сказать и опустился на подушки.

Пришелъ Брессеръ и на тревожный вопросъ нашъ отвѣтилъ: отецъ скончался отъ разрыва сердца.

— Ужаснѣе всего, — говорила тетя Мари, когда мы вернулись съ похоронъ отца, — что онъ скончался съ проклятіемъ на устахъ.

— Не безпокойся, тетя Мари, — утѣшала я ее; — если-бы это проклятіе раздалось изъ устъ людей всего міра, то оно было-бы для человѣчества величайшимъ благословеніемъ.

* * *

Вотъ какова была недѣля холеры въ Грумитцѣ! Въ теченіе семи дней умерло 10 человѣкъ въ одномъ домѣ: отецъ, Лилли, Роза, Отто, моя горничная Нетти, кухарка, кучеръ и двое конюховъ. Въ деревнѣ за тоже время умерло болѣе 80 человѣкъ.

Въ сухомъ отчетѣ это было-бы почтенною статистическою цифрою, въ литературномъ произведеніи это кажется преувеличенною фантазіею автора; между тѣмъ это ни то, ни другое, а ужасная, печальная голая дѣйствительность!

Не въ одномъ Грумитцѣ переживались такіе ужасы; перелистывая отчетъ окрестностей и сосѣднихъ помѣстій, такихъ несчастій можно было насчитать массу. Напримѣръ — недалеко отъ городка Горна есть замокъ Штокернъ. Въ семействѣ, которое тамъ жило, отъ 9 до 13 Августа 1866 г., по уходѣ прусскаго постоя, умерло отъ холеры четверо — двадцатилѣтній Рудольфъ, его сестры Эмилія и Берта, дядя Кандидъ и 5 человѣкъ прислуги. Уцѣлѣла младшая дочь, Полина фонъ-Энгельсгофенъ, которая впослѣдствіи вышла замужъ за барона Суттнера,— она до сихъ поръ съ ужасомъ вспоминаетъ недѣлю холеры въ Штокернѣ.

Digitized by Google

Я помню, на меня нашло тогда смиреніе печали и смерти, я ежечасно ждала, что смерть, которая витала надъ нами впродолженіи двухъ мѣсяцевъ, придетъ и за мною и за остальными мнѣ дорогими, и я впередъ оплакивала Фридриха и Рудольфа. Но и среди моего горя у меня бывали минуты счастья—это когда я могла плакать на груди моего мужа, изливать ему, моему вѣрному другу, все мое горе. Какимъ тепломъ обдавали меня его слова не утѣшенія, а сочувствія, любви...

Нѣтъ, свѣтъ не такъ ужь дуренъ—приходило мнѣ невольно въ голову—не все въ немъ горе и зло; на свѣтѣ есть любовь, есть сочувствіе... положимъ, въ отдѣльныхъ личностяхъ, не какъ всеобщій законъ, не какъ всѣмъ присущее нормальное явленіе, но во всякомъ случаѣ они существуютъ, любовь и сочувствіе, и то, что мы теперь испытываемъ, благодаря имъ, насколько успокоительно дѣйствуютъ они на насъ въ это время тяжкаго испытанія, то же чувствуетъ и большинство другихъ, а придетъ время, когда все человѣчество проникнется этими чувствами: будущее принадлежитъ добру.

. . . . . .

Конецъ лѣта мы провели въ окрестностяхъ Женевы. Доктору Брессеру всетаки удалось уговорить насъ покинуть зараженную мѣстность. На первыхъ порахъ я не соглашалась такъ скоро разстаться съ моими дорогими могилами и вообще, какъ я уже сказала, я была въ состояніи такой апатіи, что находила безполезнымъ всякій отъѣздъ, но я поддалась увѣщаніямъ Брессера, который говорилъ, что я, какъ мать, обязана не подвергать опасности моего маленькаго Рудольфа.

Мы избрали Швейцарію нашимъ мѣстопребываніемъ по желанію Фридриха. Онъ хотѣлъ познакомиться съ учредителями «Краснаго Креста», а также съ ходомъ происходившихъ тамъ совѣщаній и съ дальнѣйшими цѣлями конвенціи. Фридрихъ подалъ въ отставку и до увольненія получилъ полугодовой отпускъ. Я стала теперь богатой, очень богатой. По смерти отца, моихъ двухъ сестеръ и брата я сдѣлалась обладательницею Грумитца и всего фамильнаго состоянія.

— Что бы ты сказалъ, Фридрихъ,—спросила я его, возвращаясь отъ нотаріуса, отъ котораго я только что получила всѣ документы по вводу меня во владѣніе,—если бы я стала выхвалять послѣднюю войну, благодаря которой я сдѣлалась такой богатой наслѣдницей?

— Тогда-бы ты не была Мартою. Но я понимаю, что ты

Digitized by Google

хочешь сказать этимъ. Безсердечный эгоизмъ, который можетъ радоваться матеріальному благу, пріобрѣтенному благодаря несчастію другихъ, въ отдѣльныхъ личностяхъ тщательно скрывается какъ неблагородное, низкое чувство; націи же и династіи гордятся имъ открыто: тысячи погибли, тысячи раззорены, но наши владѣнія увеличились, наше могущество усилилось— хвала небу за столь счастливую войну!..

Мы жили тихо, уединенно въ маленькой виллѣ на берегу озера. Я до такой степени была подавлена пережитыми событіями, что не хотѣла заводить никакихъ новыхъ знакомствъ. Фридрихъ относился съ уваженіемъ къ моему трауру и не предлагалъ мнѣ «развлеченій», этого банальнаго способа утѣшенія.

Мой чуткій мужъ, понималъ, что мнѣ надо дать время въ тиши оплакать моихъ дорогихъ умершихъ. Надо было дать имъ пожить въ воспоминаніи моего удрученнаго сердца, имъ, которые такъ внезапно и жестоко были вырваны смертью изъ прекраснаго, Божьяго міра.

Самъ Фридрихъ ѣздилъ часто въ городъ, чтобы изучать вопросъ о «Красномъ Крестѣ», что было собственно цѣлью нашего пребыванія здѣсь.

У меня не сохранились ясныя воспоминанія объ его занятіяхъ: я въ то время не вела дневника. Помню только совершенно ясно впечатлѣніе всей обстановки: спокойствіе, простота, люди, съ которыми мнѣ приходилось случайно встрѣчаться, были все добрые, дѣятельные; казалось, что мы живемъ въ самое мирное, благодушное время. Почти нигдѣ ни малѣйшаго отголоска войны, о ней сохранились развѣ, въ формѣ анекдотовъ, интересные эпизоды, которые служили благодарнымъ предметомъ для разговоровъ наравнѣ съ другими сплетнями Европы; какъ будто въ раскатахъ грома пушекъ на богемскихъ поляхъ битвъ было не болѣе трагично, чѣмъ въ новой Вагнеровской оперѣ. Она отошла въ область исторіи, послѣдствіемъ ея были нѣкоторыя перемѣны на географическихъ картахъ, но весь ужасъ ея былъ забытъ,— для тѣхъ, кто не участвовалъ въ ней—его никогда не существовало, для остальныхъ—забытъ, выстраданъ и сданъ въ архивъ. Тоже самое было въ газетахъ. Я читала преимущественно французскія газеты. Весь интересъ былъ сосредоточенъ на предстоящей парижской выставкѣ, на придворныхъ празднествахъ въ Компіэнѣ, на литературныхъ звѣздахъ (тогда какъ разъ появились Флоберъ, Зола), на театральныхъ событіяхъ—ставилась новая опера Гупо, на новой роли Шнейдеръ въ опереткѣ Оффенбаха.

Digitized by Google

Извѣстіе о маленькой, пикантной дуэли, которую пруссаки затѣяли съ австрійцами là-bas en Bohème было уже не новостью... Для всего, что бываетъ за три мѣсяца или за 30 миль, для всего, что свершается не *теперь* и не *здѣсь*, щупальцы человѣческаго сердца и человѣческой памяти не достаточно развиты!

Въ половинѣ октября мы уѣхали изъ Швейцаріи и вернулись въ Вѣну, гдѣ присутствіе мое было необходимо по моимъ дѣламъ по наслѣдству.

По окончаніи этихъ дѣлъ, мы собирались устроиться въ Парижѣ на болѣе продолжительное время. Фридрихъ рѣшилъ всячески пробивать дорогу идеѣ лиги мира и находилъ, что предстоящая выставка—прекрасный случай для основанія конгресса друзей мира, да и Парижъ, какъ ему казалось, былъ наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для осуществленія международной задачи.

— Я покончилъ съ ремесломъ войны,—говорилъ онъ,—по убѣжденію, основанному на личномъ опытѣ. И теперь буду служить этому убѣжденію. Я поступаю въ армію мира. Правда, насъ покуда немногочисленное войско, и у насъ, воиновъ, нѣтъ иного оружія, кромѣ правильнаго взгляда на вещи и любви къ человѣчеству. Но все, что велико, въ началѣ было мало и незамѣтно.

— Ахъ,—вздыхала я,—это безнадежное предпріятіе. Что можешь сдѣлать ты одинъ, противъ сильнаго, могущественнаго, тысячелѣтняго и милліонами людей отстаиваемаго бастіона?

— Я? одинъ?.. Повѣрь, что я не настолько безразсуденъ, чтобы разсчитывать, что я лично могу сдѣлать какой нибудь переворотъ. Я говорю только, что поступаю въ армію мира. Развѣ я разсчитывалъ будучи въ арміи войны, что я лично спасу отечество, что я лично завоюю какую нибудь провинцію? Нѣтъ, единица можетъ только *служить*. Скажу болѣе: обязана служить. Тотъ кто проникнутъ какою нибудь идеею, долженъ служить этой идеѣ, долженъ посвятить ей всю свою жизнь, хотя бы и сознавалъ, какъ мала его жизнь можетъ содѣйствовать успѣху дѣла. Онъ служитъ потому, что обязанъ служить—не только государство, но и личное убѣжденіе, которымъ проникнутъ, требуетъ, чтобы его отстаивали, налагаетъ извѣстныя обязательства.

— Совершенно вѣрно. И когда наконецъ милліонъ людей, воодушевленныхъ одною идеею, будутъ стоять за нее, то старый бастіонъ, тысячи лѣтъ существующій, покинутый всѣми его защищавшими, долженъ будетъ рухнуть.

Изъ Вѣны я съѣздила въ Грумитцъ, сдѣлавшійся моею соб-

Digitized by Google

ственностью. Я не заѣзжала въ домъ, а только посѣтила кладбище, положила вѣнки на могилы и уѣхала обратно. Покончивъ съ главными моими дѣлами, Фридрихъ предложилъ съѣздить въ Берлинъ, навѣстить бѣдную тетушку Корнелію. Я конечно согласилась. На время нашего отсутствія я оставила Рудольфа на попеченіи тети Мари, которая была страшно подавлена событіями въ Грумитцѣ во время холерной недѣли. Вся ея любовь, весь интересъ жизни сосредоточился теперь на моемъ маленькомъ Рудольфѣ. Я надѣялась, что она нѣсколько разсѣется, успокоится, имѣя Рудольфа при себѣ.

Перваго ноября мы выѣхали изъ Вѣны. На ночь мы остановились въ Прагѣ. На слѣдующій день, вмѣсто того, чтобы продолжать нашъ путь на Берлинъ, мы снова собрались на богомолье.

— День поминовенія усопшихъ!—замѣтила я, взглянувъ на число газеты, которую намъ подали за завтракомъ.

— Поминовеніе усопшихъ,—повторилъ Фридрихъ.—Сколько несчастныхъ мертвыхъ по близости на поляхъ битвъ, для которыхъ даже этотъ праздникъ мертвыхъ не существуетъ, потому что у нихъ нѣтъ даже могилъ... кто посѣтитъ ихъ?

Я молча взглянула на него.

— Мы, хочешь?—спросила я его тихо.

Онъ кивнулъ въ знакъ согласія. Мы поняли другъ друга. Черезъ часъ мы ѣхали по дорогѣ въ Хлумъ и Кениггретцъ.

* * *

Какое зрѣлище! мнѣ невольно вспомнилась одна элегія Тидге:

Какое зрѣлище! Сюда, о вождь народа!
И здѣсь на тлѣющихъ костяхъ ты поклянись,
Что будешь кротко царствомъ править, чтобъ свобода
И миръ божественный на землю пролились.
Взгляни сюда, и если славы жаждешь страстно,
То этихъ череповъ сочти весь длинный рядъ:
Ты самъ главой развѣнчанной и безучастной
Поникнешь и заснешь на вѣкъ, какъ эти спятъ.
Пусть для тебя со стономъ тяжкимъ, въ сновидѣньи,
Все оживетъ, что здѣсь въ могильный мракъ сошло!
Иль такъ заманчиво, чтобъ смерти разрушенье
Въ скрижаль временъ тебя къ позору занесло!

Къ сожалѣнію, весьма заманчиво, покуда исторія, т. е. тѣ, кто ее пишетъ, изъ развалинъ войны будутъ создавать героическія картины, покуда они будутъ украшать лаврами титановъ убійцъ народовъ. Поэтъ совѣтуетъ отказаться отъ лав-

Digitized by Google

ровъ, отказаться отъ славы. Оставьте безъ сіяній всѣ эти геройскія дѣла и не найдется ни одного честолюбца, который бы сталъ къ нимъ стремиться...

Уже смеркалось, когда мы пріѣхали въ Хлумъ. Молча, подъ руку, подъ впечатлѣніемъ тяжелыхъ воспоминаній, мы направлялись къ ближнему полю сраженія. Шелъ сырой, мелкій снѣгъ, вѣтви деревьевъ сгибались подъ дуновеніемъ холоднаго, свистящаго ноябрьскаго вѣтра. Цѣлыя массы могилъ и масса въ могилахъ, но кладбища нѣтъ. Здѣсь покоятся не усталые путники жизни, нѣтъ, тутъ насильно брошены и засыпаны землею молодые, полные силъ и жизни люди. Здѣсь они перестали страдать душою, изувѣченные тѣломъ, здѣсь смолкли на вѣки ихъ уста, перестали плакать ихъ очи, пересталъ раздаваться ихъ крикъ отчаянья, замолкли ихъ напрасныя молитвы... Много собралось народу, изъ разныхъ мѣстностей, своихъ и вражьихъ, чтобы поклониться праху близкихъ. Съ нашимъ поѣздомъ прибыло очень много посѣтителей, такъ что я уже дорогою слышала все разные печальные разсказы.—У меня три сына... три сына... одинъ милѣе, лучше другого, погибли подъ Садова! — разсказывалъ одинъ, повидимому совсѣмъ убитый горемъ, старичекъ. Многіе изъ бывшихъ въ вагонѣ, вспоминали своихъ дорогихъ убитыхъ,—кто брата, кто мужа, кто отца. Но больше всего меня тронулъ этотъ несчастный старикъ своимъ замогильнымъ возгласомъ: «три сына, три сына!»

На самомъ полѣ, повсюду виднѣлись человѣческія фигуры въ черномъ, кто стоялъ на колѣняхъ, кто съ трудомъ передвигался, кто громко рыдалъ. Мало было отдѣльныхъ могилъ, мало было крестовъ или плитъ съ надгробными надписями.

Мы нагнулись и съ трудомъ разобрали въ темнотѣ нѣсколько надписей:

«Маіоръ фонъ-Рейсъ 2-го прусскаго гвардейскаго корпуса».

— Не родственникъ ли жениха нашей бѣдной Розы? — замѣтила я.

«Графъ Грюнне, раненъ 3-го іюля, скончался 5 іюля...»

Что онъ долженъ былъ выстрадать въ эти два дня!.. Можетъ быть, одинъ изъ сыновей графа Грюнне, который передъ войной сказалъ знаменитую фразу: «мокрыми швабрами мы прогонимъ пруссаковъ!»

Какимъ легкомысліемъ, какимъ безуміемъ, какимъ диссонансомъ является всякая такая фраза, сказанная до войны, когда ее вспомнить *здѣсь*, въ такомъ мѣстѣ. Слова — и ничего кромѣ

Digitized by Google

нихъ — слова самохвальства, слова насмѣшки, слова угрозы — ихъ говорили, писали, печатали—это ихъ дѣло, дѣло словъ это усѣянное поле...

Идемъ дальше. Всюду холмы, который повыше, который пониже.. Да и тамъ, гдѣ ровная земля, подъ ногами у насъ гніютъ, быть можетъ, солдатскіе трупы.

Туманъ становился все гуще.

— Фридрихъ, надѣнь, пожалуйста шляпу: ты простудишься.

Фридрихъ все не надѣвалъ ея и я повторила мою просьбу.

Среди удрученныхъ горемъ было много офицеровъ и солдатъ, вѣроятно, изъ тѣхъ, которые сами участвовали въ сраженіи подъ Кениггретцомъ и теперь пришли на старое пепелище помянуть своихъ товарищей.

Мы дошли до мѣста, гдѣ больше всего было погребено — гдѣ рядомъ остались и другъ и недругъ. Мѣсто это было обнесено рѣшеткою, какъ кладбище. Сюда стеклась бо́льшая часть народа, больше было вѣроятности, что здѣсь именно лежали тѣ, которыхъ оплакивали. Передъ этою рѣшеткою становились на колѣняхъ, на нее возлагали вѣнки, вѣшали лампадки.

Къ толпѣ приближался высокій, стройный, молодой человѣкъ, благородной наружности, въ генеральской шинели. Толпа разступилась и я услыхала, какъ кто-то сказалъ:

— Императоръ!..

Да, это былъ Францъ-Іосифъ. Властелинъ страны, глава войска, который въ день поминовенія усопшихъ пришелъ помолиться за погибшихъ сыновъ своей страны, за убитыхъ своихъ. Онъ тоже стоялъ съ непокрытою головою, полный почтенія къ величію смерти.

Онъ долго стоялъ неподвижно. Я не могла оторвать отъ него глазъ. Что долженъ былъ онъ чувствовать душою и сердцемъ, что долженъ былъ онъ передумать—онъ, у котораго, я знала, доброе, мягкое сердце. Мнѣ казалось, я думала его мыслями, я чувствовала его сердцемъ:

— Мои бѣдные, доблестные воины... погибли ни за что?.. Вѣдь мы не побѣдили... Венеція потеряна. Сколько потерь... Сколько утратъ... Утрачена и ваша молодая жизнь... Всѣ пожертвовали ею за меня... За меня... О, еслибъ я могъ вамъ ее вернуть!.. Мнѣ, лично, не нужно было такой жертвы... вы отдали жизнь за себя, за свою страну, вы за нее сражались... И не я повелъ васъ на войну—хотя вы и пошли по моему повелѣнію — но развѣ я не былъ вынужденъ къ тому? Не для меня суще-

Digitized by Google

ствуютъ подданные, но я для нихъ, и я готовъ каждую минуту умереть за свой народъ. Если-бы я послушался голоса сердца и не сказалъ-бы «да», когда всѣ они кричали кругомъ меня: «война! война!» Но развѣ я могъ сопротивляться... Беру Бога въ свидѣтели, я не могъ поступить иначе... что меня побуждало къ этому, не припомню хорошенько, знаю только, что давленіе было на меня извнѣ,—вы сами того желали, мои убитые солдаты... Это ужасно, ужасно, сколько вы настрадались, сколько васъ лежитъ здѣсь и на другихъ кладбищахъ, сколько жизней унесено картечью, ударами сабель, холерою, тифомъ... Если бы я могъ тогда сказать «нѣтъ»... ты такъ меня объ этомъ просила, Елизавета... О, если-бъ я сказалъ тогда «нѣтъ!» Эта мысль невыносима... до чего міръ несовершененъ... Слишкомъ, слишковъ много горя!..

Я все еще не сводила съ него глазъ, я мысленно слѣдила за его мыслями, «слишкомъ, слишкомъ много горя». Тутъ онъ закрылъ лицо руками и громко зарыдалъ.

Это было въ день поминовенія усопшихъ въ 1866 году, на бранномъ полѣ Садовы.

Digitized by Google

Книга пятая.

Мирное время.

Мы застали городъ Берлинъ въ ликованіи. У каждаго лавочника, у каждаго уличнаго мальчишки на лицѣ было видно сознаніе побѣды. «Задали мы имъ трепку»—вотъ что, казалось, чувствовало все населеніе. Но въ домахъ, гдѣ намъ случалось бывать, мы встрѣчали убитыхъ горемъ людей, тѣхъ, у которыхъ на нѣмецкихъ и богемскихъ кладбищахъ лежали близкіе.

Я больше всего боялась свиданія съ тетею Корнеліею. Я знала, что для нея вся жизнь была въ ея сынѣ Готфридѣ, онъ былъ для нея божествомъ, и я легко могла себѣ представить горе несчастной матери, стоило мнѣ только себѣ представить Рудольфа, котораго бы я выростила и вдругъ... я не могла даже докончить этой мысли. Мы предупредили о нашемъ пріѣздѣ. Съ замираніемъ сердца вошла я въ домъ госпожи фонъ-Тессовъ. Уже въ передней сказалась печаль, которая царила въ домѣ. Намъ открылъ двери лакей, въ черной ливреѣ, въ большой гостиной вся мебель была въ чехлахъ, лампы были не зажжены, всѣ картины и зеркала были завѣшаны флёромъ. Изъ гостиной намъ открыли дверь въ спальню тети Корнеліи, гдѣ она насъ ожидала. Это была большая комната разгороженная перегородкою, за которой стояла ея кровать. Эта комната была теперь постояннымъ мѣстопребываніемъ тети Корнеліи; изъ дому она совсѣмъ не выходила, только по воскресеньямъ къ обѣдни, въ соборъ, а изъ своей комнаты на одинъ часъ ежедневно она переходила въ рабочій кабинетъ Готфрида.

Въ этой комнатѣ все стояло на тѣхъ же мѣстахъ, какъ въ день его отъѣзда. Мы потомъ перешли съ ней въ эту комна-

Digitized by Google

ту и она дала намъ прочитать его письмо, которое лежало на его бюварѣ:

«Моя дорогая безцѣнная мама, я знаю, моя милушка, что ты зайдешь сюда послѣ моего отъѣзда, и вотъ тогда прочитай эти строчки. Мы съ тобой простились, тѣмъ отраднѣе тебѣ будетъ услыхать отъ меня еще послѣднее слово веселое полное надежды. Будь бодра духомъ, не унывай, я вернусь навѣрно. Судьба не захочетъ разлучить такихъ двухъ любящихъ сердецъ, какъ мы съ тобою. Мнѣ на роду написано сдѣлать удачный походъ, заслужить звѣздочки и кресты, а затѣмъ превратить тебя въ бабушку. Цѣлую твои милыя руки, твои добрые глазки, мама дорогая, которую я боготворю.

Твой Готфридъ».

У тети Корнеліи мы застали господина въ длинномъ черномъ одѣяніи—нельзя было ошибиться по его виду—пастора; онъ сидѣлъ передъ нею.

Когда тетя встала намъ на встрѣчу, пасторъ тоже привсталъ и остановился на заднемъ планѣ. Такъ и случилось, какъ я думала: когда мы обнялись со старушкой, мы обѣ громко разрыдались. У Фридриха тоже были слезы на глазахъ когда онъ прижималъ ее къ къ сердцу.

Мы всѣ молчали. То, что чувствуется въ первыя минуты свиданія послѣ пережитаго горя, можно только выразить слезами...

Она вернулась на свое мѣсто и предложила намъ сѣсть подлѣ себя. Она вытерла слезы и проговорила:

— Мой племянникъ, полковникъ баронъ Тиллингъ... Главный военный пасторъ при консисторіи, пасторъ Мёльзеръ,—представила она.

Обмѣнялись молчаливымъ поклономъ.

— Мой другъ и духовный отецъ,—добавила она,—который старается поддержать меня въ моемъ горѣ.

— И которому до сихъ поръ не удалось внести въ душу вашу смиреніе, истинную радость при несеніи креста, уважаемая подруга,—отвѣтилъ тотъ.—Къ чему опять эти слезы, которыхъ я былъ свидѣтелемъ?

— Простите меня! Когда мы видѣлись въ послѣдній разъ съ моимъ племянникомъ и его молодою женою, мой Готфридъ... Она не могла продолжать.

— Въ то время сынъ вашъ былъ еще въ этомъ пороч-

Digitized by Google

номъ мірѣ, среди опасностей и искушеній, теперь онъ въ лонѣ Отца, умеръ доблестною смертью за короля и отечество.

— Вы, полковникъ,—обратился онъ къ моему мужу, сами, какъ военный человѣкъ, можете помочь мнѣ утѣшить эту удрученную горемъ мать, скажите вы ей, что судьба ея сына—завидная судьба. Вы знаете, какое блаженство смерти воодушевляетъ храбраго воина; возможность принести въ жертву свою жизнь на алтарь отечества дѣлаетъ для него легкою всякую разлуку и если ему суждено пасть подъ громомъ пуль на полѣ битвы, то при немъ остается надежда, что онъ будетъ переведенъ въ многочисленную армію Вождя Небеснаго, будетъ присутствовать на смотру Его войска. Вы, полковникъ, вернулись въ числѣ тѣхъ, которымъ по божественной волѣ и предопредѣленію, принадлежитъ побѣда...

— Прошу извинить, я состоялъ на австрійской службѣ.

— А я думалъ... Вотъ какъ...—растеряно прибавилъ онъ.—«Тоже прекрасная, храбрая армія... австрійская армія...»

Онъ всталъ.

— Не буду мѣшать вашимъ разговорамъ о семейныхъ дѣлахъ... Мое почтеніе, сударыня, черезъ нѣсколько дней я навѣщу васъ опять... До тѣхъ поръ обратите ваши помыслы къ Всевышнему, безъ воли Котораго ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы, и Который посылаетъ тѣмъ, кто Его любитъ, на благо и печаль и испытаніе, и нужду и смерть. Мое нижайшее почтеніе.

Тетушка пожала ему руку.

— Надѣюсь васъ скоро видѣть? Неправда ли скоро, прошу васъ...

Онъ раскланялся со всѣми нами и уже направился къ двери.

Фридрихъ остановилъ его.

— Господинъ пасторъ,—позвольте къ вамъ обратиться съ просьбою?

— Сдѣлайте милость, полковникъ.

— Изъ вашихъ словъ я вижу, что вы проникнуты не только религіею, но и военнымъ духомъ. Позвольте васъ просить оказать мнѣ большую услугу...

Я слушала съ напряженнымъ вниманіемъ, недоумѣвая, къ чему можетъ клониться дѣло.

— У меня вотъ жена преисполнена всякихъ сомнѣній...—продолжалъ онъ, — ей кажется, что война съ точки зрѣнія

Digitized by Google

христіанской не можетъ быть допущена. Я знаю, что это не такъ; духовенство и военное дѣло—это нѣчто общее, но у меня недостаетъ краснорѣчія выяснить это женѣ. Вы бы насъ очень обязали, господинъ совѣтникъ консисторіи, если бы завтра или послѣ завтра подарили намъ часъ вашего времени, чтобы...

— О, съ удовольствіемъ,—прервалъ пасторъ, позвольте мнѣ вашъ адресъ?..

Фридрихъ далъ ему свою карточку, и онъ назначилъ день и часъ своего посѣщенія.

Мы остались одни съ тетей.

— Скажи, пожалуйста, слова этого друга служатъ тебѣ дѣйствительно утѣшеніемъ?—спросилъ ее Фридрихъ.

— Утѣшеніемъ? Его для меня не можетъ быть. Но онъ такъ прекрасно говоритъ о вещахъ, о которыхъ я въ настоящее время охотнѣе всего слушаю: о смерти и печали, о крестѣ, о жертвѣ и самоотреченіи... Онъ изображаетъ міръ, который мой бѣдный Готфридъ долженъ былъ покинуть и съ которымъ я бы тоже охотно разсталась, какъ юдоль печали и стенанія, мрака, зла... и мнѣ становится тогда легче, что дитя мое отозвано отсюда. Онъ вѣдь на небѣ, а тутъ на землѣ...

— Дьявольскія силы — правда, я въ этомъ еще сейчасъ убѣдился воочію,—прибавилъ задумчиво Фридрихъ.

Затѣмъ старушка стала распрашивать Фридриха объ обоихъ походахъ, — въ одномъ изъ нихъ онъ былъ за одно съ Готфридомъ, въ другомъ противъ него. Онъ долженъ былъ разсказать ей всѣ мельчайшія подробности, причемъ ему пришлось утѣшать несчастную осиротѣвшую мать тѣми же доводами, какъ когда-то меня послѣ итальянскаго похода, а именно, что покойный скончался скоро безъ особыхъ страданій.

Тяжелый это былъ визитъ. Мнѣ тоже пришлось разсказать всѣ ужасы недѣли холеры со всѣми подробностями и все пережитое на богемскихъ поляхъ сраженій. Передъ отъѣздомъ тетя Корнелія свела насъ еще разъ въ комнату Готфрида, гдѣ я, надъ вышеприведеннымъ письмомъ, съ котораго я попросила мнѣ дать потомъ копію, опять горько плакала.

* * *

— Теперь объясни, пожалуйста,—обратилась я къ Фридриху, когда мы сѣли въ карету, — зачѣмъ ты пригласилъ къ намъ пастора?

Digitized by Google

— Неужели ты не догадываешься? Онъ долженъ послужить мнѣ матеріаломъ для моего изученія. Я хочу послушать еще разъ, и на этотъ разъ записать, какими аргументами пасторы защищаютъ избіеніе народовъ.

Зачинщицей спора я избралъ тебя. Молодой женщинѣ болѣе прилично сомнѣваться въ возможности допущенія войны съ точки зрѣнія христіанской, чѣмъ полковнику.

— Но вѣдь наши сомнѣнія являются не съ точки зрѣнія религіи, а съ человѣческой точки зрѣнія.

— Объ этомъ мы умолчимъ господину совѣтнику консисторіи, иначе спорный вопросъ будетъ перенесенъ на другую почву. Въ стремленіи къ миру свободно мыслящихъ людей нѣтъ противорѣчій, но мнѣ интересно послушать, какъ главный священникъ арміи, представитель христіанскаго воинства, примиритъ противорѣчія, существующія между требованіями христіанской любви и требованіями веденія войны.

Почтенный пастырь не заставилъ себя ждать. Очевидно, для него являлось заманчивымъ сказать поучительную и наставительную проповѣдь. Я же ожидала отчасти съ мучительнымъ чувствомъ предстоящаго пренія, мнѣ не нравилась моя неискренняя во всемъ этомъ роль. На ради служенія дѣлу, которому Фридрихъ теперь посвятилъ себя, мнѣ пришлось преодолѣть себя и я утѣшала себя фразою: «цѣль оправдываетъ средства».

Послѣ первыхъ привѣтствій, мы всѣ сидѣли на низенькихъ креслахъ передъ каминомъ. Господинъ совѣтникъ консисторіи началъ такимъ образомъ:

— Позвольте мнѣ, милостивая государыня, приступить къ цѣли моего посѣщенія. Въ душѣ вашей являются нѣкоторыя сомнѣнія, повидимому, не безосновательныя, но которыя можно легко разбить, такъ какъ онѣ ничто иное какъ софизмъ.

Возьмемъ, напримѣръ, заповѣдь Христа «Любите враговъ своихъ» и слова «подъявшій мечъ, отъ меча и погибнетъ» кажутся противорѣчащими обязанностямъ воина, которому дано право убивать врага своего и всячески наносить ему вредъ.

— Признаюсь, по моему это непремиримыя противорѣчія. Къ этому можно еще прибавить опредѣленную заповѣдь: «Не убій».

— Ну, да, непримиримыя противорѣчія на поверхностный взглядъ, но если вникнуть поглубже, всѣ сомнѣнія разомъ разсѣятся. Что касается 6-й заповѣди, то убійство по необходимости не есть убійство, а въ войнѣ убійство является слѣдствіемъ

Digitized by Google

крайней необходимости. Мы должны и можемъ, согласно ученію нашего кроткаго Спасителя, любить враговъ, но это не значитъ, что мы должны безнаказанно выносить всякія дѣянія несправедливости и насилія.

— Изъ этого слѣдуетъ, что допускаются только войны въ защиту, только тогда можно браться за оружіе, когда врагъ вторгается въ страну. Но вѣдь противникъ руководствуется тѣми же основаніями. Какъ же можетъ состояться война при такихъ условіяхъ? Въ послѣднюю войну вѣдь ваша армія, господинъ совѣтникъ консисторіи, первая перешла границу и...

— Когда защищаются отъ врага, сударыня,—на что имѣется священное право, — то не пропускаютъ удобнаго случая и не ждутъ, покуда врагъ вторгнется въ страну: властелинъ страны при извѣстныхъ обстоятельствахъ имѣетъ право идти на встрѣчу несправедливости, насилію.

Именно такимъ образомъ онъ подтверждаетъ слова: «подъявшій мечъ отъ меча и погибнетъ». Онъ является какъ слуга Божій и мститель за врага и тотъ, кто идетъ на него съ мечомъ, того онъ и погубитъ мечемъ.

— Въ этомъ есть какое-то недоразумѣніе,—проговорила я, покачивая головой,—вѣдь эти основанія не могутъ существовать для обѣихъ сторонъ...

— Что касается сомнѣній,—продолжалъ почтенный пастырь, не обращая вниманія на мои слова,—на счетъ того, что война сама по себѣ не можетъ быть пріятна Богу, то каждому христіанину, проникнутому библейскимъ ученіемъ, извѣстно, что въ Св. Писаніи сказано: самъ Господь повелѣлъ израильскому народу вести войны, чтобы завоевать обѣтованную замлю и обѣщалъ ему побѣду и благословеніе. Въ 4-й книгѣ Моисея (21, 14) упоминается о книгѣ войнъ самого Іеговы. А въ псалмахъ какъ часто воспѣвается помощь Божія, ниспосланная Богомъ во время войны. Знаете ли вы изреченіе Соломона (22, 31):

Конь ужъ осѣдланъ для битвы,
Но отъ Господа исходитъ побѣда.

Въ псалмѣ 144 Давидъ благодаритъ Бога, защитника своего, который научилъ руки его сражаться, а длани воевать.

— Значитъ противорѣчіе существуетъ между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ. Богъ древнихъ евреевъ былъ воинственный Богъ, кроткій же Іисусъ проповѣдывалъ миръ и училъ любви къ врагу и ближнему своему.

— И въ Новомъ Завѣтѣ Іисусъ говорилъ въ притчѣ (Лука

Digitized by Google

14, 31) безъ порицанія объ одномъ царѣ, который собирается воевать съ другимъ царемъ. А какъ часто апостолъ Павелъ приводитъ параллели изъ военной жизни. Онъ говоритъ (Римляне 13): «начальствующій не даромъ носитъ мечъ, какъ слуга Божій и мститель, онъ караетъ того, кто творитъ зло».

— Значитъ, въ самомъ Писаніи заключается то противорѣчіе, о которомъ я говорю. Указывая на то, что оно въ Библіи, вы его всетаки тѣмъ не уничтожаете.

— Вотъ что значитъ поверхностное и вмѣстѣ съ тѣмъ высокомѣрное отношеніе нашего слабаго разума къ слову Божію. Въ противорѣчіи есть что-то несовершенное, небожественное: разъ, что я указываю, что объ извѣстномъ предметѣ упоминается въ Библіи, это уже есть доказательство—какъ бы человѣческому разуму это ни было недоступно—что противорѣчія тутъ не можетъ быть.

— Не есть ли это противорѣчіе скорѣе доказательство того, что эти мѣста въ Библіи не божественнаго происхожденія.

Это вертѣлось у меня на языкѣ, но я промолчала, чтобы не слишкомъ удалиться отъ предмета нашего спора.

— Еще рѣшительнѣе, чѣмъ вы,—вмѣшался Фридрихъ въ нашъ разговоръ,— утверждаетъ одинъ оберъ штыкъ-гауптманъ 17 столѣтія, что всѣ ужасы войны существуютъ на основаніи Библіи. Я досталъ себѣ это сочиненіе и прочиталъ его женѣ, но она не соглашается съ высказанными въ немъ взглядами. Мнѣ самому кажется, что это ужь черезъ чуръ сильно сказано... и вотъ мнѣ бы очень хотѣлось знать ваше мнѣніе. Если позволите, я сейчасъ принесу этотъ документъ. Онъ вынулъ изъ ящика бумагу, развернулъ ее и сталъ читать:

— «Война придумана самимъ Богомъ и онъ самъ научилъ ей людей. Первыхъ воиновъ Самъ Богъ поставилъ съ двуострыми мечами къ предверію Рая, чтобы перваго непокорнаго человѣка Адама, не впустить въ него. Во Второзаконіи написано, какъ Богъ черезъ Моисея ободрялъ народъ на побѣду и далъ имъ авангардъ изъ священно-служителей. Первая стратагема была примѣнена къ городу Гаи. Въ эту еврейскую войну въ продолженіи цѣлыхъ двухъ дней солнце должно было неподвижно свѣтить на сводѣ небесномъ, чтобы можно было продолжать войну, чтобы можно было избить тысячи, чтобы можно было перевѣшать царей. Всѣ ужасы войны одобряются Богомъ, ибо все священное Писаніе полно ими, это служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что правильная война указана Самимъ

Digitized by Google

Богомъ и что слѣдовательно всякій человѣкъ чистой совѣсти можетъ служить въ ней, жить и умереть. Враговъ своихъ онъ можетъ сжигать, сдирать съ нихъ кожу, рубить на куски, все это вполнѣ правильно, какъ бы къ этому другіе не относились; въ этомъ отношеніи Богъ ничего не запрещаетъ, напротивъ, разрѣшаетъ самые жестокіе способы для умерщвленія людей.

«Пророчица Девора пригвоздила полководца Сисару головою къ землѣ. Гедеонъ, Богомъ избранный, вождь народа, изъ мести къ старѣйшинамъ Сенгоѳа за то, что они отказали ему въ провіантѣ, поступилъ съ жителями слѣдующимъ образомъ: ему показалось мало висѣлицъ, колесованія, огня и меча, онъ приказалъ разрывать имъ тѣло шипами терновника, и все это считалось праведнымъ передъ Лицомъ Божіимъ. Царственный пророкъ Давидъ, мужъ угодный Богу, измышлялъ самыя страшныя истязанія для побѣжденныхъ имъ сыновъ Аммона въ Раббоѳѣ, ихъ рубили мечами, переѣзжали желѣзными колесницами, рѣзали ножами, топтали ихъ, какъ глину для кирпичей и все это продѣлывалось во всѣхъ городахъ сыновъ Аммона. Далѣе...»

— Это ужасно, это возмутительно!—прервалъ главный пасторъ.—Только грубый наемный солдатъ дикихъ временъ 30-лѣтней войны можетъ приводить подобные примѣры изъ Библіи въ оправданіе жестокости въ отношеніи врага. Теперь мы проповѣдуемъ совсѣмъ другое ученіе: въ войнѣ стремятся теперь только къ одному—сдѣлать противника безвреднымъ къ этому стремятся до послѣдней капли крови, безъ всякаго посягательства на жизнь отдѣльной личности. Если подобное намѣреніе или жажда убійства и жестокости является по отношенію къ беззащитнымъ, то убійство во время войны дѣлается такимъ же безнравственнымъ и также воспрещается, какъ и во время мира. Да, въ прошломъ столѣтіи, когда царила страсть къ приключеніямъ, къ распрямъ, къ дракѣ, когда для предводителей ратниковъ и народовъ война была ремесломъ, тогда можно было писать такія вещи, въ настоящее же время, когда дерутся не изъ-за добычи и не изъ-за подачки, не зная съ кѣмъ и изъ-за чего, а за высшіе идеалы человѣчества—за свободу, самостоятельность, національность, за право, вѣру, честь, культуру и нравственность...

— Вы, господинъ совѣтникъ консисторіи,—прервала я его,—во всякомъ случаѣ мягче и человѣчнѣе того штыкъ-гауптмана и потому вы не берете изъ Библіи подтвержденій для всѣхъ этихъ ужасовъ, какъ это дѣлали наши средневѣковые предки и еще

Digitized by Google

болѣе древніе евреи, а между тѣмъ это—та же книга и тотъ же Іегова, который, вѣроятно, не измѣнился и не сдѣлался мягче, но все дѣло въ томъ, что каждый заимствуетъ оттуда то, что ему нужно по его личнымъ взглядамъ.

Въ отвѣтъ на это я получила маленькую распеканцію за мое недостаточное уваженіе къ слову Божію и за мое неумѣнье его толковать. Но мнѣ удалось перевести нашъ разговоръ снова на настоящій путь, и совѣтникъ консисторіи пустился въ безконечныя разсужденія о существующей связи между военнымъ и христіанскимъ духомъ; онъ говорилъ о святости присяги подъ знаменами, когда подъ музыку вносятъ въ церковь штандартъ въ сопровожденіи двухъ офицеровъ съ обнаженными мечами, и тутъ новобранецъ, впервые въ каскѣ, при ружьѣ, слѣдуетъ за знаменемъ своей части, которое развивается передъ алтаремъ Божіимъ, все разукрашенное почетными знаками побѣдъ, при которыхъ его несли... Онъ упомянулъ о воскресной молитвѣ: «Спаси Господи Христолюбивое воинство, всѣхъ вѣрныхъ слугъ короля и отечества. Научи ихъ относиться къ смерти по христіански и благослови ихъ дѣянія на честь и славу отечества». «Съ нами Богъ»,—продолжалъ онъ,—вотъ надпись на портупеѣ пѣхотинца, къ которой онъ подвязываетъ свое оружіе, вотъ лозунгъ, который его поддерживаетъ. Если съ нами Богъ—чего же намъ страшиться? Затѣмъ при началѣ войны выписываются всѣ дни молитвы и покаянія, чтобы народъ молилъ Бога о помощи, чтобы его не покидала надежда, что Богъ его не оставитъ и приведетъ къ благополучному исходу.

Сколько молитвъ за выбывающаго изъ строя воина. Какъ все это пріободряетъ его воинскій духъ, его радость смерти. Онъ можетъ смѣло, по призыву своего короля, стать въ ряды войска и разсчитывать на успѣхъ и побѣду въ правомъ дѣлѣ. Всемогущій Богъ даруетъ ихъ своему народу, какъ, однажды, даровалъ ихъ народу израильскому, если только мы примемся за дѣло съ молитвою къ Нему. Связь между молитвою и побѣдою, между набожностью и храбростью такъ естественна, ибо что же можетъ быть отраднѣе передъ лицомъ смерти на полѣ битвы, какъ не увѣренность въ милосердіи Небеснаго Судіи? Вѣрность и вѣра, въ связи съ мужествомъ и военною доблестью—самыя древнія традиціи нашего народа.

Въ этомъ духѣ онъ говорилъ еще долго: то съ оттѣнкомъ медовой кротости, то съ наклоненною главою, говорилъ онъ о любви, о небѣ, о смиреніи, о «Божественномъ Младенцѣ», «о

Digitized by Google

спасеніи» и «о чудесныхъ вещахъ», то въ воинственномъ духѣ, голосомъ командира, съ гордою осанкою—о строгости нравовъ, о дисциплинѣ, коротко и ясно, точно рѣзалъ мечемъ, рубилъ топоромъ. Слово «радость» употреблялось только въ соединеніи съ словами: смерть, борьба и самопожертвованіе. Съ точки зрѣнія военнаго пастыря убійство и смерть являлись величайшимъ блаженствомъ. Все остальное было растлѣвающее, грѣховное вожделѣніе. Даже стихи были пущены въ ходъ. Сперва онъ продекламировалъ стихотвореніе Кернера:

Господь, веди меня на поле битвы!
И смерть, и торжество побѣдъ
Приму съ словами я молитвы!
Я признаю святой завѣтъ!
Господь, Ты мнѣ и жизнь, и свѣтъ!

Затѣмъ старую народную пѣсню изъ 30-ти-лѣтней войны:

Нѣтъ смерти лучше, веселѣй,
Какъ смерть въ пылу сраженья.
Вѣдь на войнѣ среди огней
Забудешь всѣ мученья!
Но на постели же своей
Ты умираешь одинокъ!
Здѣсь—погибаешь средь друзей,
Какъ лѣтомъ скошенный цвѣтокъ.

Затѣмъ стихотвореніе Ленау о воинственномъ оружейномъ мастерѣ:

Миръ окуталъ жизнь людскую
Паутиной сна, забвенья;
Все полно тоски, томленья,
Плѣсень кроетъ мощь живую.
Вдругъ война, какъ вихрь, ворвется,
Если раны и зіяютъ,
То дремать ужь не придется:
Бой и смерть міръ освѣжаютъ!

и закончилъ все словомъ Мартына Лютера:

«Если я признáю, что война оберегаетъ жену, дѣтей, домъ, дворъ, имущество, честь и сохраняетъ и отстаиваетъ миръ, то война славное дѣло».

— Ну да, если я приму пантеру за голубя, то пантера дѣйствительно окажется совершенно кроткой птицей,—замѣтила я какъ-бы про себя.

Съ удовольствіемъ въ отвѣтъ на его стихи отвѣтила бы я ему стихами Боденштедта:

О славныхъ подвигахъ героевъ, о войнѣ
Когда и какъ угодно разражайтесь рѣчью;

Digitized by Google

Не говорите лишь о христіанствѣ мнѣ,
Когда Апостолъ—пушка, грозная картечью.
Хотите-ль мужество свое вы испытать,
Идите бодро, какъ язычники, на рать,
И смѣло, сколько нужно, крови проливайте,
Но о Спасителѣ вы не упоминайте!
За вѣру полчища ретивыхъ мусульманъ
Идутъ на смертный бой—имъ такъ велитъ Коранъ,
Но Одинъ въ насъ ужь не вселитъ тревоги,
Давно исчезли изъ Валгалы свѣтлой боги.
Такъ будьте, чѣмъ угодно вамъ, но и за то-жъ
На все глядите чистымъ и свободнымъ взоромъ.
Мнѣ ненавистны лицемѣріе и ложь,
И Галилеяне съ воинственнымъ задоромъ.

Но нашъ «воинственный галилсянинъ» не замѣтилъ даже, что у меня происходило на душѣ; его рѣчь лилась потокомъ и когда онъ кончилъ, онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что онъ мнѣ выяснилъ, что война съ христіанской точки зрѣнія вещь вполнѣ одобрительная, а сама по себѣ прекрасная.

Очевидно, онъ былъ совершенно доволенъ, что одержалъ риторическую побѣду и оказалъ услугу незнакомому господину полковнику, а когда сталъ съ нами прощаться и мы выразили ему нашу благодарность за оказанную услугу, онъ любезно отвѣтилъ:

— Мнѣ надо благодарить васъ за то, что дали мнѣ случай моимъ слабымъ словомъ, которое только благодаря тому, что я часто прибѣгалъ къ слову Божію, оказалось столь дѣйствительно разсѣять сомнѣнія, столь мучительныя для христіанки и для жены воина. Миръ съ вами!

— Ахъ,—воскликнула я, когда онъ вышелъ,—какое мы вынесли мученіе!

— Да, нечего сказать,—подтвердилъ Фридрихъ.—Особенно мучительно было наше фальшивое положеніе,—онъ расточалъ передъ нами свое краснорѣчіе, а мы напередъ знали, что онъ не убѣдитъ насъ ни въ чемъ. Была минута, мнѣ хотѣлось ему сказать:—Довольно, многоуважаемый господинъ пасторъ, я самъ раздѣляю взгляды моей жены относительно войны и все, что вы говорите, поможетъ мнѣ только изслѣдовать еще ближе всю несостоятельность вашихъ аргументовъ. — Но я промолчалъ. Зачѣмъ задѣвать убѣжденія честнаго человѣка, которыя къ тому же служатъ основой его жизненнаго призванія?

— Убѣжденія?.. Неужели ты это думаешь? Неужлие онъ искренно вѣритъ въ то, что говоритъ, обѣщая солдатамъ вѣр-

Digitized by Google

пую побѣду, вѣдь и непріятелю внушается также увѣренность въ несомнѣнной побѣдѣ. Воззванія: «нашъ народъ», «наше» единственное правое дѣло, были возможны лишь въ то время, когда одинъ народъ не имѣлъ ничего общаго съ другимъ и могъ воображать, что только онъ одинъ Богомъ избранный. И вся эта готовность отрѣшиться отъ земной жизни, все это стараніе пробудить въ груди обреченнаго на войну радость смерти—мнѣ страшно это слово—развѣ это...

— Во всемъ есть двѣ стороны, Марта,—прервалъ меня Фридрихъ.—Мы съ тобой проклинаемъ войну и оттого все что ее поддерживаетъ, ее украшаетъ, что маскируетъ ее ужасы, намъ все это ненавистно».

— Понятно, потому, что этимъ самымъ поддерживается война.

— Не только этимъ... Старые порядки пустили глубокіе корни и, покуда они существовали, хорошо было что существовали и мысли и чувства, которыя ихъ идеализировали; благодаря этому ихъ не только сносили, но относились къ нимъ даже съ любовью. Сколькимъ являлась на выручку въ минуту предсмертныхъ страданій эта привитая «радость смерти»; сколько благочестивыхъ душъ уповало на обѣщанную имъ проповѣдникомъ Божію помощь. Сколько невиннаго легкомыслія и гордаго честолюбія было пробуждено и удовлетворено всѣми тѣми церемоніями, сколько сердецъ, можетъ быть, забилось подъ звуки тѣхъ пѣсенъ? Изъ всей той массы горя, какую приходится претерпѣвать людямъ изъ-за войны, можно, по крайней мѣрѣ, вычесть ту часть, которую военнымъ бардамъ и военнымъ пасторамъ удалось заглушить пѣснями и обманомъ.

* * *

Мы были внезапно вызваны изъ Берлина. Мы получили телеграмму отъ тети Мари, что она опасно больна и желаетъ насъ видѣть.

Мы застали ее въ отчаянномъ положеніи, въ безнадежномъ, по отзыву докторовъ.

— Теперь пришла моя очередь, — говорила она. — Въ сущности я очень довольна... Со смертью брата и его дѣтей меня ничто уже не радовало въ жизни... Я не могла оправиться отъ удара... Тамъ я съ нимъ встрѣчусь... Конрадъ и Лилли тамъ тоже соединились... Имъ не суждено были соединиться на землѣ...

— Если бы армія была распущена во-время,—хотѣлось мнѣ ей сказать, но я удержалась, — не затѣвать же спора съ уми-

Digitized by Google

рающей; не сбивать же ее съ ея любимой теоріи «предопредѣленія».

— Одно мое утѣшеніе, — продолжала она,—это—то, что я оставляю тебя счастливой, милая Марта... Твой мужъ уцѣлѣлъ послѣ двухъ походовъ, холера пощадила васъ, очевидно, вамъ предназначено судьбою вмѣстѣ состариться... Постарайся только выростить изъ маленькаго Рудольфа хорошаго христіанина и хорошаго солдата, чтобы дѣдушка съ неба могъ на него радоваться...

И на это я промолчала и не сказала, что я рѣшила, что мой сынъ не будетъ военнымъ.

— Я буду за васъ неустанно молиться... чтобы Богъ далъ вамъ счастья и продлилъ вамъ вѣку.

Конечно, я не подчеркнула ей существующаго противорѣчія между «предопредѣленіемъ» и возможностью отклонить это предопредѣленіе посредствомъ неустанной молитвы, я только попросила ее не утомлять себя разговоромъ и, чтобы развлечь ее, принялась разсказывать ей о нашемъ пребываніи въ Швейцаріи и въ Берлинѣ. Я разсказывала ей о нашей встрѣчѣ съ принцемъ Генрихомъ и о томъ, что онъ ставитъ въ паркѣ своего замка мраморный памятникъ своей такъ быстро утраченной невѣстѣ.

Черезъ три дня, полная покорности и смиренія, пріобщившись Св. Таинствъ, моя бѣдная тетя Мари скончалась, — и такимъ образомъ у меня не осталось никого болѣе изъ тѣхъ, среди которыхъ я выросла,—всѣ они сошли съ лица земли... Все свое небольшое состояніе она завѣщала моему сыну Рудольфу, а опекуномъ его назначила министра «во всякомъ случаѣ»; это обстоятельство заставило меня быть въ постоянныхъ сообщеніяхъ съ бывшимъ другомъ моего отца.

Онъ былъ чуть-ли не единственный человѣкъ, который бывалъ у насъ. Вслѣдствіе траура послѣ несчастій, пережитыхъ въ Грумитцѣ, понятно, мы жили очень уединенно. Наше намѣреніе поселиться въ Парижѣ пришлось отложить на нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы привести всѣ мои дѣла въ порядокъ.

Нашъ другъ, министръ, который былъ, какъ я уже сказала, нашимъ единственнымъ посѣтителемъ, въ послѣднее время вышелъ въ отставку, ужь не знаю по своей ли волѣ, или нѣтъ, — однимъ стовомъ, превратился въ частнаго человѣка, но по прежнему увлекался политикою. Онъ постоянно переводилъ разговоры на свою любимую тему и мы охотно давали ему реплики. Такъ какъ Фридрихъ теперь усердно занимался изученіемъ международнаго права, то всякій споръ въ этой об-

Digitized by Google

ласти былъ ему весьма интересенъ. Послѣ обѣда (господинъ «во всякомъ случаѣ», — мы продолжали его называть между собою этимъ остроумнымъ именемъ, — обѣдалъ у насъ два раза въ недѣлю) оба они затѣвали длинный политическій разговоръ, причемъ мужъ мой всячески охранялъ разговоръ отъ возможности перейти въ ненавистныя ему сплетни, и старался направлять его на обобщающія точки зрѣнія. Господину «во всякомъ случаѣ» это не легко давалось; въ качествѣ закоренѣлаго дипломата и бюрократа онъ привыкъ заниматься такъ называемою «практическою политикою» или реальною политикою, которая направлена только на самые ближайшіе общіе интересы и которая не имѣетъ понятія о теоретическихъ вопросахъ общественныхъ наукъ. Я сидѣла около нихъ съ работою и не вмѣшивалась въ разговоръ, что господину министру казалось вполнѣ естественнымъ; извѣстно, что политика — дѣло не женскаго ума, и онъ былъ убѣжденъ, что я за работаю думаю о чемъ нибудь другомъ, я же напротивъ, слушала ихъ съ большимъ вниманіемъ, такъ какъ на мнѣ лежала обязанность хорошенько запомнить ихъ разговоръ и записать въ красныя тетрадки. Фридрихъ не скрывалъ своихъ взглядовъ, хотя сознавалъ, что у него роль весьма не благодарная — идти противъ того, что всѣми признано, быть представителемъ идей, которыя находятся еще въ томъ періодѣ, когда онѣ, если и не признаются вполнѣ превратными, то во всякомъ случаѣ осмѣиваются какъ фантастическія.

— Могу вамъ сегодня сообщить интересную новость, любезный Тиллингъ, — оповѣстилъ насъ однажды, послѣ обѣда, съ важностью, бывшій министръ.—Въ настоящее время, въ правительственномъ кружкѣ, а именно въ военномъ министерствѣ, носятся съ проектомъ общей воинской повинности.

— Неужели? Какъ разъ передъ войною эта система не признавалась, надъ ней смѣялись... Говорили — «вооруженные портняжки» и т. п.

— «Во всякомъ случаѣ» не такъ давно мы были предубѣждены противъ нея, но у пруссаковъ она введена и, согласитесь, съ успѣхомъ. Въ сущности, съ нравственной точки зрѣнія — даже съ демократической и либеральной, которую вы повидимому такъ отстаиваете — совершенно правильно и справедливо, чтобы каждый сынъ отечества, безъ различія положенія и степени образованности, несъ одинаковыя обязанности. А съ стратегической точки зрѣнія, развѣ маленькая Пруссія одержала бы

Digitized by Google

когда нибудь побѣду, не будь у нея ландвера, и будь онъ у насъ введенъ, развѣ насъ побѣдили-бы.

— Изъ этого слѣдуетъ — будь у насъ больше матеріала, то врагу было бы недостаточно его силъ. Ergo — если ландверъ будетъ введенъ повсюду, отъ него никому не будетъ проку. Шахматная игра войны будетъ играться бо̀льшимъ числомъ фигуръ, но партія попрежнему будетъ зависѣть отъ счастья и умѣнья игрока. Предположимъ, что всѣ европейскія государства введутъ воинскую повинность; тогда сравнительная степень могущества останется все та же, вся разница будетъ только въ томъ, что для достиженія результата будутъ уничтожаться не сотни тысячъ людей, а милліоны.

— Но развѣ вы находите справедливымъ, чтобы только одна часть населенія жертвовала собою въ защиту всего, что есть дорогого для остальныхъ, а они сами, пользуясь всѣми благами, будутъ преспокойно оставаться дома. Нѣтъ — съ новымъ закономъ все это измѣнится. Прекратятся всѣ эти выкупы, каждый долженъ будетъ одинаково жертвовать собою. И интелигентный классъ, образованный, студенты, которые чему нибудь учились, внесутъ элементы развитія, необходимые для побѣды.

— У противниковъ вѣдь будутъ тѣ же элементы; такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ одинаково возрастутъ выгоды доставляемыя образованными нижними чинами. За то съ обѣихъ сторонъ будетъ одинакова потеря неоцѣненнаго матеріала; страна лишается своихъ образованныхъ сыновъ, которые служили бы культурѣ своими изобрѣтеніями, научными изслѣдованіями, произведеніями искусствъ—и ихъ превратятъ въ мишень непріятельскаго оружія.

— Велика потеря—всѣ эти изобрѣтенія, всѣ произведенія искусствъ, изслѣдованія череповъ, ничего не прибавляютъ къ могуществу государства...

— Гм!

— Развѣ не правда?

— Нѣтъ, ничего, пожалуйста продолжайте, продолжайте...

— Для этого всегда найдется время. Вѣдь никто не заставляетъ вѣчно служить; по нѣсколько лѣтъ строгой выдержки—конечно, всѣмъ на пользу и дѣлаетъ людей только болѣе пригодными къ исполненію ихъ гражданскихъ обязанностей. Разъ, что должна существовать подать кровью, пускай же всѣ и платятъ ее одинаково.

Digitized by Google

— Если бы отъ этого уменьшилась доля каждаго, тогда это еще имѣло бы смыслъ, но вѣдь подать кровью будетъ не раздѣлена, а только увеличена. Я думаю, что этотъ проектъ не осуществится. Богъ знаетъ къ чему бы онъ привелъ. Каждое государство захотѣло бы перещеголять другое численностью войска и въ концѣ концовъ не было бы армій, а были бы только вооруженные народы. Привлекалось бы все болѣе и болѣе народу къ службѣ, все увеличивался бы срокъ службы, все больше становились бы военныя контрибуціи, издержки по вооруженію... Не сражаясь между собою, однѣми приготовленіями къ войнѣ, націи сами бы себя уничтожали.

— Но, любезный Тиллингъ, вы заглядываете слишкомъ далеко!

— Всегда надо заглядывать подальше впередъ. Все, что предпринимаешь, подобаетъ обдумывать до конечныхъ выводовъ. Мы сравнили давеча войну съ шахматною игрою — политика, увѣряю васъ, та же шахматная игра и въ ней попадаются слабые игроки, которые не заглядываютъ впередъ дальше одного хода и радуются, если стали такъ, что угрожаютъ пѣшкѣ. Я хочу прослѣдить даже еще дальше идею общей повинности и увеличенія вооруженія, до послѣдней границы, даже готовъ перейдти всякую возможную границу. Что если-бы какой нибудь націи вздумалось, затративъ уже всѣ силы и всѣ предѣлы возрастовъ, устроить полки изъ женщинъ. Другія націи должны были-бы послѣдовать ея примѣру. Или батальоны дѣтей? и другія должны были-бы подражать. А гдѣ будетъ граница вооруженію—орудіямъ разрушенія? О, это дикое, слѣпое стремленіе къ пропасти!

— Успокойтесь, любезный Тиллингъ... Вы истый фантазеръ. Укажите мнѣ средство для уничтоженія войны, и я скажу вамъ что это прекрасно. Но разъ, что это вещь невозможная, то каждая нація должна поневолѣ стремиться обезпечить за собою какъ можно больше шансовъ въ борьбѣ за существованіе (таковъ, кажется лозунгъ и нынѣ моднаго Дарвина, не правда-ли?).

— Если-бъ я вздумалъ вамъ предложить средства къ уничтоженію войны, вы бы еще болѣе сочли меня за фантазера, за сантиментальнаго друга человѣчества—за болѣзненнаго мечтателя (таковъ, кажется, лозунгъ ревнителей войны?).

— Во всякомъ случаѣ для такого идеала нѣтъ практической почвы. Надо принять во вниманіе существующія условія — чело-

Digitized by Google

вѣческія страсти, соперничество, разность интересовъ, невозможность согласовать нѣкоторые вопросы...

— И не надо; тамъ, гдѣ начинаются недоразумѣнія, рѣшеніе должно принадлежать третейскому суду, а не насилію.

— Какому-то суду ни державы, ни народы никогда не подчиняются.

— Народы? Властелины и дипломаты не хотятъ этого... Но народъ? Пусть только спросятъ его, въ немъ желаніе мира искреннее, горячее, тогда какъ завѣренія въ миролюбіи, исходящія отъ правительствъ, весьма часто бываютъ лживы, лицемѣрно лживы, или принимаются другими державами за истую ложь. Въ этомъ и заключается вся дипломатія. А народы все болѣе и болѣе будутъ взывать о мирѣ. Если и введется всеобщая повинность, то въ той же степени уменьшится и влеченіе къ войнѣ. Еще возможно увлеченіе ею въ классѣ людей спеціально военныхъ—оно является слѣдствіемъ особаго ихъ положенія, которое считается почетнымъ, это даетъ имъ хотя что нибудь взамѣнъ жертвы собою; но когда это положеніе перестанетъ быть исключительнымъ, то весь престижъ будетъ уничтоженъ. Перестанетъ существовать то чувство благодарности, которое несутъ остающіеся дома къ ногамъ своихъ защитниковъ—тогда вѣдь некому будетъ оставаться дома. Рѣже будутъ воспламеняться воинственныя чувства, какія приписываются солдату и тѣмъ самымъ зачастую пробуждаются въ немъ, ибо кто больше всего проявляетъ геройства, кто мечтаетъ о воинственныхъ подвигахъ и опасностяхъ? Тѣ, кто менѣе всѣхъ подверженъ имъ—профессора, политики, болтуны въ пивныхъ—хоръ старичковъ изъ «Фауста». Когда безопасность будетъ утрачена, этотъ хоръ смолкнетъ. Далѣе: когда военную службу будутъ нести не только люди, по призванію, не тѣ, кто ее любитъ и восхваляетъ, а всѣ тѣ, принудительно привлеченные къ ней, которые ненавидятъ, то ненависть эта непремѣнно скажется. Поэты, мыслители, друзья человѣчества, люди мягкаго сердца, боязливые, всѣ они съ своей точки зрѣнія отнесутся съ проклятіемъ къ этому, насильно навязанному ремеслу.

— Вѣроятно, они изъ благоразумія съумѣютъ скрыть свои взгляды, чтобъ не показаться трусами, чтобы не попасть въ немилость въ высшихъ сферахъ.

— Скрыть? Не всегда. Я вотъ долго молчалъ, а наконецъ заговорилъ — заговорятъ и другіе. Когда убѣжденіе созрѣетъ, оно превращается въ слово. Я дожилъ до 40 лѣтъ, только те-

Digitized by Google

перь мое убѣжденіе на столько окрѣпло, что оно вырвалось у меня наружу. Если мнѣ на это потребовалось два—три десятка лѣтъ, то для массъ потребуется, быть можетъ, два—три поколѣнія, но придетъ время, и онѣ заговорятъ.

* * *

Новый 1867 годъ! Мы встрѣчали его вдвоемъ съ Фридрихомъ. Когда часы стали бить 12, я спросила его:

— Помнишь-ли ты, Фридрихъ, пожеланіе, какое мнѣ бѣдный отецъ высказалъ въ прошломъ году, въ этотъ самый часъ? Я просто не рѣшаюсь теперь желать тебѣ счастья, будущее готовитъ намъ иногда такіе ужасы, и никому еще не удавалось ихъ предотвращать...

— Вмѣсто того, чтобы намъ заглядывать впередъ, Марта, оглянемся лучше на прожитый годъ. Чего только не пришлось тебѣ вынести, моя бѣдная, дорогая моя! Сколькихъ близкихъ пришлось тебѣ похоронить... А тѣ ужасы на Богемскихъ поляхъ сраженій...

— Я не жалѣю, что видѣла ихъ; по крайней мѣрѣ, теперь могу сочувствовать твоимъ стремленіямъ всею силою души.

— Мы должны такъ воспитать твоего — *нашего* Рудольфа, чтобы и онъ въ будущемъ проводилъ бы эти идеи; въ его время, быть можетъ, цѣль будетъ болѣе видима на горизонтѣ, въ наше—врядъ-ли... Какой шумъ на улицѣ, это опять люди радуются новому году, несмотря на всѣ страданія прошлаго, также радостно встрѣченнаго. О, забывчивые люди!

— Не брани ихъ за эту забывчивость, Фридрихъ. У меня у самой прошлое горе начинаетъ превращаться въ далекій сонъ, а въ настоящемъ я сознаю только одно — счастье тебя имѣть, мой единственный. Я даже думаю,—мы не хотѣли говорить съ тобой о будущемъ — я думаю, что передъ нами счастливое будущее... При нашемъ согласіи, любви, самостоятельности, богатствѣ, сколько наслажденій можетъ намъ еще дать жизнь: мы будемъ путешествовать, изучать міръ, чудный міръ... чудный, покуда нѣтъ войны... но ее теперь долго, долго не будетъ; а случись война, ты не будешь въ ней участвовать... и для Рудольфа она не опасна, онъ не будетъ солдатомъ...

— А что если, какъ говоритъ министръ «во всякомъ случаѣ», каждый обязанъ будетъ...

— Ахъ, вздоръ... Да, что я хотѣла сказать — мы будемъ путешествовать, сдѣлаемъ изъ Рудольфа идеальнаго человѣка,

Digitized by Google

будемъ преслѣдовать нашу цѣль—пропаганду мира и безъ конца любить другъ друга.

— Ахъ, ты прелесть моя!

И онъ притянулъ меня къ себѣ и поцѣловалъ въ губы. Это былъ его первый поцѣлуй послѣ разлуки и всѣхъ пережитыхъ ужасовъ, въ которомъ я почувствовала опять огонь страсти,—страсть эта охватила и меня своимъ пламенемъ. Война, холера, умершіе,—все было забыто въ эту блаженную ночь подъ Новый годъ... и... нашу дочку, которая родилась 1 октября 1867 года, мы назвали Сильвіею въ память этой Сильвестровой ночи.

Масляница того же года принесла съ собой всевозможные балы и удовольствія; конечно, намъ было не до нихъ,—по случаю траура я не выѣзжала. Но я удивлялась, что не все общество отказалось отъ шумныхъ удовольствій. Вѣдь не было семьи, которая бы не понесла утраты, но, какъ видно, надъ ними не задумывались. Правда, было нѣсколько домовъ изъ аристократіи, въ которыхъ не принимали, но въ случаяхъ потанцовать у молодежи не было недостатка и, конечно, самыми интересными танцорами были тѣ, которые возвратились съ итальянскаго или богемскаго похода. Особенный успѣхъ имѣли моряки, участвовавшіе въ сраженіи при Лиссѣ. Половина дамъ была влюблена въ молодого адмирала Тегенгофа (подобно тому какъ послѣ Шлезвигъ-Гольштейнскаго похода въ красиваго генерала Габленца).

«Кустоцца» и «Лисса» были центромъ всѣхъ разговоровъ, а рядомъ съ ними «игольчатыя ружья» и ландверъ — нововведенія, обѣщающія побѣды и въ будущемъ... Когда—надъ кѣмъ? На этотъ счетъ не высказывались ясно, но мысль о мести, которая обыкновенно слѣдуетъ за каждымъ проигрышемъ, будь это даже въ картахъ, чувствовалась во всѣхъ замѣчаніяхъ политиковъ. Если даже не сами пойдемъ на пруссаковъ, то, быть можетъ, кто нибудь другой отмститъ за насъ. Повидимому Франція собиралась повздорить съ нашими побѣдителями, тогда имъ перепадетъ и за насъ; въ политическихъ кружкахъ эта надежда получила даже названіе «La revanche de Sadowa» какъ сообщилъ намъ радостно министръ «во всякомъ случаѣ». Эта «черная точка», такъ называемый «вопросъ», появился на горизонтѣ раннею весною. Извѣстія изъ Франціи тоже подтверждали выводы политиковъ—«война въ виду».

На этотъ разъ вопросъ назывался Люксембургскимъ.

Люксембургъ? Казалось бы, какое онъ можетъ имѣть міро-

Digitized by Google

вое значеніе? Опять мнѣ приходилось приняться за его изученіе, какъ нѣкогда по поводу Шлезвигъ-Гольштейна. Въ сущности я знала о существованіи Люксембурга только изъ оперетки Зуппе «Flotte Bursche», въ которой, какъ извѣстно, нѣкій графъ люксембургскій «промоталъ, моталъ, моталъ, все свое состояніе». Результатомъ моихъ изслѣдованій было слѣдующее:

По договорамъ 1814 и 1816 гг. (вотъ они договоры,—изъ-за нихъ возникаютъ у народовъ цѣлые процессы,—нечего сказать, хорошая выдумка эти договоры) Люксембургъ принадлежалъ королю нидерландскому и вмѣстѣ съ тѣмъ германскому союзу. Пруссіи разрѣшалось имѣть, въ его главномъ городѣ, гарнизонъ. Вдругъ въ іюнѣ 1866 года Пруссія объявляетъ о своемъ участіи въ старомъ союзѣ, какъ тутъ поступить съ гарнизономъ? Въ этомъ-то и являлся вопросъ. Съ Пражскимъ миромъ въ Германіи была введена новая система, по которой ея единство съ Люксембургомъ нарушалось.—Ради чего же за пруссаками оставлять право имѣть гарнизонъ? «Во всякомъ случаѣ», это было дѣло запутанное и могло быть справедливѣе всего и лучше выяснено только посредствомъ новаго убоя сотни тысячъ людей, съ этимъ, конечно, согласится всякій «проницательный» политикъ. Голландцы никогда особенно не стояли за обладаніе великимъ герцогствомъ, король Вильгельмъ III тоже не дорожилъ имъ и охотно уступилъ бы его Франціи за извѣстную сумму, чтобы пополнить свою частную кассу. И вотъ между королемъ и кабинетомъ начинаются тайные переговоры. Совершенно правильно: вѣдь тайна есть исходная точка всякой дипломатіи. Народы не должны ничего знать о раздорахъ; вотъ когда они выяснятся — другое дѣло — они имѣютъ право пролить за нихъ кровь. А зачѣмъ и за что они дерутся — вопросъ второстепенный.

Въ концѣ марта король оповѣстилъ обо всемъ оффиціально и въ тотъ же самый день, какъ онъ телеграфировалъ о своемъ согласіи во Францію, сообщено объ этомъ и прусскому посланнику въ Гаагѣ. Затѣмъ начинаются переговоры съ Пруссіею. Пруссія сослалась на гарантію договоровъ 1859 г., на основаніи которыхъ существуетъ и самое королевство нидерландское.

Общественное мнѣніе (кто это общественное мнѣніе? Конечно, пишущіе передовыя статьи!), это общественное мнѣніе въ Пруссіи возмутилось, что древнее германское государство будетъ отнято; въ сѣверо-германскомъ рейхстагѣ, перваго апрѣля, были сдѣланы горячіе запросы по этому предмету. Положимъ, Бисмаркъ

Digitized by Google

остается равнодушнымъ къ Люксембургу, но пользуется случаемъ для вооруженія противъ Франціи, которая, понятно, въ свою очередь вооружается противъ Пруссіи. Знакомая мнѣ пѣсня! Я ужасно боялась въ то время, чтобъ въ Европѣ не вспыхнулъ новый пожаръ. Въ подстрекателяхъ не было недостатка; въ Парижѣ — Кассаньякъ и Эмиль де-Жирарденъ; въ Берлинѣ — Менцель и Генрихъ Лео. Сознаютъ ли всю силу своего преступленія подобные подстрекатели къ войнѣ? Сомнѣваюсь. Въ то самое время—я узнала объ этомъ много лѣтъ позже—профессоръ Симонъ высказался объ этомъ вопросѣ, объ этой злобѣ дня прусскому наслѣдному принцу Фридриху слѣдующимъ образомъ: «Если Франція войдетъ въ соглашеніе съ Голландіей — быть войнѣ». На это, будто бы, наслѣдный принцъ съ волненіемъ отвѣтилъ:

— Вы не видали войны... если бы вы ее видѣли, вы не предрѣшали бы ее такъ спокойно... я ее видѣлъ и скажу вамъ одно—святая обязанность каждаго всячески предотвращать ее.

И на этотъ разъ ея не было. Въ Лондонѣ 11 мая состоялась конференція, которая привела къ желанному результату—къ миру. Люксембургъ былъ объявленъ нейтральнымъ, и Пруссія вывела свои войска. Поклонники мира свободно вздохнули, но нашлось не мало людей недовольныхъ такимъ оборотомъ дѣла. Не императоръ французовъ—онъ стоялъ за миръ, но французская партія войны. И въ Германіи многіе осуждали поведеніе Пруссіи: «отдать бастіонъ — уступчивость, похожая на страхъ», и т. п. Вѣдь и въ частной жизни приходится по приговору суда иногда отказаться отъ имущества—неужели лучше не подчинятся суду и лѣзть на него съ кулаками? Того, что было достигнуто Лондонской конференціей, *всегда* можно было достигнуть и безъ конференціи въ такомъ вопросѣ, точно также какъ во власти правителей государствъ всегда предотвратить войну руководствуясь тѣмъ, что будущій Фридрихъ Ш, этотъ Фридрихъ благородный, назвалъ *святою обязанностью.*

* * *

Въ маѣ мы отправились въ Парижъ на выставку.

Я никогда не видала этого всемірнаго города и была буквально ослѣплена его великолѣпіемъ, его жизнью.

Какъ разъ въ то время имперія была на высшей точкѣ своего блеска и всѣ коронованныя особы Европы собрались въ Парижѣ, который представлялъ изъ себя картину веселья, красоты, обезпечивающихъ миръ. Не столицею одного государства,

Digitized by Google

но столицею цѣлаго міра показался мнѣ въ то время городъ, черезъ три года бомбардированный своими восточными сосѣдями. Всѣ народы земнаго шара собрались въ большомъ дворцѣ Champ de Mars для мирнаго, единственно полезнаго созидательнаго, а не разрушительнаго состязанія. Здѣсь было собрано столько произведеній искусствъ и чудесъ промышленности, что въ каждомъ посѣтителѣ невольно возраждалось чувство гордости, что онъ живетъ въ вѣкъ такого прогресса, въ вѣкъ, обѣщающій еще больше въ будущемъ. Но рядомъ съ этой гордостью должно было возникать и намѣреніе всячески препятствовать варварскому тормазу дальнѣйшаго развитія культуры. Не могли же всѣ эти собравшіеся гости императора и императрицы, всѣ эти короли, князья, дипломаты, обмѣниваясь любезностями, вниманіемъ, пожеланіями, думать о томъ, что имъ придется обмѣниваться съ гостепріимными хозяевами или между собой смертельными выстрѣлами?.. Нѣтъ, этого быть не можетъ! Я свободнѣе вздохнула. Весь этотъ ослѣпительный праздникъ выставки являлся мнѣ ручательствомъ, что настала эра долгаго, долгаго мира; всѣ эти цивилизованные люди могли обнажить мечъ развѣ на монголовъ, но другъ на друга? Конечно, это немыслимо.

Я окончательно укрѣпилась въ моей увѣренности, узнавъ о любимомъ проектѣ императора—всеобщемъ разоруженіи. Да Наполеонъ III твердо стоялъ за него—это я слыхала отъ его приближенныхъ и ближайшихъ родственниковъ. При первомъ удобномъ случаѣ онъ собирался предложить всѣмъ европейскимъ правительствамъ довести войско до минимума. Какъ не отнестись къ этому сочувственно? Конечно, это болѣе благоразумно, чѣмъ увеличеніе войска. Такимъ образомъ было бы исполнено требованіе Канта, выраженное слѣдующимъ образомъ въ 3-мъ параграфѣ «Предварительной статьи къ вѣчному миру»:

«Постоянныя войска (miles perpetuus) со временемъ будутъ уничтожены. Онѣ являются постоянною угрозою войны для другихъ государствъ тѣмъ, что онѣ всегда готовы, вооружены, онѣ развиваютъ въ нихъ желаніе превысить ихъ въ численности, которая не имѣетъ границъ (о, пророческій взглядъ!). Между тѣмъ суммы, какія тратятся на это, дѣлаютъ для страны миръ тяжелѣе непродолжительной войны, и такимъ образомъ войска, являясь бременемъ страны, становятся вмѣстѣ съ тѣмъ причиною наступательныхъ войнъ».

Какое правительство могло бы отклонить предложеніе французскаго императора, не разоблачивъ своей страсти къ завоева-

Digitized by Google

нію? Какой народъ не возмутился бы подобнымъ отказомъ? Планъ долженъ былъ имѣть успѣхъ.

Фридрихъ не раздѣлялъ моей увѣренности.

— Прежде всего сомнѣваюсь,—говорилъ онъ,—чтобы Наполеонъ былъ искрененъ въ своемъ намѣреніи. Предположимъ даже, что это такъ, но военная партія никогда не допуститъ его до осуществленія его. Вообще окружающіе никогда не допускаютъ правителей странъ до осуществленія ихъ слишкомъ широкихъ, выходящихъ изъ ряду вонъ, замысловъ. Во вторыхъ, нельзя живому существу ни съ того ни съ сего приказать перестать существовать. Оно будетъ отстаивать себя.

— О какомъ живомъ существѣ говоришь ты?

— Объ арміи. Она составляетъ организмъ и притомъ организмъ саморазвивающійся, самоподдерживающійся. Въ настоящее время организмъ этотъ находится въ періодѣ процвѣтанія, и какъ ты видишь сама (вѣдь общая военная повинность должна быть введена и въ другихъ странахъ), онъ готовъ уже развиться еще съ большею силою.

— И все-таки ты хочешь съ нимъ бороться?

— Да, но я не подойду къ нему со словами: «Умри, чудовище!» Врадъ ли бы оно согласилось умереть ради моего удовольствія. Но я буду бороться съ нимъ, введя другой жизненный образъ, покуда еще въ зародышѣ, но который, усилившись и развившись, со временемъ вытѣснитъ его. Если я выражаюсь такими метафорами естествознанія, ты сама виновата, Марта. Ты первая направила меня на изученіе трудовъ современныхъ естествоиспытателей. Подъ вліяніемъ ихъ, у меня сложился взглядъ, что и явленія соціальной жизни только тогда могутъ быть понятны, когда къ ихъ возникновенію и къ ихъ дальнѣйшему развитію относятся, какъ къ явленіямъ, находящимся въ зависимости отъ вѣчныхъ законовъ. Большинство политиковъ и восокопоставленныхъ лицъ объ этомъ не имѣютъ ни малѣйшаго представленія, а восхваляемые воины и того меньше. Прежде мнѣ самому это не приходило въ голову.

Мы жили въ «Grand Hotel» на «Boulevard des Capucines». Отель былъ переполненъ англичанами и американцами... Соотечественниковъ приходилось намъ рѣдко встрѣчать. Австрійцы— не любители путешествій. Впрочемъ, мы и не искали общества,—ни съ кѣмъ не знакомились, по случаю моего траура. Сынъ мой Рудольфъ находился, конечно, при насъ. Ему было

Digitized by Google

теперь 8 лѣтъ и онъ былъ преумный человѣчекъ. При немъ состоялъ молодой англичанинъ, частью въ качествѣ его няньки, а частью въ качествѣ гофмейстера. Мы не могли же брать Рудю всюду собой, на выставку, на поѣздки по окрестностямъ, къ тому же для него настала уже пора ученія.

Новымъ, новымъ былъ для меня весь этотъ открывшійся передо мною міръ! Всѣ эти, съ четырехъ концовъ міра, собравшіеся люди, самые именитые, самые богатые; эти празднества, эта роскошь, эта давка... Я была положительно ошеломлена всѣмъ этимъ. Но какъ ни пріятны, интересны были всѣ эти новыя, захватывающія впечатлѣнія, я, всетаки, въ душѣ мечтала уйдти куда-нибудь отъ этой суетни, въ какое нибудь уединенное, мирное мѣстечко, гдѣ бы я могла проводить время въ тиши, въ далекѣ отъ всего, съ Фридрихомъ и съ моимъ Рудей — нѣтъ, съ моими дѣтьми—я опять была въ такомъ положеніи. Не даромъ у меня такъ часто повторяется въ красныхъ тетрадкахъ о томъ, что въ одиночествѣ является потребность событій, — дѣятельности, приключеній, удовольствій,—а среди всего этого опять хочется одиночества и покоя.

Мы жили въ далекѣ отъ большого свѣта. Мы сдѣлали визитъ только нашему посланнику Меттерниху и, между прочимъ, заявили ему о нашемъ нежеланіи быть представленными ко двору, бывать въ свѣтѣ — по случаю траура. Зато мы пользовались всякимъ случаемъ, чтобы познакомиться съ выдающимися людьми политическаго и литературнаго міра, частью ради собственнаго удовольствія и умственнаго наслажденія, частью же имѣя въ виду «служеніе» Фридриха. Несмотря на слабыя надежды Фридриха, на успѣхъ его стремленій, онъ никогда не терялъ ихъ изъ виду и вступалъ въ сношенія съ разными вліятельными лицами, черезъ которыхъ надѣялся двинуть дѣло или, по крайней мѣрѣ, узнать объ его положеніи. Мы завели особую книгу, которую назвали «Протоколомъ мира»; въ нее вписывались разныя замѣтки, извѣстія, статьи, относящіяся къ этому вопросу. Туда же мы вписали и исторію мира, насколько она была намъ извѣстна, также изреченія разныхъ философовъ, поэтовъ, юристовъ, писателей по поводу войны и мира. Скоро у насъ составился порядочный томикъ, а съ теченіемъ времени—я продолжаю до сихъ поръ вписывать въ нее—образовалось и нѣсколько томовъ. Если ихъ сравнить со всѣми сочиненіями по стратегіи, съ тысячами томовъ о войнѣ, о военныхъ наукахъ

Digitized by Google

и прославленій войны, съ разными военными учебниками, техническими и спеціальными, съ руководствомъ по обученію рекрутъ и баллистики, со всѣми хрониками сраженій, солдатскими и военными пѣснями — конечно, было отчего пасть духомъ,— за миръ всего двѣ маленькія тетрадки и такая масса сочиненій за войну, если бы сила и содержательностъ вопроса—именно содержательность его въ будущемъ—измѣрялись его объемомъ. Но если вспомнить, что сѣмянная чашечка скрываетъ въ себѣ возможность образовать цѣлый лѣсъ, который можетъ пробиться на огромномъ пространствѣ, сквозь массу сорной травы, и если только представить себѣ, что всякая идея въ мірѣ духовномъ то же самое, что сѣмячко въ царствѣ растительномъ, тогда перестанешь тревожиться за будущее идеи, если бы даже вся исторія ея развитія помѣщалась въ одной маленькой тетрадкѣ.

Приведу здѣсь нѣсколько мѣстъ изъ нашего протокола, записанныхъ въ 1867 году. На первой страницѣ краткій историческій обзоръ:

За 400 л. до Р. Х. Аристофанъ написалъ комедію «Миръ» въ защиту гуманной тенденціи. Греческая философія, позднѣе перенесенная въ Римъ—защищаетъ стремленіе къ человѣческому «единству», начиная съ Сократа, называющаго себя «гражданиномъ міра» до Теренція, которому «ничто человѣческое не чуждо», и Цицерона, считающаго «caritas generis humani» высочайшей степенью совершенства.

Въ первомъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія появляется Виргилій и его знаменитая 4-я идиллія, предрекающая вѣчный миръ подъ миѳологическимъ образомъ возстановленнаго золотого вѣка.

Въ средніе вѣка папы часто пытаются являться третейскими судьями между государствами, но напрасно.

Въ 15 вѣкѣ одному королю приходитъ мысль образовать лигу мира. Это былъ Георгій Подибратъ (чешскій), желавшій положить конецъ распри императора съ папою; онъ обратился за этимъ къ Людовику XI, однако, безуспѣшно, король на его предложеніе не согласился. Въ концѣ 16 столѣтія король Франціи Генрихъ IV хотѣлъ ввести конфедерацію европейскихъ государствъ. Освободивъ свою страну отъ ужасовъ религіозныхъ войнъ, онъ хотѣлъ навсегда обезпечить миръ и терпимость. Онъ имѣлъ въ виду образовать союзъ изъ 16 европейскихъ государствъ (Россія и Турція причислялись въ то время къ Азіи). Каждое изъ этихъ 16 государствъ должно было присылать двухъ своихъ представителей на «Европейскій Рейхстагъ».

Digitized by Google

Этому рейхстагу, состоящему изъ 32 членовъ, поручалось слѣдить за сохраненіемъ религіознаго мира и разбирать всѣ международныя недоразумѣнія. Если бы только каждое государство согласилось подчиняться требованіямъ рейхстага, то всякій элементъ для будущей войны былъ бы уничтоженъ тѣмъ самымъ. Король сообщилъ свой планъ министру Сюлли, который отнесся къ нему съ восторгомъ, и сейчасъ же вступилъ въ переговоры съ другими государствами.

Елизавета Англійская, папа, Голландія и многіе другіе уже были за него; былъ противъ только австрійскій домъ, потому, что отъ него требовались территоріальныя уступки, на что онъ не соглашался. Предстояло воевать, чтобы сломить это противодѣйствіе. Франція должна была выставить главную часть войска, отказываясь отъ всякаго увеличенія владѣній, единственная цѣль похода и единственное условіе мира—обязать Австрію вступить въ союзъ. Всѣ приготовленія были уже сдѣланы и Генрихъ IV намѣревался самъ стать во главѣ войска, какъ вдругъ 13 мая 1610 г. онъ погибъ отъ руки безумнаго монаха.

Никто изъ его преемниковъ, ни одинъ изъ государей, не возвращался болѣе къ этому достославному плану общенароднаго счастья. Регенты и политики оставались вѣрны старому, военному духу но мыслители всѣхъ странъ не дали погибнуть идеѣ мира.

Въ 1647 г. образуется секта квакеровъ, основой ученія которой служитъ проклятіе войны.

Въ томъ же году Вилліамъ Пеннъ издаетъ свое сочиненіе о будущемъ мирѣ Европы, опираясь здѣсь на планъ Генриха IV.

Въ началѣ 18 столѣтія появляется знаменитая книга «La paix perpétuelle» аббата де-Сенъ-Пьера. Одновременно проводитъ ту же идею въ своемъ сочиненіи Ландграфъ Гессенскій и Лейбницъ пишетъ къ нему сочувственный комментарій.

Вольтеру принадлежитъ слѣдующее изреченіе: «Каждая европейская война есть война междуусобная».

Мирабо въ достопамятное засѣданіе 25 августа 1790 г. говоритъ слѣдующее:

«Быть можетъ, то время близко, когда свобода, неограниченная властительница обоихъ полушарій, исполнитъ желаніе философовъ—освободитъ человѣчество отъ грѣха войны и возвѣститъ вѣчный миръ. Тогда счастье народовъ будетъ единственною цѣлью законодателя, единственною славою націй».

Digitized by Google

Въ 1795 году пишетъ одинъ изъ величайшихъ мыслителей всѣхъ временъ, Эммануилъ Кантъ, свой трактатъ «О вѣчномъ мирѣ». Англійскій публицистъ Бентамъ присоединяется съ увлеченіемъ къ все увеличивающемуся числу представителей мира— Фурье, Сенъ-Симонъ и др.

Беранже сочиняетъ «Священный союзъ народовъ», Ламартинъ—«Marseillaise de la Paix».

Въ Женевѣ графъ Целлонъ основываетъ общество мира, отъ имени котораго вступаетъ, въ цѣляхъ пропаганды, въ переписку со всѣми правителями Европы. Изъ Америки, изъ Массачузета прибываетъ «ученый» кузнецъ, Елигу Бурритъ, и разбрасываетъ свои «Оливковые листы» и свои «Искры изъ-подъ молота» въ милліонѣ экземпляровъ, въ 1849 г. онъ предсѣдательствуетъ въ одномъ засѣданіи англійскихъ друзей мира. На парижскомъ конгрессѣ, которымъ закончилась крымская война, идея мира проникла въ дипломатію посредствомъ одного параграфа, который былъ прибавленъ къ договору; въ силу чего державы обязывались при будущихъ столкновеніяхъ обращаться къ посредникамъ. Слѣдовательно, въ принципѣ третейскій судъ былъ признанъ—только на дѣлѣ онъ не примѣнялся.

Въ 1863 году французское правительство предложило державамъ собрать конгрессъ для обсужденія основнаго положенія всеобщаго разоруженія и предохраненія отъ возможности будущихъ войнъ.

Скудно пополнялись въ то время записи въ мой протоколъ! За то потомъ это измѣнилось. Во всякомъ случаѣ одно было ясно, что возможность всеобщаго мира уже издавна имѣлась въ виду. Но такъ какъ это были одиночные голоса, отдѣленные большими промежутками времени, то они скоро переставали раздаваться, не только не замѣченные, но часто не слышные. Это участь всѣхъ открытій, всякаго движенія впередъ, всякаго роста.

Весны еще нѣтъ, но ужь все предвѣщаетъ
Весны намъ желанный приходъ.
Когда-же она зацаритъ всепобѣдно,
То все съ нею вмѣстѣ тогда запоетъ.
Подобно и жизни, и мысли теченье,—
Вначалѣ не слышною льется струей,
Но время настанетъ, тогда во мгновенье
Охватитъ весь міръ всемогущей волной.

* *
*

Опять приближалось трудное для меня время. Но на этотъ разъ это было не то, что тогда, когда Фридриху пришлось меня

Digitized by Google

покинуть изъ-за Аугустенбурга. На этотъ разъ онъ былъ подлѣ меня какъ подобаетъ мужу: своимъ присутствіемъ, своимъ сочувствіемъ онъ облегчалъ мои страданія. Сознаніе, что онъ тутъ, было для меня такимъ счастьемъ, такимъ успокоеніемъ, что я почти забывала физическую боль.

Дѣвочка! Наше тайное желаніе исполнилось. Всѣ радости, которыя можетъ дать сынъ, намъ ихъ даетъ нашъ маленькій Рудольфъ, теперь намъ предстояли еще радости, которыя можетъ внести въ жизнь родителей дочка. Мы ни минуты не сомнѣвались, что наша маленькая Сильвія будетъ олицетвореніемъ красоты, кротости, миловидности—всѣхъ добродѣтелей.

О томъ, какой милый вздоръ мы болтали надъ ея люлькой, какими дѣтьми мы съ ней сами бывали, не хочу даже пробовать разсказывать.

Это можетъ быть понятно только для влюбленныхъ родителей, а они сами, вѣроятно, бывали такими же безумными, какъ мы.

Какъ счастье, однако, эгоистично! Мы переживали время, когда для насъ не существовало ничего, кромѣ нашего домашняго рая. Весь ужасъ холерной недѣли сталъ казаться мнѣ тяжелымъ сномъ; Фридрихъ тоже относился къ преслѣдованію своей цѣли съ меньшимъ жаромъ. И было отчего опустить руки,—всѣ относились къ такого рода идеямъ или съ пожиманіемъ плечъ, или съ улыбкою состраданія, и съ наставленіями—таковъ уже міръ Божій; ему, міру, нужно не только, чтобы его обманывали, но чтобы существовало несчастье; когда ему предлагаютъ возможность уничтожить печаль и горе, это называютъ «утопіею», «дѣтскими бреднями» и онъ ничему не внимаетъ. Тѣмъ не менѣе, Фридрихъ не упускалъ изъ виду своей цѣли. Онъ все болѣе и болѣе углублялся въ изученіе международнаго права, завелъ переписку съ Блюнчли и другими учеными этой отрасли. Одновременно, вмѣстѣ со мною, онъ усердно занимался и естественными науками. Онъ задумалъ написать большое сочиненіе о войнѣ и мирѣ. Но прежде чѣмъ приняться за это, онъ желалъ хорошенько себя подготовить. — Хотя я, и старый королевско-императорскій полковникъ,—говорилъ онъ,—и многіе изъ моихъ сверстниковъ по годамъ и службѣ постыдились бы приняться за ученье... Обыкновенно считаютъ себя за необычайно свѣдующихъ людей, когда въ извѣстные годы пользуются положеніемъ или дожили до сѣдыхъ волосъ; я тоже нѣсколько лѣтъ назадъ былъ удивительнаго мнѣнія о своей персонѣ... но мой кругозоръ расширился, меня коснулся духъ но-

Digitized by Google

ваго времени и я позналъ свое невѣжество... По всѣмъ отраслямъ сдѣланы теперь новыя открытія, о которыхъ въ мое время совсѣмъ не учили, или учили какъ разъ противоположное тому, что есть — и вотъ теперь, несмотря на мои сѣдые виски, приходится начинать съ начала.

Зиму послѣ рожденія Сильвіи мы провели въ тиши въ Вѣнѣ. Слѣдующую весну мы пропутешествовали по Италіи. Ознакомиться со свѣтомъ входило тоже въ программу нашей жизни. Мы были богаты, свободны, ничто не мѣшало намъ слѣдовать нашей программѣ. Положимъ, маленькія дѣти не особенно удобны въ путешествіяхъ, но когда есть возможность имѣть достаточное количество боннъ и нянекъ, всѣ эти неудобства устраняются. У меня была старушка-няня, которая выняньчила меня и сестеръ, затѣмъ вышла замужъ за чиновника и овдовѣла. Эта «фрау Анна» пользовалась моимъ полнымъ довѣріемъ и я могла спокойно оставлять Сильвію на ея рукахъ, когда намъ съ Фридрихомъ случалось уѣзжать на нѣсколько дней изъ нашей главной квартиры. Рудольфъ тоже былъ въ вѣрныхъ рукахъ, оставаясь со своимъ мистеромъ Фостеромъ. Но случалось часто, что мы брали восьмилѣтняго мальчика съ собой.

То были хорошія времена!.. Жаль, что я тогда такъ мало заглядывала въ мои красныя тетрадки—какъ разъ въ то время я бы могла вписать въ нихъ много прекраснаго, интереснаго. веселаго; но я все это пропустила и потому отдѣльныя подробности тѣхъ годовъ не сохранились у меня въ памяти—у меня удержалось отъ нихъ только общее впечатлѣніе.

Въ «Протоколъ мира» мнѣ удалось внести нѣчто радостное. А именно—появилась одна статья въ газетѣ за подписью Б. Демуленъ, въ которой предлагалось французскому правительству стать во главѣ европейскихъ державъ и подать примѣръ разоруженія.

«Этимъ Франція обезпечитъ себѣ союзъ и искреннюю дружбу всѣхъ державъ, которыя перестанутъ бояться Франціи, въ содѣйствіи которой онѣ нуждались. Такимъ образомъ всеобщее разоруженіе ввелось-бы само собою, принципъ завоеванія пересталъ-бы существовать, и конфедерація государствъ естественнымъ путемъ образовала-бы высшій судъ международной справедливости, который путемъ третейскаго суда могъ-бы разбирать всѣ споры, которыхъ война никогда не разрѣшала. Такимъ образомъ, Франція пріобрѣла бы единственно дѣйствительную и прочную силу—именно права, и открыла-бы человѣчеству новую эру полную славы» (Opinion Nationale 25 іюля 1868).

Digitized by Google

На эту статью, конечно, опять-таки не было обращено вниманія.

Зиму 1868 по 1869 г. мы снова провели въ Парижѣ и на этотъ разъ—намъ хотѣлось узнать жизнь и съ этой стороны—мы окунулись въ «большой свѣтъ».

Хотя это было довольно утомительно, но на короткое время —очень интересно. Чтобы быть у себя — мы наняли себѣ маленькій меблированный домъ въ кварталѣ «Champs Elysées», гдѣ мы иногда могли сдѣлать «revanche» нашимъ многочисленнымъ знакомымъ, которые то и дѣло приглашали насъ на какіе-нибудь фестивалы. Черезъ нашего посланника мы попали ко двору и бывали на понедѣльникахъ императрицы.

Кромѣ того, мы бывали у всѣхъ пословъ, мы имѣли доступъ въ салоны принцессы Матильды, герцогини де-Муши, королевы испанской Изабеллы, и т. д. Мы познакомились со многими литературными звѣздами. Конечно, не съ самой большой — ибо эта—я разумѣю Виктора Гюго, находилась въ изгнаніи; но мы встрѣчались съ Ренаномъ, съ Дюма—отцомъ и сыномъ, съ Октавомъ Фелье, съ Жоржъ Зандъ, Арсенемъ Гуссе и другими. У Гуссе мы были даже на одномъ костюмированномъ балу. Когда авторъ «Grandes dames» устраивалъ венеціанскіе праздники въ своемъ роскошномъ маленькомъ отелѣ въ «Avenue Fridland», дамы высшаго общества, подъ защитою масокъ, являлись посмотрѣть вблизи на «petites dames», извѣстныхъ актрисъ и др., которыя щеголяли здѣсь своими брилліантами и остроуміемъ.

Кромѣ того, мы усердно посѣщали театръ.

По крайней мѣрѣ, три вечера въ недѣлю мы проводили въ театрѣ, или въ итальянской оперѣ, гдѣ плѣняла слушателей Аделина Патти, только что объявленная невѣстой маркиза де-Ко—или во французскомъ театрѣ, или въ какомъ нибудь маленькомъ бульварномъ театрѣ, чтобы посмотрѣть на Шнейдеръ въ роли Герольштейнской герцогини, или на другихъ опереточныхъ и водевильныхъ знаменитостей.

Пресмѣшно, право, когда окунешься во весь этотъ водоворотъ блеска и суеты «большого свѣта»,—до чего начинаютъ казаться важными всѣ требованія царствующей въ немъ элегантности и «шика» (тогда еще употреблялось слово: «chic»). Въ театрѣ нельзя сидѣть въ ложѣ выше бель-этажа, нельзя показаться въ «Bois de Boulonge» не въ безукоризненномъ экипажѣ, нельзя являться на придворный балъ иначе, какъ въ туалетѣ отъ Ворта въ 2.000 фр., нельзя сѣсть за столъ, даже безъ гос-

Digitized by Google

тей, безъ доклада почтеннаго «maître d'hôtel»: (Madam la baronne est servie...), необходимо, чтобы нѣсколько лакеевъ подавало самыя изысканныя вина, самыя тонкія кушанья: всякое отступленіе въ данномъ случаѣ считалось бы за серьезное нарушеніе этикета...

Какъ легко можно въ такомъ водоворотѣ пустоты закружиться до того, что всѣ мысли и чувства будутъ полны только этой суетой; можно все забыть, перестать интересоваться всѣмъ, что дѣлается въ дѣйствительномъ мірѣ извнѣ—даже интересами личной жизни, домашнимъ счастіемъ. Вѣроятно, я бы не избѣгла такого результата, если бы около меня не было Фридриха; онъ былъ не изъ такихъ, чтобъ увлечься и быть поглощеннымъ жизнью парижской «haute vie». Его ничто не могло заставить забыть общихъ міровыхъ вопросовъ, ни нашъ домашній очагъ. Нѣсколько часовъ въ днѣ посвящались чтенію и семейной жизни и такимъ образомъ намъ удавалось пользоваться удовольствіями безъ ущерба для нашего счастья. Къ намъ, австрійцамъ, въ Парижѣ относились съ большою симпатіею. Въ политическихъ разговорахъ часто говорилось о «Revanche de Sadowa» какъ о чемъ-то несомнѣнномъ, какъ будто несправедливость, которую мы претерпѣли два года назадъ, должна быть непремѣнно исправлена. Какъ будто такія вещи можно исправлять! Если удары заглаживаются опять таки ударами, то гдѣ же предѣлъ имъ? Именно мужу моему и мнѣ—потому, что онъ былъ военнымъ и участвовалъ въ богемскомъ походѣ—думая сказать намъ нѣчто удивительно пріятное, оказать намъ особое вниманіе, особенно часто говорили объ этой несомнѣнной отместкѣ за Садову, необходимой для европейскаго равновѣсія и обезпечивающей политико-дипломатическія мѣропріятія. Дать Пруссіи «щелчокъ» при первомъ представившемся случаѣ было необходимо съ точки зрѣнія международной педагогики. Дѣло не приметъ-же трагическаго оборота, а не мѣшаетъ имъ поубавить спѣси. Можетъ быть, имъ достаточно будетъ и этой, на стѣнѣ висящей, плетки, а окажется мало, если они задумаютъ какія нибудь махинаціи, то вѣдь ихъ предупреждали, что они попробуютъ этой плетки—«Revanche de Sadowa».

Мы, конечно, рѣшительно отклоняли такія утѣшенія. Старое горе не смѣняется новымъ горемъ, точно также какъ старая несправедливость не заглаживается новою несправедливостью. Мы завѣряли, что наше единственное желаніе, чтобы миръ болѣе не нарушался. Таково было и желаніе Наполеона III; по крайней мѣрѣ, онъ увѣрялъ въ этомъ. Мы такъ часто встрѣчались съ лицами, къ нему близко стоявшими, что имѣли возмож-

Digitized by Google

ность знать его политическіе взгляды, какіе онъ высказывалъ въ интимномъ кругу. Онъ не только желалъ мира въ данное время, но носился съ намѣреніемъ предложить державамъ всеобщее разоруженіе. Но привести свое намѣреніе въ исполненіе мѣшало ему въ данную минуту внутреннее положеніе дѣлъ. Въ населеніи кипѣло и бродило неудовольствіе, и у трона стояла партія, старавшаяся доказать, что тронъ можно укрѣпить только счастливою внѣшней войною: слѣдуетъ-де предпринять маленькую побѣдоносную прогулку на Рейнъ и блескъ, и прочность Наполеоновской династіи обезпечена. «Il faut faire grand», увѣряли совѣтчики. «Жаль, говорили они, что не состоялась въ прошломъ году война по поводу люксембургскаго вопроса — съ обѣихъ сторонъ шли уже успѣшныя приготовленія, и теперь уже дѣло было бы сдѣлано... Все равно, рано или поздно, война Франціи съ Пруссіей неизбѣжна... И вотъ все въ такомъ духѣ шло подстрекательство, но только слабое эхо его доносилось до насъ.

Такія вещи безпрестанно читаешь въ газетахъ, къ нимъ привыкаешь такъ же какъ къ равномѣрному прибою волнъ на морскомъ берегу, причемъ вовсе не помышляешь о бурѣ; подъ шумъ его слушаешь музыку, исполняющую на берегу веселые мотивы—раскатъ волны служитъ только слабымъ, незамѣчаемымъ акомпаниментомъ басамъ.

* * *

Веселье и шумъ удовольствій дошелъ до своихъ высшихъ предѣловъ въ весенніе мѣсяцы. Тутъ прибавились еще катанья въ «Bois de Boulogne» въ открытыхъ экипажахъ, разныя выставки картинъ, празднества въ садахъ, скачки, пикники за городъ, а ко всему этому прежніе театры, визиты, обѣды, вечера какъ зимою. Мы уже начинали сильно подумывать о покоѣ. Такая жизнь только тогда полна прелести, когда она въ связи съ кокетствомъ и любовными исторіями. Для барышень, которыя ищутъ себѣ мужей, для дамъ, которыя любятъ, чтобы за ними ухаживали, для мужчинъ, которые любятъ похожденія—понятно, каждое новое празднество, гдѣ является возможность встрѣтиться съ предметомъ страсти—интересно, но намъ съ Фридрихомъ... Я всецѣло принадлежала моему мужу: не поощряла никого ни однимъ взглядомъ къ ухаживанью за собою,—говорю это безъ всякой гордости добродѣтелью. Это было совершенно естественно. Не знаю, что было бы при другихъ условіяхъ, можетъ быть, и я не устояла бы противъ всѣхъ искушеній, которымъ подвергается красивая, молодая женщина, въ такомъ водоворотѣ удовольствій,

Digitized by Google

но когда въ сердцѣ такая глубокая любовь, какъ у меня была къ Фридриху, любовь раздѣленная, которой я была обязана столькимъ счастьемъ, тогда вполнѣ застрахованъ отъ всякой опасности. Что касается его—былъ-ли онъ мнѣ вѣренъ—могу сказать одно: я въ этомъ ни минуты не сомнѣвалась.

Когда настало лѣто, прошло время «Grand-prix» и парижское общество стало разъѣзжаться: одни—въ Трувилль и Діеппъ, другіе въ Біаррицъ и Виши, кто въ Баденъ-Баденъ, кто въ свои замки—принцесса Матильда въ St.-Gratien, дворъ въ Компіэнь, насъ стали осаждать разными приглашеніями, но мы совсѣмъ не имѣли намѣренія лѣтомъ продолжать зимнюю жизнь съ ея роскошью и удовольствіями. Въ Грумитцъ я боялась ѣхать, боялась, чтобы не ожили всѣ пережитыя тяжелыя впечатлѣнія, да и тамъ кругомъ было много родственниковъ и знакомыхъ, и мы опять не были бы одни. И потому мы остановились на уединенномъ, тихомъ мѣстечкѣ въ Швейцаріи.

Мы обѣщали нашимъ парижскимъ друзьямъ вернуться къ нимъ на зиму и, веселые, какъ школьники во время вакацій, отправились въ наше лѣтнее путешествіе.

Это былъ дѣйствительно настоящій отдыхъ. Длинныя прогулки, чтеніе цѣлыми часами, цѣлые часы для игры съ дѣтьми и никакого вписыванія въ красныя тетрадки — признакъ беззаботности и душевнаго покоя.

Европа тоже казалась беззаботною и покойною. По крайней мѣрѣ, «черной точки» нигдѣ не было видно. Даже о знаменитой «Revanche de Sadowa» не было слышно. Моимъ самымъ большимъ огорченіемъ было, съ годъ введенная у насъ, въ Австріи, всеобщая воинская повинность. Я не могла привыкнуть къ мысли, что мой Рудольфъ современемъ *долженъ* быть солдатомъ. А еще люди фантазируютъ о свободѣ!

— Всего одинъ годъ «вольноопредѣляющимся», — утѣшалъ меня Фридрихъ,—это не долго.

Я покачала головой:

— Даже если всего одинъ день! Нельзя никого насильно заставлять нести службу, которую онъ можетъ быть ненавидитъ, хотя бы на одинъ день; этотъ одинъ день ему придется притворяться, клясться, что онъ съ радостью исполняетъ то, что онъ на самомъ дѣлѣ ненавидитъ, однимъ словомъ — лгать; а я бы желала, чтобы онъ прежде всего былъ правдивъ.

— Въ такомъ случаѣ, моя милая, ему слѣдовало бы родиться на 200 лѣтъ позже,—замѣтилъ Фридрихъ.

Digitized by Google

Совершенно правдивымъ можетъ быть только человѣкъ совершенно свободный, а въ наше время правда и свобода еще не въ большомъ почетѣ, это мнѣ дѣлается все яснѣе и яснѣе, чѣмъ больше я углубляюсь въ мои изслѣдованія.

Теперь, въ нашемъ уединеніи, въ далекѣ отъ свѣта, у Фридриха было вдвое больше времени для занятій и онъ работалъ съ увлеченіемъ. Какъ ни жилось намъ хорошо, счастливо въ нашемъ уединеніи, мы всетаки оставались при намѣреніи провести зиму въ Парижѣ. Но на этотъ разъ не для того, чтобы веселиться, а чтобы по возможности посодѣйствовать на дѣлѣ нашей жизненной задачѣ. Хотя у насъ не было увѣренности достичь чего нибудь, но даже тѣнь надежды на возможность сдѣлать что нибудь для дѣла, которое считаешь самымъ достойнымъ на свѣтѣ, вмѣняетъ въ обязанность попытать счастье.

Въ нашихъ бесѣдахъ мы припоминали о томъ что слышали въ Парижѣ отъ приближенныхъ Наполеона, о планѣ его предложить державамъ всеобщее разоруженіе. Мы ухватились за это и возлагали на это наши надежды и упованія. Фридрихъ въ своихъ изслѣдованіяхъ напалъ на мемуары Сюлли, въ которыхъ онъ нашелъ планъ мира Генриха IV во всѣхъ подробностяхъ. Копію съ него мы хотѣли доставить императору французовъ, затѣмъ мы намѣревались попробовать, черезъ наши связи въ Австріи и Пруссіи, оба эти правительства подготовить къ предложенію Франціи. Это я могла сдѣлать черезъ министра «во всякомъ случаѣ», а у Фридриха въ Берлинѣ былъ родственникъ, пользовавшійся вліяніемъ въ политическомъ кругу и очень поставленный при дворѣ.

Но въ декабрѣ, когда мы собирались перебраться въ Парижъ, наша радость, наша маленькая Сильвія заболѣла. О, какое это было ужасное время!. Конечно, Наполеонъ III и Генрихъ IV отошли на задній планъ: наша дѣвочка была при смерти! Но она не умерла. Черезъ двѣ недѣли всякая опасность миновала, но докторъ запретилъ намъ вести дѣвочку зимою и потому мы отложили нашу поѣздку въ Парижъ на мартъ. Эта болѣзнь, выздоровленіе, опасность и возвратъ къ жизни—все это страшно потрясло насъ и сблизило насъ еще больше, хотя это мнѣ и казалось уже невозможнымъ.

Общій страхъ передъ несчастіемъ, котораго боишься безпокоясь за другого, общія слезы радости, когда это несчастіе миновало—есть отчего слиться двумъ душамъ въ одну.

Digitized by Google

Книга шестая.

1870 годъ.

Предчувствія? Ихъ не существуетъ. Иначе Парижъ не могъ бы произвести на меня такого свѣтлаго, сулившаго радость впечатлѣнія, при въѣздѣ нашемъ въ него въ одинъ солнечный день, въ мартѣ 1870 года. Въ настоящее время извѣстно, какіе ужасы предстояли тогда этому городу въ ближайшемъ будущемъ, но у меня не закрадывалось ни малѣйшаго мрачнаго предчувствія.

Черезъ коммиссіонера Джона Артура заранѣе заняли мы тотъ же самый отель, въ которомъ жили въ прошломъ году, и у подъѣзда его были встрѣчены прошлогоднимъ же нашимъ maitre d'hôtel'емъ. Направляясь къ нашей квартирѣ, мы должны были проѣхать черезъ Елисейскія поля — это былъ какъ разъ часъ гулянья въ Bois—и мы встрѣтили тутъ многихъ старыхъ своихъ знакомыхъ и обмѣнялись съ ними веселыми привѣтствіями. Множество маленькихъ тачекъ съ фіалками, которыя въ это время года развозятъ по улицамъ Парижа, наполняли воздухъ тысячами весеннихъ обѣтованій; солнечные лучи сверкали и переливались радужными цвѣтами въ фонтанахъ круглой площади и нанизывали маленькія искорки на каретные фонари и лошадиную сбрую экипажей многочисленной публики. Мимо насъ проѣхала также и красивая Императрица, въ экипажѣ, запряженномъ à la Daumont и, узнавъ меня, сдѣлала привѣтственный жестъ рукой.

Бываютъ такія отдѣльныя картины и сцены, которыя фотографируются и фонографируются въ памяти, вмѣстѣ съ сопро-

Digitized by Google

вождавшими ихъ ощущеніями и нѣкоторыми произнесенными въ то же время словами. «Прелестный однако этотъ Парижъ!» воскликнулъ тогда Фридрихъ. — Мое же ощущеніе, вызванное предстоящимъ пребываніемъ въ Парижѣ, прямо походило на дѣтскую радость. Еслибъ я знала, что̀ грозило мнѣ и всему этому въ блескѣ и весельѣ потонувшему городу!.. На этотъ разъ мы избѣгали, по прошлогоднему, завертѣться въ водоворотѣ свѣтскихъ удовольствій, объявили, что не будемъ принимать приглашенія на балы и уклонялись отъ пріемовъ большихъ. Театра также не посѣщали мы болѣе такъ часто, какъ прежде — развѣ когда какая-нибудь пьеса обращала на себя всеобщее вниманіе — и такимъ образомъ большинство нашихъ вечеровъ проводили дома одни, или въ обществѣ немногихъ друзей.

Что-же касается нашихъ плановъ относительно идеи императора о разоруженіи, то мы собственно потерпѣли тутъ фіаско. Хотя Наполеонъ III и не отказался вполнѣ отъ своей идеи, но настоящій моментъ оказывался для выполненія ея положительно непригоднымъ. Среди лицъ, близко стоявшихъ у трона, было извѣстно, что тронъ этотъ весьма шатокъ, громадное недовольство кипѣло и бродило въ народѣ, для сдерживанія котораго усилены были всѣ полицейскія и цензурныя мѣры, что̀ порождало только еще бо̀льшее недовольство. Единственное, что, по словамъ свѣдущихъ людей, могло-бы придать династіи блескъ и прочность,—это удачный походъ... Правда, въ близкомъ будущемъ ничего подобнаго не предвидѣлось, но подымать теперь рѣчь о разоруженіи было-бы уже совсѣмъ не кстати; такимъ образомъ разсѣялся-бы весь ореолъ Бонапартовъ, зиждившійся на унаслѣдованной славѣ Наполеона Великаго. Помимо того, изъ Пруссіи и Австріи, на наши запросы, мы не получили никакихъ утѣшительныхъ извѣстій. Тамъ началась эра усиленія военной силы (слово «армія» стало выходить тогда изъ моды), и слово разоруженіе звучало-бы грубымъ диссонансомъ. Напротивъ того, для сохраненія благъ мира, слѣдовало-де «военную силу» укрѣпить, какъ можно лучше — французамъ довѣрять вѣдь невозможно... русскимъ точно также... объ итальянцахъ и говорить нечего; тѣ какъ разъ нападутъ черезъ Тріестъ или Тріентъ, только-бы къ тому представился случай, однимъ словомъ, слѣдуетъ неукоснительно заботиться о развитіи системы ландвера.

— Время еще не приспѣло,—замѣтилъ Фридрихъ, когда мы

Digitized by Google

получили эти извѣстія. — И отъ надежды на то, что я лично могу ускорить наступленіе желаннаго момента, а тѣмъ болѣе увидѣть, какъ будутъ всходить желанные плоды, — отъ этой надежды слѣдуетъ благоразумно отказаться... Моя доля вклада совсѣмъ ничтожна. Но съ того часа, когда эту ничтожную долю я призналъ за свою обязанность, она представляется мнѣ уже великой, и я терпѣливо буду ждать конца.

Но хотя въ данномъ случаѣ проектъ разоруженія какъ бы пошелъ ко дну, все-же у меня было успокоеніе, что никакой войны не предвидѣлось. Военная партія при дворѣ и среди населенія, полагавшая, что «династія должна возродиться въ крови» и что слава страны пріумножится тогда на нѣкоторую крупицу, вынуждена была отказаться отъ плановъ наступленія и отъ заманчивой «прогулки къ Рейну». Ибо у Франціи не было союзниковъ; въ странѣ царила страшная засуха, впереди предстоялъ голодъ, приходилось продавать войсковыхъ лошадей, въ политикѣ нигдѣ никакихъ сомнительныхъ «вопросовъ», контингентъ рекрутовъ былъ ограниченъ законодательнымъ корпусомъ, словомъ, какъ провозглашалъ Оливье въ данномъ случаѣ съ своей трибуны: миръ Европы обезпеченъ. «Обезпеченъ». Это слово радовало меня. Оно повторялось во всѣхъ газетахъ, и многія тысячи людей радовались вмѣстѣ со мной. Что же, для большинства людей, можетъ быть лучше обезпеченнаго мира?

Но цѣну этой обезпеченности, объявленной государственнымъ человѣкомъ 30-го іюня 1870 года, въ настоящее время познали мы всѣ. Хотя собственно и тогда могли бы мы уже знать, что подобныя увѣренія государственныхъ людей, которымъ публика всегда неизмѣнно внимаетъ съ одинаковымъ наивнымъ довѣріемъ, не заключаютъ въ себѣ никакого, ну, ни малѣйшаго основанія. Европейское положеніе не представляетъ никакого тревожнаго вопроса», и потому, видите ли, миръ обезпеченъ. Какая жалкая логика! Да и каждую минуту могутъ всплыть эти самые вопросы. Только тогда люди были бы застрахованы отъ войны, если бы на такой случай на готовѣ имѣлось иное средство помимо войны.

* * *

Парижское общество снова разбрелось по всѣмъ направленіямъ. Мы же, изъ-за дѣлъ, остались въ городѣ. Намъ представился чрезвычайно выгодный случай покупки. Вслѣдствіе внезапнаго отъѣзда одного американца, въ Avenue de l'Impératrice поступилъ въ продажу небольшой, на половину отдѣланный

Digitized by Google

отель, и именно за такую цѣну, которая немногимъ превышала сумму, потраченную уже на отдѣлку и убранство его. Въ виду нашего намѣренія и впредь проводить ежегодно по нѣскольку мѣсяцевъ въ Парижѣ, а также въ виду того, что данное пріобрѣтеніе въ то же время представляло прекрасный случай,— мы ударили по рукамъ. Намъ хотѣлось самимъ наблюдать за окончательной отдѣлкой отеля и съ этой цѣлью мы остались въ Парижѣ. Убранство собственнаго своего гнѣздышка заключаетъ въ себѣ столько прелести, что мы охотно помирились съ неудовольствіемъ провести лѣто въ городѣ.

Впрочемъ, и по части общества не было у насъ недостатка. Дворецъ принцессы Матильды, St.-Gratien, затѣмъ замокъ Муши, далѣе помѣстья барона Ротшильда Ferrières и еще много разныхъ другихъ лѣтнихъ резиденцій нашихъ знакомыхъ были расположены по близости отъ Парижа, такъ что разъ или два въ недѣлю то туда, то сюда носили мы визиты.

Помню, что именно въ салонѣ принцессы Матильды довелось мнѣ впервые услыхать про тотъ «вопросъ», которому предстояло обратиться въ «тревожный».

Послѣ завтрака à la fourchette, общество расположилось на террасѣ, выходившей въ паркъ. Изъ кого состояло все наше общество, теперь уже не припомню,—только двѣ личности изъ присутствовавшихъ остались въ моей памяти: Тэнъ и Ренанъ. Остроумная хозяйка St.-Gratien'а любила окружать себя крупными литературными и учеными звѣздами.

Разговоръ отличался большой живостью, и помню, что больше всѣхъ говорилъ Ренанъ, изощряясь въ блестящемъ остроуміи. Авторъ «Жизни Іисуса» можетъ служить яркимъ примѣромъ того, какъ при невообразимомъ безобразіи человѣкъ можетъ быть неотразимо привлекательнымъ.

Наконецъ разговоръ перешелъ на политику. Для испанскаго престола разыскивали кандидата... Говорили, будто одному гогенцоллернскому принцу предстояло получить корону... Я почти не слушала, ибо что-же могло быть безразличнѣе для меня, да и для всѣхъ присутствовавшихъ, какъ не испанскій тронъ и тотъ, кто будетъ занимать его?.. Но вдругъ кто-то произнесъ:

— Гогенцоллернъ? Этого Франція не потерпитъ!

Словомъ этимъ кольнуло мнѣ въ сердце,—что-же обозначаетъ это «не потерпитъ»? Если это говорится именемъ страны; то мысленно вамъ представляется олицетвореніе этой страны, въ видѣ статуи исполинской молодой дѣвушки, съ капризно закинутой назадъ головой, схватившейся рукою за рукоятку меча.

Digitized by Google

Скоро однако разговоръ перешелъ опять на другую тему. Никто изъ насъ не предчувствовалъ, сколь ужасными послѣдствіями предстояло еще ознаменоваться этому испанскому вопросу. И я въ томъ числѣ, конечно. У меня засѣло только въ головѣ надменное выраженіе: «этого Франція не потерпитъ», да вмѣстѣ съ нимъ залегла въ памяти вся окружавшая обстановка.

Между тѣмъ, съ того времени испанскій вопросъ становился все громче и настоятельнѣе. Съ каждымъ днемъ газеты и салонные разговоры отводили ему все болѣе мѣста, и я знаю, что онъ мнѣ надоѣдалъ въ высшей степени. Ужь эта гогенцоллернская кандидатура,—вскорѣ ни о чемъ другомъ не было болѣе и рѣчи. И главное, говорили о ней съ такимъ раздраженіемъ, какъ будто бы Франціи ничего не могло быть обиднѣе этого инцидента. Большинство усматривали въ томъ вызовъ со стороны Пруссіи на борьбу. Разумѣется,—толковали всѣ,—Франція не можетъ потерпѣть такого факта, такъ что если и Гогенцоллернъ будетъ настаивать на своемъ, въ такомъ случаѣ это ясный вызовъ. Для меня это не было ясно. Впрочемъ, я оставалась покойной. Въ письмахъ, полученныхъ нами изъ Берлина, намъ сообщали изъ достовѣрнаго источника, что при Дворѣ не придаютъ ни малѣйшаго значенія тому обстоятелсьству, достанется ли испанская корона Гогенцоллерну. И потому мы гораздо болѣе занимались устройствомъ нашего дома, чѣмъ политикой.

Но мало по малу однако и мы стали внимательнѣе. Подобно тому, какъ передъ бурей по лѣсу проходитъ извѣстный шелестъ листьевъ, такъ точно передъ войной въ народѣ слышится перешептываніе извѣстныхъ голосовъ. «Nous aurons la guerre—nous aurons la guerre!» звучало въ воздухѣ Парижа. Тутъ мною овладѣлъ невыразимый страхъ. Не за своихъ боялась я на сей разъ, мы, австрійцы, не участвовали въ спектаклѣ. Напротивъ того: намъ предстояло быть можетъ «удовлетвореніе» — извѣстная месть за Садову. Но мы разучились смотрѣть на войну съ національной точки зрѣнія, а чѣмъ является война съ человѣческой, благородночеловѣческой точки зрѣнія, достаточно извѣстно всякому. Это выражаютъ слѣдующія слова, нѣкогда слышанныя мною изъ устъ Гюи де-Мопассана.

«Лишь только я вспомню о словѣ «война», мною овладѣваетъ смущеніе, какъ будто-бы мнѣ говорили о колдовствѣ, объ инквизиціи, о чемъ-то далекомъ, отжившемъ, ужасномъ, противоестественномъ...»

Когда пришло извѣстіе, что Примъ предложилъ корону принцу

Digitized by Google

Леопольду, герцогъ Грамонъ держалъ въ парламентѣ длинную рѣчь, встрѣченную съ большимъ одобреніемъ, приблизительно такого содержанія:

«Мы не вмѣшиваемся въ чужія дѣла, однако, не думаемъ также, чтобы уваженіе правъ сосѣдняго государства обязывало насъ попускать, чтобы чужая держава, возводя на тронъ Карла V, одного изъ своихъ принцевъ, къ нашему ущербу, нарушала существующее равновѣсіе европейскихъ силъ (Охъ это равновѣсіе—какой алчный до войны лицемѣръ изобрѣлъ эту пустую фразу!) и подвергала опасности интересы и честь Франціи».

Я знаю одну сказку Жоржъ Занда, подъ заглавіемъ «Gribouille». Этотъ «Gribouille» имѣетъ такую странную привычку, что, при видѣ дождевыхъ тучъ, изъ страха промокнуть, поспѣшно бросается въ воду. И когда мнѣ приходится слышать, что война объявляется съ цѣлью предотвратить грозящія опасности, мнѣ всегда вспоминается «Gribouille». Само собой разумѣется, что весь родъ Гогенцоллерновъ свободно могъ возсѣсть не только на престолъ Карла V, но также еще на различные другіе престолы, не причиняя притомъ французскимъ интересамъ и французской чести ни малѣйшаго вреда, выросшаго у нихъ изъ мудраго выраженія: «этого мы не потерпимъ».

«Мы питаемъ самую твердую увѣренность, — продолжалъ ораторъ,—что этого не случится. Въ данномъ случаѣ, мы разсчитываемъ на мудрость нѣмецкаго народа и на дружбу испанскаго. Если же обстоятельства сложились бы иначе, «тогда», милостивые государи, сильные вашей и народной поддержкой, мы съумѣемъ исполнить долгъ свой безъ колебанія и малодушія». (Бурное браво).

Послѣ этого началась газетная травля. Въ особенности горячился Жирарденъ, который всячески подзадоривалъ своихъ соотчичей наказать неслыханную дерзость пруссаковъ, заключающуюся въ этой кандидатурѣ трона. «Это,—толковалъ онъ,—унизило-бы достоинство Франціи, если-бы она не наложила здѣсь своего «veto»... конечно, Пруссія не уступитъ, такъ какъ эта обезумѣвшая страна ищетъ войны во что-бы то ни стало. Опьяненная своими успѣхами 1866 года, она и теперь считаетъ себя въ правѣ производить свои побѣдные и разбойничьи набѣги по ту сторону Рейна, но тутъ, слава Богу мы стоимъ на-лицо, для того, чтобы отвадить отъ подобнаго баловства задорныхъ . . . . и т. д. въ томъ-же тонѣ. Хотя Наполеонъ III, какъ мы узнали отъ его приближенныхъ, попрежнему желалъ сохраненія мира,

Digitized by Google

но изъ окружавшихъ его людей большинство находило, что война неизбѣжна, что, въ виду недовольства правительствомъ, существовавшаго въ народѣ,—самое лучшее-де, что можно было сдѣлать, дабы обезпечить за собою престижъ славолюбивой страны,— это удачная война: «il faut faire grand»,

Затѣмъ начался опросъ всѣхъ европейскихъ кабинетовъ по поводу даннаго положенія дѣлъ. Каждый изъ нихъ заявлялъ о своемъ желаніи мира. Въ Германіи былъ опубликованъ манифестъ, исходившій изъ среды народа, подписанный между прочимъ также и Либкнехтомъ, гдѣ говорилось, что «самая мысль о нѣмецко-французской войнѣ есть преступленіе». При этомъ я узнаю и могу внести это въ мой протоколъ мира: «что существуетъ большой союзъ, насчитывающій сотни тысячъ сочленовъ, который однимъ изъ пунктовъ своей программы поставилъ искорененіе сословныхъ и національныхъ предразсудковъ».

Бенедетти было поручено предложить прусскому королю воспретить принцу Леопольду принятіе короны. Король Вильгельмъ находился въ то время въ Эмсѣ на водахъ. Бенедетти отправился туда и 9 іюля ему дана была аудіенція.

Каковъ-то будетъ ея исходъ? Жду извѣстій съ трепетомъ.

Отвѣтъ короля былъ очень простъ: онъ-де ничего не можетъ воспрещать совершеннолѣтнему принцу.

Отвѣтъ этотъ привелъ сторонниковъ войны въ ликующій восторгъ: «такъ, значитъ, они желаютъ таки добиться войны?... Хотятъ раздражить насъ до послѣдней крайности. Чтобы глава дома не могъ ничего воспретить или приказать одному изъ членовъ своей семьи? Смѣшно! Да это, очевидно, заранѣе условленный комплотъ. Гогенцоллерны желаютъ водвориться въ Испаніи и затѣмъ напасть на нашу страны съ востока и юга. И этого-то должны мы выжидать? Не прикажутъ ли намъ смиренно успокоиться, что нашъ протестъ оставленъ безъ вниманія? Никогда, мы знаемъ, что повелѣваютъ намъ честь и патріотизмъ!..

Все громче и громче, все болѣе неудержимо бушевали шумные предвѣстники урагана. Вдругъ 12 іюля пришло извѣстіе, наполнившее восторгомъ мою душу. Донъ Салюсто-Олоцаго оффиціально донесъ французскому правительству, что принцъ Леопольдъ Гогенцоллернскій, не желая подавать повода къ войнѣ, «отказался» отъ принятія предлагавшейся ему короны.»

Ну, слава Богу? такимъ образомъ весь «вопросъ» устранялся самъ собою. Извѣстіе это было сообщено въ парламентѣ, въ 12 часовъ пополудни, и Оливье заявилъ, что это обстоятельство

Digitized by Google

положило конецъ спору. Тѣмъ не менѣе въ тотъ же самый день (очевидно, въ исполненіе прежнихъ распоряженій) въ Мецъ двинуты были войска и провіантъ, и въ томъ же засѣданіи Клеманъ Дювернуа сдѣлалъ слѣдующій запросъ:

«Какія же имѣются у насъ гарантіи, что Пруссія снова не вызоветъ подобныхъ осложненій, въ родѣ этой кандидатуры на испанскій престолъ? Мы должны себя оградить».

Опять начались волненія «Gribouille'я»: пожалуй когда нибудь маленькій дождичекъ можетъ пригрозить замочить насъ, лучше ужь поскорѣе прямо въ рѣку! И снова отправленъ былъ Бенедетти въ Эмсъ, на сей разъ съ тѣмъ, чтобы предложить прусскому королю на вѣки вѣчные воспретить принцу Леопольду когда-бы то ни было возвращаться къ вопросу объ этой кандидатурѣ. Какъ-же можно отвѣчать на подобное желаніе, предписывать человѣку извѣстное дѣйствіе, къ которому онъ побуждался уже не разъ и прежде, какъ не нетерпѣливымъ пожиманіемъ плечами? Но вѣдь это должны-же были знать тѣ, которые заявляли подобное требованіе.

15 іюля состоялось новое достопамятное засѣданіе. Оливье потребовалъ для войны кредитъ въ пятьсотъ милліоновъ. «Тьеръ высказался противъ». Тогда Оливье возразилъ, что беретъ отвѣтственность передъ исторіей на себя. Прусскій король отказался принять французскаго посланника, что и было заявлено нотою французскому правительству. Лѣвая сторона требовала, чтобы ей показали эту ноту. Большинство шумно, голосованіемъ, отвергало представленіе этого (по всей вѣроятности, даже вовсе несуществовавшаго) документа. Это большинство согласилось на всѣ требованія правительства для войны. Такое патріотическое самопожертвованіе, безъ всякихъ колебаній одобрявшее погибель, конечно, было основательно превознесено готовыми трескучими фразами.

16 іюля. Англія слѣлала попытки помѣшать войнѣ. Напрасно... Да, если-бы существовали установленные третейскіе суды,—какъ легко и просто было-бы разрѣшено столь ничтожное столкновеніе.

19 іюля. Французскій посолъ въ Берлинѣ передалъ прусскому правительству объявленіе войны.

«Объявленіе войны». Эти два слова произносятся вполнѣ хладнокровно. Да и что-же особеннаго слѣдуетъ отсюда? Начало дѣятельности внѣшней политики и рядомъ съ нею полмилліона смертныхъ приговоровъ.

Этотъ актъ я также внесла въ красныя тетрадки. Вотъ онъ:

Digitized by Google

«Правительство е. в. императора французовъ не могло иначе посмотрѣть на проектъ возведенія прусскаго принца па испанскій престолъ, какъ на предпріятіе, противное территоріальной безопасности Франціи, и потому увидѣло себя вынужденнымъ потребовать отъ е. в. короля прусскаго удостовѣренія, что подобная комбинація, съ его согласія, впредь не возобновится. Но въ виду того, что е. в. не только отказалъ въ этомъ удостовѣреніи, а напротивъ того объявилъ нашему посланнику, что онъ находитъ нужнымъ удержать за собою возможность, въ случаѣ такого инцидента, сообразоваться съ обстоятельствами, то императорское правительство должно было въ этомъ заявленіи е. в. признать заднюю мысль, которая угрожаетъ Франціи и европейскому равновѣсію (вотъ оно опять на сценѣ эту пресловутое равновѣсіе: «Взгляните на эту полку съ драгоцѣнными чашами — она колеблется,—чаши могутъ упасть, давайте лучше перебьемъ ихъ...») Заявленіе это получило еще болѣе мрачную окраску, вслѣдствіе сообщенія, сдѣланнаго кабинету объ отказѣ императора принять нашего посла и вмѣстѣ съ нимъ еще разъ попытаться сколько нибудь выяснить это дѣло (слѣдовательно, судьба народовъ зависитъ отъ бо̀льшей или меньшей степени дружественныхъ отношеній между правителями и дипломатами...). Вслѣдствіе того французское правительство сочло долгомъ своимъ безотлагательно позаботиться о защитѣ (да, да, да, о защитѣ, —никакъ не о нападеніи) своего оскорбленнаго достоинства, своихъ задѣтыхъ интересовъ, и съ этой цѣлью порѣшило прибѣгнуть ко всѣмъ мѣрамъ, какія потребуются созданнымъ положеніемъ. Такимъ образомъ, съ этой поры оно считаетъ себя на военномъ положеніи съ Пруссіей».

«Военное положеніе»... Понимаетъ-ли тотъ, кто на зеленомъ сукнѣ письменнаго стола своего передаетъ бумагѣ эти слова, что онъ обмакиваетъ перо свое въ пламя, въ кровавыя слезы, въ чумный ядъ...

И такъ, на этотъ разъ буря разразилась изъ-за государя, котораго искали для какого-то вакантнаго трона, а также вслѣдствіе разговора, которымъ перекинулись между собою два монарха. Значитъ, Кантъ былъ таки правъ въ своемъ первомъ параграфѣ къ вѣчному миру: «Гражданскій строй государства долженъ быть республиканскимъ?»

Во всякомъ случаѣ, измѣненіе этого параграфа устранило бы нѣкоторые поводы къ войнѣ, ибо исторія показываетъ, какое множество походовъ предпринималось изъ-за династиче-

Digitized by Google

скихъ вопросовъ, да и всякое начало автократической власти основывается вѣдь исключительно на счастливомъ веденіи войнъ. Однако, и республики также воинственны. Это уже старый, варварскій духъ, который распаляетъ въ народахъ независимо отъ формы ихъ правленія, ненависть, драчливый задоръ и военное честолюбіе. Помню, какое совершенно своеобразное настроеніе охватило меня самое въ то время, когда подготовлялась и разразилась франко-прусская война. Этотъ томительный зной передъ наступленіемъ грозы и затѣмъ этотъ страшный ураганъ послѣ объявленія войны... Все населеніе охвачено было лихорадкой, и кто же можетъ спастись отъ подобной эпидеміи? Само собой разумѣется, по старому обыкновенію, на начало похода смотрѣли уже, какъ на побѣдоносное шествіе, какъ того требовалъ патріотическій долгъ. «A Berlin! à Berlin!» раздавались ликующіе возгласы по улицамъ и съ имперіаловъ омнибусовъ. Марсельеза слышалась по всѣмъ угламъ и концамъ: «Le jour de gloire est arrivé!» На каждомъ театральномъ представленіи первая актриса или примадонна, въ оперѣ таковой была Мари Сассъ, въ костюмѣ Жанны д'Аркъ, должна была выступать передъ рампой и, размахивая знаменемъ, исполнять эту воинственную пѣсню, которую публика слушала стоя и иногда подпѣвала. Разъ вечеромъ мы съ Фридрихомъ также присутствовали на такомъ представленіи и также должны были встать съ нашихъ мѣстъ. «Должны были» не потому, чтобъ насъ къ тому принуждали, ибо мы свободно могли удалиться въ глубь ложи, а «должны были» встать «наэлектризованные» общимъ возбужденіемъ.

— Видишь ли, Марта,—объяснилъ мнѣ Фридрихъ,—подобная искра, перелетающая отъ одного къ другому и всю эту массу заставляющая биться однимъ общимъ и возвышеннымъ сердцебіеніемъ,—это есть любовь...

— Ты думаешь? Но вѣдь это пѣснь ненависти о томъ,

Чтобы ихъ нечистой кровью
Напоить борозды нашихъ полей.

— Ничего не значитъ: совокупная ненависть есть также одна изъ формъ любви. Гдѣ двое или многіе дѣйствуютъ подъ вліяніемъ общаго чувства, значитъ, они любятъ другъ друга. Дай только людямъ постигнуть болѣе высокое понятіе, нежели нація, а именно понятіе о человѣчествѣ и человѣчности, какъ объ общемъ идеалѣ, и тогда...

— Ахъ, когда-то это будетъ?—вздохнула я.

Digitized by Google

— Когда? Это весьма относительно. По отношенію къ нашему личному существованію, никогда; по отношенію къ бытію послѣдующихъ поколѣній—завтра.

* * *

Когда разыгрывается какая-нибудь война, то граждане нейтральныхъ государствъ дѣлятся на два лагеря; одинъ стоитъ за одну сторону, другой—за другую; создается нѣчто въ родѣ колоссальнаго колеблющагося пари, въ которомъ каждый принимаетъ участіе.

Кому же должны были симпатизировать мы, Фридрихъ и я, кому желать побѣды? Въ качествѣ австрійцевъ въ «патріотическомъ» смыслѣ мы были въ полномъ правѣ желать нашихъ побѣдителей въ послѣднюю войну на сей разъ видѣть побѣжденными. Съ другой-же стороны, вполнѣ естественно симпатизировать больше тѣмъ, среди кого живешь, чувства которыхъ невольно раздѣляешь, — а мы вѣдь со всѣхъ сторонъ были окружены французами. Но между тѣмъ Фридрихъ былъ прусскаго происхожденія, да развѣ и мнѣ самой нѣмцы, языкъ которыхъ для меня родной, не стояли ближе по крови, нежели ихъ противники? Кромѣ того: не со стороны-ли французовъ послѣдовало объявленіе войны изъ-за такого ничтожнаго повода, нѣтъ, не повода, а просто «предлога» — должны-же мы были сознавать, что пруссаки правѣе, что они идутъ на войну лишь въ качествѣ защитниковъ, подчиняясь необходимости? Наконецъ, развѣ не умилительно было то единодушіе, съ какимъ только что недавно враждовавшіе между собою нѣмцы снова собрались подъ одно знамя? Король Вильгельмъ чрезвычайно мѣтко выразился въ тронной своей рѣчи отъ 19-го іюля:

«Нѣмецкій и французскій народы, оба въ равной степени пользуются благами христіанской цивилизаціи и возростающимъ благосостояніемъ, были призваны къ болѣе благотворному соревнованію, нежели кровавая борьба оружіемъ. Но *властелины Франціи*, ради удовлетворенія личныхъ интересовъ и страстей, разсчитаннымъ на оскорбительность, распоряженіемъ съумѣли раздразнить вполнѣ справедливое, но обидчивое чувство собственнаго достоинства нашего великаго сосѣдняго народа...»

Императоръ Наполеонъ съ своей стороны выпустилъ нижеслѣдующую прокламацію:

«Мы протестовали противъ дерзкихъ притязаній Пруссіи.

Digitized by Google

Протестъ нашъ осмѣянъ. Послѣдовавшій образъ дѣйствій *) свидѣтельствовалъ о пренебреженіи къ намъ. Страна наша глубоко возмущена, и въ настоящій моментъ съ одного конца Франціи до другого раздается военный кличъ. Намъ не остается ничего болѣе, какъ предоставить судьбы наши на произволъ жребія, бросаемаго оружіемъ. Мы не идемъ войною на Германію, независимость которой мы уважаемъ. Мы благорасположены какъ нельзя болѣе къ тому, чтобы народы, входящіе въ составъ великой германской націи, свободно распоряжались своими судьбами. Что же насъ касается, то мы требуемъ возстановленія такого порядка вещей, который бы обезпечивалъ нашу безопасность и создалъ намъ прочное будущее. Мы стремимся достигнуть прочнаго мира, основаннаго на истинныхъ интересахъ народовъ; мы стремимся къ уничтоженію этого злосчастнаго положенія, при которомъ всѣ націи истощаютъ всѣ свои сбереженія для взаимнаго ополченія другъ на друга».

Какой урокъ, какой великій урокъ заключается въ словахъ этого документа. Выходило, что походъ этотъ былъ предпринятъ для достиженія безопасности Франціи и прочности мира.

А что онъ собою принесъ?—«L'année terrible», и продолжительную - до сихъ поръ все продолжающуюся—вражду. Нѣтъ, нѣтъ: углемъ въ бѣлый цвѣтъ ничего не окрасишь, посредствомъ asa foetida благоуханія не распространишь и войной мира не обезпечишь. Это злосчастное положеніе, на которое намекалъ Наполеонъ, на сколько-же еще ухудшилось оно съ тѣхъ поръ! Императоръ серьезно, вполнѣ серьезно стремился къ тому, чтобы положить начало европейскому разоруженію—я узнала это положительно отъ близкихъ его родственниковъ, но военная

*) Этотъ образъ дѣйствій, 18 лѣтъ спустя, обсуждался нижеслѣдующимъ образомъ. Въ своемъ сочиненіи о походѣ 1870 года генералъ Буланже пишетъ: «Получивъ законное удовлетвореніе, мы пожелали унизить короля прусскаго, и дѣло дошло до того, что мы очутились въ дипломатическомъ положеніи наступательномъ, почти бозсознательно. Формальнаго отказа принца Леопольда мы добились, кромѣ того, мы получили на этотъ отказъ согласіе короля прусскаго. Удовлетвореніе это было достаточнымъ, ибо оно оставалось на почвѣ интересовъ Франціи, французскихъ правъ и обязательствъ главы дома Гогенцоллерновъ. Намъ слѣдовало удовольствоваться этимъ. Но наше правительство пошло дальше. Оно потребовало категорическаго обязательства со стороны короля Вильгельма и на будущее время. Заходя такъ далеко въ своихъ притязаніяхъ, оно сдвинуло съ надлежащаго пункта какъ предметъ, такъ и почву спора, создавъ изъ него прямой вызовъ королю Пруссіи».

Digitized by Google

партія тѣснила его, настаивала,—и онъ уступилъ... И тѣмъ не менѣе, онъ не могъ удержаться, чтобы не выразить любимой своей идеи даже въ военной прокламаціи. Осуществленіе ея, какъ ему представлялось, было только отстрочено. «Послѣ похода, послѣ побѣды»... твердилъ онъ себѣ въ утѣшеніе. Но вышло иначе. И такъ, на чьей-же сторонѣ лежали наши симпатіи? Когда дойдешь до отвращенія къ войнѣ вообще, съ какимъ относились къ ней Фридрихъ и я, тогда не можетъ уже болѣе искренно, наивно волновать исходъ похода; единственное ощущеніе при этомъ именно таково: хоть бы никогда не начинался этотъ походъ—и хотя бы онъ уже окончился!

Я никакъ не думала, чтобы настоящая война могла затянуться и имѣть дурныя послѣдствія. Два-три съ той или съ другой стороны выигранныхъ сраженія,—и, навѣрное, начнутся переговоры, которые положатъ этому дѣлу конецъ. Однако, изъ-за чего же собственно дрались эти люди? Да не изъ за чего. Вся война представляла собою скорѣе родъ вооруженной прогулки, предпринятой, со стороны французовъ, подъ вліяніемъ ихъ рыцарской склонности къ приключеніямъ, а со стороны нѣмцевъ—вслѣдствіе добросовѣстнаго долга самозащиты. Обмѣняются себѣ нѣсколькими сабельными ударами, и затѣмъ противники снова протянутъ другъ другу руки... Глупа же я была! Какъ будто послѣдствія похода пребываютъ въ зависимости отъ причинъ его возникновенія. Только *ходъ* войны опредѣляетъ эти послѣдствія.

Охотно оставили бы мы Парижъ, такъ какъ весь энтузіазмъ, проявлявшійся населеніемъ, производилъ на насъ въ высшей степени удручающее впечатлѣніе. Но дорога на востокъ была уже отрѣзана. Кромѣ того, насъ удерживала постройка нашего дома—короче сказать, мы остались. Всѣ кто только могъ, бѣжали изъ Парижа, да и изъ оставшихся, при данныхъ обстоятельствахъ, никто не думалъ объ обмѣнѣ визитовъ. Мы частенько видѣлись лишь съ немногими нашими знакомыми изъ литературныхъ кружковъ, которые были еще на лицо. Именно въ этотъ періодъ начала войны интересовало Фридриха ознакомиться съ мнѣніями и взглядами на это дѣло выдающихся умовъ. Между прочимъ, у насъ бывалъ тогда одинъ изъ молодыхъ писателей, который впослѣдствіи достигъ такой извѣстности—Гюи де-Мопассанъ. Нѣкоторыя изъ его сужденій, являвшихся какъ бы эхомъ моихъ собственныхъ мыслей, я внесла въ красныя тетрадки. «Война—лишь только я подумаю объ

Digitized by Google

этомъ словѣ, какъ мной овладѣваетъ ужасъ, какъ будто бы мнѣ говорили о вѣдьмахъ, инквизиціи—о какомъ-то отдаленномъ, осиленномъ, отвратительномъ, противоестественномъ явленіи. Война—драться! Душить, рубить! И въ настоящее время, при нашей культурѣ, при такихъ обширныхъ познаніяхъ, находясь на такой высокой ступени развитія, на какой мы себя считаемъ—у насъ существуютъ школы, гдѣ учатъ убивать—убивать на чрезвычайно далекихъ разстояніяхъ, по возможности, бо́льшее число людей заразъ».

«...Удивительно, какъ это народы не возстанутъ противъ этого, какъ все общество не возмутится при одномъ словѣ «война». Каждый правитель настолько же обязанъ избѣгать войны, насколько капитанъ корабля обязанъ избѣгать кораблекрушенія. Если корабль гибнетъ, капитана привлекаютъ къ суду и караютъ, если оказывается, что онъ попустилъ какую нибудь небрежность. Отчего же не судятъ правительство послѣ каждой объявленной войны? Если бы народы поняли это, если бы они отказались позволять убивать себя безъ всякаго основанія, тогда войнѣ пришелъ бы конецъ».

Эрнестъ Ренанъ также высказался по этому поводу:

«Надрывается сердце отъ горя, когда подумаешь, что все то, что мы, люди науки, стремились создать въ теченіе пядитесяти лѣтъ,—все рухнуло подъ однимъ ударомъ: международныя симпатіи, взаимное пониманіе, плодотворный совмѣстный трудъ. Какъ убиваетъ такая война любовь къ истинѣ! Какой только лжи, какому оклеветанію одной націи въ слѣдующее же пятидесятилѣтіе снова съ жадностью не повѣритъ другой народъ, чтобы разойтись другъ съ другомъ на безконечныя времена! Какой тормазъ для европейскаго прогресса! Въ цѣлое столѣтіе не вернуть намъ того, что эти люди разрушили въ одинъ день».

У меня былъ случай прочесть также письмо Густава Флобера, написанное имъ къ Жоржъ Зандъ въ тѣ первые іюльскіе дни, когда только что началась война. Вотъ оно:

«Я въ отчаяніи отъ глупости моихъ соотечественниковъ. Неисправимое варварство человѣчества повергаетъ меня въ глубокую печаль. Этотъ энтузіазмъ не воодушевленный никакой идеей, вызываетъ во мнѣ желаніе умереть, чтобы только не видѣть его болѣе. Добрый французъ желаетъ драться: 1) потому, что онъ воображаетъ себя вызваннымъ къ тому Пруссіей, 2) потому, что естественное состояніе людей есть дикость, 3) потому, что въ войнѣ есть мистическій элементъ, увлекающій

Digitized by Google

людей. Неужели мы снова вернулись ко временамъ расовой борьбы? Я боюсь этого... Ужаснѣйшія сраженія, которыя готовы разразиться, не имѣютъ для себя даже никакого предлога. Это просто желаніе драться, чтобы подраться. Мнѣ жаль взорванныхъ мостовъ и туннелей. Весь этотъ человѣческій трудъ, который пропадаетъ ни за что! Вы слышали, что одинъ господинъ предложилъ въ палатѣ разграбленіе великаго герцогства Баденскаго. Ахъ, зачѣмъ не могу я жить среди бедуиновъ!»

— Ахъ,—воскликнула я, окончивъ чтеніе этого письма,— зачѣмъ не родились мы пятьсотъ лѣтъ спустя—это было бы еще лучше, нежели бедуины.

— Ну, такого продолжительнаго срока человѣчеству уже не понадобится для того, чтобы стать разумнымъ,—съ увѣренностью возразилъ Фридрихъ.

Теперь наступило время прокламацій и приказовъ по арміи. Опять затянули тѣ-же самыя старыя пѣсни, и снова явилась таже склонная къ рукоплесканію и восторженности публика. По поводу побѣдъ, обѣщанныхъ въ манифестахъ, происходило такое ликованіе, какъ будто эти побѣды уже были одержаны. 28 іюля изъ главной квартиры въ Мецѣ Наполеонъ III обнародовалъ слѣдующій документъ, который я также внесла въ свои тетрадки, но не изъ раздѣляемаго со всѣми восторга, а подъ впечатлѣніемъ раздраженія на это вѣчное неизмѣнное пустозвонство. «Мы защищаемъ честь и землю нашего отечества. Мы побѣдимъ. Ничто не сломитъ неутомимыхъ усилій солдатъ Африки, Крыма, Китая, Италіи и Мексики. Еще разъ докажете вы, чего можетъ достичь французская армія, воспламененная любовью къ отечеству. Какой-бы дорогой мы ни двинулись, на всякой найдемъ славные слѣды отцовъ нашихъ. Мы покажемъ себя ихъ достойными. Отъ нашихъ успѣховъ зависитъ судьба свободы и цивилизаціи. Солдаты! пусть каждый изъ васъ исполняетъ свою обязанность и Господь брани будетъ съ нами!»

Безъ «Dieu des armées», конечно, также нельзя было обойтись. Хотя предводители побѣжденныхъ войскъ сто разъ уже повторяли то-же самое, это не мѣшаетъ другимъ, при каждомъ новомъ походѣ, снова твердить тѣ-же рѣчи и пробуждать то-же самое довѣріе. Есть-ли на свѣтѣ что-либо короче и слабѣе, чѣмъ память народовъ?

31-го іюля король Вильгельмъ выѣхалъ изъ Берлина, издавъ слѣдующій манифестъ: «Отправляясь сегодня къ арміи, чтобы вмѣстѣ съ ней бороться за честь и неприкосновенность высшаго

Digitized by Google

нашего достоянія, я даю амнистію политическимъ преступникамъ. Моему народу извѣстно, какъ и мнѣ, что нарушеніе мира и вражда шли не съ нашей стороны. Но будучи къ тому вызваны, мы рѣшились по примѣру отцовъ нашихъ и съ твердымъ упованіемъ на Бога выдержать борьбу ради спасенія отечества».

Самооборона, самооборона—это единственно законный видъ убійства. Оттого-то и восклицаютъ оба противника: «Я защищаюсь». Ну, развѣ это не нелѣпость? Хотя не вполнѣ, ибо обоими управляетъ третья сила наслѣдственнаго древняго духа войны. Вотъ противъ него слѣдовало-бы всѣмъ слиться во едино...

На ряду съ вышеприведенными манифестами, въ красныхъ тетрадкахъ своихъ я нахожу еще одну замѣтку съ такимъ страннымъ заголовкомъ: «А что если бы Оливье женился на дочери Мейербера, возгорѣлась-ли бы война въ такомъ случаѣ?»

Дѣло въ томъ, что въ числѣ нашихъ парижскихъ знакомыхъ находился также литераторъ Александръ Вейлль, и онъ-то и предложилъ вышеприведенный вопросъ, разсказавъ при этомъ слѣдующее:

— Мейерберъ искалъ талантливаго мужа для второй своей дочери, и выборъ его палъ на друга моего Эмиля Оливье. Оливье—вдовецъ... Въ первый разъ онъ былъ женатъ на дочери Листа, прижитой знаменитымъ піанистомъ отъ графини д'Агу (Даніель Стернъ), съ которой онъ состоялъ въ супружествѣ много лѣтъ. Первый бракъ Оливье былъ очень счастливъ, и за нимъ упрочилась репутація добродѣтельнаго супруга. У него не было состоянія, но какъ ораторъ и государственный человѣкъ, онъ уже составилъ себѣ имя. Мейерберъ желалъ познакомиться съ нимъ лично, и съ этою цѣлью въ апрѣлѣ 1864 года я давалъ парадный балъ, на которомъ присутствовали большинство знаменитостей изъ артистическаго и ученаго міра, и гдѣ Оливье, предупрежденный мною о видахъ на него Мейербера, разумѣется, игралъ первую роль. Онъ понравился Мейерберу; но наладить это дѣло было не легко. Мейерберъ зналъ независимую оригинальность второй своей дочери, которая никогда не пошла бы замужъ иначе, какъ за свободнаго избранника своего сердца. Было рѣшено, что Оливье пріѣдетъ въ Баденъ, чтобы тамъ, какъ бы случайно быть представленнымъ молодой дѣвушкѣ. Но двѣ недѣли спустя послѣ этого бала Мейерберъ внезапно скончался. Помните, Оливье же и держалъ ему тогда на сѣверномъ вокзалѣ надгробное и похвальное слово? И вотъ я полагаю, и даже въ томъ увѣренъ, что женись Оливье на дочери Мейербера, война между Франціей и Германіей

Digitized by Google

не возгорѣлась бы. Вотъ мои доводы, достойные вѣроятія. Прежде всего Мейерберъ, ненавидѣвшій имперію до презрѣнія, никогда не допустилъ бы своего зятя принять постъ императорскаго министра. Извѣстно, что если бы Оливье пригрозилъ палатѣ, что онъ скорѣе подастъ въ отставку, чѣмъ объявитъ войну,—та же самая палата никогда бы не объявила войны. Настоящая война является дѣломъ трехъ интимныхъ кабинетъ-министровъ императрицы: Жерома Давида, Поля де-Кассаньяка и герцога де-Граммона. Императрица, подзадоренная папой, въ рукахъ котораго она была религіозной куклой, желала этой войны,—въ побѣдоносномъ исходѣ ея она не сомнѣвалась,—съ цѣлью обезпечить престолъ за своимъ сыномъ. Она говорила: «c'est ma guerre à moi et à mon fils», причемъ трое вышепоименованныхъ папскихъ «анабаптиста» были тайнымъ ея орудіемъ, чтобы понудить къ войнѣ императора, не желавшаго никакой войны, и палату, съ помощью ложныхъ и подтасованныхъ депешъ изъ Германіи!

— И это называется дипломатіей!—перебила я въ ужасѣ.

— Слушайте дальше,—продолжалъ Александръ Вейлль.— 15-го іюля Оливье, съ которымъ я встрѣтился на Place de la Concorde, сказалъ мнѣ: «Миръ обезпеченъ,—скорѣе я подамъ въ отставку». И какъ это случилось, что тотъ же самый человѣкъ нѣсколько дней спустя, вмѣсто того, чтобы подать въ отставку, самъ объявилъ войну, «d'un coeur leger», какъ онъ самъ выразился въ палатѣ.

— Съ легкимъ сердцемъ!—воскликнула я съ новымъ ужасомъ.

— Тутъ есть тайна, которую я могу разъяснить. Императоръ, для котораго деньги никогда не имѣли иной цѣны, кромѣ только какъ средства для пріобрѣтенія любви и дружбы, — подобно римскому Югуртѣ, полагая, что вся Франція продажна, какъ мужчины такъ и женщины, — имѣетъ обыкновеніе принимая къ себѣ на службу небогатаго министра, привязывать его къ себѣ подаркомъ въ милліонъ франковъ. Единственный Дарю, открывшій мнѣ эту тайну, отклонилъ такой даръ: «timeo Danaos et dona ferentes». И онъ единственный, ничѣмъ не связанный, подалъ въ отставку. Пока императоръ колебался, Оливье, связанный съ своимъ повелителемъ золотой цѣпью, объявлялъ себя нейтральнымъ, скорѣе склоняясь на сторону мира. Но едва императрицѣ съ тремя ея ультрамонтанскими анабаптистами удалось настигнуть императора врас-

Digitized by Google

плохъ, и Оливье объявилъ себя за войну, заживо обездушивъ себя «съ легкимъ сердцемъ» и... толтымъ карманомъ» *).

* * *

— О, monsieur, о, madame! какое счастье, какая крупная новость! — Съ этими словами въ одинъ прекрасный день вбѣжали къ намъ въ комнату каммердинеръ Фридриха и вслѣдъ за нимъ нашъ поваръ.

Это было въ день Вёртской битвы.

— Что случилось?

— На биржѣ вывѣшена депеша, что наши побѣдили. Армія короля прусскаго въ родѣ какъ уничтожена... Городъ украшается трехцвѣтными флагами... вечеромъ должна быть иллюминація.

Но въ теченіе вечера выяснилось, что извѣстіе это было ложно, представляя собою просто биржевой маневръ.

Оливье держалъ рѣчь къ народу съ своего балкона. Ну, что-же, тѣмъ лучше! По крайней мѣрѣ, не нужно будетъ зажигать иллюминаціи. Эти радостныя манифестаціи по поводу «уничтоженной арміи», — т. е. по поводу безчисленнаго множества сраженныхъ головъ и надломленныхъ сердецъ — снова напомнили о желаніи Флобера: «Ахъ, если бы я былъ среди бедуиновъ».

7 августа пришло непріятное извѣстіе. Императоръ поспѣшно отправился изъ Сенъ-Клу, на мѣсто военныхъ дѣйствій. Непріятель ворвался въ страну. Газеты не находятъ достаточно сильныхъ словъ для выраженія своего негодованія по поводу этого «вторженія». Кличъ «à Berlin!»—казалось мнѣ—обозначалъ вѣдь также преднамѣренное вторженіе — однако въ немъ не находили вѣдь ничего раздражительнаго. - Но, чтобы восточные варвары осмѣлились вторгнуться въ прекрасную, Богу любезную Францію—это было сущее варварство, преступленіе, — за это надо поскорѣе обуздать ихъ. Временный военный министръ издалъ декретъ, чтобы всѣ здоровые граждане, отъ тридцати до сорока лѣтъ, не включенные еще въ Національную гвардію, немедленно записывались въ ея составъ. Образовано было министерство обороны. Разрѣшенный военный заемъ съ пятисотъ возвысился до тысячи милліоновъ. Просто сердце радуется, какую способность къ жертвамъ чужими деньгами и чужой жизнью постоянно проявляютъ люди. Небольшая фи-

*) Письма выдающихся людей къ Александру Вейллю. (Цюрихъ).

Digitized by Google

нансовая передержка немедленно, однако, отразилась на публикѣ; если вы желали промѣнять банковые билеты, то должны были платить мѣнялѣ десять процентовъ — на лицо-де нѣтъ такого количества золота, какое необходимо выдать французскому банку.

А у нѣмцевъ одна побѣда смѣняла другую.

Физіономія города Парижа и его жителей измѣнилась, Вмѣсто горделиваго, хвастливаго, довольнаго войною настроенія, наступило смущеніе и страшное озлобленіе. Все больше распространяется чувство, что въ страну вторглась орда вандаловъ— нѣчто ужасное, неслыханное, въ родѣ тучи саранчи или какого нибудь другого бича природы. Но то, что своимъ объявленіемъ войны они сами вызывали этотъ бичъ, что считали его необходимымъ для предупрежденія, чтобы только какой нибудь Гогенцоллернъ въ отдаленномъ будущемъ не вздумалъ искать испанскаго престола — объ этомъ они позабыли. О непріятелѣ стали ходить чудовищныя сказки. «Уланы, уланы!» Это звучало для всѣхъ демонически фантастично, чуть-ли не въ родѣ «дикое полчище». Въ воображеніи населенія именно этотъ родъ войска принялъ дьявольское обличье. Гдѣ только нѣмецкая кавалерія бывало набѣдокуритъ что нибудь все это приписывалось уланамъ — чему-то въ родѣ полулюдей, не получавшихъ жалованья, обреченныхъ на существованіе добычей. Но на ряду съ ужасными вѣстями стали снова доноситься извѣстія о побѣдахъ. Распространеніе ложныхъ извѣстій объ успѣхахъ также принадлежитъ къ обязанностямъ шовинистовъ. Дѣло естественное: мужество необходимо поддерживать на его высотѣ. Заповѣдь о правдивости — подобно многимъ другимъ нравственнымъ заповѣдямъ--теряетъ свое значеніе на войнѣ. Изъ газеты «Le Volontaire» Фридрихъ продиктовалъ въ мои красныя тетрадки слѣдующую выдержку:

«До 16-го августа нѣмцы потеряли уже 144.000 человѣкъ, остальные близки къ голодной смерти. Изъ Германіи выступаютъ послѣдніе резервы, «la landwehr et la landsturm»; идутъ старые 60-ти-лѣтніе ветераны съ огнестрѣльными орудіями, увѣшанные громадными табачными кисетами съ правой стороны, и большими фляжками водки — съ лѣвой; въ зубахъ у нихъ длинная глиняная трубка; пыхтя подъ тяжестью ранца, поверхъ котораго обязательно привязана кофейная мельница, а внутри лежитъ бузинный чай, переходятъ они, покашливая и поругиваясь, съ праваго берега Рейна на лѣвый, проклиная тѣхъ, кто оторвалъ

Digitized by Google

ихъ отъ объятій ихъ внуковъ, для того, чтобы вести ихъ на вѣрную смерть! — Что же касается извѣстій о побѣдахъ, доставленныхъ со стороны нѣмцевъ, — то всѣ онѣ представляютъ извѣстную прускую ложь».

20-го августа графъ Паликао сообщилъ въ палатѣ, что три армейскихъ корпуса, соединенные для отраженія Базена, откинуты въ каменоломни Жомона. (Очень хорошо! очень хорошо!). Хотя никто не зналъ, что это за каменоломни и гдѣ онѣ расположены; какое положеніе заняли тамъ эти три армейскихъ корпуса, этого также никто себѣ ясно не представлялъ. Но уже изъ устъ въ уста передавалось радостное извѣстіе: «Вы знаете уже?.. Въ каменоломняхъ...»—«Да, да, въ Жомонскихъ». Никто не выражалъ никакого сомнѣнія или вопроса; выходило, какъ будто всѣ были родомъ изъ Жомона и, какъ свои пять пальцевъ, знали каменоломни, обладавшія способностью поглощать цѣлыя арміи. Въ это же время пронесся слухъ о томъ, будто король прусскій, съ отчаянія въ виду состоянія своего войска, «сошелъ съ ума»,

Приходилось слушать только про всевозможные ужасы. Возбужденіе, лихорадочное настроеніе населенія ежечасно возрастало. Война «labas» перестала представляться въ видѣ вооруженной прогулки. Люди стали сознавать, что разнузданныя страсти внесли ужасъ въ міръ; ни о чемъ иномъ не было рѣчи, какъ только о погибшихъ войскахъ, о помѣшавшихся вождяхъ, о дьявольскихъ ордахъ, о борьбѣ до ножей. Я слышала этотъ громъ, рокотъ— то, что поднималось, было бурей ярости и отчаянія. Про сраженіе при Базайлѣ, подъ Мецомъ, разсказывали, что баварцы продѣлывали тамъ нечеловѣческіе ужасы.

— Вѣришь ты этому,—спросила я Фридриха, — вѣришь ли ты, что до того могутъ дойти благодушные баварцы?

— Это очень вѣроятно,—отвѣчалъ Фридрихъ,—баварецъ или турокъ, нѣмецъ, французъ или индѣецъ—всякій солдатъ, защищающій свою жизнь и занесшій руку съ цѣлью убійства,—во всякомъ случаѣ, перестаетъ быть «человѣкомъ». Въ тотъ моментъ пробуждается и распаляется въ немъ съ страшной силой именно инстинктъ дикаго звѣря.

* * *

Мецъ палъ... Извѣстіе это повторялось въ городѣ въ видѣ единодушнаго громкаго крика ужаса.

Для меня извѣстіе о взятіи крѣпости является скорѣе утѣшительнымъ, потому что мнѣ кажется, что это рѣшаетъ дѣло.

Digitized by Google

А я только къ тому и стремилась, чтобы кровавый походъ кончился—только къ тому. Однако, нѣтъ: ничего не было еще рѣшено—оставалось вѣдь много еще крѣпостей. Послѣ пораженія хлопочутъ обыкновенно только о томъ, какъ бы снова воспрянуть, да съ удвоенной силой наддать непріятелю — военное счастье вѣдь перемѣнчиво. Конечно, преимущество можетъ быть то на одной, то на другой сторонѣ, лишь бы при томъ на обѣихъ сторонахъ не было бы вѣрнаго горя и вѣрной смерти.

Трошю нашелъ необходимымъ поднять духъ населенія новой прокламаціей и ссылался въ ней на старую любимую бретонскую поговорку: «съ Божьей помощью, за отечество!» Для меня она не была новостью, нѣчто подобное я, должно быть, встрѣчала уже въ другихъ прокламаціяхъ. Она какъ разъ достигла своей цѣли: люди воодушевились. Затѣмъ рѣшили, что Парижъ слѣдовало превратить въ крѣпость.

Парижъ—крѣпость? Мысль эта казалась мнѣ совсѣмъ дикой. Городъ, прозванный Викторомъ Гюго «la ville-lumière», служащій центромъ тяжести всего цивилизованнаго богатаго міра, интересующагося искусствомъ или ищущаго удовольствій, родникъ блеска, моды, ума, этотъ городъ собирался, видите-ли «укрѣпляться», т. е. обратиться въ средоточіе непріятельскихъ нападеній, въ мишень для бомбардированія, прервать всякія сношенія съ остальнымъ міромъ и подвергнуть себя опасности или обратиться въ груды пепла, или вымереть голодною смертью? И люди эти совершали это «de gaité de coeur», съ самопожертвованіемъ, съ радостной энергіей, какъ будто-бы они хлопотали о приведеніи въ исполненіе полезнѣйшаго, благороднѣйшаго дѣла? Съ лихорадочной поспѣшностью приступлено было къ работѣ. Необходимо было соорудить насыпи для распредѣленія войскъ и пробить бойницы, затѣмъ окопать ворота рвами, навести подъемные мосты, устроить новую покрышку, перекинуть мосты черезъ каналы, насыпать брустверы, построить пороховые склады, а на Сенѣ выставить флотилію канонерскихъ лодокъ. Какая лихорадочная дѣятельность, какое излишество напряженія и усердія; какія колоссальныя затраты труда и денегъ! Какъ-бы все это, примѣненное къ дѣламъ общественной пользы, было отрадно и возвышенно, но въ видахъ причиненія вреда, истребленія, которое собственно и не представляетъ собою абсолютной цѣли, а просто являются стратегическимъ пріемомъ,—это непостижимо! Для того, чтобы быть въ силахъ выдержать завѣдомо продолжительную осаду, городъ за-

Digitized by Google

пасается провіантомъ. До сей поры, какъ указываетъ опытъ, не существовало еще въ мірѣ безусловно несокрушимыхъ крѣпостей; капитуляція является всегда лишь вопросомъ времени. И тѣмъ не менѣе люди не прекращаютъ воздвигать крѣпости, не перестаютъ снабжать ихъ провіантомъ, несмотря на математическую невозможность выдержать продолжительную борьбу съ голодомъ.

Принимаются грандіозныя мѣры. Устраиваются мельницы, разводятся пастбища рогатаго скота. Однако, въ концѣ концовъ, тѣмъ не менѣе настаетъ-таки моментъ, когда хлѣбъ оказывается на исходѣ, а мясо все съѣдено. Но такъ далеко люди не заглядываютъ, до тѣхъ поръ полагается или оттѣснить врага за предѣлы страны или, уничтожить его въ самой странѣ. Къ отечественному воинству примкнетъ-де въ такомъ случаѣ весь народъ. Всѣ рвутся тогда въ ряды войска или привлекаются туда. Такимъ образомъ и при осадѣ Парижа призваны были къ оружію всѣ пожарныя команды страны. Пускай себѣ въ это время въ провинціи погораютъ люди—не велика бѣда!— Столь ничтожные несчастные случаи стушевываются, когда дѣло идетъ о національномъ бѣдствіи. 17-го августа въ столицу Франціи вступило 60.000 пожарныхъ. Матросы были также призваны къ оружію, такъ что ежедневно составлялись все новые армейскіе корпуса, подъ различными кличками: volontaires, éclaireurs, franc-tireurs...

* * *

Событія слѣдовали одно за другимъ ускореннымъ маршемъ. Но лишь исключительно военныя событія,—все остальное замерло. Всѣ помыслы окружавшихъ насъ людей сосредоточились на одномъ «mort aux Prussiens!»

Надвигалась буря дикой ненависти; она не разразилась еще, но уже слышался ея гулъ. Во всѣхъ офиціальныхъ манифестаціяхъ, въ каждомъ уличномъ шумѣ, во всѣхъ публичныхъ мѣропріятіяхъ—все одинъ и тотъ-же засѣвшій въ головѣ гвоздь: «mort aux Prussiens». Всѣ эти войска, регулярныя и иррегулярныя, эти огнестрѣльные снаряды, эти рабочіе, поспѣшавшіе къ укрѣпленіямъ со своими инструментами и тачками, эти транспорты оружія: во всемъ, что производило впечатлѣніе на глазъ или на слухъ, въ формѣ и въ тонѣ сверкало, кричало, блистало и гудѣло «mort aux Prussiens!»—Или въ другой редакціи—звучавшей, правда, призывомъ любви и воспламеняв-

Digitized by Google

шей нѣжныя сердца—«pour la patrie!»—хотя въ сущности это было одно и тоже.

Я спросила Фридриха:

— Ты вѣдь прусскаго происхожденія—скажи-же мнѣ, какъ дѣйствуетъ на тебя это со всѣхъ сторонъ все рѣзче и рѣзче проявляющееся враждебное настроеніе?

— Тотъ-же самый вопросъ задавала ты мнѣ уже въ 1866 году—и тогда отвѣтилъ я тебѣ то же, что повторяю и сегодня—что при проявленіяхъ этой ненависти я страдаю не какъ уроженецъ данной страны, а какъ человѣкъ. Если я стану разсматривать это настроеніе съ національной точки зрѣнія, то я долженъ согласиться съ ними. Они называютъ его «la haine sacrée de l'ennemi» и возбужденіе это служитъ главной составной частью военнаго патріотизма. Они исходятъ изъ одной только мысли: освободить страну свою отъ вражескаго нашествія. Фактъ, что они же сами и своимъ объявленіемъ войны вызвали это вторженіе—они совсѣмъ забываютъ. Вѣдь не они же это собственно произвели, а ихъ правительство, которому они повѣрили на-слово, что оно вынуждено было поступить такъ, а не иначе, и они не тратятъ теперь даромъ времени на укоризны и обсужденія, *кто* накликалъ бѣду; а разъ она стряслась, употребляютъ всѣ силы, всю свою энергію на то, чтобы снова отвратить эту бѣду, или же всѣмъ вмѣстѣ погибнуть съ беззавѣтнымъ мужествомъ самопожертвованія. Повѣрь мнѣ, что въ насъ, людяхъ, существуетъ большой запасъ способности къ любви великодушной, жаль только, что мы расточаемъ ее на старинныхъ путяхъ вражды... А тѣ-то, ненавистные, нападающіе, «рыжебородые восточные варвары»—какъ они поступаютъ? Ихъ вызвали къ войнѣ, и они вторгаются въ страну тѣхъ, которые угрожали нападеніемъ на ихъ отечество: «à Berlin, à Berlin!» Помнишь, какъ этотъ возгласъ оглашалъ весь городъ, раздаваясь даже съ верхушекъ омнибусовъ?

— И такъ, пруссаки двигаются къ Парижу! Почему-же крикуны «à Berlin» вмѣняютъ имъ это въ преступленіе?

— Потому что никакой логики и никакой справедливости не можетъ существовать въ такомъ національномъ чувствѣ, высшимъ принципомъ котораго служитъ слѣдующее положеніе: мы есть мы,—т. е. люди перваго сорта, остальные всѣ варвары. Что же касается этого блестящаго перехода нѣмцевъ отъ одной побѣды къ другой, то я отдаю имъ дань удивленія. Я вѣдь тоже былъ солдатомъ и знаю, какія чары заключаются въ словѣ побѣда,

Digitized by Google

какая гордость, какое ликованіе бываютъ сопряжены съ ней. Въ ней же вся цѣль, вся награда за всѣ принесенныя жертвы, за отреченіе отъ покоя и счастья, за подвергавшуюся страшному риску жизнь.

— Но отчего же побѣжденные противники, которые представляютъ собою такихъ же солдатъ и знаютъ, какимъ ореоломъ славы окружается побѣда, отчего же они не преклоняются передъ своими побѣдителями? Отчего въ боевой реляціи побѣжденныхъ никогда не значится: «Врагъ одержалъ блестящую побѣду!?»

— Потому, — повторяю тебѣ, — что военный духъ и патріотическій эгоизмъ являются *отрицаніемъ всякой справедливости.*

Оказывалось, какъ я теперь вижу изъ нашихъ разговоровъ того періода, внесенныхъ въ красныя тетрадки, что мы ни о чемъ другомъ не думали и не могли думать, какъ о картинахъ современныхъ намъ народныхъ дуэлей. Наше счастье, наше бѣдное счастье, правда, было при насъ, но мы не смѣли наслаждаться имъ. Да, мы владѣли всѣмъ, что только милосердное небо можетъ дать человѣку на землѣ: безграничной любовью, богатствомъ, высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ, у насъ былъ блестяще развивавшійся сынъ Рудольфъ, дорогая наша пупочка Сильвія, независимость, живой интересъ въ духовной области... но все это было какъ бы подернуто какой-то занавѣсой. Какъ могли мы позволить себѣ тѣшиться своими радостями, когда все вокругъ насъ страдало и трепетало, вопіяло и волновалось. Это все равно, какъ если бы кто выдумалъ нѣжиться на борту подхлестываемаго бурей корабля.

— Что за театральный человѣкъ, этотъ Трошю,—замѣтилъ мнѣ какъ-то Фридрихъ, — это было 25-го августа. — Какой эффектный coup розыгранъ былъ сегодня. Ты ни за что не отгадаешь.

— Женщины призываются къ военной службѣ? — попробовала я угадать.

— Дѣло дѣйствительно идетъ о женщинахъ, но они не созываются,—напротивъ.

— Ну такъ, значитъ, удаляютъ маркитантокъ — или сестеръ милосердія.

— Все еще не отгадала. Удаленіе тутъ замѣшано—и маркитантки, по столько, по скольку онѣ могутъ подносить къ устамъ другого бокалъ наслажденія, и милосердія—въ извѣстномъ смыслѣ—

Digitized by Google

отставленныя не лишены точно также; однимъ словомъ — безъ дальнѣйшихъ загадокъ—изгоняется «демимондъ».

— И это подписано военнымъ министромъ? Какая-же тутъ логика?

— Я тоже не нахожу никакой, но другіе въ восторгѣ отъ этого мѣропріятія. Они всегда радуются всякому новому факту, отъ каждаго новаго распоряженія ждутъ они поворота, подобно тому, какъ нѣкоторые больные во всякомъ примѣняемомъ средствѣ видятъ такое, которое можетъ ихъ спасти. Когда порокъ изгонится изъ города—такъ полагаютъ благочестивые—почемъ знать, не прольетъ-ли тогда свое милосердіе на жителей, очевидно, разгнѣванное небо. Теперь же, кода наступаетъ серьезное, полное лишеній время осады, что же тамъ будутъ дѣлать сумасбродныя, расточительныя гетеры? Такимъ образомъ, большинству, за исключеніемъ гонимыхъ, мѣропріятіе это представляется весьма достойнымъ, нравственнымъ и въ тоже время патріотичнымъ, въ виду того, что большинство этихъ женщинъ иностранки: англичанки, южанки, даже нѣмки — слѣдовательно, между ними могутъ быть шпіонки! «Нѣтъ, нѣтъ, въ настоящее время въ городѣ имѣется мѣсто только для своихъ дѣтей, и то лишь для своихъ добродѣтельныхъ дѣтей!»

28-е августа было еще болѣе роковымъ днемъ. Послѣдовало новое изгнаніе: въ теченіе трехъ дней всѣ нѣмцы должны были выѣхать изъ Парижа.

Объ ядѣ, смертельномъ, медленно дѣйствующемъ ядѣ, заключавшемся въ этомъ мѣропріятіи, люди, прописывавшіе данный рецептъ, не имѣли никакого представленія. Какъ долго зло это и по окончаніи войны приноситъ еще свои чудовищные плоды,— это я вижу въ настоящее время. Начиная съ той поры, Франція и Германія—эти двѣ великія, цвѣтущія, славныя страны— являлись уже не двумя націями, войска которыхъ состязались на рыцарскомъ поединкѣ,—нѣтъ, къ враждебному народу проникся ненавистью *весь* народъ. Вражда возведена была въ узаконенное явленіе, которое не ограничилось періодомъ войны, а въ видѣ наслѣдственной вражды укоренилось также и среди грядущихъ поколѣній.

Изгнанные въ теченіе трехъ дней должны оставить городъ: у меня была возможность наблюдать, какъ жестоко, какъ безчеловѣчно настигъ этотъ приказъ многія частныя мирныя семьи. Между подрядчиками, доставлявшими матеріалъ для отдѣлки нашего дома, было много нѣмцевъ, какъ-то: каретникъ, обойщикъ,

Digitized by Google

столяръ. Поселившись въ Парижѣ лѣтъ десять—двадцать тому назадъ, устроивъ тутъ свой домашній очагъ, породнившись съ парижанами посредствомъ браковъ, имѣя тутъ всѣ дѣловыя свои связи, эти люди теперь, въ теченіе трехъ дней, должны были убраться отсюда, закрывъ свою торговлю, бросивъ все, что имъ было дорого и къ чему они привыкли, состояніе, заказчиковъ, лишившись своихъ пріобрѣтеній.

Бѣдняги прилетѣли къ намъ совсѣмъ растерянные и сообщили намъ о постигшемъ ихъ несчастьѣ, имъ пришлось прекратить нашу работу, пришлось закрыть мастерскую. Ломая руки, со слезами на глазахъ, разсказывали они намъ о своемъ горѣ:— «у меня старый, больной отецъ,—говорилъ одинъ,—жена должна на дняхъ родить, а мы должны уходить черезъ три дня!»—«У меня нѣтъ ни одного су въ домѣ,—жаловался другой,—всѣ мои заказчики, которые должны мнѣ, не могутъ такъ скоро разсчитаться со мною и я самъ не могу разсчитать моихъ рабочихъ французовъ; еще недѣльку, и успѣлъ бы окончить большой заказъ, который сдѣлалъ-бы меня богатымъ человѣкомъ, а теперь я долженъ все бросить...»

И за что, за что все это обрушилось на несчастныхъ? За то, что они принадлежали къ націи, войско которой съ успѣхомъ исполнило свой долгъ, или за то,—если прослѣдить далѣе цѣпь причинъ,—что одинъ изъ Гогенцоллерновъ въ будущемъ, можетъ быть, возымѣетъ намѣреніе принять предложенный ему испанскій тронъ. Нѣтъ, и это не настоящая причина войны, нѣтъ, это только предлогъ.

Седанъ! «Императоръ Наполеонъ сдалъ свою шпагу».

Это извѣстіе поразило насъ. Дѣйствительно, настало серьезная историческая катастрофа. Французская армія разбита,— вождю ея сдѣланъ шахъ и матъ; партія блистательно выиграна Германіею.—Конецъ, конецъ! радовалась я,—еслибъ были люди, которые имѣли бы право считать себя за гражданъ міра, они могли бы освѣтить сегодня свои окна, еслибъ были храмы гуманности, сегодня бы должны въ нихъ раздаваться «Te Deum»,— конецъ рѣзнѣ!

— Не радуйся раньше времени, моя дорогая, подожди немножко,—остановилъ меня Фридрихъ въ моемъ паѳосѣ.—Эта война давно уже не имѣетъ характера шахматной партіи, разставленной на полѣ битвъ,—сражается цѣлая нація. Вмѣсто одной уничтоженной арміи изъ земли выростаетъ десять новыхъ.

— Гдѣ же справедливость? Вѣдь только нѣмецкіе солдаты

Digitized by Google

вторглись въ страну, не нѣмецкій народъ — значитъ, противъ нихъ можно выставить только французскихъ солдатъ...

— Ты все толкуешь о справедливости и благоразуміи, неразумная ты,—Франція обезумѣла отъ боли и злобы и съ точки зрѣнія любви къ отечеству боль ея святая, злоба ея понятна. Чего бы ни предприняла она съ отчаянья, въ этомъ не будетъ личнаго чувства, будетъ только высшая степень самопожертвованія. О, если бы настало уже то время, когда сила добродѣтели, присущая человѣчеству, употреблялась бы не на разрушеніе и уничтоженіе, а на созиданіе счастья! Но эта злополучная война откинула насъ опять далеко отъ этой цѣли.

— Нѣтъ, нѣтъ, я убѣждена, что теперь война кончилась.

— Хотя бы и такъ (въ чемъ я сомнѣваюсь); но вѣдь теперь посѣяны сѣмяна для будущихъ войнъ, и хорошо еще, если бы ненависть ограничилась изгнаніемъ нѣмцевъ. А то вѣдь тутъ есть нѣчто, вліяющее далеко за предѣлы современнаго поколѣнія.

4 сентября. Опять насиліе, опять взрывъ страстей, и вмѣстѣ съ тѣмъ лекарство для спасенія отечества: императоръ низвергнутъ. Франція объявляетъ себя республикою. Все, что было сдѣлано Наполеономъ III и его арміею, теряетъ значеніе. Ошибки, измѣна, трусость,—въ этомъ виновато только нѣсколько человѣкъ,—императоръ и его генералы. Съ низверженіемъ престола, страницы, на которыхъ существовали Мецъ и Седанъ, вырваны изъ исторіи Франціи. Только теперь сама *страна* будетъ вести войну, если Германія осмѣлится продолжать свое вторженіе...

— Ну, а если-бы Наполеонъ одержалъ побѣду? — спросила я Фридриха.

— Тогда его побѣда и слава считались-бы побѣдою и славою народа.

— Развѣ это справедливо?

— Пора тебѣ отвыкнуть отъ этого вопроса.

Мнѣ скоро пришлось отказаться отъ надежды, что седанская катастрофа положитъ конецъ войны. Все кругомъ насъ принимало воинственный видъ. Въ воздухѣ чувствовалась ярая злоба и жажда мести. Злоба на врага и почти такая же на павшую династію. Возмутительны были всѣ тѣ памфлеты, ругательства, клевета, насмѣшки, которые сыпались на императора, на императрицу, и на несчастныхъ главнокомандующихъ. Грубая толпа думала выместить на нѣсколькихъ человѣкахъ погибель страны,

Digitized by Google

и теперь, когда эти нѣсколько человѣкъ были низвергнуты, въ нихъ бросали грязью и камнями,—только теперь страна докажетъ свою непобѣдимость.

Укрѣпленіе Парижа шло самымъ дѣятельнымъ образомъ. Строенія въ раіонѣ сраженія главнаго пояса разбирались или взрывались. Вся окрестность превратилась въ пустошь. Цѣлыя толпы людей выбирались съ своимъ имуществомъ въ городъ. Какое это было ужасное зрѣлище, всѣ эти тянувшіеся обозы, навьюченныя лошади, и люди, тащившіе по улицамъ имущество своихъ раззоренныхъ очаговъ! Я уже видѣла, однажды, нѣчто подобное въ Богеміи, когда несчастное населеніе спасалось бѣгствомъ отъ врага, и вотъ теперь, мнѣ пришлось видѣть ту же картину отчаянія въ блестящемъ міровомъ городѣ—тѣ же лица полныя ужаса и тоски, та же озабоченность, та же торопливость, то же отчаяніе.

Наконецъ-то слава Богу, опять добрая вѣсть: черезъ вмѣшательство Англіи, въ Ферріерѣ состоится свиданіе Бисмарка съ Жюль Фавромъ. Быть можетъ, оно приведетъ къ соглашенію, къ заключенію мира!

Не тутъ-то было! Пропасть разверзлась еще больше!

Съ нѣкоторыхъ поръ въ нѣмецкихъ газетахъ начали поговаривать о занятіи Эльзасъ-Лотарингіи. Хотятъ опять присоединить къ себѣ бывшую нѣкогда нѣмецкую землю. Историческій аргументъ для заявленія претензій на эти провинціи только на половину основателенъ, за то стратегическій аргументъ имѣетъ большое значеніе: «онѣ необходимы, какъ бастіоны для предстоящихъ, имѣющихся быть войнъ». А вѣдь извѣстно, что стратегическія соображенія признаются за самыя важныя, за неизбѣжныя, рядомъ съ ними этическое основаніе отходитъ на второй планъ.

Съ другой стороны: война была проиграна Франціею, развѣ выигрывшій партію не долженъ былъ получить за это призъ? Развѣ французы, въ случаѣ выигрыша, не захотѣли бы присвоить себѣ рейнскія провинціи? Еслибы война не имѣла послѣдствіемъ увеличенія владѣній той или другой стороны, къ чему же тогда война?

Между тѣмъ побѣдители идутъ все дальше и дальше—нѣмцы уже у воротъ Парижа. Уступка Эльзасъ-Лотарингіи предъявляется, какъ офиціальное требованіе. Противъ него ставится извѣстное изреченіе: «ни пяди нашей территоріи, ни камня изъ нашихъ крѣпостей» («Pas un pouce—pas une pierre»).

Да, лучше тысячи жизней, чѣмъ дюймъ земли. Это вѣдь

Digitized by Google

основная мысль патріотизма. «Насъ хотятъ унизить, восклицаютъ французскіе патріоты, мы скорѣе согласны похоронить Парижъ подъ его развалинами!»

Вонъ отсюда, скорѣе вонъ! рѣшаемъ мы. Къ чему оставаться въ чужомъ, осажденномъ городѣ, къ чему жить среди людей, которые не чувствуютъ къ вамъ ничего, кромѣ ненависти и желанія мести, которые косятся и смотрятъ на васъ со сжатыми кулаками за то, что вы говорите по нѣмецки. Конечно, выбраться теперь изъ Парижа было нелегко, пришлось бы пробираться черезъ раіоны театра войны, желѣзныя дороги для частныхъ людей были закрыты, пришлось бы бросить нашу постройку, что также было не особенно удобно—но дѣлать нечего, оставаться было невозможно. Въ сущности мы пересядѣли—всѣ пережитыя волненія за послѣднее время отозвались серьезно на моихъ нервахъ. У меня, послѣднее время, дѣлалась часто нервная дрожь и было нѣсколько истерическихъ припадковъ.

У насъ все было уже уложено, когда у меня снова повторился такой припадокъ и на этотъ разъ съ такою силою, что меня пришлось уложить въ постель. Послали за докторомъ, который нашелъ, что у меня начинается или нервная горячка, или воспаленіе мозга—объ отъѣздѣ нечего было и думать...

Я пролежала много, много недѣль. Только смутное воспоминаніе сохранилось у меня о томъ времени,—и странно—чрезвычайно пріятное воспоминаніе.

Вѣдь я была серьезно больна, кругомъ было такъ грустно, только страшно—городъ въ осадѣ—и всетаки, оглядываясь назадъ, скажу — веселое то было время, веселое — полное какого-то дѣтскаго веселья. Воспаленіе мозга, которое я перенесла—въ связи съ отсутствіемъ сознанія—съ невозможностью разсуждать и обсуждать, — превратило меня въ ребенка—у меня оставалось только неясное сознаніе блаженства существованія—какъ это бываетъ у малыхъ дѣтей при нѣжномъ, заботливомъ за ними уходѣ... Недостатка въ такомъ уходѣ у меня не было. Мужъ мой озабоченный, любящій, день и ночь не оставлялъ меня. Онъ часто приносилъ ко мнѣ дѣтей... Чего мнѣ только ни разсказывалъ мой милый Рудольфъ. Я часто ничего не понимала, но самый голосъ его былъ для меня музыкою, а щебетанье нашей Сильвіи, нашей дорогой каплюши, до нельзя радовало меня; сколькихъ милыхъ шалостей и общей радости была поводомъ наша милая дочка! Въ чемъ состояли

Digitized by Google

эти шалости, даже не припомню хорошенько, знаю только, что я веселилась и смѣялась имъ въ то время безъ конца. Самыя пустыя слова казались мнѣ перлами остроумія и чѣмъ чаще онѣ повторялись, тѣмъ прелестнѣе и умнѣе казались онѣ мнѣ. Съ какимъ наслажденіемъ я проглатывала разные напитки, которые мнѣ давались; въ опредѣленный часъ я получала лимонадъ—такого божественнаго лимонада я не пила за всю мою жизнь, вечеромъ—лекарство съ опіумомъ, отъ котораго я впадала въ сладкую дремоту, сохраняя сознаніе и испытывая чувство блаженнаго покоя. Къ тому же я знала, что около меня мой дорогой мужъ, который оберегаетъ и охраняетъ меня, какъ самое драгоцѣнное свое сокровище. Война, которая бушевала тамъ, за дверьми—о ней я почти ничего не знала, а если по временамъ у меня и мелькало воспоминаніе о ней, она являлась мнѣ чѣмъ-то такимъ далекимъ, до меня совсѣмъ не касающимся, точно все это происходило въ Китаѣ или на другой планетѣ. Мой міръ былъ въ этой комнатѣ, гдѣ я лежала больная или скорѣе выздоравливающая—я чувствовала, что я выздоравливаю и иду на встрѣчу счастью.

. . . . . .

Счастью? Нѣтъ. Съ выздоровленіемъ вернулось и сознаніе, а съ нимъ и пониманіе всего, что дѣлалось кругомъ. Мы были въ осажденномъ, голодномъ, мерзнущемъ, полномъ отчаянія городѣ. Война все еще свирѣпствовала.

Между тѣмъ подоспѣла зима, холодная, морозная. Только теперь я узнала обо всемъ, что было за время моего долгаго, безсознательнаго состоянія. Главный городъ «Страны братьевъ» Страсбургъ,—этотъ чудный городъ, чисто нѣмецкій, коренной нѣмецкій городъ, бомбардируется, библіотека была уничтожена, было сдѣлано 193.722 выстрѣла—по четыре или по пяти въ минуту.

Страсбургъ *взятъ*.

Страна въ безумномъ отчаяніи—въ томъ отчаяніи, которое переходитъ въ бѣшенство и безуміе. Перелистываютъ «Nostradamus», чтобы найти предсказанія случившихся событій, появляются новые прорицатели, это еще не все,—появляются бѣсноватые, возвратъ въ средневѣковый мракъ, съ огненными языками ада...

— Если бы я могъ вернуться къ бедуинамъ!—восклицаетъ Густавъ Флоберъ.—Если бы я могла вернуться къ тому безсознательному состоянію моей болѣзни!—вздыхала я.

Digitized by Google

Теперь я была здорова и должна была переживать и сознавать все, что происходило кругомъ ужаснаго. Тутъ снова началось записыванье въ красныя тетрадки:

1 декабря. Трошю укрѣпляется на высотахъ Шампиньи.

2 декабря. Упорная битва подъ Бри и Шампиньи.

3 декабря. Холода все усиливаются. Бѣдняги, окровавленные, дрожащіе отъ холода, умираютъ, валяясь въ снѣгу. Въ городѣ также страдаютъ отъ холода. Никакого заработка. Нѣтъ возможности добыть топлива. Чего бы ни отдалъ, кажется, за два полѣна дровъ—испанскій престолъ и тотъ бы отдалъ...

21 декабря. Вылазка изъ Парижа.

25 декабря. Небольшой отрядъ прусской кавалеріи встрѣченъ выстрѣлами изъ домовъ въ мѣстечкахъ Троо и Суже (долгъ патріотизма!). Генералъ Краатцъ въ наказаніе за это (долгъ командующаго!) приказываетъ сжечь эти мѣстечки. «Поджечь»,—гласитъ приказъ командира и солдаты,—вѣроятно, все добродушные, кроткіе люди,—исполняютъ его приказъ (долгъ солдата!) и поджигаютъ. Пламя поднимается до самаго неба и бѣдныя жилища рушатся на отцевъ, матерей, дѣтей,—на бѣгущихъ, плачущихъ, ревущихъ, горящихъ людей и звѣрей.

О, ты веселое, блаженное, святое Рождество!

* * *

Будутъ ли брать Парижъ голодомъ или штурмомъ? Положимъ, послѣднее противно культурной совѣсти. Этотъ «ville-lumière»—притягательная сила всѣхъ народовъ, колыбель всѣхъ искусствъ—городъ съ несмѣтными сокровищами и богатствами, неужели его можно бомбардировать какъ простую крѣпость? Это немысленно, вся нейтральная пресса (какъ я узнала позже) возстаетъ противъ этого. Пресса военной партіи въ Берлинѣ, напротивъ подбиваетъ къ тому: единственное средство довести войну до конца, овладѣть городомъ на Сенѣ—вотъ настоящая слава! Именно протесты и побуждаютъ извѣстные кружки въ Версалѣ, прибѣгнуть къ этому стратегическому средству—да, наконецъ, что же тутъ такого—обстрѣливаніе!..

28 декабря дрожащею рукою я вписала:

«Началось!.. опять глухой взрывъ!.. Пауза и опять...»

Больше я ничего не написала. Но я живо помню впечатлѣнія того дня—въ этомъ «началось» заключалось, помимо ужаса, какое-то облегченіе для натянутыхъ до-нельзя нервовъ. То, чего такъ долго ожидали, чего такъ долго страшились, то, что казалось почти невозможнымъ—то случилось.

Digitized by Google

Мы сидѣли за завтракомъ à la fourchette (т. е. ѣли хлѣбъ съ сыромъ,—въ провіантѣ уже терпѣлся недостатокъ). Фридрихъ, я, Рудольфъ и его воспитатель, когда раздался первый ударъ. Мы всѣ переглянулись... Неужели?..

Быть не можетъ, вѣроятно, захлопнули ворота. Затѣмъ все стихло. Мы снова продолжали прерванный разговоръ, не поддаваясь мысли, которую въ насъ пробудилъ тотъ странный звукъ. Черезъ 3—4 минуты ударъ повторился. Фридрихъ вскочилъ.

— Бомбардируютъ!—проговорилъ онъ, бросаясь къ окну. Я послѣдовала за нимъ. Съ улицы слышался шумъ. Образовывались группы—люди останавливались прислушиваясь, безпокойно перекидываясь словами другъ съ другомъ. Въ эту минуту въ комнату вбѣжалъ нашъ каммердинеръ.

Раздался новый залпъ.

— Oh, monsieur et madame—c'est le bombardement!

Въ дверяхъ толкалась остальная прислуга, лакеи, горничныя до поваренка включительно. Въ такія минуты общаго смятенья, какъ война, пожаръ, наводненіе, всѣ общественныя условія нарушаются—всѣ, которые подвергаются одинаковой опасности, всѣ сбѣгаются вмѣстѣ. Всѣ дѣлаются равными—опасность приравниваетъ всѣхъ, больше всякаго закона, больше самой смерти, которая въ своихъ похоронныхъ церемоніяхъ допускаетъ разницу сословій. «C'est le bombardement, c'est le bombardement!» Всякій, кто вбѣгалъ къ намъ въ комнаты, повторялъ тоже самое.

Это было ужасно—тѣмъ не менѣе я помню совершенно ясно ощущенія той минуты: страхъ, соединенный съ чувствомъ удивленія, какое-то удовлетвореніе отъ сознанія, что переживаешь такое тяжелое, потрясающее событіе и все таки безъ боязни за личную жизнь. У меня стучало въ вискахъ — я ощущала что-то въ родѣ — какъ бы это выразиться — гордости своею храбростью.

* * *

Въ сущности все это было не такъ ужасно, какъ казалось въ первую минуту. Не было ни горящихъ строеній, ни въ ужасѣ бѣгающихъ людей, ни летающаго въ воздухѣ града бомбъ—только все тотъ же глухой, отдаленный, черезъ большіе промежутки повторяющійся, далекій грохотъ. Черезъ нѣкоторое время это сдѣлалось уже чѣмъ-то привычнымъ. Парижане избирали для своихъ прогулокъ мѣста, откуда была слышна

Digitized by Google

пушечная пальба. По временамъ бомбы падали на улицы, разрывались — но такъ рѣдко случалось, чтобы кто нибудь находился по близости. Конечно, дѣло не обходилось безъ смертельныхъ случаевъ, но въ милліонномъ городѣ о такихъ случаяхъ разсказывали какъ о единичныхъ, все равно, что прочиталъ бы въ газетной хроникѣ о какомъ нибудь несчастіи: «каменщикъ упалъ съ лѣсовъ», или «прилично одѣтая дама бросилась съ моста въ рѣку» и т. д. Настоящимъ несчастіемъ, настоящимъ ужасомъ населенія было не бомбардированіе, а голодъ, холодъ, нужда. Было, впрочемъ, одно извѣстіе—послѣдствіе взрыва гранаты—которое меня очень опечалило. Мы получили слѣдующее объявленіе съ черной каймой: «Г. и Г-жа. N. извѣщаютъ о смерти своихъ двухъ дѣтей Франсуа (8 л.) и Амели (4 л.), которые убиты влетѣвшею въ окно гранатою. Просятъ о тихомъ сочувствіи».

«Тихое сочувствіе!» Я громко вскрикнула отъ ужаса, прочитавъ это объявленіе. Какъ молнія промелькнула передъ моими внутренними очами картина горя, выраженнаго этими строками... Я видѣла нашихъ дѣтей, Рудольфа и Сильвію — нѣтъ, было отъ чего обезумѣть!

Извѣстія получались рѣдко, почты не было, съ внѣшнимъ міромъ сообщались посредствомъ почтовыхъ голубей и воздушныхъ шаровъ. Слухи носились все самые разнорѣчивые. То говорили о побѣдѣ... то будто бы Парижъ будетъ разрушенъ, подожженъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ и сравненъ съ землей; говорили еще, что прежде чѣмъ допустить подойти къ стѣнамъ Парижа хоть одного нѣмца, комендантъ крѣпости взорветъ и себя, и весь Парижъ на воздухъ. Говорили, что все населеніе юга («le midi se levé) нападетъ на осаждающихъ съ тылу, сдѣлаетъ имъ невозможнымъ отступленіе и перебьетъ ихъ всѣхъ до единаго.

Рядомъ съ этимъ фальшивыми извѣстіями доходили до насъ и вѣрныя свѣдѣнія, которыя потомъ подтверждались. Разсказывали, напр., что по дорогѣ отъ Grand-Luce, недалеко отъ Le Mans стояла страшная паника, совершались жестокости — неизвѣстно откуда появлялись солдаты, выбрасывали раненыхъ изъ вагоновъ и занимали ихъ мѣста.

Съ каждымъ днемъ становится труднѣе доставать жизненные припасы, запасы мяса истощены, давно уже перевелись всѣ быки и бараны въ окрестныхъ паркахъ, скоро будутъ съѣдены всѣ лошади, начинается уже періодъ, когда примутся

Digitized by Google

за кошекъ, крысъ и мышей, затѣмъ останутся звѣри изъ Jardin des plantes, и самъ любимый слонъ не избѣжитъ той же участи. Хлѣба почти нельзя достать. Часами стоятъ люди передъ булочными, чтобы получить свой маленькій паекъ, но большинству приходилось уходить съ пустыми руками. Утомленіе и болѣзнь доставляютъ смерти хорошую жатву. Въ обыкновенное время умирало 1.100 человѣкъ въ недѣлю, теперь же, по парижскимъ газетамъ, умираетъ еженедѣльно 4—5.000. Значитъ, ежедневно около 400 неестественныхъ смертей,—т. е. убійствъ. Хотя убійца здѣсь не отдѣльное лицо, хотя онъ предметъ безличный, именно, война, тѣмъ не менѣе, это—убійства. Кто отвѣчаетъ за нихъ? Тѣ парламентскіе ораторы, которые въ своихъ подстрекательскихъ рѣчахъ заявляли, съ гордымъ паѳосомъ — какъ Жирарденъ въ засѣданіи 15 іюля, — что «отвѣтственность за эту войну передъ исторіею они берутъ на себя». Достаточно ли сильны плечи одного человѣка, чтобы вынести на нихъ тяжесть подобнаго преступленія? Безъ сомнѣнія — нѣтъ. Да никому и не придетъ въ голову ловить хвастуна на словѣ.

Однажды—это было 20-го января—Фридрихъ, вернувшись домой изъ города, взволнованный, вошелъ ко мнѣ въ комнату.

— Возьми-ка твою записную книжку, моя ревностная писательница исторіи!—сказалъ онъ мнѣ.—Сегодня имѣется важная статья.

И онъ опустился въ кресло.

— Которую изъ книгъ? «Протоколъ мира».

Фридрихъ покачалъ головой.

— Съ нимъ, вѣроятно, надолго мы распрощались. Настоящая война слишкомъ отчаянна, чтобы не оставить своего воинственнаго вліянія. Она посѣяла въ побѣжденныхъ такой запасъ сѣмянъ ненависти и мести, изъ которыхъ взойдетъ цѣлая жатва для борьбы въ будущемъ, а съ другой стороны въ побѣдителѣ своими громадными успѣхами она породила цѣлый посѣвъ военной гордости.

— Что же случилось такого важнаго?

— Король Вильгельмъ провозглашенъ въ Версали императоромъ. Теперь единая Германія—единое государство—и могущественное государство. Это порождаетъ, такъ сказать, новый отдѣлъ въ всемірной исторіи. И можешь себѣ представить, какимъ почетомъ въ этомъ новомъ царствѣ, образовавшемся благодаря оружію, будетъ пользоваться оружіе. Такимъ образомъ уничто-

Digitized by Google

жатся двѣ самыхъ передовыхъ культурныхъ страны, обѣ они одинаково проникнутся духомъ войны, одна—чтобы отмстить за полученный ударъ, другая—чтобы удержать за собою пріобрѣтенное могущество, тамъ изъ ненависти, здѣсь изъ любви, тамъ изъ чувства возмездія, здѣсь изъ благодарности—не все ли равно: спрячь твой «Протоколъ мира», — на долго надъ нами будетъ стоять обагренное кровью желѣзное знаменіе Марса.

— Германскій императоръ!—воскликнула я,—это дѣйствительно поразительно!

И я заставила себѣ разсказать всѣ подробности этого событія.

— Я всетаки не могу не радоваться этому извѣстію, Фридрихъ, по крайней мѣрѣ, вся эта рѣзня была не даромъ, если въ результатѣ явилось новое, могущественное государство.

— Съ точки зрѣнія Франціи — потеря двойная... А мы оба имѣемъ, конечно, право относиться къ этой войнѣ не односторонне, съ нѣмецкой точки зрѣнія. Не только какъ люди, но даже въ узкомъ, національномъ смыслѣ, мы имѣемъ право огорчаться успѣхами нашихъ враговъ и покорителей 1866 года. И тѣмъ не менѣе, я вполнѣ согласенъ съ тобою, это соединеніе разрозненной Германіи — великолѣпная вещь; въ этомъ согласіи остальныхъ нѣмецкихъ князей поднести сѣдовласому побѣдителю императорскую корону есть что-то воодушевляющее, достойное восхищенія. Жаль только, что это соединеніе достигнуто не миромъ, а войною. Если бы Наполеонъ III не отослалъ вызова 19-го іюля, неужели у нѣмцевъ не стало бы настолько любви къ отечеству, народной силы, единства, чтобы образовать то, чѣмъ они теперь будутъ такъ гордиться: «народъ братьевъ?» Теперь они будутъ ликовать—желаніе поэта свершилось. А то, что они четыре года назадъ готовы были таскать другъ друга за волосы, что у ганноверцевъ, саксонцевъ, франкфуртцевъ, нассаусцевъ съ Пруссіей было связано понятіе о ненависти—это все, къ счастію, забыто. За то ненависть къ нѣмцамъ—до чего она дойдетъ здѣсь въ этой странѣ.

Мнѣ стало страшно.

— Одно слово ненависть,—начала я...

— Тебѣ ненавистно? ты права. До тѣхъ поръ, покуда это чувство не будетъ лишено всѣхъ правъ, не будетъ считаться безчестнымъ, до тѣхъ поръ нѣтъ человѣчнаго человѣчества. Религіозная ненависть преодолѣна, но ненависть народовъ требуетъ еще гражданскаго воспитанія. А между тѣмъ существуетъ такое

Digitized by Google

облагораживающее чувство, доставляющее столько счастія—чувство любви. Не правда ли, Марта, объ ней мы бы могли кое что поразсказать?

Я склонила голову на его плечо и посмотрѣла ему въ глаза, а онъ такъ нѣжно поправилъ мнѣ сбившуюся прядку волосъ на лбу.

— Мы знаемъ,—продолжалъ онъ,—какое счастье чувствовать въ душѣ своей запасъ любви къ другъ другу, къ дѣтямъ, ко всѣмъ братьямъ человѣческой семьи, которыхъ такъ бы хотѣлось уберечь отъ всякаго зла... Но они сами не хотятъ этого.

— Нѣтъ, милый Фридрихъ, у меня совсѣмъ не такое всеобъемлющее сердце. Я не могу любить всѣхъ ненавидящихъ.

— Но ты можешь ихъ жалѣть?

Въ такомъ духѣ мы долго еще болтали. Я это такъ живо помню потому, что рядомъ съ военными событіями я записывала въ мои красныя тетрадки отрывки нашихъ разговоровъ, которые были въ связи съ ними. Въ тотъ день мы опять говорили о будущемъ: Парижъ сдастся на капитуляцію, война кончится и затѣмъ мы, со спокойною совѣстью, могли отдаться нашему счастью. Мы перебрали все, что ручалось намъ за него. За восемь лѣтъ нашей брачной жизни ни одного непріятнаго, рѣзкаго слова, мы столько перенесли вмѣстѣ и горя и радостей; любовь наша, наши отношенія до того упрочились, что намъ нечего было страшиться никакихъ перемѣнъ съ этой стороны. Напротивъ, мы становились все ближе и ближе другъ другу, каждое событіе, которое мы переживали вмѣстѣ, связывало насъ еще больше. Когда мы оба превратимся въ сѣдовласыхъ старичковъ, съ какою радостью будемъ мы вспоминать наше безоблачное прошлое, какой тихій, мирный предстоитъ намъ закатъ дней!.. Эту картину нашей счастливой старости я представляла себѣ до того часто и живо, что я даже видѣла не разъ насъ во снѣ счастливой, старой парочкой—съ разными подробностями—Фридриха въ бархатной шапочкѣ съ большими, садовыми ножницами... не знаю съ чего—онъ никогда не занимался садоводствомъ, а о бархатной шапочкѣ не было никогда и рѣчи—я, въ кокетливой кружевной косынкѣ на сѣдыхъ волосахъ—мы оба гуляемъ въ паркѣ, солнце заходитъ, такой теплый, чудный вечеръ: съ улыбкою на устахъ, мы обращаемся другъ къ другу съ словами.—А помнишь ли?.. Ты не забылъ—помнишь, когда...

* * *

Многія предъидущія страницы я писала съ ужасомъ, пере-

Digitized by Google

силивая себя. Безконечно мучительно было для меня описывать мою поѣздку въ Богемію, холерную недѣлю въ Грумитцѣ. Я преодолѣвала себя изъ чувства долга. Мой дорогой мужъ сказалъ мнѣ однажды: «Если я умру раньше, ты должна взять на себя мою задачу по дѣлу мира». Если-бы я не была связана его волею, мнѣ кажется, я была-бы не въ силахъ бередить такъ жестоко раны моихъ воспоминаній.

Но теперь, я дошла до одного событія, о которомъ могу только сообщить—описывать его я рѣшительно не въ силахъ.

Не могу, не могу!

Я двадцать разъ принималась.—Кругомъ меня лежатъ разорванные, начатые листки—у меня всякій разъ дѣлались спазмы въ сердцѣ—мысли прерывались, застывали въ мозгу—я бросала перо и рыдала, рыдала горько, на взрыдъ, безъ удержу какъ малое дитя.

Теперь, черезъ нѣсколько часовъ, я снова принимаюсь за мою задачу. Но я рѣшительно отказываюсь отъ передачи подробностей того, что случилось, о томъ, что я тогда перечувствовала.

Вотъ онъ—самый фактъ:

Фридрихъ — мой единственный!—былъ въ силу найденнаго при немъ письма изъ Берлина—обвиненъ въ шпіонствѣ—окруженъ фанатиками „à mort, à mort le Prussien"... привлеченъ къ суду патріотовъ и... 1 февраля 1871 . . . . . по военному суду разстрѣлянъ.

Digitized by Google

Эпилогъ.

1899 годъ.

Когда я въ первый разъ вернулась къ сознанію, миръ былъ заключенъ, коммуна низвергнута. Цѣлые мѣсяцы подъ надзоромъ моей дорогой фрау Анны пролежала я больная, не сознавая, что я живу. Что это была за болѣзнь—я до сихъ поръ не знаю, окружающіе называли ее осторожно—тифомъ, я же полагаю, что это было просто—сумасшествіе.

Совсѣмъ смутно помнила я, что послѣднее время было въ связи съ трескотней выстрѣловъ, съ пожирающими пожарами, вѣроятно, моей фантазіи представлялись картины изъ разсказовъ дѣйствительности, а именно борьба между версальцами и коммунарами, поджоги петролейщиковъ.

Что я не сотворила надъ собой чего-нибудь, что я не умерла съ горя, когда я вернулась къ сознанію и постигла весь ужасъ моего несчастія, я обязана, конечно, моимъ дѣтямъ. Ими, для нихъ я должна была жить. Еще до болѣзни, въ тотъ ужасный день, когда на меня обрушился этотъ ужасъ, Рудольфъ удержалъ меня на землѣ. Громко рыдая, я упала тогда на колѣни и повторяла одно. «Умереть, умереть?..» Я должна умереть!.. Меня обняли дѣтскія ручки и умоляющимъ взглядомъ, полнымъ глубокой скорби, смотрѣли на меня эти любящіе, милые дѣтскіе глаза моего мальчика:

— Мать!

До этихъ поръ онъ не звалъ меня иначе, какъ мама. Но вотъ именно въ эту минуту, въ первый разъ онъ сказалъ слово «Мать» и въ одномъ этотъ словѣ я услыхала: «Ты не

Digitized by Google

одна, у тебя есть сынъ, который раздѣляетъ твое горе, который любитъ тебя и почитаетъ какъ никого, у котораго нѣтъ никого въ мірѣ кромѣ тебя — не покидай твоего сына, не покидай!.. о, мать!»

Я прижала его къ сердцу и чтобы онъ зналъ, что я поняла его, я пробормотала:

— Сынъ мой, сынъ мой!

Одновременно я вспомнила о моей дочери, — объ его дѣточкѣ и мое рѣшеніе жить было окончательное. Но скорбь была невыносима,—и я впала въ умственный мракъ. И не только на этотъ разъ, цѣлые годы—съ болѣе долгими промежутками—ко мнѣ возвращалось состояніе задумчивости, о которомъ я потомъ не помнила. Теперь уже нѣсколько лѣтъ такое состояніе не повторялось. Т. е. не повторялись припадки безсознательной печали, но сознательная горечь душевной боли—всегда при мнѣ. Прошло 18 лѣтъ съ того 1 февраля 1871 года, но ту глубокую злобу, ту глубокую скорбь, которую причинила та трагедія, никакое время, — если бы я жила даже сто лѣтъ,—не въ состояніи изгладить. Если за послѣднее время и выпадаютъ дни, когда я, подъ віяніемъ событій дня, не думаю о прошломъ горѣ, радуюсь даже радостямъ моихъ дѣтей, за то ночи не бываетъ *ни одной ночи*, чтобы меня не душило мое горе. Это что-то совсѣмъ особенное, что трудно описать, это пойметъ только тотъ, кто прошелъ самъ черезъ то же. Живешь точно двойною душевною жизнью. Если *одно* сознаніе, во время бдѣнія, подъ вліяніемъ интересовъ, внѣшней жизни и забываетъ на время, зато въ душѣ моей есть точно еще второе сознаніе, которое сохраняетъ впечатлѣніе того ужаснаго воспоминанія все съ тою же силою боли; и одно *я* — когда другое засыпаетъ—даетъ себя чувствовать, будитъ другое, чтобы передать ему о своемъ горѣ. Каждую ночь въ одно и тоже время я просыпаюсь съ чувствомъ безграничной скорби... Сердце сжимается отъ боли, мнѣ хочется плакать, горько плакать, рыдать отъ боли. Такъ продолжается нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ разбуженное *я* въ состояніи понять, отчего другое несчастное такъ несчастливо... затѣмъ является чувство всеобъемлющаго состраданія, это второй стадіи—чувство міровой скорби, которое заставляетъ восклицать: «О! несчастные, несчастные люди!» Тутъ я вижу подъ градомъ летящихъ смертельныхъ снарядовъ съ крикомъ падающихъ людей—и тутъ я вспоминала, что и онъ, *мой дорогой*—упалъ такъ же...

Digitized by Google

Но странно, во снѣ мнѣ никогда не снится моя утрата. Напротивъ, я такъ часто вижу его живымъ, разговариваю съ нимъ. Цѣлыя картины изъ прошлаго проходятъ во снѣ передо мною, но не печальныя—напротивъ—напр. свиданіе послѣ Шлезвигъ-Гольштейна, наши шалости у люльки Сильвіи, наши прогулки въ горахъ Швейцаріи, наше чтеніе любимыхъ авторовъ, и по временамъ картина, освѣщенная лучами заходящаго солнца,—мой мужъ, сѣденькій старичекъ, съ большими садовыми ножницами, подвязываетъ розовый кустъ. «Не правда-ли, какіе мы съ тобой счастливые старички? спрашиваетъ онъ меня улыбаясь».

Трауръ я ношу до сихъ поръ, я не сняла его даже въ день свадьбы моего сына. Кто имѣлъ такого мужа, любилъ и потерялъ его,—такъ потерялъ,—у того любовь должна быть сильнѣе смерти, у того злоба мести никогда не можетъ охладѣть.

Но на кого эта злоба? Кому мнѣ мстить? Люди, совершившіе это дѣяніе—неповинны. Виноватымъ является принципъ войны и только на него могу я обратить мое безсильное гоненіе.

Мой сынъ Рудольфъ раздѣляетъ мои взгляды, что, однако, не мѣшаетъ ему отправлять каждый годъ свои воинскія упражненія и, если завтра вспыхнетъ угрожающая европейская гигантская война, выступитъ на границу. И можетъ быть, мнѣ придется еще видѣть какъ самое дорогое, что у меня есть на свѣтѣ, будетъ принесено въ жертву Молоху, и какъ мой очагъ, въ которомъ я могла бы найти покой и миръ подъ старость, будетъ превращенъ въ развалины.

Придется ли мнѣ пережить еще все это и тогда уже безвозвратно потерять разсудокъ или я доживу до побѣды справедливости и человѣколюбія, которыя теперь все болѣе и болѣе во всѣхъ слояхъ народовъ пробиваютъ себѣ путь?

Въ красныхъ тетрадкахъ—въ моемъ дневникѣ—больше ничего не вписано. Подъ 1 февраля 1871 года я поставила большой крестъ и закончила исторію моей жизни. Только въ голубую тетрадку, въ «протоколъ мира», которую мы завели вмѣстѣ съ Фридрихомъ и въ которой были внесены фазисы идеи мира, я прибавила еще нѣсколько замѣтокъ.

Въ первые года послѣ франко-прусской войны, помимо моего психическаго разстройства, трудно было-бы написать, что-нибудь о миролюбивыхъ взглядахъ. Двѣ вліятельныя націи континента были поглощены мыслями о войнѣ: одна гордо оглядываясь назадъ, вспомнила свои побѣды, другая мечтала о мести. Вотъ какія чувства волновали ихъ. По эту сторону Рейна, пе-

Digitized by Google

редъ статуями Германіи меньше ликовали, по ту сторону—статуи города Страсбурга меньше убирали трауромъ. Да, черезъ 10 лѣтъ снова могъ раздаться голосъ апостоловъ мира.

Блюнчли, великій ученый международнаго права, тотъ самый, съ которымъ мужъ мой былъ въ сношеніяхъ, зналъ взгляды правительствъ и разныхъ высокопоставленныхъ лицъ на миръ народовъ. Вотъ извѣстное изреченіе молчаливаго «мыслителя сраженій»: «Вѣчный миръ—это сонъ, и даже не прекрасный».

«Почемъ знать, можетъ быть, если бы Лютеръ спросилъ папу, что онъ думаетъ объ отпаденіи отъ Рима, вѣроятно, онъ тоже не отнесся бы къ реформаціи сочувственно», вписала я въ голубую тетрадку рядомъ съ изреченіемъ Мольтке.

Въ настоящее время трудно найти кого-нибудь, кому бы не снился этотъ сонъ, и кто бы не находилъ его прекраснымъ. Но есть и бдящіе, вполнѣ бдящіе, которые хотятъ разбудить человѣчество отъ сна варварства, и руководясь этою цѣлью, дѣятельно стремятся соединить всѣхъ и воздвигнуть Бѣлое Знамя.

Ихъ воинскій кличъ: «война войнѣ», ихъ лозунгъ, единственный возможный для спасенія Европы отъ превращенія въ развалины — это: «Долой оружіе!» Повсюду — въ Англіи, во Франціи, въ Италіи, во всѣхъ странахъ сѣвера въ Германіи, въ Швейцаріи, въ Америкѣ—образовались соглашенія по этому поводу, въ силу которыхъ, вліяніемъ общественнаго мнѣнія, давленіемъ воли народовъ, правительства должны быть склонны рѣшать всѣ имѣющіе быть у нихъ въ будущемъ споры международнымъ третейскимъ судомъ, представителями котораго они будутъ сами и такимъ образомъ, разъ навсегда, вмѣсто грубаго насилія, будетъ примѣняться право.

Что это не сонъ, что это не мечта, доказано на дѣлѣ Алабама, Каролинскіе Острова и разные другіе «вопросы» были улажены такимъ путемъ. И не только люди безъ положенія и власти,—не такіе какъ бѣдный кузнецъ—ратуютъ теперь за миръ, нѣтъ, за него ратуютъ теперь и члены парламента и епископы, и ученые, и сенаторы, и министры. А, кромѣ того, партія рабочихъ, милліонная партія, народная, въ программу самыхъ важныхъ своихъ требованій включаетъ и требованіе «Миръ народовъ».

— Мнѣ все это хорошо извѣстно (большинство людей этого не знаетъ) потому, что я осталась въ сношеніяхъ со всѣми ли-

Digitized by Google

цами, которыя вмѣстѣ съ Фридрихомъ работали по этому вопросу. Все, что мнѣ приходилось узнавать черезъ нихъ объ успѣхахъ и планѣ обществъ мира, я все это сейчасъ же вносила въ «Протоколъ». Послѣднимъ изъ того, что я записала по этому поводу, было слѣдующее письмо отъ президента «Лиги Мира» въ Лондонѣ, въ отвѣтъ на мой запросъ:

Милостивая Государыня!

Вы сдѣлали мнѣ честь обратиться ко мнѣ съ вопросомъ о настоящемъ положеніи дѣла, которому вы посвятили свою жизнь. Вотъ что могу вамъ отвѣтить: никогда еще во всемірной исторіи вопросъ мира не подавалъ такъ много надеждъ, какъ теперь. Повидимому насталъ конецъ мрака—конецъ убійству и разрушенію, и намъ, которые стоимъ на вершинѣ человѣчности, кажется что мы, наконецъ, видимъ первые лучи Царствія Небеснаго, снисходящаго на землю. Хотя странно слышать это въ такое время, когда вооруженныхъ людей на свѣтѣ болѣе, чѣмъ когда нибудь, когда придумано столько всякихъ ужасныхъ машинъ въ помощь ихъ, достойнаго проклятія, дѣла. Но именно тогда, когда положеніе не можетъ быть хуже чѣмъ оно есть, оно дѣлается лучше. Разрушеніе, которое вноситъ собою это безчисленное войско, всѣхъ изумляетъ; и близко то время, когда подавленные народы въ одинъ голосъ будутъ требовать отъ своихъ правителей: «спасите насъ, и дѣтей нашихъ отъ голодной смерти, которая намъ предстоитъ, если будетъ продолжаться такое положеніе дѣлъ; спасите цивилизацію и все, что для нея сдѣлано великими и мудрыми людьми; спасите міръ отъ возврата къ варварству, грабежу и ужасу».

Какія предзнаменованія того, что наступятъ лучшія времена, спрашиваете вы? Я отвѣчу вамъ на это—послѣднее собраніе въ Парижѣ делегатовъ болѣе ста обществъ для переговоровъ о введеніи съ международнаго согласія, справедливости и законности вмѣсто положенія насилія — развѣ бывало когда нибудь такое событіе? А эти представители всѣхъ націй, которые съ увлеченіемъ единогласно излагали проектъ практическаго осуществленія этой великой цѣли? Развѣ не въ первый разъ мы встрѣчаемъ въ исторіи конгрессъ изъ членовъ парламентовъ всѣхъ государствъ, въ которомъ они всѣ высказываются въ пользу договоровъ, въ силу которыхъ всѣ цивилизованныя государства обѣщаютъ слѣдовать рѣшенію избраннаго суда вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ убійству массы народа?

Кромѣ того, эти члены парламентовъ обязуются ежегодно собираться въ одномъ изъ европейскихъ городовъ, для обсужденія всѣхъ случаевъ недоразумѣній или столкновеній, могущихъ возникнуть, и вліять на миролюбивыя и справедливыя рѣшенія дѣлъ правительствами. Все это—съ этимъ согласится самый отчаянный пессимистъ—предзнаменованія времени, когда война будетъ считаться величайшимъ преступленіемъ безумія, какое только когда либо существовало въ исторіи человѣчества.

Примите, милостивая государыня, увѣреніе въ моемъ глубокомъ почтеніи. Искренно преданный

Годжсонъ Праттъ.

Digitized by Google

Конференція международныхъ парламентовъ, на которую ссылается Годжсонъ Пратъ, первая, о какой знаетъ исторія, состоялась подъ предсѣдательствомъ Жюля Симона. Вотъ отрывокъ изъ его рѣчи при открытіи засѣданія:

«Я счастливъ, что являюсь въ этихъ стѣнахъ представителемъ ревнителей мира всѣхъ націй. Ихъ собралось здѣсь порядочное число. Я бы желалъ, чтобы ихъ была масса, или же, чтобы ихъ было еще меньше, но чтобы это были не добровольцы, а представители офиціальнаго дипломатическаго конгресса. Какъ представители разныхъ государствъ, мы можемъ употребить полномочія, данныя намъ нашими избирателями, на доброе дѣло. Знайте, господа, что большинство нашей страны за миръ. Позвольте же мнѣ, господа, вмѣстѣ съ французами сердечно привѣтствовать васъ» и т. д.

Участвующіе въ этой конференціи, члены датскаго, испанскаго и итальянскаго парламентовъ, рѣшили въ теченіе слѣдующихъ сессій предложить своимъ правительствамъ введеніе международнаго третейскаго суда.

Слѣдующая конференція международныхъ парламентовъ должна состояться въ Лондонѣ, въ іюлѣ 1890 г.

Есть въ голубой тетрадкѣ и одинъ манифестъ государя, отъ марта 1888 года, манифестъ, который наконецъ-то озаренъ не воинственнымъ, а миролюбивымъ духомъ. Но тотъ благородно мыслящій, умирающій, который, собравшись съ послѣдними силами, взялся за скипетръ, который въ его рукахъ долженъ былъ превратиться въ оливковую вѣтвь мира, — былъ безъ движенія пригвожденъ къ одру страданія и скоро для него насталъ конецъ... Кто знаетъ, его преемникъ, полный воодушевленія, задающійся широкими замыслами, воодушевится-ли онъ идеаломъ мира? Ничего нѣтъ невозможнаго!

* * *

— Мама, неужели ты и послѣ завтра не снимешь траура.

Съ этими словами вошелъ ко мнѣ въ комнату сегодня утромъ Рудольфъ. На послѣ-завтра—30 іюля 1889 г.—было назначено крещеніе его перваго сына.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой дорогой,—отвѣтила я ему.

— Неужели ты будешь грустить въ такой день? — Зачѣмъ же тебѣ сохранять наружный видъ горя?

— Развѣ ты суевѣренъ,—неужели ты боишься, что черное платье бабушки принесетъ ея внуку несчастіе?

Digitized by Google

— Нѣтъ, этого я не боюсь, но оно не подходитъ къ окружающему веселію. Или ты дала обѣтъ?

— Нѣтъ, не обѣтъ, но это принятое рѣшеніе. Рѣшеніе, связанное съ такимъ воспоминаніемъ, — ты знаешь о чемъ я говорю,—которое также свято, какъ обѣтъ.

Мой сынъ склонилъ голову и не настаивалъ болѣе.

— Я помѣшалъ тебѣ;—ты писала?

— Да, исторію моей жизни. Слава Богу, я кончила: я писала послѣднюю главу.

— Какъ же ты можешь заканчивать исторію твоей жизни? Вѣдь ты живешь еще, и дай Богъ, чтобы ты прожила еще много, много лѣтъ среди насъ, дорогая матушка! Съ рожденіемъ моего маленькаго Фридриха, котораго я вырощу для того, чтобы онъ боготворилъ свою бабушку, для тебя начинается новая глава.

— Какой ты у меня хорошій, мой дорогой Рудольфъ. Я была бы неблагодарна, если бы не гордилась тобою и не радовалась, что ты у меня такой, также точно горжусь я и моею—*его* прелестной Сильвіею; да, я могу сказать, что у меня благословенная старость. — Тихій вечеръ — но день конченъ, когда солнце закатилось, не правда-ли?

Онъ отвѣтилъ молчаливымъ, полнымъ сочувствія, взглядомъ.

— Да, слово «конецъ» подписано подъ моей біографіей. Когда я собиралась ее писать, я рѣшила, что доведу ее до 1-го февраля 1871 г. Только, если бы война отняла у меня и тебя, что было бы весьма возможно, но, къ счастію во время войны Босніи ты по годамъ еще не могъ отбывать воинской повинности — тогда мнѣ бы пришлось продолжать мою книгу. Но и какова она есть, было достаточно мученія писать ее.

— Также какъ и читать ее... — замѣтилъ Рудольфъ, перелистывая тетрадь.

— Думаю, что такъ. Если моя скорбь пробудитъ хоть въ нѣсколькихъ сердцахъ отвращеніе къ источнику здѣсь описаннаго несчастія—я не напрасно помучилась.

— Достаточно ли ты освѣтила всѣ стороны вопроса, всѣми ли аргументами ты воспользовалась, анализируешь ли ты весь корень духа войны, достаточно ли изучены научныя основанія? Есть ли...

— Что ты! что ты!.. Я могла передать только то, что было въ моей жизни, въ границахъ моихъ личныхъ впечатлѣній и опыта... Освѣтила ли я всѣ стороны вопроса — конечно, нѣтъ! Что я знаю, напримѣръ, я, богатая, высокопоставленная — о

Digitized by Google

страданіяхъ, которыя война вноситъ въ массу, въ народъ? Что я знаю о пагубныхъ сторонахъ и пагубномъ вліяніи казарменной жизни? А научныя основы? Развѣ я могу знать соціально-экономическіе вопросы? А вѣдь отъ нихъ, на сколько я знаю, въ концѣ концовъ, зависятъ всѣ перевороты... Въ этихъ страницахъ нѣтъ ни прошлаго, ни будущаго народнаго права — здѣсь только исторія одной жизни.

— Не боишься ты одного? Узнаютъ твое намѣреніе тогда...

— Только тогда бываютъ въ претензіи, когда догадываются о цѣли, которую авторъ тщательно скрываетъ. Я ничего не скрываю — моя цѣль выражена двумя словами уже на заглавной страницѣ.

* * *

Вчера были крестины. Этотъ праздникъ соединилъ въ себѣ двѣ семейныя радости — моя Сильвія и крестный отецъ ея маленькаго племянника—котораго мы долго уже носили въ сердцѣ—графъ Антонъ Дельницкій были объявлены женихомъ и невѣстою.

Такимъ образомъ я была окружена счастьемъ своихъ дѣтей.

Рудольфъ, шесть лѣтъ, какъ владѣлъ маіоратомъ Дотскихъ, уже четыре года былъ женатъ на Беатриссѣ Грисбахъ, съ дѣтства предназначенной ему невѣстѣ, прелестной дѣвушкѣ во всѣхъ отношеніяхъ; затѣмъ теперь рожденіе наслѣдника—исполнилось и это его страстное желаніе имѣть ребенка. Словомъ сказать—завидная, блестящая доля.

Въ саду, въ стеклянной столовой былъ приготовленъ обѣдъ для гостей. Стеклянныя двери были настежъ открыты, въ нихъ врывался чудный вечерній воздухъ, пропитанный запахомъ розъ.

Подлѣ меня за столомъ сидѣла графиня Лори Грисбахъ, мать Беатрисы. Она овдовѣла. Мужъ ея палъ въ боснійскомъ походѣ. Она его не особенно оплакивала. Во всякомъ случаѣ вѣчнаго траура по немъ она не носитъ. Напротивъ, на этотъ разъ на ней было гранатоваго цвѣта брокаръ платье съ бриллiантовымъ уборомъ. Она осталась такою же пустою, какою была въ молодости. Вопросъ туалетовъ, нѣсколько англійскихъ и французскихъ модныхъ романовъ, разныя свѣтскія сплетни—по прежнему наполняютъ ея горизонтъ. Она даже перестала кокетничать. Молодые люди не имѣлись въ виду, хотя люди постарше, съ высокимъ положеніемъ, были не обезпечены отъ ея стрѣлъ... Въ данное время, какъ мнѣ кажется, на ея удочку попался министръ «во всякомъ случаѣ», котораго теперь мы всѣ звали

Digitized by Google

министромъ «съ другой стороны»—выраженіе которое онъ употреблялъ теперь вмѣсто «во всякомъ случаѣ».

— Должна тебѣ сознаться,—сказала мнѣ Лори послѣ того, какъ мы съ ней чокнулись въ честь вновь окрещеннаго,—при этомъ торжествѣ крестинъ крестника насъ обѣихъ я должна облегчить свою совѣсть однимъ признаніемъ тебѣ. Знаешь ли ты, что я была серьезно влюблена въ твоего мужа?

— Ты мнѣ не разъ это говорила, милая Лори.

— Но онъ былъ ко мнѣ всегда равнодушенъ.

— И это знаю.

— У тебя золотой былъ мужъ, Марта! Не могу сказать того же о моемъ покойникѣ, тѣмъ не менѣе—мнѣ было очень жаль Грисбаха. Одно только—онъ умеръ славною смертью—это все-таки утѣшеніе... конечно не веселая жизнь—вдовья жизнь. Въ особенности подъ старость... Покуда есть поклонники и ухаживатели, вдовство еще куда ни шло... но теперь, увѣряю тебя, можно впасть въ меланхолію отъ одиночества... Ты—другое дѣло: ты живешь у сына, но я совсѣмъ не собираюсь жить съ Беатрисою,—положимъ, и она не просила меня объ этомъ—теща въ домѣ не большая радость; у себя дома хочется быть хозяйкой, правда, приходится браниться съ прислугою, но за то можно имъ и приказывать. Повѣрь, я-бы не прочь и теперь еще сама выйти замужъ. Конечно, это былъ бы бракъ по разсудку, съ какимъ нибудь серьезнымъ положительнымъ человѣкомъ...

— Напримѣръ, за какого нибудь министра или что нибудь въ родѣ,—прибавила я, смѣясь.

— Ахъ, ты хитрая, опять ты меня насквозь видишь. Посмотри-ка въ ту сторону, посмотри, какъ Тони Дельницкій ухаживаетъ за твоей Сильвіей. Вѣдь это неприлично.

— Не безпокойся. Возвращаясь сегодня изъ церкви, они уже порѣшили! Сильвія успѣла сообщить мнѣ, что завтра молодой человѣкъ будетъ просить у меня ея руки.

— Да, неужели? Есть съ чѣмъ поздравить! Говорятъ, онъ былъ порядочный донъ-Жуанъ, этотъ красавецъ Тони... ну, да вѣдь всѣ они одинаковы... безъ этого нельзя... за то какая партія...

— Этимъ Сильвія не задавалась—онъ просто любитъ его...

— Тѣмъ лучше—эта хорошая прибавка къ браку.

— Прибавка? Эта альфа и омега его.

Одинъ изъ гостей полковникъ Д. постучалъ о стаканъ и — о, ужасъ!—тостъ! подумали многіе, переставъ болтать и при-

Digitized by Google

слушиваясь. Дѣйствительно было отчего придти въ отчаяніе: три раза несчастный спотыкался, да и самое желаніе его вышло тоже не особенно удачно... Онъ сталъ восхвалять новорожденнаго за то, что онъ родился въ такое время, когда отечеству скоро понадобятся сыны...—Дай ему Богъ,—говорилъ онъ, быть такимъ же доблестнымъ, какъ его прадѣдушка со стороны матери, такимъ же храбрымъ, какъ его дѣдушка со стороны отца... Дай Богъ ему имѣть много своихъ собственныхъ сыновъ, которые бы съ своей стороны дѣлали честь своему отцу и своимъ отцамъ и также какъ и тѣ отцы, которые погибли на полѣ чести... Отцы за честь страны своихъ отцевъ — своихъ отцевъ и отцы отцевъ — однимъ словомъ: за здоровье Фридриха Дотцкаго.

Стаканы зазвенѣли, но отъ рѣчи никто не пришелъ въ восторгъ. Едва пробудившаяся жизнь уже была внесена въ списокъ умершихъ будущихъ войнъ и это ни на кого не произвело хорошаго впечатлѣнія.

Чтобъ загладить эту грустную картину, одинъ изъ присутствовавшихъ счелъ своею обязанностью утѣшить всѣхъ надеждою, что настоящее положеніе дѣлъ обѣщаетъ долгій миръ, что тройственный союзъ...

Такимъ образомъ общій разговоръ опять былъ благополучно переведенъ на почву политики и министръ «съ другой стороны» принялся за разсужденія.

— Дѣйствительно, приходится сознаться (Лори такъ и впилась въ его ротъ), что въ настоящее время наша вооруженная сила такъ громадна, что наведетъ страхъ на всѣхъ нарушителей мира. Благодаря законамъ о ландштурмѣ, въ силу котораго призываются къ войнѣ всѣ годные граждане отъ 19 до 42 лѣтъ и всѣ бывшіе офицеры до 60 лѣтъ — мы во всякое время можемъ выставить 4.800.000 солдатъ. Положимъ, «съ другой стороны» увеличеніе расходовъ по содержанію войска — тяжелое бремя для народонаселенія, а также мѣры необходимыя для того, чтобы государство было наготовѣ къ войнѣ, не въ интересахъ урегулированія финансоваго положенія, но опять-таки «съ другой стороны»—какъ возвышенно то чувство патріотизма представителей народа, которые вездѣ и всегда съ полнымъ самопожертвованіемъ относятся къ увеличенію податей, налагаемыхъ военнымъ министерствомъ. Они вполнѣ сочувствуютъ той вызванной и всѣми политиками признанной, въ силу развитія вооруженія сосѣднихъ государствъ и политическаго положенія,

Digitized by Google

необходимости подчинить всѣ другія соображенія желѣзному давленію усиленнаго воинства.

— Какъ есть передовая статья!—замѣтилъ кто-то въ полголоса.

«Съ другой стороны» продолжалъ:

— Тѣмъ болѣе, что этимъ обезпечивается сохраненіе мира. Увеличивая постоянно наши военныя силы, подражая въ этомъ нашимъ сосѣдямъ, мы въ нашемъ традиціонномъ патріотизмѣ, обезпечиваемъ наши границы и исполняемъ высокую обязанность въ надеждѣ, что такимъ образомъ предотвратимъ угрожающую опасность. И такъ, я поднимаю стаканъ зъ тотъ принципъ, который, я знаю, такъ близокъ сердцу нашей баронессы Марты, и который поддерживается лигой мира въ средней Европѣ, и приглашаю васъ чокнуться со мною: «Да царствуетъ миръ! Его благодѣтельное вліяніе да продлится еще долго!»

— Я за это не пью,—сказала я.—Вооруженный миръ совсѣмъ не благодѣяніе... и миръ долженъ быть не долго, а всегда... При отправленіи въ плаваніе увѣренность, что корабль долго не разобьется о скалу—плохое успокоеніе. Честный капитанъ долженъ позаботиться, чтобы за все время плаванія не случилось ничего.

Докторъ Брессеръ, который по прежнему оставался другомъ нашего дома, помогъ мнѣ:

— Неужели вы вѣрите, ваше превосходительство, въ честное искреннее сочувствіе миру тѣхъ, которые со страстью, съ увлеченіемъ—солдаты? Которые не хотятъ даже слышать о томъ, что угрожаетъ войнѣ—о разоруженіи, о союзѣ государствъ, о третейскомъ судѣ—какая же радость была бы во всѣхъ этихъ арсеналахъ, крѣпостяхъ, маневрахъ, еслибъ они существовали только для того, чтобъ возбуждать страхъ, какъ какія-то пугала. Неужели же для того, чтобы никогда ими не пользоваться, на нихъ будутъ тратиться большія суммы, неужели народу содержать всѣ эти крѣпости только для того, чтобы черезъ границу дѣлать сосѣдямъ ручку. Превратиться же въ простую жандармерію по охранѣ мира, на это войско не согласится. Неужели же главнокомандующему начальствовать надъ вѣчными врагами войны? За этой маской—«si vis pacem»—скрываются разумные взгляды, но за ней же прячутся и депутаты, сочувствующіе бюджету войны...

— Представители народа,—прервалъ министръ.—Нельзя не хвалить ихъ за ихъ жертвы, на которыя они не скупятся въ трудныя времена, и на которыя они всегда готовы единогласно подать голоса за извѣстные законы.

Digitized by Google

— Простите, ваше превосходительство, но я бы попробовалъ этимъ единогласно вотирующимъ сказать: изъ-за твоего «да» у той матери отнимутъ ея единственнаго сына; изъ-за твоего «да» тому бѣдняку выколютъ глаза; изъ-за твоего «да» будетъ сожжена рѣдкая, незамѣнимая библіотека; изъ-за твоего «да» поэту, который былъ бы славой своей страны, пробьютъ черепъ... Вы говорили это «да», чтобы васъ не заподозрили въ трусости, какъ будто попасть въ армію—страшно только за себя... Развѣ вы избраны не для того, чтобы принимать во вниманіе желаніе народа? А народъ желаетъ производительнаго труда, желаетъ облегченія, желаетъ мира...

— Надѣюсь, любезный докторъ, — замѣтилъ недовольнымъ тономъ полковникъ,—что вы не бывали депутатомъ—вся бы палата васъ осмѣяла.

— Подвегнуться этому уже значило бы, что я не трусъ. Для того, чтобы плыть противъ теченія, нужно много имѣть силы...

— А что, если вдругъ насталъ бы серьезпо моментъ, и мы оказались бы не подготовлены?

— Должно быть такое установленное положеніе правъ, при которомъ былъ бы немыслимъ никакой «серьезный моментъ»; о томъ, каковъ будетъ этотъ серьезный моментъ, трудно сказать впередъ. При современной, ужасающей техникѣ оружія, при той массѣ силъ для веденія войны, слѣдующая война будетъ не «серьезнымъ моментомъ», а—нѣтъ даже подходящаго слова для нея.—Это будетъ гигантскій погромъ... Помощь и уходъ будутъ невозможны... Санитарныя мѣры, постановка провіанта, сравнительно съ требованіями, будутъ являться насмѣшкою, будущая война, о которой говорится такъ спокойно—явится не выигрышемъ однихъ и потерею другихъ, а *гибелью для всѣхъ*. Кто изъ присутствующихъ сочувствуетъ подобному «серьезному моменту»?

— Я, «во всякомъ случаѣ», нѣтъ, — сказалъ министръ; — вѣроятно, и вы, любезный докторъ, тоже нѣтъ,—но люди вообще... Могу поручиться и за наше правительство,—а о другихъ государствахъ почемъ знать?

— Позвольте спросить, по какому это праву вы считаете другихъ хуже и безразсуднѣе насъ съ вами? я долженъ разсказать вамъ одну сказку:

— Передъ закрытыми вратами одного прекраснаго сада стояла толпа изъ тысячи одного человѣка. Привратнику было

Digitized by Google

разрѣшено впустить ихъ, если большинство будетъ того желать. Онъ подозвалъ одного изъ нихъ и спросилъ: «Скажи, но только по совѣсти, хотѣлось ли бы тебѣ войдти сюда?»—О, да, я бы очень желалъ войдти, но вотъ они всѣ навѣрно нѣтъ.—Отвѣтъ этотъ умный привратникъ вписалъ въ свою памятную книжку. Затѣмъ подозвалъ другого. Этотъ говоритъ то же самое. Опять умный привратникъ вписалъ подъ рубрикою «да» единицу —подъ рубрикою «нѣтъ» цифру 1000. Такъ это продолжалось до послѣдняго человѣка. Затѣмъ онъ сложилъ цифры. Результатъ былъ такой: за «да» было 1001, за «нѣтъ» — болѣе милліона. Такъ ворота и остались закрытыми, за «нѣтъ» было подавляющее большинство. А произошло это отъ того, что каждый отвѣчалъ не только за себя, но и за другихъ.

— «Во всякомъ случаѣ», — началъ глубокомысленно министръ (Лори опять взвела на него свои очи),—было бы прекрасно, если бы всеобщее голосованіе высказалось за разоруженіе но «съ другой стороны», какое государство рѣшится первое предложить подобную вещь. «Во всякомъ случаѣ» подобное согласіе весьма желательно, но «съ другой стороны» можно ли разсчитать *на продолжительное* согласіе? Покуда существуютъ человѣческія страсти, личные интересы и т. п.

— Позвольте,—вмѣшался въ разговоръ мой сынъ,—теперь 40 милліоновъ подданныхъ государства образуютъ одно цѣлое. Отчего же не могутъ образовать это одно цѣлое нѣсколько сотень милліоновъ? Это можно разсмотрѣть и математически, и логически. Покуда существуютъ человѣческія страсти, личные интересы и т. д. 40 милліоновъ людей могутъ отказаться отъ войны, даже три государства могутъ соединиться и образовать «лигу мира». А пять государствъ этого сдѣлать не могутъ, не смѣютъ. Замѣчательно, право, въ нѣкоторыхъ вещахъ мы удивительно умны и смѣемся надъ дикарями, а есть всетаки вещи, въ которыхъ мы не умѣемъ сосчитать до пяти.

Раздалось нѣсколько голосовъ. «Какъ? дикіе?.. мы-то, съ нашей культурой? въ концѣ 19 столѣтія?»

Рудольфъ всталъ:

— Да, мы дикіе,—я не беру слова назадъ, — и покуда мы будемъ держаться прошлаго, мы будемъ дикарями. Но мы уже стоимъ у дверей новаго времени, всѣ взоры обращены впередъ, все стремится всѣми силами къ болѣе высокому идеалу. Варварство, съ его идолами и оружіемъ, уже многими отброшено. А если мы и ближе къ нему, чѣмъ многіе думаютъ, зато, быть

Digitized by Google

можетъ, мы ближе и къ лучшему времени, чѣмъ многіе разсчитываютъ. Быть можетъ уже народился тотъ правитель или тотъ государственный мужъ которому суждено сдѣлать самое достославное дѣяніе всей будущей исторіи міра, самое свѣтлое, великое—ввести всеобщее разоруженіе. Уже рухнуло то заблужденіе, въ силу котораго государственный эгоизмъ казался, такъ обманчиво, правомъ, заблужденіе въ силу кототораго то, что одному въ ущербъ, считалось выгодное для другого; уже поднимается заря сознанія, что справедливость есть основаніе всякой соціальной жизни... изъ этого сознанія воспрянетъ человѣчество благородное человѣчество—какъ говорилъ Фридрихъ Тиллингъ... Матушка, этотъ стаканъ пью въ помять твоего незабвеннаго и вѣчно оплакиваемаго возлюбленнаго, которому я обязанъ всѣмъ, всѣмъ что я думаю, и всѣмъ что изъ меня вышло. Изъ этого стакана, — онъ бросилъ ее объ стѣну и разбилъ въ мелкіе куски,—больше не будетъ выпито ни за что̀, и за нашего виновника сегодняшняго торжества никакого иного тоста не будетъ произнесено, кромѣ слѣдующаго: «Да здравствуетъ будущее! Будемъ закаливать себя для его задачъ—будемъ имѣть въ виду, будемъ стараться быть достойными не отцевъ нашихъ отцевъ—какъ гласитъ старинная фраза—а сыновъ нашихъ внуковъ!..» Матушка, что съ тобой? Ты плачешь... Ты что-то видишь?

Я смотрѣла въ открытую дверь. Лучи заходящаго солнца ласкали розовый кустъ, онъ весь былъ въ туманѣ дрожащихъ лучей, совершенно ясно, какъ на яву, я видѣла то, что мнѣ снилось не разъ. Я увидала на солнцѣ блестящія садовыя ножницы—его, сѣдиною покрытую, голову... «Не правда-ли, — говорилъ онъ мнѣ улыбаясь, — мы съ тобой счастливая пара старичковъ...»

О, Боже!..

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ продаются слѣдующія

художественно-иллюстрированныя изданія Ѳ. И. Булгакова

„НАШИ ХУДОЖНИКИ“

(ЖИВОПИСЦЫ, СКУЛЬПТОРЫ, МОЗАИЧИСТЫ, ГРАВЕРЫ И МЕДАЛЬЕРЫ)

на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-лѣтія

БІОГРАФІИ, ПОРТРЕТЫ ХУДОЖНИКОВЪ И СНИМКИ СЪ ИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

Въ алфавитномъ порядкѣ именъ художниковъ.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Болѣе **750** фототипическихъ и автотипическихъ снимковъ.

Въ изданіи „**НАШИ ХУДОЖНИКИ**“ помѣщены свѣдѣнія о дѣятельности 757 художниковъ.

Цѣна за оба тома 17 р., въ изящной папкѣ 18 р., съ перес. 19 р. Отдѣльно I-й томъ (А—К) 10 р., съ перес. 11 р.; II-й томъ (Л—Я) 12 р., съ перес. 13 р. за папку каждаго тома—50 к.

Учебныя заведенія и гг. художники, адресующіе свои требованія на изданіе „**НАШИ ХУДОЖНИКИ**“ **непосредственно** въ книжный магазинъ «Новаго Времени» (Спб., Невскій, 38) или къ автору изданія (Фонтанка, д. 129) платятъ **за оба тома въ папкѣ только 13 р.** (пересылка по разстоянію), а при покупкѣ отдѣльныхъ томовъ пользуются уступкою 20 процентовъ.

Одобрено ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

РОСКОШНЫЯ ФОТОТИПИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ:

АЛЬБОМЪ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ.

I. КАРТИНЫ ПРОФ. Г. И. СЕМИРАДСКАГО.

На слоновой бумагѣ. Цѣна 2 руб. 50 к., съ перес. 3 руб.

II. КАРТИНЫ ПРОФЕССОРА К. Е. МАКОВСКАГО.

На слоновой бумагѣ 2 руб. 50 коп., съ перес. 3 руб.

АЛЬБОМЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ 1890 ГОДА.

Роскошное фототипическое изданіе на слоновой бумагѣ. Ц. 1 р. 50 к., перес. 50 к.

Въ продажѣ имѣется незначительное количество экз. **только выпуска II-го** съ картинами: К. Е. Маковскаго «Подъ вѣнецъ», В. Д. Орловскаго «Затишье», П. А. Свѣдомскаго «Сцена изъ французской революціи 1789 г.». К. Я. Крыжицкаго «Окрестности Кіева», П. И. Творожникова «У церкви», И. И. Ендогурова «Горвикъ въ Норвегіи (сумерки)», К. П. Степанова «Съ мороза (сцена изъ жизни иностранцевъ на русской службѣ въ XVII вѣкѣ)», Л. Ф. Лагоріо «Близь Ай-Петри въ Крыму», П. О. Ковалевскаго «Спускъ къ перевозу на Волгѣ», И. А. Сергѣева «Въ степной балкѣ», А. Д. Кившенко «Кочевья езидовъ», С. И. Васильковскаго «У корчмы», Н. С. Самокиша «Портреты лошадей графа Воронцова-Дашкова», І. Е. Крачковскаго «Неаполь (со стороны Позилиппо)», Х. П. Платонова «На рѣчкѣ».

АЛЬБОМЪ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ.

КАРТИНЫ ПРОФ. В. Д. ОРЛОВСКАГО.

Съ очеркомъ 25-лѣтія его художественной дѣятельности. На лучшей веленевой бумагѣ. Ц. 2 р., перес. 50 к.

АЛЬБОМЪ ДЕКАБРЬСКОЙ ВЫСТАВКИ 1890 Г.

Роскошное фототипическое изданіе на слоновой бумагѣ

Картины: И. К. Айвазовскаго «Буря у крымскаго берега», И. И. Ендогурова «Закатъ солнца» (Волга у Ярославля), П. П. Загорскаго «За утреннимъ чаемъ» (изъ семейной прозы)», В. Г. Казанцева «Пихты» и «Тучка» (обѣ вмѣстѣ на одной страницѣ), А. Д. Кившенко «Тащатъ неводъ», П. О. Ковалевскаго «Тройка съ упавшей лошадью» и «Казаки на бивуакѣ», І. Е. Крачковскаго «Тишь (мотивъ въ Ярославской губ.—Романовъ-Борисоглѣбскъ)», «Вечеръ», «Сумерки» и «По рѣчкѣ» (три вмѣстѣ на одной страницѣ), К. Я. Крыжицкаго «Сѣрый день на Днѣпрѣ», «Полдень (мотивъ въ Калужской губ.)», «Въ Приоратѣ осенью (Гатчино)», «Перевозъ по Невѣ» (всѣ четыре на одной страницѣ), Л. Ф. Лагоріо «Равноденствіе въ Крыму», А. И. Мещерскаго «Нарвскій портъ (сумерки)», Н. К. Пимоненко «Сосѣди», А. А. Писемскаго «Сосновый лѣсъ», Х. И. Платонова «Шалунья (въ Троицынъ день)», Н. С. Самокиша «Охота на волка», Н. А. Сергѣева «На косогорѣ» и «Минорный мотивъ», К. П. Степанова «Игроки».

Цѣна 1 р. 50 к., перес. 50 к.

АЛЬБОМЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ 1889 ГОДА.

(91 ИЛЛЮСТРАЦІЯ)

Ц. 1 р. 25 к., на слоновой бумагѣ 2 р. 50 к., перес. 50 к.

РОСКОШНЫЯ ФОТОТИПИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ:

АЛЬБОМЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ 1891 г.

Въ трехъ выпускахъ.

Цѣна каждаго выпуска на слоновой бумагѣ 1 р. 50 к., перес. 50 к. Три выпуска вмѣстѣ въ папкѣ 5 р., перес. 75 к.

АЛЬБОМЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ 1892 г.

Цѣна 3 р., въ папкѣ 3 р. 50 к.; перес. 50 к.

Иногородные выписывающіе всѣ эти изданія непосредственно отъ автора (Спб., Фонтанка, д. 129), за пересылку не платятъ.

89006131031

Digitized by Google

Digitized by Google

89006131031

b89006131031a

Digitized by Google